309

Изданіе О. Н. ПОПОВОЙ.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

Проверена 1957
338 Б
Г 57
ПРОВЕРЕНО
25180
РЕДКІЙ ФОНД

ГОБСОНЪ.

ЭВОЛЮЦІЯ

СОВРЕМЕННАГО КАПИТАЛИЗМА.

Съ предисловіемъ автора, написаннымъ для этого изданія.

Переводъ съ англійскаго.

22989
Цѣна 1 р. 50 к.
БИБЛІОТЕКА-ЧИТАЛЬНЯ
Отдел
№ 12498
имени Я. М. СВЕРДЛОВА
при В. Ц. И. К.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1898.
Контора и складъ изданій О. Н. ПОПОВОЙ— Спб., Невскій, 54.

ПРОВЕРЕНО

АВГ 1984

БИБЛИОТЕКА
Москов. Областн. и Городск.
партийных [illegible] при МК и
ВКП(б)

381

Текстъ печатанъ въ типографіи И. Гольдберга, Екатерининскій кан., 94.

Обложка и титулъ въ типографіи А. Пороховщикова, Бассейная, 3—5.

Предисловіе Автора

къ русскому изданію.

Судить о томъ, насколько вѣроятно, что промышленное развитіе одной страны можетъ быть подобнымъ промышленному развитію другой — дѣло не легкое. Существуетъ, пожалуй, общее стремленіе преувеличивать неизмѣнность и общепримѣнимость законовъ, по которымъ промышленность развивается изъ небольшихъ простыхъ однородныхъ формъ въ широкія чрезвычайно-сложныя разнородныя формы. Все же можно предположить, что страна, которая, подобно Россіи, лишь недавно вступила въ форму развитія машинной промышленности, и обширныя области которой до сихъ поръ соединены лишь несовершенными и медленно дѣйствующими путями сообщенія, можетъ многому научиться, пользуясь, въ качествѣ примѣра, въ качествѣ предостереженія, опытомъ странъ въ родѣ Великобританіи и Соединенныхъ Штатовъ, въ которыхъ развитіе промышленности и зашло дальше, и шло быстрѣе. Это, я полагаю, и служитъ объясненіемъ, почему нашли нужнымъ дать русской читающей публикѣ переводъ моего сочиненія „The Evolution of Modern Capitalism“, предназначеннаго первоначально для націй, говорящихъ по-англійски, промышленность которыхъ служитъ главнымъ матеріаломъ для этого изслѣдованія.

По мѣрѣ того, какъ растетъ международное общеніе, промышленность въ различныхъ странахъ будетъ, вѣроятно, стремиться принять одинаковыя формы, и уже во всякомъ случаѣ этого можно ожидать въ широкой области машинной промышленности. Тѣ же сырые продукты, та же двигательная сила, тѣ же механическіе и торговые пріемы все болѣе и болѣе дѣлаются одинаково примѣнимыми въ разныхъ странахъ; а такъ какъ общность природы людей вызываетъ и общность потребностей, то эта общность стремится болѣе близко уподобить потребленіе различныхъ націй тамъ, гдѣ расовыя, климатическія и другія физическія и соціальныя условія болѣе схожи другъ съ другомъ, и менѣе близко тамъ, гдѣ они различны.

Указывая на это подобіе въ развитіи, слѣдуетъ однако рѣшительно высказаться противъ извѣстной фаталистической интерпретаціи, которую часто придаютъ эволюціи. Развитіе новыхъ промышленныхъ методовъ въ Россіи можетъ, пожалуй, и должно, слѣдовать въ главныхъ чертахъ тѣмъ же основнымъ путемъ, какъ и въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что каждый шагъ долженъ быть сдѣланъ въ томъ же направленіи, съ тою же скоростью и тѣмъ же способомъ. Уже одинъ тотъ фактъ, что такое движеніе въ другой странѣ уже относится къ области прошедшаго, исключаетъ необходимость точнаго слѣдованія... Уроки, преподанные развитіемъ капитализма въ Англіи и другихъ странахъ, бывшихъ піонерами въ развитіи „крупной промышленности“, могутъ помочь въ Россіи сократить много сту-

пеней этого развитія, или даже совершенно опустить ихъ, или пройти ихъ иначе. Такимъ образомъ, хотя общій путь и будетъ тотъ же самый, все же въ случаѣ обращенія къ капитализму можно будетъ замѣнить болѣе сознательнымъ, а слѣдовательно, и болѣе раціональнымъ направленіемъ экономическихъ силъ тѣ грубые безсознательные процессы, согласно которымъ эти силы дѣйствовали въ прошломъ. Въ частности ясное пониманіе опыта другихъ народовъ можетъ помочь Россіи избѣжать тѣхъ безполезныхъ затратъ энергіи и жизни, которыми сопровождался ростъ промышленности въ другихъ странахъ, или, въ крайнемъ случаѣ, ослабить ихъ. Я имѣю здѣсь главнымъ образомъ въ виду тѣ извѣстныя специфическія болѣзни, сопровождающія современное машинное производство, то тираническое господство, которое машина распространила на жизнь рабочей массы, заставивши рабочаго тратить свою энергію на узкіе рутинные процессы, заставивъ его разстаться съ болѣе устойчивыми и здоровыми условіями деревенской жизни и заставивъ населеніе скопляться въ большихъ городахъ, какъ мѣстахъ экономической дѣятельности, а не какъ мѣстахъ, наиболѣе пригодныхъ для постоянной жизни человѣка.

Другое заглавіе книги „A Study of Machine-Production“ вызвало со стороны нѣкоторыхъ критиковъ замѣчаніе, что въ книгѣ придано слишкомъ большое значеніе экономическому вліянію машины, а мѣста, посвященныя изученію нѣкоторыхъ экономическихъ злоупотребленій машинами, были объяснены, какъ признакъ несправедливой пристрастности въ науч-

номъ сочиненіи. Достаточно будетъ указать здѣсь лишь на то, что дѣло пишущаго книгу распредѣлить матерьялъ не столько сообразно съ абсолютнымъ размѣромъ или важностью различныхъ частей излагаемаго имъ предмета, сколько сообразно съ трудностями и неясностью, которыя съ ними связаны. Сообразно съ этимъ и въ данномъ сочиненіи послѣ короткой, но, на мой взглядъ, достаточной оцѣнки тѣхъ очевидныхъ матеріальныхъ выгодъ, которыя проистекаютъ отъ примѣненія современныхъ машинъ и двигателей, и отъ тѣхъ экономій, которыя вызваны крупнымъ производствомъ, остальная бо̀льшая часть, книги посвящена главнымъ образомъ недостаткамъ и неправильностямъ современной системы и вліянію ихъ на количество и природу занятія труда и нѣкоторымъ вытекающимъ отсюда важнымъ соціальнымъ задачамъ.

Я старался въ особенности избѣжать ошибки неправильнаго упрощенія дѣла; именно этимъ грѣшатъ лица, полагающія, что всѣ виды промышленности одинаково подчинены однимъ и тѣмъ же экономическимъ законамъ и одинаково подвержены однимъ и тѣмъ же опасностямъ и недостаткамъ. Я имѣлъ въ виду показать, что лишь изученіемъ природы каждаго изъ отдѣльныхъ видовъ промышленной дѣятельности мы можемъ прійти къ правильному опредѣленію роста промышленнаго и связаннаго съ нимъ торговаго дѣла, и что для этого мы должны изслѣдовать какъ природу обрабатываемаго матеріала, такъ и механическія и торговыя условія разсматриваемаго рода промышленности, характеръ спроса на различные продукты и, въ концѣ концовъ, взаимодѣйствіе этихъ различныхъ характеризующихъ факторовъ.

Только послѣ спеціальнаго изученія подобнаго рода мы получаемъ возможность узнать различные виды и формы, которые могутъ принимать различныя отрасли промышленности, и можемъ научиться (что представляется дѣломъ первостепенной соціальной важности) отличать тѣ отрасли промышленности, которыя, концентрируясь болѣе и болѣе, стремятся въ концѣ концовъ къ частной или общественной монополіи, отъ тѣхъ, которыя стремятся сохраниться въ большомъ количествѣ конкурирующихъ формъ, и наконецъ отличать между послѣдними тѣ, въ которыхъ конкуренція можетъ развиться въ форму оздоровляющаго соперничества — стимула къ совершенству въ производствѣ, отъ тѣхъ, въ которыхъ конкуренція вполнѣ и въ большой части приводитъ лишь къ соціальной растратѣ силы.

Нечего и говорить, что такое изученіе развѣтвляется въ безконечномъ числѣ направленій и что дѣло выбора между ними, необходимое въ виду ограниченнаго объема книги, не можетъ быть въ каждомъ случаѣ и во всѣхъ деталяхъ вполнѣ логически основано. Многія стороны капитализма, представляющія высокій интересъ и большую важность, были опущены изъ разсмотрѣнія или лишь вскользь затронуты. Такъ, напримѣръ, вопросъ о величинѣ единицы капитала въ промышленномъ дѣлѣ заслуживаетъ значительно болѣе подробнаго обсужденія, чѣмъ то, которое ему дано здѣсь. Устройства различныхъ формъ кооперативныхъ учрежденій и въ особенности положеніе предпринимателя, пользующагося для своихъ дѣлъ нанятымъ капиталомъ и нанятой двигательной силой—

вотъ темы, близко касающіяся предмета этого сочиненія, которыя требуютъ дальнѣйшихъ изслѣдованій.

Точно также и въ разсмотрѣніи болѣе конкретныхъ сторонъ соціальнаго вопроса пришлось прибѣгнуть къ тому же процессу внимательнаго выбора, и поэтому разсмотрѣніе ограничено лишь такими вопросами, какъ сокращеніе рабочаго дня, работа женщинъ и вліяніе машины на спросъ рабочей силы, которые непосредственно связаны съ основными измѣненіями во всемъ строѣ промышленности.

Финансовая сторона промышленнаго дѣла, развитіе банковаго дѣла и современной кредитной системы, а также вопросы денежнаго обращенія—все это вообще было опущено въ данной книгѣ, но не вслѣдствіе недостатка въ мѣстѣ, а потому, что эти вопросы въ сущности относятся къ бухгалтерской сторонѣ промышленности, которую для научныхъ цѣлей слѣдуетъ лучше отдѣлять отъ тѣхъ конкретныхъ промышленныхъ явленій, измѣненія въ которыхъ она зарегистровываетъ. Попытки объяснить измѣненія въ конкретныхъ явленіяхъ промышленности съ точки зрѣнія бухгалтеріи дѣла или съ точки зрѣнія вопросовъ денежнаго обращенія принадлежатъ, пожалуй, къ наиболѣе вреднымъ ошибкамъ въ современномъ направленіи экономической мысли.

Анализъ промышленныхъ кризисовъ, данный въ этой книгѣ, покажется тѣмъ, которые видятъ въ кризисѣ не что иное, какъ паденіе цѣнъ, лишь безполезнымъ увеличеніемъ объема книги. Мнѣ казалось однако важнымъ—представить истинную природу промышленныхъ кризисовъ, какъ слѣдствія обилія фак-

торовъ производства, вызваннаго, главнымъ образомъ, современными способами производства, производства значительно болѣе быстраго, чѣмъ ростъ потребленія во всемъ промышленномъ обществѣ. Такое изслѣдованіе этого вопроса, какія бы трудности оно ни представляло, все же необходимо для яснаго пониманія той гармоничной урегулированности производства и потребленія, въ которой и состоитъ промышленное здоровье и которая такъ часто и съ столь сильнымъ вредомъ нарушается недальновидными коммерческими операціями, веденными исключительно съ цѣлью личной наживы.

Примѣры, помѣщенные въ главахъ, посвященныхъ исторіи вопроса, и почерпнутые главнымъ образомъ изъ англійскихъ данныхъ, могутъ быть либо поставлены въ параллель съ аналогичными фактами изъ русской промышленной жизни, либо совершенно замѣнены ими; дѣйствительно, болѣе широкія тенденціи въ промышленной жизни могутъ имѣть всеобщее значеніе въ ея эволюціи, между тѣмъ какъ мѣстное примѣненіе общихъ законовъ легко обнаружится всякому, не боящемуся труда внимательнаго изученія вопроса.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе автора къ русскому изданію I

ГЛАВА I.

Введеніе 1

Промышленная наука, ея точка зрѣнія и методы.—Капиталъ, какъ факторъ современныхъ промышленныхъ измѣненій.—Значеніе машинъ въ эволюціи современнаго капитализма.—Денежная сторона промышленности. — Литературное изображеніе органическаго движенія.

ГЛАВА II.

Строй промышленности до введенія машинъ. 10

Международная торговля въ началѣ XVIII в.—Естественныя преграды международной торговлѣ.—Политическія, псевдо-экономическія и экономическія преграды.—Теорія и практика протекціонизма.—Природа международной торговли.—Размѣры, строй и соотношенія различныхъ отраслей промышленности.—Незначительные размѣры мѣстной спеціализаціи.—Природа и условія спеціализированной промышленности.—Строеніе рынка.—Соединеніе земледѣлія и промышленности. — Отношеніе между процессами въ мануфактурѣ.—Строеніе домашней промышленности; раннія переходныя стадіи.—Начало концентраціи промышленности и фабрика.—Ограниченія въ размѣрахъ и приложеніи капитала.—Торговый капитализмъ.

ГЛАВА III.

Порядокъ развитія машиннаго производства. 44

Дифференціація машины отъ орудія.—Вліяніе машинной промышленности на характеръ человѣческаго труда.—Вліяніе машинъ на производительность.—Главные факторы въ развитіи машиннаго производства.—Историческое опровер-

стр.

женіе героической теоріи изобрѣтенія.—Примѣненіе машинъ къ текстильной промышленности.—Противоположный ходъ развитія желѣзной промышленности.—Главные факторы, опредѣляющіе приложеніе машинъ и парового двигателя.—Ходъ развитія современныхъ промышленныхъ методовъ въ различныхъ странахъ—естественныя, расовыя, политическія и экономическія условія.

ГЛАВА IV.

Структура современной индустріи. 92
Увеличеніе размѣровъ хозяйственной единицы.—Относительное возрастаніе капитала и труда въ промышленномъ дѣлѣ.—Возрастаніе сложности и интеграціи въ промышленномъ строѣ.—Строй и размѣры рынка для различныхъ товаровъ.—Машины какъ факторъ распространенія области рынка.—Расширеніе рынка въ области времени.—Взаимная зависимость рынковъ.—Сочувственное и антагонистическое отношеніе между различными отраслями промышленности.—Національная и мѣстная спеціализація въ промышленности.—Факторы, опредѣляющіе локализацію промышленности, подъ вліяніемъ міровой конкуренціи.—Невозможность окончательнаго закрѣпленія промышленности.—Спеціализація въ округахъ и городахъ.—Спеціализація въ предѣлахъ самихъ городовъ.

ГЛАВА V.

Образованіе монополій капитала 125
Производственныя выгоды крупнаго хозяйства.—Выгоды крупнаго хозяйства по отношенію къ конкуренціи.—Усиленная конкуренція въ немногихъ крупныхъ производствахъ.—Границы конкуренціи и монополіи.—Условія, облегчающія поддержаніе устойчивыхъ цѣнъ въ различныхъ отрасляхъ промышленности.—Логическіе выводы конкуренціи въ крупныхъ размѣрахъ.—Различные роды союзовъ.—Юридическая и экономическая природа „трэстовъ".—Происхожденіе и дѣятельность „Standart Oil Trust".—Экономическая сила другихъ трэстовъ.—Промышленныя условія, благопріятствующія монополіи.

ГЛАВА VI.

Экономическая сила трэста 153
Сила монополіи на первыхъ и послѣднихъ стадіяхъ производства товаровъ.—Власть надъ дѣйствительными или возможными конкурентами.—Власть надъ рабочими трэста.—Власть надъ потребителями.—Условія, опре-

стр.

дѣляющія монопольную цѣну.—Возможность низкихъ монопольныхъ цѣнъ.—Значеніе растижимости спроса въ ограниченіи цѣнъ.—Окончательные итоги монопольныхъ цѣнъ.

ГЛАВА VII.

Машины и промышленный застой 180

Внѣшнія явленія промышленнаго застоя.—Недопроизводство и перепроизводство. — Общій избытокъ производительной силы надъ потребностью въ потребленіи.—Связь современнаго машиннаго производства съ угнетеніемъ промышленности, доказываемая статистикой цѣнъ.—Измѣняющіяся формы, въ которыхъ воплощается избытокъ предложенія капитала.—Итоги экономическихъ отношеній машиннаго производства къ угнетенію промышленности.—Недостаточное потребленіе, какъ корень зла.—Экономическій анализъ „сбереженія". — Сбереженіе требуетъ увеличенія потребленія въ будущемъ.—Качественное соотношеніе различныхъ частей въ промышленномъ организмѣ.—Количественное отношеніе капитала и потребленія.—Экономическія границы сбереженія для каждаго даннаго общества.—Для индивидуальнаго сбереженія не существуетъ границъ. — Столкновеніе между индивидуальными и соціальными интересами по отношенію къ сбереженію. — Опроверженіе того взгляда, что избытки различныхъ формъ капитала сведутъ прибыль къ нулю. — Избытокъ можетъ быть въ помѣщеніи капитала, а не въ дѣйствительномъ капиталѣ.—Неконтролируемое машинное производство, являющееся источникомъ колебаній.

ГЛАВА VIII.

Машины и спросъ на трудъ 239

Вліяніе машинъ на количество рабочихъ, зависящее отъ „растяжимости спроса".—Непосредственное вліяніе машинъ въ важнѣйшихъ производствахъ. — Вліяніе машинъ въ другихъ отрасляхъ производства.—Свидѣтельство французской статистики.—Вліяніе введенія машинъ на регулярность занятія.—Вліяніе неорганизованной машинной промышленности на регулярность занятія.—Различные способы, которыми современная промышленность вызываетъ безработицу.—Общіе итоги.

ГЛАВА IX.

Машины и качество труда. 266

Роды труда, замѣщаемые машиной.—Вліяніе эволюціи машинъ на интенсивность физической работы. — Машины и продолжительность рабочаго дня.—Воспитательное значеніе машинной работы.—Нивелирующая тенденція машинъ.—Подчиненіе индивидуальной способности къ работѣ.

ГЛАВА X.

СТР.

Экономія высокой заработной платы 285
Экономія низкой заработной платы.—Измѣненія въ первоначальной доктринѣ.—Свидѣтельство сэра Т. Брассея о тяжелой ручной работѣ.—Заработная плата, рабочее время и продукты машинной промышленности.—Общаго примѣненія экономіи высокой заработной платы и короткаго рабочаго дня допустить нельзя. — Взаимныя отношенія условій труда и производительности.—Сокращеніе труда и усиленіе его интенсивности.—Дѣйствительное потребленіе, зависящее отъ сбереженія энергіи рабочаго.—Ростъ машинъ въ связи съ повышеніемъ уровня существованія.—Экономія высокой заработной платы, зависящая отъ потребленія.

ГЛАВА XI.

Нѣкоторыя дѣйствія современной индустріи на рабочихъ, какъ потребителей 313
Въ какой мѣрѣ различные классы рабочихъ выигрываютъ отъ паденія цѣнъ.—Часть экономіи машиннаго производства возмѣщается возрастаніемъ труда распредѣленія.—Низшіе классы рабочихъ менѣе всего выигрываютъ отъ машиннаго производства.

ГЛАВА XII.

Женщины въ современной индустріи. 319
Возрастаніе женской работы въ мануфактурахъ.—Машины благопріятствуютъ женскому труду.—Заработная плата женщинъ ниже мужской.—Причины болѣе низкой заработной платы женщинъ.—Меньшая производительность женскаго труда.—Факторы, содѣйствующіе увеличенію заработной платы женщинъ.—Болѣе низкій „минимумъ“ заработной платы для женщинъ.—Вліяніе женскаго труда на заработную плату мужчинъ.—Тенденція женской заработной платы къ пониженію общаго уровня заработной платы.—Обычай и конкуренція, какъ факторы, опредѣляющіе низкую заработную плату.—Отсутствіе организаціи среди женщинъ и вліяніе этого на заработную плату.—Избытокъ предложенія женскаго труда, какъ источникъ зла.—Низкая заработная плата, какъ главная причина низкой „цѣнности“ женскаго труда.—Промышленное положеніе женщинъ аналогично положенію плохо-обученныхъ мужчинъ. — Убыточность промышленной работы женщинъ для домашней работы.

ГЛАВА XIII.

СТР.

Машины и современный городъ 358

Современный промышленный городъ, какъ продуктъ машины.—Ростъ городовъ по сравненію съ сельскимъ населеніемъ въ старыхъ и новыхъ странахъ.—Границы роста городовъ, налагаемыя экономическими условіями міровой промышленности.—Вліяніе возрастанія городской жизни на смертность.—Ухудшеніе условій физической жизни въ городахъ.—Значеніе городской жизни въ смыслѣ умственнаго воспитанія. — Нравственно-воспитательное значеніе городовъ.—Экономическія силы, содѣйствующія децентрализаціи. — Желательность общественнаго контроля надъ транспортомъ въ цѣляхъ децентрализаціи.—Длинный рабочій день и необезпеченность труда, какъ препятствія для реформы.—Принципы внутренней реформы городской жизни.

ГЛАВА XIV.

Цивилизація и промышленное развитіе 387

Несовершенное приспособленіе промышленнаго строя къ окружающей средѣ.—Реформы, основанныя на частныхъ предпріятіяхъ и свободѣ торговли.—Свобода и гласность въ промышленности оказываются безсильными излѣчить болѣе глубокія промышленныя болѣзни.—Начало общественнаго контроля надъ машиннымъ производствомъ. — Переходъ промышленности въ общественную, неконкурирующую форму.— Raison d'être прогрессивнаго коллективизма.— Коллективизмъ слѣдуетъ по пути монополіи.—Случаи пріостановки развитія.—Система „свитерства". — Задержки прогресса въ коллективныхъ производствахъ.—Будетъ ли офиціальное машинное производство поглощать увеличивающуюся долю энергіи?—Улучшеніе качества потребленія, какъ условіе соціальнаго прогресса. — Высшее раздѣленіе труда между машиннымъ производствомъ и искусствомъ.—Качественное потребленіе разбиваетъ законъ паденія прибыли.—Свобода искусства отъ матеріальныхъ ограниченій.—Машины и искусство въ производствѣ интеллектуальнаго богатства. — Реформированное потребленіе уничтожаетъ анти-соціальную конкуренцію.— Жизнь должна сдѣлаться качественной. — Органическія отношенія между производствомъ и потребленіемъ.—Движеніе прогресса къ связной соціальной организаціи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Введеніе.

Наука становится все болѣе и болѣе исторической въ слѣдующемъ смыслѣ: она все болѣе стремится показать, что законы и принципы, устанавливаемые ею, не только вытекаютъ изъ наблюденія явленій, но и объясняютъ всю совокупность явленій, входящихъ въ данную научную область. Точно также и исторія становится все болѣе научной: событія передаются въ такомъ порядкѣ, чтобы ясно выступали наружу законы и идеи, руководящіе этими событіями, составляющими одно только внѣшнее проявленіе этихъ законовъ. Такимъ образомъ постепенно стушевывается граница между нѣкогда совершенно отдѣльными областями науки, между изученіемъ событій и изученіемъ законовъ, регулирующихъ эти явленія. Въ этомъ смыслѣ исторія и наука все болѣе сближаются. Тѣмъ не менѣе все-таки удобно называть ту область знанія исторической, которая непосредственно и сознательно стремится къ собиранію и ясному изложенію событій или явленій въ томъ порядкѣ, въ какомъ они совершаются по мѣсту и времени, не входя въ разборъ законовъ, руководящихъ этими явленіями; научнымъ мы назовемъ знаніе, занимающееся открытіемъ, формулировкой и яснымъ выраженіемъ законовъ, сообразно которымъ явленія совершаются, не стараясь при этомъ изобразить самыя эти явленія. Съ этой точки зрѣнія нашъ трудъ скорѣе относится къ области экономической науки, чѣмъ къ промышленной исторіи, такъ какъ мы въ немъ сдѣлаемъ попытку открыть и истолковать законы движенія хозяйственныхъ силъ, дѣйствовавшихъ въ теченіе XVIII и XIX столѣтій.

Нельзя однако надѣяться на достиженіе особенно точныхъ результатовъ въ этомъ научномъ изслѣдованіи.

При изслѣдованіи законовъ, господствующихъ надъ хозяйственными явленіями мы встрѣчаемся съ двумя препятствіями. Во-первыхъ, намъ хорошо и точно извѣстна только ограниченная часть явленій, составляющихъ хозяйственную жизнь даннаго времени, и весьма вѣроятно, что законы, которые весьма удовлетворительно объясняютъ статическія и динамическія отношенія этихъ извѣстныхъ намъ явленій, сами зависятъ, а можетъ быть, и противодѣйствуютъ законамъ, управляющимъ еще бо̀льшимъ рядомъ хозяйственныхъ явленій, которыя остались намъ неизвѣстными.

Второе затрудненіе—это сложность и запутанность, присущая экономическимъ явленіямъ. Точные размѣры и сравнительное значеніе отдѣльныхъ явленій постоянно колеблются и этимъ сбиваютъ даже самаго проницательнаго наблюдателя.

Эти затрудненія, встрѣчающіяся во всѣхъ наукахъ, достигаютъ еще большихъ размѣровъ въ соціологіи, которая не можетъ пользоваться опытами. Точность, достигаемая въ экономическихъ изслѣдованіяхъ, опредѣляется такимъ образомъ степенью развитія статистики. Такъ какъ собираніе статистическихъ данныхъ, даже по самымъ важнымъ вопросамъ, и тамъ, гдѣ это собираніе всего легче, есть дѣло еще весьма новое и далеко не распространено во всемъ мірѣ; и такъ какъ умѣніе классифицировать и пользоваться статистическими данными находится еще на болѣе ранней ступени развитія,—то неудивительно, что многіе считаютъ успѣхъ въ экономической наукѣ, столь много зависящій отъ точности данныхъ, почти совершенно невозможнымъ.

И несомнѣнно вѣрно, что до тѣхъ поръ, пока развитіе научной любознательности не снабдитъ насъ полнымъ измѣреніемъ хозяйственныхъ явленій, обнимающимъ обширную область торговли за длинный періодъ времени, нечего надѣяться, что индуктивная экономическая наука достигнетъ точности въ своихъ выводахъ.

Но и не вполнѣ точное изслѣдованіе можетъ называться наукой и можетъ имѣть большое значеніе. Гипотеза, наилучшимъ образомъ объясняющая видимую связь извѣстныхъ явленій, достойна имени науки, не смотря на то, что за ней можетъ послѣдовать другая гипотеза, которая съ

такой же приблизительно точностью объяснитъ еще большій кругъ подобныхъ явленій.

Нельзя отрицать, что въ наукахъ, относительно которыхъ мы знаемъ, что цѣлый рядъ факторовъ намъ неизвѣстенъ, мы можемъ скорѣе ожидать болѣе основательнаго замѣщенія старыхъ спекулятивныхъ гипотезъ новыми, чѣмъ въ тѣхъ наукахъ, относительно которыхъ мы знаемъ, или полагаемъ, что большая часть явленій, касающихся данной области, намъ извѣстна; но тѣмъ не менѣе и первоначальное изслѣдованіе одинаково необходимо и научно.

Въ современныхъ хозяйственныхъ явленіяхъ различные факторы, матеріальные, какъ и моральные, сплетаются самымъ различнымъ образомъ. Характеръ изслѣдованія поэтому мѣняется сообразно съ тѣмъ, какой факторъ мы будемъ считать объективно господствующимъ.

Такъ какъ, напримѣръ, конечная цѣль хозяйственной дѣятельности—потребленіе, то мы могли бы разгруппировать хозяйственныя явленія сообразно съ тѣмъ, насколько они удовлетворяютъ человѣческимъ потребностямъ, или насколько они опредѣляютъ собой количественно и качественно извѣстную мѣру потребленія, а затѣмъ разсмотрѣть вліяніе измѣненія потребленія на способы хозяйственной дѣятельности. Или же, разсматривая промышленность, какъ организованное производительное усиліе человѣка, мы прежде всего должны будемъ обратить свое вниманіе на факторы, связанные съ измѣненіями въ характерѣ, условіяхъ и интенсивности труда; эти факторы явятся центромъ нашего научнаго интереса, и мы разгруппируемъ наши факты и силы сообразно съ ихъ отношеніемъ къ этимъ факторамъ. Различіе точки зрѣнія придастъ поэтому различный характеръ нашему изслѣдованію.

Или же, становясь на субъективную точку зрѣнія, мы можемъ прослѣдить умственное выраженіе хозяйственныхъ перемѣнъ въ измѣнившихся мысляхъ и чувствахъ вѣка, обращая вниманіе на воспитательное вліяніе промышленнаго развитія: 1) на сужденія торгово-промышленнаго міра и мыслителей-экономистовъ, какъ это выражается въ ихъ экономическихъ ученіяхъ, 2) на политику, литературу и искусство и на новыя мысли и чувства, пробуждавшіяся благодаря перемѣнамъ въ окружающихъ соціальныхъ условіяхъ. Мы такимъ образомъ рельефнѣе

представимъ болѣе глубокое вліяніе хозяйственныхъ условій на человѣка, и также обратную сторону, т. е. вліяніе, которое эти интеллектуальныя силы имѣютъ на хозяйственную структуру посредствомъ законодательства, общественнаго мнѣнія и частной организованной дѣятельности.

Послѣднее затрудненіе состоитъ наконецъ въ томъ, что всѣ эти научные факторы должны быть разсмотрѣны въ одно и то же время, т. е. всѣ эти явленія, взятыя въ цѣломъ, — экономическія, интеллектуальныя, политическія, моральныя и эстетическія,—должны быть представлены въ ихъ точныхъ, но постоянно измѣняющихся пропорціяхъ.

Мы привели все это для того, чтобы показать, что даже при самомъ лучшемъ исполненіи нашъ трудъ не въ состояніи будетъ дать всего того, чего можно требовать отъ его заглавія.

Экономическая наука далеко еще не такъ развита, чтобы сдѣлать возможнымъ полное, объективное и всестороннее изслѣдованіе всѣхъ хозяйственныхъ явленій. Методъ нашего изслѣдованія будетъ таковъ: избравъ одинъ какой-нибудь факторъ, важный въ современной хозяйственной исторіи, мы изучимъ законы его развитія и дѣятельности, и отношенія, существующія между этимъ факторомъ и другими важными факторами и силами нашей индустріальной системы; намъ станетъ такимъ образомъ болѣе или менѣе ясной сама структура нашего хозяйственнаго организма, равно, какъ и его отношенія къ развитію самого общества. Этотъ центральный факторъ указывается терминомъ, которымъ обыкновенно обозначается современный промышленный строй,—капитализмъ. Если мы присмотримся ко всѣмъ тѣмъ явленіямъ, которыя характеризуютъ собой совершившуюся промышленную революцію, то мы увидимъ, что главную роль въ этихъ измѣненіяхъ составляютъ перемѣны въ структурѣ и функціяхъ капитала. Почти всѣ измѣненія въ качествахъ почвы, въ сырыхъ матеріалахъ, въ трудѣ, или даже въ самыхъ способностяхъ человѣка, воздѣйствующихъ на сырой матеріалъ, произошли главнымъ образомъ, благодаря развитію и осложненію тѣхъ формъ матеріальнаго богатства, которыя, будучи сами продуктами человѣческаго труда, не идутъ на непосредственное удовлетвореніе человѣческихъ потребностей.

Наши экономисты проявили много метафизической со-

образительности въ своихъ опредѣленіяхъ „капитала", и приходили къ различнымъ заключеніямъ относительно значенія этого термина, но при этомъ они совершенно игнорировали то значеніе, которое слово капиталъ имѣетъ въ обыденной торгово-промышленной жизни. Торговый міръ имѣетъ въ дѣйствительности два взгляда на капиталъ, но оба эти взгляда вполнѣ согласны другъ съ другомъ. Въ абстрактномъ смыслѣ деньги, или право распоряжаться деньгами, что́ часто называютъ кредитомъ, составляютъ капиталъ. Въ конкретномъ смыслѣ капиталъ состоитъ изъ различныхъ продуктовъ, назначенныхъ для сбыта и овеществляющихъ человѣческій трудъ. Земля и природа исключены изъ этого опредѣленія, развѣ только, какъ предметы усовершенствованія; силы человѣка не входятъ въ это опредѣленіе, такъ какъ это не́ матерія; продукты въ рукахъ потребителей не составляютъ капитала, потому что они больше не назначены для сбыта. Такимъ образомъ подъ капиталомъ подразумѣваютъ сырые продукты, идущіе на дальнѣйшее производство, обработанные, или оконченные товары, машины и орудія производства, включая также монету. Конкретный промышленный капиталъ состоитъ изъ этого и изъ ничего бо́льшаго. Принимая современныя хозяйственныя явленія, какъ предметъ научнаго изслѣдованія, гораздо лучше принять терминологію, которая постоянно и довольно послѣдовательно употребляется торгово-промышленнымъ міромъ, чѣмъ изобрѣтать новые термины или, чѣмъ придавать спеціальное значеніе общепринятымъ терминамъ, такъ что, въ концѣ концовъ, различные изслѣдователи дадутъ однимъ и тѣмъ же терминамъ различныя опредѣленія; при чемъ опытъ прошлаго показываетъ, что эти опредѣленія всегда менѣе логичны и менѣе точны, чѣмъ ходячія опредѣленія въ коммерческомъ мірѣ.

Главнымъ матеріальнымъ факторомъ въ развитіи капитализма является машина. Примѣненіе все въ большемъ количествѣ все болѣе сложныхъ машинъ въ производствѣ, перевозкѣ и добывающей промышленности составляетъ самый выдающійся фактъ въ исторіи роста современной промышленности.

Мы поэтому обратимся теперь къ изученію развитія машинъ и ихъ вліянія на промышленность; при этомъ мы поведемъ наше изслѣдованіе по слѣдующему методу. Прежде всего намъ нужно будетъ получить ясное понятіе

о структурѣ промышленности или промышленнаго организма въ томъ періодѣ, когда новыя промышленныя силы еще не начинали дѣйствовать. Затѣмъ мы постараемся открыть законы развитія и приложенія новыхъ силъ къ различнымъ областямъ промышленности и къ различнымъ частямъ промышленнаго міра, изслѣдуя на нѣкоторыхъ типичныхъ образцахъ машиннаго производства порядокъ и скорость приложенія новыхъ машинъ и двигателей къ различнымъ процессамъ. Обращая затѣмъ наше вниманіе на хозяйственный организмъ, мы постараемся прослѣдить главныя перемѣны, происшедшія въ размѣрѣ и структурѣ промышленности, въ отношеніяхъ между различными частями промышленнаго міра и между различными отраслями промышленности, между процессами внутри данныхъ отраслей, между различными предпріятіями или единицами, составляющими данную отрасль промышленности или рынокъ, и въ отношеніяхъ между капиталомъ и трудомъ образующихъ собой предпріятіе. Затѣмъ намъ останется глубже изслѣдовать нѣкоторые наиболѣе важные результаты машиннаго и фабричнаго производства. Его вліяніе во 1) на размѣры отдѣльнаго капитала, на увеличеніе напряженности и ограниченіе конкуренціи, на естественное образованіе синдикатовъ и другихъ формъ монополіи, на застои въ промышленности и крупныя промышленныя неурядицы, вызываемыя несоотвѣтствіемъ между индивидуальными и общественными интересами, которое проявляется въ современныхъ способахъ производства. 2) Вліяніе машинъ на трудъ, на постоянство и регулярность занятій рабочаго, на характеръ и вознагражденіе за трудъ, на положеніе женщины въ современной индустріи. 3) Вліяніе машиннаго производства на потребителей, на ростъ и величину города и его вліяніе на физическую, умственную и моральную жизнь горожанъ.

Наконецъ мы сдѣлаемъ попытку резюмировать, въ какомъ отношеніи современное капиталистическое производство находится къ другимъ соціальнымъ прогрессивнымъ силамъ, и покажемъ, какая комбинація между ними повлечетъ за собой наибольшее благосостояніе общества, сообразно общепринятымъ понятіямъ о счастіи и современному характеру человѣчества.

Такъ какъ каждый промышленный актъ въ современномъ обществѣ имѣетъ свое денежное выраженіе, и важность его также оцѣнивается деньгами, то ясно, что ростъ

капитализма можно легче изучить въ его денежной формѣ. Въ полномъ соотвѣтствіи съ перемѣнами въ способахъ производства при введеніи машины, растетъ и осложняется денежная система, и этотъ ростъ отражается въ національномъ и интернаціональномъ характерѣ денегъ. Все промышленное движеніе можетъ быть разсмотрѣно съ финансовой или денежной точки зрѣнія. Но хотя подобный способъ изслѣдованія могъ бы бросить много свѣта на движеніе конкретныхъ факторовъ промышленности, но одновременное двойное изученіе, постоянный переходъ отъ болѣе конкретныхъ къ болѣе абстрактнымъ экономическимъ явленіямъ, связанный съ подобнаго рода изученіемъ предмета, сильно сбивалъ бы изучающаго и сильно мѣшалъ бы точному пониманію какъ той, такъ и другой формы современной индустріи. Мы поэтому ограничимся только конкретной стороной капитализма, указывая только по временамъ на его вліяніе на хозяйственные методы, и въ особенности на расширеніе и осложненіе рынковъ, на болѣе совершенную денежную систему современнаго обмѣна.

Естественное затрудненіе, сопровождающее изученіе какого-либо живого и измѣняющагося организма въ данномъ случаѣ еще болѣе усиливается. Сочиненіе по физіологіи необходимо страдаетъ тѣмъ, что оно не въ состояніи изобразить ни всей полноты одновременности явленій, совершающихся въ одно и то же время, ни полной послѣдовательности явленій, слѣдующихъ другъ за другомъ. Діаграммы могутъ еще иногда служить для неполнаго изображенія простой одновременности, но сложная діаграмма не можетъ достигнуть своей цѣли, такъ какъ она отуманиваетъ взоръ того, кто хочетъ въ одно и то же время охватить все, и заставляетъ послѣдовательно разсматривать отдѣльныя части, что́ большей частью стоитъ ниже искуснаго разсказа, такъ какъ въ томъ случаѣ не существуетъ гарантіи, что отдѣльныя части будутъ разсмотрѣны въ самомъ удобномъ порядкѣ. Для изображенія простыхъ движеній нѣкоторыхъ опредѣленныхъ предметовъ можно воспользоваться подвижными моделями, но когда существуютъ сложныя перемѣны въ формѣ, скорости и отношеніяхъ пространства, когда встрѣчаются сложныя воздѣйствія другъ на друга и когда то и дѣло возникаютъ новыя явленія, вліяющія своимъ присутствіемъ на всѣ прежнія,—тогда можно очень мало успѣть при помощи нагляд-

ныхъ изображеній. Еще меньше могутъ намъ помочь ряды діаграммъ въ пониманіи дѣйствія такихъ колеблющихся силъ, которыя проявляются въ промышленномъ развитіи.

Такимъ образомъ, въ то время, какъ невозможность экспериментировать и затруднительность въ наблюденіи такихъ общирныхъ и сложныхъ явленій заставляютъ изслѣдователя соціологіи черпать почти всѣ знанія изъ печатныхъ источниковъ, эти самые источники носятъ обрывистый характеръ и не даютъ читателю возможности охватить все промышленное движеніе, какъ одно цѣлое. Это обстоятельство и есть одна изъ главныхъ причинъ, почему даже самые талантливые труды по экономіи не въ состояніи представить намъ весь ходъ экономическаго развитія, какъ одно цѣлое. Каждая часть механизма ясно описана, и читатель узнаетъ, какъ она совпадаетъ съ другими частями и соотвѣтствуетъ имъ, но онъ не получаетъ понятія о механизмѣ, какъ цѣломъ. Если мы къ идеѣ о механизмѣ нашей хозяйственной системы еще прибавимъ понятіе о непрерывно саморазвивающемся организмѣ, то синтезъ отдѣльныхъ частей будетъ еще болѣе затруднителенъ. Всѣ эти затрудненія можно устранить только признавши, что научное воображеніе должно играть большую роль въ этой научной области, чѣмъ въ тѣхъ наукахъ, гдѣ предметъ изслѣдованія болѣе доступенъ прямому наблюденію. Въ послѣднихъ главнымъ дѣломъ воображенія будетъ увеличеніе знанія посредствомъ гипотезъ, подымающихся выше области извѣстныхъ фактовъ.

Въ экономической наукѣ, какъ Кэрнсъ довольно мѣтко замѣтилъ, польза гипотезъ гораздо болѣе широкая, такъ какъ онѣ во многомъ замѣняютъ собой опыты [1]). Но научное воображеніе имѣетъ еще вторую функцію. Экономистъ, или вообще соціологъ, постоянно упражняетъ свое воображеніе, чтобы сгруппировать въ вѣрныя отношенія времени, пространства и причинности тѣ связанныя другъ съ другомъ явленія, которыя хотя воспринимаются каждое въ отдѣльности нашими чувствами, но не могутъ быть охвачены въ ихъ взаимной органической связи.

Попытки построить дедуктивную экономическую науку изъ различныхъ обломковъ знанія, создавая спеціальныя

---

[1]) Logical Method of Political Economy, p. 81 etc.

теоріи заработной платы, ренты, цѣнности, денегъ и т. п.— всѣ эти попытки теперь уже всѣми признаны неудачными, потому что онѣ основаны на фундаментальной ошибкѣ,—предположеніи, что различныя части органическаго цѣлаго можно изучить отдѣльно, и что изъ изученія частей можно затѣмъ построить понятіе о цѣломъ. Какъ въ экономической теоріи, такъ и въ пониманіи промышленной исторіи нельзя довольствоваться детальнымъ изслѣдованіемъ извѣстнаго числа отдѣльныхъ кучъ фактовъ, тщательно собранныхъ усердными учеными кротами. Чтобы понять развитіе системы современной промышленности, мы должны приложить къ кучамъ голыхъ безпорядочныхъ фактовъ тѣ принципы порядка, которые теперь признаются самыми широкими обобщеніями и самыми важными утвержденіями, взятыми изъ другихъ наукъ, и постараться, безъ рабскаго покорства къ формуламъ тѣхъ наукъ, открыть и прослѣдить въ ростѣ промышленныхъ организмовъ тѣ общіе законы развитія, которые кажутся общими всѣмъ родамъ связанныхъ другъ съ другомъ явленій.

ГЛАВА II.

Строй промышленности до введенія машинъ.

Чтобы составить себѣ ясное понятіе о законахъ дѣйствія новыхъ промышленныхъ силъ, господствующихъ при машинномъ производствѣ, прежде всего небоходимо познать строеніе и характеръ функцій „промышленнаго организма“, на который они должны вліять.

Тутъ можно держаться одного изъ двухъ методовъ изслѣдованія. Принимая за первообразную клѣточку или единицу ту комбинацію труда и капитала подъ непосредственнымъ контролемъ одного лица, съ одной хозяйственной цѣлью, которая называется единичнымъ хозяйствомъ, мы можемъ изслѣдовать строеніе и жизнь отдѣльнаго хозяйства, затѣмъ далѣе разсмотрѣть его отношеніе къ другимъ хозяйствамъ, образующимъ своею совокупностью рынокъ и наконецъ связь между собою рынковъ мѣстныхъ, народныхъ и международныхъ, при чемъ въ концѣ концовъ мы будемъ имѣть передъ собой общій строй промышленности какъ одного цѣлаго. Или же, наоборотъ, мы можемъ взять промышленность какъ одно цѣлое, промышленный организмъ, такъ, какъ онъ существуетъ въ какое-нибудь данное время, разсмотрѣть природу и размѣры связи между его отдѣльными частями, и затѣмъ, разлагая эти его части на составляющіе ихъ элементы, получить ясное представленіе о дифференціаціи индустріальныхъ функцій въ отдѣльныхъ частяхъ.

Хотя въ соціологическомъ изслѣдованіи оба эти метода одинаково дѣйствительны, или, вѣрнѣе, уравновѣшиваются преимуществами и недостатками другъ друга, все-таки послѣднему слѣдуетъ отдать предпочтеніе въ данномъ случаѣ, такъ какъ, при переходѣ отъ цѣлаго къ составляющимъ его частямъ, онъ яснѣе выставляетъ слабую связь и раздѣленіе промышленности за предѣлами національныхъ границъ и рѣзче выясняетъ тѣ національныя и узко-мѣстныя свойства, которыя отличаютъ характеръ промышленности начала XVIII столѣтія. Такимъ образомъ мы лучше можемъ распознать природу и объемъ работы, совершенной современными силами промышленности, которая и составляетъ главный предметъ нашего изученія.

Въ настоящее время рынокъ, или торговля, все менѣе и менѣе опредѣляется или удерживается національными или другими политическими границами, и въ силу этого національнизмъ дѣлается факторомъ уменьшающейся важности въ современной экономической наукѣ; наоборотъ, громадное вліяніе политики на торговлю, въ обширномъ смыслѣ слова, въ прошломъ столѣтіи, въ связи съ другими племенными и національными силами, побуждаетъ насъ прежде всего, при точномъ анализѣ промышленности XVIII столѣтія выставитъ на видъ слабое развитіе взаимной торговой зависимости между націями. Та степень важности, которую политики и экономисты приписывали этой внѣшней торговлѣ въ сравненіи съ внутренней, и большая роль, предоставленная ей при обсужденіи и выборѣ народной политики, придали ей значительно больше значенія въ писанной исторіи, чѣмъ то бы въ дѣйствительности.

Правда, въ теченіе среднихъ вѣковъ цѣлый рядъ европейскихъ націй постепенно возвысился благодаря развитію мореплаванія и международной торговли—Италія, Португалія, Испанія, Франція, Голландія и Англія; но ни по размѣрамъ, ни по характеру, эта торговля не была первостепенной важности. Даже у тѣхъ націй, гдѣ она была наиболѣе развита, она захватывала очень малую часть промышленности страны и ограничивалась главнымъ образомъ пряностями, драгоцѣнными металлами, тканями для украшеній и другими предметами искусства и роскоши.

Важно замѣтить, что еще въ первой половинѣ XVIII столѣтія международная торговля сильно отличалась этимъ

характеромъ. Во-первыхъ, она мало имѣла отношенія къ продуктамъ промышленности данныхъ странъ,—гораздо меньше, чѣмъ современная внѣшняя торговля, а во-вторыхъ, эта торговля очень мало занималась перевозкой предметовъ первой необходимости или удобства. Каждая нація въ отношеніи главныхъ предметовъ потребленія—пищи, одежды, домашней утвари и главныхъ орудій производства—была почти самодовлѣющею, производя немного только болѣе, чѣмъ потребляла, и потребляя только немного болѣе того, что производила.

Въ 1712 году вывозная торговля Англіи по официальнымъ источникамъ равнялась 6.644.103 ф. с. [1]), т. е. значительно менѣе одной шестой внутренней торговли того времени, согласно расчету Смита въ его Memoirs of Wool. Но такой расчетъ производитъ неправильное, преувеличенное впечатлѣніе объ отношеніи вывозной торговли къ внутренней, такъ какъ при вычисленіи оборотовъ второй не принято во вниманіе все то огромное домашнее производство и услуги, которыя не появляются ни въ какой статистикѣ. Болѣе назидательнымъ является другой подсчетъ, принимающій сумму потребленія въ Англіи въ 1713 году равной 49 или 50 милл. фунтовъ, изъ которыхъ 4 милл. пошли на уплату за потребленные иностранные товары [2]). Въ 1740 году ввозъ достигалъ 6.703.778 ф. с., вывозъ 8.197.788 ф. с. Въ 1750 году они поднялись до 7.772.339 ф. с. и 12.699.081 ф. с. [3]), а десять лѣтъ спустя до 9.832.802 ф. с. и 14.694.970 ф. с. Макферсонъ, трудъ котораго, Annals of Commerce, представляетъ собой источникъ неисчерпаемаго богатства свѣдѣній по исторіи вывозной торговли XVIII столѣтія, объяснивъ невозможность составить вѣрный подсчетъ внутренней торговли, упоминаетъ о вычисленіи, которое принимаетъ сумму вывозной торговли за одну тридцать вторую внутренней. Макферсонъ довольствуется замѣчаніемъ, что „она (внутренняя торговля) во много разъ превышаетъ всю внѣшнюю“ [4]). Имѣются всѣ

[1]) Macpherson, Annals of Commerce, vol. II, p. 728.

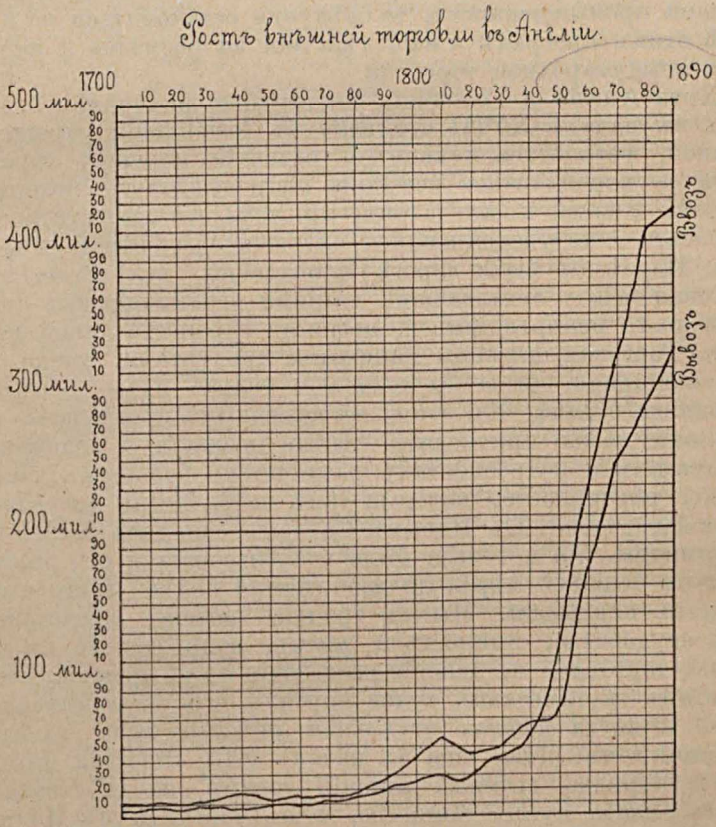
[2]) Smith, Memoirs, vol. II, chap. III. Какъ приблизительный подсчетъ очень компетентнаго торговаго человѣка, эти цифры гораздо болѣе вѣроятны, нежели официальныя данныя ввоза и вывоза, вѣрность которыхъ серьезно нарушается тѣмъ, что ихъ вычисляли по цѣнамъ 1694 г.

[3]) Whitworth, „State“. Macpherson, vol. III, p. 283.

[4]) Annals, vol. III, p. 340.

основанія думать, что тѣ же заключенія приложимы и къ остальнымъ двумъ европейскимъ странамъ съ значительной вывозной торговлей — Голландіи и Франціи.

Незначительная роль, которую внѣшняя торговля играла въ промышленности, указываетъ на то, что въ началѣ

XVIII столѣтія промышленный организмъ долженъ быть разсматриваемъ во всемъ его объемѣ, какъ нѣкоторое количество болѣе или менѣе самодовлѣющихъ и потому одинаковыхъ національныхъ формъ, связанныхъ между собой немногими и слабыми узами. Въ то время спеціализація въ

національной промышленности была еще незначительна, а потому было и мало раздѣленія во всемірной промышленности.

Такъ какъ паденіе международныхъ преградъ и укрѣпленіе промышленныхъ связей между народами, какъ мы увидимъ, суть одни изъ самыхъ важныхъ слѣдствій машинной промышленности, то слѣдуетъ остановиться на природѣ этихъ преградъ и ихъ дѣйствіи на размѣры и характеръ международной торговли.

Хотя Англія и Голландія значительно подвинулись впередъ въ началѣ XVIII столѣтія въ отношеніи улучшенія гаваней, устройства маяковъ и развитіи морского страхованія [1]), мореплаваніе все-таки сопровождалось потерями многихъ жизней и капиталовъ, при чемъ эти „естественныя“ опасности еще увеличивались сильнымъ развитіемъ пиратства. Переѣзды были дороги и медленны, вслѣдствіе чего торговля между отдаленными націями ограничивалась товарами долго непортящимися, могшими перенести такой перевозъ. Торговля свѣжими пищевыми продуктами, теперь такая обширная, была бы возможна только вдоль береговъ сосѣднихъ странъ. Къ этимъ естественнымъ преградамъ для торговли можно причислить слабыя познанія о положеніи, продуктахъ и потребностяхъ различныхъ большихъ частей земной поверхности, которыя такъ необходимы для современной торговли. Съ Новымъ Свѣтомъ еще едва только познакомились, да и нельзя было воспользоваться его рессурсами въ большей мѣрѣ, до изобрѣтенія болѣе пригодныхъ средствъ перевозки. Мы съ трудомъ можемъ представить себѣ неудобства, стоимость и рискъ, сопряженные съ вывозной торговлей на далекія разстоянія въ тѣ времена, когда капитанъ купеческаго судна грузилъ его за собственный счетъ и когда каждая отдѣльная поѣздка была особымъ предпріятіемъ. Даже еще въ началѣ XIX столѣтія фабрикантъ нерѣдко грузилъ лишній товаръ на собственный рискъ, платя купцу комиссію, а въ торговлѣ съ Индіей, Китаемъ или Южной Америкой ему часто приходилось ожидать возврата денегъ или обратнаго груза индиго, кофе, чая и т. д. въ теченіе полутора или двухъ лѣтъ или же нести издержки по сохраненію товаровъ въ складахъ, такъ

[1]) Cunningham, History of English Industry, vol. II, p. 257 etc.

же какъ и убытки, которыя время и морская вода причиняли его товарамъ.

Кромѣ этого, мы находимъ еще рядъ преградъ, частью политическихъ, частью псевдо-экономическихъ, въ которыхъ выразился антагонизмъ націй, это—политическія и промышленныя теоріи, направлявшія торговыя сношенія народовъ по узкимъ и рѣзко-обозначеннымъ путямъ.

Двѣ экономическія доктрины, стоящія отдѣльно въ мірѣ ложныхъ идей, хотя ихъ совмѣстное приложеніе въ практической жизни повело къ ихъ смѣшенію многими, оказали сильное вліяніе на уменьшеніе размѣровъ и измѣненіе свойствъ международной торговли въ XVIII столѣтіи. Изъ этихъ доктринъ одна относилась къ устройству и поддержанію національной промышленности, а другая—къ торговому балансу. Первая доктрина, бывшая не столько сознательно разработанной теоріей, сколько близорукимъ выводомъ, приложеннымъ на практикѣ вслѣдствіе сильныхъ стремленій заинтересованныхъ лицъ, учила, что ввозъ долженъ быть ограничиваемъ предметами, которые не производятся и не могутъ съ выгодой производиться въ странѣ, и доставленіемъ дешевыхъ матеріаловъ для существующихъ фабрикъ; вывозной же торговлѣ, наоборотъ, слѣдуетъ вообще покровительствовать посредствомъ системы вывозныхъ премій и возврата пошлинъ на ввезенные и вновь вывозимые товары. Эта доктрина была впервые строго примѣнена французскимъ министромъ Кольберомъ, но политика Франціи была въ точности скопирована Англіей и другими торговыми націями, признавшими въ ней непогрѣшимую теорію международной торговли.

Доктрина „торговаго баланса“ оцѣнивала размѣръ сношеній между націями перевѣсомъ вывоза надъ ввозомъ, который давалъ извѣстное количество драгоцѣнныхъ металловъ вывозящей странѣ. Эта теорія была тоже очень распространенной, хотя ея повсемѣстное осуществленіе было бы разрушительно для международной торговли. Болѣе либеральное толкованіе доктрины довольствовалось благопріятнымъ балансомъ всего вывоза надъ всѣмъ привозомъ страны, но болѣе строгое ея толкованіе, обыкновенно примѣнявшееся на практикѣ, требовало, чтобы у каждой отдѣльной націи балансъ былъ благопріятенъ. Что касается торговли Англіи съ другими націями, то всякій

излишекъ ввоза надъ вывозомъ называли „потерей для Англіи“. Англія сознательно порвала всякую торговлю съ Франціей въ теченіе періода съ 1702 по 1763 годъ посредствомъ системы запретительныхъ пошлинъ, вызванной двойнымъ страхомъ передъ тѣмъ, чтобы торговый балансъ не оказался на сторонѣ Франціи и чтобы французскія ткани не стали успѣшно соперничать съ англійскими на внутреннемъ рынкѣ. Съ другой стороны, Англія культивировала торговлю съ Португаліей, потому что „отъ Португаліи получался балансъ большій, нежели отъ торговли съ какой-либо другой страной“. Политика, которой держались на практикѣ въ 1713 году, суммируется въ слѣдующихъ выраженіяхъ однимъ изъ ея защитниковъ-энтузіастовъ: „Мы позволяемъ ввозить къ себѣ и потреблять у себя товары изъ Голландіи, Германіи, Португаліи и Италіи; такъ слѣдуетъ поступать потому, что мы вывозимъ въ эти страны на большую сумму, чѣмъ ввозимъ отъ нихъ. Такимъ образомъ, потребители этихъ странъ въ гораздо большей степени оплачиваютъ аренду нашей земли и трудъ нашего народа, нежели мы ихъ. Но, насколько возможно, мы препятствуемъ ввозу товаровъ изъ Франціи, такъ какъ потребленіе ихъ сильно стало бы мѣшать потребленію нашихъ собственныхъ и такимъ образомъ отняло бы большую долю тѣхъ сорока двухъ милліоновъ, которые она (Франція) платитъ теперь за аренду нашихъ земель и трудъ народа“ [1]). Такимъ образомъ, цѣль торговой политики Англіи состояла въ томъ, чтобы ограничить ввозную торговлю предметами роскоши и сырыми матеріалами для фабрикъ, которые не производились въ Англіи, а привозились изъ странъ, не могшихъ повернуть ея балансъ въ свою пользу, а съ другой стороны эта политика старалась навязать нашу вывозную торговлю любой странѣ, которая соглашалась на это. Такъ какъ всѣ европейскія страны въ сильной степени подчинялись такимъ идеямъ и мотивамъ и заставляли свои колоніи и зависимыя націи поступать такъ же, то вслѣдствіе этого не могли осуществляться многіе выгодные случаи обмѣна, и торговля ограничивалась немногими узкими и искусственными путями, между тѣмъ какъ народная энергія въ промышленности тратилась непроизводительно на производство многихъ предметовъ дома, которые посредствомъ

[1]) Smith, Memoirs of Wool, vol. II, p. 113.

обмѣна могли бы значительно дешевле быть получены изъ-за границы.

Слѣдующаго примѣра достаточно для иллюстраціи запутанности законодательства, возникшаго при преслѣдованіи этой политики. Онъ характеризуетъ перемѣну политики для поддержки и регуляціи ткацкой промышленности:

„Была введена пошлина на иностранное полотно и холстъ для образованія денежнаго фонда съ цѣлью поощренія разведенія конопли и льна въ Англіи; въ то время, какъ въ нашихъ колоніяхъ на эти необходимые предметы были назначены вывозныя преміи, премія при вывозѣ пеньки была уничтожена. Пошлина на иностранную льняную пряжу была уничтожена. Была установлена вывозная премія на льняныя ткани англійскаго производства; въ то же время старались расширить производство батиста (cambric), частью воспрещая ввозъ иностраннаго, частью покровительствуя, хотя безуспѣшно, производству батиста въ Англіи. Индиго, кошениль и кампешское дерево, необходимыя при окраскѣ, ввозились безпошлинно [2])".

Покровительство англійскому судоходству (частью по торговымъ, частью по политическимъ причинамъ) выразилось въ хитросплетеніяхъ законовъ о мореплаваніи (Navigation Acts), предназначенныхъ для монополизаціи англійскими судами перевозки товаровъ между Англіей и всѣми другими странами, посылавшими товары въ Англію или колоніи. Эта политика поддерживалась цѣлой сѣтью мелкихъ мѣропріятій, дававшихъ вывозныя преміи англійскимъ колоніямъ на кораблестроительные матеріалы—смолу, деготь, пеньку, скипидаръ, мачты и бревна, а также установленіемъ премій въ Англіи за постройку судовъ, способныхъ къ оборонѣ. Эта судоходная политика дала сильную поддержку всей покровительственной политикѣ. По всей вѣроятности, побудительными мотивами этой политики были мотивы скорѣе политическіе, а не промышленные. Голландія, первая начавшая систематически держаться этого метода, сильно увеличила свои морскія силы. Франція, хотя и съ меньшимъ успѣхомъ, послѣдовала ея примѣру. Несомнѣнно, было много здравомыслящихъ англичанъ, которые хотя и понимали вредъ, наносимый торговлѣ ограничительными пра-

[2]) Chalmers, Estimates, p. 148.

вилами судоходства, но держались того мнѣнія, что существованіе сильнаго флота для защиты королевства и его иностранныхъ владѣній было выгодой, искупавшей эти убытки.

Эгоистическая и близорукая политика этой покровительственной системы нашла себѣ высшее выраженіе въ отношеніяхъ къ Ирландіи и американскимъ колоніямъ. Первой были воспрещены какія бы то ни было производства, могшія прямымъ или косвеннымъ путемъ соперничать съ англійской промышленностью, и она была принуждена вести дѣло исключительно съ Англіей; американскимъ колоніямъ было воспрещено дѣлать сукно, шляпы или издѣлія изъ желѣза, и онѣ должны были всѣ нужные для ихъ потребленія предметы получать изъ Англіи.

Свобода и развитіе международной торговли, кромѣ того, стѣснялись обыкновеніемъ раздачи монополій на колоніальную и заграничную торговлю замкнутымъ привилегированнымъ компаніямъ (Chartered Companies). Эта политика была, допустимъ, цѣлесообразна для покровительства первымъ торговымъ предпріятіямъ, но она слишкомъ далеко переступила эти разумныя границы въ XVIII столѣтіи. Въ Англіи наиболѣе сильной и успѣшной изъ этихъ компаній была Остъ-Индская, но передача торговли съ Турціей, Россіей и другими странами такимъ компаніямъ была сильной помѣхой развитію внѣшней торговли.

Внѣшнюю торговлю Англіи того періода можно въ сущности классифицировать согласно степени покровительства или, наоборотъ, препятствій со стороны государства.

Ввозные товары распадались на четыре группы:

1. Товары запрещенные или a) законодательнымъ порядкомъ, или b) запретительной пошлиной.
2. Товары допускаемые, но съ уплатой пошлины.
3. Товары безпошлинные.
4. Товары, ввозъ которыхъ поощрялся преміями.

Вывозимые товары можно раздѣлить такимъ же образомъ:

1. Товары, воспрещенные къ вывозу (напр., овцы и шерсть, сырыя кожи, дубленыя кожи, шерстяная пряжа, ткацкіе инструменты [1]), нѣкоторые роды профессіональнаго труда).

---

[1]) Smith, Wealth of Nations, Bk. IV, chap. III.

2. Товары, обложенные вывозными пошлинами (напр., каменный уголь) [1]).

3. Товары безпошлинные.

4. Товары съ вывозными преміями, или возвратомъ пошлины.

На неестественный и вредный характеръ большей части этого законодательства лучше всего указываетъ очевидная невозможность добиться его приложенія. Привилегированныя компаніи постоянно жаловались на нарушеніе ихъ монополій частными предпринимателями, и не одна изъ нихъ покончила существованіе вслѣдствіе полной неспособности подавить эту незаконную конкуренцію. Яркимъ примѣромъ осужденія политики Англіи по отношенію къ Франціи было громадное развитіе незаконной торговли съ ней, которая, не смотря на представляемыя ей трудности, обнимала собой значительную долю всей англійской внѣшней торговли за послѣднее столѣтіе. Отсутствіе яснаго пониманія взаимности выгодъ во внѣшней и колоніальной торговлѣ было основной ошибкой во всѣхъ этихъ ограниченіяхъ. Проф. Кеннингамъ справедливо говоритъ о колоніальной политикѣ Англіи, что она „стремилась къ тому, чтобы каждый отдѣльный членъ укрѣплялъ голову, а не къ тому, чтобы они укрѣпляли другъ друга“ [2]).

Такимъ образомъ, стараясь наживаться на счетъ колоній, англійская торговая политика еще болѣе строго придерживалась того же метода по отношенію къ другимъ странамъ, смотря на каждую пріобрѣтенную выгоду, какъ на наживу, которая непремѣнно цѣликомъ ушла бы къ иностранцу, если бы Англія не обезпечила ея для себя при помощи твердости и предпріимчивости.

Слабое развитіе международныхъ сношеній было, впрочемъ, слѣдствіемъ причинъ чисто-экономическихъ. Жизнь и опытъ массы населенія всѣхъ странъ были очень ограничены; это было рѣдкое деревенское населеніе, имѣвшее немного простыхъ, домашнихъ, обыкновенныхъ потребностей и вкусовъ. Обычный уровень потребленія, создавшійся въ соотвѣтствіи съ мѣстнымъ производствомъ, доставлялъ мало поощренія внѣшней торговлѣ. Кромѣ того, для удовле-

[1]) Ibid.

[2]) Growth of English Industry, vol. II, p. 303.

творенія новыхъ вкусовъ и болѣе разнообразныхъ потребностей, которые мало-по-малу распространились въ Англіи, согласно съ экономической теоріей и практикой того времени, слѣдовало отдать предпочтеніе учрежденію новыхъ видовъ производства, если надо—даже съ вывезенными изъза границы машинами и рабочими, передъ ввозомъ продуктовъ такого труда изъ-за границы. Въ частности, что касается Англіи, то этотъ образъ дѣйствія находилъ себѣ поддержку въ политическихъ и религіозныхъ гоненіяхъ французскаго правительства, снабжавшаго Англію въ началѣ XVIII столѣтія цѣлыми потоками искусныхъ ремесленниковъ. Много англійскихъ фабрикантовъ этимъ воспользовались. Шелковыя, шерстяныя и льняныя ткацкія фабрики, ситце-набивныя, стеклянныя, бумажныя и посудныя отрасли промышленности Англіи принадлежатъ къ главнымъ изъ этихъ новыхъ искусствъ.

Къ экономическимъ преградамъ слѣдуетъ причислить слабое развитіе международнаго кредита и механизма обмѣна.

Эти естественныя, политическія, соціальныя и экономическія преграды, полагаемыя свободному международному обмѣну, бросаютъ важный свѣтъ на общее строеніе міровой промышленности въ XVIII столѣтіи.

Онѣ управляли международной торговлей и рѣзко ограничивали ее не только въ количественномъ, но и въ качественномъ отношеніи. Такъ, напр., вывозъ изъ Англіи въ 1730 году ограничивался въ сущности шерстяными товарами и другими тканями, небольшимъ количествомъ кожи, желѣза, свинца, серебра и золотыхъ издѣлій и еще нѣкоторымъ количествомъ вновь вывозимыхъ заграничныхъ издѣлій, какъ табакъ и индійскія хлопчато-бумажныя ткани. Ввозъ состоялъ изъ винъ виноградныхъ, спирта, заграничныхъ товаровъ, какъ, напр., рисъ, сахаръ, кофе, масло, мѣха, и нѣкотораго количества иностранной шерсти, пеньки, шелку и льняной пряжи, какъ матеріала для англійскихъ въ особенности покровительствуемыхъ фабрикъ. Принимая въ соображеніе соотношеніе всѣхъ этихъ предметовъ, мы безъ большого преувеличенія можемъ сказать, что англійская внѣшняя торговля состояла въ отправкѣ шерстяныхъ товаровъ и въ полученіи иностранныхъ пищевыхъ продуктовъ. Эти предметы составляли главную массу англійской внѣшней торговли [1]).

[1]) Macpherson, Annals, vol. III, pp. 155, 156.

Исключая шерстяные товары и небольшое количество металлическихъ издѣлій, кожа представляетъ собой единственный обработанный продуктъ въ англійскомъ вывозѣ въ 1730 году, цѣнность котораго достигаетъ значительной суммы. Ясно, что въ то время англійская обрабатывающая промышленность, также какъ и англійское земледѣліе, существовали главнымъ образомъ для удовлетворенія потребностей населенія Англіи. То же самое справедливо и для другихъ промышленныхъ странъ. Голландія и Франція, дѣлившія съ Англіей господство въ морской торговлѣ, имѣли внѣшнюю торговлю, которая по тогдашнему времени была довольно значительна, но, по отношенію къ общему производству всей страны, была не болѣе, нежели въ Англіи.

Германія, Италія, Россія, Испанія и даже Португалія почти цѣликомъ довольствовались продуктами собственнаго производства.

Разсматривая извѣстный намъ тогда міръ, какъ одинъ промышленный организмъ, мы должны признать, что въ немъ процессы раздѣленія и спеціализаціи достигали еще очень невысокаго предѣла, и что онъ состоялъ изъ сходныхъ, но мало связанныхъ между собою, національныхъ клѣточекъ.

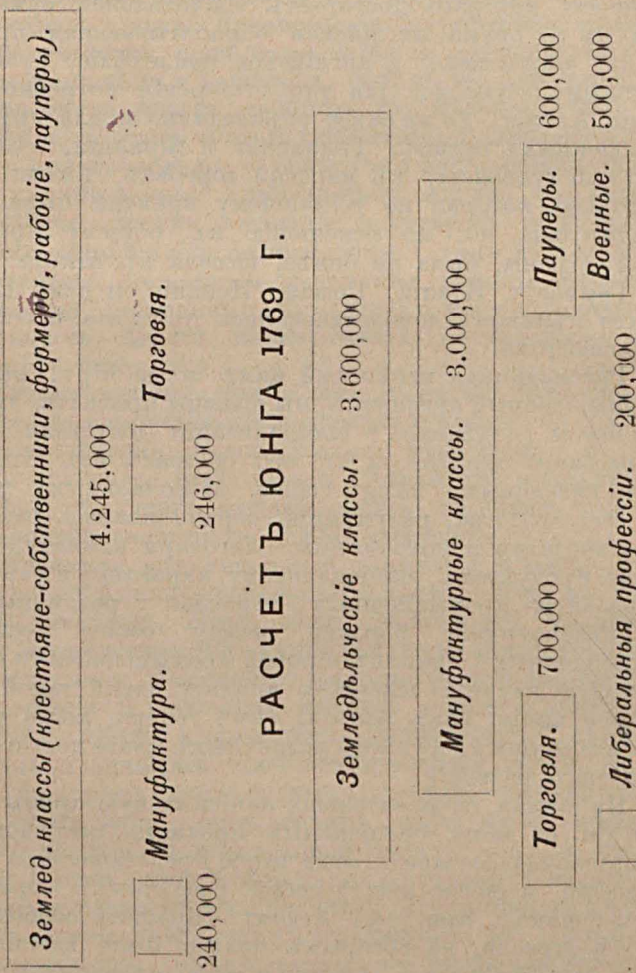
Это сходство, разумѣется, ограничивалось разницей въ производствѣ и потребленіи, благодаря климату, естественнымъ продуктамъ, національному характеру и учрежденіямъ и развитію промышленныхъ отраслей у различныхъ націй.

Разсмотрѣніе близкой между собою однородности національныхъ единицъ міровой промышленности сообщаетъ бо́льшую научную цѣнность анализу одной такой промышленной націи, какъ Англія, чѣмъ теперь, когда раздѣленіе промышленныхъ функцій различныхъ націй достигло гораздо большаго развитія.

Принимая, слѣдовательно, національную промышленность Англіи за нашъ спеціальный предметъ изслѣдованія, мы постараемся составить себѣ ясное представленіе о величинѣ, строеніи и связи между собой различныхъ отраслей промышленности, при чемъ будемъ обращать особое вниманіе на тѣ отрасли, на которыхъ должно было главнымъ образомъ сосредоточиться дѣйствіе новыхъ промышленныхъ силъ.

Невозможно произвести очень точную оцѣнку относительной важности различныхъ производствъ посредствомъ денежной оцѣнки ихъ продуктовъ или количества труда,

затрачиваемаго на нихъ. Статистика XVIII столѣтія не доставляетъ, какъ мы видѣли, достаточно точнаго подсчета

всего дохода націи или цѣнности внутренняго производства. Такъ какъ не было сдѣлано ни одной всеобщей переписи населенія Англіи до 1805 года, то численность его до тѣхъ

поръ не была извѣстна въ точности, и экономисты XVIII столѣтія потратили много времени и остроумныхъ догадокъ, стараясь опредѣлить ростъ населенія на основаніи числа жилыхъ домовъ или дѣлая вычисленія на основаніи шаткихъ и недостовѣрныхъ мѣстныхъ статистическихъ данныхъ, въ концѣ концовъ не получая достаточно сходящихся между собою заключеній. Еще менѣе можно положиться на исчисленія, касающіяся относительной величины и важности отдѣльныхъ производствъ.

Двѣ такихъ попытки можно принять за общія указанія относительно сравнительной важности размѣровъ промышленности, земледѣлія, ремеслъ и распредѣленія или торговли. Одна изъ этихъ попытокъ опредѣленія была сдѣлана незадолго до того, а другая нѣсколько времени послѣ того періода, который мы разсматриваемъ.

Первая принадлежитъ Грегори Кингу въ 1688 году, но расчетъ Кинга можно разсматривать только какъ приблизительный. Соединеніе земледѣлія и промышленности и большіе размѣры домашнихъ производствъ для домашняго потребленія дѣлаютъ цифры мануфактурныхъ производствъ, какъ бы онѣ тщательно ни были собраны, очень обманчивыми. То же замѣчаніе, хотя и въ меньшей мѣрѣ, приложимо къ расчету Артура Юнга на 1769 годъ.

Если къ цифрѣ населенія, живущаго земледѣліемъ, даваемой Юнгомъ, мы прибавимъ сословіе землевладѣльцевъ и зависящихъ отъ нихъ прямо людей и извѣстное числое не занимающихся трудомъ бѣдныхъ (которыхъ хотя и нельзя классифицировать такимъ образомъ по роду занятій, но которые живутъ продуктами земледѣлія), мы увидимъ, что въ 1769 году можно по справедливости принять продуктивность земледѣлія почти равной продуктивности промышленности и торговли.

Обращаясь къ фабричной промышленности, мы видимъ, что нормальное развитіе одной отрасли, а именно шерстяной для вывозной торговли, представляетъ собой первую и единственную значительную спеціальность англійской промышленности до введенія паровой машины. За исключеніемъ шерстяной промышленности, почти всѣ остальныя отрасли работали для удовлетворенія потребностей своего населенія. Въ началѣ XVIII столѣтія и даже до 1770 года

ни одна другая отрасль не давала столько матеріала англійской вывозной торговлѣ.

Согласно Чоморсу [1]), ежегодный вывозъ шерстяныхъ издѣлій изъ Англіи за 1699—1701 годы оцѣнивается болѣе чѣмъ въ $2^1/_2$ милл. фунтовъ, или около двухъ пятыхъ всего вывоза, а въ 1769—71 годы онъ все еще простирался до одной трети всего вывоза, при чемъ производствомъ шерстяныхъ издѣлій занималось не менѣе, чѣмъ „полтора милліона людей“, т. е. половина всего количества занятыхъ въ промышленности, согласно Юнгу.

Слѣдующей за шерстяной промышленностью, но значительно уступая ей въ величинѣ и важности, была желѣзная. Въ 1720 году въ Англіи настолько слабо была еще развита горнозаводская дѣятельность, что должны были ввозить 20.000 тоннъ желѣза изо всѣхъ 30.000 тоннъ, шедшихъ на различныя издѣлія [2]). Почти все это желѣзо шло для внутренняго потребленія, за исключеніемъ издѣлій, навязывавшихся американскимъ колоніямъ, которымъ было воспрещено изготовлять ихъ самимъ. Считаютъ, что въ 1720 году добываніемъ и обработкой желѣза и издѣлій изъ него было занято 200.000 человѣкъ [3]).

Обработкой мѣди и латуни въ 1720 году занималось 30,000 человѣкъ [4]).

Шелковая промышленность была единственной другой значительной и сильно развитой отраслью. Ей, впрочемъ, приходилось бороться съ конкуренціей Индіи, благодаря Остъ-Индской Компаніи, и также съ ввозными хлопчато-бумажными издѣліями [5]). Въ 1750 году въ Англіи было около 13.000 ткацкихъ станковъ, произведенія которыхъ шли почти цѣликомъ для внутренняго потребленія. Хлопчато-бумажная и льняная отрасли были очень незначительны въ теченіе первой половины XVIII столѣтія. Въ началѣ того столѣтія торговля льняными тканями была главнымъ образомъ въ рукахъ Россіи и Германіи, хотя она привилась въ Ирландіи уже въ концѣ XVII столѣтія, и также достигла

[1]) Chalmers, Estimates, p. 208. См., впрочемъ, Baines, который даетъ нѣсколько меньшую цифру, History of Cotton Manufacture, p. 112.

[2]) Macpherson, Annals, vol. III, p. 114.

[3]) Ibid., vol. III, p. 73.

[4]) Ibid., vol. III, 73.

[5]) Smith, Memoirs of Wool, vol. II, pp. 19,45.

нѣкотораго развитія въ Ланкаширѣ, Лейстерширѣ и около Дарлингтона въ Іоркширѣ, которые поставляли льняную основу ткачамъ хлопка [1]). Обработкой хлопка даже въ 1760 г. было занято не болѣе 40.000 человѣкъ и въ 1764 г. вывозъ хлопчато-бумажныхъ издѣлій равнялся только одной двадцатой стоимости вывозимыхъ шерстяныхъ издѣлій [2]). Небольшая цѣнность хлопковыхъ издѣлій и указаніе на громадное развитіе торговли ими впослѣдствіи выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

Внутреннее потребленіе.		Вывозная торговля.	
1766.	£ 379.241	£ 220.759	(по Postletwayte)
1819—21.	„ 13,044.000	„ 15,740.000	(по Ellison [3]).
1829—31.	„ 13,351.000	„ 18,074.000	

Много другихъ малыхъ производствъ, которыя тогда возникли, какъ, напр., бумаги, стекла, луженой посуды, работали исключительно на внутренній рынокъ, и въ нихъ было занято небольшое число людей.

Если мы взглянемъ на структуру и отношенія между различными отраслями промышленности того времени, то мы и тутъ найдемъ ту же незрѣлость въ развитіи, которая характеризировала всемірную промышленность вообще. Подобно тому, какъ каждая страна удовлетворяла всѣмъ своимъ потребностямъ, такъ и каждый англійскій округъ (за нѣкоторыми исключеніями) самъ снабжалъ себя всѣми предметами потребленія. Тогда было гораздо меньше спеціализаціи промышленности, чѣмъ теперь. Самыя необходимыя отрасли хозяйства, хлѣбопашество, скотоводство и ремесла, связанныя съ изготовленіемъ простого платья, мебели, печей и другихъ предметовъ потребленія, были широко распространены во всей странѣ.

Обмѣнъ между отдаленными частями Англіи, хотя и далеко превосходилъ по своему развитію внѣшнюю торговлю, все же стоялъ на весьма низкой ступени развитія. Причиной этого, было конечно, отсутствіе удобныхъ путей сообщенія. Физическія препятствія тоже сильно мѣшали развитію свободной торговли внутри страны. Дороги были въ началѣ

[1]) Smith, ibid. vol. II, p. 270, ср. также Cunningham, Growth of English Industry, vol. II, p. 300.
[2]) Toynbee, Industrial Revolution, p. 50.
[3]) Schulze-Gaevernitz, Der Grossbetrieb, p. 77.

этого столѣтія въ такомъ плачевномъ состояніи, что провозъ совершался весьма медленно и обходился очень дорого. Земледѣльческіе продукты почти исключительно назначались для мѣстнаго потребленія. Одинъ только скотъ и домашняя птица гнались изъ ближайшихъ уѣздовъ въ Лондонъ или на другіе большіе рынки для продажи. Въ зимнее время даже дороги возлѣ самаго Лондона были негодны для торговыхъ сообщеній. Невозможность гнать скотъ позже октября вела къ монополіи и высокимъ цѣнамъ на земледѣльческіе продукты зимой. Ростъ заставныхъ дорогъ въ первую половину XVIII ст. вытѣснилъ вьючныхъ лошадей, замѣнившихся повозками, но даже эти дороги Артуръ Юнгъ находитъ отвратительными, такъ что помимо почтовыхъ дорогъ сообщеніе кругомъ Лондона было весьма затруднительно. Даже въ 1752—1754 гг. „большія дороги Англіи оставались еще въ своемъ первобытномъ состояніи, и путешественникъ рѣдко встрѣчалъ заставу ближе 200 миль отъ Лондона“ [1]).

Рѣки служили гораздо болѣе удобными торговыми путями сообщенія, чѣмъ большія дороги. Много законовъ поэтому проводилось въ первой половинѣ XVIII столѣтія съ цѣлью улучшенія судоходства такихъ рѣкъ, какъ Трэнтъ, Узъ и Мерсей, чтобы этимъ отчасти способствовать развитію внутренней торговли, отчасти же, чтобы непосредственно соединить такіе города, какъ Лидсъ и Дерби, съ моремъ, или, наконецъ, чтобы соединить между собой сосѣдніе города, какъ Ливерпуль и Манчестеръ. Въ 1755 г. былъ прорытъ первый каналъ, и эти каналы играли затѣмъ не малую роль въ дальнѣйшемъ развитіи фабричной системы. Но, не смотря на всѣ эти попытки, бо́льшая часть производства шла на удовлетвореніе мѣстныхъ потребностей, и сбытъ для большинства товаровъ былъ довольно ограниченъ.

Свободное передвиженіе капитала и труда, это столь существенное условіе развитія мѣстной промышленности, замедлялось не только отсутствіемъ предпріимчиваго духа, но также законными ограниченіями, мѣшавшими свободному приложенію и передвиженію труда. Законъ о ремесленныхъ ученикахъ, требовавшій отъ нихъ семилѣтняго срока ремесленнаго обученія, и законъ объ осѣдлости (Law of Settlement), мѣшавшій свободному передвиженію рабочихъ, нужно

[1]) Chalmers, pp. 124, 125.

разсматривать, какъ мѣры, спеціально разсчитанныя на то, чтобы систематически воспрепятствовать концентраціи капитала и спеціализаціи промышленности. Вся страна состав-

ляла такимъ образомъ аггрегатъ самодовлѣющихъ и экономически самостоятельныхъ общинъ, или, другими словами, функціи промышленности еще очень мало спеціализировались, и между отдѣльными отраслями промышленности было

мало взаимной связи. За исключеніемъ Голландіи, чья торговля, благодаря ея замѣчательнымъ естественнымъ и искусственнымъ воднымъ сообщеніямъ, обладала внутреннимъ единствомъ, всѣ остальныя страны Европы, какъ Франція, Германія, Италія, Испанія и Россія, представляли собой еще болѣе низкую ступень спеціализаціи промышленности, чѣмъ Англія.

Переходя къ тѣмъ округамъ Англіи, гдѣ уже обнаружились признаки растущей спеціализаціи промышленности, намъ нужно обратить вниманіе на характеръ и степень этой спеціализаціи. Мы находимъ, что различныя отрасли шерстянаго, хлопчато-бумажнаго, желѣзнаго производства, равно какъ и нѣкоторыя другія отрасли, были сосредоточены въ извѣстныхъ мѣстностяхъ. Но если мы сравнимъ ту спеціализацію съ нынѣшней, то мы сейчасъ же замѣтимъ громадную разницу.

Во-первыхъ, она далеко не была такъ развита. Хотя районъ шерстяной индустріи удобства ради раздѣляется на три округа,—одинъ въ восточныхъ графствахъ, другой на западѣ, и третій въ Вестъ-Райдингѣ,—на самомъ дѣлѣ этотъ районъ обхватываетъ собой почти всю Англію къ югу отъ Темзы и большую часть Іоркшира, не говоря уже о широко-распространенномъ обрабатываніи шерсти для собственнаго потребленія или для сбыта въ Вестморенлэндѣ, Кумберлэндѣ и во всемъ сѣверѣ Англіи. Само собой понятно, что тамъ, гдѣ были болѣе богатыя пастбища и гдѣ снабженіе шерстью было болѣе обильное, тамъ также болѣе процвѣтала выдѣлка сукна, но во всѣхъ округахъ Англіи можно было встрѣтить обработку шерсти въ той или иной формѣ.

Единственную область, которую Дефо считаетъ вполнѣ спеціализированной въ промышленномъ отношеніи, это одна часть Вестъ-Райдинга, гдѣ населеніе хотя и занималось земледѣліемъ, нуждалось однако въ пищевыхъ продуктахъ изъ другихъ округовъ.

Желѣзное производство, занимавшее по своему размѣру второе мѣсто, было естественно гораздо менѣе разсѣяно, чѣмъ обработка шерсти. Тѣмъ не менѣе 57 доменныхъ печей, работавшихъ въ 1737 были разсѣяны по 15 графствамъ. Точно также и выдѣлка металла была гораздо менѣе сосредоточена въ извѣстныхъ округахъ, чѣмъ теперь. Хотя Шеффильдъ и Бирмингамъ уже во времена Дефо считались центрами этой

промышленности, большинство желѣзныхъ издѣлій, употреблявшихся въ странѣ, все еще изготовлялось въ мелкихъ мастерскихъ, разбросанныхъ по всей странѣ.

Ноттингамъ и Лейчестеръ начали спеціализироваться въ выдѣлкѣ бумажныхъ и шерстяныхъ чулокъ, но много ихъ выдѣлывалось также кругомъ Лондона въ шерстяныхъ округахъ юга. Шелковое производство болѣе процвѣтало въ Спитальфильдѣ, Стокпортѣ и Дерби, благодаря тому, что тамъ былъ большой наплывъ иностранныхъ искусныхъ рабочихъ и введено было много усовершенствованныхъ машинъ. Но даже въ 1727 г. шелковое производство занимало только второе мѣсто въ Ковентри.

Разсѣянные по всей странѣ кузнецы, слесари, столяры, токари справляли всякія строительныя работы, занимались изготовленіемъ повозокъ и мебели, что теперь составляютъ централизованныя, вполнѣ обособившіяся, отрасли промышленности.

Если же мы обратимся къ изученію структуры этихъ различныхъ производствъ, то мы убѣдимся, что даже тѣ ремесла, которыя были сосредоточены въ извѣстныхъ ограниченныхъ округахъ, далеко не были такъ сконцентрированы въ предѣлахъ данной мѣстности, какъ это бываетъ теперь.

Мы не должны однако предположить, что Англія представляла собой простое хозяйственное цѣлое безъ всякой значительной спеціализаціи промышленныхъ функцій.

Три важныхъ условія вызвали значительную спеціализацію промышленности уже въ началѣ XVIII столѣтія.

1) Физическія свойства почвы. Такъ какъ лѣсъ, напримѣръ, все еще употреблялся для плавленія металловъ, то желѣзное производство процвѣтало тамъ, гдѣ изобилуетъ лѣсъ, или гдѣ его доставка была довольно легка. Точно также, благодаря своимъ плодороднымъ лугамъ, Глостеръ и Сомерсетъ спеціализировались въ выдѣлкѣ лучшихъ сортовъ шерсти. Еще лучшимъ примѣромъ служитъ южный Ланкаширъ. Природныя условія сдѣлали эту мѣстность неприспособленной къ земледѣлію, и потому ея населеніе главнымъ образомъ занималось хлопчато-бумажнымъ и шелковымъ дѣломъ. Многочисленные ручьи, стекавшіе съ холмовъ въ близлежащее море давали обильный источникъ водяной силы, и потому этотъ округъ сдѣлался родиной

первыхъ заводовъ и колыбелью машиннаго производства. Высокія качества мѣстнаго песчаника, изъ котораго выдѣлывались точильные камни, сдѣлали Шеффильдъ центромъ ножевого производства, а обиліе тяжелой глины, пригодной для горшковъ, способствовало развитію въ Стаффордширѣ горшечнаго дѣла.

2) Легкость сбыта. Окрестности Лондона, Бристоля и другихъ большихъ городовъ болѣе спеціализировались, чѣмъ мѣстности болѣе отдаленныя отъ большихъ городовъ, такъ какъ потребности большихъ городовъ заставили большую часть окреснаго населенія сосредочить свои усилія на земледѣльческомъ трудѣ; кустари легче могли сбывать свои продукты; улучшенныя дороги и другія удобства вызвали такую спеціализацію, которая невозможна была въ другихъ болѣе сельскихъ округахъ.

3) Свойства самого товара. Когда провозъ совершался очень медленно, то ясно, что степень спеціализаціи въ какой-нибудь отрасли зависѣла отъ удобосохраняемости продуктовъ, изготовляемыхъ въ этой области. Съ этой точки зрѣнія желѣзныя и хлопчато-бумажныя издѣлія могутъ гораздо скорѣй обособиться въ спеціальную отрасль какой-нибудь мѣстности, чѣмъ, напримѣръ, легко портящіеся пищевые продукты. Тамъ, гдѣ провозъ обходится дорого, болѣе громоздкіе и менѣе цѣнные продукты не такъ легко обособятся въ отдѣльную спеціальную отрасль производства, какъ менѣе громоздкіе и болѣе цѣнные товары.

Ткани, напримѣръ, болѣе удобны для торговли, чѣмъ хлѣбъ, а уголь, развѣ только въ области судоходныхъ рѣкъ, едва ли стоило возить на далекіе рынки.

Въ виду всего этого условія были очень неблагопріятны для того, чтобы извѣстныя мѣстности сдѣлались исключительными центрами производства самыхъ обыкновенныхъ средствъ потребленія, какъ пищи, отопленія и т. п.

Разсмотрѣвши свойства самихъ продуктовъ и характеръ средствъ сообщенія, опредѣлявшіе размѣръ нашей внутренней торговли и рынка, обратимся теперь къ изученію структуры самаго рынка, этого центральнаго пункта всего механизма внутренней торговли.

Рынокъ выражаетъ собой группу органически связанныхъ отраслей промышленности. Насколько же Англія представляла собой національный рынокъ? Имѣлъ ли обычный

рынокъ характеръ болѣе широкаго или чисто мѣстнаго рынка?

Единственнымъ большимъ національнымъ рыночнымъ городомъ Англіи былъ Лондонъ. Про него одного можно было сказать, что онъ получалъ продукты изъ всей Англіи, и только тамъ можно было во всякое время года покупать различнѣйшіе продукты, земледѣльческіе, такъ и фабричные, изготовленные гдѣ-нибудь въ Англіи, или импортированные изъ-за границы. Потокъ отъ этого центра населенія и къ нему не прекращался и простирался къ самымъ отдаленнымъ частямъ страны. Другіе большіе города, какъ Бристоль, Лидсъ и Норвичъ, поддерживали тѣсныя и постоянныя сношенія съ сосѣдними графствами, но только косвенно обмѣнивали свои продукты съ болѣе отдаленными частями страны.

Постепенно улучшающіеся пути сообщенія въ XVIII столѣтіи дали возможность фабрикантамъ сукна и другимъ промышленникамъ продавать свои товары даже въ самыхъ далекихъ частяхъ страны, но они получали свою выручку очень медленно и главнымъ образомъ черезъ Лондонъ.

Но если Лондонъ и былъ единственнымъ постояннымъ національнымъ рынкомъ, національная торговля еще поддерживалась ярмарками, устраивавшимися ежегодно въ теченіе нѣсколькихъ недѣль въ Стортбриджѣ, Винчестерѣ и другихъ удобныхъ мѣстахъ. На самыя важныя изъ нихъ сходились крупные торговцы и фабриканты съ своими кліентами, и тамъ же совершался обмѣнъ между самыми отдаленными частями страны, и даже съ заграницей. Такимъ образомъ мы имѣли одинъ постоянный и два или три періодическихъ потока для національной торговли. Большинство же рынковъ не носило національнаго характера.

Въ болѣе развитыхъ и спеціализированныхъ текстильныхъ отрасляхъ промышленности постепенно выработались спеціальныя, очень значительныя рыночныя мѣста. Самые крупные изъ этихъ окружныхъ спеціальныхъ рынковъ были въ Лидсѣ, Галифаксѣ, Норвичѣ и Экзетерѣ. Здѣсь главные мѣстные фабриканты тканей и пряжи встрѣчали купцовъ и комиссіонеровъ и сбывали свои продукты посредникамъ.

Главная часть торговыхъ операцій однако совершалась

на рыночныхъ мѣстахъ городовъ, графствъ или меньшихъ центровъ населенія. Сюда производители приносили свои земледѣльческіе и ремесленные продукты, и продавали ихъ, покупая вмѣстѣ съ тѣмъ все, что имъ нужно было для потребленія и для веденія своего дѣла. Только въ значительныхъ городахъ можно было найти въ началѣ XVIII ст. нѣсколько постоянныхъ лавокъ, гдѣ можно было во всякое время покупать какіе угодно товары. Еженедѣльный рынокъ на рыночной площади былъ главнымъ посредникомъ въ торговлѣ для большей массы населенія.

Изъ обзора общей структуры промышленности того времени мы видимъ, что не только международныя связи были слабы и несущественны, но что даже внутри страны сношенія были очень неразвиты, сравнительно съ связью, существующей въ настоящее время. Мы имѣемъ цѣлый рядъ общинъ, довольно крѣпко связанныхъ съ сосѣдними общинами, но эта связь ослабляется съ разстояніемъ. Эти общины почти вполнѣ сами удовлетворяютъ своимъ потребностямъ и привозятъ извнѣ одни только предметы роскоши и комфорта.

Торговля главнымъ образомъ ведется на весьма узкомъ основаніи съ опредѣленнымъ числомъ постоянныхъ покупателей.

Помимо земледѣлія, элементы спекуляціи и риска пріурочиваются почти всецѣло къ внѣшней торговлѣ. Капиталъ и трудъ были прикрѣплены къ извѣстной мѣстности и къ извѣстному предпріятію.

Различныя отрасли хозяйства не были такъ рѣзко ограничены другъ отъ друга, какъ теперь. Во-первыхъ, земледѣліе и обрабатывающая промышленность не уживаются въ одной и той же мѣстности, но производятся одними и тѣми же людьми. Это соединеніе земледѣлія и ремеслъ принимало различныя формы.

Текстильная индустрія была большей частью соединена съ земледѣліемъ. Въ тѣхъ земледѣльческихъ мѣстностяхъ, гдѣ также занимаются пряденіемъ, мы видимъ раздѣленіе труда внутри семейства. Женщины и дѣти прядутъ, а мужчины исполняютъ полевыя работы. Каждая женщина и дитя старше пяти лѣтъ находили полное занятіе въ прядильныхъ и ткацкихъ промыслахъ Сомерсета и Вестъ-Райдинга.

Это соединеніе встрѣчалось гораздо чаще въ прядильномъ промыслѣ, чѣмъ въ ткацкомъ, такъ какъ и до введенія знаменитой spinning jenny, ткацкій промыселъ былъ гораздо болѣе сконцентрированъ, чѣмъ прядильное дѣло. Огромная часть тканья исполнялась напр. въ Норвичѣ въ то время, какъ первые процессы изготовленія пряжи производились въ разсѣянныхъ избахъ огромнаго округа. Но даже эти городскіе рабочіе не были такъ спеціализированы въ своихъ промыслахъ, какъ теперешніе. Многіе изъ нихъ еще владѣли участками земли въ деревняхъ, которые они и обработывали въ свободное время, или же они имѣли право на пользованіе общинными пастбищами и содержали тамъ свой скотъ. И это вѣрно не только по отношенію къ текстильнымъ рабочимъ, но и къ рабочимъ другихъ отраслей. Въ Вестъ-Бромвичѣ, главномъ центрѣ металлическихъ производствъ, рабочіе занимались земледѣліемъ, какъ второстепеннымъ дѣломъ. Шеффильдскіе ножевщики, жившіе въ окрестностяхъ города, имѣли свои участки земли и отчасти еще занимались земледѣліемъ; и это продолжалось почти до нашего времени. Соединеніе земледѣлія съ обрабатывающими промыслами иногда принимало форму раздѣленія труда по времени года. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ тканье не было еще сконцентрировано въ городахъ, оно составляло зимнее занятіе для многихъ, которые отдавали свое лѣтнее время полевымъ работамъ. Говоря вообще, картина, которую Дефо далъ относительно образа жизни кругомъ Галифакса, можетъ считаться характеристикой жизни вообще во всѣхъ индустріальныхъ частяхъ Англіи. Онъ нашелъ, что «земля раздѣлена на малые участки, отъ двухъ до шести или семи акровъ каждый, рѣдко больше; каждые три и четыре участка имѣли свой домъ; всѣ дома стояли близко другъ къ другу и представляли собой одну непрерывную деревню, въ каждомъ домѣ стоялъ ткацкій станокъ, и на каждомъ станкѣ былъ кусокъ матеріи; каждый крестьянинъ имѣетъ свою лошадь и одну или двѣ коровы для трудъ своего семейства» [1]).

Земледѣліе не только было соединено съ обрабатывающими промыслами, но раздѣленіе труда и дифференціація процессовъ въ каждой индустріи стояла на такой же низкой

[1]) Defoe, vol. III, pp. 78, 79.

степени развитія. Первобытная обработка общинныхъ земель, еще господствовавшая въ началѣ XVIII столѣтія, постепенно вытѣснялась подворнымъ владѣніемъ, и эта перемѣна была, конечно, прогрессивнымъ явленіемъ съ точки зрѣнія производства богатства, но эта система совершенно не способствовала спеціализаціи земли для пастбищъ или для культивированія спеціальныхъ сортовъ хлѣба. Каждый крестьянинъ воздѣлывалъ на своемъ маленькомъ участкѣ сѣно, пшеницу, ячмень, овесъ, бобы и долженъ былъ еще исполнять всѣ другія дѣла, требовавшіяся отъ самостоятельнаго хозяина, самого удовлетворяющаго всѣмъ своимъ потребностямъ. Это вытекало отчасти изъ формы землевладѣнія, отчасти изъ незнанія, какъ пользоваться особыми свойствами и положеніемъ участка, и отчасти изъ необходимости удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ, что̀ еще усиливалось трудностью перевозки. Позже, въ XIX столѣтіи, съ выдѣленіемъ общинныхъ пастбищъ, съ увеличеніемъ числа крупныхъ фермъ, съ приложеніемъ науки и капитала къ земледѣльческому труду, быстро вырастаетъ дифференціація земли для земледѣльческихъ цѣлей. Но и въ началѣ этого столѣтія было очень мало спеціализаціи, развѣ только въ Вестъ-Райдингѣ или около главныхъ центровъ шерстяной промышленности, и въ меньшемъ размѣрѣ, въ графствахъ кругомъ Лондона, гдѣ спеціализація была вызвана потребностями столицы.

Подобно тому, какъ крестьянинъ самодовлѣющей фермы долженъ былъ совершать различные процессы, такъ и мануфактуристъ не могъ ограничиваться однимъ только мануфактурнымъ процессомъ. Значительная часть болѣе грубыхъ производствъ была домашнимъ производствомъ для домашняго же потребленія, и одни и тѣ же люди ухаживали за стадами, доставляли шерсть, пряли и ткали ее для домашняго употребленія. Кузнецъ былъ, въ гораздо болѣе полномъ смыслѣ, производителемъ подковы, гвоздя или засова, чѣмъ современный кузнецъ. Колесникъ, столяръ и другіе ремесленники исполняли гораздо больше различныхъ процессовъ, чѣмъ ихъ современные коллеги. Болѣе того, каждое хозяйство, помимо своихъ главныхъ занятій земледѣліемъ и промыслами, занималось еще цѣлымъ рядомъ менѣе производительныхъ промысловъ, какъ печеніемъ, варкой пива, дѣланьемъ масла, платья, стиркой бѣлья; всѣ эти работы

теперь составляютъ отдѣльныя, вполнѣ спеціализированныя отрасли промышленности.

Въ болѣе развитыхъ отрасляхъ текстильныхъ и металлическихъ производствъ раздѣленіе процессовъ было на первый взглядъ еще болѣе рѣзко, чѣмъ теперь. Чесальщикъ, прядильщикъ, ткачъ и валяльщикъ, занятые приготовленіемъ ткани изъ сырого матеріала входили въ сношеніе другъ съ другомъ только черезъ посредниковъ, которые снабжали ихъ необходимымъ матеріаломъ и получали его обратно въ болѣе обработанномъ видѣ, чтобы отдать этотъ матеріалъ другому рабочему для дальнѣйшаго обрабатыванія. Хотя мы дальше увидимъ, что машинное производство приводитъ всѣ эти процессы близко другъ къ другу по мѣсту, и сосредоточиваетъ ихъ часто подъ одной крышей, пользуясь одной двигательной силой пара, мы найдемъ, что главной цѣлью этой болѣе близкой мѣстной координаціи различныхъ процессовъ является болѣе точное опредѣленіе и суженіе труда каждаго рабочаго въ тѣхъ видахъ, чтобы заставить прядильщика и ткача ограничиваться исполненіемъ одной только дробной части полнаго процесса пряденья и тканья. Мы видимъ такимъ образомъ, что главная отличительная черта англійской индустріи XVIII столѣтія состояла въ отсутствіи ясной дифференціаціи отдѣльныхъ отраслей промышленности и въ такомъ же отсутствіи дифференціаціи различныхъ процессовъ одной и той же отрасли.

Отъ изслѣдованія индустріи или рынка, т. е. группы связанныхъ другъ съ другомъ предпріятій, обратимся теперь къ изученію характера и структуры единицы индустріи— отдѣльнаго предпріятія.

При изученіи состава или кооперації труда и капитала въ предпріятіяхъ, существовавшихъ до эры машиннаго производства, намъ нужно разобрать пять важныхъ пунктовъ: 1) собственность на матеріалъ, 2) собственность на орудія, 3) собственность на производительную силу, 4) отношенія между отдѣльными единицами труда, 5) мѣсто работы.

Англійская мануфактурная промышленность первой половины XVIII ст. представляетъ собой собраніе самыхъ различныхъ по характеру и сложности предпріятій. Самая простая форма предпріятія—это семейная, въ которой семейство, владѣя сырымъ матеріаломъ и орудіями труда, работаетъ силой

своихъ мускуловъ, въ своемъ собственномъ домѣ и производитъ продукты для собственнаго же потребленія. Частное производство для собственнаго же потребленія сильно удержалось въ XVIII ст. не только среди крестьянъ, которые производили самые необходимые пищевые продукты для себя и для сбыта, но и въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ страны, гдѣ фермеры и кустари воздѣлывали свой собственный ленъ и шерсть и пряли и ткали для собственнаго потребленія.

Исходя изъ этой примитивной формы народнаго хозяйства, не нуждавшейся ни въ торговлѣ, ни въ хозяйственной организаціи, мы можемъ прослѣдить ростъ различныхъ формъ болѣе высокаго промышленнаго развитія, изъ которыхъ многія существовали рядомъ въ Англіи XVIII столѣтія.

Самая простая форма „домашняго“ производства, въ которой фермеръ-мануфактуристъ покупаетъ свой собственный сырой матеріалъ,—сырую шерсть или ленъ, если онъ прядильщикъ, основу и пряжу, если онъ ткачъ,—и, работая съ своимъ семействомъ, производитъ пряжу или ткань, которую онъ самъ продаетъ на мѣстномъ рынкѣ или купцамъ, или мастерамъ-суконщикамъ. Въ этомъ-то несамостоятельномъ видѣ ткацкій промыселъ существовалъ въ началѣ XVIII столѣтія. „Мастерская ткача находилась въ деревенской избѣ, откуда онъ въ часы отдыха могъ выходить въ свой маленькій садъ и поработать заступомъ надъ кулинарными произведеніями огорода. Шерсть очищалась его младшими дѣтьми, расчесывалась и прялась старшими дѣвушками, при помощи его жены, и обработанная пряжа ткалась имъ самимъ и его сыновьями“ [1]).

Считая собственность на средства производства самымъ важнымъ пунктомъ при изученіи развитія промышленности, мы видимъ, что слѣдующій шагъ въ развитіи домашняго производства состоялъ въ переходѣ сырого матеріала изъ рукъ производителя въ руки купца-организатора или посредника, который узурпируетъ имя „мануфактуриста“. Но производитель все еще владѣетъ орудіями своего ремесла и работаетъ въ своемъ собственномъ домѣ. Состояніе шерстопрядильнаго хозяйства во второй половинѣ XVIII ст., около 1770 г., хорошо иллюстрируетъ эту форму промышленности. „Работа была вполнѣ домашняя и разбросана во всей странѣ.

[1]) Ure, History of cotton manufacture, vol. I, p. 224.

Прежде всего фабрикантъ долженъ былъ ѣздить верхомъ, для закупки сыраго матеріала среди фермеровъ или на большихъ ярмаркахъ, бывшихъ въ тѣхъ старыхъ городахъ, которые раньше составляли исключительный шерстяной рынокъ. Купленная шерсть поступала къ сортировщикамъ, которые безпощадно отбрасывали шерсть, не достигавшую длины, требуемой для производства сукна. Длинная шерсть затѣмъ переходила въ руки чесальщиковъ, и когда она была готова, ею нагружали лошадей и отправляли въ деревню для пряденья... Здѣсь въ каждой деревнѣ фабрикантъ имѣлъ своихъ агентовъ, которые получали шерсть, раздавали ее среди крестьянъ и получали назадъ пряжу. Орудіе труда все еще составляла та же старая однониточная прялка, и въ лѣтнюю погоду можно было видѣть подъ открытымъ небомъ много хозяекъ, работающихъ надъ своей пряжей,—видъ, доставлявшій поэту впечатлѣнія полнаго довольства. Получивъ обратно свою пряжу, фабриканту приходилось разыскивать своихъ ткачей, которые доставляли ему различнаго сорта ткани, шедшія затѣмъ къ красильщику.

Состояніе хлопчато-бумажнаго дѣла въ Ланкаширѣ около 1750 г. замѣчательно ясно рисуетъ переходъ независимаго ткача въ состояніе зависимаго. Что касается полотняной основы его тканей, то онъ уже издавна пріучился получать ее отъ большого „фабриканта“ изъ Больтона или Манчестера, но бумажную пряжу онъ самъ пріобрѣталъ, употребляя или пряжу, приготовленную въ его собственномъ семействѣ, или же покупая ее въ окрестностяхъ. Но чѣмъ болѣе расширялся сбытъ хлопчато-бумажныхъ продуктовъ, тѣмъ все болѣе давали себя знать неудобства, вытекавшія изъ отсутствія постоянной доставки сырого матеріала и связанной съ этимъ траты массы времени на поиски этого матеріала. Эти-то неудобства, какъ мы увидимъ дальше, и служили главнымъ побужденіемъ къ приложенію новыхъ изобрѣтеній въ прядильной отрасли промышленности. А за это время выработалась между тѣмъ привычка получать не только полотняную пряжу, но и хлопчато-бумажную пряжу отъ купца или посредника. Такимъ образомъ, собственность на сырой матеріалъ совершенно ускользала изъ рукъ ткача, хотя онъ продолжалъ попрежнему вести свой домашній промыселъ. Это сдѣлалось нако-

нецъ нормальнымъ состояніемъ этой отрасли въ 1750 г. Вязальное производство можетъ тоже служить хорошимъ примѣромъ введенія капиталистической системы въ домашнее производство. Въ этой отрасли не только сырой матеріалъ, но и вязальныя машины принадлежали купцу; онъ отдавалъ эти машины въ наймы производителю, работавшему у себя на дому.

Оставалось сдѣлать еще два шага для превращенія домашняго производства въ фабричное: во-первыхъ, по отношенію къ рабочей силѣ и, во-вторыхъ, къ мѣсту работы. Требовалось а) замѣщеніе физической силы производителя технической силой, которая была бы собственностью предпринимателя, b) удаленіе производителей изъ ихъ домовъ и ихъ сконцентрированіе на хозяйскихъ фабрикахъ и мастерскихъ.

Хотя эти шаги не были вполнѣ сдѣланы до введенія пара, мы можемъ однако уже въ серединѣ XVIII ст. встрѣтить примѣры фабрикъ, вполнѣ законченныхъ по своему характеру и существовавшихъ рука объ руку съ болѣе ранними формами домашняго производства и конкурирующихъ съ этими послѣдними.

Капиталистическая собственность на нечеловѣческую промышленную силу была, конечно, весьма ограничена до наступленія вѣка пара. Пользовались водяной силой, лошадиной силой и силой вѣтра. Но главная польза, которую вода оказывала промышленности до введенія крупныхъ изобрѣтеній, состояла въ облегченіи провоза товаровъ и въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ процессахъ производства, какъ напр. въ крашеніи. Хотя въ началѣ прошлаго столѣтія существовало уже значительное число водяныхъ мельницъ, но онѣ не играли большой роли въ мануфактурѣ.

Природная сила, которая была такъ ограничена по количеству и такъ привязана къ данному мѣсту, при томъ еще низкомъ состояніи техники, не могла, конечно, вполнѣ замѣнить мускульную дѣятельность человѣка.

Но хотя механическія силы не были еще въ такомъ употребленіи, чтобы значительно содѣйствовать концентраціи труда, были зато другіе факторы, какъ, напримѣръ, крупное производство, которое проявляло себя во всѣхъ главныхъ областяхъ промышленности и дѣйствовало въ томъ же направленіи. Выгода раздѣленія труда и кооперації, даже

при самомъ примитивномъ состояніи механики, настолько велика, что проф. Эшли полагаетъ, что крупная мануфактура сдѣлалась бы отличительной чертой шерстяной промышленности уже въ XVI столѣтіи, если бы законодательство не препятствовало этому [1]). Какъ бы то ни было, хотя эти раннія централизирующія силы и содѣйствовали скученію рабочихъ въ болѣе компактныя массы, но не бросили рабочихъ сейчасъ же на фабрику. Рабочіе продолжали большей частью работать въ своихъ собственныхъ домахъ, хотя и получали сырой матеріалъ, а часто и самыя орудія отъ купца или мастера. Таково было состояніе промышленности въ окрестностяхъ Лидса въ 1725 г. „Дома не разбросаны и разсѣяны, какъ въ приходѣ Галифакса, но сгруппированы въ деревни; въ этихъ-то домахъ скучены люди, и вся страна очень густо населена» [2]). Въ тѣхъ же болѣе развитыхъ отрасляхъ производства тканей, въ которыхъ требовались станки довольно высокой стоимости, уже ясно было положено основаніе фабричной системы. Въ Норвичѣ, Фромѣ, Таунтонѣ, Девайзѣ, Стоутбриджѣ и другихъ центрахъ текстильной индустріи Дефо нашелъ ткацкую промышленность очень сконцентрированной, и богатыхъ предпринимателей, владѣющихъ значительнымъ числомъ станковъ. Часть этой работы фабриканты раздавали ткачамъ, работавшимъ у себя на дому, а другая часть уже исполнялась въ большихъ казармахъ, составлявшихъ собственность фабриканта. Эти крупныя организованныя предпріятія, полуфабричныя, полудомашнія встрѣчались въ центрахъ текстильной индустріи западной Англіи, вплоть до конца XVIII столѣтія. „Мастеръ-суконщикъ закупаетъ свою шерсть отъ импортера, если шерсть заграничная или прямо съ овчаренъ, если она домашняя; затѣмъ онъ при переходѣ этой шерсти черезъ различные процессы обрабатыванія, долженъ прибѣгать къ различнаго рода рабочимъ, такъ какъ каждый процессъ исполняется особымъ классомъ ремесленниковъ; иногда рабочіе работаютъ у себя на дому, иногда у хозяина, но ни одинъ не выходитъ изъ предѣловъ своей спеціальности. Каждый классъ рабочихъ пріобрѣтаетъ однако

---

[1]) Economic history, vol. II, p. 237.
[2]) Defoe, Tour, vol. III, p. 89.

такую ловкость при постоянномъ исполненіи одной какой-нибудь спеціальности, что этимъ можно объяснить общепризнанное совершенство суконъ западной Англіи“ [1]). Точно также было и въ хлопчато-бумажной промышленности Ланкашира, гдѣ купецъ снабжалъ ткачей пряжей и основой, и это повлекло за собой даже до половины XVIII вѣка къ образованію въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ мелкихъ фабрикъ, гдѣ наемные рабочіе работали на хозяйскихъ станкахъ. Нѣсколько позже, но задолго до приложенія пара, Артуръ Юнгъ находитъ фабрику въ Дарлингтонѣ, гдѣ работаютъ свыше 50 станковъ, фабрику въ Бойнтонѣ съ 150 рабочими и шелковую фабрику въ Шеффильдѣ съ 152 рабочими. Даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ окончательный шагъ къ превращенію домашней индустріи въ фабричную не былъ еще сдѣланъ, ремесленникъ находился уже почти въ окончательномъ подчиненіи у мастера, который снабжалъ его матеріаломъ и платилъ ему заработную плату. Въ половинѣ XVIII вѣка свободный ремесленникъ постепенно уже переходилъ въ положеніе наемнаго рабочаго. Усовершенствованные пути сообщенія начали расширять рынокъ, увеличеніе предпріятій сдѣлало выгоднымъ введеніе раздѣленія труда и вызвало потребность въ болѣе строгомъ надзорѣ, чѣмъ это возможно было, когда рабочіе были разсѣяны въ своихъ избахъ по деревнямъ.

Разсматривая промышленное предпріятіе, какъ комбинацію труда съ капиталомъ, мы легко замѣтимъ, что отличительной чертой домашинной эпохи было низкое количественное отношеніе капитала къ труду, въ промышленной единицѣ. Это-то именно обстоятельство и дало возможность „домашнему“ производителю удержать такъ долго свое положеніе собственника отдѣльнаго предпріятія. Пока механическія искусства еще были очень мало развиты, отношеніе „основнаго капитала“ въ предпріятіи былъ оочень низкое, и мелкій ремесленникъ еще былъ въ состояніи вести самостоятельно свой промыселъ. Покуда орудія труда совершенно просты и процессы производства медленны, а слѣдовательно и количество сыраго матеріала и другого „оборотнаго“ капитала невелико, ремесленникъ можетъ владѣть

[1]) Report from the Comittee on the woolen manufacture of England, 1806.

всѣмъ капиталомъ. Растущее отдѣленіе собственности на капиталъ отъ труда въ промышленной единицѣ—результатъ тѣхъ улучшеній въ техническомъ искусствѣ, которыя постепенно увеличили отношеніе капитала къ труду въ предпріятіи и привели къ тому, что производитель не былъ уже въ состояніи владѣть достаточнымъ капиталомъ, чтобы самому вести все дѣло.

Въ серединѣ прошлаго столѣтія было очень мало такихъ предпріятій, которыя требовали большихъ капиталовъ, или въ которыхъ отношеніе капитала къ труду было равно современному. Купецъ, а не фабрикантъ, на самомъ дѣлѣ представлялъ собой самую развитую форму капитала въ XVIII ст. Еще долго до открытія доктора Джонсона, что „англійскій купецъ есть особый видъ джентельмена“, Дефо уже замѣтилъ возникновеніе купцовъ-князей въ западныхъ суконныхъ отрасляхъ промышленности, замѣчая, что „многія изъ тѣхъ крупныхъ семействъ, которыхъ теперь считаютъ въ этихъ графствахъ дворянскими, происходятъ и выдвинулись изъ этой поистинѣ благородной промышленности“ [1]). Эти богатые предприниматели часто назывались мануфактуристами, хотя ни старое, ни новое значеніе этого слова не дало имъ на это никакого права. Они не работали собственными руками, не владѣли машинами и не надзирали надъ работой. Они были, какъ уже раньше было сказано, купцами-посредниками. Суконная промышленность, какъ самая развитая, выдвинула нѣсколько родовъ посредниковъ, включая сюда всѣхъ собирателей и раздавателей сырого матеріала и готовыхъ издѣлій.

a) Одинъ важный классъ этихъ „агентовъ“ занимался скупкой шерсти у фермеровъ и ея продажей суконщикамъ, и часто-таки довольно прижималъ послѣднихъ посредствомъ нечестныхъ кредитныхъ операцій.

b) Сами „суконщики“ тоже должны быть въ нѣкоторой степени разсматриваемы какъ посредники-сборщики, аналогичные по своимъ функціямъ съ раздавателями, которые теперь еще существуютъ при торговлѣ дешевымъ платьемъ въ Лондонѣ.

c) Послѣ того, какъ сукно было готово, три класса посредниковъ занимались его доставкой мелочнымъ торгов-

[1]) Tour, vol. II, p. 35.

цамъ: 1) разъѣзжающіе купцы или оптовые торговцы, которые съѣзжались на большія ярмарки и на большіе рынки Лидса, Галифакса, Экстера и т. д.; тамъ они дѣлали крупныя закупки и отправляли свой товаръ на лошадяхъ къ мелкимъ торговцамъ по всей странѣ; 2) комиссіонеры, продававшіе товаръ лондонскимъ агентамъ и оптовымъ торговцамъ, которые въ свою очередь уже продавали мелочнымъ торговцамъ и экспортерамъ; 3) купцы, непосредственно занятые вывозомъ за границу.

За исключеніемъ транспорта моремъ и по каналамъ (что стало играть крупную роль послѣ середины прошлаго вѣка), не было такихъ промышленныхъ предпріятій, въ которыхъ требовался бы большой основной капиталъ. Даже капиталъ, тратившійся на постоянное улучшеніе почвы, что̀ играло такую крупную роль въ развитіи земледѣлія, относится главнымъ образомъ къ концу XVIII стол. Единственные люди, орудовавшіе большимъ капиталомъ внутри страны, были тѣ купцы посредники и комиссіонеры, чей капиталъ во всякое время состоялъ изъ большого склада сырого матеріала и готовыхъ товаровъ. Но и послѣдніе были значительно ограничены въ своихъ торговыхъ операціяхъ несовершеннымъ развитіемъ финансовой и кредитной системъ. Въ 1750 г. внѣ Лондона было не больше 12 банкирскихъ конторъ. До 1759 г. англійскій банкъ не выпускалъ банковыхъ билетовъ ниже 20 фунтовъ стерлинговъ стоимости.

Акціонерный капиталъ и вообще соединеніе нѣсколькихъ промышленныхъ единицъ въ одно предпріятіе только начали появляться. Англійскій банкъ, Остъ-Индская компанія, государственныя кредитныя бумаги были единственнымъ мѣстомъ надежнаго помѣщенія капитала въ началѣ XVIII столѣтія. Соединеніе капиталовъ для торгово-промышленныхъ цѣлей подвигалось до середины XVIII столѣтія очень медленно впередъ. Единственными исключеніями были привилегированныя компаніи для заграничной торговли, какъ, наприм., Остъ-Индская компанія, компанія Гудзонова залива, Турецкая, Русская, Восточная и Африканская компаніи. Страховое дѣло сдѣлалось любимымъ предметомъ акціонерныхъ спекуляцій въ царствованіе короля Георга I. Чрезвычайно быстрое лопаніе акціонерныхъ предпріятій, достигшее своего апогея въ паде-

ніи компаніи Южнаго Моря ясно рисуетъ, какъ мало условія благопріятствовали образованію капиталистическихъ корпорацій. Даже въ области заграничной торговли капиталистическая корпорація могла держаться только на условіи законнаго ограниченія конкуренціи.

Акціонерный капиталъ еще не ворвался въ фабричное дѣло; первымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи было образованіе въ 1764 г. компаніи для выдѣлыванія кембрика (сортъ батиста) съ капиталомъ въ 100.000 фунтовъ стерл.

Вотъ какъ характеризуетъ границы кооперативнаго капитализма въ началѣ періода промышленной революціи Адамъ Смитъ: „Единственныя отрасли, въ которыхъ можно съ успѣхомъ ввести, безъ спеціальныхъ привилегій, акціонерныя компаніи, это тѣ, въ которыхъ всѣ операціи могутъ быть сведены къ такъ называемой рутинѣ, или къ такому однородству въ методахъ, при которыхъ можетъ быть мало, или совсѣмъ не можетъ быть перемѣнъ. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ банковое дѣло, второе—страховое отъ огня, морской опасности или плѣна во время войны, третье—дѣло проведенія или сохраненія готоваго судоходнаго пути или канала, четвертое—сходная отрасль доставки воды для большого города» [1]).

Другими словами, акціонерныя компаніи можно ввести только въ тѣхъ капиталистическихъ предпріятіяхъ, гдѣ искусное управленіе можетъ быть сведено до минимума, и гдѣ масштабъ предпріятія или владѣніе природной монополіей ограничиваетъ или исключаетъ конкуренцію извнѣ.

---

[1]) Wealth of Nations, Bk. V, гл. I, часть 3.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Порядокъ развитія машиннаго производства.

Хотя въ началѣ XVIII столѣтія существовали различные типы промышленной структуры, самой характеристической для того времени была домашняя индустрія. Предметомъ этой главы и будетъ служить изслѣдованіе характера тѣхъ перемѣнъ, которыя повело за собой замѣщеніе мелкихъ ремеслъ, производившихся въ избахъ кустарей или въ мелкихъ мастерскихъ машиннымъ производствомъ и связанными съ нимъ фабриками и заводами; такимъ образомъ мы опредѣлимъ экономическое вліяніе этихъ перемѣнъ.

Всестороннее изслѣдованіе этого предмета, пожалуй, потребовало бы отъ насъ, чтобы мы дали полную исторію изобрѣтеній, знаменующихъ собой въ различныхъ отрасляхъ промышленности возникновеніе и ростъ фабричной системы и капиталистическаго производства. Это однако внѣ предѣловъ нашего изслѣдованія и не соотвѣтствуетъ нашей научной цѣли, состоящей не въ томъ, чтобы написать исторію промышленной революціи, а въ томъ, чтобы изъ анализа явленій, характеризирующихъ эту промышленную революцію, вывести законы этихъ перемѣнъ.

Такъ какъ машина является главнымъ центральнымъ факторомъ въ современномъ развитіи промышленности, то намъ прежде всего нужно отвѣтить на вопросъ: что такое машина?

Различая машину отъ обыкновеннаго орудія или ремесленнаго инструмента, намъ нужно обратить особое вниманіе на два пункта, во-первыхъ, на сложность структуры и на дѣятельность человѣка при машинѣ. Современная машина въ ея самой развитой формѣ состоитъ, какъ Карлъ Марксъ

это выяснилъ, изъ трехъ частей, которыя, хотя механически соединены другъ съ другомъ, существенно отличаются другъ отъ друга: 1) двигательный механизмъ, 2) передаточный механизмъ и 3) само орудіе или рабочій аппаратъ.

Двигательный механизмъ—это та часть, которая приводитъ все въ движеніе. Онъ или порождаетъ свою собственную силу, какъ паровикъ, калорическій двигатель, электромагнитная машина, или же онъ получаетъ импульсъ отъ какой-нибудь уже существующей природной силы, какъ водяное колесо отъ паденія воды, или вѣтряная мельница отъ вѣтра, и т. д. Передаточный механизмъ, состоящій изъ маховыхъ, цилиндрическихъ, зубчатыхъ колесъ, блоковъ, ремней, канатовъ, валовъ, шестерней и различнаго рода зубчатыхъ системъ, регулируетъ движеніе, мѣняетъ, гдѣ это нужно, его форму, отъ прямолинейнаго, напримѣръ, къ круговому, и передаетъ и распредѣляетъ эту силу между рабочими аппаратами. Обѣ эти части существуютъ лишь для того, чтобы приводить въ движеніе рабочій аппаратъ, который при помощи этого движенія схватываетъ предметъ труда и перерабатываетъ его въ желанную форму *).

Хотя развитіе современнаго машиннаго производства крѣпко связано съ двигательной и передаточной частью машины, мы должны обратиться къ рабочему аппарату, чтобы понять разницу между машиной и простымъ орудіемъ. Орудіе можетъ быть очень просто по своей формѣ и дѣйствію, какъ, напримѣръ, ножъ, иголка, пила, валъ, молотъ, или его устройство можетъ заключать въ себѣ больше работы мысли, или наконецъ оно можетъ обладать большей способностью измѣнять движеніе и требовать большого приложенія человѣческой ловкости. Таковы, напримѣръ, ручной станокъ, токарный станокъ и горшечное колесо. Къ этимъ орудіямъ человѣкъ стоитъ въ двоякомъ отношеніи. Онъ ремесленникъ потому, что направляетъ и руководитъ ими своимъ умѣніемъ, конечно, въ предѣлахъ той работы, къ которой эти орудія приспособлены. Его мускульная сила служитъ также двигательной силой, посредствомъ которой орудіе работаетъ. Первое изъ этихъ отношеній является главной отличительной чертой машины отъ простого орудія труда. Когда орудіе отнимается отъ прямого индивидуальнаго руководства ремесленника и передается въ руки механизма,

*) Karl Marx, Capital, p. 367.

регулирующаго его движеніе при помощи движенія, порождаемаго другимъ орудіемъ или механическимъ приспособленіемъ, тогда инструментъ перестаетъ быть простымъ орудіемъ и становится частью машины. Экономическая выгода первыхъ машинъ состояла главнымъ образомъ въ экономіи труда, благодаря приведенію въ движеніе нѣсколькихъ одинаковыхъ орудій одной двигательной силой. Въ первыхъ машинахъ прежнее орудіе становится центральной частью, но его движенія уже больше не регулируются человѣческой рукой. Болѣе усовершенствованныя машины соединяютъ въ одинъ послѣдовательный рядъ много различныхъ механическихъ процессовъ, которые раньше исполнялись отдѣльными людьми или отдѣльными группами людей при помощи различныхъ орудій; машина же придаетъ всѣмъ этимъ процессамъ механическое единство. Но экономическая выгода первыхъ машинъ была другого рода. Она большей частью состояла не изъ гармоническаго соединенія различныхъ процессовъ, но скорѣе изъ умноженія размѣра и скорости данныхъ процессовъ при помощи различныхъ механическихъ приспособленій. Такъ, главное экономическое значеніе первыхъ машинъ, примѣненныхъ къ пряденью, состояло въ томъ, что прядильщикъ могъ въ одно и то же время работать на большемъ числѣ веретенъ, продѣлывая какъ разъ тѣ же манипуляціи, какъ и прежде. Въ другихъ случаяхъ однако не было умноженія числа процессовъ, но главная выгода заключалась въ болѣе высокой ловкости, правильности, скорости или въ сбереженіи силы, которыя достигались замѣной человѣческаго управленія инструментомъ механическимъ.

Машина представляетъ собой по существу болѣе сложную структуру, чѣмъ простое орудіе, потому что она должна заключать въ себѣ всѣ механическія средства для приведенія въ дѣйствіе одного или нѣсколькихъ орудій, которыя раньше приводились въ движеніе человѣкомъ. Употребляя простое орудіе, человѣкъ являлся управляющимъ, при машинѣ же передаточный механизмъ управляетъ постольку, поскольку самъ рабочій аппаратъ своимъ собственнымъ устройствомъ не опредѣляетъ уже собой характера различныхъ манипуляцій. Человѣкъ, приставленный къ машинѣ, можетъ остановить или пустить ее въ ходъ, но отъ него очень мало зависитъ образъ дѣйствія машины. Обѣ отличительныя

черты машины, выведенныя здѣсь, сложность структуры, самоуправленіе или автоматизмъ, составляютъ собой объективное и субъективное выраженіе одного и того же фактора, а именно, измѣненное отношеніе человѣка къ работѣ, въ которой онъ участвуетъ.

Для того, чтобы простое орудіе сдѣлалось машиной, нѣкоторыя регулирующія или умственныя усилія, какъ ловкость, искусство, мысль, должны быть отняты отъ человѣка, или, другими словами, нѣкоторые процессы должны быть управляемы непосредственно не человѣкомъ, а другими процессами. Машина является такимъ образомъ сложнымъ орудіемъ, въ которой комбинируются нѣкоторые процессы, не представляющіе собой выраженія человѣческой дѣятельности. Машинистъ, который подкладываетъ топливо въ машину, имѣетъ въ нѣкоторой степени контроль надъ скоростью и характеромъ первыхъ процессовъ, но только окольнымъ путемъ онъ можетъ вліять на позднѣйшіе процессы, которые регулируются извѣстными законами ихъ структуры и, такимъ образомъ, зависятъ отъ первыхъ процессовъ. Машина по всему своему характеру независима отъ личнаго контроля работающаго при ней человѣка, такъ какъ во всей своей структурѣ она есть выраженіе индивидуальнаго контроля и умѣнія своего изобрѣтателя. Машину, слѣдовательно, можно описать, какъ сложное орудіе съ установленнымъ отношеніемъ между процессами, исполняемыми ея частями. Но даже и это опредѣленіе не даетъ намъ возможности отличить во всѣхъ случаяхъ машину отъ простого орудія. Легко, конечно, понять, что заступъ есть орудіе, а не машина, но если ножницы, рычагъ, или кранъ суть орудія, и по общепринятому понятію совершаютъ простые процессы, а не извѣстное число органически связанныхъ процессовъ, то можно при помощи ловкой градаціи включить всѣ машины въ разрядъ простыхъ орудій. Это затрудненіе впрочемъ является камнемъ преткновенія всѣхъ опредѣленій вообще.

Но хотя не особенно легко вывести разницу между машиной и простымъ орудіемъ на основаніи сложности структуры, то уже совершенно ничего нельзя выиграть, если мы скажемъ, что машина отличается отъ простого орудія тѣмъ, что первая приводится въ движеніе паромъ или другой какой-нибудь нечеловѣческой силой.

Нѣтъ сомнѣнія, конечно, что при введеніи машинъ очень часто заботятся не о томъ, чтобы соединить нѣсколько орудій или рядъ производительныхъ процессовъ, исполнявшихся раньше человѣкомъ, въ одно гармоническое цѣлое, но чтобы замѣнить мускульную силу какой-нибудь другой двигательной силой. Но хотя нѣкоторыя орудія, равно какъ и нѣкоторыя человѣческія усилія, здѣсь вытѣснены машинами, эти орудія однако не входятъ въ составъ машинъ съ тѣмъ, чтобы порождать и передавать силу, такъ что измѣненіе роли рабочаго, какъ источника двигательной силы, нисколько не облегчаетъ намъ различенія машины отъ орудія; характеръ двигательной силы не можетъ такимъ образомъ опредѣлять собой разницу между машиной и орудіемъ. Пишущая машина и рояль, получающіе свой импульсъ отъ человѣческой мускульной силы должны очевидно считаться машинами. Конечно, вѣрно, что эти и подобные инструменты составляютъ исключительныя машины, не потому, что ихъ двигатель порождается самимъ человѣкомъ, но потому что ихъ raison d'être состоитъ въ томъ, чтобы расширить поле приложенія человѣческихъ способностей, а не въ томъ, чтобы его ограничить. Но хотя вѣрно, что для исполненія первыхъ процессовъ рояли или пишущей машины требуется высокая степень искусства и ловкости, также справедливо и то, что орудіе, самый инструментъ, вызывающій звукъ или дѣлающій писанную букву, находится внѣ прямого контроля человѣка. Искусство требуется только для перваго процесса, и весь механизмъ, взятый въ цѣломъ, долженъ быть включенъ въ разрядъ машинъ. Мы, въ дѣйствительности ничего не выиграемъ въ ясности, если откажемся отъ установленнаго нами прежде различія между машиной и простымъ орудіемъ, а назовемъ машиной всякія механическія приспособленія, которыя получаютъ свою двигательную силу отъ какой-нибудь не человѣческой силы; послѣднее обстоятельство собственно отличаетъ новѣйшія машины отъ болѣе раннихъ. Мы дальше увидимъ, что эта замѣна человѣческой силы нечеловѣческой не измѣняетъ характера машины, а есть только разница въ степени, и что даже самыя сложныя современныя паровыя машины не могутъ вполнѣ обходиться безъ какого-либо направляющаго импульса со стороны человѣческой силы, какъ, напр., сгребанія угля въ печь, хотя и въ этомъ отношеніи

замѣчается тенденція къ сведенію человѣческой работы къ minimum'у.

Это разсмотрѣніе трудностей, связанныхъ съ точнымъ опредѣленіемъ машины, далеко не напрасно, такъ какъ оно ведетъ къ болѣе ясному пониманію постепенности эволюціи, измѣнившей характеръ современной индустріи не внезапнымъ введеніемъ совершенно другихъ методовъ, но непрерывнымъ постояннымъ развитіемъ извѣстныхъ элементовъ, общихъ всякому роду промышленной дѣятельности, и постепеннымъ вырожденіемъ другихъ элементовъ.

Ростъ машиннаго производства можно такимъ образомъ, съ одной стороны, измѣрять увеличеніемъ числа и сложности различныхъ, связанныхъ другъ съ другомъ, процессовъ, исполняемыхъ одной механической единицей—машиной, а съ другой стороны—уменьшеніемъ зависимости продукта отъ воли и ловкости человѣка, работающаго при машинѣ. Каждый продуктъ, приготовленный машиной, есть продуктъ или выраженіе мысли и воли человѣка, но чѣмъ больше развивается машинное производство, тѣмъ все болѣе начинаетъ отражаться въ продуктѣ мысль и воля изобрѣтателя машины и все меньше выказывается вліяніе человѣка, работающаго при машинѣ. Но, конечно, недостаточно сказать, что трудо-сберегательная машина только замѣнила накопленнымъ и сконцентрированнымъ трудомъ изобрѣтателя сбереженный трудъ рабочаго. Это значило бы игнорировать сбереженіе мускульной силы, достигаемое замѣной тяжелаго человѣческаго труда силами природы, какъ вода, паръ, электричество и т. д. Мысль изобрѣтателя плюсъ дѣйствіе различныхъ механическихъ силъ—вотъ что сберегаетъ трудъ рабочаго въ производствѣ товара. Дальнѣйшій вопросъ, насколько это сбереженіе въ производствѣ даннаго товара компенсируется увеличеніемъ числа товаровъ, будетъ разобранъ въ дальнѣйшей главѣ.

Желая прослѣдить эффектъ приложенія современныхъ машинъ къ англійской индустріи, намъ придется особенно остановиться на разсмотрѣніи двухъ важныхъ факторовъ, во-первыхъ, на ростѣ улучшенныхъ механическихъ аппаратовъ и на развитіи нечеловѣческой двигательной силы.

Мы говоримъ объ индустріи, господствовавшей послѣ половины XVIII ст., какъ о машинномъ производствѣ, не

потому, что до этого времени не было машинъ, но, во-первыхъ, потому, что только съ этого времени начинается быстрый ростъ и приложеніе сложныхъ машинъ почти ко всѣмъ областямъ промышленности, во-вторыхъ, потому, что только съ этого времени начинается примѣненіе нечеловѣческой двигательной силы въ большомъ масштабѣ.

Однимъ очень важнымъ внѣшнимъ признакомъ наступленія этихъ перемѣнъ является ускореніе того процесса, начало котораго замѣчалось еще до періода большихъ изобрѣтеній, а именно вытѣсненіе домашней индустріи фабричнымъ производствомъ.

Особая связь, существующая между машиннымъ производствомъ и фабричной системой, заключается въ томъ, что размѣръ, дороговизна и сложность машинъ съ одной стороны и употребленіе нечеловѣческой силы съ другой были тѣми силами, которыя соединились, чтобы выгнать рабочаго изъ домашней мастерской на крупную обособленную мастерскую—фабрику.

„Водяной станокъ (water frame), паровая чесалка (carding engine) и другія машины, которыя Аркрайтъ изобрѣлъ, требовали больше мѣста, чѣмъ можно было найти въ избѣ, и больше силы, чѣмъ человѣческая рука. Ихъ вѣсъ также требовалъ, чтобы ихъ помѣщали въ крѣпкихъ зданіяхъ, и ихъ нельзя было вращать никакой извѣстной тогда силой, за исключеніемъ воды. Болѣе того, употребленіе машины было связано съ болѣе широкимъ раздѣленіемъ труда, и потому требовалась большая кооперація, чтобы приводить всѣ эти процессы въ одно гармоническое цѣлое подъ однимъ центральнымъ управленіемъ“ [1]). Вслѣдствіе всего этого ростъ машиннаго производства во многихъ отношеніяхъ однороденъ съ ростомъ современной фабричной системы.

Человѣкъ дѣлаетъ свою работу при помощи передвиженія матеріи. Машина такимъ образомъ помогаетъ ему только тѣмъ, что она увеличиваетъ двигательную силу, находящуюся въ его распоряженіи.

1) При помощи различныхъ механическихъ приспособленій—рычаговъ, блоковъ, клиновъ, винтовъ и т. д. машина даетъ возможность прилагать силу человѣка или природы болѣе производительнымъ образомъ.

---

[1]) Cooke Taylor, History of the Factory system, p. 422.

2) Машина позволяетъ человѣку воспользоваться двигательными силами, находящимися внѣ его тѣла, какъ напр. водой, паромъ, электричествомъ, химическимъ дѣйствіемъ и т. д.

Доставляя новыя производительныя силы и позволяя болѣе экономно прилагать всѣ данныя производительныя силы, машина такимъ образомъ улучшаетъ промышленныя искусства.

Машина можетъ увеличивать поле человѣческой производительной дѣятельности двоякимъ образомъ. Тотъ фактъ, что трудно сосредоточить крупную массу человѣческой силы на одномъ какомъ-нибудь пунктѣ въ одно и то же время, представляетъ собой нѣкоторую количественную границу продуктивной способности человѣка. Паровой молотъ можетъ исполнять такую работу, которую не будетъ въ состояніи сдѣлать какое угодно число людей, работающихъ простыми орудіями и пользующихся двигательной силой своихъ собственныхъ тѣлъ.

Другая граница производительной силы человѣка вытекаетъ изъ отсутствія постоянства и непрерывности въ человѣческомъ трудѣ и изъ неумѣнія вполнѣ контролировать направленіе этого труда. Трудность удержать на нѣкоторое время то же самое, хотя и маленькое давленіе, или трудность повторять одно и то же движеніе, составляетъ скорѣе качественную, чѣмъ количественную границу. Болѣе высокое постоянство и регулярность машинъ даетъ возможность исполнять такую работу, которую человѣкъ или не въ состояніи исполнить, или сдѣлалъ бы не такъ хорошо.

Работа печатныхъ машинъ не можетъ быть исполнена человѣкомъ. Машина улучшила тканье и качество нѣкоторыхъ сортовъ шерстяныхъ тканей; послѣднія усовершенствованія въ мельничномъ дѣлѣ повели за собой улучшеніе качества муки и т. д. Машина можетъ также исполнять такую работу, которая слишкомъ тонка или деликатна для человѣческихъ пальцевъ, или которая потребовала бы слишкомъ большой ловкости, чтобы ее сдѣлать ручнымъ трудомъ. Экономія времени, которую Баббэджъ считаетъ особой выгодой, есть собственно результатъ вышеупомянутыхъ выгодъ. Бо̀льшая скорость, съ которой исполняются нѣкоторые технические процессы, какъ напр. крашеніе, объясняется болѣе высокой концентраціей и продолжительностью силы, воз-

можной только при машинахъ. Всѣ выгоды, вытекающія изъ быстраго передвиженія, объясняются тѣми же причинами.

Продолжительность и регулярность дѣйствія машинъ отражается въ возможности измѣрять ихъ дѣйствіе. Способность измѣрять и регистрировать свою собственную работу, есть потенціальное свойство всѣхъ машинъ, которое утилизируется все больше съ каждымъ днемъ и даетъ намъ возможность точно знать, что происходитъ внутри машины. Если, кромѣ саморегистрированія, машина въ состояніи еще сама себя регулировать, мы въ извѣстныхъ предѣлахъ пріобрѣтаемъ новую экономію въ силѣ и новое знаніе. Но машина также можетъ регистрировать и регулировать трату человѣческой силы. Баббэджъ вѣрно замѣчаетъ: „одна изъ самыхъ крупныхъ выгодъ, которую мы извлекаемъ отъ машинъ, заключается въ томъ, что онѣ прекращаютъ невниманіе, лѣность и плутовство рабочаго“ [1]). Этотъ контроль машины надъ человѣкомъ приводитъ къ результатамъ, относящимся къ другимъ выгодамъ машины, которыхъ мы здѣсь не коснемся.

Мы пересчитали всѣ выгоды, получаемыя отъ машинъ. Всѣ усовершенствованія въ машинахъ принимаютъ такимъ образомъ одну изъ слѣдующихъ формъ:

1) Такого рода перераспредѣленіе или улучшеніе машинъ, чтобы болѣе полно утилизировать производительную силу природы или человѣка. Усовершенствованіе, дающее одному человѣку возможность работать на большемъ числѣ веретенъ, или дающее возможность одному паровику, при томъ же давленіи, вращать больше колесъ, относится къ этому разряду усовершенствованій.

2) Экономія по отношенію къ источнику силы. Эти выгоды могутъ быть раздѣлены на четыре класса:

a) Замѣщеніе болѣе дорогой человѣческой силы болѣе дешевой. Вытѣсненіе мужскаго труда женскимъ и дѣтскимъ.

b) Замѣщеніе человѣческой силы механической. Въ этомъ собственно состоитъ одна изъ главныхъ выгодъ приложенія болѣе усовершенствованныхъ трудо-сберегательныхъ машинъ.

c) Выгода въ отопленіи или въ парѣ. Самымъ лучшимъ

[1]) Babbage, Economy of machinery, p. 39.

примѣромъ этого можетъ служить примѣненіе горячаго воздуха (hot blast) и замѣщеніе простого угля коксомъ въ желѣзномъ производствѣ.

d) Замѣщеніе стараго механическаго двигателя новымъ, берущимъ свое начало отъ того же или новаго источника энергіи, какъ напр. замѣщеніе воды паромъ и пара естественнымъ газомъ.

3) Болѣе широкое приложеніе машинъ. Благодаря научнымъ изобрѣтеніямъ, ихъ примѣненію къ машинному производству, возникаютъ новыя отрасли промышленности для утилизированія отбросовъ или вообще негодныхъ продуктовъ. Подъ этимъ мы подразумѣваемъ: a) естественные продукты, польза которыхъ еще не была извѣстна, или которыхъ нельзя было утилизировать безъ подходящихъ машинъ, какъ напр. нитраты и другіе негодные продукты почвы; b) отбросы при мануфактурныхъ процессахъ, считавшіеся негодными до тѣхъ поръ, пока не открыли возможности ихъ употреблять. Мы можемъ найти много подходящихъ примѣровъ во многихъ производствахъ. Въ промежутки между новыми крупными изобрѣтеніями въ области машинъ или приложенія силъ, главныя усовершенствованія направлены на болѣе производительное употребленіе отбросовъ. Масла, добываемыя при производствѣ свѣтильнаго газа, раньше бросались въ рѣки и загрязняли ихъ или смѣшивались съ углемъ и шли на отопленіе, теперь же употребляются, какъ „сырой матеріалъ для приготовленія самыхъ красивыхъ красокъ, нѣкоторыхъ изъ нашихъ лучшихъ лѣкарствъ, сахаристаго вещества въ триста разъ слаще, чѣмъ сахаръ, и самыхъ лучшихъ дезинфицирующихъ веществъ для истребленія зародышей болѣзней". „Почти полная революція произошла въ красильномъ дѣлѣ и въ набиваніи ситца послѣ того, какъ стали примѣнять масла, добываемыя при перегонкѣ газа и считавшіяся раньше отбросомъ" [1]). Эти выигрыши въ топливѣ и утилизированіе отбросовъ главнымъ образомъ обязаны крупному производству, являющемуся результатомъ примѣненія крупныхъ машинъ. Многіе отбросы могутъ быть утилизированы только тогда, когда ихъ много.

Если мы исторически прослѣдимъ увеличеніе произво-

---

[1]) Sir Lyon Playfair, North American Review Nov. 1892.

дительности труда въ капиталистическомъ производствѣ, то мы найдемъ, что это увеличеніе распадается на три періода:

1) Періодъ первыхъ механическихъ изобрѣтеній, совпадающихъ съ вытѣсненіемъ домашняго производства фабричнымъ.

2) Развитіе новаго двигателя въ мануфактурѣ. Приложеніе пара къ производству.

3) Развитіе пароваго двигателя и его вліяніе на промышленность.

Эти періоды, конечно, не совершенно оторваны другъ отъ друга, и поэтому мы можемъ прослѣдить отношенія, существующія между развитіемъ машинъ и двигательной силой и между усовершенствованіемъ въ производствѣ и улучшеніемъ въ средствахъ перевозки. Но, чтобы понять всю кажущуюся неправильность въ исторіи развитія машинъ, намъ необходимо разсмотрѣть эти факторы отдѣльно и затѣмъ въ ихъ исторической и экономической связи. Для этой цѣли мы прослѣдимъ двѣ главныхъ отрасли производства Англіи, текстильную и желѣзную, чтобы въ ихъ развитіи разсмотрѣть законы развитія современныхъ машинъ.

Текстильная индустрія особенно удобна для такого изслѣдованія. Будучи самой крупной и самой распространенной отраслью промышленности въ Англіи, она представляетъ собой въ началѣ XVIII ст. самые ясные примѣры различныхъ формъ промышленности. Раньше всего были примѣнены великія изобрѣтенія къ различнымъ отраслямъ этой промышленности. Этотъ импульсъ въ промышленномъ развитіи постоянно поддерживался, такъ что въ этой индустріи можно теперь найти самыя высшія формы современной фабричной системы. Болѣе того, глубокое вниманіе, котораго эта индустрія всегда удостоивалась, и точные отчеты, которые сохранились, особенно относительно хлопчато-бумажной промышленности въ Ланкаширѣ, даютъ намъ возможность лучше изучить дѣйствіе новыхъ промышленныхъ силъ въ этой индустріи, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ производствѣ. Вполнѣ вѣрно замѣчаетъ Шульце-Геверницъ въ своемъ мастерскомъ сочиненіи относительно хлопчато-бумажной индустріи: „Англійская хлопчато-бумажная промышленность не только самая старая, но и во многихъ отношеніяхъ самая современная,

и въ ней яснѣе всего проявляются всѣ отличительныя черты современныхъ промышленныхъ методовъ въ ихъ экономическихъ и соціальныхъ отношеніяхъ".

Желѣзную индустрію мы избрали на томъ основаніи, что она тѣсно связана съ приложеніемъ паровыхъ машинъ къ различнымъ отраслямъ промышленности. Она, такъ сказать, самая основная отрасль изъ всей современной промышленности, такъ какъ она составляетъ матеріальное основаніе современныхъ великихъ промышленныхъ силъ. Болѣе того, мы имѣемъ возможность прослѣдить ростъ желѣзной промышленности съ самаго ея зачаточнаго состоянія, такъ какъ мы уже видѣли, что до промышленной революціи она играла очень незначительную роль въ англійской торговлѣ.

Наконецъ изученіе отношенія, которое существуетъ между ростомъ желѣзной промышленности и текстильной индустріей, будетъ особенно важно, въ виду того, что это поможетъ намъ понять характеръ воздѣйствія различныхъ отраслей промышленности другъ на друга при растущей сложности и интеграціи промышленности вообще.

При изученіи порядка приложенія новыхъ изобрѣтеній, примѣненныхъ къ текстильной промышленности, намъ прежде всего бросается въ глаза, что хлопчатая бумага, составлявшая маленькую отрасль промышленности въ предѣлахъ одной только части Ланкашира и годившаяся до 1768 г. только вмѣстѣ съ льняной основой для приготовленія полной ткани, начинаетъ играть первенствующую роль.

Шерстяная промышленность въ первой половинѣ XVIII столѣтія обращала на себя, какъ мы видѣли, гораздо большее вниманіе и играла гораздо бо́льшую роль въ торговлѣ. Производство шелка оживилось, благодаря притоку искусныхъ французскихъ рабочихъ, и первая современная фабрика съ совершенными машинами была та, которую Ломбъ устроилъ для трощенія шелка; тѣмъ не менѣе самое большое число важныхъ текстильныхъ изобрѣтеній XVIII вѣка были или съ самаго начала примѣнены къ хлопчато-бумажному производству и иногда только послѣ многихъ лѣтъ прилагались къ производству шерстяныхъ и другихъ тканей, или же, будучи изобрѣтены для производства шерстяныхъ тканей, не

---

[1]) Der Grossbetrieb, p. 85.

увѣнчались успѣхомъ до ихъ примѣненія къ хлопчатой бумагѣ.

Хотя возникновеніе и приложеніе изобрѣтательнаго генія во многихъ отношеніяхъ не подлежитъ никакимъ законамъ и можетъ на время быть отнесено къ области случайностей, существуютъ однако нѣкоторыя причины, которыя сдѣлали хлопчато-бумажную отрасль самой привилегированной въ этомъ отношеніи изъ всей промышленности. Ея концентрація въ южномъ Ланкаширѣ и Стаффордширѣ, при сравненіи съ разсѣянностью шерстяной промышленности, облегчала быстрое примѣненіе къ ней новыхъ методовъ и изобрѣтеній. Болѣе того, такъ какъ хлопчато-бумажная промышленность болѣе поздняго происхожденія и она заводилась въ второстепенныхъ селахъ и городахъ, то она избѣгла вліянія официальныхъ регулированій, господствовавшихъ въ шерстяныхъ центрахъ и сильно препятствовавшихъ введенію новыхъ промышленныхъ методовъ. Даже въ самомъ Ланкаширѣ правительственные инспектора регулировали шерстяное производство въ городахъ Манчестерѣ, Рочдэлѣ, Блакбурнѣ.

Хлопчато-бумажное же производство было съ самаго начала свободно отъ всѣхъ этихъ оковъ. Ловкій практическій торговый характеръ, отличающій нынѣшній Ланкаширъ, есть, пожалуй, причина, равно какъ и результатъ крупнаго промышленнаго развитія за послѣднія сто лѣтъ. Болѣе того, даже до появленія великихъ изобрѣтеній поняли, что бумажные продукты могутъ успѣшно конкурировать съ шерстяными продуктами и легко ихъ вытѣснятъ изъ народнаго потребленія. Это-то знаніе обѣщало неслыханное счастье тѣмъ изобрѣтателямъ, которые при помощи машинъ сумѣли бы разрушить тѣ препятствія, которыя производство встрѣчало вслѣдствіе ограниченнаго числа искусныхъ рабочихъ при нѣкоторыхъ процессахъ, черезъ которые хлопчато-бумажная ткань должна была пройти.

Но импульсъ, который одно изобрѣтеніе даетъ другому, приводитъ къ накопленію силы для приложенія новыхъ методовъ. Это особенно видно во взаимности изобрѣтеній, прилагавшихся къ двумъ главнымъ процессамъ пряденья и тканья.

Даже до изобрѣтенія летучаго челнока (bly shuttle) Джона Кэя, удвоившаго количество работы, которое ткачъ

могъ дѣлать въ одинъ день, прядильщики съ трудомъ могли доставлять достаточно пряжи для ткачей. Это было, повидимому, одинаково вѣрно для Ланкаширской хлопчатой бумаги, равно какъ для Іоркширской шерсти. Послѣ того, какъ летучій челнокъ вошелъ въ общее употребленіе, этотъ усиленный спросъ на прядильщиковъ еще болѣе увеличился, и самые ловкіе скупщики не могли доставлять достаточно пряжи. Эта экономическая необходимость заставила обратить все большее вниманіе на эксперименты съ прядильными машинами, и мы видимъ, что, задолго до изобрѣтенія прядильной машины Дженни и Ватерной машины, геніальные люди въ родѣ Кэя, Вайэтта, Поля и другихъ пробовали много патентовъ для усовершенствованія прядильнаго дѣла. Великія изобрѣтенія Гаргривса, Аркрайта и Кромптона дали возможность пряденью превзойти и обогнать ткачество, и когда въ 1790 г. паръ уже довольно часто прилагался къ прядильному производству, то не пряденье, а тканье ограничивало и замедляло выдѣлку шерстяныхъ и бумажныхъ тканей.

Напряженное состояніе тканья, которое все росло въ теченіе всего періода прядильныхъ усовершенствованій, дѣйствовало особенно побуждающимъ образомъ на Картрайта, Горрокса и другихъ и направляло ихъ вниманіе на улучшеніе механическаго ткацкаго станка, въ его приложеніи къ выдѣлкѣ шерсти, а затѣмъ и хлопчатой бумаги. Только позже, въ XIX столѣтіи, когда паровая сила, вмѣстѣ съ другими второстепенными усовершенствованіями, была уже во всеобщемъ употребленіи, тканье и пряденье были технически приведены въ соотвѣтствіе. Полная фабрика, т. е. такая, гдѣ различные процессы чесанья, пряденья, тканья (и даже крашенья) исполняются подъ одной крышей въ соотвѣтствіи другъ съ другомъ, обозначаетъ собой полный переходъ отъ раннихъ формъ до ашняго производства, гдѣ семейство исполняло простыми орудіями всѣ эти различные процессы подъ домашнимъ кровомъ.

Исторія этихъ текстильныхъ изобрѣтеній сильно подрываетъ вѣрность „героической“ теоріи изобрѣтеній, т. е. теоріи, утверждающей, что идея вдругъ озаряетъ умъ какого-нибудь геніальнаго человѣка и затѣмъ производитъ цѣлую революцію въ какой-нибудь отрасли. Ни одно изъ изобрѣтеній, игравшихъ крупную роль въ развитіи промышлен-

ности, какъ, напримѣръ, Дженни, Ватерная машина, мюльная, механическій ткацкій станокъ,—ни одно изъ нихъ не есть результатъ способности одного человѣка; каждое представляетъ собой въ своемъ окончательномъ видѣ сумму различныхъ усовершенствованій; въ большинствѣ случаевъ окончательное удачное изобрѣтеніе только немногимъ стояло выше предыдущихъ, менѣе развитыхъ формъ того же изобрѣтенія, которыя не могли прилагаться къ производству. „Машины, которыя мы теперь употребляемъ въ пряденьѣ, составляютъ, пожалуй, сложный результатъ восьми сотъ изобрѣтеній. Нынѣшняя чесальная машина есть комбинація 60 патентовъ“ [1]). И подобную исторію представляетъ собой большинство изобрѣтеній. Давленіе промышленныхъ условій направляетъ многіе умы на разрѣшеніе одного какого-нибудь спеціальнаго затрудненія, общій уровень знаній вѣка приводитъ многихъ къ сходнымъ рѣшеніямъ трудности: то рѣшеніе, которое нѣсколько лучше приспособлено къ условіямъ, увѣнчивается успѣхомъ, и изобрѣтатель-собиратель, а часто прямо воръ вѣнчается, какъ лучшій изобрѣтательный геній. Вслѣдствіе игнорированія этихъ условій, получается ложное толкованіе лѣтописей промышленныхъ изобрѣтеній и придается нерегулярный и внезапный характеръ дѣйствію такой силы, которая по существу дѣйствуетъ гораздо болѣе равномѣрно, чѣмъ это кажется снаружи. Первые ранніе проблески какого-нибудь крупнаго изобрѣтенія остаются совершенно незамѣтными на страницахъ исторіи только потому, что они не оплачиваются, но послѣдняя прибавка, которая дѣлаетъ изобрѣтеніе выгоднымъ, получаетъ всѣ почести, хотя внутренняя важность и изобрѣтательный геній, скрывавшійся въ первыхъ попыткахъ, равенъ или даже превосходитъ важность и геній, сдѣлавшій послѣднюю.

Нѣтъ ничего таинственнаго или случайнаго въ изобрѣтательной энергіи. Необходимость—ея мать, это только значитъ, что она движется по направленію наименьшаго сопротивленія. Люди, какъ Кэй, Гаргривсъ, Аркрайтъ и Картрайтъ, направляютъ свой умъ и прилежаніе на рѣшеніе различныхъ затрудненій, по мѣрѣ того, какъ эти затрудненія возникаютъ. Почти всѣ великіе изобрѣтатели въ

[1]) P. R. Hodge-Evidence before House of Lords Committee in 1857.

области текстильной индустріи были люди практики, большинство изъ нихъ были сами рабочіе, вполнѣ посвященные во всѣ детали своего ремесла и постоянно встрѣчающіеся лицомъ къ лицу съ какимъ-нибудь затрудненіемъ, которое нужно преодолѣть, или съ какимъ-нибудь сбереженіемъ, которое желательно сдѣлать. Постоянно размышляя объ этихъ конкретныхъ явленіяхъ, пробуя сначала одну вещь, потомъ другую, учась многому изъ попытокъ и неудачъ другихъ практическихъ людей и улучшая эти попытки, они, наконецъ, попадаютъ на какое-нибудь приспособленіе, которое устранитъ данное затрудненіе или достигнетъ желательныхъ сбереженій. Если мы возьмемъ какое угодно опредѣленное изобрѣтеніе и основательно его изучимъ, мы почти въ каждомъ случаѣ найдемъ, что оригинальная идея постепенно измѣнялась разными наростаніями, прежде чѣмъ она выливается въ оконченную форму. Ученые въ собственномъ смыслѣ слова имѣли очень мало общаго со всѣми этими открытіями. Изъ всѣхъ изобрѣтателей въ области текстильной индустріи одинъ только Картрайтъ былъ человѣкъ теоріи. Когда прядильныя машины нашли препятствіе въ своемъ дѣйствіи со стороны грубыхъ способовъ чесанія, тогда Лизъ и Аркрайтъ стали работать надъ нахожденіемъ такихъ изобрѣтеній, которыя ихъ практическій умъ имъ подсказывалъ; когда механическій ткацкій станокъ Картрайта былъ съ успѣхомъ примѣненъ къ обработкѣ шерсти, тогда Горроксъ и его друзья придумали такія измѣненія въ этомъ изобрѣтеніи, которыя сдѣлали его годнымъ для хлопчатобумажнаго производства.

Такимъ образомъ, въ производствѣ, гдѣ есть нѣсколько важныхъ процессовъ, усовершенствованіе въ одномъ процессѣ, ставящее этотъ процессъ впереди всѣхъ, вызываетъ изобрѣтенія и въ другихъ процессахъ, и каждый въ свою очередь направляетъ работу мысли въ такомъ направленіи, чтобы привести одинъ процессъ въ соотвѣтствіе съ другимъ. Такъ какъ новѣйшія изобрѣтенія, основанныя на большемъ знаніи и распоряжающіяся большими силами, часто затмеваютъ собой первыя, то получается законъ колебанія въ различныхъ процессахъ, и движеніе впередъ по пути изобрѣтеній поддерживается стимуломъ, вызываемымъ болѣе передовымъ процессомъ. Въ этомъ нѣтъ ничего таинственнаго. Если одинъ или нѣсколько процессовъ оста-

ются позади въ техническомъ развитіи, то каждый шагъ по пути улучшенія этихъ отсталыхъ процессовъ лучше вознаграждается, чѣмъ улучшенія въ болѣе передовыхъ процессахъ. Это движеніе такимъ образомъ подлежитъ обыкновенному закону спроса и предложенія и усилено обыкновенными матеріальными мотивами. Такъ какъ изобрѣтеніе летучаго челнока поставило тканье выше пряденья, то стали обращать большее вниманіе на прядильный процессъ, и плодомъ этого явилась тонкопрядильная машина Дженни; неудовлетворительность Дженни при пряденьи основы вызвала изобрѣтеніе Ватерной машины, которая въ первый разъ освободила хлопчато-бумажную индустрію отъ зависимости отъ льняной основы; спросъ на болѣе тонкую и болѣе однородную пряжу повлекъ за собой изобрѣтеніе Мюля. Эти значительныя усовершенствованія въ прядильныхъ машинахъ и ихъ принадлежностяхъ поставили пряденье впереди тканья и стимулировали рядъ изобрѣтеній, завершившихся въ механическомъ ткацкомъ станкѣ. Но этотъ механическій ткацкій станокъ не приносилъ много пользы, пока другіе процессы не были, благодаря трудамъ Горрокса и другихъ, поставлены въ уровень съ развитіемъ машинъ. Только послѣ 1841 года было достигнуто равновѣсіе въ техническомъ состояніи этихъ главныхъ процессовъ. Точно также каждый значительный шагъ впередъ въ машинахъ для главныхъ процессовъ повлекъ за собой сосредоточеніе изобрѣтательной энергіи на меньшихъ и второстепенныхъ процессахъ бѣленія, крашенія, набиванія и т. д. Даже теперь первые процессы очистки хлопка не были еще въ полномъ соотвѣтствіи съ другими процессами, не смотря на усиленныя попытки, которыя главнымъ образомъ предпринимались въ Соединенныхъ Штатахъ для преодолѣнія этихъ первыхъ процессовъ въ хлопчато-бумажной промышленности.

Слѣдующая таблица покажетъ намъ ростъ хлопчато-бумажнаго производства, поскольку онъ измѣряется отношеніемъ между потребленіемъ сырой хлопчатой бумаги и усовершенствованіями въ техникѣ.

Ввезено хлопчатой бумаги въ фунтахъ:		Изобрѣтенія и т. д.
1730 г.	1.545.472	1730 г. Прядильная вальцовая машина Вайетта, патентованная въ 1738 г.
		1738 г. Летучій челнокъ Кэя (fly shuttle).
1741 г.	1.645.031	1748 г. Чесальная машина Поля (безполезна, пока не была улучшена Лизомъ, Аркрайтомъ въ періодъ 1772—74).
1764 г.	3.870.392	1764 г. Тонкопрядильная машина Дженни Гаргривса (патентована въ 1770 г.), только для утка.
		1764 г. Набиваніе ситца вводится въ Ланкаширѣ.
		1768 г. Аркрайтъ совершенствуетъ прядильный станокъ Вайетта (патентовано въ 1769 г.), дѣлая хлопокъ независимымъ отъ льняной основы.
1771 до 1775	4.764.589	1771 г. Фабрика Аркрайта построена въ Кромфордѣ.
		1775 г. Аркрайтъ беретъ патенты для чесанія, наматыванія, пряденья.
		1779 г. Мюльная машина Кромптона закончена (соединеніе Дженни и Ватерной машины производитъ болѣе тонкія и болѣе однородныя пряжи).
1781 г.	5.198.775	
1785 г.	18.400.384	1785 г. Механическій ткацкій станокъ Картрайта.
		Первый паровикъ Уатта

		и Больтона для хлопчато-бумажныхъ фабрикъ.
1792 г.	34.907.497	1792 г. Машина для отдѣленія сѣмянъ отъ волоконъ, изобрѣтенная Уитнеемъ.
1813 г.	51.000.000	1813 г. Машина Горрокса.
1830 г.	261.200.000	1830 г. Тонкопрядильная машина „Throstle“ (употребляема исключительно въ Англіи для пряденья).
1832 г.	287.800.000	1832 г. Самодѣйствующій Мюль-Робертса, усовершенствованный.
1841 г.	489.900.000	1841 г. Усовершенствованный механическій ткацкій станокъ. Круговое пряденье (ring spinning), весьма распространенное въ Соединенныхъ Штатахъ, недавно введенное въ Ланкаширѣ.

Изъ этой таблицы видно, что исторію этого производства можно довольно точно раздѣлить на 4 періода.

1) Подготовительный періодъ опытовъ изобрѣтеній Вайетта, Поля и др. до 1770 г.

2) Отъ 1770—1792 г. (приблизительно) періодъ великихъ механическихъ изобрѣтеній.

3) 1792—1830 г. Приложеніе паровой силы къ производству и усовершенствованіе великихъ изобрѣтеній.

4) Съ 1830 года и позже; вліяніе пароваго движенія на промышленность (1830 г. открытіе Ливерпуль-Манчестерской желѣзной дороги).

Если мы измѣримъ дѣйствіе этихъ различныхъ промышленныхъ силъ въ теченіе этихъ различныхъ періодовъ, какъ оно выражается въ растущемъ объемѣ хлопчато-бумажной индустріи, мы поймемъ аккумулативный характеръ великаго промышленнаго движенія, и мы получимъ хотя при-

близительно вѣрное понятіе объ относительной важности механическихъ изобрѣтеній и новой двигательной силы.

Исторія хлопчато-бумажнаго производства вполнѣ похожа въ главныхъ своихъ отличительныхъ чертахъ на исторію всѣхъ другихъ отраслей текстильной индустріи. У насъ нѣтъ тѣхъ же средствъ для статистическаго измѣренія роста шерстяного производства въ періодъ промышленной революціи; но такъ какъ многія изобрѣтенія въ области пряденья и тканья хлопка были скоро приложены къ выдѣлкѣ шерсти, и такъ какъ приложеніе пара со всѣми послѣдствіями парового движенія совершалось также въ болѣе старомъ шерстяномъ производствѣ, то ясно, что ростъ этой отрасли тоже совпадаетъ по времени съ соотвѣтствующими ступенями въ хлопчато-бумажной промышленности. Данные о привозной шерсти не такъ цѣнны, какъ тѣ же цифры въ хлопчато-бумажномъ производствѣ, такъ какъ въ первомъ случаѣ, мы не имѣемъ данныхъ о домашнемъ производствѣ. Слѣдующія данныя однако о заграничной и колоніальной шерсти, ввозимой въ Англію, бросаютъ много свѣта на ростъ обработки шерсти.

Статистическія данныя о ввозимой шерсти въ Англію.

Года.	Фунтовъ.	Года.	Фунтовъ.
1766	1.926.000	1830	32.305.000
1771	1.829.000	1840	49.436.000
1780	323.000	1850	74.326.000
1790	2.582.000	1860	151.218.000
1800	8.609.000	1870	263.250.000
1810	10.914.000	1880	463.309.000
1820	9.775.000	1892	743.046.104

Въ шелковомъ производствѣ вліяніе машинъ осложняется еще другими различными условіями, касающимися только этой промышленности. Хотя, благодаря геніальности и предпріимчивости Ломбса, къ тропценію шелка примѣнены были довольно сложныя машины еще задолго до того, пока онѣ съ успѣхомъ прилагались къ другимъ отраслямъ текстильной индустріи, шелковое производство не такъ быстро росло, какъ можно было ожидать, и успѣшныя наростанія крупныхъ механическихъ изобрѣтеній медленно и слегка примѣнялись къ производству шелка. Есть, конечно, специ-

альныя причины, которыя объясняютъ это; нѣкоторыя связаны съ высокой стоимостью этого товара, а другія съ соціальнымъ регулированіемъ этой отрасли.

Врожденная, такъ сказать, деликатность нѣкоторыхъ процессовъ, капризный характеръ рынка этихъ товаровъ, дороговизна, которая дѣлаетъ ихъ предметами роскоши и подвергаетъ ихъ всѣмъ колебаніямъ вкуса и моды, — всѣ эти условія оставили въ рукахъ искусныхъ ремесленниковъ выдѣлку многихъ лучшихъ сортовъ шелка, и не дали возможности примѣнять въ этой области машины въ такой же степени, въ какой онѣ прилагались въ хлопчато-бумажной и шерстяной промышленности.

Болѣе того, тяжелыя пошлины, которыми сырой и трощеный шелкъ облагался, и параллельное съ этимъ запрещеніе ввоза обработанныхъ шелковыхъ издѣлій въ 1765 г., увеличили издержки производства и ограничивали рынокъ въ самое время великихъ техническихъ изобрѣтеній, и шелкъ не могъ вслѣдствіе этого противостоять конкуренціи болѣе молодого, болѣе предпріимчиваго хлопчато-бумажнаго производства, и послѣ введенія цвѣтного набиванія въ началѣ XIX ст., хлопчатая бумага вполнѣ была въ состояніи вытѣснить шелкъ на многихъ рынкахъ.

Даже въ болѣе грубыхъ сортахъ шелка, гдѣ ткацкія машины были примѣнены довольно рано, медленный прогрессъ „трощенія“ сильно замедлялъ расширеніе этой отрасли производства; и даже послѣ того, какъ въ 1826 г. пошлины на импортированный шелкъ были сняты, число шелко-тростильныхъ фабрикъ далеко не въ состояніи было удовлетворить спросъ ткачей [1]). Послѣдовавшія затѣмъ усовершенствованія въ тростильныхъ машинахъ, приложеніе замѣчательной ткацкой машины Juckarel'a и другихъ усовершенствователей дали за послѣдніе 50 лѣтъ сильный толчокъ многимъ отраслямъ этой промышленности.

Но слѣдующія данныя о потребленіи сырого и трощенаго шелка отъ 1765—1844 гг. показываютъ, какъ незначительно и неправильно было расширеніе этой отрасли въ Англіи въ эпоху великихъ изобрѣтеній и приложенія пара, и какъ тяжело пошлины на сырой и трощеный шелкъ дѣйствовали на эту отрасль индустріи.

---

[1]) Porter, Progress of the Nation, p. 219.

СРЕДНІЙ ВЫВОДЪ:

	Фунты.		Фунты.
1765		1823—2.468.121	
1766	715.000	1824—4.011.048	
1767		1825—3.604.058	
1785		1826—3.253.513	
1786	881.000	1827—4.213.153	
1787		1828—4.547.812	
1801		1829—2.892.201	
до	1.101.000	1830—4.693.517	
1812		1831—4.312.330	
1814—2.119.974		1832—4.373.247	
1815—1.445.389		1833—4.761.543	
1816—1.088.334		1834—4.522.451	
1817—1.686.659		1835—5.788.458	
1818—1.922.987		1836—6.058.423	
1819—1.848.553		1837—4.598.859	
1820—2.027.635		1838—4.790.256	
1821—2.329.808		1839—4.665.944	
1822—2.441.563		1840—4.819.262	

Въ полотняномъ производствѣ новые способы производства прививались очень медленно, благодаря искусственному поощренію ирландскаго производства, которое пользовалось всякими преміями и монополіей англійскихъ рынковъ; помимо того, неопредѣленное состояніе самого англійскаго производства, вызванное сильной конкуренціей со стороны хлопчатой бумаги, тоже препятствовало раннему примѣненію новыхъ машинныхъ способовъ. Хотя Адамъ Смитъ и смотрѣлъ на полотно, какъ на много обѣщающую отрасль промышленности, она тогда еще находилась въ примитивномъ состояніи. Прядильни для льна были устроены въ Англіи и Шотландіи не раньше самаго конца XVIII стол., и механическій ткацкій станокъ не былъ введенъ до 1830 г.; а введеніе прядильныхъ машинъ въ Ирландіи въ такомъ размѣрѣ, чтобы вполнѣ снабжать ткацкіе станки этой страны, совершилось еще позднѣе.

Мы видѣли, что первый опытъ въ хлопчато-бумажной индустріи не произвелъ особенно осязательнаго эффекта на объемъ этой промышленности. Отъ 1700 г. до 1775 г. производство находилось въ неподвижномъ

состояніи. Въ выдѣлкѣ шерсти обнаруживался значительный ростъ, главнымъ образомъ, благодаря толчку, данному ей изобрѣтеніемъ летучаго челнока (fly shuttle). Крупный ростъ хлопчато-бумажнаго производства въ періодъ отъ 1770—1790 г. можетъ служить мѣриломъ силы механическихъ изобрѣтеній еще до появленія новаго двигателя. Полный эффектъ введенія пара замедлялся французской войной. Хотя 1800 г. обозначаетъ собой начало крупнаго продолжительнаго расширенія какъ въ хлопчато-бумажномъ, такъ и въ шерстяномъ производствѣ, но только около 1817 г., когда новый двигатель вошелъ уже во всѣхъ промышленныхъ центрахъ въ общее употребленіе и энергія народа опять направляется на мирную дѣятельность, новыя промышленныя силы начинаютъ проявляться во всемъ своемъ величіи. Періодъ времени съ 1840 г. обнаруживаетъ дѣйствіе революціи, происшедшей въ торговлѣ благодаря приложенію новаго двигателя къ средствамъ перевозки,—революціи, имѣвшей своимъ результатомъ удешевленіе сырого матеріала, въ особенности хлопка, открытіе новыхъ рынковъ для покупки сырого матеріала и продажи готовыхъ издѣлій. Вліяніе этого уменьшенія издержекъ производства и увеличенія спроса на готовые продукты текстильной промышленности измѣряется быстрымъ ростомъ этой промышленности, послѣдовавшимъ за открытіемъ первыхъ англійскихъ желѣзныхъ дорогъ и первыхъ пароходныхъ сообщеній.

Развитіе текстильной промышленности, и въ особенности хлопчато-бумажнаго производства, есть результатъ изобрѣтеній новыхъ машинъ. Дѣйствіе этихъ машинъ ускорилось и значеніе ихъ увеличилось съ примѣненіемъ новаго двигателя. Порядокъ развитія желѣзнаго производства какъ разъ обратный. Тутъ открытіе новаго двигателя играло первенствующую роль. Механическія изобрѣтенія для добыванія и обработки желѣза были затѣмъ уже вызваны новымъ двигателемъ.

Трудность въ доставкѣ достаточнаго количества лѣса и неудачныя попытки воспользоваться каменнымъ углемъ, привели желѣзное производство къ весьма низкому состоянію. Какъ Скривенеръ выразился: „желѣзное производство низведено было до незначительности и презрѣнія“ [1]).

[1]) Scrivener, History of iron trade, p. 56.

Первые шаги его роста измѣряются увеличеніемъ количества употребляемаго каменнаго угля и уменьшеніемъ употребленія древеснаго угля.

Исторію этой индустріи можно раздѣлить на слѣдующіе періоды:

1) Приложеніе первыхъ усовершенствованныхъ Уаттомъ машинъ Ньюкомена, патентованныхъ въ 1769 г., повлекло за собой увеличеніе средняго количества желѣза, вырабатываемаго печью, отапливаемой древеснымъ углемъ. Въ 1750 г. доменная печь вырабатывала среднимъ числомъ 294 тонны, а въ 1788—545 тоннъ.

2) Замѣщеніе древеснаго угля коксомъ и одновременное улучшеніе въ способахъ плавленія увеличило въ 1788 г. средній продуктъ, приготовляемый печью, отапливаемой коксомъ, до 903 тоннъ. Къ этому періоду относятся также изобрѣтенія Корта для пуддлингованія и вальцованія желѣза (патент. въ 1783—84 г.), которыя революціонизировали производство полосового желѣза.

3) Введеніе паровика Уатта съ двойной силой въ 1788—90 гг. Въ 1796 г. производство желѣза вдвое превышало производство 1788 г., и средняя выработка доменной печи дошла до 1048 тоннъ.

4) Замѣщеніе холоднаго вдувательнаго воздуха горячимъ въ 1829 г., что̀ вызвало сбереженіе въ 2 слишкомъ тонны угля на тонну чугуна.

5) Введеніе сырого угля вмѣсто кокса въ 1833 г., произведшее дальнѣйшее уменьшеніе въ тратѣ угля отъ 5 тоннъ слишкомъ до 2 тоннъ слишкомъ при выдѣлкѣ одной тонны чугуна.

Въ этомъ заключались выдающіяся событія въ развитіи желѣзной промышленности въ этой странѣ. Слѣдующая таблица показываетъ ростъ производства желѣза въ Англіи отъ 1740 г. до 1840 г.

Годъ.	Число печей.	Средняя выработка одной печи тоннъ.	Всего произведено тоннъ.
1740	59	294	17.350
1788	77	909 кокса 545 др. угля	61.300
1796	121	1048	125.079

Годъ.	Число печей.	Средняя выработка одной печи	Всего произведено
		тоннъ.	тоннъ.
1806	133	1546	258.206
1825	364	2288	703.184
	261 въ дѣйствіи		
1828	365	2530	—
	277 въ дѣйствіи		
1839	378	3592	1.347.790

Мы видимъ здѣсь, что сбереженіе въ силѣ скорѣе, чѣмъ усовершенствованіе машинъ, является главной причиной развитія этой отрасли, или, вѣрнѣе, сбереженіе въ силѣ предшествуетъ и стимулируетъ различные шаги въ улучшеніи машинъ.

Замѣщеніе древеснаго угля коксомъ и приложеніе паровой силы не только сильно увеличиваетъ объемъ этого производства, но также вліяетъ на его локализацію. Суссексъ и Глочестеръ—эти два главные пункта добыванія желѣза, когда источникомъ силы былъ лѣсъ, теряютъ свое значеніе около 1796 г., когда главнымъ опредѣляющимъ пунктомъ становится легкость добыванія угля. Замѣчательно, что около 1796 г. четыре округа Стаффордъ, Іоркширъ, Южный Уэльсъ и Салопъ пріобрѣтаютъ въ этомъ отношеніи выдающееся значеніе.

Открытіе горячаго вдувательнаго воздуха (hot blast), замѣщеніе кокса сырымъ углемъ, одновременно съ открытіемъ желѣзнодорожныхъ предпріятій, ясно рисуютъ взаимную зависимость различныхъ отраслей промышленности въ періодъ машиннаго производства.

Желѣзо сдѣлалось основаніемъ, на которомъ воздвигается всякое машинное производство. Обработка металловъ, игравшая такую ничтожную роль въ XVIII стол., достигаетъ непредвидѣнной величины и пріобрѣтаетъ одно изъ самыхъ важныхъ значеній въ XIX вѣкѣ.

Приложеніе машинъ къ металлическому производству повлекло за собой въ этомъ столѣтіи такую же работу изобрѣтательнаго генія, какую подобныя же условія вызвали въ текстильной индустріи въ XVIII стол. „Въ текстильной индустріи улучшенныя машины вызвали новый двигатель; въ металлическомъ производствѣ новый двигатель вызвалъ

потребность въ усовершенствованныхъ машинахъ... Для всѣхъ новыхъ цѣлей старые ручные инструменты оказались уже негодными. Непосредственнымъ результатомъ этихъ потребностей было появленіе цѣлаго ряда замѣчательныхъ изобрѣтателей, въ родѣ Бриндлея, Смитона, Маудсли, Клементса, Брама, Насмита и др., которые взялись за изобрѣтеніе такого механизма, который по своей способности и аккуратности соотвѣтствовалъ бы новой двигательной силѣ; а послѣднимъ результатомъ этого было введеніе современной фабричной системы въ болѣе крупныхъ заведеніяхъ, изготовляющихъ орудія, инструменты и машины, равно какъ въ металлическихъ заводахъ вообще. „Такимъ образомъ выросла", говоритъ Джевонсъ, „система машиннаго труда, замѣщеніе человѣческихъ рукъ желѣзными, безъ которыхъ невозможно было бы устройство машинъ и паровиковъ въ ихъ современной совершенной формѣ".

Въ новѣйшую эпоху машиннаго развитія, усовершенствованія въ машиностроительныхъ отрасляхъ представляютъ собою аккумуляціонную силу. Крупныя изобрѣтенія, связанныя съ именами Маудсли и Насмита, удешевленіе стали благодаря Бессемеровскимъ процессамъ, и различные шаги въ замѣщеніи рукъ машинами въ самомъ производствѣ машинъ,—все это имѣетъ хотя и не непосредственное, но важное и быстрое вліяніе на тѣ машинныя производства, которыя заняты приготовленіемъ продуктовъ для непосредственнаго потребленія. Экономія въ трудѣ, прилагаемомъ къ производству, требуетъ, чтобы все больше и больше изобрѣтательной энергіи и предпріимчивости тратилось на постоянное замѣщеніе ручного труда машиннымъ въ устройствѣ самихъ машинъ, и въ меньшей степени на сравнительно неважное дѣло усовершенствованія машинъ для детальныхъ процессовъ каждаго производства, непосредственно занятаго удовлетвореніемъ какой-нибудь человѣческой потребности.

Общій обзоръ роста новыхъ промышленныхъ способовъ въ текстильной и желѣзной индустріи показалъ намъ три періода ненормальной дѣятельности въ эволюціи современной промышленности. Первый простирается отъ 1780 до 1795, когда плоды первыхъ изобрѣтеній созрѣваютъ благодаря успѣшному примѣненію пара къ машинному производству. Второй отъ 1830 до 1845, когда промышленность, оживая

послѣ европейской войны, начинаетъ болѣе широко утилизировать новыя изобрѣтенія и расширяется подъ дѣйствіемъ новаго стимула со стороны пароваго движенія. Третій отъ 1856 до 1866 (около), когда устройство машинъ машинами же становится общимъ правиломъ.

Если мы не будемъ забывать, что изобрѣтеніе новыхъ специфическихъ машинъ въ различныхъ процессахъ производства совершается одновременно съ приложеніемъ новой двигательной силы, то мы поймемъ невозможность опредѣлить, какая часть промышленнаго прогресса обязана каждой изъ этихъ причинъ въ отдѣльности. Во всякомъ случаѣ ясно, что такъ какъ вся современная индустрія поставлена была на новый фундаментъ желѣза и угля, то узы, существующія между текстильной и желѣзной промышленностью, становились все тѣснѣе и крѣпче. Въ прежнія времена зависимость между отдѣльными отраслями была слаба и не непосредственна, и прогрессъ въ какой-нибудь отрасли почти вполнѣ зависѣлъ отъ усовершенствованій въ ловкости или отъ приложенія новаго специфическаго механическаго изобрѣтенія къ этой же отрасли. Начало XVIII стол. дѣйствительно обнаружило ненормальную дѣятельность въ этихъ специфическихъ изобрѣтеніяхъ. Какъ примѣры этого, мы приведемъ только шелковую фабрику Ломба въ Дерби, булавочную фабрику, которую прославилъ Адамъ Смитъ, заводъ желѣзныхъ издѣлій Больтона въ Саго. Но увеличеніе въ производительности труда, вызванное этими специфическими изобрѣтеніями, ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что послѣдовало за открытіемъ пара и механическихъ приспособленій, сдѣлавшихъ паръ вездѣ удобопримѣнимымъ, что произошло въ періодъ отъ 1790 до 1840 г. Это привело различныя специфическія индустріи въ болѣе тѣсную связь, и всѣ отрасли промышленности нашли общее основаніе въ рудокопномъ, желѣзодѣлательнымъ, и машиностроительномъ искусствѣ. Изъ этого видно, что порядокъ, въ которомъ различныя отрасли промышленности подпали подъ господство современныхъ способовъ производства, будетъ зависѣть отъ той легкости, которую онѣ представляли для приложенія паровыхъ машинъ. Мы приведемъ нѣсколько отличительныхъ чертъ, опредѣляющихъ, въ какой степени данная отрасль благопріятна для приложенія машинъ.

а) Размѣръ и сложность структуры. Значенія, кото-

рыя главныя отрасли имѣли въ жизни вообще, затѣмъ то обстоятельство, что нѣкоторыя изъ нихъ были сильно сконцентрированы и уже подпали подъ фабричную систему и контроль богатыхъ и умныхъ предпринимателей — эти условія были главными причинами, сдѣлавшими приложеніе новыхъ машинъ и двигателей болѣе возможнымъ и болѣе успѣшнымъ въ этихъ отрасляхъ, чѣмъ въ другихъ, болѣе разбросанныхъ и менѣе развитыхъ промышленностяхъ.

b) Постоянство въ размѣрѣ и характерѣ спроса. Усовершенствованіе рутинной работы есть спеціальная способность машиннаго производства. Гдѣ постоянно требуется товаръ одного и того же качества, тамъ можно съ выгодой примѣнять машины. Тамъ, гдѣ господствуетъ мода, и гдѣ личный вкусъ потребителя играетъ большую роль, машина не можетъ такъ легко найти подходящую почву. Въ текстильной индустріи есть много областей, въ которыхъ машины не проникли съ успѣхомъ еще по сіе время. Выдѣлка кружевъ, вышиваніе, нѣкоторые тонкіе сорта ткачества и теперь еще во многихъ случаяхъ производятся руками безъ помощи сложныхъ машинъ. Въ болѣе высокихъ отрасляхъ портняжества, сапожничества и другихъ производствъ предметовъ одѣянія примѣненіе машинъ ограничено индивидуальнымъ характеромъ спроса, т. е. элементомъ неправильности. Подобныя причины позволяютъ иногда человѣческой двигательной силѣ уживаться бокъ о бокъ съ сложными машинами, какъ это, напр., бываетъ при употребленіи швейной машины.

c) Однородность матеріала и процессовъ производства. Разнообразіе въ матеріалѣ для обработки не благопріятно приложенію машинъ. По этой причинѣ земледѣльческіе процессы медленно подпадаютъ подъ дѣйствіе парового двигателя, въ особенности тѣ, которые имѣютъ непосредственное отношеніе къ обработкѣ почвы; и даже тамъ, гдѣ уже примѣнены паровыя машины, сбереженіе, которое этимъ достигается по сравненіи съ ручнымъ трудомъ, гораздо менѣе значительно, чѣмъ въ обрабатывающей промышленности. Для добыванія угля и другихъ минераловъ паръ и другія нечеловѣческія двигательныя силы гораздо медленнѣе и менѣе успѣшно прилагаются, чѣмъ при обработкѣ этихъ матеріаловъ послѣ того, какъ они уже добыты изъ земли.

d) Способность сохраненія цѣнныхъ свойствъ. Производство быстро портящихся вещей, будучи по необходимости мѣстнымъ и для прямого потребленія, требуетъ очень много человѣческихъ услугъ, которыхъ нельзя съ выгодой замѣнить машинами. Трудъ пекаря и мясника медленно переходитъ въ область машиннаго производства. Гдѣ мясничество стало до нѣкоторой степени машиннымъ производствомъ, непосредственной причиной было открытіе средствъ удобосохраненія, уменьшившихъ быструю порчу мяса. То же самое и съ другими пищевыми отраслями промышленности; только благодаря улучшеніямъ современныхъ способовъ перевозки эти отрасли постепенно переходили въ машинныя. До самаго недавняго времени пироги и другіе тонкіе сорта печенія были продуктами мѣстнаго ручного труда.

e) Легкость или простота требующагося труда. Гдѣ можно получить достаточно дешевыхъ рабочихъ, которые въ состояніи справляться съ требуемой работой, и въ особенности въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ женскій и дѣтскій трудъ въ большомъ ходу, развитіе машинъ совершалось медленнѣе. Это условіе вмѣстѣ съ условіями b) и c) достаточны для того, чтобы удержать какую-нибудь отрасль въ состояніи „домашняго“ производства. Трудъ, отличающійся неправильностью, требующій извѣстнаго рода деликатности въ манипуляціяхъ, легко изучаемыхъ и мало нуждающихся въ сильной мускульной силѣ долго остается внѣ машиннаго производства. Тѣ важныя отрасли производства, въ которыхъ нѣкоторые процессы носятъ подобный характеръ, очень медленно переходятъ въ фабричную систему. Медленный прогрессъ механическаго ткацкаго станка въ бумажныхъ и шерстяныхъ отрасляхъ вплоть до 1830 г. объясняется этими условіями, Вязальный станъ еще дольше удержался въ борьбѣ съ машиной, а ручной трудъ и теперь еще играетъ крупную роль въ производствѣ шелка. Даже теперь въ самомъ центрѣ фабричной системы, Болтонѣ, старое ручное ткачество еще сохранилось въ лицѣ немногихъ ручныхъ ткачей—пережитка стараго времени.

f) Сложный (искусный) трудъ. Если манипуляція или обработка предмета требуетъ высокаго умѣнія, если въ ручной трудъ входитъ элементъ искусства, то этотъ ручной трудъ имѣетъ преимущество передъ самыми искусными машинами, если имѣть при этомъ въ виду экономическія соображенія

бо́льшей выгодности того или иного способа производства. Въ нѣкоторыхъ металлическихъ производствахъ, въ горшечной и въ стеклянной отрасляхъ есть много процессовъ, которые не могутъ освободиться отъ ручного труда. Болѣе того, въ этихъ производствахъ прогрессъ болѣе обязанъ специфическимъ изобрѣтеніямъ, чѣмъ введенію машинъ и новыхъ двигателей вообще, такъ какъ послѣднія нельзя вводить въ самыхъ важныхъ процессахъ.

Изъ всего сказаннаго мы можемъ заключить, что если какое-нибудь производство крупно и имѣетъ регулярный характеръ, оно скорѣе и полнѣе попадаетъ подъ контроль машинъ; гдѣ оно мелко и нерегулярно, оно менѣе благопріятно для введенія новыхъ промышленныхъ способовъ. Большая часть отраслей добывающей промышленности, земледѣліе, скотоводство, рыболовля, раскопка рудъ, охота, неправильны по существу своего матеріала, такъ какъ онѣ подчинены вліяніямъ геологическимъ, химическимъ, климатическимъ и другимъ, которыя только мало могутъ быть контролируемы человѣкомъ. Послѣдніе процессы, приспособляющіе продукты къ потребленію человѣка, поневолѣ неправильны, такъ какъ въ нихъ играетъ громадную роль личный вкусъ и желаніе. Мы поэтому найдемъ больше всего правильности въ промежуточныхъ процессахъ, въ которыхъ оторванный отъ природы сырой матеріалъ пріобрѣтаетъ тѣ свойства, форму и пр., которыя дѣлаютъ его годнымъ для удовлетворенія человѣческихъ потребностей. Машина находитъ свое полное примѣненіе въ промежуточныхъ стадіяхъ обработки. Если даже иной разъ и кажется, что машинное производство занято окончательной обработкой продукта для непосредственнаго удовлетворенія человѣческихъ потребностей, то можно всегда найти еще одинъ окончательный процессъ, требующій индивидуальнаго искусства. Почти всѣ продукты, удовлетворяющіе человѣческимъ потребностямъ, проходятъ черезъ много производительныхъ процессовъ, которые можно раздѣлить на добываніе, перевозку, обработку и распредѣленіе. Нельзя, конечно, ихъ всегда отличить другъ отъ друга. Добывающіе процессы, какъ разработка копей и полученіе пшеницы, смѣшаны съ различными процессами перевозки и обработки: различныя стадіи обработки могутъ быть прерваны стадіями перевозки; послѣднему акту распредѣленія можетъ предшествовать еще

одна окончательная манипуляція, или обработка, какъ напр. при отпусканіи лѣкарствъ. Но вообще говоря, эти четыре рода производительныхъ процессовъ обозначаютъ собой четыре историческихъ стадіи при переходѣ сырого матеріала въ готовую форму продукта.

Двѣ среднія стадіи перевозки и обработки болѣе полно подпали подъ контроль паровыхъ машинъ, чѣмъ другія стадіи; и дѣйствительно важнѣйшіе регультаты эволюціи современныхъ способовъ производства сводятся къ усовершенствованію старыхъ способовъ обработки и транспорта и открытію новыхъ.

Слѣдующій списокъ числа рабочихъ, занятыхъ въ различныхъ отрасляхъ промышленности (по даннымъ переписи населенія), можетъ облегчить пониманіе роли машинъ въ различныхъ отрасляхъ труда. Данныя показываютъ число рабочихъ, занятыхъ въ различныхъ производствахъ въ 1891 году, и укажутъ намъ сравнительное значеніе этихъ отраслей промышленности.

Земледѣліе	1.311.720
Рыболовля	25.225
Разработка копей	561.637
Каменныя и глиняныя издѣлія и проложеніе дорогъ	209.972
Перевозка:	
a) желѣзныя дороги	186.774
b) обыкновенныя дороги	366.605
c) каналы, рѣки и моря	208.443
d) посылка и переноска	194.044
Дома, мебель и домашняя обстановка	820.582
Пища и хозяйство	797.989
Желѣзо и сталь	380.193
Другіе металлы	146.550
Корабли и барки	170.517
Экипажи и упряжь	108.780
Машины и орудія	342.231
Текстильная промышленность	1.128.589
Платье	1.099.833
Глиняная посуда и фаянсъ	90.007
Химическія вещества	56.047
Книги	135.616

Животныя вещества (обработка) . . .	76.566
Растительныя вещества (бумага и т.д.).	196.889
Чернорабочіе	805.105
Торговля:	
a) купцы и агенты	363.037
b) кредитъ и банки	21.891
c) страхованіе	31.437
Управляющіе и техники	15.441

Пересматривая этотъ списокъ главныхъ отраслей промышленности, занятыхъ производствомъ богатства, мы сразу поймемъ, что паръ и выгоды крупнаго производства больше всего примѣнены къ обрабатывающимъ и перевозочнымъ отраслямъ. Хотя исторически паръ былъ впервые примѣненъ въ угольной копи, тѣмъ не менѣе вѣрно и то, что приложеніе современныхъ машинъ къ земледѣлію и другимъ отраслямъ добывающей промышленности сравнительно недавняго происхожденія, а что касается розничнаго распредѣленія продуктовъ, то здѣсь употребленіе машинъ и силы пара совершенно незначительно. Только въ послѣднія нѣсколько лѣтъ нѣкоторые крупные магазины стали прилагать электричество и паръ къ механическимъ приспособленіямъ, назначеннымъ для распредѣленія.

Новыя промышленныя силы, впервые приложенныя въ бумагопрядильняхъ южнаго Ланкашира и быстро ворвавшіяся въ другія отрасли текстильной индустріи, постепенно преобразовали способы производства самихъ машинъ, желѣзныхъ издѣлій и другихъ главныхъ англійскихъ продуктовъ; отсюда онѣ перешли на европейскій и американскій континентъ, вездѣ разрушая старое домашнее производство и воздвигая вмѣсто него въ каждой цивилизованной странѣ господство паровыхъ машинъ. Факторы, опредѣляющіе порядокъ и скорость этого новаго движенія въ различныхъ странахъ, многочисленны и сложны. Разсматривая порядокъ развитія машинъ, намъ нужно помнить, что въ періодъ великихъ изобрѣтеній не всѣ народы стояли на одинаковой высотѣ. Въ началѣ XVIII столѣтія Англія была первенствующей страной въ торговлѣ. Ростъ ея колоніальныхъ владѣній со времени революціи и ея сильная и успѣшная морская политика дали ей возможность обогнать Голландію. Въ 1729 году самая большая часть шведскаго желѣза, выво-

зимаго изъ Готенбурга, шла въ Англію для судостроительныхъ цѣлей. Въ концѣ XVII столѣтія Грегори Кингъ ставилъ Англію, Голландію и Францію во главѣ всѣхъ промышленныхъ народовъ по производительности ихъ труда. Италія и Германія были нѣсколько позади въ своей обрабатывающей промышленности, хотя морское первенство и внѣшнія владѣнія вышеупомянутыхъ странъ придали имъ торговое господство. Въ 1760 году Англія поднялась въ внѣшней торговлѣ, и ея шерстяная промышленность была самой большой и самой высокоразвитой отраслью промышленности въ мірѣ. Но что касается самихъ техническихъ искусствъ, то въ этомъ отношеніи Англія не играла такой первенствующей роли, чтобы можно было предвидѣть то высокое положеніе, которое она заняла въ началѣ XIX столѣтія. Во многихъ отдѣлахъ текстильной индустріи, особенно въ шелкопряденіи и въ крашеніи, въ горшечномъ, въ печатномъ и въ другихъ производствахъ на континентѣ обнаружено было больше изобрѣтательнаго генія, и à priori не было причинъ, почему Англія должна такъ замѣчательно опередить своихъ конкурентовъ.

Главніе факторы, опредѣляющіе порядокъ развитія современныхъ способовъ производства въ различныхъ странахъ, можно раздѣлить на естественные, политическіе и экономическіе.

а) Естественные. 1) *Структура и положеніе различныхъ странъ.* Островное положеніе Великобританіи, ея естественныя удобства для доставки сырого матеріала и иностранныхъ пищевыхъ продуктовъ, давшія ея населенію возможность спеціализироваться въ обрабатывающей промышленности, многочисленность и разнородность легкодоступныхъ рынковъ для ея продуктовъ, все это поставило ее въ весьма выгодное положеніе. Прибавимъ къ этому умѣренный климатъ, превосходные внутренніе рѣчные пути сообщенія (или каналы) и отсутствіе преградъ, въ видѣ горъ, между различными округами. Эти преимущества имѣли сравнительно больше значенія до введенія желѣзныхъ дорогъ, но они весьма облегчили введеніе послѣднихъ въ Англіи.

Величина береговой линіи и доступность береговъ тоже не мало вліяли на развитіе современной индустріи и дали Англіи, Голландіи, Франціи и Италіи такія преимущества,

которыя все уравнивающее дѣйствіе современныхъ машинъ не могло еще уничтожить. Медленный прогрессъ Германіи до недавняго времени и теперь еще медленный промышленный прогрессъ Россіи больше объясняется этимъ физическимъ препятствіямъ для свободнаго сообщенія, внутренняго и внѣшняго, чѣмъ другой какой-либо одной причиной. Естественныя богатства, качество земли для земледѣлія, близость богатыхъ залежей угля и желѣза и всего другого, необходимаго для машиннаго производства и двигательной силы тоже являются важными факторами въ опредѣленіи прогресса промышленности. Машинное развитіе шло особенно медленно во Франціи, благодаря тому, что тамъ не такъ скоро открыли ея естественные фабричные округи, т. е. тѣ мѣста, гдѣ уголь и желѣзо находятся близко другъ отъ друга и легко доступны для добыванія. То же самое вѣрно и относительно Германіи и Соединенныхъ Штатовъ. Въ концѣ послѣдняго столѣтія, когда желѣзное производство быстро пошло впередъ въ Англіи, во Франціи оно было весьма назначительно, и даже въ первые годы XIX ст. прогрессъ еще былъ тамъ весьма ничтоженъ.

2) *Раса и національный характеръ*. Будучи въ тѣсной связи съ климатомъ и почвой, раса тоже имѣетъ крупное направляющее вліяніе на промышленность. Мускульная сила и выносливость, производя въ умѣренномъ климатѣ постоянство человѣческой дѣятельности; острое стремленіе къ матеріальнымъ удобствамъ, стимулирующее изобрѣтенія и предпріимчивость; стремленіе къ комфорту и любовь къ внѣшней показности; нравственныя условія индустріи: правдивость и способность къ кооперації, — всѣ эти условія являются могучими факторами, опредѣляющими способность и склонность различныхъ націй къ пріему новыхъ способовъ производства. Нравственныя качества англійскаго рабочаго играли несомнѣнно крупную роль въ его достиженіи первенствующей роли. „Британскій ярлыкъ на товарѣ принимался, какъ гарантія превосходства, между тѣмъ какъ на продукты другихъ странъ смотрѣли подозрительно, такъ какъ опытъ показалъ, что они стоятъ ниже англійскихъ“. Болѣе цивилизованныя націи выигрывали такимъ образомъ отъ своей цивилизованности, и все больше отдалялись отъ менѣе цивилизованныхъ народовъ. Англія, Франція, Германія, Голландія и Соединенные Штаты

теперь гораздо дальше стоятъ въ промышленномъ отношеніи отъ Испаніи и Россіи, чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ.

в) Политическіе. Дипломатія играла крупную роль въ опредѣленіи порядка и скорости промышленнаго прогресса. Владѣніе многочисленными колоніями въ различныхъ частяхъ свѣта, включающими разнообразные источники богатства, дало Англіи и въ меньшей степени Франціи, Голландіи и Испаніи крупныя преимущества. Такъ какъ эти націи пользовались этими колоніями очень деспотически съ цѣлью создать свою собственную промышленность, то это дало имъ возможность болѣе глубоко и вѣрно спеціализироваться въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ новые способы производства были впервые приложены. Даже послѣ того, какъ Сѣверо-Америк. колоніи объявили свою независимость, Англія, благодаря своей системѣ угнетенія зарождающейся въ Америкѣ промышленности, все-таки успѣла въ сильной степени сохранить за собой американскій рынокъ для своихъ фабричныхъ товаровъ.

Крупныя пріобрѣтенія колоній, которыя Англія сдѣлала въ продолженіе XVIII ст. и въ началѣ XIX, дали ей монополію надъ многими лучшими рынками для покупки сырого матеріала и для продажи фабричныхъ продуктовъ. Большой спросъ, который такимъ образомъ былъ созданъ для ея текстильныхъ и металлическихъ издѣлій, не только вызвалъ новыя изобрѣтенія, но далъ ей возможность утилизировать много такихъ усовершенствованій, которыя можно съ выгодой приложить только въ крупномъ производствѣ съ вѣрнымъ и расширяющимся рынкомъ.

Но самымъ важнымъ факторомъ, давшимъ Англіи первенство, было политическое положеніе континентальной Европы въ тотъ періодъ, когда новыя машины и двигатели стали внушать довѣріе къ вовому хозяйственному порядку. Когда мюль Кромптона, механическій ткацкій станокъ Картрайта и паровикъ Уатта преобразовали промышленность Англіи, энергія ея континентальныхъ соперниковъ была вся поглощена войнами и политическими революціями. Соединенные Штаты и шведы были единственныя торговыя націи которыя, будучи нейтральными, очень много выиграли отъ европейской борьбы. Не смотря однако на то, что Англіи пришлось выдержать такое огромное пролитіе крови и трату денегъ, она, благодаря новому двигателю, далеко обогнала

своихъ соперниковъ. Хотя ей пришлось дорого заплатить за предохраненіе страны отъ вторженія непріятеля, она этимъ получила сильный толчокъ къ движенію впередъ по пути промышленнаго прогресса. До 1820 г. она была господиномъ въ промышленности. Въ Европѣ она имѣла монополію на быстро идущую впередъ хлопчато-бумажную промышленность. Эта-то монополія, которая направлена была на безпощадное поддержаніе высокихъ цѣнъ и низкой заработной платы, граничащей съ голодомъ, создала въ періодъ невозможно бѣдственнаго положенія народной массы, быстрыя и колоссальныя богатства хлопчато-бумажныхъ магнатовъ. Только послѣ того, какъ былъ заключенъ миръ, на континентѣ начинаютъ зарождаться текстильныя и другія фабрики, и прошло много лѣтъ прежде чѣмъ онѣ могли съ успѣхомъ конкурировать съ Англіей. Изъ всѣхъ континентальныхъ странъ, Швейцарія первая начала энергично вводить у себя новые промышленные методы. Она, во-первыхъ, воспользовалась своей огромной водяной силой, а во-вторыхъ, самъ народъ тамъ тоже охотнѣе отправлялся на фабрику, чѣмъ въ другихъ странахъ. Франція болѣе медленно подвигалась впередъ, не смотря на ея строгую протекціонную систему, при помощи которой она, хотя и не вполнѣ успѣшно, старалась исключить изъ своего рынка англійскіе товары. Паденіе англійскихъ цѣнъ и прибылей въ хлопчато-бумажной промышленности въ періодъ отъ 1820 до 1830 г. ясно означаетъ собой паденіе англійской монополіи, причиненное дешевымъ трудомъ Альзаса и дешевымъ сырымъ матеріаломъ изъ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ фабричная машинная система уже тоже пустила свои глубокіе корни [1]).

Въ этой самой передовой промышленности всемірная конкуренція, проявляющаяся теперь въ тысячахъ различныхъ отраслей, измѣряя и приравнивая различныя эконо-

---

[1]) Ellison въ своемъ трудѣ „History of the cotton trade“ даетъ слѣдующую интересную таблицу цѣнъ пряжи:

	1779	1784	1799	1812	1830	1832
	s d	s d	s d	s d	s d	s d
Продажн. цѣны. . .	16 0	10 11	7 6	2 6	1 $2^1/_2$	0 $10^1/_2$
Стоимость хлопка. . (1803)	2 0	2 0	3 4	1 6	0 $7^3/_4$	0 $7^1/_8$
Трудъ и капит. . .	14 0	8 11	4 2	1 0	0 $6^3/_4$	0 $3^3/_8$

мическія преимущества, начинаетъ дѣйствовать прежде всего; и въ 1836 г. Ure говоритъ, что континентальныя страны и Соединенные Штаты успѣшно конкурируютъ съ Англіей на тѣхъ рынкахъ, гдѣ Англія раньше имѣла монополію.

c) Экономическія условія. Измѣненія въ англійской агрикультурѣ, ростъ крупныхъ фермъ погнали многихъ англійскихъ крестьянъ въ города, гдѣ они представляли большой избытокъ дешевой рабочей силы для машиннаго производства.

Это движеніе увеличивалось еще благодаря недостаткамъ нашего строя землевладѣнія. Во Франціи и Германіи, гдѣ крестьяне имѣли бо́льшій интересъ и больше земельной собственности, они не такъ легко отрывались отъ земли. Но въ Англіи, гдѣ рабочій не имѣлъ земельной собственности, усовершенствованные методы въ земледѣліи и дѣйствіе закона о бѣдныхъ соединились, чтобы побуждать крупныхъ землевладѣльцевъ и фермеровъ освобождаться отъ всякаго лишняго населенія въ земледѣльческихъ округахъ, и они такимъ образомъ ускорили эмиграцію въ города. Здѣсь населеніе размножалось съ неизвѣстной до того времени скоростью. Ростъ населенія въ Англіи и Уэльсѣ за тридцать лѣтъ отъ 1770 до 1800 равнялся 1.959.590, или $27^1/_{10}\%$, а за слѣдующіе 30 лѣтъ отъ 1800 до 1830 приростъ равнялся 5.024.207, или $56^3/_5\%$ [1]). Это громадное снабженіе дешеваго труда въ городахъ дало возможность фабрикамъ Ланкашира и Іоркшира расти съ поразительной быстротой. Истощеніе, вызванное Наполеоновскими войнами, политическій безпорядокъ и небезопасность, господствовавшая на континентѣ, еще болѣе отодвинули назадъ конкуренцію другихъ европейскихъ странъ, бывшихъ позади Англіи и въ ловкости, и въ знаніи, и во владѣніи рынковъ. Американская обрабатывающая промышленность, возникшая послѣ революціи, сдѣлала значительные шаги впередъ, но завоеваніе и заселеніе крупныхъ площадей земли, и громадныя удобства, которыми американцы пользовались для изготовленія сырыхъ матеріаловъ, замедляли ростъ обрабатывающей промышленности еще долгое время послѣ

[1]) Porter, Progress of the Nation, p. 13. На цифры XVIII столѣтія, впрочемъ, нельзя особенно полагаться. Первая перепись была предпринята въ 1801 г.

начала XIX столѣтія. И дѣйствительно, хлопчато-бумажная промышленность начала быстро подвигаться впередъ въ Соединенныхъ Штатахъ не раньше 1845 г. За двадцать лѣтъ до этого успѣхъ былъ очень незначителенъ, но отъ 1845 до 1859, оставляя въ сторонѣ колебанія въ урожаѣ хлопка, успѣхъ былъ постоянный [1]).

Второе экономическое преимущество, помогавшее Англіи, было то, что она основательнѣе всякой другой европейской страны разрушила старый хозяйственный порядокъ съ его цехами, систематическими ограниченіями и другими консервативными методами. Личная свобода, безопасность собственности, свобода работать и жить, какъ и гдѣ кто хочетъ, существовали въ Англіи въ такой сильной степени, о которой континентальная Европа и не знала до французской революціи. Слѣдующій отчетъ о состояніи хлопчато-бумажной промышленности въ Германіи XVIII вѣка покажетъ намъ, какія препятствія новые способы производства встрѣчали на своемъ пути. „Все дѣлалось по правилу. Пряденіе подвергалось публичной инспекціи, и пряжа собиралась чиновниками. Ткачество было привилегіей братства или гильдіи. Способы производства строго предписывались; контроль находился въ рукахъ инспекторовъ. За недостатки въ тканьѣ подвергались наказаніямъ. Болѣе того, право торговать бумажными издѣліями было монополіей братства купеческой гильдіи: быть мастеромъ ткачемъ было почти то же, что быть сановникомъ. Помимо другихъ условій, кандидатъ въ мастера подвергался экзамену. Продажа тоже была строго урегулирована; даже существовала установленная цѣна, и ни одинъ торговецъ не имѣлъ права продавать больше извѣстнаго максимума. Торговецъ обязанъ былъ продавать свой товаръ ткачу, такъ какъ послѣдній гарантировалъ ему монополію въвнѣшней торговлѣ [2]).

При такихъ условіяхъ новое машинное производство едва ли могло двигаться впередъ. За исключеніемъ шерстяной промышленности Англія отбросила большую часть регулированія уже до 1770 г. Но хлопчато-бумажная промышленность, составлявшая авангардъ промышленности, совершенно не знала этихъ ограниченій, такъ какъ она была

[1]) Ure, Philosophy of Manufactures, p. 531.
[2]) Shulze-Gaevernitz, Der Grossbetrieb, p. 34.

моложе всѣхъ другихъ отраслей и возникла внѣ цеховыхъ городовъ, и поэтому въ ней могъ возникнуть новый порядокъ съ гораздо большей легкостью, чѣмъ въ болѣе старыхъ отрасляхъ. Болѣе того, Англія была свободна отъ безчисленныхъ и раздражительныхъ налоговъ и ограниченій, господствовавшихъ во Франціи и въ мелкихъ нѣмецкихъ государствахъ. Хотя большинство этихъ глупыхъ и пагубныхъ регуляцій уже давно уничтожено въ Германіи и въ другихъ континентальныхъ странахъ, ихъ замедляющее вліяніе вмѣстѣ съ болѣе широкимъ національнымъ протекціонизмомъ, существующимъ еще и понынѣ, еще и теперь удерживаетъ прогрессъ хлопчато-бумажной промышленности, такъ что Германія все еще отстоитъ въ этомъ отношеніи отъ Англіи на полстолѣтія [1]).

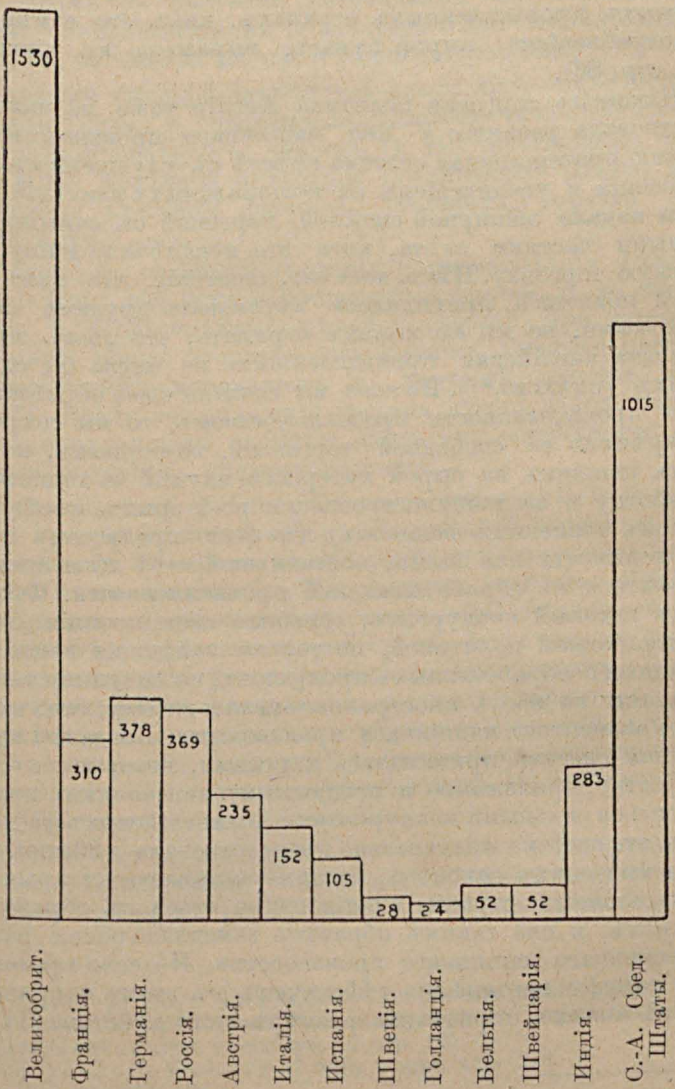
Слѣдующая таблица показываетъ, насколько Англія стояла во главѣ другихъ по развитію своей хлопчато-бумажной индустріи нѣсколько раньше середины этого столѣтія.

Число веретенъ, работавшихъ въ бумагопрядильняхъ въ 1846 г.

	Веретена.
Англія и Уэльсъ	15.554.619
Шотландія	1.727.871
Ирландія	215.503
Австрія и Италія	1.500.000
Франція	3.500.000
Бельгія	420.000
Швейцарія	650.000
Россія	7.585.000
Соединенные Штаты	3.500.000
Государства Германскаго Таможеннаго Союза	815.000
Итого	35.467.993

[1]) Въ 1882 г. 42% всей нѣмецкой текстильной индустріи все еще совершалось въ кустарныхъ избахъ, между тѣмъ какъ только 38% совершалось на фабрикахъ, занимавшихъ болѣе 50 человѣкъ. Ручнымъ ткацкимъ станомъ работало больше человѣкъ, чѣмъ механическимъ, и послѣдній былъ такъ мало развитъ, что ручной станокъ, могъ еще выстоять во многихъ отрасляхъ. Вязаніе, дѣланіе кружевъ и другія менѣе важныя отрасли текстильной индустріи и теперь принадлежатъ разряду домашняго производства. (Social peace, стр. 113).

„Въ то время, какъ на каждой прядильной и ткацкой фабрикѣ въ Англіи въ 1885 работало въ среднемъ 191 человѣкъ, въ Германіи въ 1882 на каждой бумагопрядильнѣ работало въ среднемъ 10 человѣкъ“. (Brentano, Hours, Wages & Production, стр. 64).

Потребленіе хлопка-сырца, 1887—88 (милліоны фунтовъ).
1530
310
378
369
235
152
105
28
24
52
52
283
1015
Великобрит.
Франція.
Германія.
Россія.
Австрія.
Италія.
Испанія.
Швеція.
Голландія.
Бельгія.
Швейцарія.
Индія.
С.-А. Соед. Штаты.

Развитіе хлопчато-бумажной индустріи въ 1888 г. въ главныхъ промышленныхъ странахъ, какъ это измѣряется и потребленіемъ сырой бумаги, выражена въ діаграммѣ (см. стр. 83).

Наконецъ торговая политика Англіи тоже не мало способствовала развитію у нея машиннаго производства. Ея ранняя протекціонная система вмѣстѣ съ улучшеніемъ путей сообщенія и увеличеніемъ ея колоніальныхъ владѣній положили начало обширной сложной торговлѣ съ самыми отдаленными частями свѣта, хотя это искалѣчило нашу европейскую торговлу. Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что намъ при такой политикѣ приходилось жертвовать другими своими интересами, но мы не можемъ отрицать, что „безъ протекціонизма англійская промышленность не могла бы сдѣлать такихъ успѣховъ“ [1]). Но если мы создали свою обрабатывающую промышленность протекціонизмомъ, то мы сохранили и укрѣпили ее свободной торговлей, во-первыхъ, пониженіемъ пошлинъ на сырой матеріалъ, идущій на дальнѣйшую обработку и на машиностроеніе, а во-вторыхъ, свободнымъ ввозомъ пищевыхъ веществъ, что было предметомъ первой необходимости для націи, поставившей себѣ цѣль специализироваться въ обрабатывающей промышленности. Франція, нашъ главный конкурентъ, ослабила свою позицію двойной протекціонной политикой, не только запрещая ввозъ иностранныхъ обработанныхъ продуктовъ, но сохраняя тяжелыя пошлины на ввозъ иностраннаго угля и желѣза, этихъ основныхъ элементовъ машиннаго производства. Когда эта протекціонная система принималась народами, которые по своему искусству, прилежанію и природнымъ источникамъ могли бы сдѣлаться сильными конкурентами для англійскихъ фабрикантовъ, эта система значительно препятствовала дѣйствію тѣхъ экономическихъ законовъ, которые заставляютъ старыя и густонаселенныя страны специализироваться въ обработкѣ и торговлѣ, и она такимъ образомъ замедляла общее развитіе современнаго машиннаго производства. Но если протекціонные тарифы несомнѣнно дѣйствуютъ въ этомъ направленіи, мы не можемъ опредѣлить размѣръ этого дѣйствія. Въ боль-

---

[1]) Toyonbee, Industrial Revolution, p. 79.

шой странѣ съ богатыми источниками богатства высокая степень спеціализаціи въ обрабатывающей промышлености возможна, не смотря на протекціонную политику.

Давленіе высокой заработной платы есть болѣе могущественная сила и энергичнѣе влечетъ къ примѣненію усовершенствованныхъ машинъ [1]). Въ текстильной, равно какъ и въ желѣзной индустріи Соединенные Штаты представляютъ примѣры фабрикъ, стоящихъ гораздо выше англійскихъ.

Нѣкоторые процессы сновання и разматыванія (warping and winding) дѣлаются машинами въ Америкѣ и руками въ Англіи [2]). Приготовленіе цѣпей и гвоздей, при которыхъ работаетъ много женщинъ въ южномъ Стаффордширѣ и Ворчестерширѣ, исполняется въ Америкѣ дешевле машинами [3]). Болѣе того, высокій уровень жизни и большая ловкость американскаго рабочаго даетъ ему возможность смотрѣть за большимъ числомъ машинъ.

Въ нѣмецкихъ фабрикахъ ткачъ работаетъ при двухъ, рѣдко при трехъ станкахъ; въ Ланкаширѣ женщины ткачи работаютъ на четырехъ, въ Массачусетсѣ часто на шести, а иногда и на восьми [4]). Мы видимъ такимъ образомъ, какъ новыя промышленныя силы опредѣлялись въ порядкѣ своего дѣйствія характеромъ и условіями различныхъ странъ, ихъ географическимъ положеніемъ, физическими рессурсами, элементами расоваго характера, политическими и индустріальными учрежденіями, той или другой экономической политикой и болѣе всего поглощающимъ характеромъ военныхъ и политическихъ событій, совпадавшихъ съ первыми изобрѣтеніями.

Точное измѣреніе такихъ разнородныхъ факторовъ невозможно. Приложенныя таблицы и діаграммы могутъ однако показать прогрессъ различныхъ промышленныхъ народовъ,

---

[1]) Очень развитое американское машинное производство часовъ есть самый лучшій примѣръ вліянія высокой заработной платы. Shulze-Gaevernitz, Social peace, стр. 125.

[2]) Schönhoff, Economy of high wages, стр. 278.

[3]) Ibid, стр. 225—226.

[4]) Тканье на 6 и 8 станкахъ совершается однако на счетъ скорости. Shulze-Gaevernitz, стр. 66.

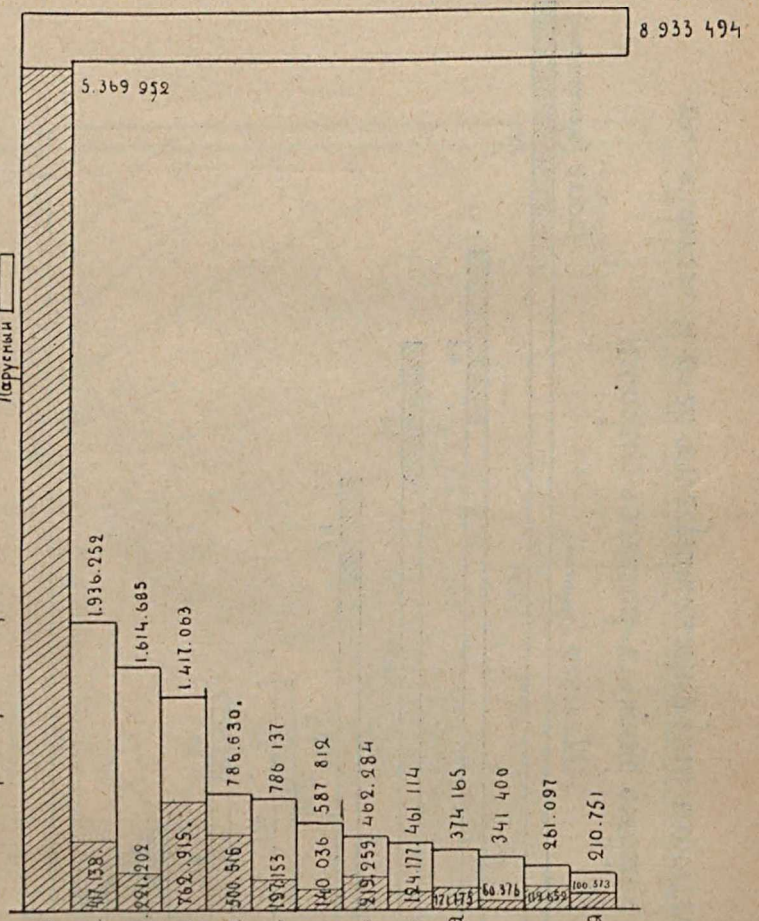
какъ это измѣряется: 1) развитіемъ желѣзныхъ дорогъ и торговаго мореходства, 2) потребленіемъ угля и желѣза, 3) приложеніемъ силы пара 4) общей годичной цѣнностью всѣхъ изготовленныхъ продуктовъ.

1) Сравнительная длина желѣзныхъ дорогъ 1840—1890:

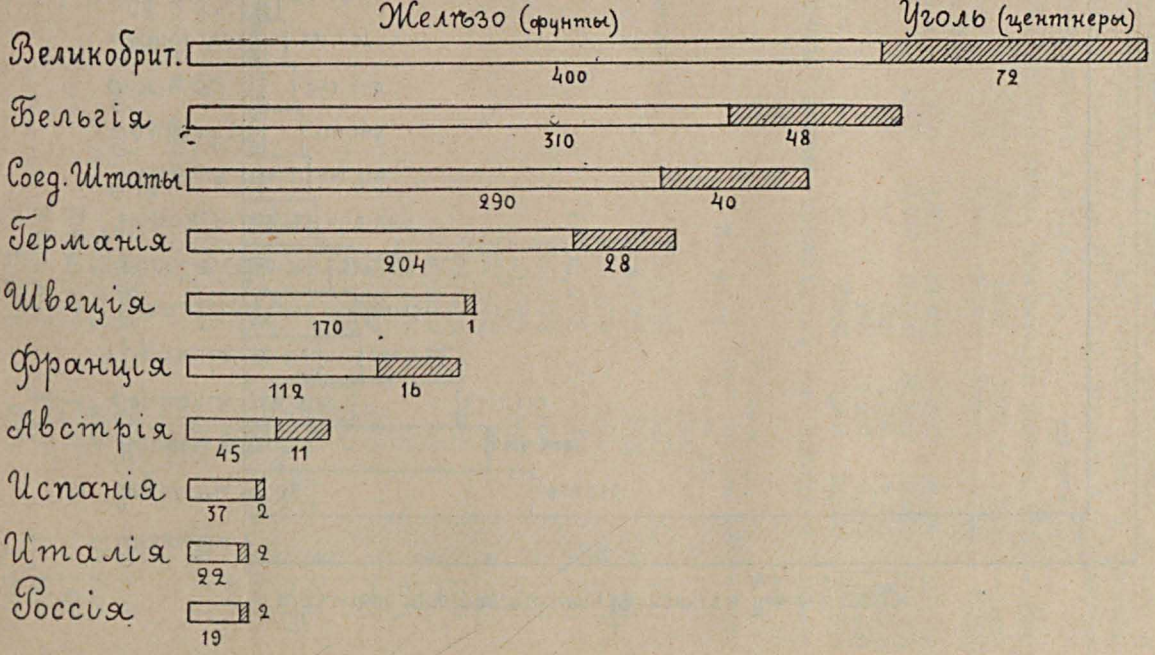
	1840	1850	1860	1870	1880	1890
Великобританія .	800	6,600	10,400	15,500	17,900	19,800
Континентальная Европа	800	7,800	21,400	47,800	83,800	110,200
Соед. Штаты . .	2,800	9,000	30,600	53,400	93,600	156,000
Индія	—	—	800	4,800	9,300	16,000
Австралія	—	—	200	1,200	5,400	10,100
Остальной міръ .	—	—	2,800	5,500	18,400	42,300

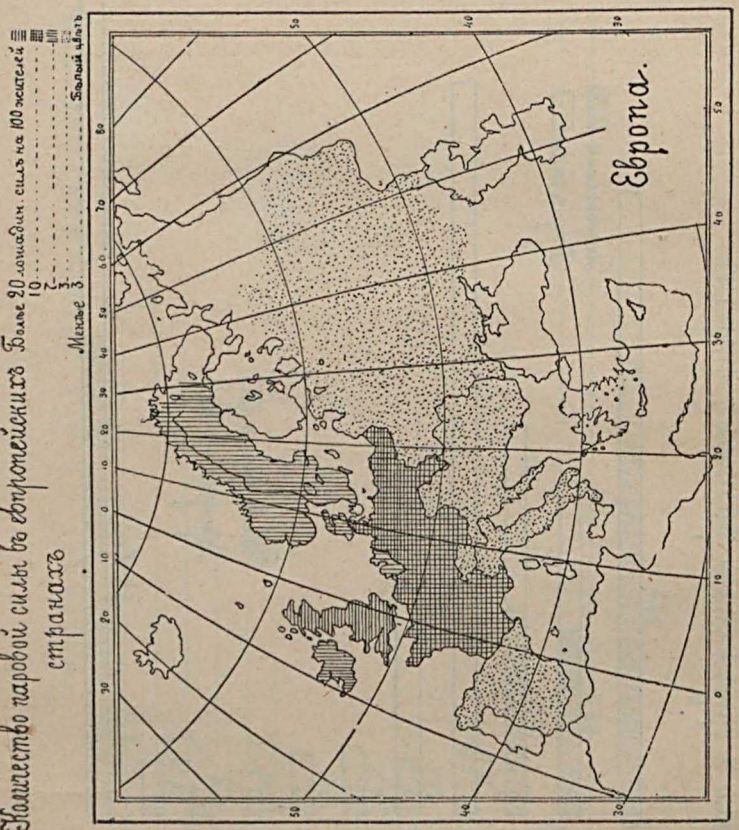
2) Отношеніе длины послѣднихъ къ площади и населенію:

	Кв. мили.	Густота насел. на кв. милю въ 1890	Длина жел. дор. (1888).
Великобританія.	120,849	320	19,810
Франція	204,092	184	20,900
Германія.	208,752	233	24,270
Россія	1.902,277	42	17,700
Австрія	240,942	166	15,610
Италія.	110,623	260	7,830
Испанія	197,670	86	5,930
Португалія.	34,038	136	1,100
Швеція	170,979	28	4,670
Норвегія.	124,495	16	970
Данія	15,289	133	1,220
Голландія	12,648	350	1,700
Бельгія	11,373	530	2,760
Швейцарія.	15,370	190	1,870
Греція.	25,041	88	370
Турція.	65,909	73	900
Соед. Штаты . . . . . (исключая Аляску и индійскую территорію).	1.175,550	21	156,080
Японія.	145,655	274	910
Индія	964,992	229	15,250
Австралія	3.330,771	1,20	10,140
Канада	3.315,647	1,45	12,100
Египетъ	12,976	638	1,260

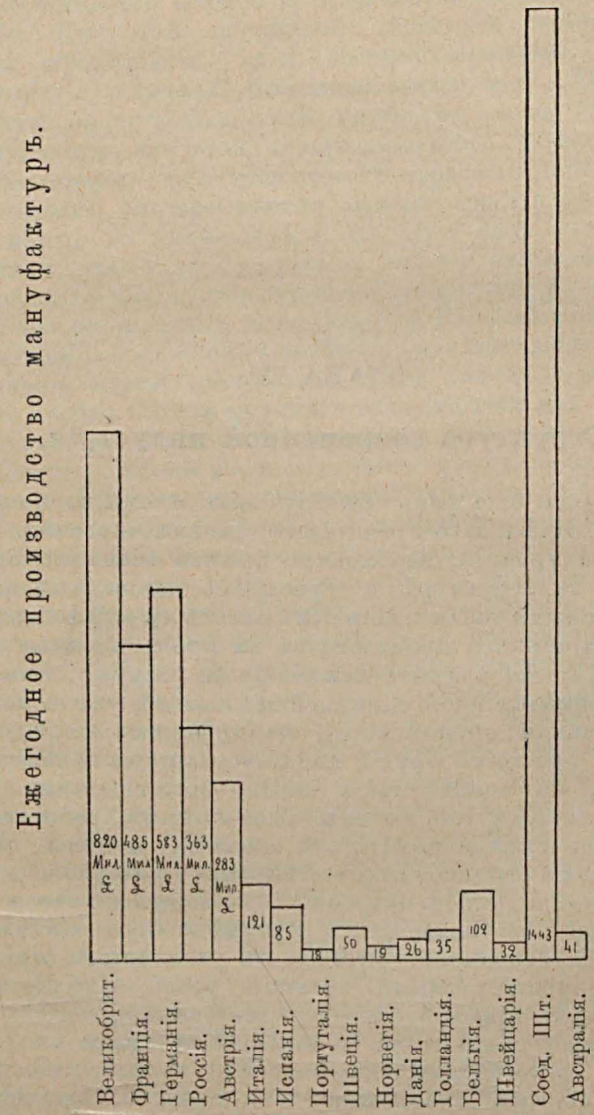

Размѣръ торговаго флота въ тоннахъ
Паровой
Парусный
Великобрит.
Сѣв. Штаты.
Норвегія
Германія
Франція
Италія
Россія
Испанія
Швеція
Голландія
Греція
Данія
Австрія
8 933 494
5.369 952
1.936.252
447.158
1.614.685
921.202
1.417.063
762. 915.
786.630.
500.616
786 137
192.153
587 819
140 036
462.284
219.259
461 114
184.177
374 165
71.475
341 400
60.376
261.097
104.559
210.751
100.573

Сравнительная таблица потребленія угля и желѣза на каждаго жителя разныхъ странъ.

Количество паровой силы въ европейскихъ странахъ
Болѣе 20 лошадин. силъ на 100 жителей
10
2
1
Менѣе 1
Безъ данныхъ
Европа.

Паровая и другія силы разныхъ странъ
Паровая сила
Другія силы
Великобританія 50
78%
Франція 27.6
58 %
Германія 33.2
60%
Россія 61.2
10%
Австрія 19.9
29%
Италія 6.4
34%
Испанія 5 4
41%
Бельгія 4 6
73%
Голландія 2
45%
Скандинавія 5.3
34%
Швейцарія 1.8
71.%
Португалія 8
34%
Соед. Штаты 77
54.%

Ежегодное производство мануфактуръ.
820 Мил. ₰
485 Мил. ₰
583 Мил. ₰
363 Мил. ₰
283 Мил. ₰
121
85
18
50
19
26
35
109
32
1443
41
Великобрит.
Франція.
Германія.
Россія.
Австрія.
Италія.
Испанія.
Португалія.
Швеція.
Норвегія.
Данія.
Голландія.
Бельгія.
Швейцарія.
Соед. Шт.
Австралія.

ГЛАВА IV.

Структура современной индустріи.

Обращаясь еще разъ къ изученію промышленной единицы, т. е. отдѣльнаго предпріятія, затѣмъ торговли, рынка и поля конкуренціи, необходимо прежде всего изслѣдовать измѣненія въ структурѣ и функціяхъ, вызванныя новыми промышленными силами. Первымъ главнымъ вліяніемъ современнаго машиннаго производства на промышленныя предпріятія является крупное измѣненіе въ размѣрѣ. Самой типичной промышленной единицей не является уже семейство, или маленькая группа лицъ, работающихъ посредствомъ дешевыхъ простыхъ орудій надъ небольшимъ количествомъ матеріала, но компактная и плотно организованная масса труда, состоящая изъ сотенъ, тысячъ лицъ, работающихъ вмѣстѣ при помощи дорогихъ и сложныхъ машинъ, перерабатывающихъ огромное количество сырого матеріала, прежде чѣмъ онъ доходитъ до потребителя. Увеличеніе массы труда и капитала, составляющихъ промышленную единицу, не подвигается одинаково успѣшно въ различныхъ отрасляхъ промышленности. Самый большій ростъ замѣчается въ двухъ родахъ промышленности: во-первыхъ, въ тѣхъ, которыя тѣсно связаны съ монополіей на землю или же съ другими привилегіями, дарованными государствомъ или муниципальнымъ правленіемъ и которыя вслѣдствіе этого стоятъ внѣ конкуренціи. Размѣръ въ данномъ случаѣ опредѣляется количествомъ капитала, необходимаго для

уравновѣшиванія спроса и предложенія при условіяхъ монополіи. Къ этой послѣдней категоріи относятся громадныя предпріятія, какъ желѣзнодорожныя, газовыя и (предпріятія) компаній доставляющихъ воду. Во-вторыхъ, въ тѣхъ индустріяхъ, гдѣ наиболѣе ясно проявляются преимущества крупной промышленности передъ мелкой. Вообще говоря, сюда относятся тѣ отрасли промышленности, въ которыхъ употребляются самыя дорогія машины или, какъ, напр., въ банковыхъ и другихъ финансовыхъ предпріятіяхъ, громадный капиталъ имѣетъ наиболѣе выгодное приложеніе и пользуется исключительной монополіей на нѣкоторыя весьма выгодныя отрасли труда. Въ розничной торговлѣ, гдѣ ни одна изъ этихъ силъ не дѣйствуетъ такъ могущественно, увеличеніе массы капитала и труда далеко не такъ велико; однако и здѣсь выгода крупнаго производства все болѣе и болѣе выдвигаетъ впередъ компаніи въ родѣ „Universal Provider“; громадное число мѣстныхъ лавокъ попадаетъ въ руки компаній. Громадные синдикаты капитала въ Смитфильдѣ владѣютъ мясными лавками въ большинствѣ городовъ; суконная, ювелирная и башмачная торговля все болѣе и болѣе переходитъ въ руки крупныхъ компаній, въ то время какъ растущее количество табачниковъ, трактирщиковъ, торговцевъ колоніальными товарами и другихъ становятся агентами крупныхъ фирмъ. Въ тѣхъ отрасляхъ земледѣлія, которыя больше всего приспособлены къ приложенію машинъ, замѣчается то же направленіе къ господству большихъ фермъ. Это замѣчается вездѣ, гдѣ землевладѣніе поставлено на той же ногѣ, какъ и другія формы капитала. Хотя и маленькія фермы способны давать большой чистый, равно какъ и валовой доходъ, тѣмъ не менѣе единственныя препятствія къ переходу мелкихъ фермъ въ крупныя коренятся въ постановленіяхъ закона, въ обычаяхъ, чувствахъ. Лучше всего однако мы можемъ прослѣдить общій быстрый ростъ промышленной единицы въ перевозочной и фабричной отрасляхъ. И здѣсь машина является главной внѣшней причиной. Гигантскія желѣзнодорожныя и пароходныя компаніи являются преемниками дилижансовъ и мелкихъ нагрузчиковъ. Величина и стоимость современной хлопчато-бумажной фабрики, желѣзодѣлательныхъ, сахарныхъ или пивоваренныхъ заводовъ несравненно больше, чѣмъ тѣ единицы, изъ которыхъ эти индустріи состояли полтораста лѣтъ

тому назадъ. Въ нѣкоторыхъ производствахъ, гдѣ примѣнены самыя развитыя машины, промышленная единица такъ расширена, что число предпріятій, вырабатывающихъ постоянно увеличивающееся количество продуктовъ, въ дѣйствительности уменьшается. Въ текстильной индустріи число бумагопрядильныхъ фабрикъ Англіи и Уэльса замѣтно уменьшается за періодъ отъ 1870 до 1890 года, въ то время, какъ подобное движеніе въ ткацкихъ фабрикахъ только замедляется, съ одной стороны, способностью мелкихъ мастерковъ-посредниковъ успѣшно конкурировать съ болѣе развитыми фабриками въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ отрасляхъ, какъ, напр., въ тесемочномъ производствѣ, а съ другой стороны—переживаніемъ домашняго производителя, владѣющаго своимъ собственнымъ станкомъ и нанимающаго свою двигательную силу, какъ, напр., въ тканьѣ лентъ въ Ковентри [1]). Слѣдующія статистическія данныя [2]) о бумажной и шерстяной промышленности Великобританіи послужатъ намъ для иллюстраціи роста размѣровъ промышленной единицы въ самыхъ характерныхъ отрасляхъ текстильнаго производства:

Хлопчатая бумага.

	Число фабрикъ.					Число веретенъ.		
	Пряденье.	Тканье.	Пряденье и тканье.	Другіе.	Всего.	Пряденье.	Doubling.	Механич. ткацкихъ станковъ.
1870 . . .	1,108	693	532	150	2,483	33.995,221	3.723,537	440,776
1890 . . .	935	990	438	175	2,538	40.511,934	3.992,885	615,714
				Шерсть.				
1870 . . .	648	109	860	212	1,829	2.531,768	160,993	48,140
1890 . . .	494	124	895	280	1,793	2.107,209	299,793	61,831

Это увеличеніе въ числѣ веретенъ и станковъ въ средней текстильной фабрикѣ еще болѣе значительно, если мы примемъ во вниманіе ускоренное дѣйствіе современной машины. Увеличенный размѣръ промышленной единицы, который измѣряется производительностью еще гораздо

[1]) Report to Labour Commission on Employment of Women (1893), p. 125.

[2]) Statistical Abstract. 1878—92, p. 182.

больше, чѣмъ это можетъ показаться изъ вышеприведенныхъ статистическихъ данныхъ.

Шульце-Геверницъ показываетъ, что за тридцать лѣтъ между 1856 и 1885 годомъ, когда число бумагопрядильныхъ и ткацкихъ фабрикъ увеличилось отъ 2210 до 2633, число веретенъ выросло отъ 28.010.217 до 44.348.921, число станковъ отъ 298.847 до 560.955, и такъ какъ веретена, равно какъ и станки работали гораздо быстрѣе въ 1885 году, чѣмъ въ 1759, то изготовляемый продуктъ увеличился въ гораздо большей пропорціи [1]). Обращаясь къ другой очень развитой машинной индустріи, а именно къ мукомольному дѣлу, мы замѣтимъ то же движеніе. Число мучныхъ мельницъ уменьшается какъ въ Англіи, такъ и въ Соединенныхъ Штатахъ.

Въ промежутокъ времени отъ 1884 до 1886 г. въ Соединенныхъ Штатахъ замѣчается уменьшеніе числа мучныхъ мельницъ отъ 25.079 до 18.267, однако общая производительная сила меньшаго числа мельницъ сильно увеличивалась. Уэллсъ находитъ ту же тенденцію въ фабричной промышленности Соединенныхъ Штатовъ, вообще: „Между 1850 и 1860 годами число фабричныхъ фирмъ и корпорацій въ Соединенныхъ Штатахъ увеличилось отъ 123.025 до 140.433 и стоимость фабричнаго продукта увеличилась отъ 1.019.106.616 до 1.885.861.876 долларовъ, такъ что за это десятилѣтіе число учрежденій увеличилось на 17.408 при увеличеніи стоимости продуктовъ на 866.755.060 долларовъ. Въ 1870 году 252.148 фирмъ и корпорацій производили на 4.232.325.442 доллара фабричныхъ продуктовъ, другими словами, увеличеніе на 111.715 учрежденій за десятокъ лѣтъ отъ 1860 до 1870 года дало увеличеніе въ стоимости продукта на 2.346.463.766 долларовъ. Въ 1880 году число фабричныхъ учрежденій равнялось 253.852, въ которыхъ приготовлялось продуктовъ стоимостью въ 5.365.579.191 долларъ, или же прибавленіе 1704 фирмъ и корпорацій сопровождалось увеличеніемъ продукта на 1.133.537.749 дол. Мы такимъ образомъ имѣемъ здѣсь ясное доказательство того, что среднее количество продукта отдѣльнаго фабричнаго учрежденія въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1880 году какъ разъ на 60% больше, чѣмъ въ 1860 году“ [2]).

[1]) Social Peace, p. 126; cp. also Brentano, Hours, Labour and Production, p. 60.

[2]) Contemporary Review, 1889, p. 394.

Въ то время, какъ масса капитала и труда, составляющихъ предпріятіе, постепенно растетъ, послѣдній увеличивается менѣе быстро, чѣмъ первый, т. е. капиталъ съ точки зрѣнія величины становится все болѣе и болѣе господствующимъ факторомъ предпріятія. Вліянія этого послѣдняго на экономическій характеръ и условія труда мы здѣсь не коснемся.

Этотъ предметъ требуетъ отдѣльнаго изслѣдованія. Здѣсь же намъ достаточно отмѣтить происшедшее количественное измѣненіе. Въ домашнемъ производствѣ стоимость употребляемыхъ орудій обыкновенно равнялась заработку рабочаго въ теченіе немногихъ мѣсяцевъ.

Въ 1845 году Макъ Куллохъ разсчиталъ, что основной капиталъ хорошо обставленной бумажной фабрики приблизительно равняется двухгодичному заработку рабочаго [1]).

Профессоръ Маршалль считаетъ, что въ 1890 году капиталъ, потраченный на орудія производства въ хорошо обставленной бумагопрядильнѣ, равняется 200 ф. ст., или пятилѣтнему заработку каждаго мужчины, женщины и ребенка [2]). Въ типической современной индустріи, какъ, напр. въ бумагопрядильной и бумаготкацкой увеличеніе въ размѣрѣ растетъ быстро и постоянно. Среднее число веретенъ и станковъ въ единичной фабрикѣ въ 1850 году и 1885 г. слѣдующее:

	Веретена	Механ. ткац. станки
1850	10.858	155
1885	15.227	213

Даже эти цифры не вполнѣ характеризуютъ собою дѣйствительные факты, такъ какъ онѣ включаютъ значительное число фабрикъ стараго порядка, гдѣ пряденье и тканье происходятъ вмѣстѣ. Если мы возьмемъ самыя совершенныя и спеціализированныя прядильни въ округѣ Ольдгэма, то мы найдемъ, что среднее число веретенъ равняется 65.000, между тѣмъ, какъ самыя большія прядильни имѣютъ до 185.000 веретенъ. Точно также среднее число механическихъ ткацкихъ станковъ въ Сѣверномъ Ланкаширѣ равняется 600, между тѣмъ какъ самое большое число станковъ единичнаго предпріятія достигаетъ 4.500 [3]).

[1]) Porter, Progress of the Nation, p. 216.
[2]) Principles of Economics, 2-nd edit., p. 282.
[3]) Shulze-Gaevernitz, Der Grossbetriel, p. 90.

„Стоимость парохода эквивалентна можетъ быть стоимости десятилѣтняго количества труда тѣхъ, которые строятъ, въ то время, какъ капиталъ въ 900.000.000 фунт. ст., потраченный на желѣзнодорожныя предпріятія въ Англіи и Уэльсѣ, равняется 20-ти лѣтнему труду 400.000 человѣкъ, работающихъ на этихъ дорогахъ“ [1]). Увеличеніе промышленной единицы капитала, какъ мы уже замѣтили, находится въ тѣсной зависимости отъ количества громадныхъ и дорогихъ машинъ, составляющихъ характеристическую черту современнаго производства. Тотъ фактъ, что современные способы производства вполнѣ приспособлены къ увеличенію количества продуктовъ, могъ бы навести насъ на мысль, что ростъ сырого матеріала или оборотной части капитала какого-нибудь предпріятія соотвѣтствуетъ росту основного капитала. Однако это не такъ. Въ развитой машинной индустріи увеличеніе въ экономіи направлено, во-первыхъ, на улучшеніе методовъ обработки, такъ чтобы избѣгнуть отброса, и также на то, чтобы при помощи болѣе высокаго качества труда и обработки получить изъ даннаго количества сырого матеріала возможно больше продуктовъ. Въ пряденіи бумаги, напр., съ 1834 г. отбросъ сырого матеріала уменьшился съ $^1/_7$ до $^1/_{10}$; худшій матеріалъ, который прежде былъ безполезенъ, теперь перемѣшивается съ лучшимъ матеріаломъ; еще болѣе важно то, что современныя машины, приспособленныя къ пряденью болѣе тонкихъ сортовъ сырой пряжи, произвели большое сбереженіе въ количествѣ хлопка, потребляемомъ каждымъ веретеномъ.

Во многихъ другихъ производствахъ совершается тотъ же процессъ, благодаря которому часть капитала, состоящая изъ сырого матеріала, уменьшается, а часть, состоящая изъ машинъ и другихъ формъ основного капитала, увеличивается. Ростъ единицы капитала въ развитомъ промышленномъ предпріятіи влечетъ за собой также ростъ единицы труда, хотя не въ такой же пропорціи. Число занятыхъ рабочихъ въ какомъ-нибудь предпріятіи увеличивается по мѣрѣ перехода даннаго предпріятія въ высшія промышленныя формы. Въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1880 г. среднее число рабочихъ занятыхъ въ каждомъ фабричномъ предпріятіи всей страны, было нѣсколько меньше одиннадцати, но въ

[1]) Marchall, Principles of Economies, 2 -nd edit, p. 283.

главныхъ фабричныхъ штатахъ Массачузетсѣ, Коннектикутѣ и Родъ-Айландѣ равнялось 25, между тѣмъ какъ въ Питтсбургѣ, въ этомъ крупномъ центрѣ желѣзной индустріи, оно больше тридцати трехъ.

Помимо увеличеннаго размѣра мы находимъ увеличенную и постоянно увеличивающуюся сложность въ структурѣ промышленной единицы. Это совершилось по двумъ направленіямъ, горизонтальному и боковому, т. е. посредствомъ подраздѣленія и увеличенія числа процессовъ, съ одной стороны, и посредствомъ увеличивающагося разнообразія продуктовъ, а благодаря этому и процессовъ, съ другой. Постоянно растущая спеціализація основного капитала и труда въ нашихъ фабрикахъ и мастерскихъ дѣло всѣмъ извѣстное. Извѣстная булавочная фабрика Адама Смита съ десятью различными процессами уже давно оставлена позади. Въ Соединенныхъ Штатахъ башмачное производство состоитъ изъ шестидесяти четырехъ вполнѣ опредѣленныхъ процессовъ. Зерно въ усовершенствованной паровой мучной мельницѣ проходитъ черезъ двадцать различныхъ ступеней: чистки, вѣянія, и т. п. Американское машинное производство часовъ состоитъ изъ 370 отдѣльныхъ процессовъ. Современная текстильная фабрика исполняетъ дюжину различныхъ процессовъ, относящихся къ прядению и тканью хлопка и шелка. Постоянно прибавляются новые процессы—чистки, отдѣлки, украшенія и т. д.

Вспомогательные процессы упаковки, производство ящиковъ для упаковки, печатаніе ярлыковъ и т. п. начинаютъ водворяться на многихъ фабрикахъ. Многія отрасли производства, которыя раньше совершались въ отдѣльныхъ мѣстахъ и представляли собой отдѣльныя промышленныя единицы, теперь соединены вмѣстѣ на одной фабрикѣ подъ одной крышей, или же если онѣ мѣстно отдѣлены и исполняются отдѣльными машинами, то онѣ все-таки связаны, образуютъ части одного и того же предпріятія и находятся подъ однимъ управленіемъ. Такъ, напр., въ шерстяныхъ фабрикахъ предварительные процессы сортировки, чистки, чесанія точно также, какъ и главные процессы пряденья, тканья, валянія, окрашиванія и аппретуры совершались раньше каждой отдѣльной и независимой группой рабочихъ, а теперь часто продолжаются одновременно на одной

и той же фабрикѣ. Такимъ образомъ малыя простыя промышленныя единицы, которыя представляли собою различныя ступени въ производствѣ одного и того же товара, группируются теперь въ одну крупную сложную единицу. Эта сложность еще болѣе увеличивается постояннымъ спросомъ на разнообразіе въ размѣрѣ, качествѣ и характерѣ продуктовъ, которые должны удовлетворить постоянно растущему разнообразію спроса постоянно расширяющагося рынка.

Спеціальные сорты товаровъ должны производиться для Австраліи, Египта, для Бирмы. Менѣе цивилизованные потребители, какъ напр. Китай и Персія, настаиваютъ, чтобы ввозимые къ нимъ товары были бы упакованы и обработаны на ихъ домашній манеръ, не смотря на то, что значеніе и удобство этой домашней формы давно уже потеряло свое значеніе. Условія конкуренціи требуютъ постоянныхъ экспериментовъ въ новыхъ родахъ продуктовъ, чтобы такимъ образомъ потворствовать фантазіи ново-открытаго рынка или же вырвать производство отъ того или другого соперника. Болѣе того, увеличивающаяся роль, которую публикація играетъ въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ конкуренція самая сильная, влечетъ за собой особенный результатъ, который на первый взглядъ идетъ на перекоръ растущей спеціализаціи и диференціаціи функцій, отличающихъ современную торговлю. Видя, что продукты рекламируютъ другъ друга, фабриканты часто побуждены прибавлять новыя отдѣленія къ своимъ предпріятіямъ, расширяя такимъ образомъ кругъ и разнообразіе своихъ производствъ. Эта тенденція особенно сильно проявляется въ розничной торговлѣ. Современный торговецъ колоніальныхъ товаровъ продаетъ консервы, мясо, пирожныя, вино, чайники и поздравительныя рождественскія карты; торговецъ сукнами продаетъ разнаго рода предметы украшенія; торговцы письменныхъ принадлежностей, маселъ, фарфоровыхъ издѣлій выставляютъ разнообразное постоянно увеличивающееся количество товаровъ, приближаясь такимъ образомъ постепенно къ положенію торговца, торгующаго всѣмъ, чѣмъ угодно. „Склады“ и „Всеобщіе Доставщики“ представляютъ собой кульминаціонный пунктъ этого движенія въ розничной торговлѣ, возвращаясь такимъ образомъ къ увеличенной и осложнившейся формѣ первобытной

„общей деревенской лавки". Но та же экономія достаточно сильна, чтобы превзойти преимущества, которыя представляютъ собою расширяющіяся предпріятія стараго порядка. До извѣстнаго пункта экономія крупнаго производства дѣлаетъ выгоднымъ для фабриканта употребить весь капиталъ, находящійся въ его распоряженіи, на производство большого количества продуктовъ того же рода. Но послѣ того, какъ рынокъ достаточно снабженъ этими товарами, можетъ быть выгоднѣе апеллировать къ разнообразію потребностей посредствомъ новаго вида товаровъ того же рода, чѣмъ пытаться завоевать новые рынки или вызвать усиленную продажу на старыхъ рынкахъ по такой пониженной цѣнѣ, по которой это возможно при крупномъ производствѣ. Предпріятія гг. Гентли и Польмера представляютъ собой поразительный примѣръ промышленной фирмы, выпускающей все большее разнообразіе продуктовъ, которые, хотя принадлежатъ одному и тому же роду, охватываютъ собой все болѣе широкое поле дорогихъ пищевыхъ продуктовъ. Новые продукты не только пожинаютъ выгоды оттого, что они были достаточно рекламированы предыдущими, но такъ какъ они главнымъ образомъ состоятъ изъ новыхъ примѣненій того же сорта сырого матеріала, то они пользуются тѣми выгодами при покупкѣ и перевозкѣ, которыя достигаются крупнымъ производствомъ, при чемъ главная часть машинъ, управленіе и даже производство можетъ быть утилизировано для новыхъ процессовъ. Эта тенденція, стремящаяся не только къ умноженію процессовъ при производствѣ продуктовъ одного какого-нибудь товара, но къ увеличенію разнообразія товаровъ, изготовляемыхъ аналогичными процессами въ одномъ и томъ же предпріятіи, также проявляется въ нѣкоторыхъ текстильныхъ и металлическихъ индустріяхъ, гдѣ постоянно увеличивающаяся пропорція дорогихъ машинъ и искуснаго труда идетъ не на исполненіе узкихъ специфическихъ процессовъ производства или обработки, но на то, чтобы порождать и передавать силу для позднѣйшаго утилизированія при помощи особыхъ машинъ. Во многихъ фабрикахъ замѣчается увеличивающаяся легкость для исполненія новыхъ процессовъ и для того, чтобы перевести крупную часть орудій отъ выдѣлки одного класса товаровъ къ производству другого.

„Большинство рабочихъ на фабрикѣ часовъ найдутъ,

что машины, которыми они работаютъ, очень похожи на тѣ, съ которыми они уже знакомы, если они работали на ружейной фабрикѣ, или на фабрикѣ швейныхъ, или же текстильныхъ машинъ. Фабрика часовъ вмѣстѣ съ рабочими, работающими на ней, можетъ быть безъ крупной потери обращена въ фабрику швейныхъ машинъ" [1]). Мы такимъ образомъ видимъ, что въ эволюціи современнаго предпріятія цѣлый рядъ процессовъ производства товаровъ, изъ которыхъ каждый въ первое время раздѣленія труда составлялъ особое предпріятіе, теперь не только срастается вмѣстѣ въ одно большое сложное цѣлое, но даже аналогичные процессы производства различныхъ товаровъ также срастаются, что составляетъ боковую аггрегацію процессовъ. Мы такимъ образомъ узнаемъ, что растущая сложность промышленной единицы, все равно, разсматриваемъ ли мы ее съ точки зрѣнія капитала или труда, зависитъ въ сильной степени изъ увеличивающейся интеграціи продуктивныхъ процессовъ. Промышленная единица теперь болѣе разнородна и болѣе интегрирована.

Восходя отъ одного предпріятія къ болѣе высокимъ промышленнымъ единицамъ, къ рынку, или группѣ непосредственно конкурирующихъ предпріятій, мы и тутъ находимъ подобныя перемѣны. Разсматривая эти перемѣны, намъ необходимо ясно представить себѣ разницу между рынкомъ и какой-нибудь отраслью промышленности. Одно то, что два лица или двѣ группы лицъ занимаются въ различныхъ мѣстахъ похожими процессами производства, т. е. принадлежатъ той же отрасли промышленности, насъ здѣсь совершенно не интересуетъ. Извѣстная отрасль промышленности или аггрегатъ производственныхъ единицъ извѣстнаго сорта получаетъ промышленное единство постольку, поскольку между отдѣльными единицами существуетъ конкуренція въ покупкѣ сырого матеріала, орудій, труда и въ продажѣ результатовъ ихъ производства. Ткачи бумаги въ Центральномъ Китаѣ занимаются той же отраслью промышленности, какъ и ланкаширскіе ткачи, работаютъ такими же приблизительно орудіями, какія господствуютъ въ кустарной промышленности Франціи и Германіи; но конкуренція, существующая между ними, такъ непосред-

[1]) Marshall, Principles of Economies, II изданіе, стр. 517.

ственна и такъ незначительна, что при разсмотрѣніи структуры этой отрасли промышленности, мы можемъ вполнѣ игнорировать ее. Предпріятія встрѣчаются и вступаютъ въ тѣсную связь только при помощи конкуренціи. Въ одной отрасли могутъ существовать нѣсколько рынковъ, связь между которыми отдаленная и ничтожная. Рынкомъ мы называемъ всякое число непосредственно конкурирующихъ другъ съ другомъ предпріятій. „Экономисты понимаютъ подъ рынкомъ не какое-нибудь мѣсто, гдѣ вещи покупаются и продаются, но совокупность пунктовъ, гдѣ покупатели и продавцы находятся въ такихъ тѣсныхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ, что цѣны одинаковыхъ товаровъ стремятся къ равенству“ [1]).

Одинаковая цѣна при конкуренціи есть такимъ образомъ существенная черта и проба рынка. Предпріятія, находящіяся въ такомъ тѣсномъ сношеніи другъ съ другомъ, что цѣны, по которымъ они покупаютъ и продаютъ тѣ же самые товары, одинаковы или незначительно отличаются только вслѣдствіе какихъ-нибудь мѣстныхъ причинъ, составляютъ члены одного и того же рынка. Денежный рынокъ есть только одинъ во всемъ мірѣ. Цѣны денегъ въ Лондонѣ, Римѣ, Ріо-де-Жанейро могутъ не совпадать, но эта разница зависитъ отъ нѣкоторыхъ различій въ рискѣ. При этомъ можно всегда замѣтить тенденцію къ одной и той же цѣнѣ, или, выражаясь другими словами, тамъ, гдѣ 100 ф. стерл. представляютъ собой товаръ одной и той же цѣнности, тамъ заплатятъ за пользованіе этой суммой тоже одну и ту же цѣну, между тѣмъ какъ, если эта сумма будетъ представлять товаръ различной цѣнности, это отразится и на цѣнѣ за пользованіе этимъ товаромъ.

Абсолютная свобода сношеній несущественна для образованія рынка. Рыночные тарифы и другія выгоды и невыгоды могутъ поставить конкурентовъ въ различныя положенія. Болѣе того, чтобы образовать часть рынка, которая вліяла бы на опредѣленіе цѣны, предпріятіе не должно даже активно вступать въ поле конкуренціи. Одна боязнь за потенціальную конкуренцію внѣшнихъ соперниковъ иногда держитъ цѣну на такомъ низкомъ уровнѣ, выше

[1]) Cournot, Recherches sur les Principes Matematiques de la theorie des Richers (цит. Marshall'омъ).

котораго она бы поднялась, если бъ не убѣжденіе, что подобный подъемъ цѣны привлечетъ чужихъ соперниковъ въ активную конкуренцію. Англія до недавняго времени пользовалась монополіей рынка въ хлопчато-бумажныхъ издѣліяхъ въ нѣкоторыхъ восточныхъ странахъ; но цѣна, по которой она продавала, опредѣлялась возможностью конкуренціи со стороны французскихъ и нѣмецкихъ купцовъ, равно какъ и непосредственной конкуренціей различныхъ англійскихъ фирмъ. Для нѣкоторыхъ товаровъ рынокъ включаетъ въ себя всю отрасль промышленности, т. е. мы тогда имѣемъ всемірный рынокъ. Это бываетъ со многими формами денегъ, составляющихъ самую абстрактную форму богатства, и въ которой конкуренція болѣе всего развита.

Биржевики, спекулирующіе на цѣнныя бумаги, на благородные металлы, находятся въ активной и постоянной конкуренціи во всѣхъ крупныхъ коммерческихъ центрахъ міра. Другіе цѣнные, удобосохраняемые и легко перевозимые товары, какъ, напримѣръ, драгоцѣнные камни, пшеница, хлопокъ и шерсть, имѣютъ большею частью одинъ общій рынокъ.

Всемірный рынокъ представляетъ собой самое крупное растяженіе промышленности, вызванное современными машинами транспорта и обмѣна, желѣзными дорогами, пароходами, газетами, телеграфами и системой кредита, созданной и поддерживаемой этими матеріальными факторами.

Поле рынка для различныхъ товаровъ различно сообразно характеру этихъ товаровъ, отъ всемірнаго рынка для биржевыхъ цѣнныхъ бумагъ до самаго малаго рынка, состоящаго изъ нѣсколькихъ сосѣднихъ фермеровъ, конкурирующихъ другъ съ другомъ при продажѣ сливъ или снятого молока. Главныя характеристическія черты, опредѣляющія площадь рынка, слѣдующія:

а) Размѣръ спроса. Вещи, на которыя существуетъ всемірный очень широкій спросъ и которыя въ то же время могутъ сохраняться долгое время, какъ, напримѣръ, деньги, шерсть и пшеница, имѣютъ очень широкое поле конкуренціи. Вещи, спеціально приспособленныя къ вкусу или потребленію одной какой-нибудь мѣстности или узкаго класса личностей, будутъ имѣть узкій рынокъ.

Это бываетъ, напримѣръ, съ платьями какой-нибудь но-

вой моды или со многими сортами матерій, изъ которыхъ приготовляется платье. Рынокъ для нѣкоторыхъ сортовъ топографическихъ книгъ будетъ ограниченъ предѣлами данной мѣстности, между тѣмъ какъ многія книги имѣютъ всемірный рынокъ.

b) Легкость перевозки. Даже тамъ, гдѣ спросъ далекъ отъ того, чтобы быть общимъ, площадь рынка можетъ быть очень широка, если только высокая стоимость овеществляется въ маленькомъ объемѣ.

Курительный табакъ и болѣе дорогіе вина и напитки представляютъ такого рода примѣры. Обыкновенные кирпичи имѣютъ мѣстный сбытъ, между тѣмъ какъ портландскій мраморъ находитъ національный рынокъ.

c) Сохраняемость. Предметы, которые долго сохраняются, и предметы, которые удобно перевозить современными быстрыми средствами перевозки, имѣютъ широкій рынокъ.

Продукты, которые легко портятся, какъ, напримѣръ, многіе фрукты и овощи, имѣютъ по этой же причинѣ узкій рынокъ.

Современныя машины почти во всѣхъ случаяхъ подняли размѣръ рынка. Поле конкуренціи неизмѣримо расширилось особенно для болѣе сохраняемыхъ продуктовъ. Машины для перевозки товаровъ, равно какъ и машины, передающія новости, главнымъ образомъ отвѣтственны за это расширеніе. Болѣе дешевыя, болѣе быстрыя, болѣе безопасныя и болѣе вѣрно вычисляемыя путешествія сократили пространство для конкуренціи. Усовершенствованные способы быстраго и вѣрнаго извѣщенія о методахъ производства, о рынкахъ, о всякихъ перемѣнахъ въ цѣнѣ и въ торговлѣ практически уничтожили элементы разстоянія.

Машины для производства, равно какъ и перевозки имѣютъ тенденцію къ уравненію, идущую параллельно съ расширеніемъ поля конкуренціи. По мѣрѣ того, какъ распространеніе знанія приводитъ различныя части промышленнаго міра въ болѣе тѣсную связь другъ съ другомъ, начинаютъ также быстрѣе и успѣшнѣе примѣняться самые новые и быстрые способы производства. Такимъ образомъ во всѣхъ отрасляхъ, гдѣ производство все меньше и меньше зависитъ отъ искусства рабочихъ и все болѣе отъ характера машинъ, всякая перемѣна, выдвигающая впередъ

важность машинъ, стремится къ уравненію издержекъ производства въ различныхъ странахъ и облегчаетъ такимъ образомъ конкуренцію.

Современные способы производства вызвали также широкое расширеніе въ временномъ протяженіи рынка. Конкуренція теперь покрываетъ собой большій промежутокъ времени, также какъ и разстоянія, при производствѣ не разсчитываютъ только на качество и количество современныхъ потребностей, но все болѣе производятъ для будущаго потребленія. Громадная часть человѣческаго ума уходитъ на угадываніе будущихъ условій рынка и громадное количество человѣческаго и механическаго труда тратится на приготовленіе продуктовъ, которые должны удовлетворять будущему спросу. Это расширеніе рынка во времени, или ростъ спекулятивнаго производства есть отчасти причина, отчасти результатъ усовершенствованныхъ орудій производства и транспортаціи. Новыя машины увеличили производительность труда и во многихъ отрасляхъ стали производить гораздо больше, чѣмъ можно было сбывать по выгодной цѣнѣ; въ то же самое время стали все болѣе знакомиться съ постепенно расширяющимся рынкомъ, и фабрикантъ сталъ утилизировать свою излишнюю производительную силу на производство товаровъ для будущаго сбыта. Покуда индустрія располагала только трудомъ человѣка, работавшаго простыми орудіями при маленькой помощи природныхъ силъ, производительная энергія рѣдко могла производить больше продуктовъ, чѣмъ требовалось.

Но машины все это измѣнили. Современныя промышленныя націи могутъ производить продукты гораздо быстрѣе, чѣмъ потребители могутъ ихъ потребить. Такимъ образомъ всегда образуется постепенно увеличивающійся излишекъ производительной силы, насколько это касается производства предметовъ потребленія. Этотъ излишекъ сберегается. Но его можно сберегать только въ томъ случаѣ, если ему придать такую матеріальную форму, которая требуется не для непосредственнаго потребленія, но которая увеличила бы скорость приготовленія потребительныхъ продуктовъ въ будущее время. Чтобы сдѣлать эти новыя формы сбереженія возможными, необходимо вставить цѣлый рядъ новыхъ механическихъ процессовъ между первыми процессами добыванія, отрывающими сырой матеріалъ отъ земли,

и послѣднимъ, т. е. распредѣлительнымъ процессомъ, передающимъ продуктъ въ руки потребителя. Прилагаются такимъ образомъ новыя болѣе совершенныя и болѣе дорогія машины; устраиваются спеціальныя мастерскія съ машинами для устройства новыхъ машинъ и другія машины для устройства этихъ машинъ; механизмъ кредита расширяется, расширяется также система агентовъ и комиссіонеровъ, и примѣняются новые способы публикаціи. Такимъ образомъ, открывается все новое поле для энергіи машиннаго производства. Эта перемѣна характеризируется, какъ говорятъ, тѣмъ, „что производство становится все болѣе окольнымъ“ (roundabout) [1]). Больше ступеней вводится въ лѣстницу производства. Это увеличеніе въ сложности механизма производства не есть однако самый важный пунктъ. Намъ нужно понять, что эта перемѣна есть главнымъ образомъ увеличеніе „спекулятивнаго“ характера торговли. „Окольный“ методъ производства означаетъ постоянный ростъ пропорціи производительныхъ силъ, которыя идутъ на приготовленіе „будущихъ предметовъ потребленія“, сравнительно съ тѣми силами, которыя идутъ на производство „продуктовъ настоящаго“. Однако „будущіе предметы потребленія“, т. е. машины, орудія, сырой матеріалъ, составляютъ по существу „непредвидѣнные товары“ (contingent goods): ихъ цѣнность и трата много зависятъ отъ условій, которыя еще не родились, ихъ общественная полезность и стоимость, основанная на этомъ, совершенно зависятъ отъ будущихъ силъ и желаній тѣхъ неизвѣстныхъ личностей, отъ которыхъ ожидаютъ, чтобы онѣ купили и потребили продукты, которые создадутся, благодаря существованію и дѣятельности этихъ будущихъ предметовъ потребленія.

Дѣйствительное время, которое протекаетъ между стадіей добыванія и послѣдней стадіей распредѣленія продуктовъ, можетъ не быть больше, и во многихъ случаяхъ оно даже меньше при новыхъ промышленныхъ методахъ. Сырой

[1]) Нужно однако имѣть въ виду, что приложеніе этого „окольнаго“ метода экономически оправдывается только постояннымъ увеличеніемъ потребленія. При данномъ размѣрѣ потребленія, результатъ этого окольнаго метода сводится къ уменьшенію количества капитала, нужнаго для производства.

хлопокъ Южной Каролины попадаетъ теперь къ ткачу гораздо быстрѣе, чѣмъ полтора столѣтія тому назадъ. Но если мы къ этому прибавимъ тѣ элементы времени, которые вовлечены въ приготовленіе различныхъ формъ сложныхъ приспособленій и машинъ, польза которыхъ исключительно состоитъ въ производствѣ этихъ бумажныхъ товаровъ, и все существованіе которыхъ въ промышленномъ механизмѣ зависитъ отъ нихъ, мы поймемъ, что „окольный" методъ означаетъ большое протяженіе спекулятивнаго или временнаго элемента въ рынкѣ [1]).

Растущая связь между различными отраслями и рынками, все болѣе тѣсная симпатія, существующая между ними, все большая быстрота, съ которой движеніе сообщенное одному члену, сообщается всѣмъ другимъ,—эта-то связь составляетъ другую отличительную черту современной индустріи. Эта зависимость состоитъ въ сильной степени изъ растущей структурной связи между такими отраслями и рынками, которые раньше находились въ слабыхъ и весьма далекихъ отношеніяхъ. Прежде земледѣліе было единственнымъ существеннымъ основаніемъ промышленности, и, вслѣдствіе слабаго развитія средствъ сообщенія, земледѣліе создавало скорѣе мѣстное, чѣмъ національное и международное единство. Теперь земледѣльческія отрасли далеко уже не занимаютъ такого выдающагося положенія. Производства угля и желѣза, доставляющія сырой матеріалъ для машинъ и для парового двигателя, для устройства самихъ машинъ и для средствъ перевозки, являются общими кормильцами и регуляторами всѣхъ отраслей промышленности, включая также земледѣліе. Они соотвѣтствуютъ пищеварительной системѣ человѣческаго организма; каждое ускореніе и ослабленіе въ ихъ функціяхъ быстро и непосредственно передается различнымъ частямъ. Всякое измѣненіе въ цѣнѣ, въ качествѣ или правильности производства этихъ основныхъ отраслей промышленности сейчасъ же автоматически отражается на различныя отрасли, занятыя производствомъ и распредѣленіемъ различныхъ товаровъ. Разработка копей и металлическія производства, судостроительство и желѣзно-

[1]) Проф. Böhm-Bawerk указываетъ, что это увеличеніе времени производства есть существенная черта капиталистическаго производства. Cf. Positive Theory of Capital.

дорожныя сообщенія все болѣе начинаютъ считаться единственными мѣрилами современной промышленности; пропорція, въ которой эти производства входятъ въ изготовленіе средствъ потребленія, все увеличивается.

Помимо общей интеграціи и объединенія индустріи, вызванной зависимостью всѣхъ отраслей отъ вышеупомянутыхъ, есть еще и другія силы, дѣйствующія въ такомъ же направленіи. Первая изъ нихъ—это „окольный" методъ производства, о которомъ мы уже говорили выше. Капиталистическая система не только приводитъ извѣстное число производствъ и процессовъ подъ контроль одного капитала, превращая ихъ въ единое сложное предпріятіе, но она устанавливаетъ тождество въ промышленной жизни, въ интересахъ между различными предпріятіями, отраслями и рынками, которые остаются самостоятельными, насколько дѣло касается собственности и управленія.

Если мы разсмотримъ массу капитала и труда, составляющую какую-либо изъ нашихъ главныхъ отраслей промышленности, то мы найдемъ, что ея отношеніе къ другимъ отраслямъ бываетъ четырехъ родовъ.

1. Есть извѣстное число отраслей, съ которыми данная отрасль непосредственно связана или координируетъ,—это тѣ, которыя исполняютъ первые и послѣдніе процессы въ производствѣ тѣхъ же предметовъ потребленія. Такъ, напримѣръ, производство сапогъ непосредственно связано съ ввозомъ кожъ и коры, съ дубленіемъ, съ вывозомъ сапогъ и съ розничной сапожной торговлей.

Черезъ эти различные процессы протекаетъ одинъ и тотъ же потокъ производства и хотя съ точки зрѣнія собственности и управленія между ними, можетъ быть, нѣтъ никакой связи, у нихъ все-таки проявляются одинъ и тотъ же промышленный интересъ и чуткая симпатія коммерческой жизни.

2. Каждое изъ главныхъ производствъ имѣетъ рядъ отраслей, которыя по отношенію къ первымъ являются второстепенными, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ, находясь въ такомъ же отношеніи къ ряду другихъ индустрій, онѣ сами по себѣ могутъ также быть крупны и важны. Въ крупныхъ текстильныхъ центрахъ мы находимъ множество второстепенныхъ индустрій: стругальщики, пильщики, токари, прилаживатели, слесаря занимаются исправленіемъ

и измѣненіемъ орудій и машинъ въ текстильныхъ фабрикахъ. То же самое вѣрно относительно всѣхъ важныхъ производствъ, въ особенности тѣхъ, которыя вполнѣ пріурочены къ данной мѣстности.

Такое же приблизительно отношеніе существуетъ между тѣми производствами, которыя изготовляютъ главную часть какого-нибудь продукта, и меньшими индустріями, которыя приготовляютъ менѣе существенную часть.

По отношенію къ главной текстильной индустріи и выдѣлкѣ платьевъ, производство пуговицъ, тесемокъ, перьевъ и другихъ предметовъ украшеній и отдѣлки могутъ считаться второстепенными. Точно также относится производство обоевъ и красокъ къ строительному дѣлу и чистка сапогъ къ сапожному дѣлу. Эти второстепенныя отрасли связаны болѣе или менѣе тѣсно съ главными и находятся подъ вліяніемъ послѣднихъ, поскольку эти второстепенные процессы болѣе или менѣе существенны. Выдѣлка мѣха и перьевъ гораздо больше зависитъ отъ моды, чѣмъ отъ перемѣнъ въ цѣнѣ главныхъ отраслей производства платьевъ. Съ другой стороны, всякая причина, значительно измѣняющая цѣну сахара, имѣла бы большое непосредственное вліяніе на выдѣлку мармелада, между тѣмъ какъ подъемъ въ цѣнѣ на олово, вызванное тарифнымъ закономъ Макъ-Кинли, причинилъ серьезныя опасенія чикагскимъ промышленникамъ, занимающимся изготовленіемъ и вывозомъ консервированныхъ мясныхъ продуктовъ.

3. Отношеніе между одной изъ крупныхъ артеріальныхъ индустрій, каковы, напримѣръ, добываніе угля, желѣзнодорожныя сообщенія, машиностроеніе, и какимъ-нибудь другимъ производствомъ можетъ быть разсмотрѣно, какъ вспомогательное. Это вспомогательное отношеніе измѣряется степенью, въ которой цѣна на уголь и желѣзнодорожные тарифы вліяетъ на цѣну товара, на прибыльность данной отрасли. Роль, которую уголь играетъ въ плавильныхъ индустріяхъ, въ перевозкѣ посредствомъ пара, въ гончарномъ производствѣ такъ велика, что это отношеніе гораздо болѣе, чѣмъ вспомогательное, т. е. добываніе угля, находится въ прямомъ отношеніи къ плавленію. Но тамъ, гдѣ теплота не есть непосредственный факторъ производства, а служитъ только для снабженія парового двигателя, какъ, напримѣръ, въ текстильныхъ фабрикахъ, отношеніе можно назвать вспомогательнымъ.

4. Отношеніе между нѣкоторыми индустріями—симпатическое въ томъ смыслѣ, что товары, которые онѣ производятъ, удовлетворяютъ близко стоящимъ другъ отъ друга вкусамъ или являются членами такой группы товаровъ, потребленіе которыхъ находится въ гармоническомъ отношеніи. Въ пищѣ мы имѣемъ такое отношеніе между хлѣбомъ, масломъ и сыромъ или отношеніе, существующее между сахаромъ и солью во многихъ продуктахъ. Нѣкоторыя изъ этихъ отношеній естественны въ томъ смыслѣ, что одинъ продуктъ исправляетъ нѣкоторые недостатки другого, или что комбинація увеличиваетъ удовлетвореніе или выгоду, которую мы бы извлекли отъ потребленія каждаго продукта отдѣльно. Въ другихъ случаяхъ эта связь болѣе условная, какъ, напримѣръ, между алкоголемъ и табакомъ. Капризные вкусы человѣка доставляютъ другой симпатическій союзъ между различными отраслями. То же самое вѣрно относительно литературныхъ, артистическихъ и другихъ вкусовъ, которые вызываютъ одновременный спросъ разнаго рода продуктовъ и этимъ соединяютъ различныя индустріи въ одну симпатическую группу.

Эти четыре связи означаютъ собой тождество интересовъ между различными индустріями. Иногда же различныя отрасли промышленности вступаютъ въ расходящіяся отношенія или въ отношенія конкуренціи. Тамъ, гдѣ различные товары оказываютъ ту же услугу, отрасли промышленности, изготовляющія ихъ, находятся въ отношеніяхъ непосредственной конкуренціи. Керосинъ, газъ, электричество и другіе источники свѣта представляютъ всѣмъ извѣстные примѣры такого рода отношенія. Многія отрасли, которыя производятъ сходные, но далеко не тождественные продукты, чувствуютъ на себѣ это отношеніе. Конкуренція между различными родами пищи, которые хотя въ различной степени удовлетворяютъ тѣмъ же потребностямъ, какъ, напримѣръ, между рыбой и мясомъ, между различными родами овощей и напитковъ, даетъ намъ возможность нѣсколько понять сложность подобнаго рода отношеній. Въ платьяхъ, напримѣръ, мы имѣемъ антагонизмъ интересовъ между различными матеріями, что повлекло за собой крупныя промышленныя перемѣны. Самымъ разительнымъ примѣромъ такого рода можетъ служить ростъ хлопчатой бумаги, ея побѣда надъ шерстянымъ

платьемъ, благодаря болѣе раннему приложенію къ ней новыхъ машинъ, и надъ шелкомъ, благодаря раннему превосходству ея красильныхъ и набивныхъ процессовъ [1]). Такъ, въ послѣднее время въ конфликтѣ между различными напитками чай, и въ меньшей степени какао, значительно повредили росту кофейной индустріи, насколько это касается англійскаго потребленія. Тамъ, гдѣ существуетъ подобное соперничество, одна индустрія можетъ быть сильно и непосредственно поражена силой, которая подымаетъ или угнетаетъ ея соперника, также какъ и силой, которая на нее непосредственно дѣйствуетъ.

Ростъ многочисленныхъ и крѣпкихъ связей между различными отраслями и рынками, относящимися къ различнымъ мѣстностямъ, предполагаетъ существованіе крупной системы путей сообщенія во всемъ промышленномъ обществѣ. Увеличеніе числа и сложности этихъ путей, связывающихъ различные рынки и предпріятія и приводящихъ въ соотношеніе самыхъ далекихъ потребителей, можетъ быть мѣриломъ эволюціи промышленнаго организма. Черезъ эти пути пролетаютъ токи современной промышленной жизни, скорость, длина и правильность которой поражаютъ своимъ контрастомъ со слабымъ, короткимъ и спазматическимъ потокомъ торговли въ болѣе раннія времена. Спенсеръ слѣдующимъ образомъ выражаетъ этотъ прогрессъ функціональной дѣятельности распредѣленія: „Въ раннія времена англійской промышленной жизни крупныя годичныя и другія ярмарки служили главными средствами распредѣленія и сохранили свое важное значеніе вплоть до XVII стол., когда не только деревни, но даже маленькіе города, въ которыхъ не было лавокъ, снабжались по временамъ неправильнымъ образомъ прасолами, которые получали свой товаръ на этихъ сборищахъ. Параллельно съ увеличеніемъ населенія, съ ростомъ промышленныхъ центровъ и съ усовершенствованіемъ путей сообщенія мѣстное снабженіе становится легче и частые рынки все болѣе исполняютъ дѣло нечастыхъ ярмарокъ. Затѣмъ рынки въ главныхъ мѣстахъ и для главныхъ товаровъ увеличиваются, становясь въ нѣкоторыхъ случаяхъ ежедневными. Наконецъ наступило постоянное распредѣленіе, и притокъ пищевыхъ про-

[1]) Porter, Progress of the Nation, pp. 177 до 206.

дуктовъ въ городъ совершается каждое утро, а притокъ молока еще чаще, чѣмъ разъ въ день. Переходъ отъ временъ, когда передвиженіе людей и товаровъ между различными мѣстами носило частный характеръ, было медленно и не часто, ко временамъ, когда черезъ промежутки въ нѣсколько дней начали бѣгать публичныя повозки, двигавшіяся со скоростью четырехъ миль въ часъ, и затѣмъ ко временамъ, когда онѣ сократили свои промежутки, увеличили свою скорость, и когда линіи ихъ движенія умножились, кончая въ наше время, когда вдоль каждой желѣзнодорожной линіи движутся ежедневно съ полной скоростью дюжина сравнительно огромныхъ волнъ товаровъ,—все это намъ достаточно показываетъ, какъ общественная циркуляція прогрессируетъ отъ слабаго, медленнаго, неправильнаго движенія къ быстрому, правильному и могущественному пульсу“ [1]).

Дифференціація функцій въ различныхъ частяхъ промышленнаго организма находитъ свое частичное выраженіе въ локализаціи нѣкоторыхъ индустрій. Подобно тому, какъ растетъ раздѣленіе труда между отдѣльными личностями и между группами личностей, точно также растяженіе площади конкуренціи вызвало все больше и больше мѣстную спеціализацію.

Говоря вообще, западная Европа и Америка спеціализировались въ обрабатывающей промышленности, получая все большую часть своей пищи изъ сѣверо-западныхъ штатовъ Америки, Россіи, Балтійскихъ провинцій, Австраліи, Египта, Индіи и т. д. и свой сырой матеріалъ для обработки изъ южной части Соединенныхъ Штатовъ Южной Америки, Индіи и т. д., между тѣмъ какъ послѣднія страны соотвѣтственно спеціализировались въ земледѣліи и другихъ отрасляхъ добывающей промышленности. Если мы возьмемъ одну только Европу, мы найдемъ отличительныя черты, характеризирующія балтійскую, черноморскую, дунайскую, норвежскую и сѣверо-морскую промышленности. Точно также азіатская промышленность довольно точно раздѣляется на левантскую, красноморскую, индійскую, остъ-индскую и китайскую. Промышленность всего міра

[1]) Principles of Sociology, v. I, p. 500 (3 ed.).

такимъ образомъ раздѣляется для торговыхъ цѣлей. Хотя эти раздѣленія скорѣе сдѣланы съ точки зрѣнія транспорта, чѣмъ съ точки зрѣнія производства, но дѣло въ томъ, что географическіе, климатическіе и другіе естественные факторы, опредѣляющіе удобство путей сообщенія, имѣютъ большое вліяніе на характеръ производства, а удобство транспорта само тоже опредѣляетъ родъ труда, за который каждая часть свѣта берется.

Учрежденіе всемірнаго рынка для все болѣе и болѣе крупнаго числа товаровъ удивительно быстро преобразовываетъ промышленное лицо земли. Это не особенно ясно выражается въ наиболѣе развитыхъ странахъ Европы, которыя подъ вліяніемъ 50-ти-лѣтней довольно свободной конкуренціи въ борьбѣ за европейскій рынокъ уже упрочили у себя довольно опредѣленную спеціализированную индустрію; но въ Новомъ Свѣтѣ и въ тѣхъ древнихъ странахъ, которыя теперь быстро поддаются вторженіямъ машинъ въ области производства и транспорта, процессъ спеціализаціи дѣлаетъ очень быстрые шаги впередъ.

Большее знаніе свѣта, легкія сообщенія, огромное увеличеніе подвижности капитала и значительное увеличеніе подвижности труда способствуютъ быстрому распредѣленію производствъ въ мірѣ сообразно извѣстнымъ господствующимъ природнымъ условіямъ.

Тѣ промышленныя силы, которыя дѣйствовали въ Англіи за послѣднія 100 лѣтъ, разрѣжая населеніе и промышленность въ южныхъ и восточныхъ графствахъ и концентрируя ихъ крупными массами въ Ланкаширѣ, Вестъ-Райдингѣ, Стаффордширѣ и кругомъ Нортумбріанскихъ и Южновалійскихъ угольныхъ залежей, спеціализируя каждый городъ и мѣстность въ какой-нибудь одной отрасли текстильной, металлической или другой индустріи, для которой его почва, положеніе и другія естественныя преимущества были благопріятны,—всѣ эти промышленныя силы начинаютъ теперь расширять поле своего контроля надъ цѣлой поверхностью извѣстной и населенной земли.

По мѣрѣ того, какъ крупныя площади Азіи, южной и центральной Африки, Австраліи и Южной Америки подпадаютъ подъ контроль европейскихъ торговыхъ націй, открываются пароходами, желѣзными дорогами, телеграфами и дѣлаются свободными вмѣстилищами для увеличи-

вающагося количества капитала, который не можетъ найти прибыльнаго приложенія у себя дома, мы приближаемся къ такому положенію, когда вся поверхность земли будетъ въ распоряженіи тѣхъ самыхъ промышленныхъ силъ, могущественныя дѣйствія которыхъ долго сосредоточивались въ одной только малой части западной Европы и Америки. Это огромное расширеніе площади активной конкуренціи начинаетъ спеціализировать индустрію на основаніи всемірнаго рынка, между тѣмъ какъ она раньше была спеціализирована на основаніи національнаго и провинціальнаго рынка. Такъ, напримѣръ, въ Англіи, гдѣ первая спеціализація машиннаго производства очень мало подвергалась вліянію внѣшней конкуренціи, теперь происходятъ крупныя перемѣны. Части нашей текстильной и металлической индустріи, которыя естественно завелись въ округахъ Ланкашира, Іоркшира и Стаффордшира, когда конкуренція была еще національной [1]), теперь, когда она принимаетъ всемірный характеръ, эти отрасли начинаютъ переходить въ Индію, Германію и т. д. Характеръ спеціализаціи какой-нибудь мѣстности необходимо мѣняется при всякомъ расширеніи конкуренціи, которой эта мѣстность подвергается. Кусокъ англійской земли, на которой разводили хлѣбъ, когда рынокъ былъ окружнымъ и главнымъ мѣстомъ сбыта былъ уѣздный городъ, становится маленькимъ фабричнымъ городомъ, когда конкуренція становится національной; онъ можетъ стать паркомъ удалившагося милліонера-спекулятора, когда подъ давленіемъ всемірной конкуренціи найдено было, что производство, которое теперь тамъ процвѣтаетъ, можно вести болѣе экономно въ Бомбеѣ или Нанкинѣ, гдѣ каждая единица рабочей силы можетъ быть куплена по самой дешевой цѣнѣ, или гдѣ можно сдѣлать маленькое сбереженіе въ перевозкѣ сырого матеріала.

Вопросъ, какъ индустрія была бы расположена, если бы вся поверхность земли превратилась въ одинъ рынокъ

[1]) Хотя заграничная конкуренція съ англійскими тканями сравнительно недавняго происхожденія, поскольку дѣло касается матерій, сдѣланныхъ лучшими машинами, относительно ручныхъ издѣлій ее уже чувствовали въ началѣ этого столѣтія. Шульце-Геверницъ указываетъ, что застой производства и паденіе заработка ручныхъ ткачей въ 1820 году было скорѣе вызвано заграничной конкуренціей, чѣмъ новыми машинами. Der Grossbetrieb, стр. 41.

или въ одну площадь конкуренціи съ одинаковымъ развитіемъ средствъ сообщенія всѣхъ ея частей, или, другими словами, „каково идеальное расположеніе индустріи въ міровомъ обществѣ, ставящемъ свою цѣль въ достиженіи промышленнаго богатства, какъ она измѣряется въ настоящее время?“ На этотъ вопросъ нельзя дать, конечно, точнаго отвѣта, но такъ какъ этотъ идеалъ представляетъ собою окончательную судьбу современнаго промышленнаго прогресса, намъ стоитъ обратить вниманіе на условія, опредѣляющія локализацію индустріи при всемірной конкуренціи. Эти вліянія можно расположить въ три группы, которыя однако соприкасаются другъ къ другу:

1) Первую группу мы можемъ назвать климатической, и ея главныя вліянія составляютъ астрономическое положеніе страны, очертаніе поверхности, господствующіе вѣтры, океаническія теченія и т. д. Каждый климатическій поясъ имѣетъ свою собственную флору и фауну, и поскольку онѣ входятъ въ составъ промышленности, какъ продукты ли земледѣлія или скотоводства, какъ сырой матеріалъ для обработки, или какъ прокормленіе рабочихъ, онѣ являются естественными опредѣлителями локализаціи промышленности. Особенно климаты выдѣляются своей растительностью, „Сѣверный поясъ имѣетъ свою специфическую растительность, состоящую изъ мха, лишаевъ, каменоломки, ягодъ, овса, ячменя и ржи, умѣренный климатъ имѣетъ свой горохъ, бобы, корнеплоды, хмель, овесъ, ячмень, рожь и пшеницу; этотъ поясъ отличается размѣромъ своихъ пастбищъ, а также плантаціями хмеля и ячменными полями и имѣетъ свое спеціальное названіе „пивнаго и маслянаго округа“. Теплый умѣренный поясъ, или округъ „вина и оливковаго масла“, отличается произрастаніемъ винограда, оливковаго дерева, апельсина, лимона, цитрона, гранатоваго яблока, чая, пшеницы, маиса и риса; подтропичный поясъ — своими финиками, виноградомъ, сахарнымъ тростникомъ, пшеницей и кукурузой; тропическій климатъ отличается своими кофе, кокосовыми орѣхами, какао, саго, пальмой, фигами, аррорутомъ и пряностями, а экваторіальный—своими бананами, кокосовыми орѣхами и т. д. *).

2) Вторая группа—географическая и геологическая. Форма

*) Yeats. The Golden Gates of Trade, стр. 12.

и положеніе страны, ея пространственное отношеніе къ другимъ странамъ, характеръ ея почвы и подпочвы, ея снабженіе водой, хотя и зависятъ отъ климатическихъ условій, оказываютъ сами однако свое независимое вліяніе. Характеръ почвы, доставляющей растеніямъ ихъ естественную минеральную пищу, имѣетъ отношеніе къ сырымъ матеріаламъ для индустріи. Форма и положеніе земли, особенно очертаніе ея береговъ, имѣютъ соціальное и климатическое значеніе, направляя извѣстнымъ образомъ сношенія съ другими странами и переселенія людей и цивилизацій, что играетъ такую крупную роль въ промышленной исторіи.

3) Подъ вліяніемъ этихъ двухъ вышеупомянутыхъ группъ находятся силы, представляющія національный характеръ въ каждое данное время, каковы вліянія отличительныхъ чертъ расы, снабженія пищи, быстрота и направленіе промышленнаго развитія, густота населенія и разныя другія причины, опредѣляющія дѣйствіе труда. Эта игра природныхъ и человѣческихъ силъ во всемірной конкуренціи ведетъ къ такому расположенію различныхъ индустрій въ различныхъ мѣстахъ, которое даетъ maximum производительности труда въ каждой данной мѣстности.

Но какъ бы свободна эта всемірная конкуренція ни была, она не можетъ вести къ концу, или къ окончательному распредѣленію промышленной дѣятельности въ различныхъ частяхъ земли. Не говоря уже о политическихъ и другихъ неэкономическихъ причинахъ, есть три другихъ причины, которыя дѣлаютъ подобное мѣстное постоянство индустріи невозможнымъ.

Во-первыхъ, природныя условія ухудшаются и природныя богатства истощаются отъ разработки минеральныхъ залежей и превращенія флоры и фауны страны въ товары, такъ какъ при этомъ не возвращается природѣ то, что было отъ нея отнято. Разработка залежей угля и уничтоженіе лѣсовъ, дѣйствующія обратно на климатъ, представляютъ примѣры этого.

Вторую причину представляетъ прогрессъ въ техническихъ искусствахъ, новыя научныя открытія, прилагаемыя къ индустріи. Нѣтъ причины думать, что человѣческія знанія когда-нибудь достигнутъ окончательнаго предѣла, если источники природы, равно какъ и развитіе человѣческаго искусства безконечны.

Наконецъ, по мѣрѣ того, какъ человѣческая жизнь постоянно мѣняется, мѣняется также образъ жизни, и каждая перемѣна мѣняетъ значеніе различныхъ потребительныхъ формъ, а слѣдовательно и значеніе различныхъ промышленныхъ процессовъ, выдѣлывающихъ эти предметы потребленія. Новыя потребности вызываютъ новыя искусства, новыя искусства мѣняютъ распредѣленіе производительной энергіи и придаютъ значеніе новымъ частямъ земли. Игнорируя даже тѣ новыя матеріальныя потребности, которыя для ихъ удовлетворенія требуютъ обработки новыхъ сортовъ сырого матеріала, растущая оцѣнка извѣстныхъ родовъ удовольствія, любовь къ красивымъ видамъ, большее значеніе, которое придается здоровому воздуху,— всѣ эти условія начинаютъ оказывать все болѣе видное вліяніе на локализацію различныхъ классовъ населенія и индустрію у болѣе передовыхъ народовъ.

Тѣ же самые законы ограниченія, которые опредѣляютъ характеръ и степень спеціализаціи въ странахъ и на большихъ площадяхъ, вѣрны также и по отношенію къ меньшимъ округамъ, городамъ и улицамъ. Индустріи, производящія цѣнные, сохраняющіеся предметы, на которые есть большой спросъ, пріурочиваются къ какой-нибудь одной мѣстности; тѣ же, которыя производятъ громоздкіе, легко портящіеся товары, на которые спросъ малъ, не спеціализируются. Англія, гдѣ внутренніе пути сообщенія болѣе всего развиты, и гдѣ внутренняя конкуренція была самая свободная и самая острая, показываетъ самую высокую спеціализацію въ ея главныхъ отрасляхъ промышленности. Концентрація бумагопряденья въ южномъ Ланкаширѣ представляетъ собой примѣръ, значеніе котораго часто не замѣчается. Уже издавна Ланкаширъ былъ главнымъ центромъ индустріи, но концентрація теперь въ немъ гораздо сильнѣе, чѣмъ было 100 лѣтъ тому назадъ. Нѣкоторыя изъ самыхъ важныхъ изобрѣтеній въ пряденіи были впервые примѣнены въ Дербиширѣ, въ Ноттингамѣ, въ Бирмингамѣ и въ Шотландіи. Шотландія тогда конкурировала въ ткачествѣ съ Ланкаширомъ. Теперь шотландская индустрія спеціализировалась въ нѣкоторыхъ отрасляхъ. Не смотря на громадный ростъ обрабатывающей промышленности, площадь, которую она покрываетъ теперь, даже меньше, чѣмъ въ прошлое столѣтіе. Въ самомъ Ланкаширѣ дѣйствитель-

ная площадь производства сократилась до 25 кв. миль къ самому югу, между тѣмъ какъ два большихъ города еще болѣе спеціализировались, — Ливерпуль какъ хлопчато-бумажный рынокъ, Манчестеръ для пряжи и бумажныхъ тканей.

Болѣе того, локализація различныхъ отраслей промышленности внутри Ланкашира еще болѣе замѣчательна. Старыя фабрики, въ которыхъ пряденье и ткачество совершались вмѣстѣ, не только отодвинулись назадъ передъ раздѣленіемъ труда, но эти два процесса теперь совершаются большею частью въ различныхъ округахъ, первый въ городахъ кругомъ Манчестера, послѣдній въ болѣе далекихъ сѣверныхъ частяхъ. Но спеціализація не ограничивается этимъ. Пряденье опять раздѣляется сообразно болѣе грубымъ или болѣе тонкимъ качествамъ сырой пряжи. Въ Олдгамскомъ округѣ съ Аштономъ, Мидлтономъ и въ другихъ городахъ на югѣ отъ Манчестера сосредоточивается главнымъ образомъ пряденіе средняго сорта. Болтонъ, Корлей, Престонъ и другіе сѣверные города заняты приготовленіемъ лучшаго сорта. Въ ткачествѣ существуетъ еще болѣе сложное раздѣленіе труда. Каждый городъ или округъ спеціализируется въ одномъ какомъ-нибудь родѣ товаровъ. Болѣе того, нужно имѣть въ виду, что замѣщеніе домашней системы фабричной, постоянное разрастаніе средней фабрики указываетъ уже на важную прогрессивную концентрацію. Такъ, напримѣръ, хлопчато-бумажная индустрія не покрываетъ теперь такой большой площади, какую она покрывала, когда она была во 100 разъ меньше по размѣру. То же самое вѣрно и относительно главныхъ другихъ отраслей текстильной и металлической индустріи. Но города и округи спеціализируются не только въ фабричной дѣятельности. Громадное увеличеніе торговли, вызванное машинами для обработки и транспорта, влечетъ за собой спеціализацію нѣкоторыхъ городовъ для чисто коммерческихъ цѣлей. Лондонъ, Ливерпуль, Глазго, Гуль начинаютъ служить все болѣе и болѣе мѣстомъ для складки и перевозки товаровъ. Самъ Манчестеръ быстро теряетъ свой фабричный характеръ и посвящаетъ себя почти исключительно ввозной и вывозной торговлѣ. Желѣзнодорожное движеніе само создало для себя большіе города, какъ Крю, Дерби, Нормантонъ и Свиндонъ. Кардифъ является могуществен-

нымъ примѣромъ новаго центра горнозаводской промышленности, вызванной къ жизни, когда машинное развитіе въ Англіи было уже сильно развито.

Спеціализація функцій въ большомъ городѣ идетъ однако по двумъ направленіямъ. Сильная мѣстная организація какой-нибудь главной отрасли промышленности требуетъ сгруппированія возлѣ нея цѣлаго ряда вторичныхъ и вспомогательныхъ отраслей. Въ крупныхъ текстильныхъ городахъ мы находимъ заводы для строенія текстильныхъ машинъ и выработки вспомогательныхъ матеріаловъ. Машиностроеніе есть одна изъ главныхъ отраслей промышленности въ Манчестерѣ и снабжаетъ сосѣдніе текстильные города. Такимъ же образомъ и Лидсъ выдѣлываетъ машины для шерстяной промышленности. Это есть одно изъ условій, которыя поставили англійское хлопчато-бумажное производство выше континентальнаго. Изъ всѣхъ континентальныхъ центровъ въ одномъ только Эльзасѣ концентрація индустрій достигла такой высокой степени, что тамъ развилась мѣстная машинная индустрія, спеціально назначенная для хлопчато-бумажнаго производства. Германія все еще зависитъ въ своихъ машинахъ главнымъ образомъ отъ Англіи. Точно также относительно координирующихъ или непосредственно связанныхъ отраслей; и тамъ есть преимущество, чтобы главные процессы были сгруппированы близко другъ къ другу, хотя они не соединены въ одно предпріятіе. Такъ, мы находимъ, что красильное дѣло и различныя отрасли для изготовленія платья главнымъ образомъ завелись въ большихъ текстильныхъ городахъ, какъ, напримѣръ, въ Лидсѣ, Брадфордѣ, Манчестерѣ и Болтонѣ. Единица мѣстной спеціализаціи не есть такимъ образомъ одна отрасль, но группа тѣсно связанныхъ, координирующихъ, зависимыхъ и происходящихъ другъ отъ друга отраслей.

Кругомъ какой-нибудь крупной индустріи, въ которой заняты только мужчины, возникаютъ меньшія паразитическія индустріи, вызванныя снабженіемъ обильнаго дешеваго, женскаго и дѣтскаго труда. Въ металлическихъ, машиностроительныхъ городахъ, какъ въ Бирмингамѣ, Дудлеѣ, Уолсонѣ, въ Ньюкастлѣ-на-Тайнѣ и въ другихъ судостроительныхъ городахъ, гдѣ употребляется исключительно мужской трудъ, возникли текстильныя фабрики. То же самое вѣрно относительно рудокопныхъ и земледѣльческихъ дере-

вень, находящихся по близости отъ большихъ текстильныхъ центровъ во внутреннихъ графствахъ. Все болѣе выростаетъ склонность строить текстильныя фабрики въ сельскихъ мѣстностяхъ, гдѣ можно получить дешевый женскій трудъ и гдѣ независимость рабочихъ ослаблена болѣе крѣпкой привязанностью къ мѣстности и меньшею способностью къ организаціи въ рабочіе союзы. По мѣрѣ того, какъ текстильный трудъ все болѣе переходитъ въ руки женщинъ, растетъ тенденція сдѣлать текстильную отрасль производства паразитической, которая процвѣтаетъ на счетъ низкой заработной платы женщинъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ употребляется сильный мужской трудъ.

Хотя спеціализація нѣкоторыхъ округовъ внутри города гораздо менѣе проведена, чѣмъ въ средневѣковомъ городѣ, она все-таки сильно замѣчается въ крупныхъ центрахъ индустріи. Природныя причины часто опредѣляютъ собою это раздѣленіе мѣстностей, какъ это бываетъ въ прирѣчныхъ индустріяхъ, выдѣлываніи кирпичей, разводкѣ овощей въ загородныхъ окраинахъ. Въ каждомъ крупномъ центрѣ кругомъ центральной станціи заводится извѣстное число индустрій, относящихся къ перевозочной. Всякая торговля, рынокъ или обмѣнъ есть центръ притяженія. Такъ, напримѣръ, маклерство, банковыя и общія финансовыя предпріятія тѣсно сгруппированы кругомъ Королевской Биржи. Маркъ-Лэнъ и Минсингъ-Лэнъ составляютъ центры хлѣбной и чайной торговли. Для всѣхъ городскихъ промышленностей, которыя не прямо участвуютъ въ розничномъ распредѣленіи, имѣются нѣкоторыя очевидныя выгоды и удобства въ этомъ сгруппированіи. Агенты, комиссіонеры, коллекторы и многіе другіе, которые входятъ въ сношенія купли и продажи съ цѣлымъ рядомъ предпріятій одной и той же отрасли, находятъ много неудобствъ, когда имъ приходится имѣть дѣло съ фирмой, которая по мѣсту отдѣлена отъ всѣхъ другихъ подобныхъ фирмъ, такъ что, когда какой-нибудь округъ признается центромъ одной отрасли, становится все болѣе необходимымъ для каждаго новаго конкурента устроиться тамъ же. Чѣмъ больше городъ, тѣмъ больше сила торговой централизаціи. Такъ въ Лондонѣ, который не былъ скованъ ни гильдіями, ни городскими регуляціями, мы находимъ крѣпкую локализацію большинства оптовыхъ и нѣкоторыхъ розничныхъ

торговыхъ предпріятій. Въ розничной торговлѣ однако экономическій выигрышъ менѣе всеобщій. Такъ какъ розничные товары служатъ главнымъ образомъ для домашняго обихода и сами дома широко разсѣяны, то удобство быть вблизи своихъ кліентовъ и дальше отъ конкурентовъ иногда преобладаетъ. Лавки, которыя продаютъ хлѣбъ, мясо, рыбу, фрукты, колоніальные товары, продукты, покупаемые часто и большею частью въ малыхъ количествахъ, лавки, продающія болѣе дешевые продукты обиходнаго потребленія, какъ табакъ, модные товары, письменныя принадлежности, и вообще лавки, продающія товары для домашняго потребленія, покупка которыхъ совершается женщинами, широко разсѣяны. Съ другой стороны, гдѣ продаются товары болѣе рѣдкіе и болѣе дорогіе, когда покупатель можетъ желать сравнивать цѣны и характеръ товаровъ и будетъ даже готовъ предпринять спеціальную поѣздку для этой цѣли, тамъ централизирующая тенденція преобладаетъ и въ розничной продажѣ. Такъ, мы находимъ, что продавцы каретъ, роялей, велосипедовъ и болѣе громоздкой мебели, ювелирныхъ издѣлій, подержанныхъ книгъ, мѣховъ, лучшіе портные и модистки скучиваются вмѣстѣ въ одной какой-нибудь улицѣ или въ одномъ сосѣдствѣ.

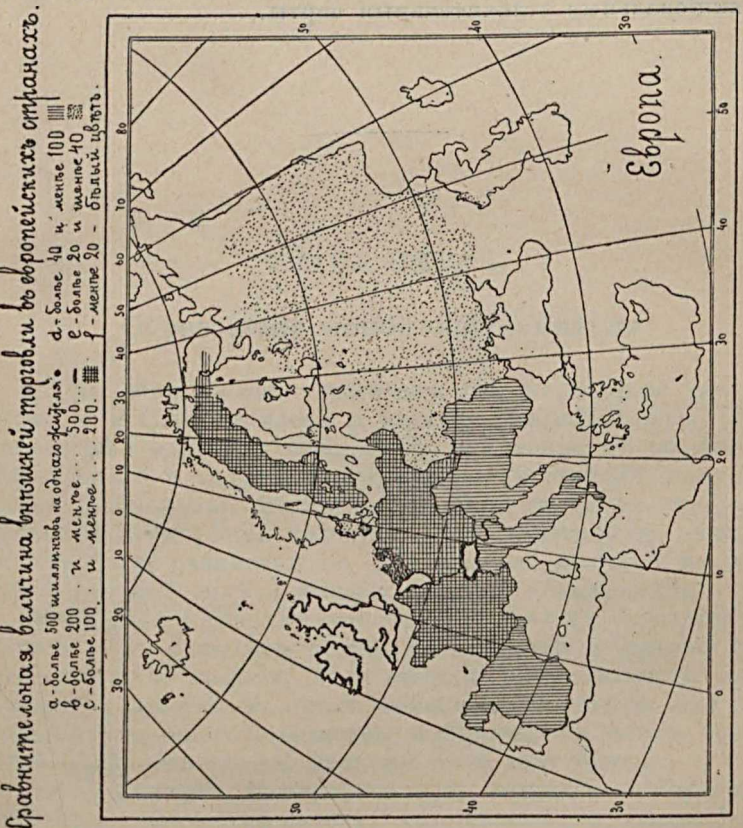
Сильная конкуренція въ розничной торговлѣ влечетъ за собой иногда концентрацію, иногда разсѣяніе торговли. Но самое характерное современное движеніе въ розничной торговлѣ состоитъ въ комбинаціи централизирующихъ и разсѣивающихъ тенденцій, и ведетъ къ такому увеличенію торговой единицы, какое мы нашли во всѣхъ индустріяхъ. Крупная распредѣляющая компанія съ цѣлымъ рядомъ агентовъ мѣстныхъ отдѣленій, которые являются регулярно въ домъ потребителя за заказомъ, есть самая высоко развитая форма розничной торговли. Во всѣхъ отдѣлахъ правильнаго и общаго потребленія замѣчается тенденція постоянной доставки на домъ. Болѣе богатые городскіе классы пріучились уже покупать такимъ образомъ всякіе легко портящіеся пищевые продукты и многіе другіе товары домашняго потребленія, между тѣмъ какъ увеличивающаяся легкость перевозки товаровъ и почтоваго сообщенія даетъ имъ возможность покупать при помощи прейсъ-куранта изъ большого центральнаго магазина всѣ другіе предметы потребленія, которые не сильно зависятъ отъ

личнаго вкуса и каприза. Этотъ обычай распространяется въ меньшихъ городахъ у среднихъ классовъ, такъ что мелкія разсѣяныя розничныя торговыя предпріятія начинаютъ все болѣе и болѣе разсчитывать на снабженіе потребностей рабочихъ классовъ и на продажу такихъ предметовъ комфорта и роскоши, которые удовлетворяютъ менѣе правильнымъ и разсчитаннымъ вкусамъ денежныхъ классовъ. Подобно тому, какъ мы имѣемъ въ городахъ постоянное автоматическое снабженіе воды и газа вмѣсто прерывнаго снабженія, зависящаго отъ ряда отдѣльныхъ покупокъ, такъ по всей вѣроятности будутъ съ теченіемъ времени снабжаться всѣ обычныя потребности потребителя.

Насколько механическія изобрѣтенія могутъ быть примѣнены къ увеличенію легкости и удешевленію издержекъ такого распредѣленія, трудно сказать. Автоматическую машину для продажи спичекъ и конфектъ можно примѣнить къ большинству обычныхъ формъ потребленія. Въ болѣе крупныхъ магазинахъ уже примѣнены многіе виды трудосберегательныхъ машинъ. По мѣрѣ того, какъ паръ и электричество все болѣе широко примѣняются къ перевозкѣ, будетъ по всей вѣроятности подвигаться впередъ розничное распредѣленіе товаровъ изъ одного крупнаго центра, и въ распредѣленіи совершится то же замѣщеніе человѣческаго труда машинами, подобно тому, какъ это бываетъ въ производствѣ. Поскольку потребности крупныхъ классовъ населенія становятся правильными и количество ихъ потребленія измѣримо, машины несомнѣнно возьмутъ на себя трудъ распредѣленія особенно въ большихъ городахъ, поглощающихъ крупную часть потребляющей публики, что̀ очень удобно для механическаго распредѣленія. Съ каждымъ новымъ проникновеніемъ машинъ въ область распредѣленія эта отрасль все болѣе пріобрѣтаетъ всѣ отличительныя черты машинной индустріи, каковы увеличеніе предпріятія, площади рынка, сложности отношеній къ другимъ отраслямъ промышленности и увеличенная спеціализація мѣстной дѣятельности.

Мы такимъ образомъ видимъ въ различныхъ отрасляхъ промышленности подъ давленіемъ тѣхъ же экономическихъ силъ расширеніе размѣра, увеличеніе сложности структуры и функціональной дѣятельности и увеличенное сцѣпленіе сильно дифференцированныхъ частей предпріятій; это соединеніе свя-

занныхъ отраслей промышленности и рынковъ и составляетъ всемірную индустрію. Физическій инструментъ, при помощи ко-

тораго эти экономическія силы, стремящіяся къ увеличенію размѣра, разнородности и сцѣпленія[1]), дѣйствуютъ, составля-

[1]) Свободно прилагая Спенсеровскую формулу эволюціи современной промышленности, я не включилъ сюда свойство „опредѣленности", такъ какъ глубокое разсмотрѣніе этого показываетъ, что это свойство вполнѣ входитъ въ составъ разнородности и сцѣпленія.

ютъ машины, приложенныя къ производству и транспорту. Болѣе того, каждое новое проникновеніе машинъ на добывающую и распредѣляющую промышленность выдвигаетъ впередъ въ этихъ процессахъ тѣ же самыя структурныя и функціональныя отличительныя черты.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Образованіе монополій капитала.

Силы, заставляющія капиталъ группироваться все въ бо́льшія и бо́льшія массы и влекущія за собой ростъ промышленной единицы, вызываютъ измѣненія въ характерѣ конкуренціи и ведутъ къ образованію монополій, и это требуетъ спеціальнаго изслѣдованія. Преимущества, которыми крупныя предпріятія пользуются въ сравненіи съ малыми, могутъ быть раздѣлены на два класса: выгоды въ производительной силѣ и выгоды въ силѣ конкуренціи.

Къ первому разряду относятся тѣ выгоды, которыя вытекаютъ изъ бо́льшаго подраздѣленія труда и большей производительной энергіи. Эти выгоды представляютъ собой чистое сбереженіе въ тратѣ человѣческой энергіи при производствѣ даннаго количества товаровъ, съ точки зрѣнія всей производительной общины. Онѣ включаютъ:

a) Сбереженіе, достигаемое при покупкѣ и перевозкѣ крупнаго количества сырыхъ матеріаловъ по сравненію съ малымъ, и соотвѣтствующее сбереженіе въ продажѣ и перевозкѣ фабричныхъ и другихъ товаровъ. Въ этотъ разрядъ мы можемъ включить открытіе новыхъ рынковъ для покупки сырого матеріала и продажи готовыхъ продуктовъ и все, что́ увеличиваетъ площадь конкуренціи и кооперації въ промышленности.

b) Примѣненіе наидучшихъ современныхъ машинъ. Много дорогихъ машинъ могутъ только тогда „сберегать трудъ“, если ихъ можно употребить для производства огром-

наго количества товаровъ, сбытъ которыхъ былъ бы болѣе или менѣе обезпеченъ. Число извѣстныхъ изобрѣтеній, или такихъ, которыя могутъ быть сдѣланы, но которыя ждутъ, чтобы производство сдѣлалось болѣе крупнымъ или чтобы заработная плата увеличилась настолько, чтобы эти машины можно было съ выгодой приложить, можно считать безконечными. Съ каждымъ увеличеніемъ размѣра производства, нѣкоторыя изобрѣтенія переходятъ изъ разряда неоплачивающихся въ разрядъ оплачивающихся и представляютъ чистый выигрышъ въ сбереженіи труда.

c) Исполненіе меньшихъ вспомогательныхъ процессовъ въ томъ же зданіи или въ тѣсной органической связи съ главнымъ процессомъ; устройство спеціальныхъ мастерскихъ для поправокъ, различныя сбереженія въ складываніи товаровъ, сопровождающія крупное производство.

d) Преимущества, состоящія въ сбереженіи труда при управленіи, надзорѣ и вообще при всѣхъ неручныхъ процессахъ труда, которые притомъ еще лучше исполняются при всякомъ увеличеніи размѣра предпріятія. Къ этому разряду относятся сбереженія, достигаемыя отъ введенія пишущихъ машинъ и телефоннаго сообщенія и отъ учрежденія болѣе многочисленныхъ и удобныхъ вѣтвей для распредѣленія продуктовъ.

e) Утилизированіе отброса, составляющее одно изъ самыхъ важныхъ преимуществъ крупнаго производства.

f) Возможность прилагать въ видѣ опыта новыя машины и другіе способы производства.

Къ разряду выгодъ, вытекающихъ изъ силы конкуренціи, относятся тѣ преимущества, которыми крупное предпріятіе пользуется въ конкуренціи съ малыми, дающія имъ возможность или совсѣмъ выбить изъ рынка меньшія, или же пользоваться болѣе высокой нормой прибыли, не увеличивая при этомъ чистой производительности труда въ обществѣ. Сюда относятся:

1) Крупныя сбереженія, которыхъ достигаютъ крупныя предпріятія при помощи публикацій, разъѣздовъ мѣстныхъ агентовъ и лучшаго показа товаровъ. Большею частью эта публикація и саморекомендація не представляютъ собой сбереженій съ точки зрѣнія всей отрасли промышленности или общества, но просто являются выигрышемъ одной фирмы, сопровождаемымъ потерей для другихъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эта отрасль промышленности мо-

жетъ извлекать нѣкоторую пользу на счетъ другихъ отраслей или на счетъ потребителя, что бываетъ, напримѣръ, когда какія-нибудь безполезныя или вредныя лѣкарства вталкиваются въ потребленіе назойливыми способами самохвальства, обманывающими публику.

2) Сила крупнаго предпріятія доставать и удерживать за собой исключительное пользованіе какимъ-нибудь патентомъ или секретомъ въ машинахъ или въ способахъ производства представляетъ собой не сбереженіе для общества, а часто прямо потерю, такъ какъ эти преимущества могли перейти къ другой фирмѣ или сдѣлаться достояніемъ всего общества. Но если подобное усовершенствованіе исключительно вызвано ловкостью и предпріимчивостью предпринимателя, который не введетъ его до тѣхъ поръ, пока не сохранитъ за собой исключительное пользованіе имъ, тогда эта экономія принадлежитъ къ классу производительныхъ.

3) Возможность понижать заработную плату, которою пользуется крупное предпріятіе, благодаря тому, что оно отчасти, или вполнѣ, монополизировало мѣстный рабочій рынокъ, сила доставать сырой матеріалъ по низкой цѣнѣ или вымогать болѣе высокія цѣны, чѣмъ это возможно было бы при свободной конкуренціи,—всѣ эти преимущества принадлежатъ къ разряду индивидуальныхъ выгодъ, дающихъ возможность крупному предпріятію получать болѣе высокую прибыль.

Всѣ эти силы, дѣйствующія въ такихъ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ производство можетъ увеличиваться безконечно, увеличиваютъ размѣръ и уменьшаютъ число предпріятій, конкурирующихъ въ предѣлахъ данной мѣстности. Въ нѣкоторыхъ индустріяхъ рынокъ и поле конкуренціи идутъ рука объ руку съ этимъ движеніемъ, такъ что окончательное число крупныхъ конкурентовъ на рынкѣ можетъ быть такъ же велико, какъ раньше. Но въ большинствѣ рынковъ растущій размѣръ предпріятія сопровождается абсолютнымъ уменьшеніемъ числа конкурентовъ, или во всякомъ случаѣ такимъ увеличеніемъ, которое сравнительно меньше увеличенія въ размѣрѣ промышленности.

Покуда мы имѣемъ одно только замѣщеніе большого числа мелкихъ конкурирующихъ предпріятій малымъ числомъ крупныхъ, характеръ индустріи не претерпѣваетъ

значительныхъ перемѣнъ. Пока каждый покупатель можетъ покупать свой товаръ у двухъ или больше одинаково развитыхъ и конкурирующихъ фирмъ, онъ можетъ заставить ихъ сбивать цѣну до тѣхъ поръ, пока онъ получаетъ всѣ выгоды и преимущества крупнаго предпріятія. Пока остается еще активная конкуренція, всѣ выгоды производства попадаютъ въ руки потребителя при помощи пониженія цѣны. Болѣе того, одна конкурирующая фирма не можетъ удержать за собой выгоды частной индивидуальной экономіи, если ея конкурентъ имѣетъ другую частную экономію такой же важности. Если А. и Б. представляютъ собой двѣ конкурирующія другъ съ другомъ фирмы, и А. имѣетъ спеціальную машину, дающую ему возможность зарабатывать на два процента больше средней прибыли производства, а Б. имѣетъ подобное же преимущество, пользуясь „болѣе дешевымъ трудомъ“, то эти частныя экономіи взаимно уничтожаются въ конкуренціи и попадаютъ въ карманы потребляющей публики.

Есть всякое основаніе полагать, что, съ уменьшеніемъ числа конкурентовъ и съ увеличеніемъ размѣра предпріятій, конкуренція становится все острѣе и острѣе. При старыхъ условіяхъ индустріи обычай господствовалъ въ значительной степени; личный элементъ игралъ большую роль въ опредѣленіи качества товаровъ, равно какъ и въ установленіи довѣрія; покупатели не такъ строго сравнивали цѣну; они не такъ исключительно руководились цифрами, они не сбивали систематически цѣнъ, они не тратили такъ много времени, мысли и денегъ для нахожденія способовъ отнять кліентовъ другъ отъ друга [1]). Этотъ личный элементъ и обычная добросовѣстность почти совершенно исчезли изъ новыхъ предпріятій, и чѣмъ болѣе растутъ чистыя выгоды крупнаго производства, обращается все большее вниманіе на прямое дѣло конкуренціи. Поэтому то мы находимъ, что самая страшная и менѣе всего добросовѣстная конкуренція проявляетъ себя въ самыхъ высокоразвитыхъ производствахъ, снабженныхъ самыми лучшими машинами и состоящихъ изъ

[1]) И теперь сохранились еще въ старомодныхъ отрасляхъ промышленности фирмы, которыя совершаютъ свои дѣла безъ формальныхъ писанныхъ контрактовъ и которыя стыдились бы брать болѣе низкія цѣны, чѣмъ онѣ сначала запросили, или сбивать цѣны другъ у друга.

самыхъ крупныхъ единицъ капитала. Роль, которую машинное производство съ своей безконечной тенденціей къ перепроизводству играло въ этой конкуренціи, мы разсмотримъ ниже. Здѣсь достаточно привести общепризнанный фактъ, что растущій размѣръ предпріятія увеличилъ интенсивность конкуренціи, а не уменьшилъ ее. Въ крупныхъ машинныхъ индустріяхъ эта неустойчивость въ предпріятіяхъ чувствуется сильнѣе всего. Болѣе мелкія предпріятія не могутъ спастись отъ пониженія цѣнъ и краховъ, и самопомощь гонитъ ихъ къ соединенію. Заемъ капиталовъ, образованіе акціонерныхъ предпріятій и всякія формы кооперації капитала скорѣе всего развились въ текстильной и металлической, транспортной, нагрузочной и машиностроительной индустріяхъ и въ тѣхъ меньшихъ производствахъ, какъ въ пивоваренін, производствѣ химическихъ веществъ, которые требуютъ крупныхъ и дорогихъ орудій. Это соединеніе мелкихъ капиталовъ въ одинъ крупный, это поглощеніе мелкихъ крупными предпріятіями означаетъ ни больше и ни меньше, какъ попытку избѣгнуть риска и опасности, сопровождающихъ мелкое производство при современномъ потокѣ промышленныхъ перемѣнъ. Но такъ какъ всѣ движутся въ томъ же направленіи, то никто не выигрываетъ на счетъ другого. Конечно, всѣ эти чудовищные конкуренты пользуются нѣкоторыми общими выгодами, но все бо̀льшая и бо̀льшая энергія тратится на дѣло конкуренціи, и производительныя выгоды отчасти теряются при треніи страшной конкуренціи и отчасти переходятъ къ потребителямъ въ видѣ низкихъ цѣнъ. Такимъ образомъ желаніе получать вѣрныя и высокія прибыли, благодаря преимуществамъ крупнаго производства, остается тщетнымъ вслѣдствіе жестокой конкуренціи. Каждая крупная фирма считаетъ себя компетентной предпринять больше дѣлъ, чѣмъ она уже имѣетъ, и подрываетъ своего сосѣда до тѣхъ поръ, пока пониженіе цѣнъ совсѣмъ не уничтожило слабѣйшаго и понизило прибыль болѣе сильнаго конкурента до самаго низкаго уровня, при которомъ онъ можетъ существовать.

Покуда это увеличеніе размѣра предпріятій влечетъ за собой чистую экономическую выгоду, конкуренція все болѣе крупныхъ соперниковъ, могущихъ производить гораздо большее количество товаровъ, чѣмъ то, которое можетъ быть про-

дано по выгоднымъ цѣнамъ и принужденныхъ, поэтому, затрачивать все бо́льшую энергію на вытѣсненіе своихъ сосѣдовъ, должна увеличивать напряженность этой отчаянной борьбы.

Уменьшеніе числа конкурентовъ на рынкѣ ни на іоту не облегчаетъ положеніе дѣлъ, такъ какъ эта борьба достигаетъ своего максимума, когда два конкурирующихъ предпріятія борются на жизнь и на смерть. По мѣрѣ того, какъ число конкурентовъ становится меньше, каждый посвящаетъ не только болѣе продолжительное и болѣе сосредоточенное вниманіе на другого, но самый результатъ успѣха болѣе цѣнный, такъ какъ награда за побѣду надъ послѣднимъ конкурентомъ и есть достиженіе монополіи.

Проницательнымъ предпринимателямъ, посвященнымъ въ тайны крупнаго предпріятія, становится все болѣе ясно, что хорошую прибыль они могутъ получить только двоякимъ образомъ. Успѣшная фирма должна или обладать какимъ-нибудь промышленнымъ секретомъ-патентомъ, спеціальнымъ рынкомъ или какой-нибудь другой частной привилегіей, которая дала бы ей привилегію на нѣкоторыхъ рынкахъ или въ нѣкоторыхъ родахъ товаровъ, или же она должна заключить какое-нибудь соглашеніе со своей сопернической фирмой, по которому онѣ бы обѣ согласились ослабить интенсивность или ослабить поле своей конкуренціи. Оба эти условія существуютъ одновременно тамъ, гдѣ современная фирма фабрикантовъ или купцовъ успѣваетъ въ томъ, чтобы удержать за собою въ продолженіе долгаго времени какое-нибудь удачное или хорошо оплачиваемое предпріятіе.

Хотя фирма конкурируетъ въ одной части индустріи, она сохранитъ за собой спеціальность въ нѣкоторыхъ родахъ товаровъ, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторыхъ рынкахъ, и ея положеніе будетъ укрѣплено установленіемъ болѣе или менѣе постоянныхъ цѣнъ на классы товаровъ. Обѣ эти силы означаютъ ограниченіе конкуренціи.

Старымъ экономистамъ, которые разсматривали свободную конкуренцію, какъ единственную вѣрную гарантію промышленной безопасности и прогресса, казалось естественнымъ, что капиталисты, которые заняты самой сильной конкуренціей, все-таки должны всегда получать среднюю норму прибыли, такъ какъ, разсуждали они, если капиталисты не будутъ этого получать, капиталъ не будетъ

оставаться въ этой отрасли. Мы ниже разсмотримъ ошибочность этой теоріи. Достаточно будетъ здѣсь замѣтить, что въ тѣхъ отрасляхъ машиннаго производства, гдѣ конкуренція сильнѣе всего, средняя норма прибыли всегда ниже той, которой было бы достаточно, чтобы побудить новый капиталъ, вполнѣ знакомый съ положеніемъ дѣлъ, взяться за эту отрасль.

Въ самыхъ развитыхъ производствахъ, гдѣ естественные результаты свободной конкуренціи проявили себя сильнѣе всего, мы находимъ, что надежда на прибыльное предпріятіе вполнѣ основана на возможности войти въ такое соглашеніе, которое ослабило бы конкуренцію и позволило бы держать цѣны на такой высотѣ, на которой невозможно было бы ихъ поддерживать при свободной конкуренціи.

По мѣрѣ того, какъ суживается поле конкуренціи уменьшеніемъ числа конкурентовъ, является двойное побужденіе уничтожить или ослабить конкуренцію; чѣмъ страшнѣе конкуренція, тѣмъ болѣе выигрывается отъ перемирія; чѣмъ меньше число борцовъ, тѣмъ легче образовать и удержать перемиріе.

Въ большинствѣ странъ, употребляющихъ машины, каждая отрасль главной промышленности стремится защитить себя отъ свободной конкуренціи посредствомъ союза фабрикантовъ для установленія постоянныхъ цѣнъ. Это нормальное состояніе промышленности въ современной Англіи. Эти союзы для установленія и удержанія постоянныхъ цѣнъ не одинаково успѣшны во всѣхъ отрасляхъ промышленности, но онѣ всегда дѣйствуютъ въ направленіи измѣненія и замедленія эффектовъ свободной конкуренціи. Если рабочіе союзы сильны, знакомы съ положеніемъ дѣлъ и рѣшительны, если иностранцы имѣютъ возможность помѣщать въ данную отрасль свой капиталъ и этимъ разстроить единство этой отрасли, тогда, конечно, не удается удерживать цѣны и получать высокую прибыль. Совмѣстное дѣйствіе обоихъ этихъ условій въ бумагопрядильномъ производствѣ объясняетъ, почему бумагопрядильные фабриканты Ланкашира не могли остановить дѣйствіе губительной конкуренціи. Но во всѣхъ отрасляхъ текстильной, металлической, горшечной, инженерной и машиностроительной промышленности капиталисты дѣлаютъ постоянныя попытки ограничить конкуренцію посредствомъ общаго

установленія цѣнъ, которыя никто не имѣетъ право понижать. Когда конкурирующія желѣзныя дороги устанавливаютъ общій тарифъ для провоза, когда конкурирующіе фабриканты устанавливаютъ общій списокъ цѣнъ для своихъ товаровъ, они стремятся сохранить за собой въ видѣ высокой прибыли часть тѣхъ выгодъ производительности, которыя при энергичной конкуренціи достались бы потребителю. Вообразимъ, что извѣстное число заводчиковъ стальныхъ рельсовъ понизили бы цѣну при свободной конкуренціи до одного фунта стерл. за тонну, и что при помощи соглашенія они повышаютъ цѣну до 1 фунта и 10 шиллинговъ; тогда 10 шил. съ тонны представляютъ собой выгоду крупнаго предпріятія, которую они присвоиваютъ себѣ вмѣсто того, чтобы отдавать это потребителю. Часть этихъ 10 шил. представляетъ собой, пожалуй, дѣйствительное сбереженіе труда, которое потерялось бы для капиталиста при свободной конкуренціи. Другая часть, можетъ быть, представляетъ собой тѣ преимущества новыхъ машинъ и усовершенствованныхъ способовъ производства, которыми пользуются обѣ конкурирующія фирмы, но которыя повлекли бы за собой общее паденіе цѣнъ, если бы эти фирмы свободно конкурировали.

Установленныя такимъ образомъ цѣны суть цѣны монополіи, т. е. онѣ опредѣляются дѣйствіемъ извѣстнаго числа конкурирующихъ капиталовъ, которые на извѣстномъ пунктѣ своей борьбы соглашаются прекратить ее и дѣйствовать какъ одинъ капиталъ; когда сбиваніе цѣнъ стоитъ еще выше извѣстнаго уровня, образуются многіе союзы; если ниже, то одинъ. Эта отрасль промышленности тогда находится въ состояніи ограниченной монополіи. Цѣны, установленныя такимъ соглашеніемъ, будутъ обыкновенно отличаться отъ цѣнъ, установленныхъ одной фирмой, имѣющей абсолютную монополію на рынкѣ; въ этомъ случаѣ цѣны установлены такъ, чтобы давать максимумъ чистой прибыли на данный капиталъ. Такъ какъ одна фирма съ полной монополіей можетъ гораздо полнѣе пользоваться всѣми экономіями конкуренціи и нѣкоторыми экономіями производства, то она будетъ получать свои товары дешевле, и ея издержки производства, слѣдовательно, будутъ ниже, и эти-то выгоды отразятся на цѣнахъ товаровъ этой фирмы, которыя будутъ отли-

чаться отъ цѣнъ на такіе же товары, установленныя соглашеніемъ нѣсколькихъ фирмъ. Болѣе того, свободный добровольный союзъ между конкурентами даетъ гораздо болѣе слабую монополію, чѣмъ единый капиталъ. Если установленныя цѣны дадутъ очень высокую прибыль, тогда возникнетъ сильное искушеніе расширить продажу тайнымъ сбиваніемъ цѣнъ, посредствомъ комиссій, премій или какъ-нибудь иначе, а иногда прямо открытымъ пониженіемъ цѣнъ. Болѣе того, союзъ нѣсколькихъ фирмъ съ антагонистическими интересами не будетъ въ состояніи подавить попытку внѣ стоящаго капитала ворваться въ эту отрасль, съ цѣлью раздѣлить прибыли съ союзомъ, или съ цѣлью получить отступное такъ скоро и такъ сильно, какъ это бы сдѣлала единичная монополистическая фирма. Такимъ образомъ скала цѣнъ, установленная союзомъ конкурирующихъ фирмъ, будетъ всегда болѣе приближаться къ цѣнамъ при свободной конкуренціи, чѣмъ скала цѣнъ, установленная единичной монополіей.

Увѣренность въ томъ, что ограниченіе конкуренціи очень выгодно, а съ другой стороны опытъ, показывающій, что цѣны, устанавливаемыя союзомъ конкурирующихъ предпріятій, не долго держатся, побуждаетъ предпринимателей принимать другіе болѣе энергичные шаги къ ограниченію конкуренціи. Когда можно возбудить общественное мнѣніе промышленнаго міра противъ преступника, сбивающаго цѣны, когда его можно бойкотировать или вообще какъ-нибудь наказать и когда можно препятствовать вторженію новыхъ конкурентовъ въ данную отрасль производства, тогда можно сохранить извѣстную скалу цѣнъ однимъ только словеснымъ или даже молчаливымъ соглашеніемъ заинтересованныхъ въ этомъ людей. Это бываетъ въ тѣхъ производствахъ, характеръ товаровъ которыхъ постоянный, и потому легко соблюдать разъ установленныя цѣны. Розничные торговцы на мѣстныхъ рынкахъ могутъ иногда держаться однѣхъ какихъ-нибудь установленныхъ цѣнъ въ силу одного только esprit de corps. Цѣны на хлѣбъ, мясо, молоко, уголь и другія вещи, которыя продаются на мѣстѣ же и въ давно установленныхъ уже мѣрахъ, рѣдко устанавливаются свободной конкуренціей между продавцами. Въ продуктахъ, въ которыхъ больше имѣютъ значеніе индивидуальныя качества данныхъ

товаровъ, и гдѣ опредѣленный тарифъ труднѣе установить и еще труднѣе удержать, не такъ легко образуются торговыя соглашенія. Такъ, напримѣръ, бываетъ съ овощами, фруктами, рыбой и колоніальными товарами. Еще труднѣе удержать какой-нибудь тарифъ на платья и предметы украшенія и на многіе другіе предметы, гдѣ потребитель менѣе пріуроченъ къ узкому рынку.

Обычный опытъ въ такихъ фабричныхъ и торговыхъ предпріятіяхъ, гдѣ конкуренты одинаково снабжены и вооружены для рынка, указываетъ на то, что все труднѣе становится удерживать извѣстный постоянный списокъ цѣнъ. Повсюду слышатся жалобы на безразсудное употребленіе производительной силы машинъ, на переполненіе рынка, на срѣзываніе цѣнъ для того, чтобы тѣмъ больше торговать, на то, что все труднѣе становится заработать среднюю прибыль. Попытки группы самостоятельныхъ предпріятій устанавливать и удерживать извѣстную скалу цѣнъ все болѣе рушатся. Введеніе новыхъ машинъ даетъ нѣкоторымъ фирмамъ возможность получать порядочную прибыль при продажѣ по болѣе низкимъ цѣнамъ, чѣмъ установлено, еще болѣе понижать цѣны и все-таки получать изрядную прибыль; другіе, вовлеченные въ сѣть спекуляціи, принуждены часто продавать по такимъ низкимъ цѣнамъ, что они даже теряютъ; трудность найти вѣрное помѣщеніе для свободныхъ денегъ бросаетъ новые капиталы въ руки спекулянтовъ, которые съ преступной небрежностью бросаютъ ихъ въ ту или другую отрасль промышленности, подрывая при этомъ установленную таксу, чтобы хоть нѣсколько утвердиться на рынкѣ. Всѣ эти силы дѣлаютъ свободныя соглашенія для ограниченія конкуренціи все менѣе годными для той цѣли, для которой они устраиваются. Обычный опытъ, показывающій безсиліе этихъ частичныхъ формъ кооперацій, заставляетъ конкурентовъ искать болѣе тѣсныхъ формъ комбинацій. Плодомъ этой необходимости является синдикатъ и трэстъ. Посредствомъ подъема кооперативнаго дѣйствія, такъ чтобы оно охватило все производство, и посредствомъ сведенія конкуренціи до нуля, надѣются основать такой крѣпкій союзъ, который былъ бы въ состояніи удерживать монопольныя цѣны. Мы видимъ такимъ образомъ, что трэстъ есть логическій кульминаціонный пунктъ дѣйствія тѣхъ экономиче-

скихъ силъ, которыя постоянно дѣйствовали въ направленіи уменьшенія числа конкурентовъ и совмѣстнаго съ этимъ увеличенія ихъ размѣра, равно какъ и увеличенія энергіи, посвященной ими на конкуренцію другъ съ другомъ. На каждой стадіи этого процесса меньшіе конкуренты выбрасываются, и болѣе крупные принуждаются къ увеличенію своихъ размѣровъ, такъ что весь процессъ можно представить въ видѣ пирамиды, первая ступень которой состоитъ изъ большого числа мелкихъ единицъ, и каждая высшая изъ меньшаго количества болѣе крупныхъ единицъ, съ трэстомъ или монополистическимъ синдикатомъ на вершинѣ.

Мотивы, побуждающіе извѣстное число предпріятій, бывшихъ до того времени самостоятельными, или связанныхъ для нѣкоторыхъ специфическихъ дѣйствій, какъ напр. для урегулированія цѣнъ и заработной платы, къ полному сліянію, такъ что они образуютъ одинъ капиталъ, дающій одинъ и тотъ же процентъ, бываютъ двоякаго рода. Съ одной стороны, у этихъ предпріятій есть желаніе защитить себя отъ излишней конкуренціи и срѣзыванія цѣнъ, и съ другой—они желаютъ воспользоваться всѣми выгодами монополіи. Оцѣнка синдикатовъ зависитъ отъ того, съ какой точки зрѣнія мы на нихъ смотримъ. Тѣ, которые смотрятъ на эти промышленные союзы, какъ на произвольные и какъ на сильныя помѣхи свободѣ торговли, предпринятые съ цѣлью дать немногимъ лицамъ право грабить и угнетать потребляющую публику законными вымогательствами, считаютъ монополію мотивомъ для союза. Съ другой стороны, сами союзы изображаютъ самихъ себя жертвами этихъ условій, побуждающихъ къ соединенію для самозащиты. Нашъ анализъ дѣйствія торговой конкуренціи даетъ намъ возможность видѣть, что обѣ эти силы на самомъ дѣлѣ не отдѣльны, но составляютъ двѣ стороны одной и той же вещи. Каждое избѣжаніе такъ называемой излишней конкуренціи есть ео ipso учрежденіе монополіи. Установленіе цѣнъ есть слабая и частичная монополія. Всякая комбинація, будетъ ли это называться „ring'омъ", „синдикатомъ" или „трэстомъ", есть одна и та же, но только все болѣе и болѣе крѣпкая и болѣе абсолютная монополія.

Экономическое значеніе этихъ терминовъ нѣсколько неясно. Эта неясность въ нѣкоторой степени зависитъ от-

того, что эти комбинаціи часто находятъ удобнымъ облекаться въ различныя мѣняющіяся и таинственныя формы, чтобы только сохранить видъ конкуренціи или чтобы избѣгать общественнаго злословія или законнаго вмѣшательства. „Комбинація“ есть по всей вѣроятности родовой терминъ, покрывающій всѣ подобнаго рода операціи. Синдикатъ капиталистовъ образуетъ комбинацію, когда они имѣютъ въ виду контролировать цѣны такъ, чтобы получить порядочную прибыль. Если они прилагаютъ свой капиталъ не для того, чтобы пріобрѣтать орудіе и машины съ цѣлью регулировать производство, но съ прямымъ намѣреніемъ произвести какой-нибудь спекуляціонный ударъ или цѣлый рядъ такихъ ударовъ на рынкѣ, если они при этомъ пріобрѣтаютъ контроль надъ достаточнымъ количествомъ товаровъ извѣстнаго рода, такъ что они могутъ по своему устанавливать цѣну, то про нихъ говорятъ, что они организовали „уголъ“ (corner), или „ring“. Такія формы и комбинаціи продолжаются обыкновенно не долго. Технически ихъ дѣйствія состоятъ въ томъ, что они искусственно исключаютъ [1]) извѣстный классъ продуктовъ изъ обыкновенной конкуренціи цѣлаго ряда конкурентовъ и отдаютъ его въ собственность одной фирмы, такъ что собственники могутъ сбывать этотъ продуктъ на рынкѣ въ такія времена и такимъ образомъ, чтобы вымогать „голодныя“ цѣны. Слѣдующее описаніе пшеничнаго „угла“ (corner) можетъ иллюстрировать методъ дѣйствія комбинацій вообще. „Человѣкъ, который образовываетъ корнеръ въ пшеницѣ, сначала покупаетъ и старается пріобрѣсти контроль надъ всѣмъ возможнымъ снабженіемъ пшеницы или вообще насколько это ему дается. Помимо того онъ покупаетъ болѣе, чѣмъ въ дѣйствительности имѣется на рынкѣ, путемъ скупки будущихъ продуктовъ, то есть онъ заключаетъ контракты съ другими, которые соглашаются доставлять ему пшеницу въ какое-нибудь будущее время. Онъ, конечно, старается пріобрѣтать возможно бо́льшую часть пшеницы по наиболѣе низкимъ цѣнамъ. Но послѣ того, какъ онъ полагаетъ, что почти все снабженіе уже подъ его контролемъ,

[1]) Нѣтъ, конечно, надобности, чтобы эти товары дѣйствительно попали въ собственность ринга: сущность монополіи состоитъ въ контролѣ надъ товарами, а не во владѣніи.

онъ распространяетъ слухъ, что на рынкѣ образовался корнеръ, и открыто скупаетъ пшеницу, сколько онъ только можетъ, предлагая все болѣе и болѣе высокія цѣны до тѣхъ поръ, пока цѣна поднимается такъ высоко, какъ это ему желательно. Теперь люди, обязавшіеся по контракту доставлять ему пшеницу къ такому-то числу, находятся въ его полной власти. Они должны покупать свою пшеницу у него же, по какой ему заблагоразсудится цѣнѣ, и доставлять ему сейчасъ же его пшеницу, чтобы исполнить принятое на себя обязательство. Въ то же время и мельницы не должны оставаться въ бездѣйствіи и мельникамъ приходится платить болѣе высокія цѣны за пшеницу, они берутъ болѣе высокія цѣны у пекарей за муку, а пекари подымаютъ цѣну на хлѣбъ, что отражается на голодномъ желудкѣ бѣднаго человѣка и составляетъ послѣдній актъ трагедіи корнера“ [1]). Большая часть спекуляціонныхъ дѣлъ на рынкѣ и на биржѣ совершается такими корнерами, которые стараются замѣнить цѣны конкуренціи высокими цѣнами монополіи. Такъ какъ расчеты, на которыхъ основываются такіе корнеры, по необходимости, имѣютъ гадательный характеръ, то корнеры часто лопаются. Самый лучшій примѣръ краха могущественнаго корнера за послѣднее время—это паденіе La Société Industrielle Commerciale des Métaux, извѣстнаго часто подъ именемъ мѣднаго синдиката. Группа французскихъ капиталистовъ, бывшихъ большею частью даже не собственниками копей и не торговцами металловъ. но спекуляторами чистой воды, вложила сумму денегъ, чтобы устроить „уголъ“ (corner) на оловяномъ рынкѣ. Прежде чѣмъ они закончили свое назначеніе, они побуждены были предпринять болѣе крупныя спекуляціи на мѣдномъ рынкѣ, и въ 1887 г. они вошли въ соглашеніе съ самыми крупными компаніями, выдѣлывающими мѣдь, соглашаясь скупать у нихъ всю мѣдь, которую они добудутъ въ теченіе слѣдующихъ трехъ лѣтъ по установленной цѣнѣ въ 13 центовъ за фунтъ, соглашаясь также давать имъ премію, равняющуюся половинѣ прибыли отъ продажи этой мѣди. Въ 1888 году синдикатъ старался расширить свои контракты съ рудокопными компаніями, чтобы удлинить періодъ до 12-ти лѣтъ и чтобы ограничить добываніе мѣди. Нѣкоторое время онъ держалъ

[1]) Baker, Monopolies and the People, p. 81.

рынокъ въ своихъ рукахъ, и цѣны значительно подымались; и отчасти благодаря тому, что ему не удалось окончательно ограничить производство, отчасти оттого, что онъ не могъ исполнить принятыхъ на себя текущихъ обязанностей, этотъ корнеръ лопнулъ въ 1889 году, и искусственно поднятыя цѣны пали. Образователи корнеровъ не только могутъ ошибаться въ расчетѣ, но они могутъ быть низвержены соперничѐской комбинаціей, состоящей изъ капиталистовъ и рабочихъ. Неудача въ крупной попыткѣ образовать корнеръ въ хлопчато-бумажномъ производствѣ Ланкашира въ 1889 году была вызвана немедленнымъ рѣшительнымъ дѣйствіемъ рабочихъ союзовъ, которые соединились съ своими работодателями и прекратили работу на такое долгое время, сколько было необходимо, чтобы довести „рингъ“ до паденія. Въ тотъ же годъ лопнулъ другой сильный мучной синдикатъ, который не могъ устоять противъ прочнаго положенія кооперативныхъ мельницъ [1]).

Хотя спекуляціонный характеръ современной торговли и широкое употребленіе кредита сильно облегчили образованіе корнеровъ и ринговъ, но врядъ ли нужно говорить, что торговля никогда не была свободна отъ нихъ. Знаменитый корнеръ въ зернѣ, который Іосифъ организовалъ въ пользу Египетскаго царя, былъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ и самыхъ удачныхъ. Торговое право среднихъ вѣковъ изобилуетъ предусмотрѣніями противъ скупщиковъ, барышниковъ и кулаковъ, изъ которыхъ всѣ занимались искусственнымъ повышеніемъ цѣнъ при помощи образованія какой-нибудь монополіи. Организація „ринговъ“, чтобы обезпечить за собой монополію въ снабженіи пищи для какого-нибудь большого города, часто встрѣчалась въ исторіи. Цицеронъ сообщаетъ намъ о знаменитомъ „рингѣ“ капиталистовъ при Крассѣ, имѣвшемъ цѣлью поднять цѣны въ Римѣ. Тѣсно организованная комбинація сѣверныхъ собственниковъ угля продолжала ограничивать добываніе и устанавливать монопольныя цѣны для лондонскихъ потребителей въ продолженіе долгаго времени съ середины XVIII столѣтія [2]). Въ настоящее время эти корнеры существуютъ

[1]) Miss Potter, The Cooperative Movement, p. 199.
[2]) Porter, Progress of the Nation, pp. 283—285.

очень недолго, поскольку они стремятся къ суживанію потока торговли въ какомъ-нибудь одномъ пунктѣ, такъ чтобы остановить его теченіе. Большинство изъ нихъ ограничивается только такими товарами, которыми торгуютъ на коммерческихъ биржахъ, и гдѣ они подвержены дѣйствію ловкихъ спекуляторовъ. Сдѣлка должна быть такъ велика, чтобы можно было получить крупную чистую прибыль въ короткое время. Толчокъ, который искусственно поднятыя цѣны даютъ первымъ производительнымъ процессамъ, дѣятельность другихъ спекуляторовъ и остановка въ потребленіи, вызванная высокими цѣнами, обыкновенно исключаютъ возможность долгаго существованія корнера. Если бы мѣдный корнеръ удался, то его сила заключалась бы въ его власти, которую онъ имѣлъ бы надъ первыми добывающими процессами, такъ что онъ бы препятствовалъ дѣйствію естественнаго стимула, который высокія цѣны даютъ производству. Если бы мѣдный синдикатъ успѣлъ захватить въ свои руки мѣдныя рудокопныя компаніи, то онъ перешелъ бы отъ состоянія корнера въ болѣе продолжительное и болѣе установленное положеніе трэста.

Трэстъ можно разсматривать съ экономической или съ легальной точки зрѣнія. Экономически мы прилагаемъ терминъ трэстъ къ такому классу синдикатовъ, которые учредили частичную или полную монополію въ нѣкоторыхъ индустріяхъ тѣмъ, что успѣли завладѣть достаточною частью орудій производства, съ цѣлью контролировать цѣны. Легально трэстъ есть одна изъ формъ промышленныхъ ассоціацій. „Союзъ акціонерныхъ компаній, посредствомъ котораго извѣстная группа лицъ, связанная по своимъ интересамъ, въ состояніи вести свои дѣла черезъ отдѣльныя корпоративныя агентуры“ [1]). Это—компанія компаній, при которой хотя формальная структура основныхъ компаній и удерживается, но онѣ образовываютъ отдѣльныя клѣтки въ большомъ организмѣ, который регулируетъ ихъ дѣятельность. Составъ трэста лучше всего объясняется описаніемъ его происхожденія въ промышленности Соединенныхъ Штатовъ. Собственники большей части акцій нѣкоторыхъ компаній,

[1]) C. S. T. Dodd, Ten Years of the Standard Oil Trust. *Forum*, May 1892.

бывшихъ до сихъ поръ самостоятельными (хотя они могли работать въ соглашеніи другъ съ другомъ или даже принадлежать однимъ и тѣмъ же людямъ), соглашаются передать свои акціи подъ полный контроль группы лицъ, называемыхъ довѣренными — Trustees. Эти довѣренные могутъ быть акціонерами или директорами различныхъ корпорацій. Они „дѣйствуютъ подъ условіемъ, что будутъ подавать свои голоса въ пользу удержанія трэста за то время, пока они будутъ находиться въ этой должности, и будутъ стремиться къ его преуспѣянію; они будутъ выбирать должностныхъ лицъ, требуемыхъ закономъ для каждой корпораціи, и будутъ вести дѣла въ пользу всѣхъ и каждой корпораціи, за исключеніемъ развѣ только мелочей". „Каждый акціонеръ, передавая свои акціи совѣту довѣренныхъ, получаетъ свидѣтельство, дающее ему право получать свой процентъ со всей собственности всѣхъ заработковъ всѣхъ корпорацій трэста" [1]). Полагаютъ, что денежная сумма, на которую эти свидѣтельства выдаются, часто значительно превышаетъ ту денежную стоимость, которую акціонеръ дѣйствительно передалъ трэсту. Докладъ Нью-Іоркской торговой палаты за 1887—1888 показываетъ, что сертификаты, которые сахарный трэстъ выдавалъ акціонерамъ соединившихся корпорацій, были „разбавлены водой" въ 200 процентовъ, такъ что, если трэстъ давалъ за тѣ годы номинальный дивидендъ въ $10^1/_2\%$, то это на самомъ дѣлѣ означало чистую прибыль въ $31^1/_2\%$. Подобныя показанія однако не могутъ быть провѣрены, такъ какъ единственные люди, которые знаютъ это, заинтересованы въ томъ, чтобы держать подобныя данныя въ тайнѣ.

Многіе полагаютъ и суды нѣкоторыхъ штатовъ ихъ поддерживаютъ, что трэсты въ Америкѣ незаконны, такъ какъ при этомъ корпораціи, вошедшія въ составъ трэста, нарушаютъ тѣ условія, подъ которыми имъ разрѣшены были ихъ права и привилегіи, выраженныя въ выданныхъ имъ правительственныхъ хартіяхъ. Ихъ незаконность обыкновенно признается по слѣдующимъ причинамъ:

1) При образованіи трэста право управленія и контроля надъ предпріятіемъ передается другимъ людямъ, чѣмъ тѣ, которые законно получили на это право.

---

[1]) The Standard Oil Trust, Roger Sherman. *Forum*. July 1892.

2) Трэстъ предпринимаетъ такія дѣла, на которыя выданная компаніямъ хартія не даетъ имъ никакого права.

Мы однако позаймемся здѣсь экономическимъ характеромъ и силой треста, а не его легальнымъ положеніемъ.

Слѣдующій краткій очеркъ происхожденія и modus operandi керосиноваго трэста — Standard Oil Trust, представляющій въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ самый крупный образецъ подобныхъ организацій, послужитъ намъ для яснаго пониманія природы трэста.

Нефть стала предметомъ обширной торговли около 1862 г. Колодцы, откуда добывалась сырая нефть, находились въ Пенсильваніи, а раскапываніе колодцевъ посредствомъ машинъ и добываніе нефти сдѣлалось довольно значительной отраслью промышленности. Сырое масло продавалось рафинарамъ, которые устраивали заводы въ Клевелендѣ (Огіо), въ Питтсбургѣ и другихъ городахъ. Въ 1865 г. число этихъ рафинарныхъ заводовъ сильно увеличилось, и въ этомъ же году одинъ рафинарный заводъ въ Клевелендѣ, принадлежавшій нѣсколькимъ компаньонамъ, получилъ хартію, превратившую этотъ заводъ въ корпорацію подъ названіемъ Standard Oil Company съ капиталомъ 100,000 долларовъ. До 1870 г. эта компанія подвигалась впередъ довольно медленно. Чтобы увеличить свою власть надъ источниками производства въ Пенсильваніи и чтобы расширить свое дѣло, она стала скупать акціи уже существовавшихъ въ томъ штатѣ корпорацій и успѣла организовать новыя корпораціи, съ которыми работала въ тѣсномъ согласіи. Подобная же Standard Oil компанія организовалась въ Питтсбургѣ, и ея акціи перешли въ руки собственниковъ Клевелендской компаніи. Послѣдніе стали затѣмъ учреждать агентуры въ другихъ штатахъ, сначала съ цѣлью продажи своихъ продуктовъ; но когда эти новыя предпріятія достаточно развились, собственники компаніи стали добиваться для этихъ агентуръ въ различныхъ штатахъ хартій, утверждавшихъ агентуры въ качествѣ компаній для рафинированія нефти. Въ 1872 г. акціонеры всѣхъ Standard Oil компаній въ Клевелендѣ, Питтсбургѣ и Пенсильваніи организовали другую корпорацію подъ именемъ Южной Комиссіи Усовершенствованія—South Improvement Company, утвердивъ ее въ штатѣ Пенсильваніи. Эта корпорація, которая de facto, если не de jure состояла изъ „Standard Oil Компаній“, начала тогда вступать въ согла-

шенія съ компаніями различныхъ желѣзныхъ дорогъ, проходившихъ по округамъ добыванія нефти, каковы New-York Central, Hudson River Railroad, Ery Railway и другихъ съ цѣлью перевозки нефти. South Improvement компанія согласилась перевозить всю свою нефть по этимъ желѣзнымъ дорогамъ. Зато компаніи соглашались перевозить ея продукты дешевле, чѣмъ продукты другихъ компаній; болѣе того, они даже согласились платить этой компаніи скидку не только съ провоза ея нефти, но и съ провоза нефти всякой другой компаніи.

„Въ одной мѣстности желѣзнодорожныя компаніи считали за провозъ одной бочки нефти не болѣе одного доллара и 50 центовъ, а South Improvement компаніи онѣ обратно выплачивали 1 дол. и 6 центовъ съ каждой перевозимой ими бочки, все равно, эта ли компанія перевозила эту нефть, или какая-нибудь другая нефтяная компанія, такъ что при этихъ условіяхъ члены Standard Oil компаній платили за провозъ бочки не больше 44 центовъ, между тѣмъ какъ ихъ конкуренты платили за то же самое 1 дол. 50 с., и изъ этой суммы желѣзн. дороги выплачивали обратно корпораціи 1 дол. и 6 центовъ“ [1]).

Хотя эта чудовищная конспирація была скоро открыта, и South Improvement компаніи лишена была своей хартіи, это не помѣшало Standard Oil компаніямъ совершать тѣ же сдѣлки съ желѣзными дорогами, и онѣ укрѣпили свое положеніе при помощи этой системы скидокъ, которыя желѣзныя дороги выплачивали имъ изъ кармановъ ихъ конкурентовъ. При помощи этихъ и подобныхъ же дифференціальныхъ контрактовъ онѣ успѣли расширить кругъ своей дѣятельности и, пользуясь своимъ увеличивающимся капиталомъ, онѣ успѣли разрушить или проглотить своихъ конкурентовъ, такъ что уже въ 1875 г. эти компаніи практически монополизировали рафинарное дѣло внутри страны. Утверждали, что въ теченіе своей карьеры Standard Oil компанія въ одной только Пенсильваніи откупила, сняла въ аренду или довела до банкротства не меньше 74 рафинарныхъ заводовъ.

Приблизительно до 1878 г. главный источникъ ихъ силы, повидимому, состоялъ въ ихъ союзѣ съ желѣзными дорогами

---

[1]) Roger Sherman, The Standard Oil Trust. *The Forum*, July 1892.

и ихъ мѣстныхъ монополіяхъ, которыя онѣ получили посредствомъ скупки или разрушенія конкурирующихъ фирмъ. Но президентъ Рокфеллеръ и его союзники были слишкомъ проницательные дѣльцы, и они знали, какъ пользоваться изобрѣтательной способностью нѣкоторыхъ своихъ болѣе способныхъ служащихъ, равно какъ и всякими усовершенствованіями въ методахъ производства и распредѣленія нефти, которыя имъ предлагались. Черезъ нѣсколько лѣтъ компанія была уже въ состояніи дѣлать громадныя сбереженія въ сохраненіи и перевозкѣ нефти. Были проложены трубы, соединяющія Нью-Іоркъ, Филадельфію, Балтимору, Бофало, Питтсбургъ, Клевелендъ и Чикаго, и цѣлый рядъ придаточныхъ трубъ соединяющихъ эти мѣста съ источниками добыванія. Тысячи огромныхъ резервуаровъ были построены для храненія излишняго количества нефти; вдоль морского берега были устроены агентуры вмѣстѣ съ хранилищами. Затѣмъ они взялись за производство бочекъ и другихъ вспомогательныхъ вещей, купленныхъ для нефтянаго дѣла, и это тоже дало крупныя сбереженія. Въ концѣ 1881 г. собственники капитала пятнадцати корпорацій, равно какъ и акцій другихъ торговыхъ компаній, образовали трэстъ. Число соединившихся такимъ образомъ акціонеровъ было 40, и они передали свои акціи девяти изъ нихъ, назначенныхъ довѣренными, которые управляли всѣмъ предпріятіемъ и платили проценты по сертификатамъ, представлявшимъ собой акціи различныхъ акціонеровъ; такъ продолжалось до марта 189- года, когда трэстъ былъ юридически уничтоженъ. Но уничтоженіе закономъ не уменьшило однако экономическаго единства и силы трэста; напротивъ, онъ расширилъ свой монопольный контроль надъ рынкомъ Соединенныхъ Штатовъ и уже пріобрѣлъ сильный контроль надъ различными европейскими рынками для продажи и надъ главными естественными источниками снабженія. Хотя этотъ трэстъ пріобрѣлъ уже довольно рано монополію во многихъ частяхъ внутри страны, конкуренція все-таки существовала во всѣхъ отрасляхъ нефтяного дѣла до 1884 года, когда прекратилась война за цѣны, которыя трэстъ велъ за нѣкоторое время со своимъ сильнымъ канадскимъ соперникомъ Tidewater компаніей, и союзъ былъ наконецъ заключенъ между воюющими сторонами. Съ этого времени „Standard Oil Trust“ практически

пользовался монополіей въ самой большой части страны. Онъ ввелъ новыя сбереженія въ машинахъ для очистки. Онъ нашелъ прибыльное примѣненіе для разныхъ нефтяныхъ отбросовъ и открылъ лучшіе способы добыванія и распредѣленія нефти.

Недовольный своимъ контролированіемъ рынка сырой нефти, онъ въ послѣдніе годы пріобрѣлъ во владѣніе все болѣе крупныя части земли, гдѣ добывается нефть, образовывая компаніи для полученія права раскопки колодцевъ, чтобы такимъ образомъ вытѣснить частныхъ производителей, у которыхъ онъ раньше покупали свой сырой матеріалъ по своей цѣнѣ.

Принимая во вниманіе тотъ фактъ, что дѣйствительное объединеніе предпріятія совершилось задолго до образованія трэста, мы найдемъ, что нашъ очеркъ совпадаетъ съ слѣдующимъ объясненіемъ, которое „Standard Oil Trust“ далъ о своихъ дѣлахъ. „Standard Oil Trust“ готовъ доказать посредствомъ различныхъ свидѣтелей, что жалкое состояніе рафинарнаго, дѣла и многочисленныя банкротства рафинаровъ до 1875 года вытекали изъ несовершенныхъ методовъ рафинированія, изъ отсутствія кооперацій между рафинарами, ихъ спекуляціоннаго метода при покупкѣ и продажѣ сырого, равно какъ и рафинированнаго керосина, вызвавшихъ внезапныя и крупныя паденія цѣнъ на сырую нефть и слишкомъ большія цѣны за провозъ; что эти несчастія повели къ кооперациі между рафинарами и что подобная кооперація и ассоціація, кончившаяся случайно въ „Standard Oil Trust“ дала возможность рафинарамъ посредствомъ кооперацій низвести цѣну на нефтяные продукты и такимъ образомъ оказать значительную услугу публикѣ“ [1]). Поскольку это показаніе представляетъ собой объясненіе мотивовъ, поведшихъ къ раннему росту компаніи, къ соединенію соперническихъ компаній, оно несомнѣнно заключаетъ въ себѣ значительную долю правды.

„Standard Oil Trust“ однако отличается отъ большинства другихъ тѣмъ, что онъ не прямо образовался изъ соединенія главныхъ конкурирующихъ предпріятій, но представ-

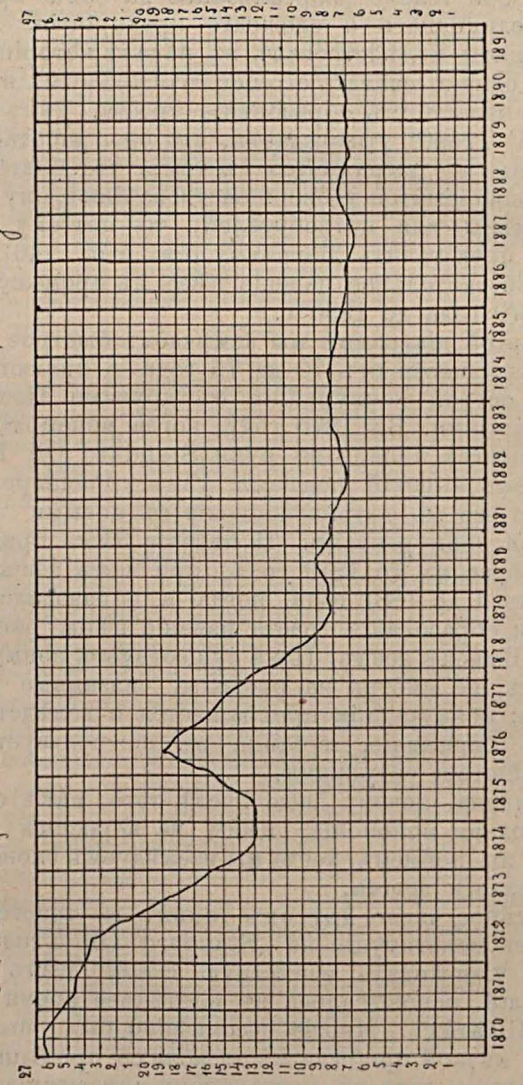
[1]) Аргументы Standard Oil Trust'a передъ House Commitee on Manufactures 1888 г. (Цитировано Векеромъ въ Monopolies ant the People, стр. 21).

лялъ собой только реорганизацію на болѣе крѣпкомъ основаніи единичнаго и сложнаго предпріятія. Хотя мотивъ самозащиты и дѣйствовалъ въ началѣ исторіи компаній, но нельзя однако считать его исключительнымъ вѣрнымъ мотивомъ, вызвавшимъ образованіе трэста. Такъ какъ „Standard Oil Trust“ утверждаетъ, что онъ работаетъ въ пользу общества, что выражается въ томъ, что, благодаря различнымъ экономіямъ и усовершенствованіямъ, ему удается понижать цѣны для потребителей, то поэтому не лишнимъ будетъ представить діаграмму (см. стр. 146), показывающую дѣйствительное паденіе цѣнъ въ промежутокъ времени отъ 1870 года до 1890 г.

Въ этой діаграммѣ мы замѣчаемъ быстрое паденіе цѣнъ, продолжающееся отъ 70 до 75 года и являющееся результатомъ острой конкуренціи съ другими Пенсильванскими предпріятіями. Въ 1875 году, когда монополія внутренняго производства попала въ руки Standard Oil Trust, мы уже замѣчаемъ высокій подъемъ цѣнъ. Расширеніе его дѣлъ привело его въ соприкосновоніе съ новыми и болѣе отдаленными конкурентами. И паденіе цѣнъ продолжалось такимъ образомъ до 1879 года, при чемъ цѣны продолжали колебаться до 1881 года, когда и образовался трэстъ. Со времени образованія трэста паденіе цѣны равнялось полуценту. Выводъ ясенъ. Пока существуетъ конкуренція, цѣны падаютъ, не смотря на расходы, связанные съ веденіемъ борьбы; конкуренція прекращается и вслѣдствіе этого дѣлается сбереженіе, публика же не пользуется никакими дальнѣйшими уступками.

Причина, почему даже послѣ того, какъ была установлена полная монополія, цѣны на керосинъ не поднялись опять, мы поймемъ, когда мы изслѣдуемъ экономическія границы власти трэста.

Крупное число другихъ такихъ же трэстовъ, похожихъ по своей конституціи на „Standard Oil Trust“, съ той же цѣлью удерживать извѣстную скалу цѣнъ при помощи монополій, основывалось въ послѣднее время въ Соединенныхъ Штатахъ. Многіе несомнѣнно были вызваны господствомъ низкой прибыли въ отрасляхъ промышленности, гдѣ конкуренція вела къ постоянному срѣзыванію цѣнъ, гдѣ на ихъ образованіе можно смотрѣть какъ на актъ самозащиты. Къ этому разряду принадлежатъ водочный трэстъ, Cotton

Колебания цѣнъ Standard oil компаніи, съ 1870 до 1890
1870 1871 1872 1873 1874 1875 1876 1877 1878 1879 1880 1881 1882 1883 1884 1885 1886 1887 1888 1889 1890 1891

Oil Trust, Cotton Bagging трэстъ и другіе. Одинъ писатель, хорошо знакомый съ этимъ дѣломъ, дѣйствительно думаетъ, что это есть нормальное происхожденіе трэста. „За исключеніемъ Standard Oil трэста и еще одного или двухъ, возникшихъ нѣсколько раньше, можно ясно сказать, я думаю, что не только конкуренція, но конкуренція, оказавшаяся губительной для многихъ учрежденій, была причиной комбинацій“ [1]).

Состояніе губительной конкуренціи должно считаться нормальнымъ состояніемъ всѣхъ высокоорганизованныхъ предпріятій, гдѣ примѣнены современныя машины и которыя не находятся подъ покровительствомъ какой-нибудь частной экономіи въ родѣ особаго удобства при производствѣ и сбытѣ товаровъ. Даже „Standard Oil“ компанія утверждала, что система консолидаціи была ей навязана условіями рынка. Но это утвержденіе не есть опроверженіе, но подтвержденіе, аргумента, что цѣль трэста состоитъ въ томъ, чтобы получать монопольныя цѣны; и дѣйствительно эти губительно низкія цѣны составляютъ результатъ свободной конкуренціи и единственный исходъ изъ свободной конкуренціи есть монополія. Такимъ образомъ, является законнымъ то заключеніе, что экономическая цѣль трэста состоитъ въ томъ, чтобы замѣнить конкурентныя цѣны монополіей, и, чтобы сдѣлать это болѣе успѣшно, чѣмъ это возможно когда, отдѣльныя фирмы, занятыя той же отраслью производства, принимаютъ общій прейсъ-курантъ. Чтобы достигнуть этой цѣли, вовсе не необходимо, чтобы трэстъ включилъ въ себя весь капиталъ, занятый въ какой-нибудь индустріи. Даже когда „Standard Oil Trust“ былъ уже крѣпко установленъ и по ихъ собственному признанію платилъ $12^1/_2$ или 13% на ихъ „сильно разбавленный водой акціонерный капиталъ“, существовало не меньше 111 малыхъ независимыхъ компаній, конкурировавшихъ съ ней на рынкѣ прямо или посредственно. Но „Standard Oil Trust“ былъ въ состояніи контролировать цѣны, такъ какъ онъ производилъ цѣлыхъ 75% всего добываемаго продукта и пользовался практической монополіей на главной площади рынка. Точно также и сахаро-рафинарный трэстъ держалъ въ своихъ рукахъ въ 1888 г. цѣны на сахаръ благодаря, тому, что онъ произво-

[1]) J. W. Jenks. Economic Journal. V. II, стр. 73.

дилъ 80% всего сахара, обрабатываемаго на атлантическомъ берегу, или 65% всего сахара, потребляемаго въ Америкѣ [1]). Есть другіе случаи, гдѣ формально конструированный трэстъ нѣкоторое время занятъ успѣшной конкуренціей съ другимъ трэстомъ, какъ это было съ „Standard Oil Trust“ въ нѣкоторой части его рынковъ въ періодъ времени отъ 1881 до 1884 года, или же съ могущественными компаніями, неорганизованными въ трэсты. Это, повидимому, Гэнтонъ разсматриваетъ, какъ нормальное состояніе трэста, то есть такое, въ которомъ конкуренція существуетъ между нѣкоторыми большими капиталами вмѣсто того, чтобы быть между многими малыми [2]).

Нѣкоторымъ трэстамъ дѣйствительно приходилось бороться за удержаніе своей монополіи на рынкѣ. Замѣчательный примѣръ представляетъ собою сахарный трэстъ, который послѣ блестящаго начала въ 1888 году оказался въ 1890 году лицомъ къ лицу съ новымъ сильнымъ конкурентомъ въ лицѣ сахарныхъ заводовъ Clause Spreckles'a въ Филадельфіи и Санъ-Франциско, и ему пришлось отказаться отъ своей прибыли и бороться за свое существованіе при условіяхъ самой острой конкуренціи.

Поскольку трэстъ находится въ этомъ положеніи, онъ не успѣлъ достигнуть еще своей промышленной цѣли, состоящей въ томъ, чтобы остановить „губительную конкуренцію“ и срѣзываніе цѣнъ. Онъ не находится еще въ обладаніи главныхъ преимуществъ трэста, пока онъ въ воюющемъ положеніи, потому что онъ принужденъ тратить все то, что выигрываетъ отъ увеличенія предпріятія и отъ прекращенія конкуренцій между компаніями, входящими въ его составъ, въ борьбѣ съ его единственнымъ антагонистомъ.

Въ этомъ незаконченномъ состояніи трэстъ не носитъ специфическаго экономическаго характера, который отличилъ бы его отъ другихъ крупныхъ аггрегатовъ конкурирующаго капитала.

Насъ здѣсь интересуютъ только вполнѣ организованные трэсты, которые въ состояніи контролировать цѣны и въ нѣкоторой степени регулировать производство и прибыль.

[1]) Economic Journal. Томъ II, стр. 83.

[2]) „The economic and social Aspect of Trusts“. *Political Science Quarterly*. Sept. 1888.

Экономическій трэстъ находитъ свой raison d'être въ монополіи. Онъ могъ и не избавиться отъ всѣхъ дѣйствительныхъ конкурентовъ и обыкновенно ограниченъ въ своей власти возможностью внѣшній оппозиціи, но, поскольку простирается его власть, онъ долженъ быть въ состояніи регулировать цѣны монопольнымъ образомъ.

Въ настоящее время крупное число различныхъ продуктовъ попало на какой-нибудь стадіи ихъ производства въ монополію трэста. Какъ это бываетъ съ „corner'ами" и „ring'ами" на товарномъ рынкѣ, точно также и различные классы товаровъ не одинаково благопріятны для образованія трэста.

Есть три класса индустріи, которые легче, чѣмъ другіе, допускаютъ образованіе трэста.

1) Индустрія, связанная или зависящая отъ характера и качества земли. Когда весь или крупная часть сырого матеріала, требуемаго для производства какого-нибудь класса товаровъ, пріуроченъ къ данной ограниченной мѣстности, тогда обладаніе этой землей одной организаціей собственниковъ дастъ ей крѣпкую монополію. Въ первые годы Standard Oil Trust'a ему не было такъ важно владѣть источниками нефти, если только онъ могъ завладѣть потокомъ нефти послѣ того, какъ онъ оставилъ источникъ. Но онъ укрѣпилъ свою монополію позже пріобрѣтеніемъ въ свою собственность земли въ Пенсильваніи, гдѣ находились нефтяные источники. Но самый разительный примѣръ представляетъ собой монополія, которую акціонеры желѣзной дороги Pennsylvania и Reading-Railway имѣютъ надъ округомъ, гдѣ находятся залежи антрацитнаго угля. Тенденція трэста укрѣплять свое индустріальное положеніе и въ то же время находить прибыльное помѣщеніе для своей излишней прибыли захватываніемъ въ свои руки перваго процесса производства и также привлеченіемъ этого процесса подъ контроль своей монополіи—есть одно изъ самыхъ важныхъ доказательствъ быстраго роста этой системы въ Америкѣ. Быстрота, съ которой вся желѣзнодорожная система переходитъ въ руки двухъ крупныхъ монополистическихъ синдикатовъ, и параллельное съ этимъ необходимое прекращеніе конкуренціи, есть въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ самое важное современное экономическое движеніе. Громадныя разстоянія, отдѣляющія массу производителей земледѣльче-

скихъ и другихъ сырыхъ продуктовъ отъ рынка, дѣлаетъ желѣзную дорогу ихъ единственнымъ путемъ; и тотъ фактъ, что только между немногими крупными центрами населенія существуетъ конкуренція соперническихъ желѣзныхъ дорогъ, отдаетъ производителя въ полную власть одного перевозчика, который регулируетъ свой тарифъ такъ, чтобы получать возможно большую прибыль. Въ дѣйствительности консолидація желѣзнодорожнаго капитала идетъ такъ быстро, что даже между крупными городами очень мало настоящей конкуренціи. То же самое вѣрно относительно телеграфа и снабженія водой и газомъ, которые представляютъ собою естественныя монополіи въ виду того, что они вполнѣ зависятъ отъ земли и слѣдовательно даютъ силу собственникамъ. Гдѣ подобныя индустріи оставлены въ рукахъ частныхъ предпринимателей, какъ это бываетъ въ большинствѣ американскихъ городовъ, онѣ составляютъ предметы монополіи, которые обыкновенно такъ сильны, что могутъ легко разбить всякія попытки конкуренціи, гдѣ законъ это только допускаетъ. Западныя Телеграфныя Компаніи Гульда представляютъ собой примѣръ монополіи, которая держалась много лѣтъ совершенно свободная отъ конкуренціи. Покупка западныхъ земель съ цѣлью продавать ихъ потомъ по монопольнымъ цѣнамъ была любимыми сдѣлками синдикатовъ за послѣднія 40 лѣтъ.

2) Продукты, которые изъ-за сбереженія въ транспортѣ и распредѣленія, должны быть собраны вмѣстѣ въ большихъ количествахъ, особенно благопріятны для монополій. Зерновый хлѣбъ, снятый съ широкой площади земли, приходится часто собирать въ большихъ количествахъ, чтобы разсортировать его сообразно качеству и складывать его прежде, чѣмъ отправлять на рынокъ. Такъ продукты тысячъ конкурирующихъ фермеровъ переходятъ въ руки синдиката собственниковъ хлѣбныхъ элеваторовъ въ Чикаго и въ другихъ мѣстахъ. То же самое вѣрно относительно мяса, рыбы, фруктовъ, овощей и молочныхъ продуктовъ: всѣ эти продукты, которые выдѣлываются при такихъ условіяхъ, при которыхъ успѣшная кооперація для продажи почти невозможна, текутъ изъ безчисленнаго множества различныхъ мѣстъ въ общій центръ, гдѣ они попадаютъ въ руки малой группы посредниковъ, купцовъ и экспортеровъ. Даже различные продавцы, какъ мы видѣли, въ состояніи устраи-

вать успѣшныя комбинаціи, чтобы удерживать цѣны на извѣстной высотѣ, когда дѣло касается портящихся товаровъ.

Въ Англіи комбинація различныхъ продавцовъ обыкновенно принимаетъ форму общаго регулированія цѣнъ, чтобы ограничить конкуренцію. Но въ Соединенныхъ Штатахъ и въ розничной торговлѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ основались настоящіе трэсты. Комиссія, назначенная законодательной властью штата Нью-Іорка, открыла при своемъ изслѣдованіи молочный трэстъ, который контролировалъ розничное распредѣленіе молока въ городѣ Нью-Іоркѣ, постановивъ платить фермеру по три цента за кварту, а публикѣ продавать по 7 или 8 цент. за кварту.

Такимъ образомъ деньги, которыя потребитель платитъ за фермерскіе продукты, сначала общипываются различными группами монополистовъ и конкурентовъ, прежде чѣмъ онѣ достигаютъ обратно фермеровъ или первыхъ производителей.

По своему положенію въ промышленной машинѣ фермеръ больше находится во власти трэста и другихъ комбинацій, чѣмъ какой-нибудь другой разрядъ продуцентовъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ онъ безпомощенъ подъ двойнымъ игомъ желѣзной дороги и синдиката хлѣбныхъ элеваторовъ съ одной стороны и мясниковъ Чикаго, Канзаса и другихъ городовъ съ другой стороны.

Въ Англіи и во Франціи и во всѣхъ другихъ странахъ, гдѣ фермеръ находится на далекомъ разстояніи отъ своего рынка и гдѣ фермерскіе продукты подвергаются этому естественному процессу концентраціи, мы слышимъ тѣ же жалобы на тягостные желѣзнодорожные тарифы, на монополію группы посредниковъ, которые образовываютъ тѣсныя комбинаціи, гдѣ только продуктъ въ своемъ теченіи отъ производителя къ потребителю проходитъ черезъ ихъ руки. Положеніе американскаго фермера, раздавленнаго верхними и нижними жерновами монополіи, очень критическое.

3) Въ тѣхъ индустріяхъ, въ которыхъ приложены самыя усовершенствованныя и самыя дорогія машины и гдѣ, слѣдовательно, отношеніе постояннаго капитала къ труду самое большое, тамъ экономія крупнаго производства самая большая. Здѣсь, какъ мы видѣли, растущая напряженность все болѣе отчаянной конкуренціи все увеличивающихся въ размѣрѣ и уменьшающихся въ числѣ капиталовъ, гонитъ ихъ

къ кульминаціонному пункту концентраціи — къ трэсту. Тамъ, гдѣ, благодаря ли естественнымъ преимуществамъ, какъ это бываетъ съ нефтью или углемъ, или же благодаря соціальнымъ индустріальнымъ причинамъ, производство сосредоточено въ одномъ какомъ-нибудь округѣ и находится въ рукахъ ограниченнаго числа фирмъ, находящихся въ тѣсномъ коммерческомъ прикосновеніи другъ съ другомъ, мы имѣемъ условія, благопріятствующія образованію трэста. Большинство удачныхъ фабричныхъ или заводскихъ трэстовъ пользуется помимо нормальныхъ преимуществъ крупнаго производства какими-нибудь естественными экономіями, каковы легкій доступъ къ наилучшему сырому матеріалу, спеціальныя удобства для перевозки, обладаніе монополіей въ какомъ-нибудь штатѣ или городѣ. Искусственныя препятствія въ родѣ тарифа, посредствомъ котораго заграничная конкуренція была уничтожена для многихъ главныхъ производствъ Соединенныхъ Штатовъ, много облегчили успѣшную дѣятельность трэстовъ. Тамъ, гдѣ политическія, естественныя и промышленныя силы крѣпко связаны, мы имѣемъ самую благопріятную почву для трэста. Гдѣ производство можетъ вестись во всякой части страны и во всякой странѣ съ одинаковой легкостью, тамъ трудно удержать трэстъ, хотя бы это производство было машиннымъ и индивидуальныя единицы капитала были велики.

Каждый родъ товаровъ въ своемъ переходѣ черезъ многіе процессы, начиная землей и кончая потребителемъ, можетъ быть разсмотрѣнъ, какъ потокъ, русло котораго шире въ одномъ мѣстѣ и уже въ другихъ. Различные потоки товаровъ суживаются въ различныхъ мѣстахъ. Нѣкоторые суживаются болѣе всего и находятся въ наименьшемъ числѣ рукъ въ стадіи перевозки, когда сырой матеріалъ концентрируется для производства, другіе въ одномъ изъ процессовъ обработки, а другіе въ рукахъ экспортеровъ. Подобно тому, какъ рядъ нѣмецкихъ бароновъ построили свои замки вдоль береговъ Рейна, чтобы облагать пошлиной торговлю между Востокомъ и Западомъ, которая должна была пользоваться этой дорогой, точно такъ же теперь бываетъ съ „экономическими суживаніями“; гдѣ эти суживанія ни встрѣчаются, зарождается монополія въ формѣ „ринговъ“, „corners“, „pools“, „синдикатовъ“ или „трэстовъ“.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Экономическая сила трэста.

Остается изслѣдовать дѣйствительную экономическую силу, которой обладаетъ монополія, надъ различными отдѣлами промышленнаго общества. Такъ какъ трэстъ можно считать наиболѣе типичной формой монополіи капитала, то онъ имѣетъ экономическую силу, которою въ нѣкоторой степени также обладаютъ всѣ другія болѣе слабыя и болѣе временныя формы комбинацій и даже частныя предпріятія, которыя, благодаря обладанію какимъ-нибудь патентомъ, секретомъ производства или другимъ экономическимъ преимуществомъ, имѣютъ контроль надъ рынкомъ. Эти силы капитала могутъ быть раздѣлены на четыре отдѣла, въ зависимости отъ того, на интересы какого класса онѣ дѣйствуютъ: a) на фирмы, занимающіяся первымъ или послѣднимъ процессомъ производства; b) на активныхъ или потенціальныхъ конкурентовъ или промышленныхъ соперниковъ; c) на служащихъ у трэста или другой монополіи; d) на потребляющую публику.

a) Сила, которой обладаетъ монополія, занимающаяся стадіей перевозки или одной изъ стадій обработки или продажи—прижимать первыхъ или менѣе развитыхъ производителей, была иллюстрирована нами на примѣрѣ обращенія желѣзныхъ дорогъ, компаній элеваторовъ и компаній мясниковъ въ Соед. Штатахъ съ фермерами. Какъ мы уже видѣли, Standard Oil Trust предпочиталъ до самаго недавняго времени оставлять землю съ нефтяными источниками, равно какъ и машины для добыванія сырой

нефти въ рукахъ несвязанныхъ съ ними личностей или компаній, надѣясь на то, что онъ (Trust), какъ самый крупный покупатель, будетъ все равно въ состояніи диктовать цѣны. Паденіе цѣны, которую компанія платила за сырую нефть отъ 9,19 цента въ 1870 году до 2,30 въ 1881 году, когда трэстъ былъ образованъ, и удержаніе цѣны почти на одинаковомъ уровнѣ отъ 1881 года до 1890 года свидѣтельствуетъ, какъ тѣсно трэстъ держалъ въ своихъ рукахъ производителей нефти; такъ какъ хотя были примѣнены за этотъ періодъ усовершенствованныя машины для раскопки колодцевъ и для добыванія нефти, эти экономіи въ производствѣ недостаточны, чтобы объяснить паденіе цѣнъ. Въ самомъ дѣлѣ образъ дѣйствія компаній съ производителями нефти, какъ это описалъ ихъ же адвокатъ въ своей защитѣ трэста, еще болѣе подтверждаетъ ихъ контроль надъ производителями. „Когда производитель нефти раскапываетъ новый колодецъ, онъ даетъ знать компаніи, прокладывающей трубы (вѣтвь трэста), и немедленно прокладывается труба, соединяющая его колодецъ. Нефть берется изъ резервуара колодца, когда это необходимо, въ крупные складочные резервуары компаніи и сохраняется тамъ, пока собственникъ этого хочетъ. Собственникъ получаетъ за это свидѣтельство, которое онъ можетъ во всякое время обратить въ наличныя деньги, и, когда это свидѣтельство продается, покупатель можетъ получать свою нефть на всякой станціи трубной системы“ [1]). Подобнымъ же образомъ и сахарный трэстъ контролировалъ рынокъ на сырой сахаръ до возникновенія конкуренціи съ рафинарными заводами Spreckles'a. Но онъ пользовался своей силой не только по отношенію къ производителю сырого сахару, онъ даже диктовалъ цѣны, по которымъ оптовые продавцы колоніальныхъ товаровъ, покупавшіе свой очищенный сахаръ у трэста, должны продавать сахаръ своимъ кліентамъ [2]). Эта сила монополіи простирается не только на контроль цѣнъ въ первыхъ или послѣднихъ процессахъ производства или распредѣленія товаровъ. Самая могущественная форма, въ которую трэстъ облекается тамъ, гдѣ производство главнымъ образомъ

[1]) S. C. T. Dodd. *The Forum.* May 1893.
[2]) „Trusts in the Un. States“. *Economic Journal.* Стр. 86.

машинное, состоитъ въ контролѣ надъ изобрѣтателями патентовъ и даже надъ машиностроительными заводчиками. Гдѣ существуетъ сильный трэстъ, изобрѣтатель можетъ продать свое новое изобрѣтеніе одному только трэсту и по цѣнѣ, какую трэстъ предлагаетъ. Приводятся даже обвиненія Standard Oil Trust и другихъ могущественныхъ монополій въ томъ, что онѣ присвоиваютъ всякое новое изобрѣтеніе, все равно, патентовано ли оно, или нѣтъ, не платя за него, полагаясь при этомъ на то, что благодаря своему вліянію, онѣ избигаютъ за такія поступки судебнаго преслѣдованія. Есть дѣйствительно сильное основаніе полагать, что неотвѣтственное положеніе, въ которомъ находятся нѣкоторыя изъ этихъ корпорацій, побуждаетъ ихъ не особенно честно употреблять свое богатство для этихъ цѣлей.

b) Такъ какъ главная цѣль трэста—это продавать по выгоднымъ цѣнамъ, а цѣны находятся въ прямой зависимости отъ отношенія между спросомъ и предложеніемъ, то ясно, что для трэста выгодно получить возможно большую силу регулировать количество предложенія, и, чтобы достигнуть этой цѣли, трэстъ послѣдуетъ двойной системѣ. Онъ скупитъ такія соперническія предпріятія, какія, по его мнѣнію, будутъ выгодны для трэста. Цѣна, по которой онъ заставитъ собственниковъ продавать свои предпріятія, не будетъ имѣть отношенія къ стоимости этихъ предпріятій, но будетъ зависѣть отъ того, насколько эти предпріятія будутъ мѣшать, отказавшись войти въ составъ трэста.

Если внѣстоящая фирма сильна, то трэстъ можетъ заставить ее продаться продолжительнымъ процессомъ срѣзыванія цѣнъ, что требуетъ значительныхъ потерь. За такое предпріятіе заплатятъ высокую цѣну. Такимъ образомъ крѣпкій трэстъ или синдикатъ приведетъ подъ свой контроль всѣ большія и лучше снабженныя предпріятія, которыя иначе ослабили своей конкуренціей контроль трэста на рынкѣ. Меньшее предпріятіе, равно какъ болѣе важный соперникъ, который настойчиво остается внѣ трэста, подвергается нападенію трэста и разрушается насильственной силой своего болѣе крѣпкаго соперника. Самый общій способъ разрушенія меньшихъ предпріятій состоитъ въ срѣзываніи цѣнъ ниже предѣла прибыли, такъ что мелкій предприниматель не можетъ долго выстоять въ подобной борьбѣ. Этотъ методъ истребительной войны ведется не только про-

тивъ дѣйствительно существующихъ соперниковъ, какъ, напр., гдѣ желѣзная дорога понижаетъ свои тарифы за провозъ ниже своихъ собственныхъ издержекъ, чтобы вытѣснить соперническую желѣзнодорожную линію, но онъ также успѣшно употребляется противъ потенціальной конкуренціи. Послѣ того, какъ три попытки конкурировать съ телеграфной линіей Гульда отъ Нью-Іорка до Филадельфіи были разбиты посредствомъ пониженія телеграфныхъ тарифовъ до чисто номинальной цѣны, тогда извѣстность этого страшнаго оружія была достаточна, чтобы остановить всякія дальнѣйшія попытки конкуренціи. Такимъ образомъ всякій сильный трэстъ въ состояніи отгородить для себя извѣстный кругъ для вмѣщенія капитала, суживая такимъ образомъ поле дѣйствія всякаго внѣ стоящаго капитала. Это употребленіе грубаго насилія часто называютъ нечестной конкуренціей и отличаютъ ее, какъ нѣчто самостоятельное, отъ обыкновенной конкуренціи. Но эта разница не выдерживаетъ критики. Разбивая такимъ образомъ конкурента, трэстъ только пользуется тѣми преимуществами, которыя связаны съ крупнымъ производствомъ по сравненію съ мелкимъ. Какимъ бы притѣснительнымъ его дѣйствіе ни казалось съ точки зрѣнія болѣе слабаго конкурента, это дѣйствіе есть только приложеніе тѣхъ же самыхъ силъ, которыя всегда дѣйствовали въ развитіи современнаго капитала. Въ промышленной системѣ конкуренціи нельзя отличить поведеніе трэста, пользующагося своимъ размѣромъ и силой устойчивости отъ поведенія всякаго обыкновеннаго фабриканта или торговца, который старается расширить свое производство и получить больше прибыли, чѣмъ его конкуренты. Каждый вполнѣ и безъ разбора употребляетъ всѣ экономическія преимущества въ размѣрѣ, ловкости въ производствѣ, пользуется знаніемъ рынковъ, привлеченіемъ посредствомъ низкихъ цѣнъ и методами публикацій, какія ему только доступны. Конечно, вѣрно, что пока существуетъ конкуренція между приблизительно равными предпріятіями, потребляющая публика можетъ въ нѣкоторой степени выиграть отъ этой конкуренціи, между тѣмъ какъ естественный результатъ организаціи трэста заключается въ томъ, что собственники могутъ получать больше прибыли посредствомъ подъема цѣнъ для потребителя. Но это не составляетъ разницы въ

образѣ конкуренціи, такъ чтобы въ одномъ случаѣ ее называли честной, а въ другомъ нечестной. Даже сомнительно, можно ли называть нечестными сдѣлки между Standard Oil Company и желѣзными дорогами, провозившими продукты этой компаніи дешевле, чѣмъ всякіе другіе продукты, хотя сдѣлки эти были тайны и незаконны. Въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, это былъ свободный контрактъ между желѣзными дорогами и нефтяными компаніями, и, не смотря на то, что онъ представлялъ больше выгодъ одной компаніи, чѣмъ другимъ, онъ могъ бы быть заключенъ публично если бы законъ не вмѣшался въ силу какой-нибудь технической мелочи. То же самое вѣрно относительно очевиднаго акта предпочтенія одной компаніи передъ другой, который описанъ Бекеромъ: „Союзъ фабрикантовъ вагонныхъ пружинъ (car springs), который хотѣлъ разрушить независимаго конкурента, не только вошелъ въ соглашеніе съ „Американской компаніей стали“, чтобы другимъ независимымъ обществамъ продавали сталь 10 долларовъ дороже, чѣмъ членамъ союза, но союзъ даже составилъ фондъ для слѣдующаго употребленія. Когда независимая компанія ставила свою цѣну при заключеніи контракта на доставку пружинъ, одинъ изъ членовъ трэста имѣлъ право подрывать эту компанію, уступивъ за такую цѣну, которая повлекла бы за собою даже потерю, а эта потеря должна была покрываться изъ фонда. Такимъ образомъ надѣялись выбить изъ рынка конкурирующую компанію“ [1]). Эти случаи отличаются только по своей сложности отъ болѣе простого способа продажи товаровъ по болѣе дешевымъ цѣнамъ, чѣмъ продаетъ конкурентъ. Конечно, многіе изъ этихъ способовъ низки, облекаются тайной и, пожалуй, незаконны, но въ концѣ концовъ они отличаются скорѣе въ степени, чѣмъ по существу, отъ тактики, которая обыкновенно практикуется большинствомъ предпріятій, находящихся въ торговой борьбѣ. Если они не честны, то развѣ только въ томъ смыслѣ, что всякое угнетеніе слабаго сильнымъ нечестно,—приговоръ, осуждающій съ моральной точки зрѣнія всю промышленную конкуренцію вообще, поскольку она не ограничена конкуренціей за превосходство въ производствѣ.

Единственное пользованіе своей силой, со стороны трэ-

[1]) Baker, Monopolies and the People, стр. 85.

ста или монополіи, которое дѣйствительно позорно, это употребленіе денегъ для подкупа законодательной власти, чтобы получить отъ нихъ какой-нибудь протекціонный тарифъ, спеціальную хартію, концессію или какія-нибудь другія привилегіи, которыя дадутъ монопольной компаніи возможность легче справляться съ своимъ соперникомъ, получить какія-нибудь контракты, остановить внѣшнюю конкуренцію и облагать потребляющую публику налогомъ въ свою пользу. Въ этотъ разрядъ мы можемъ также включить попытку нѣкоторыхъ трэстовъ склонять въ свою сторону даже нечестными мѣрами самые суды, равно какъ употребленіе денегъ просто для покупки избавленія отъ судебнаго преслѣдованія или наконецъ попытки прямо покупать выгодныя для трэста судебныя рѣшенія.

Не наше дѣло провѣрять, насколько всѣ эти обвиненія вѣрны или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ нѣкоторыя разоблаченія въ связи съ твидовскимъ рингомъ, Standard Oil компаніей, антрацитнымъ трэстомъ и другими синдикатами побуждаютъ насъ вѣрить, что болѣе неразборчивые капиталисты стараются, преслѣдуя свои собственныя дѣла, вліять на суды, равно какъ и на законодательныя собранія.

с) Болѣе или менѣе полный контроль надъ капиталомъ, занятымъ въ какой-нибудь индустріи, или надъ рынкомъ даетъ также громадное господство надъ трудомъ, занятымъ въ этой индустріи. Пока конкуренція еще существуетъ, служащій или группа служащихъ могутъ добиваться лучшей заработной платы и лучшихъ условій, которыя въ нѣкоторой степени опредѣляются антагонистическими интересами различныхъ работодателей. Но когда есть только одинъ работодатель, трэстъ, у рабочаго, ищущаго занятій, есть только одинъ выборъ—это принять условія, предлагаемыя трэстомъ. Его единственная альтернатива—это бросить ремесло, которому онъ обучался, и вступить въ ряды все разрастающейся арміи чернорабочихъ. Это особенно вѣрно относительно фабричныхъ рабочихъ, которые пріобрѣли большую ловкость, благодаря непрестанному упражненію въ какой-нибудь узкой машинной работѣ. Средній рабочій въ какой-нибудь высоко развитой фабрикѣ менѣе властенъ, чѣмъ всякій другой рабочій, перейти къ какой-нибудь другой работѣ безъ потери. Но мы уже видѣли, что какъ разъ подобныя производства особенно благопріятны для образованія трэста.

Standard Oil компанія и трэстъ конопляпаго масла такъ же владѣетъ своими рабочими, какъ своими машинами и заводами; въ такомъ подчиненіи находится современный трудъ у постояннаго капитала, который онъ перерабатываетъ. Утверждали, что одна хорошая сторона трэста заключается въ томъ, что, благодаря всѣмъ своимъ преимуществамъ, онъ можетъ платить болѣе высокую заработную плату. Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что болѣе сильные трэсты могутъ платить болѣе высокую плату. Но нѣтъ такой силы, которая заставила бы ихъ это сдѣлать, и нужно быть лицемѣромъ, чтобы предполагать, что организація хитрыхъ дѣльцовъ, стремясь къ образованію монополіи, хоть нѣсколько руководится интересами рабочихъ. Одно изъ спеціальныхъ преимуществъ, которыя крупное предпріятіе имѣетъ въ сравненіи съ малымъ и которое трэстъ имѣетъ par excellence, заключается именно въ возможности крупнаго капитала заключать самыя выгодныя сдѣлки съ рабочими.

Возможно, что такая фирма, какъ Standard Oil трэстъ, можетъ въ очень ограниченныхъ предѣлахъ оказать маленькую дешевую филантропію въ распредѣленіи своей прибыли, чтобы этимъ обмануть публику и показать, что огромная прибыль обогащаетъ не малое число людей, а многихъ. Но у насъ совершенно нѣтъ доказательствъ, чтобы рабочіе трэста какимъ-нибудь образомъ выиграли отъ всѣхъ экономій, связанныхъ съ промышленной монополіей, и мы à priori не видимъ, почему это такъ должно быть.

Но практическое владѣніе рабочими не вполнѣ еще измѣряетъ всю давящую силу, которою трэстъ пользуется по отношенію къ рабочимъ. Такъ какъ средствомъ удержанія цѣнъ на извѣстной высотѣ служитъ регулированіе производства, то интересы трэста могутъ часто требовать, чтобы крупная часть постояннаго капитала оставалась безъ дѣла. „Когда конкуренція стала такъ страшна, что на рынкѣ накопляется большой запасъ продуктовъ, которыхъ нельзя продать по выгоднымъ цѣнамъ, тогда для конкурирующихъ предпріятій, становится необходимымъ оставить производство, если они хотятъ продолжать свои дѣла вообще, (конечно, при совершенно свободной конкурренціи мелкія предпріятія совершенно лопаются). При обыкновенномъ „pool“ (родъ слабаго синдиката) предпріятія идутъ по одному изъ указанныхъ путей. Ясно, что болѣе крѣпкая организація,

какъ трэстъ, напр., который въ состояніи избирать самыя лучшія фабричныя учрежденія и извлекать изъ нихъ все, что они могутъ давать съ одной стороны, и запирать и продавать другія и употреблять вырученный капиталъ на какое-нибудь другое дѣло съ другой стороны,— ясно, что такой трэстъ можетъ дѣлать крупныя сбереженія. Самымъ лучшимъ примѣромъ такого рода въ послѣдней исторіи трэстовъ можетъ послужить водочный трэстъ. Больше 80 винокуренныхъ заводовъ вошли въ составъ этого трэста. Прежде, когда они организовались въ „pool", каждый заводъ производилъ только часть того, что онъ былъ въ состояніи произвести, одинъ годъ 40%, другой только 28%. Черезъ годъ послѣ организаціи трэста работало только 12 заводовъ, но они работали по своей полной способности, и въ общемъ было выкурено не меньше алкоголя, чѣмъ прежде. Сбереженіе въ трудѣ и капиталѣ отъ сокращенія числа заводовъ легко разсчитать. При этомъ нужно имѣть въ виду, что прибыль съ этихъ 12 заводовъ равнялась или даже превосходила прибыль съ прежнихъ 80 заводовъ. Всѣ крупные трэсты, какъ Standard Oil, Cotton Oil, Cotton Bagging и сахарный трэстъ, слѣдовали тому же плану, запирая совершенно болѣе слабыя заведенія и держа въ ходу болѣе производительныя, дѣлая при этомъ, конечно, крупныя сбереженія въ трудѣ и капиталѣ" [1]). Мы видимъ такимъ образомъ здѣсь трэстъ, пользующійся своей силой для регулированія производства. Эта сила, какъ мы увидимъ ниже, не только употребляется на то, чтобы закрывать мельницы внутри страны, такъ чтобы вырабатывать столько, сколько прежде, болѣе полной работой лучшихъ фабричныхъ заведеній. Если оказывается перепроизводство, то въ интересахъ трэста уменьшать производство. Имѣя это въ виду, онъ вдругъ закрываетъ половину фабрикъ или работъ или элеваторовъ въ какомъ-нибудь округѣ. Собственники этихъ закрытыхъ заведеній получаютъ свой процентъ отъ трэста, какъ будто бы ихъ заведенія были въ полномъ ходу. Но работа этихъ заведеній вдругъ сберегается, т. е. служащіе лишаются своихъ занятій, которыя они только и знали; одинъ изъ результатовъ образованія каждаго изъ этихъ большихъ трэстовъ состоитъ такимъ

[1]) J. W. Jenks, Trusts in the Un. States. *Economic Journal* V II, стр. 80.

образомъ въ томъ, чтобы лишить занятій нѣсколько тысячъ рабочихъ и бросить ихъ или въ ряды безработныхъ, или въ такую отрасль промышленности, гдѣ работа, которой они научились, мало нужна и гдѣ заработная плата слѣдовательно ниже. Изъ того, что̀ мы сказали выше о перемѣнахъ въ организаціи производства подъ вліяніемъ трэста, можетъ показаться, что вліяніе его на трудъ не заключалось въ томъ, чтобы уменьшить общее число рабочихъ, но чтобы дать полное правильное занятіе меньшему числу рабочихъ, вмѣсто частичнаго и неправильнаго многихъ, и что такимъ образомъ трудъ, взятый въ цѣломъ, выигрываетъ. Промышленное движеніе, замѣняющее неправильное занятіе многихъ правильнымъ занятіемъ немногихъ, можно считать прогрессивнымъ. Но нужно имѣть въ виду, во-первыхъ, что обыкновенно происходитъ абсолютное уменьшеніе числа занятыхъ рабочихъ, замѣщеніе ста рабочихъ, работающихъ полвремени, не пятьюдесятью, работающихъ полное время, а тридцатью. Результатомъ употребленія наилучшимъ образомъ снабженныхъ и лучше расположенныхъ фабрикъ будетъ большое сбереженіе труда по отношенію къ данному количеству обработанныхъ продуктовъ. Но болѣе того: такъ какъ трэстъ появился на свѣтъ съ цѣлью ограничивать производство и повышать цѣны, то въ общемъ будетъ произведено меньше продуктовъ, или же количество обрабатываемыхъ продуктовъ будетъ медленнѣе расти. Главная экономія трэста будетъ на самомъ дѣлѣ состоять въ чистомъ уменьшеніи числа занятыхъ рабочихъ. По мѣрѣ того, какъ трэстъ становится крѣпче и поглощаетъ все большую часть рынка, уменьшеніе числа занятыхъ рабочихъ будетъ, какъ общее правило, продолжаться. Конечно, если скала цѣнъ, которую трэстъ найдетъ наиболѣе прибыльной, будетъ такова, что вызоветъ сильное увеличеніе потребленія и этимъ дастъ возможность расширить машинное производство, тогда число рабочихъ можетъ остаться неизмѣннымъ или будетъ даже увеличиваться. Но, какъ мы увидимъ ниже, нѣтъ ничего въ характерѣ трэста, что̀ гарантировало бы подобный результатъ. Естественный результатъ, вытекающій изъ перехода какой-нибудь промышленности въ руки монополистической компаніи, состоитъ въ томъ, чтобы дать ей право (которымъ ей очень выгодно воспользоваться) ограничить поле индустріи, перемѣнить ея мѣстность, отказаться отъ однѣхъ

отраслей этой промышленности и предпринять другія, замѣнить ручной трудъ машиннымъ, совершенно не обращая при этомъ вниманія на благосостояніе рабочихъ, бывшихъ прежде связанными съ постояннымъ капиталомъ. Если мы къ этому еще прибавимъ возможность выбирать своихъ рабочихъ изъ искусственно сдѣланнаго переполненія рабочаго рынка, мы поймемъ, что трэстъ, уничтоживший конкуренцію другихъ работодателей, имѣетъ почти абсолютную власть въ опредѣленіи заработной платы, часовъ труда, и можетъ платить расписками для полученія всѣхъ предметовъ потребленія въ его же лавкѣ и вообще диктовать условія труда и жизни. Принимая все это во вниманіе, мы поймемъ то чувство недовѣрія и антагонизма, которое рабочіе классы по обѣимъ сторонамъ Атлантическаго океана питаютъ къ росту этихъ великихъ монополій.

Слѣдующее составляетъ resumé того, что нашла комиссія, назначенная Конгрессомъ для изслѣдованія операцій желѣзнодорожныхъ и угольныхъ компаній, имѣющихъ полный контроль надъ залежами антрацита въ Пенсильваніи, равно какъ и надъ самими рудокопами. „Конгрессъ нашелъ, что угольныя компаніи въ антрацитныхъ округахъ держатъ наготовѣ тысячи резервныхъ рабочихъ, чтобы этимъ усилить конкуренцію между рабочими, и, чтобы заставить ихъ подчиняться всякимъ требованіямъ, они нарочно держатъ ихъ въ невѣдѣніи, относительно того, будетъ ли работа въ копяхъ или нѣтъ, такъ что они не могутъ искать занятій гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ; они связываютъ ихъ, какъ крѣпостныхъ, заставляя ихъ жить въ домахъ компаній, и имъ приходится платить ренту, все равно, работаютъ ли они, или нѣтъ. При этомъ они живутъ подъ такими контрактами, что въ случаѣ стачки ихъ съ женами и дѣтьми можно выбросить на улицу въ серединѣ зимы; компаніи могутъ ихъ заставить наполнять большіе вагоны, чѣмъ было условлено, заставить ихъ покупать свой порохъ и другія приспособленія у компаніи же по невозможно повышенной цѣнѣ; принудить ихъ покупать свой уголь у компаній по цѣнѣ, по которой компаніи имъ продаютъ, во многихъ случаяхъ они обязаны покупать больше, чѣмъ имъ нужно; они обязаны употреблять доктора, котораго компаніи имъ указываютъ, и платить ему, все равно, здоровы ли они, или нѣтъ; они должны покупать свои продукты въ лавкѣ компаній,

такъ что, когда настаетъ день расплаты, компанія ничего не должна рабочимъ; есть даже вполнѣ провѣренные случаи, когда „трезвые тяжело-работающіе углекопы работали годы или даже всю жизнь, не будучи въ состояніи получить одинъ или нѣсколько долларовъ наличными, и были въ долгу у компаній до своей смерти; компанія отказывается заранѣе устанавливать заработную плату и платитъ имъ по какому-то надувательскому способу, такъ что заработная плата зависитъ отъ цѣны на уголь въ Нью-Іоркѣ, что опять-таки устанавливается желѣзными дорогами, и поразительнѣе всего то, что компаніи не даютъ рабочимъ знать цѣны, „отъ которыхъ зависитъ ихъ жизнь; обманъ, говоритъ докладъ Конгресса, ясенъ". Компаніи урѣзываютъ плату углекоповъ по произволу за примѣси, которыя будто бы находятся въ добываемомъ ими углѣ, такъ что съ каждыхъ ста тоннъ, которыя рабочій добываетъ, компаніи достается даромъ съ пяти до пятидесяти тоннъ. Чтобы держать углекоповъ въ дисциплинѣ и искусственно уменьшать предложеніе угля, желѣзныя дороги ограничиваютъ работу, такъ что углекопы должны часто жить мѣсяцъ на то, что они зарабатываютъ въ шесть или восемь дней. И эти ограниченія приводятся въ исполненіе относительно углекоповъ тѣмъ, что держатъ вдали отъ нихъ вагоны, которые они могли бы наполнять, подобно тому, какъ держатъ вдали вагоны отъ конкурирующихъ угольныхъ компаній, желающихъ посылать уголь на рынокъ (документъ № 4, стр. отъ 71 до 77).

Рабочія организаціи запрещаются, и рабочіе нарочно подстрекаются къ стачкѣ, чтобы этимъ повліять на угольный рынокъ. Рабочее населеніе держится „въ порядкѣ" спеціальными полицейскими, которые навербованы по особымъ законамъ; вопреки закону желѣзныя дороги, угольныя и желѣзныя компаніи держатъ столько полицейскихъ, сколько имъ заблагоразсудится, и эти полицейскіе отвѣтственны въ своихъ дѣйствіяхъ передъ одними только своими работодателями, т. е. компаніями. Компанія ихъ вооружаетъ револьверами или винчестерскими ружьями или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ; не обязанные носить свое его значка, они подстрекаютъ народъ къ возмущенію (стр. 9 и 93 до 98) и затѣмъ стрѣляютъ въ него на законномъ основаніи. „Низкая заработная плата", говоритъ

докладъ Конгресса, „ложныя мѣры, рента, лавки и другіе способы дѣлаютъ рабочаго скотомъ своего хозяина“ [1]).

d) Тѣ, которые допускаютъ, что трэстъ по существу монополія, и что ему удастся, благодаря выгодному своему положенію, получать высокія цѣны за свой товаръ, иногда также утверждаютъ, что поддерживать высокія цѣны, совершенно не въ интересахъ трэста, и что дѣйствительно трэсты въ общемъ понижаютъ цѣны. Мы имѣемъ здѣсь такимъ образомъ вопросъ о фактѣ и вопросъ теоріи. Изъ нихъ первый представляетъ больше трудности. На первый взглядъ кажется легкимъ сравнивать цѣны до и послѣ образованія трэста и наблюдать тенденціи къ повышенію или паденію. Это сравненіе, которое было сдѣлано во многихъ случаяхъ, привело къ результату, что нѣкоторые трэсты повышаютъ цѣны, а другіе понижаютъ. Ростъ „Standard Oil“ компаніи и усиленіе его власти сопровождалось, какъ мы видѣли, значительнымъ паденіемъ цѣнъ. Точно также намъ говорятъ, относительно трэста конопляпаго масла, образовавшагося въ 1883 году, „что въ теченіе четырехъ лѣтъ цѣна на конопляное масло упала въ восемь разъ больше, чѣмъ она упала за пять лѣтъ до образованія трэста“ [2]). Цѣны за телеграммы у самой абсолютной монополіи Западной телеграфной компаніи (Western Union Telegraph Company) только немногимъ выше цѣнъ, преобладающихъ въ Англіи, гдѣ правительство само ведетъ телеграфное дѣло при значительномъ ежегодномъ дефицитѣ.

Что касается сахарнаго трэста, то, какъ только онъ образовался, сталъ значительно повышать цѣны. То же самое вѣрно относительно различныхъ болѣе выдающихся комбинацій.

Утверждаютъ однако, что если мы допустимъ, что цѣны на самомъ дѣлѣ пали подъ управленіемъ нѣкоторыхъ самыхъ сильныхъ трэстовъ, то нельзя всегда утверждать, что трэсты проявляютъ тенденцію къ повышенію цѣнъ. Въ отвѣтъ на это можно указать на то, что почти во всѣхъ высоко-развитыхъ современныхъ индустріяхъ усовершенствованные

[1]) H. D. Lloyd. Essay on «Trusts», перепечатана въ *Boston Daily Traveller*, іюнь 16, 1893.

[2]) G. Gunton. *Political Science Quarterly*, сентябрь 1888. Это утвержденіе однако противорѣчитъ докладу Комиссіи для изслѣдованія трэстовъ въ Нью-Іоркскомъ штатѣ, стр. 12.

способы производства быстро понижаютъ издержки производства и цѣны, и что поэтому утвержденіе, что трэсты стремятся къ сохраненію высокихъ цѣнъ, вполнѣ согласуется съ фактомъ абсолютнаго паденія цѣнъ. Вопросъ, такимъ образомъ, состоитъ въ томъ, такъ ли велико паденіе цѣнъ при трэстѣ, какъ оно было бы при свободной конкуренціи. Болѣе того, сравненіе по времени, повидимому, указываетъ на то, что цѣны трэстовъ, какъ это мы видѣли относительно „Standard Oil“ компаніи, колеблются со степенью ихъ монополій, падая быстро подъ давленіемъ настоящей или угрожаемой конкуренціи и подымаясь, когда опасность проходитъ. Наконецъ противники трэста ссылаются на нѣкоторые трэсты, которые, не смотря на большую экономію въ производствѣ, которой они пользуются, повышали цѣны.

Если однако не исходить изъ обратнаго метода мышленія и не принимать, что высокая прибыль, которую трэстъ получаетъ, есть сама-по-себѣ доказательство, что цѣны не такъ упали, какъ это было бы при свободной конкуренціи, то нельзя прійти къ несомнѣнному осужденію трэста на основаніи статистическихъ данныхъ о цѣнахъ. И если даже прибыль высока, то защитники трэста могутъ утверждать, что эта прибыль представляетъ собой только сбереженіе, сдѣланное на издержкахъ конкуренціи, и что если бы конкуренція была введена, то эта прибыль потратилась бы на борьбу вмѣсто того, чтобы перейти въ карманъ потребителя.

Одно только дедуктивное изслѣдованіе предмета даетъ намъ возможность вполнѣ основательно обвинить трэстъ въ томъ, что онъ имѣетъ власть надъ цѣнами, идущую въ разрѣзъ съ интересами потребляющей публики.

Трэстъ или другая монополія, или единичное лицо, имѣющее полную монополію надъ извѣстнымъ классомъ товаровъ, на который есть спросъ, постарается установить такую цѣну, которая дастъ ему наибольшую чистую прибыль на его капиталъ. У него будетъ только одинъ вопросъ, а именно: „сколько продуктовъ должно предложить для продажи“. Если онъ предлагаетъ только малое количество, то конкуренція изъ-за этихъ предметовъ необходимости дастъ ему возможность продавать это малое количество по высокимъ цѣнамъ. Допустимъ, что производство данныхъ

товаровъ подчиняется закону „постоянныхъ издержекъ производства“ т. е., что небольшое количество продуктовъ даннаго рода можетъ быть произведено по такой же дешевой цѣнѣ, какъ и большое—въ этомъ случаѣ это небольшое количество дастъ самую высшую норму прибыли на каждую продажу, такъ какъ „предѣльная полезность“ предлагаемаго запаса товаровъ будетъ высока, что̀ дастъ возможность продать этотъ запасъ по высокой цѣнѣ. Но если предприниматель пользуется крупными удобствами производства, то ему выгоднѣе продавать большее число продуктовъ по болѣе низкой цѣнѣ и съ болѣе низкой нормой прибыли, такъ какъ большее число низкихъ прибылей можетъ дать ему въ результатѣ болѣе высокую чистую прибыль на весь его капиталъ. Насколько ему выгодно будетъ увеличивать предложеніе и продавать все большія количества по низкимъ цѣнамъ будетъ совершенно зависѣть отъ того, насколько каждое увеличеніе предложенія будетъ вліять на увеличеніе спроса, а слѣдовательно и на цѣны и прибыль. Все будетъ вращаться около „эластичности спроса“ въ данномъ случаѣ. Если предметъ монополіи удовлетворяетъ глубокую, широко распространенную потребность, или возбуждаетъ болѣе усиленный спросъ среди тѣхъ, которые закупаютъ первые запасы товара, то большой ростъ снабженія можетъ сопровождаться сравнительно малымъ паденіемъ цѣнъ. Иногда крупное увеличеніе въ снабженіи продуктовъ, продающихся по пониженнымъ цѣнамъ, можетъ достигнуть новаго слоя населенія или втолкнуть данный продуктъ въ потребленіе вмѣсто другого, раньше существовавшаго и этимъ такъ увеличитъ продажу, что прибыль хотя отъ каждой продажи будетъ мала, но на весь капиталъ она будетъ очень велика. Во всѣхъ такихъ случаяхъ большой эластичности спроса монополисту можетъ быть выгодно продавать большое число продуктовъ по низкой цѣнѣ.

Когда продуктъ принадлежитъ тому разряду продуктовъ, производство которыхъ подвержено закону „возрастанія доходности“, т. е. когда болѣе крупное производство сопровождается крупными экономіями въ издержкахъ производства, то паденіе цѣнъ можетъ продолжаться безконечно. Съ другой стороны, если спросъ мало эластиченъ, если увеличенное снабженіе можетъ сбываться

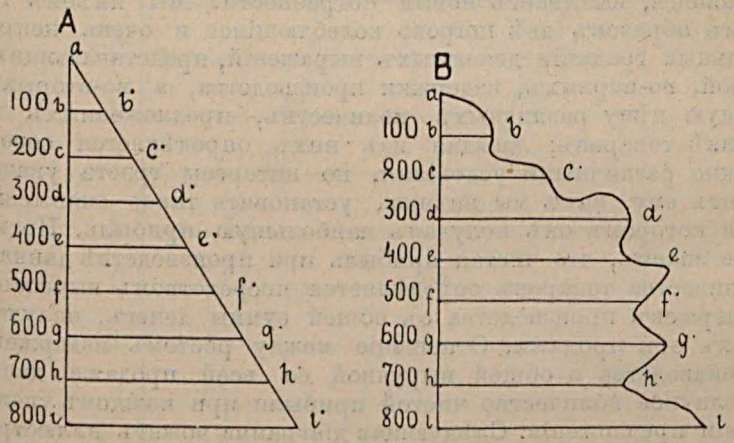
только при значительномъ паденіи цѣнъ, то монополисту будетъ по всей вѣроятности несравненно выгоднѣе ограничивать производство и продавать малое количество продуктовъ по высокимъ цѣнамъ. Этотъ-то мотивъ часто побуждаетъ предпринимателей уничтожать тонны рыбы на лондонскихъ рынкахъ изъ опасенія испортить сбытъ. Эти послѣднія могли бы быть проданы по достаточно низкой цѣнѣ, но компаніямъ, владѣющимъ этими продуктами, выгоднѣе будетъ уничтожить ихъ и продавать меньшее количество, удовлетворяющее потребностямъ ограниченнаго класса людей, которые „въ состояніи платить“. Но когда существуетъ свободная конкуренція между продавцами, равно какъ и между покупателями, нѣчто подобное никогда не можетъ случиться. Всегда въ интересахъ конкурирующаго производителя или торговца понижать цѣны ниже того уровня, при которомъ онъ получилъ бы наибольшую прибыль на свой капиталъ, если бъ онъ былъ монополистомъ. Если онъ монополистъ, то онъ будетъ понижать цѣны лишь въ томъ случаѣ, если эластичность спроса на тотъ товаръ, который онъ производитъ, настолько велика, что увеличенное потребленіе дастъ ему бо́льшую чистую прибыль. Но если онъ конкурирующій торговецъ, онъ не будетъ обращать вниманіе на все потребленіе общества, но на то количество потребленія, которымъ ему одному придется снабжать. Эластичность спроса, насколько это касается отдѣльнаго производителя, не ограничивается увеличеніемъ потребленія всего общества, подъ вліяніемъ пониженія цѣны продукта, но опредѣляется и той частью кліентуры его соперниковъ, которую онъ въ состояніи оторвать отъ нихъ для себя. Итакъ изъ всего этого вытекаетъ, что при свободной конкуренціи господствуетъ тенденція между различными конкурентами понижать цѣны до такого пункта, при которомъ даже конкуренты, поставленные въ самыя выгодныя условія, могутъ получить только минимумъ прибыли на свой капиталъ.

Для лучшаго пониманія предмета очень важно признать, что монопольная цѣна и конкурентная цѣна опредѣляются дѣйствіемъ совершенно различныхъ рядовъ экономическихъ силъ. Обычное мнѣніе, что трэсту или другой монополіи выгодно продавать по такой цѣнѣ, которая опредѣляется конкуренціей, совершенно неосновательно.

Разсмотримъ болѣе внимательно условія, опредѣляющія монопольную цѣну. Предположимъ, что мы имѣемъ дѣло съ трэстомъ, владѣющимъ огромнымъ количествомъ основного капитала, изъ котораго одна часть болѣе, другая менѣе благопріятна для производства, и что онъ пользуется абсолютной монополіей на стальные рельсы и на другіе фабричные продукты. Прежде разсмотримъ издержки производства. Обработка малаго количества продуктовъ не можетъ обходиться очень дешево, не смотря на то, что она была исполнена лучшими машинами и самымъ искуснымъ трудомъ, такъ какъ выгоды, получаемыя крупнымъ производствомъ будутъ здѣсь потеряны. Каждый послѣдующій приростъ въ количествѣ добываемаго продукта повлечетъ за собой уменьшеніе издержекъ на каждую единицу производства, пока въ употребленіи будутъ только однѣ наилучше расположенныя фабрики. Когда же добываніе такъ увеличивается, что и худшій матеріалъ войдетъ въ употребленіе и работа будетъ совершаться на хуже снабженныхъ или хуже расположенныхъ фабричныхъ заведеніяхъ, то сбереженія, достигаемыя крупнымъ производствомъ, будутъ уменьшены этимъ пониженіемъ „предѣла производства“. Если мы предположимъ, что трэстъ обладаетъ опредѣленнымъ количествомъ капитала, то ясно, что настанетъ моментъ, когда всякій новый приростъ въ количествѣ обработанныхъ продуктовъ не будетъ оплачиваться, если даже тростъ сумѣетъ продать этотъ приростъ по той цѣнѣ, по которой онъ продавалъ первые приросты. Если тонна стали дастъ при продажѣ (по цѣнѣ, по которой продавались прежнія тонны) только „крайній предѣлъ прибыли“, то этимъ поставленъ предѣлъ для увеличенія количества вырабатываемаго продукта. Подъ давленіемъ конкуренціи эта „предѣльная“ тонна будетъ дѣйствительно произведена. Но хотя an und für sich и послѣдній приростъ даетъ „крайнюю прибыль“, но этотъ продуктъ врядъ ли когда-нибудь будетъ являться частью вырабатываемаго трэстомъ продукта. Дѣйствительное количество вырабатываемыхъ продуктовъ будетъ колебаться въ предѣлахъ отъ первой единицы производства до этого крайняго прироста. Издержки производства не будутъ увеличиваться соотвѣтственно росту вырабатываемаго продукта, но будутъ представлять собой колеблющуюся равнодѣйствующую различ-

ныхъ экономій производства на различныхъ пунктахъ. Въ фигурахъ A и B (см. діаграмму на этой стр.) перпендикулярная линія *ai* представляетъ собой цѣлый рядъ приростовъ производства. Издержки, скажемъ, 100 единицъ производства будутъ измѣряться линіей *bb'*, издержки производства 200—линіей *cc'*, и т. д. Но въ дѣйствительной индустріи линіи, изображающія ростъ издержекъ, производства никогда не будутъ такъ правильны, какъ въ фигурѣ A, онѣ всегда будутъ неправильны, какъ въ фигурѣ B. Кри-

Кривая прибыли въ трэстѣ.

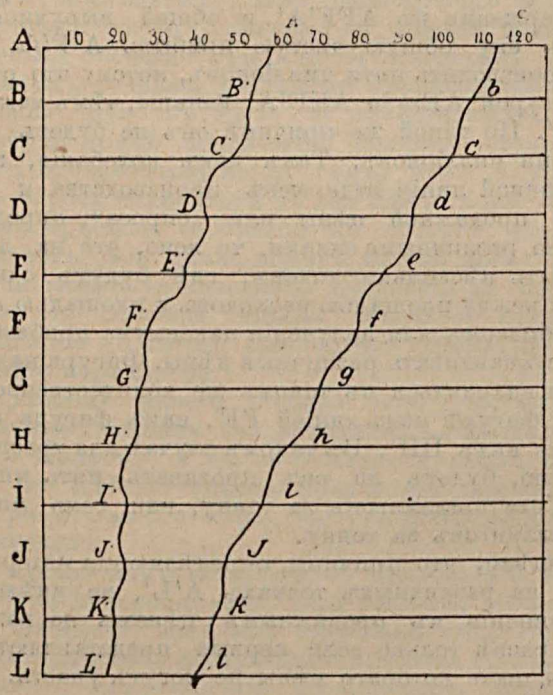
вая, изображающая издержки *ai* въ фигурѣ B, будетъ опредѣляться равнодѣствующей различныхъ силъ, которыя то увеличиваютъ, то уменьшаютъ количество вырабатываемыхъ продуктовъ при каждой новой затратѣ средствъ производства, требуемыхъ для производства новаго количества продуктовъ. Когда увеличенный размѣръ производства дѣлаетъ новое приложеніе машинъ экономически возможнымъ или когда приходится прибѣгнуть къ значительно худшей землѣ для добыванія сырого матеріала, то въ кривой линіи расходовъ можетъ обнаружиться внезапная неправильность.

Если отъ издержекъ производства мы обратимся къ общей выручкѣ съ продажи различныхъ количествъ предложенныхъ на рынкѣ товаровъ, то мы найдемъ подобную же неправильность въ увеличеніи. Эластичность спроса, насколько она измѣряется стимуломъ, который паденіе цѣнъ даетъ потребленію, различается не только въ различныхъ товарахъ, но на различныхъ пунктахъ падающей скалы цѣнъ. Рядъ равныхъ паденій цѣнъ будетъ оказывать различное вліяніе на увеличеніе общей выручки, смотря по тому, вызываетъ ли это паденіе цѣнъ удовлетвореніе болѣе слабыхъ потребностей первыхъ потребителей или вызываетъ новый классъ потребителей, или, наконецъ, вызываетъ новыя потребности. Мы имѣемъ такимъ образомъ двѣ широко колеблющіяся и очень неправильныя градаціи денежныхъ выраженій, представляющихъ собой, во-первыхъ, издержки производства, а во-вторыхъ, общую цѣну различныхъ количествъ, предложенныхъ на рынкѣ товаровъ; каждая изъ нихъ опредѣляется совершенно различными условіями, но интересы трэста указываютъ ему, какъ мы видимъ, установить такое снабженіе, при которомъ онъ получалъ наибольшую прибыль. Но мы уже знаемъ, что чистая прибыль при производствѣ даннаго количества товаровъ опредѣляется посредствомъ вычитанія издержекъ производства съ общей суммы денегъ, получаемыхъ отъ продажи. Отношеніе между ростомъ издержекъ производства и общей выручкой со всей продажи дастъ различное количество чистой прибыли при каждомъ увеличеніи предложенія. Слѣдующая діаграмма можетъ иллюстрировать характеръ этихъ отношеній (см. стр. 171).

AL представляетъ собою линію, указывающую на различныхъ пунктахъB,C,D и т. д.—пропорціональный приростъ предложенія. Если данная монополія есть, скажемъ, трэстъ стальныхъ рельсовъ, то пусть B обозначаетъ милліонную тонну, C — двухмилліонную тонну вырабатываемыхъ рельсовъ и такъ дальше. A′L′ есть кривая линія, указывающая уменьшеніемъ своего разстоянія отъ AL, насколько обходится дешевле производство каждаго новаго прироста въ выработкѣ рельсовъ, такъ что издержки производства первой тонны, если только она одна и производится, есть AA′, производство милліонной тонны. если только одинъ милліонъ производится, будетъ BB′, и такъ далѣе.

Издержки производства одного милліона тоннъ будутъ такимъ образомъ представлены въ фигурѣ ABB′A′, а двухъ милліоновъ тоннъ—въ фигурѣ ACC′A′. Далѣе, пусть кривая *al* уменьшеніемъ своего разстоянія отъ AB указываетъ уменьшеніе цѣны, по которой продаются различныя прибавки къ данному количеству снабженія на рынкѣ, такъ что пер-

Діаграмма цѣнъ трэста

вая тонна продается по A*a*, милліонная по B*b* и т. д., общая цѣна перваго милліона тоннъ будетъ AB*ba*, а первыхъ двухъ милліоновъ AC*ca*. Полагая, что трэстъ предпринимаетъ новое дѣло и опредѣляетъ, какое количество товаровъ онъ долженъ выработать, чтобы получить максимумъ

прибыли, онъ отнюдь не долженъ опредѣлить это количество необходимо на томъ пунктѣ, гдѣ продажная цѣна даетъ самую большую прибыль на издержки производства, какъ это было бы въ точкѣ B, но на пунктѣ F, гдѣ отношеніе прибыли къ издержкамъ производства самое высокое, или гдѣ разница между площадью общей выручки и площадью общихъ издержекъ будетъ самая большая. Трэсту будетъ такимъ образомъ выгодно производить и продавать шесть милліоновъ (ограничивая производство въ точкѣ F) съ общими издержками въ AFF′A′ и общей выручкой AF*fa*, что̀ дастъ ему общую чистую прибыль A′F′*fa*. Онъ не будетъ производить пяти милліоновъ, потому что отношеніе между фигурой AE*ea* и AEE′A′ меньше, чѣмъ между AF*fa* и AFF′A′. По такой же причинѣ онъ не будетъ производить и семи милліоновъ. Такъ какъ колебанія, выраженныя въ кривой линіи издержекъ производства и въ кривой линіи продажной цѣны или „спроса“, опредѣляются совершенно различными силами, то ясно, что на линіи AE̱ можетъ быть нѣсколько точекъ, гдѣ будутъ одинаковыя отношенія между площадью расходовъ и площадью прибыли. Такимъ образомъ для полученія максимума прибыли трэстъ можетъ устанавливать различныя цѣны. Фигура надъ линіей F′*f* можетъ находиться въ такомъ же количественномъ отношеніи къ фигурѣ надъ линіей FF′, какъ фигура надъ H′*h* къ фигурѣ надъ HH′. Въ такомъ случаѣ для трэста вполнѣ безразлично, будетъ ли онъ продавать пять милліоновъ тоннъ по ста шиллинговъ за тонну, или семь милліоновъ по 90 шиллинговъ за тонну.

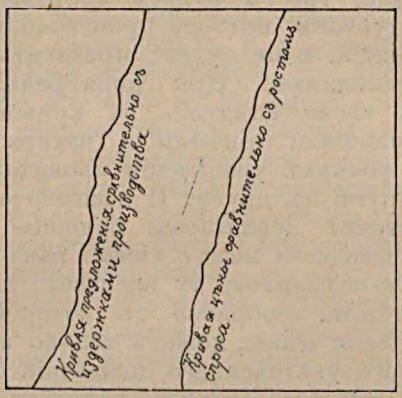
Мы видѣли, что причины, опредѣляющія издержки производства на различныхъ точкахъ A′L′, не имѣютъ никакого отношенія къ продажнымъ цѣнамъ на различныхъ точкахъ, развѣ только если первыя представляютъ собою минимумъ, ниже котораго цѣны не могутъ упасть. Выше же этого предѣла издержки производства ни въ какомъ смыслѣ не опредѣляютъ собой монопольныхъ цѣнъ; и настоящія опредѣляющія силы вполнѣ находятся въ области спроса и измѣряются „предѣльной полезностью“, или „удовлетвореніемъ“, которое различныя количества, составляющія предложеніе въ каждое данное время, даетъ потребителямъ. Такъ какъ издержки производства всегда входятъ въ опредѣленіе конкурентныхъ цѣнъ, которыя устанавливаются воздѣй-

ствіемъ другъ на друга издержекъ производства и денежной оцѣнки полезности, т. е. предложенія и спроса, то ясно, что кривая линія, изображающая монопольныя цѣны, не имѣетъ никакого осязательнаго отношенія къ кривой конкурентныхъ цѣнъ, и для того, чтобы получать наибольшую прибыль, трэстъ будетъ производить не то же количество продуктовъ, которое производили бы конкурирующія предпріятія, и не будетъ продавать свой товаръ по цѣнамъ послѣднихъ. При конкуренціи кривая продажныхъ цѣнъ тѣсно слѣдуетъ за кривой издержекъ, и слѣдовательно площади прибыли и издержекъ находятся въ различныхъ точкахъ увеличенія производства въ томъ же отношеніи другъ къ другу. И дѣйствительно, если на какой-нибудь точкѣ достигается большое увеличеніе въ экономіяхъ производства между тѣмъ, какъ крупная эластичность спроса сохраняетъ ту же цѣну, какъ и прежде, то крупная прибыль, сообразно съ которой монополистъ устанавливаетъ свои цѣны, можетъ только послужить стимуломъ для такого увеличеннаго добыванія со стороны конкурентовъ, что гибкость спроса наконецъ ослабѣетъ, и цѣны понизятся до такого уровня, что норма прибыли не будетъ выше нормальной.

Нѣтъ поэтому ничего общаго между конкурентными и монопольными цѣнами для различныхъ количествъ предложенныхъ товаровъ, и мы не имѣемъ никакихъ основаній полагать, что дѣйствительное количество предложенныхъ товаровъ, равно какъ и цѣны, могутъ быть одинаковы въ обоихъ случаяхъ.

Можно однако допустить, что въ нѣкоторыхъ товарахъ, гдѣ монополія контролируетъ весь рынокъ, цѣны могутъ быть такъ же низки, какъ при свободной конкуренціи. Это можно иллюстрировать слѣдующими кривыми линіями расходовъ и цѣнъ, гдѣ экономіи увеличеннаго производства продолжаютъ быть очень велики, въ то время, какъ гибкость спроса тоже велика (см. діаграмму на стр. 174). Другими словами, если издержки производства низки, то трэсту можетъ быть выгоднѣе продавать очень много товаровъ по низкимъ цѣнамъ, чѣмъ меньшее количество по высокимъ цѣнамъ, и сдѣлать издержки производства болѣе высокими. Въ этомъ случаѣ и потребитель можетъ получить часть выгодъ крупнаго производства, параллельно съ сбе-

реженіемъ расходовъ на конкуренцію. Общество однако не гарантировано, что будутъ установлены низкія цѣны. Въ большинствѣ случаевъ, трэсту будетъ выгоднѣе ограничивать производство и продавать по болѣе высокимъ цѣнамъ.

Въ иллюстраціи, которую мы привели здѣсь, мы предположили, что монополія образовалась de novo. Гдѣ трэстъ образовывается, какъ это обыкновенно бываетъ, посредствомъ соединенія капиталовъ, главнымъ образомъ вложенныхъ въ фабричныя заведенія и машины для производства, тамъ наврядъ ли будетъ выгодно для трэста сильно ограничивать производство, хотя при этомъ онъ сумѣетъ получать бо́льшую сравнительно прибыль, такъ какъ, при опредѣленіи выгодной цѣны, мы должны включить въ разрядъ издержекъ производства процентъ на закрытыя фабрики и на другой непроизводительный капиталъ. Итакъ тамъ, гдѣ монополія владѣетъ крупными средствами производства, ей рѣдко есть расчетъ продавать малыя количества по высокимъ цѣнамъ.

До сихъ поръ мы говорили объ абсолютныхъ монополіяхъ, исключающихъ всякое понятіе о конкуренціи. Мы нашли, что предложеніе и цѣна продукта абсолютной монополіи опредѣляются отношеніемъ между издержками производства и гибкостью спроса. Хотя новое изобрѣтеніе или широкое расширеніе рынка могутъ такъ значи-

тельно измѣнить издержки производства различныхъ количествъ предлагаемыхъ товаровъ, чтобы существенно вліять на предложеніе товаровъ со стороны монополіи и на цѣны, тѣмъ не менѣе гибкость спроса является главнымъ условіемъ, опредѣляющимъ въ каждомъ данномъ случаѣ, будутъ ли цѣны трэста высоки или низки; и когда мы находимъ, что „Standard Oil Trust“ поддерживаетъ низкій уровень цѣнъ или что „Western Union Telegraph Company“ дешево беретъ за телеграммы, то это объясняется характеромъ общественнаго спроса на керосинъ и телеграфныя сообщенія.

Есть цѣлый рядъ условій, относящихся къ спросу, которыя ограничиваютъ экономическую силу монополій повышать цѣны.

Монопольная цѣна, какъ мы видѣли, точно измѣряетъ „предѣльную полезность“ предложенія, насколько она указывается количествомъ денегъ, которыя покупатель согласенъ платить за послѣднюю прибавку къ снабженію. Если эта предѣльная полезность быстро падаетъ съ увеличеніемъ предложенія, то монопольная цѣна будетъ высока, и монополисту будетъ выгоднѣе ограничивать производство и продавать ограниченное предложеніе по высокой цѣнѣ, такъ какъ крупное паденіе цѣнъ не вызоветъ соотвѣтственнаго увеличенія спроса. Тамъ же, гдѣ предѣльная полезность падаетъ медленно, будетъ выгодно увеличивать снабженіе и понижать цѣну, въ виду того, что каждое паденіе цѣнъ вызоветъ крупное увеличеніе потребленія.

Такъ какъ предѣльная полезность цѣлаго ряда прибавокъ къ имѣющемуся уже снабженію, не будетъ одинакова для какихъ-нибудь двухъ товаровъ, то ясно, что опредѣленіе монопольныхъ цѣнъ—дѣло довольно сложное.

Трудно даже приблизительно представить себѣ вѣрную классификацію товаровъ по отношенію къ силѣ трэста или монополіи. Но слѣдующее разсужденіе поможетъ намъ понять, почему въ нѣкоторыхъ случаяхъ трэстъ, повидимому, повышаетъ цѣны, въ другихъ держитъ ихъ на одномъ и томъ же уровнѣ, а еще въ другихъ даже понижаетъ.

а) Крайность нужды, которой данный товаръ удовлетворяетъ, даетъ капиталисту возможность продавать его по высокимъ цѣнамъ. Тамъ, гдѣ общество зависитъ въ своей жизни отъ какого-нибудь одного товара, какъ китайцы отъ риса, монополистъ можетъ получать высокую цѣну за все

снабженіе, которое не превышаетъ того количества, которое необходимо, чтобы прокормить все населеніе. Такъ, монополистъ можетъ, въ случаѣ голода, вымогать самыя высокія цѣны за довольно значительное количество снабженія риса или хлѣба. Но послѣ того, какъ существующее снабженіе уже настолько велико, что даетъ возможность всякому удовлетворить своимъ необходимымъ потребностямъ къ существованію, то необходимость дальнѣйшаго снабженія быстро падаетъ, такъ какъ нельзя даже сравнить спросъ, вызванный голодомъ, со спросомъ, побуждаемымъ удовольствіемъ отъ ѣды.

Монополія на необходимыя средства къ существованію поэтому болѣе опасна, чѣмъ всякая другая монополія, потому что она не только отдаетъ жизнь народа во власть частныхъ предпринимателей, но также потому, что будетъ въ интересахъ такихъ монополистовъ ограничивать снабженіе удовлетвореніемъ самыхъ крайнихъ нуждъ къ существованію. За необходимыми средствами къ существованію слѣдуютъ такъ называемыя условныя необходимости, т. е. тѣ, которыя обычай сдѣлалъ необходимой частью нашего комфорта. Въ различныхъ обществахъ эти необходимости, конечно, различны. Сапоги теперь можно разсматривать, какъ „условную необходимость“ почти всѣхъ классовъ англійскаго населенія, и монополистъ могъ бы, по всей вѣроятности, высоко поднять цѣны на сапоги безъ значительнаго уменьшенія потребленія. Полстолѣтія тому назадъ однако, когда сапоги не сдѣлались еще такой существенной частью комфорта большихъ массъ рабочаго класса, сила монополиста подымать цѣны была бы гораздо меньше. По мѣрѣ того, какъ мы удаляемся отъ крайнихъ нуждъ, мы находимъ, что удобства и предметы роскоши составляютъ часть средствъ къ существованію ограниченнаго класса общества, и такъ какъ они удовлетворяютъ болѣе слабымъ потребностямъ, то эти товары болѣе находятся подъ вліяніемъ уровня цѣнъ.

b) Тѣсно связанный съ этимъ условіемъ и дѣйствующій вмѣстѣ съ нимъ является вопросъ о возможности замѣнить монополизированный продуктъ какимъ-нибудь другимъ. Это вездѣ ослабляетъ крайнюю нужду, которую мы питаемъ въ одномъ какомъ-нибудь предметѣ. Есть только малыя количества товаровъ (если есть какія-нибудь), кото-

рыя мы считаемъ постоянными предметами пищи, покрова и платья и безъ которыхъ мы бы не могли обходиться, если бъ цѣны поднялись очень высоко. Отъ постоянной конкуренціи, которая ведется между различными товарами, удовлетворяющими одинъ и тотъ же родъ потребностей, нельзя избавиться посредствомъ монополизированія одного изъ нихъ. Это есть, пожалуй, главное объясненіе низкихъ цѣнъ керосина „Standard Oil Company". Какъ источникъ свѣта, керосинъ конкурируетъ съ газомъ, свѣчами, электричествомъ, и, пока монополія не расширится по всѣмъ направленіямъ, такъ чтобы охватить эти и всякіе другіе источники свѣта, цѣны трэста не могутъ опредѣлиться только силой потребности въ искусственномъ освѣщеніи. Хотя для современнаго общества искусственный свѣтъ, пожалуй, болѣе важенъ, чѣмъ сахаръ, однако сахарный трэстъ можетъ пользоваться большей монополіей и въ состояніи поднимать болѣе высоко цѣны, чѣмъ керосиновый трэстъ, потому что предметы, замѣняющіе сахаръ, какъ, напр., патока и свекловица, менѣе успѣшные конкуренты для сахара, чѣмъ газъ, свѣчи и электричество для керосина.

Сила желѣзнодорожной монополіи много зависитъ отъ степени, въ которой необходимы ея услуги и поскольку нѣтъ другого способа сообщенія. Иногда монополіи однако ошибаются въ размѣрѣ своей силы. Высокіе желѣзнодорожные тарифы въ Англіи недавно повели въ нѣкоторыхъ частяхъ страны къ замѣщенію желѣзнодорожной перевозки шоссейной и канальной тамъ, гдѣ дѣло касалось такихъ товаровъ, которые не нуждались въ быстрой перевозкѣ. Въ другихъ случаяхъ была введена перевозка по морю. Болѣе сильная монополія американскихъ желѣзныхъ дорогъ обязана своимъ ростомъ отчасти тому, что разстоянія очень велики и что побережное водное сообщеніе такъ отдалено, что для большей части континента отсутствуютъ какія-либо другія средства перевозки.

Обратное условіе, т. е. возможность замѣнить какой-нибудь предметъ потребленія монопольнымъ предметомъ, и возможность такимъ образомъ расширить сбытъ, имѣетъ большое вліяніе на цѣны. Возможность замѣнить уголь керосиномъ при варкѣ и при нѣкоторыхъ другихъ процессахъ имѣла большое вліяніе на низкія цѣны керосина. Трэстъ можетъ нѣкоторое время держать цѣны на очень

низкомъ уровнѣ, чтобы этимъ вытѣснить съ рынка конкурирующій продуктъ, и эта борьба вполнѣ походитъ на конкуренцію съ соперническимъ производителемъ того же продукта. Когда въ окрестностяхъ Питсбурга былъ открытъ естественный газъ, то цѣны были понижены, чтобы этимъ побудить многія фабрики и частные дома употреблять газъ вмѣсто угля. Когда же введены были различныя приспособленія и употребленіе газа вошло въ привычку, то газовая компанія безъ всякаго предупрежденія подняла цѣны на 100 процентовъ. Если мы перейдемъ къ предметамъ болѣе высокой роскоши, то мы найдемъ, что конкуренція между различными товарами, удовлетворяющими однимъ и тѣмъ же родовымъ вкусамъ, или даже конкуренція, съ цѣлью отвлечь вкусъ отъ одного моднаго предмета къ другому, очень осложнена и значительно ослабляетъ контроль трэста надъ цѣнами.

Сила компаніи, находящейся въ обладаніи патента на особый родъ пробочника, опредѣляется не только конкуренціей съ другими пробочниками, но и конкуренціей съ пробками и разными другими приспособленіями для удержанія содержимаго въ бутылкѣ. Возможность обходиться безъ предмета монополіи, хотя и не мѣшаетъ монополисту брать болѣе высокія, чѣмъ конкурентныя, цѣны, съ цѣлью выжать всю „потребительную ренту“ отъ послѣдняго потребителя, составляетъ однако практическую границу монопольныхъ цѣнъ.

c) Наконецъ на монопольныя цѣны вліяетъ существующая или потенціальная конкуренція другихъ производителей. Когда цѣны и прибыль очень высоки, трэстъ можетъ больше опасаться успѣшной конкуренціи со стороны оставшихся еще независимыхъ фирмъ, равно какъ и возникновенія новыхъ конкурентовъ. Не во всѣ отрасли промышленности однако свободный капиталъ можетъ ворваться съ одинаковой легкостью. Когда монополія охранена протекціоннымъ тарифомъ, есть, конечно, меньше возможности внѣшней конкуренціи. Когда монополія связана съ какимъ-нибудь естественнымъ преимуществомъ, или когда она находится въ исключительномъ обладаніи какимъ-нибудь особымъ удобствомъ, какъ, напр., при разработкѣ копей и въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ, непосредственная конкуренція другихъ капиталистовъ прямо устраняется. Когда комби-

нація крупнаго капитала и искуснаго управленія необходима для успѣха конкурирующаго капиталиста, монополія болѣе сильна, чѣмъ тогда, когда для конкуренціи требуется малый капиталъ. Если монополія связана съ узко-личными качествами и съ спеціальными знаніями, какъ, напр., въ банковомъ дѣлѣ, то внѣстоящему капиталу труднѣе всего конкурировать.

Все сказанное нами показываетъ, что власть трэста надъ цѣнами опредѣляется цѣлымъ рядомъ сложныхъ силъ, которыя реагируютъ другъ на друга съ различной степенью интенсивности, сообразно съ увеличеніемъ или уменьшеніемъ количества снабженія. Но трэстъ всегда имѣетъ возможность брать болѣе высокія цѣны, чѣмъ конкурентныя, и онъ, конечно, заинтересованъ въ томъ, чтобы это дѣлать. Трэсту обыкновенно выгодно будетъ удерживать болѣе низкій уровень цѣнъ на тѣ товары, которые представляютъ собою предметы роскоши или удовлетворяютъ менѣе существеннымъ потребностямъ и болѣе капризному вкусу, и брать болѣе высокія цѣны за товары обыденнаго комфорта и за предметы первой необходимости, которые не могутъ быть легко замѣнены другимъ товаромъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Машины и промышленный застой.

Главный симптомъ болѣзни, называемой застоемъ въ промышленности, состоитъ въ общемъ паденіи оптовыхъ цѣнъ и въ менѣе чѣмъ соотвѣтственномъ паденіи розничныхъ цѣнъ. Какая бы ни была первая причина промышленнаго застоя, но одно ясно, что прямую непосредственную причину каждаго паденія цѣнъ нужно искать въ томъ, что спросъ не увеличивается въ той же степени, какъ предложеніе, разъ оно будетъ держаться прежнихъ цѣнъ. Пока тѣ, кто имѣютъ товары для продажи, могутъ ихъ продавать по цѣнѣ, которую они получали раньше, они, конечно, не станутъ спускать цѣну. Достаточной причиной каждаго паденія цѣны будетъ, такимъ образомъ, слишкомъ большое снабженіе по даннымъ цѣнамъ. Даже незначительное переснабженіе произведетъ паденіе товарныхъ цѣнъ, если только конкуренція достаточно сильна. Когда подобное паденіе цѣнъ вызываетъ быстрое увеличеніе спроса, такъ что излишекъ снабженія быстро расходится и спросъ приходитъ въ соотвѣтствіе съ снабженіемъ по пониженной цѣнѣ, то такое состояніе называютъ „тенденціей къ переснабженію“. Но не нужно забывать, что въ строгомъ смыслѣ слова не тенденція, а настоящее-таки переснабженіе рынка производитъ паденіе цѣнъ.

Когда подобное паденіе цѣнъ быстро стимулируетъ увеличенный спросъ, устанавливается постоянство въ цѣнахъ, и опять настаетъ полное здоровое производство по болѣе низкимъ цѣнамъ.

Одно то обстоятельство, что цѣны въ общемъ ниже, чѣмъ онѣ были пять или десять лѣтъ назадъ, не указываетъ еще на угнетенное состояніе промышленности. Застой въ промышленности означаетъ не только низкія цѣны, но разслабленное состояніе промышленности: общее товарное производство оказывается бо̀льшимъ, чѣмъ можно было продать по самымъ низкимъ прибыльнымъ цѣнамъ; рынки переполнены товарами и производятъ меньше, чѣмъ можно при существующихъ способахъ производства. Самый выдающійся фактъ, съ которымъ мы встрѣчаемся въ періодъ застоя, это кажущійся излишекъ производительной силы. Если бы излишекъ былъ въ одномъ только трудѣ, то можно было бы съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ объяснить этотъ застой вытѣсненіемъ человѣческаго труда машиннымъ. Нельзя не признать, что первый и непосредственный результатъ введенія трудосберегательныхъ или трудовспомогательныхъ машинъ, можетъ состоять въ уменьшеніи спроса на трудъ, если даже принять во вниманіе трудъ, потраченный на устройство и починку машинъ и на распредѣленіе увеличеннаго количества производимыхъ продуктовъ. Одновременное приложеніе ряда новыхъ машинъ, сопровождаемое другими общими экономіями въ организаціи индустріи, можетъ быть вполнѣ достаточно для того, чтобы объяснить, почему почти во всѣхъ индустріяхъ страны замѣчается въ продолженіе нѣкотораго времени общій избытокъ труда. Такое переснабженіе рынка произошло бы отъ аккумулированнаго дѣйствія „первыхъ эффектовъ“ (first effects). Когда удешевляющее вліяніе новыхъ машинъ имѣло достаточно времени, чтобы проявить свое полное дѣйствіе, состоящее въ увеличеніи потребленія, то трудъ, который былъ временно вытѣсненъ, можетъ опять быть утилизированъ; нѣкоторое время прошедшій трудъ, сохраненный въ формѣ основного капитала, исполняетъ бо̀льшую часть труда, которую иначе исполнилъ бы настоящій живой трудъ. Но подобное объясненіе не выдерживаетъ критики, въ виду того, что во время застоя замѣчается излишекъ различныхъ формъ капитала, равно какъ и труда. Въ одно и то же время замѣчается излишекъ въ обоихъ факторахъ производства. Рабочіе не имѣютъ работы или работаютъ нерегулярно, фабрики и заводы закрыты или работаютъ только короткое время, добываніе угля и металловъ уменьшено, и, тѣмъ не

менѣе, при этомъ ослабленномъ состояніи производства, рынки запружены непроданными товарами, которые не могутъ находить покупателей по такой цѣнѣ, которая дала бы продавцамъ minimum прибыли. Въ добывающей же промышленности, какъ въ земледѣліи и горной промышленности, мы замѣчаемъ, что громадныя пространства земли лежатъ безъ пользы, которыя раньше давали порядочную прибыль.

Къ этому положенію индустріи могутъ быть вполнѣ приложены оба противоположныхъ термина, перепроизводство и недостаточное производство, смотря по тому, разсматривается ли производство—какъ процессъ или какъ состояніе. Состояніе промышленности во время застоя есть состояніе перепроизводства—промышленный организмъ переполненъ товарами, которые не исчерпываются достаточно быстро потребленіемъ. Полнокровіе истощаетъ промышленный организмъ, его функціи ослабляются. Подобное промышленное затишье, вызванное этими причинами, можно также съ полнымъ основаніемъ назвать „недостаточное производство“.

Англійскіе политико-экономы утверждаютъ, что, не смотря на то, что излишекъ капитала и труда встрѣчается одновременно въ одной, двухъ или нѣсколькихъ индустріяхъ, перепроизводство не можетъ быть общимъ состояніемъ всей индустріи. Если слишкомъ много капитала и труда занято въ одной индустріи, разсуждаютъ они, то слишкомъ мало въ другой, и уже вслѣдствіе этого не можетъ быть въ одно и то же время общее перепроизводство. Но, если подъ терминомъ перепроизводство разумѣть не такое состояніе, когда въ каждой отдѣльной промышленности замѣчается излишекъ капитала, но вообще переснабженіе, сопровождаемое полнокровіемъ однѣхъ индустрій и истощенностью другихъ, то мы найдемъ, что эти утвержденія англійскихъ экономистовъ не согласуются съ доказанными фактами или съ авторитетомъ экономистовъ внѣ Англіи.

Если промышленный застой вызывается неудачнымъ приложеніемъ капитала и труда, такъ что слишкомъ много капитала и труда было въ одной индустріи и слишкомъ мало въ другой, то подъемъ цѣнъ долженъ въ одно и то же время наступить въ столькихъ же случаяхъ, въ сколь-

кихъ происходитъ паденіе цѣнъ, и принятый нами симптомъ застоя, т. е. одновременное паденіе цѣнъ на всѣ или почти на всѣ главные предметы промышленности, не могъ бы наблюдаться. Но самые внимательные изслѣдователи, изучающіе вопросъ о промышленномъ застоѣ, согласны въ томъ, что это состояніе состоитъ въ избыточности различныхъ формъ капитала. Они также согласны въ томъ, что необыкновенный ростъ современныхъ машинъ есть выраженіе общаго излишка производительной силы надъ силой необходимой, чтобы поддерживать текущее потребленіе.

Лордъ Плэйферъ, который писалъ на эту тему въ 1888 году, говоритъ: „все равно, были ли страны опустошаемы войной или наслаждались миромъ, были ли индустріи изолированы препятствіями протекціонизма или развивались при свободной торговлѣ, изобиловали ли онѣ сырымъ матеріаломъ или должны были импортировать его изъ другихъ странъ, не смотря на всѣ эти различныя условія, всѣ страны всего міра, въ которыхъ только употребляются машины, испытывали на себѣ 15-ти-лѣтній промышленный застой, хотя, конечно, въ различной степени".

Его заключеніе слѣдующее: „усовершенствованіе машинъ, употребляемыхъ въ производствѣ, увеличили снабженіе товаровъ не въ соотвѣтствіи со всемірнымъ спросомъ" [1]). Чтобы еще болѣе убѣдить въ своемъ выводѣ, онъ ссылается на авторитетъ континентальныхъ писателей, какъ, напр., А. Штудницъ, Пирмецъ, Дэккертсъ, Лавелэ, Тразентеръ, Аннеке и Энгель. Въ Соединенныхъ Штатахъ Карроль Райтъ, Д. Уэллсъ и Аткинсонъ являются главными сторонниками подобнаго объясненія промышленнаго застоя. Карроль Райтъ, завѣдующій Бюро труда въ Вашингтонѣ, сильно ударяетъ на тотъ фактъ, что, „насколько это касается фабрикъ и рабочихъ тѣхъ странъ, которыя приходится принять во вниманіе (Англія, Соединенные Штаты, Франція, Бельгія, Германія), тамъ существуетъ положительное и сильное перепроизводство, которое не существовало бы, если бъ тамъ не была введена производительная сила машины, которая стоитъ на болѣе высокомъ уровнѣ, чѣмъ этого требуютъ потребительныя силы

[1]) Contemporary Review, Мартъ 1888.

націй и зависящій отъ нихъ спросъ; другими словами, перепроизводство въ силѣ машинъ логически влечетъ за собой перепроизводство продуктовъ, созданныхъ этими машинами, и это представляетъ собой состояніе тѣхъ странъ, благосостояніе которыхъ находится въ зависимости отъ ихъ высоты механическаго производства“ [1]). Отчеты англійской „Комиссіи для изслѣдованія торговаго и промышленнаго застоя“ тоже допускаютъ существованіе излишка производительной силы, не имѣющаго ничего общаго съ ложными расчетами, въ приложеніи капитала и труда.

Докладъ большинства, опредѣляя „перепроизводство“, какъ производство товаровъ или даже одно только существованіе способности производить въ такое время, когда спросъ недостаточно быстръ, чтобы покупатель могъ покупать товаръ по прибыльной для производителя цѣнѣ, утверждаетъ, „что такое перепроизводство было одной изъ главныхъ чертъ промышленности за послѣдніе годы, и что застой, отъ котораго мы еще и теперь страдаемъ, можетъ быть отчасти объясненъ послѣднимъ фактомъ» [2]). Докладъ меньшинства придаетъ бо́льшее значеніе „систематическому перепроизводству“, придерживаясь того мнѣнія, что „спросъ на товары не увеличивается въ такой же степени, какъ раньше, и что наша способность производить превосходитъ нашъ внутренній и внѣшній спросъ и могла бы еще значительно увеличиться, если бы трудъ и другія приспособленія, которыя теперь отчасти праздны, были бы болѣе заняты“ [3]).

Самый богатый матеріалъ относительно того, насколько въ различныхъ отрасляхъ промышленности замѣчается излишекъ въ производительныхъ машинахъ производства, мы находимъ у Уэллльса, который смотритъ на машины, какъ на прямыя причины застоя въ промышленности. Машины дѣйствуютъ, по его мнѣнію, въ трехъ направленіяхъ: 1) онѣ увеличиваютъ производительную способность, 2) улучшаютъ методы распредѣленія, 3) открываютъ новыя обильныя снабженія сырого матеріала. Производство растетъ такимъ образомъ быстрѣе, чѣмъ потребленіе. „Этимъ только можно объяснить

---

[1]) Report on Industrial depression. Washington, 1886.
[2]) Report, pars. 61—66.
[3]) Report, par. 106.

то обстоятельство, что снабженіе продуктовъ и орудій производства и торговли увеличилось за послѣднія 12 лѣтъ въ гораздо бо̀льшей пропорціи, чѣмъ ростъ населенія за то же время и его потребительная способность“ [1]).

Первыя изобрѣтенія въ текстильной индустріи и общее приложеніе пара къ производству и транспорту играли самую драматическую роль въ промышленной революціи, совершившейся за послѣднія сто лѣтъ. Но мы не должны забывать, что далеко не вѣрно, что крупныя изобрѣтательныя силы уже истощились, и что мы вступили въ эру маленькихъ приращеній къ развитію производительной силы. Напротивъ, послѣднее поколѣніе было свидѣтелемъ цѣлаго ряда новыхъ открытій почти во всѣхъ отрасляхъ промышленнаго искусства, открытія новыхъ снабженій сырого матеріала и улучшенія въ промышленной организаціи, что̀ вызвало громадный ростъ производительной силы. Въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ этотъ прогрессъ замѣчается сильнѣе всего, высчитываютъ, что за 15 или 20 лѣтъ, предшествовавшія 1886 г., ростъ машинъ, насколько его можно измѣрить „вытѣсненіемъ человѣческаго труда“, равняется одной трети, принимая во вниманіе всю обрабатывающую промышленность. Во многихъ производствахъ введеніе паровыхъ машинъ и фабричной системы есть дѣло нашего поколѣнія. Замѣщеніе ручного труда машиннымъ при выдѣлкѣ сапогъ представляетъ собой выигрышъ въ 50% для однихъ сортовъ товаровъ и 80% для другихъ. Въ шелковомъ производствѣ былъ выигрышъ въ 50%, въ мебельномъ въ 30%, между тѣмъ какъ во многихъ менѣе важныхъ процессахъ, каковы, напр., струганіе дерева, выдѣлка оловяныхъ кувшиновъ, обоевъ, мыла, полированной кожи и т. д., ростъ механической производительности каждаго рабочаго можно считать отъ 50 до 300% и болѣе. Выигрышъ не только ограничивается однако вторженіемъ механической силы въ тѣ процессы, которые раньше исполнялись человѣческой рукой. Еще болѣе значительную роль играетъ ростъ механической производительности въ основныхъ индустріяхъ. Въ производствѣ земледѣльческихъ орудій ростъ можно считать въ 50 и 70%, въ машиностроительномъ дѣлѣ отъ 25 до 40%, между тѣмъ какъ „въ добываніи

[1]) Contemporary Review. Іюль 1887.

желѣза и въ выдѣлкѣ желѣзныхъ издѣлій по свидѣтельству старыхъ фирмъ машины уменьшили ручной трудъ въ 33%". Ростъ производительной силы въ хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ еще гораздо больше. Отъ 1870 г. до 1884 выдѣлка желѣза увеличилась на 131% въ Великобританіи и на 237% во всѣхъ прочихъ странахъ [1]). „Въ судостроительномъ дѣлѣ вытѣсненіе рабочихъ происходило приблизительно въ отношеніи 4 или 5 къ 1, т. е. при современныхъ машинахъ можно исполнить въ 4 или 5 разъ больше работы, чѣмъ можно было въ такое же время исполнить при старыхъ ручныхъ методахъ" [2]).

Ростъ производительности машинъ въ Англіи можно считать въ 40% за періодъ времени отъ 1850 г. до 1885, и нѣтъ основаній предполагать, что эта цифра слишкомъ высока. Въ нагрузочной индустріи, гдѣ есть болѣе точныя статистическія данныя, прогрессъ еще бо́льшій. Чтобы исполнить ту же работу, въ 1884 требовалось по меньшей мѣрѣ на 70% меньше труда, чѣмъ въ 1870 г., и этотъ прогрессъ главнымъ образомъ обязанъ увеличенному приложенію подъемныхъ машинъ, зерновыхъ элеваторовъ и употребленію пара для движенія кораблей, натягиванія парусовъ, подыманія якорей, накачиванія воды и разгрузки корабельнаго клада [3]). Въ постройкѣ кораблей сдѣланы самыя крупныя сбереженія. Корабль, который въ 1883 г. стоилъ 24.000 ф. стерл., можно теперь построить за 14.000 фунтовъ. Веденіе корабля тоже стоитъ дешевле, благодаря экономіи въ отопленіи, достигнутой введеніемъ сложныхъ паровиковъ (compound engines). Тонна пшеницы можетъ быть перевезена по морю дешевле, чѣмъ за фартингъ съ мили. Точно также и перевозка по сушѣ обходится гораздо дешевле, благодаря громаднымъ экономіямъ въ отопленіи. „На Лондонской и Сѣверо-Западной желѣзной дорогѣ былъ недавно сдѣланъ опытъ, въ которомъ сложный локомотивъ перевозилъ тонну угля на разстояніе одной мили, поглотивъ только двѣ унціи угля на отопленіе" [4]).

---

[1]) Contemporary Review, Мартъ 1888.

[2]) Report of the Commissioner of Labour. Washington, 1886 г., стр. 80—88.

[3]) D. A. Wells, Contemporary Review, Августъ 1887.

[4]) Lord Playfair, Contemporary Review, Мартъ 1888.

Ускореніе путешествій благодаря паровому двигателю и замѣна проѣзда черезъ мысъ Доброй Надежды болѣе дешевымъ маршрутомъ черезъ Суэцкій каналъ сильно облегчили торговлю. Послѣднее обстоятельство сократило стоимость перевозки на два милліона тоннъ. Еще бо̀льшее облегченіе передачи всякихъ свѣдѣній при помощи электричества убило систему содержанія огромныхъ складовъ товаровъ, что̀ требовалось при старыхъ условіяхъ торговли. Эти экономіи основныхъ перевозочныхъ индустрій сильно измѣнили характеръ всей торговли и промышленности страны и играли не малую роль въ низведеніи цѣнъ при помощи пониженія издержекъ производства и стимулированія увеличеннаго добыванія. Избыточное производство перевозочныхъ машинъ, особенно желѣзныхъ дорогъ, играло крупную роль, какъ непосредственная причина застоя въ промышленности. Застой, начавшись въ 1873 г. и достигшій своего апогея въ 1878, приписывается излишнему вмѣщенію капитала въ постройку желѣзныхъ дорогъ, особенно въ Америкѣ и Германіи, изъ которыхъ многія не имѣли, когда были построены, ни населенія, которое бы ихъ употребляло, ни груза для перевозки; застой этотъ приписывается дикой спекуляціи, послѣдовавшей за утвержденіемъ могущества Германіи на континентѣ, излишнему вооруженію, которое отвлекло огромное количество труда отъ производительной энергіи и сильно обременило плательщиковъ налоговъ крупныхъ европейскихъ націй, и наконецъ онъ приписывается перепроизводству въ главныхъ отрасляхъ промышленности всѣхъ европейскихъ странъ.

Боулей указываетъ, что послѣ каждой желѣзнодорожной горячки этого столѣтія, какъ это было въ Англіи въ 1847 году, въ Америкѣ передъ 1857 и 1873 г., въ Индіи въ 1878 и на континентѣ въ 1873 г., послѣдовалъ сильный упадокъ, такъ какъ во время постройки матеріалы покупались по увеличеннымъ цѣнамъ; заработная плата огромная, а доходы между тѣмъ получаются не раньше, чѣмъ когда вся желѣзнодорожная сѣть, исполненіе которой беретъ много лѣтъ, окончена.

Значительная часть этихъ желѣзныхъ дорогъ была перепроизводствомъ формъ транспортнаго капитала и обозначала собой соотвѣтствующее сокращеніе текущаго потребленія. Другими словами, крупная часть „сбереженій“ Англіи и Германіи и Америки, вложенныхъ въ эти новыя желѣзныя

дороги, сдѣлались безплодными; онѣ экономически не были нужны для способствованія транспорта, и многія изъ нихъ остаются безполезными, какъ это указывается паденіемъ стоимости ихъ акцій. Совершенно невѣрно, хотя это часто указывается, что послѣ каждой попытки создать такія гигантскія предпріятія, экономически необходимо долженъ послѣдовать упадокъ. Если бы крупные доходы и высокая заработная плата, которые получались въ періодъ времени за 1873 г., пошли на увеличеніе спроса на товары и на повышеніе уровня, то многія перевозочныя машины, стоявшія долго безъ дѣла, потребовались бы для перевозки продуктовъ, чтобы поддержать повышенный уровень потребленія. Этотъ аргументъ, конечно, предполагаетъ, что невѣжество и обманъ не причиняли ошибочно неразсчетливаго помѣщенія капитала. Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что огромныя суммы, помѣщенныя въ 1869—1872 г. въ желѣзнодорожныя предпріятія, могли найти болѣе вѣрное и болѣе прибыльное помѣщеніе. Только избытокъ сбереженій, остававшійся послѣ того, какъ весь капиталъ, необходимый для производства всѣхъ предметовъ текущаго потребленія, былъ помѣщенъ въ соотвѣтствующія предпріятія, попадаетъ въ руки маклеровъ, создающихъ компаніи. Такія сбереженія никогда не отвращаются отъ вѣрныхъ и полезныхъ вмѣщеній, такъ какъ это такія сбереженія, которыя никогда не должны были быть сдѣланы, въ виду того, что они не имѣютъ никакого экономическаго оправданія и не нужны для интересовъ торговли, что̀ и сказывается въ результатахъ.

Прямая причинная зависимость между увеличенной производительной силой современныхъ машинъ и застоемъ въ промышленности уясняется отъ сравненія колебаній въ различныхъ отрасляхъ промышленности въ различныхъ странахъ. Такъ какъ современныя машины и современные способы торговли теперь болѣе развиты и болѣе широко распространены, чѣмъ раньше, то и колебанія въ промышленности бываютъ глубже и болѣе продолжительны. Сравненіе между болѣе отсталыми странами, занятыми главнымъ образомъ добываніемъ пищи и сырыхъ продуктовъ для крупныхъ фабричныхъ странъ, приводится часто какъ доказательство въ пользу взгляда, что болѣе развитая индустрія болѣе постоянна. Но хотя Джиффенъ несомнѣнно правъ въ

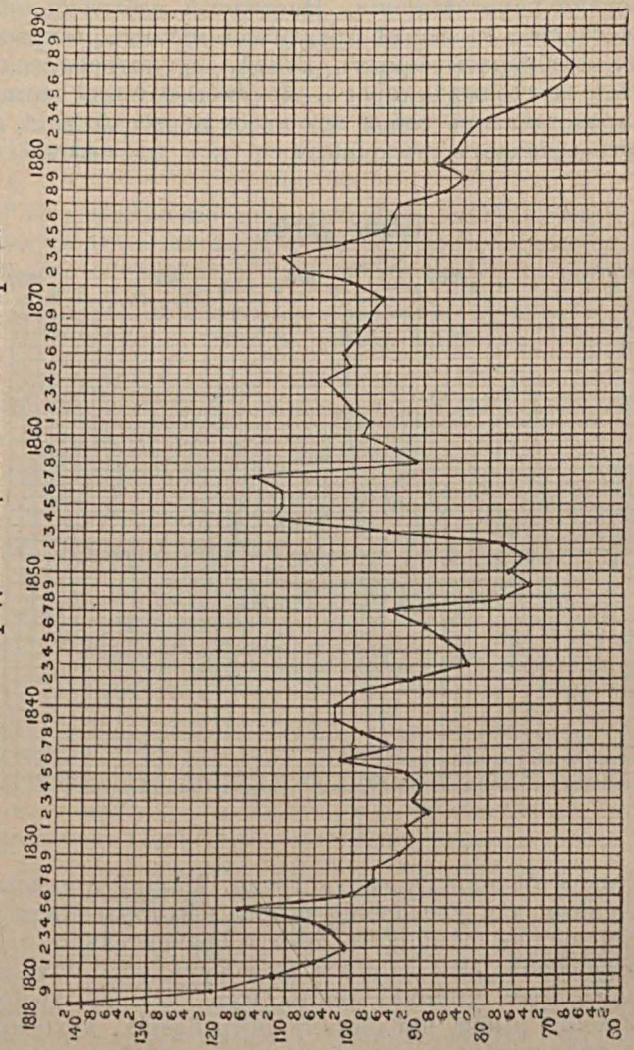
своемъ мнѣніи, что въ странахъ, добывающихъ сырой матеріалъ, часто бываютъ худшіе застои промышленности, чѣмъ въ болѣе фабричныхъ странахъ, это однако только вѣрно лишь относительно странъ, добывающихъ сырой матеріалъ для вывоза и зависящихъ поэтому въ своей промышленности отъ колебаній спроса на товары на самыхъ далекихъ рынкахъ, движенія которыхъ онѣ меньше всего могутъ контролировать или разсчитывать. Неправильности климата и другія естественныя причины составляютъ постоянный источникъ колебаній въ производительности земледѣлія. Но тѣ нефабричныя страны, которыя мало зависятъ отъ торговли съ другими фабричными странами, и которыя главнымъ образомъ сами удовлетворяютъ своимъ потребностямъ, по необходимости сохраняютъ бо́льшее разнообразіе земледѣлія и другихъ первобытныхъ индустрій и будутъ поэтому меньше находиться во власти климатическихъ или другихъ поврежденій, чѣмъ страны, болѣе спеціализировавшіяся въ одномъ какомъ-нибудь родѣ земледѣлія йли индустріи. Спеціализація, которая взваливается на отсталую страну, благодаря торговлѣ съ болѣе передовой промышленной страной, ограничивая ея индустрію разведеніемъ пшеницы, хлопка, овецъ или вина, увеличиваетъ неправильность производительности, которой природа ее подвергаетъ, и подчиняетъ ее колеблющемуся спросу далекихъ и неконтролируемыхъ рынковъ. Колебанія, производимыя неправильнымъ потребленіемъ и анархистическимъ производствомъ высокоразвитыхъ странъ, отражаются съ страшной силой на болѣе примитивныхъ странахъ промышленнаго міра. Такимъ образомъ, характеръ современной машинной индустріи кладетъ свою печать на страны, снабжающія ихъ пищей и сырымъ матеріаломъ.

Если мы обратимся къ изслѣдованію различныхъ отраслей промышленности въ болѣе развитыхъ обществахъ, гдѣ есть болѣе вѣрныя статистическія данныя, мы найдемъ самыя лучшія доказательства, что, поскольку дѣло касается всемірнаго рынка, колебанія гораздо сильнѣе въ самыхъ развитыхъ индустріяхъ, гдѣ машинное производство сильнѣе всего. Изслѣдованіе перемѣнъ въ оптовыхъ цѣнахъ указываетъ, что самыя быстрыя и самыя глубокія колебанія замѣчаются въ цѣнахъ на текстильные и минеральные матеріалы, составляющіе основаніе нашихъ главныхъ про-

изводствъ. Сравненіе измѣненій въ цѣнахъ на пищевые продукты и хлѣбъ съ одной стороны и на текстильныя и минеральныя издѣлія съ другой стороны, особенно за послѣднія 30 лѣтъ, показываетъ, что колебанія цѣнъ на послѣдніе товары гораздо глубже, чѣмъ колебаніе цѣнъ на первые товары (см. слѣд. діаграммы).

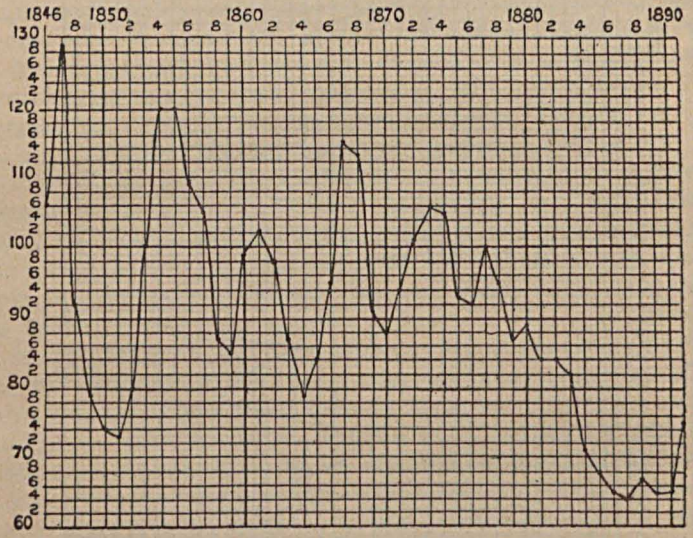
Нужно имѣть въ виду, что переполненіе, о которомъ мы говоримъ, не состоитъ главнымъ образомъ въ переполненіи товаровъ въ ихъ сыромъ или законченномъ видѣ, но въ ихъ переходномъ состояніи отъ машины къ потребителю. Экономическій діагнозъ часто затрудняется на этомъ пунктѣ, когда говорятъ объ увеличенной производительной силѣ машинъ, какъ будто бы онѣ продолжали изливать изъ себя безостановочный потокъ товаровъ, превосходящій потребленіе. Это показываетъ глубокое непониманіе болѣзни. Только на первыхъ стадіяхъ она принимаетъ эту форму. Когда въ какомъ-нибудь производствѣ производительная сила машинъ находится въ избыткѣ надъ спросомъ по выгоднымъ цѣнамъ, то различные процессы, черезъ которые сырой матеріалъ проходитъ на своемъ пути къ потребителю, скоро разбухаютъ переснабженіемъ. Но оно вовсе не должно быть очень велико и не должно увеличиваться. Пока производство этихъ избыточныхъ товаровъ продолжается, худшія черты промышленной болѣзни еще не являются, хотя мы имѣемъ уже растущее переполненіе товаровъ; прибыль низка; предпріятія, можетъ быть, ведутъ свои дѣла съ убыткомъ, но фабрики, мастерскія, копи, желѣзныя дороги находятся въ полномъ ходу; заработная плата можетъ быть понижена, но работы много; но когда это разбуханіе товаровъ начинаетъ тормозить колеса промышленной машины, замедлять ходъ производства, когда болѣе слабые фабриканты не могутъ больше получать кредитъ въ банкахъ, не могутъ болѣе исполнять принятыхъ на себя обязанностей и падаютъ, когда болѣе крѣпкія фирмы принуждены закрывать нѣкоторые изъ своихъ заводовъ или менѣе производительныя копи, когда онѣ принуждены работать меньше часовъ, экономизировать во всякой формѣ труда,—тогда промышленный застой принимаетъ свою болѣе продолжительную и болѣе вредную форму. Переполненіе товаровъ теперь уже не увеличивается; существующее переполненіе продолжаетъ загораживать торговые пути и останавливать дальнѣйшее

Измѣненіе среднихъ цѣнъ всѣхъ товаровъ.

производство; но это не представляетъ собой еще настоящаго времени переснабженія. Настоящій избытокъ теперь показываетъ себя въ формѣ праздныхъ машинъ, закрытыхъ заводовъ, необрабатываемыхъ копей, неупотребляющихся кораблей и желѣзныхъ дорогъ. Вспомогательный капиталъ именно представляетъ собой всю массу переснабженія, и его праздность означаетъ находящуюся уже въ полной силѣ

Цѣны хлѣба.

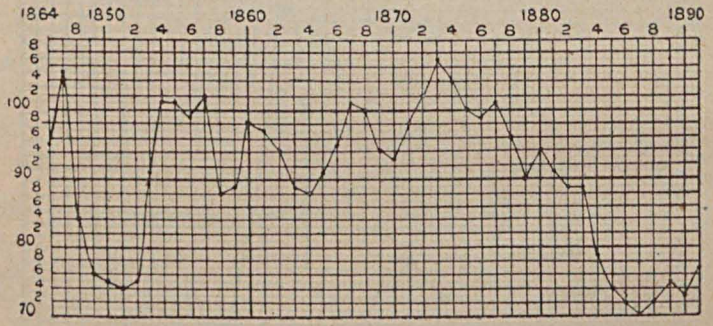

безработность большихъ массъ труда. Машины, сдѣланныя и назначенныя для увеличенія потока изготовляемыхъ товаровъ, умножились слишкомъ быстро сравнительно съ ростомъ потребленія. Эти машины не могутъ уже находиться въ полномъ ходу, крупная часть ихъ уже не требуется для снабженія рынка предметами потребленія, находящими сбытъ, и онѣ должны стоять безъ дѣла; онѣ представляютъ собой безполезныя формы капитала, переснабженіе, и ихъ неупотребляемая производительная сила представляетъ собой

еще несравненно большее количество потенціальнаго переснабженія товаровъ. Дѣйствуютъ такія экономическія силы, которыя препятствуютъ продолжать употребленіе этихъ избыточныхъ машинъ; если бы онѣ употреблялись вопреки этимъ силамъ, если бы ихъ собственники могли держать ихъ въ ходу, то не было бы рынка для вырабатываемыхъ ими продуктовъ, и онѣ увеличили бы еще массу переснабженія.

Общее отношеніе современныхъ машинъ къ торговому застою сводится къ слѣдующему. Усовершенствованныя машины для обработки и транспорта даютъ возможность все

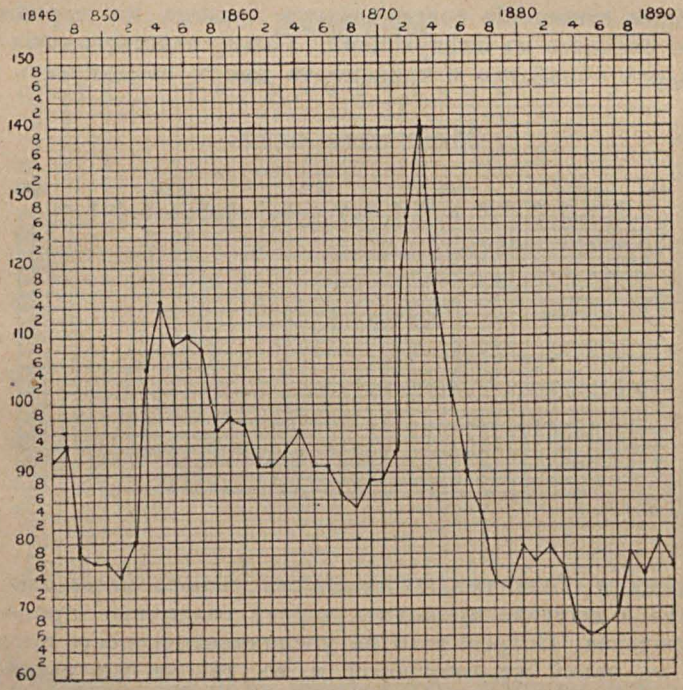
Общія цѣны пищи.

бо́льшимъ и бо́льшимъ количествамъ сырого матеріала все быстрѣе и дешевле проходить черезъ различные процессы производства. Потребители не увеличиваютъ своего потребленія съ такой же быстротой и въ такомъ же размѣрѣ. Поэтому движеніе впередъ обрабатываемыхъ товаровъ останавливается на одномъ или многихъ стадіяхъ обработки, или въ рукахъ купца, а иногда даже въ лавкѣ розничнаго продавца. Разбуханіе путей производства автоматически останавливаетъ производство, дѣлая безполезнымъ большое количество машинъ и труда. Общее паденіе доходовъ, послѣдовавшее за паденіемъ цѣнъ, которое не вознаграждается соотвѣтствующимъ расширеніемъ продажи, вызываетъ сокращеніе потребленія. Во время промышленнаго

застоя, когда рынки переполняются непроданными товарами, будутъ производить не больше, чѣмъ понадобится для сокращеннаго потребленія. Прежде чѣмъ замѣчается поворотъ въ теченіи торговли, потокъ производства падаетъ даже ниже соотвѣтствующаго уровня потребленія и позво-

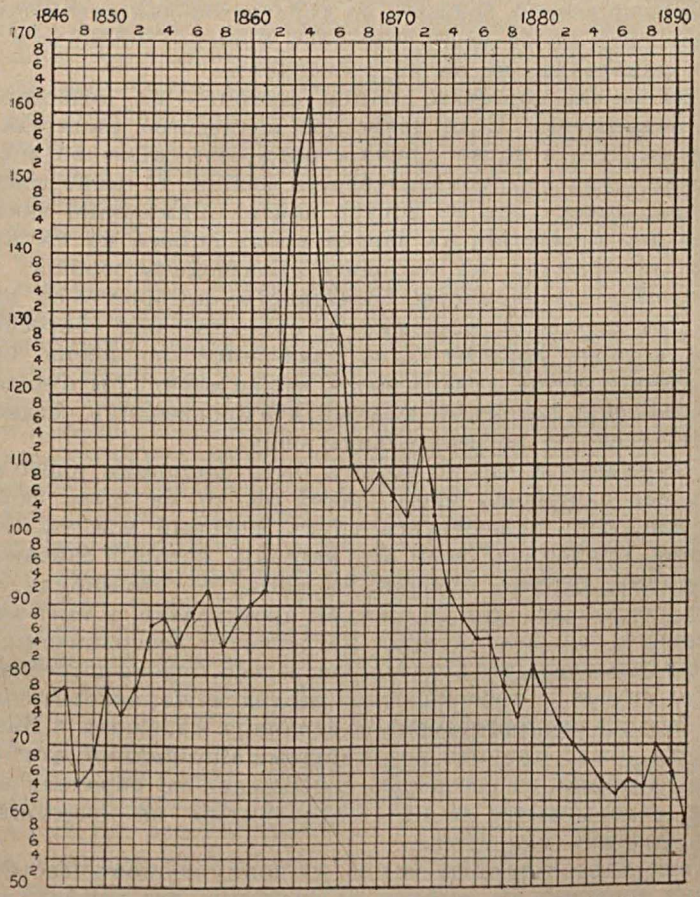
Цѣны минеральныхъ продуктовъ.

ляетъ такимъ образомъ избытку товаровъ, тормозившему машину, постепенно переходить въ потребленіе. Послѣ того, какъ разбуханіе, державшее цѣны на низкомъ уровнѣ, проходитъ, цѣны опять начинаютъ подыматься, спросъ дѣлается болѣе живымъ въ каждой отрасли индустріи, и мы замѣчаемъ обыкновенные симптомы оживленія промышленности.

Это представляетъ собой точную картину болѣе крупныхъ явленій, которыя замѣчаются въ коммерческомъ мірѣ

Цѣны текстильныхъ продуктовъ.

въ періодъ застоя. Когда болѣзнь находится въ апогеѣ и дѣятельность производителя и потребителя сводится къ minimum'у, мы имѣемъ функціональное состояніе „недоста-

точнаго производства" (underproduction), вызванное давленіемъ извѣстнаго количества переснабженія, и также соотвѣтствующее количество недостаточнаго потребленія (underconsumption).

Машина такимъ образомъ является достаточной причиной промышленной болѣзни, но дѣйствительная отвѣтственность лежитъ не на изобрѣтателяхъ новыхъ машинъ и не на фабрикантахъ, но на потребителяхъ.

Главное зло торговаго застоя состоитъ въ недостаточномъ потребленіи. Если извѣстное количество капитала и труда въ одно и то же время стоятъ безъ дѣла во всѣхъ отрасляхъ или въ промышленности вообще, то единственная причина, почему они не могутъ найти примѣненія, заключается въ отсутствіи въ данное время спроса на тѣ продукты, которые они въ состояніи производить сообща.

Англійскіе экономисты, большинство которыхъ со времени Сэя отрицали возможность существованія переснабженія, которое дѣйствительно замѣчается во время промышленнаго застоя, утверждаютъ, что не можетъ быть общаго переснабженія, потому что каждый, кто производитъ, создаетъ соотвѣтственную потребительную силу.

Утверждаютъ, что не можетъ быть слишкомъ много машинъ или слишкомъ много какой бы то ни было формы капитала, разъ существуетъ трудъ, который можетъ быть къ нимъ приложенъ; если эти машины, которыя считаются излишними, будутъ пущены въ ходъ, то кто-нибудь сумѣетъ потреблять что ни было бы произведено, и такъ какъ мы знаемъ, что человѣческія потребности неограничены, то слѣдовательно все, что будетъ произведено, будетъ потреблено.

Это грубое и поверхностное изслѣдованіе, которое получило сильное распространеніе со страницъ Ад. Смита и МакъКуллоха, было принято позднѣйшими англійскими экономистами, которые, къ несчастью, совершенно не обратили вниманія, основываются ли ихъ опроверженія на промышленныхъ фактахъ или нѣтъ.

Такъ какъ торговлю можно къ концу концовъ свести къ обмѣну товаровъ на товары, то очевидно, что каждое увеличеніе въ производствѣ означаетъ соотвѣтственное увеличеніе въ силѣ потребленія. Разъ въ каждомъ обществѣ существуетъ цѣлая масса неудовлетворенныхъ потребностей, то непремѣнно существуетъ желаніе потребить все то, что

можетъ быть произведено. Но ошибка, заключающаяся въ утвержденіи, что переснабженіе невозможно, состоитъ въ положеніи, что сила потребленія и желаніе потреблять необходимо существуютъ одновременно въ одной и то же личности.

Когда бываетъ переполненіе рынка хлопчато-бумажными издѣліями, вызванными бо̀льшимъ приложеніемъ машинъ, то прядильщики и фабриканты имѣютъ возможность потреблять все, что̀ произведено, между тѣмъ какъ масса голодающихъ бѣдно одѣтыхъ людей въ Россіи, Лондонѣ, даже Манчестерѣ имѣли бы, пожалуй, желаніе потреблять эти продукты. Но такъ какъ эти послѣдніе не собственники всего того, что̀ хотѣли бы потреблять или чѣмъ желали бы владѣть прядильщики и фабриканты, то не можетъ произойти между ними никакого обмѣна товаровъ на товары. Но, можно сказать, что если производители Ланкашира хотятъ что-нибудь потребить, то тѣ, которые производятъ продукты, соотвѣтствующіе ихъ потребностямъ, будутъ имѣть силу, а можетъ быть и желаніе потреблять больше хлопчато-бумажныхъ издѣлій, или во всякомъ случаѣ желаніе потреблять кое-что, произведенное другими, которые будутъ имѣть въ свою очередь силу и желаніе потребить хлопчато-бумажныя издѣлія. Такимъ образомъ, можно сказать, необходимо произойдетъ непрямой обмѣнъ товаровъ на товары. Но этотъ аргументъ основывается на томъ, что производители Ланкашира желаютъ потреблять количество товаровъ, эквивалентное той суммѣ товаровъ, которую они производятъ. Но допустимъ, что они этого не желаютъ. Возражать, что человѣческія желанія неограничены и что слѣдовательно каждый, имѣющій возможность потреблять, долженъ имѣть и желаніе потреблять, не вѣрно. Для того, чтобы способствовать постоянному производству, желаніе потреблять должно быть желаніемъ потреблять *теперь*, потреблять безпрерывно и въ такомъ размѣрѣ, который бы соотвѣтствовалъ силѣ потребленія. Возьмемъ для примѣра промышленность Ланкашира. Очевидно, что въ промышленностѝ Ланкашира не могло бы быть избыточнаго капитала и труда, если бъ только бумагопрядильщики, фабриканты и ихъ рабочіе увеличивали бы свое собственное потребленіе хлопчато-бумажныхъ издѣлій въ соотвѣтствіи съ увеличеніемъ вырабатываемаго продукта.

Но если они этого не могутъ дѣлать, имъ остается только держать свой капиталъ и трудъ занятыми въ производствѣ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы побуждать другихъ увеличивать потребленіе хлопчато-бумажныхъ издѣлій. Какимъ же образомъ они могутъ этого достигнуть?

Если вмѣсто того, чтобы желать потреблять больше хлопчато-бумажныхъ издѣлій, ланкаширскіе работодатели и рабочіе желали бы потреблять и въ дѣйствительности потребляли бы больше желѣзныхъ издѣлій, домовъ, вина и т. п., то увеличенное потребленіе этихъ продуктовъ подняло бы ихъ цѣны, стимулировало бы ихъ производство и этимъ увеличило бы покупательную силу капиталистовъ и рабочихъ, занятыхъ въ производствѣ желѣзныхъ издѣлій, домовъ, вина и т. п., и дало бы имъ возможность потреблять больше хлопчато-бумажныхъ издѣлій, и если они дѣйствительно пожелаютъ это сдѣлать, то ихъ болѣе сильный спросъ удержитъ капиталъ и трудъ занятыми въ ланкаширской промышленности.

Но если вмѣсто того, чтобы пойти по описанному пути, ланкаширскіе капиталисты и рабочіе не захотятъ потреблять ни хлопчато-бумажныхъ издѣлій, ни чего-нибудь другого, но постараются *сберегать* и заводить больше фабрикъ, чтобы приготовлять больше пряжи и ткани, то они скоро убѣдятся, что ихъ попытку совершенно невозможно осуществить. Ихъ новый капиталъ и трудъ, приложенный къ нему, могутъ быть заняты въ производствѣ только при томъ условіи, если они или другіе увеличатъ потребленіе хлопчато-бумажныхъ издѣлій. Они сами ex hypothesi не сдѣлаютъ этого, и если капиталисты и рабочіе, занятые при постройкѣ новыхъ фабрикъ и т. п., согласятся это сдѣлать, то это только отодвинетъ затрудненіе; развѣ только мы предположимъ, во-первыхъ, непрерывное созиданіе новыхъ фабрикъ и, во-вторыхъ, что тѣ, которые строятъ эти новыя фабрики, будутъ тратить всю прибыль и заработную плату на покупку хлопчато-бумажныхъ издѣлій, что было бы reductio ad absurdum. Другими словами, капиталисты и рабочіе хлопчато-бумажныхъ издѣлій могутъ усиливать сбереженіе и тратить его на увеличеніе количества занятаго капитала и труда только въ томъ случаѣ, если тѣ, которые участвуютъ въ созиданіи и веденіи новыхъ фабрикъ, будутъ тратить весь свой доходъ на увеличеніе спроса на хлопчато-бумаж-

ныя издѣлія, или если другіе будутъ уменьшать часть доходовъ, которую они до сихъ поръ сберегали, и будутъ ее тратить на увеличеніе спроса на эти издѣлія.

Если тѣ же мотивы, которые побуждали ланкаширскихъ капиталистовъ и рабочихъ не увеличивать своего потребленія въ соотвѣтствіи со скоростью производства, будутъ преобладать вездѣ, то ясно, что капиталъ и трудъ будутъ лежать праздными, потому что тѣ, которые въ состояніи потреблять то, что производятъ, не хотятъ этого дѣлать или хотятъ откладывать потребленіе, т. е. сберегать.

Процессъ „сбереженія“ не пользуется особеннымъ вниманіемъ со стороны писателей по политической экономіи. Джевонсъ, повидимому, былъ того мнѣнія, что излишняя пища и другіе необходимые потребляемые продукты, въ чьихъ бы рукахъ они бы ни были, составляютъ самый вѣрный фондъ капитала въ каждомъ обществѣ и въ какое бы то ни было время. Сэджвикъ также держится того мнѣнія, что всѣ „сбереженія“ прежде всего составляютъ „пищу“. Что это совершенно не такъ, мы увидимъ изъ слѣдующаго примѣра: человѣкъ, удовлетворяющій самъ своимъ потребностямъ, производитъ ежедневно для своего ежедневнаго потребленія извѣстное количество пищи, которое мы обозначимъ числомъ 10, изъ которыхъ 5 ему необходимо для потребленія, а 5 другихъ частей составляютъ излишекъ.

Положимъ, что этотъ человѣкъ, работая примитивными орудіями, изобрѣтаетъ новый инструментъ, который въ значительной степени облегчитъ его трудъ, но производство котораго ему будетъ стоить четыре дня. Передъ нимъ открываются три пути. Онъ могъ бы тратить половину рабочаго дня для созданія необходимыхъ средствъ потребленія, а вторую часть дня онъ могъ бы посвятить на изготовленіе инструмента, который онъ могъ бы окончить въ 8 дней. Или онъ можетъ удлинить свой рабочій день на одну четверть, во время которой онъ займется приготовленіемъ новаго инструмента, который онъ кончитъ въ 16 дней. Или, наконецъ, онъ можетъ продолжать производить свои продукты потребленія, какъ раньше, и, потребляя только одну половину продуктовъ, сберегать остальную часть въ продолженіе 8 дней, до тѣхъ поръ пока, у него будетъ достаточный фондъ для своего прокормленія въ слѣдующіе 4 дня, которые онъ потратитъ на производство но-

ваго инструмента. Если онъ выбираетъ первый путь, онъ только измѣняетъ характеръ своего производства, производя во время одной части своего рабочаго дня будущіе продукты, вмѣсто продуктовъ непосредственнаго потребленія. При второмъ пути онъ создаетъ будущіе продукты, удлиняя свой рабочій день. Только въ третьемъ случаѣ его „сбереженія“ или новый капиталъ принимаютъ первую форму пищи.

Такимъ же образомъ и общество, стараясь ввести болѣе „окольный“ способъ производства, требующій приложенія новыхъ инструментовъ, или же стараясь ввести новую серію производительныхъ процессовъ съ цѣлью удовлетворить какой-нибудь новой потребности, можетъ этого достигнуть или посредствомъ „сбереженія“ пищи и т. п., или же измѣненіемъ на нѣкоторое время характера производства, или, наконецъ, посредствомъ прибавочнаго труда. Такимъ образомъ, новый капиталъ съ точки зрѣнія одного лица или цѣлаго общества можетъ проявиться въ формѣ „пищи“ или какой-нибудь другой матеріальной формѣ. Разъ „сбереженія“ (savings) не должны обязательно принять форму пищи или форму другихъ продуктовъ, годныхъ для непосредственнаго потребленія, то Ад. Смитъ и Милль совершенно несправедливы, когда они почти одинаковыми [1]) словами выражаютъ, что то, что̀ сберегается, необходимо потребляется, и потребляется при этомъ такъ же быстро, какъ то, что̀ тратится. Антитеза между сбереженіемъ и тратой показываетъ, что эти писатели и большинство англійскихъ экономистовъ, которые слѣдуютъ за ними, глубоко ошибаются въ томъ, что разсматриваютъ „сбереженіе“, какъ производительную трату денегъ, и не идутъ дальше того финансоваго понятія о сбереженіи, какъ о собираніи денегъ въ банкахъ.

Болѣе точный анализъ „сбереженія“ приводитъ насъ къ тому выводу, что, за исключеніемъ тѣхъ простыхъ слу-

[1]) «То, что̀ ежегодно сберегается, потребляется такъ же правильно, какъ то, что̀ ежегодно тратится и такъ же въ одинаковое время, но потребляется различной частью общества». (Wealth of Nations, p. 149*b*, M'Culloch).

„Все, что производится, потребляется; оба—и то, что̀ сберегается, и все, что̀ потребляется, тратится, и первое такъ же быстро, какъ и послѣднее“. (Principles of Political Economy, Book I, chap. V sec. 6).

чаевъ, взятыхъ въ нашемъ вышеприведенномъ примѣрѣ, гдѣ „сбереженіе“ предполагаетъ удержаніе продуктовъ отъ настоящаго потребленія, всякое сбереженіе въ сложномъ обществѣ означаетъ возникновеніе такихъ формъ капитала, которыя по существу совершенно не приспособлены къ потребленію въ настоящее время, то есть къ возникновенію будущихъ или производительныхъ товаровъ. Каждый членъ промышленнаго общества получаетъ денежный доходъ, равный рыночному эквиваленту стоимости продуктовъ или услугъ, необходимыхъ при производствѣ, какъ земля, капиталъ и трудъ, которымъ онъ владѣетъ.

Каждый фунтъ стерлинговъ въ видѣ дохода предполагаетъ собою созданное уже до этого соотвѣтствующее количество вещественнаго или невещественнаго богатства. Возьмемъ для примѣра, что А есть собственникъ средствъ производства и получаетъ 500 фунтовъ стерлинговъ въ годъ дохода въ видѣ еженедѣльныхъ уплатъ въ 10 ф. ст. Прежде чѣмъ онъ получаетъ свои 10 ф. ст., онъ долженъ былъ уже заранѣе способствовать возникновенію извѣстнаго количества богатства, которое, если оно составляло матеріальное богатство, то оно можетъ, а можетъ и не существовать уже, если же оно состояло изъ услугъ, то онѣ могли быть уже потреблены. Итакъ очевидно, что А можетъ потреблять каждую недѣлю 10 ф. ст., соотвѣтствующихъ данному количеству произведенныхъ продуктовъ и услугъ, совершенно не измѣняя этимъ общаго состоянія общественнаго богатства.

Но А соглашается потреблять каждую недѣлю только 5 фунтовъ, равныхъ извѣстному количеству товаровъ и услугъ, а остальные 5 кладетъ въ банкъ. Что же теперь произойдетъ съ тѣми пятью фунтами, которые А отказывается потреблять? Продолжаютъ ли они существовать до тѣхъ поръ, пока А даютъ въ кредитъ столько денегъ, сколько представляетъ собою его сбереженіе; если такъ, то въ какой формѣ? Другими словами, что въ дѣйствительности происходитъ въ коммерческомъ мірѣ, когда денежный доходъ сберегается, какія другіе промышленные факты находятся позади того финансоваго факта, что А кладетъ часть своего дохода въ банкъ, какъ „сбереженіе“?

На этотъ вопросъ могутъ послѣдовать различные отвѣты:

1) B, расточительный собственникъ земли и капитала, желающій тратить больше, чѣмъ его доходъ, сумѣетъ занимать въ банкѣ каждые пять фунтовъ, которые влагаетъ туда A, заложивъ свою собственность. Въ этомъ случаѣ B тратитъ столько, сколько могъ бы потратить A; собственность B (можетъ быть, его первое сбереженіе) попадаетъ въ руки A. A лично осуществилъ „сбереженіе“, выраженное въ осязаемой собственности, но по отношенію къ обществу тутъ не произошло никакого сбереженія, ни дѣйствительнаго, ни кажущагося.

2) C, нечестный агентъ какой-нибудь компаніи, можетъ захватить сберегаемыя деньги A и можетъ ихъ тратить на удовольствіе, потребляя продукты и услуги, которые A могъ потреблять, и при этомъ даетъ A «бумаги», которыя будутъ означать „сбереженія“ A. Въ данномъ случаѣ A не дѣлалъ никакого „сбереженія“. Съ точки зрѣнія общества, здѣсь нѣтъ никакого „сбереженія“ (C потреблялъ вмѣсто A), но разъ эти „акціи“ имѣютъ рыночную цѣну, то кажется, что „сбереженіе“ произошло. Къ этой категоріи относится то „сбереженіе“, которое получится, если A дастъ свои деньги взаймы правительству, которое тратитъ ихъ на издержки войны. Съ точки зрѣнія общества, здѣсь нѣтъ никакого „сбереженія“ (развѣ только, если предполагается, что война дастъ новыя источники богатства), но бумажныя акціи A представляютъ собою его индивидуальное „сбереженіе“. „Сбереженія“ A вполнѣ уравновѣшиваются общими расходами общества, взятаго въ его цѣломъ, при этомъ A получаетъ закладную на собственность общества [1]).

3) D и E фабриканты или торговцы, занятые производствомъ роскоши, которую A покупалъ на свои 5 фунтовъ до того, какъ онъ началъ ихъ сберегать; но послѣ этого, замѣчая, что они меньше начинаютъ торговать и принужденные прибѣгать къ займу, они занимаютъ „сбереженія“ A, чтобы быть въ состояніи продолжать свои промышленныя операціи, и отдаютъ въ закладъ свои орудія и товары A. Но разъ они только благодаря помощи со стороны A въ состояніи продолжать производство, то, что они производятъ, есть пере-

[1]) Глубокій анализъ природы „бумажныхъ сбереженій“ мы находимъ у Mr. J. M. Robertson's Fallacy of Saving. (Sonnenshein).

снабженіе, не требуемое для удовлетворенія текущаго потребленія, принимая, конечно, что отношеніе между тратой и сбереженіемъ у другихъ членовъ общества остается неизмѣннымъ. Это переснабженіе представляетъ собой матеріальное овеществленіе сбереженій А. Насколько касается дѣйствительнаго капитала, то актъ „сбереженія" А не произвелъ никакого увеличенія, а скорѣе уменьшеніе, потому что рядомъ съ чистымъ уменьшеніемъ потребленія предметовъ роскоши со стороны общества, вызваннымъ поступкомъ А. происходитъ также паденіе стоимости капитала, занятаго въ различныхъ процессахъ производства предметовъ роскоши, при томъ это паденіе не вознаграждается никакимъ другимъ ростомъ стоимостей. Но „сбереженія" А вызвали новыя формы капитала, которыя только кажутся капиталомъ, а въ самомъ дѣлѣ представляютъ собой переснабженіе. Эти пустыя формы представляютъ собой „сбереженіе" А. Конечно, А, вполнѣ знакомый съ положеніемъ дѣлъ, будетъ давать взаймы Д и Е не больше, чѣмъ составляетъ сумма ихъ заложеннаго капитала. Когда Д и Е дошли до этого пункта, они не могутъ больше получать займовъ, и ихъ товаръ и орудія перейдутъ въ руки А. Съ точки зрѣнія общества дѣйствіе А повлекло за собой созданіе цѣлаго ряда матеріальныхъ формъ капитала, которыя, пока продолжаются существующія отношенія между производствомъ общества и его потребленіемъ, будутъ составлять переснабженіе.

4) А можетъ передать свои еженедѣльные пять долларовъ F подъ обезпеченіе. Посредствомъ покупки F получаетъ товары, которые А отказался употреблять, и онъ можетъ употребить ихъ (или ихъ эквивалентъ въ какихъ-нибудь другихъ матеріальныхъ формахъ), какъ капиталъ для дальнѣйшаго производства. Если F можетъ своимъ капиталомъ способствовать производству продуктовъ, потребленіе которыхъ увеличилось, или такихъ продуктовъ, которые вызываютъ или удовлетворяютъ какой-нибудь новой потребности, тогда поступокъ А кончится сбереженіемъ съ точки зрѣнія общества,—т. е. реальный капиталъ увеличится; формы капитала, которыя иначе представляли бы собой переснабженіе, одушевляются духомъ экономической жизни, вызванной увеличеніемъ общаго потребленія. Вопросъ о томъ, могли ли товары, отъ которыхъ А отказался, превра-

титься въ дѣйствующій капиталъ, не представляетъ собой никакой трудности. Вещи, отъ которыхъ онъ отказался, были предметами роскоши и услугами, но онъ могъ измѣнить ихъ въ дѣйствующій капиталъ слѣдующимъ образомъ: рѣшая потреблять съ даннаго времени только часть своего дохода, онъ могъ бы свободно употреблять половину своихъ средствъ производства на то, чтобы завести новыя предпріятія. Дѣлаетъ ли онъ это самъ, или побуждаетъ F это сдѣлать,—не мѣняетъ дѣла, разъ только это сдѣлано; такимъ образомъ, учрежденіемъ новыхъ формъ полезнаго капитала А можетъ извлекать пользу изъ своихъ сбереженій, принимая, конечно, что существуетъ общее увеличеніе потребленія. Вотъ четыре возможныхъ эффекта сбереженій А съ точки зрѣнія общества:

1) Никакихъ сбереженій.
2) Фальшивыя или бумажныя „сбереженія".
3) Переснабженіе формъ капитала.
4) Увеличеніе дѣйствительнаго капитала.

Оказывается такимъ образомъ, что каждый актъ, который въ современномъ промышленномъ обществѣ называется сбереженіемъ съ точки зрѣнія всего общества, а не только переходъ траты отъ одной личности къ другой, состоитъ въ производствѣ такихъ товаровъ, которые по своей природѣ или положенію не годятся для потребленія въ настоящее время.

Анализъ „сбереженія" показываетъ, что Милль сдѣлалъ двойную ошибку, говоря, что „все, что производится, потребляется—какъ то, что сберегается, такъ и то, что расходуется на личныя нужды, и первое такъ же быстро, какъ и послѣднее". Во-первыхъ, показавъ, что сбереженіе съ точки зрѣнія общества обыкновенно означаетъ собой производство чего-либо, что не можетъ быть потреблено въ настоящее время, мы вмѣстѣ съ тѣмъ доказали, что если даже то, что сберегается, и потребляется, то оно не такъ быстро потребляется, какъ то, что расходуется на личныя нужды. Милль, повидимому, думалъ, что сберегается одна только пища, платье и такъ называемые готовые продукты, потому что сбереженіе было для него не процессомъ, но отрицательнымъ актомъ, состоящимъ въ отказѣ покупать. Такъ какъ человѣкъ, который сберегаетъ, владѣетъ большимъ количествомъ пищи, которую онъ можетъ передавать

своимъ рабочимъ въ видѣ заработной платы, то Милль полагаетъ, что общество, которое сберегаетъ, будетъ имѣть свои сбереженія въ этой формѣ; но мы видѣли, что это не вѣрно. Если даже въ первобытномъ обществѣ излишняя пища и есть первая форма сбереженія, то существенная черта этого сбереженія будетъ состоять въ томъ, чтобы эта пища не потреблялась сейчасъ, какъ она готова. Короче, идея Милля состояла въ томъ, что „сбереженія“ непремѣнно должны состоять изъ пищи, платья и тому подобныхъ предметовъ, которые въ концѣ концовъ не откладываются въ сторону, а отдаются другимъ для потребленія. Онъ не замѣчаетъ, что личность, которая сберегаетъ съ общественной, а не съ индивидуальной точки зрѣнія, по необходимости производитъ нѣчто, которое ни онъ, ни кто-либо другой не потребляетъ сразу, какъ, напр., локомотивы, куски кожи и т. п. Ясно, что „сбереженіе“, которое представляетъ собой только переходъ траты отъ А къ Б, не есть сбереженіе съ точки зрѣнія общества, къ которому оба А и Б принадлежатъ. Если А, о которомъ говорятъ, что онъ сберегаетъ, платитъ заработную плату Б, строющему машину, которая иначе не была бы сдѣлана, то сбереженіе происходитъ только тогда, когда машина уже сдѣлана, а не до этого. Хотя Милль, повидимому, не разсматриваетъ въ пятой главѣ первой книги увеличенія орудій, машинъ и т. д., какъ „сбереженіе“, но скорѣе какъ нѣчто такое, съ которымъ „сбереженія“ могутъ обмѣняться, болѣе ходячій взглядъ экономистовъ на „сбереженія“ включаетъ сюда также часть орудій и сырого матеріала и т. д. и разсматриваетъ его обработку въ готовые продукты, какъ потребленіе. Но хотя на обыденномъ языкѣ промышленности обработка хлопчатобумажной пряжи и называется потребленіемъ, никто не употребитъ тѣхъ же выраженій относительно машинъ, и ни одинъ предприниматель не согласится, чтобы его капиталъ потреблялся изнашиваніемъ машины и періодически замѣнялся бы сбереженіями. Изнашиваніе даннаго матеріальнаго овеществленія капитала автоматически поправляется процессомъ, который въ промышленномъ и экономическомъ смыслѣ не есть сбереженіе. Ни одинъ фабрикантъ не разсматриваетъ расходы на поддержаніе существующихъ орудій, какъ сбереженіе; только то, что онъ вкладываетъ въ новыя орудія, онъ считаетъ „сбереженіемъ“. Не мѣшало

бы экономистамъ ясно сознавать, что этотъ промышленный взглядъ на капиталъ и есть самый послѣдовательный научный взглядъ. „Сбереженіемъ“ мы такимъ образомъ будемъ называть только такое увеличеніе производства орудій и товаровъ, которое послѣ дастъ увеличеніе суммы предметовъ потребленія, допуская, конечно, что общество готово ихъ потреблять. „Сбереженіе“ есть откладываемое потребленіе, т. е. производство „будущихъ товаровъ“, орудій, машинъ, сырыхъ матеріаловъ въ ихъ различныхъ стадіяхъ, а не товаровъ, годныхъ для непосредственнаго потребленія.

Есть двѣ причины, побуждающія человѣка продолжать производство: одна состоитъ въ желаніи потреблять, а другая въ желаніи сберегать, т. е. откладывать потребленіе Конечно, вѣрно, что и мотивъ сбереженія можетъ состоять въ томъ, что личность хочетъ потреблять результаты своихъ сбереженій въ какое-нибудь будущее время, но первый мотивъ состоитъ въ желаніи сократить потребленіе товаровъ въ настоящее время и увеличивать количество будущаго потребленія.

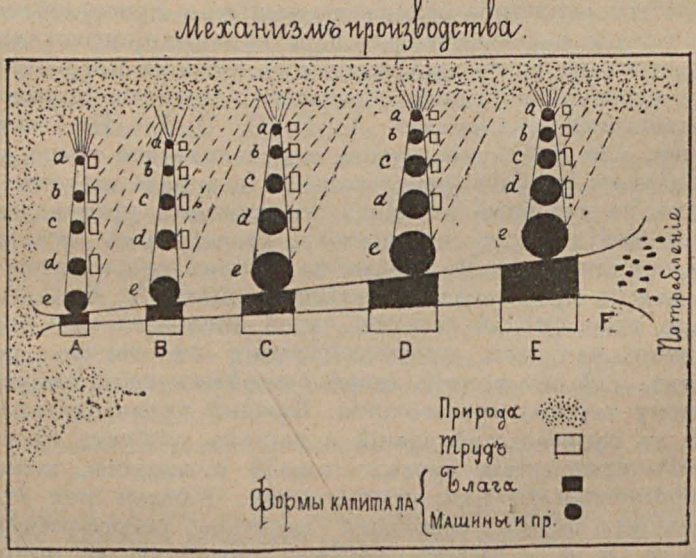
Этотъ-то аргументъ отвѣчаетъ на единственное предложеніе Милля, которое часто считаютъ, будто бы оно вполнѣ опровергаетъ понятіе о возможности переснабженія. „Ошибка заключается въ томъ, что не понимаютъ, что хотя каждый, у кого есть достаточныя покупательныя средства, *можетъ* вполнѣ удовлетворить свою потребность во всѣхъ возможныхъ продуктахъ, какіе ему только захочется; но тотъ фактъ, что производство все увеличивается, доказываетъ, что на самомъ дѣлѣ положеніе дѣлъ не таково“ [1]). Здѣсь принимается, что желаніе потреблять въ настоящее время то, что произведено, или эквивалентное этому, есть единственный мотивъ, побуждающій человѣка производить. То обстоятельство, что люди продолжаютъ производить, принимается какъ доказательство, что они „еще не вполнѣ удовлетворили свои потребности во всѣхъ возможныхъ вещахъ, какія имъ только хочется“. Если бы это было такъ, то это было бы окончательнымъ и рѣшительнымъ опроверженіемъ идеи о переснабженіи. Но если сберегать значитъ откладывать потребленіе, и желаніе сберегать, равно какъ и желаніе потреблять, есть настоящая причина производ-

[1]) Книга III, гл. XIV, § 3.

ства, тогда фактъ непрерывнаго производства не представляетъ собой доказательства, что подобное производство требуется для удовлетворенія какихъ-либо неудовлетворенныхъ личныхъ потребностей. Наконецъ вѣра, что кто-нибудь согласится потребить, что было произведено, есть тайна непрерывнаго производства со стороны „сберегающей личности“, но, какъ мы сейчасъ увидимъ, вѣра конкурирующаго производителя, что онъ найдетъ сбытъ для своихъ товаровъ, даже когда это на практикѣ осуществляется, не можетъ еще служить гарантіей противъ избыточнаго производства во всей промышленности.

Итакъ, если тѣ, которые въ состояніи потреблять въ настоящее время, желаютъ отложить свое потребленіе, они отказываются требовать предметы потребленія, и вмѣсто этого они производятъ излишекъ средствъ производства.

Слѣдующая діаграмма можетъ послужить иллюстраціей количественнаго несоотвѣтствія между потребленіемъ и сбе-

реженіемъ, составляющаго недопотребленіе (underconsumption), и которое находитъ свое выраженіе въ переснабженіи машинъ и средствъ производства.

A, B, C, D, E представляютъ собой различныя стадіи, черезъ которыя сырой матеріалъ, добываемый отъ природы, проходитъ на своемъ пути къ потребителю. Пять стадій представляютъ собой пять главныхъ процессовъ производства—процессъ добыванія, транспорта, обработки, оптовой и розничной продажи. Сырой матеріалъ, добываемый въ A, пшеница, кожа, желѣзо, лѣсъ, хлопокъ и т. д., добываемые въ различныхъ частяхъ свѣта, скопляются крупными количествами въ такихъ мѣстахъ, гдѣ они подвергаются различнымъ измѣненіямъ въ формѣ и характерѣ; они затѣмъ распредѣляются оптовыми и розничными торговцами, которые передаютъ ихъ личностямъ, которыя ихъ потребляютъ въ видѣ хлѣба, сапогъ, котловъ, стульевъ и рубахъ. Процессы добыванія, перевозки, обработки и продажи могутъ, конечно, быть подраздѣлены на многіе другіе сложные процессы, какъ это видно при производствѣ болѣе сложныхъ товаровъ. На каждомъ пунктѣ процесса производства должно находиться извѣстное количество машинъ и приспособленій, цѣль которыхъ способствовать передвиженію производимыхъ продуктовъ на шагъ дальше по ихъ пути къ потребленію. Этотъ основной капиталъ обозначенъ черными кружками, находящимися въ точкахъ A, B, C, D, E. Но каждая машина, или фабричное зданіе, или складочное мѣсто сами составляютъ крайній результатъ цѣлаго ряда шаговъ, похожихъ на подобные же шаги въ каждомъ производствѣ. Состоя изъ сырыхъ матеріаловъ, оторванныхъ отъ природы, машины и орудія создаются цѣлымъ рядомъ производительныхъ процессовъ, соотвѣтствующихъ A, B, C, D, E, прежде чѣмъ онѣ достигаютъ своей окончательной формы основного капитала, приспособленнаго къ такимъ положеніямъ, гдѣ онъ можетъ давать соотвѣтствующій импульсъ главному теченію производства. Каждый производительный шагъ въ производствѣ зданій и машинъ требуетъ въ свою очередь присутствія другихъ зданій и машинъ, которые способствовали бы ихъ производству. Каждая изъ этихъ вторичныхъ формъ основного капитала, расположенныхъ въ *a*, *b*, *c*, *d*, *e*, имѣетъ, конечно, подобную же исторію. Представить всю сложность только что указаннаго нами

механизма производства будетъ излишнимъ, такъ какъ оно будетъ только спутывать понятія и не будетъ служить никакой цѣли. Достаточно будетъ признать, что каждой точкѣ A, B, C, D, E и *a*, *b*, *c*, *d*, *e* соотвѣтствуетъ на перпендикулярныхъ линіяхъ соотвѣтственное количество основного капитала, которое постепенно изнашивается отъ труда, потраченнаго на передвиженіе продуктовъ A къ B и продуктовъ B къ C и т. д. Если мы теперь обратимся къ точкѣ F, гдѣ товары переходятъ отъ производительной машины въ руки потребителей, которые уничтожаютъ ихъ, извлекая изъ нихъ всю ихъ „полезность“ или удобства, то мы найдемъ въ этомъ потокѣ товаровъ изъ промышленной машины двигательную силу и регулятора дѣятельности всей машины.

Возьмемъ примѣръ изъ одной индустріи, напр., изъ сапожной промышленности. Число сапогъ и башмаковъ, которое потребители покупаютъ въ различныхъ лавкахъ и извлекаютъ ихъ этимъ изъ механизма въ точкѣ F, опредѣляетъ собой скорость, съ которой розничные торговцы требуютъ и извлекаютъ сапоги отъ оптовыхъ торговцевъ, принимая, простоты ради, что розничные торговцы имѣютъ дѣла съ фабрикантами черезъ купцовъ-посредниковъ. Если въ какое-нибудь время увеличивается продажа обуви въ розничныхъ лавкахъ, то увеличивается также спросъ на обувь у оптовыхъ торговцевъ, и наоборотъ. Количество товаровъ, которое розничные торговцы будутъ нормально держать для продажи, будетъ регулироваться спросомъ со стороны потребителей [1]). Такимъ образомъ потокъ обуви отъ D къ E и количество обуви, которое въ каждое данное время находится въ точкѣ E, опредѣляется спросомъ потребителей, т. е. количествомъ или скоростью потребленія. Если, благодаря невѣрному расчету, въ розничныхъ лавкахъ находится большее количество сапогъ, чѣмъ требуется для удовлетворенія текущаго потребленія, или если теченіе отъ

[1]) Количество товаровъ, которое мелкій розничный торговецъ держитъ для продажи, не будетъ однако пропорціонально общей суммѣ продажъ всѣхъ сортовъ товаровъ. Чтобы удержать своихъ кліентовъ и кредитъ, мелкій лавочникъ часто бываетъ принужденъ держать наготовѣ небольшой складъ разнообразныхъ товаровъ, которые и не часто спрашиваются. Если онъ продаетъ ихъ быстрѣе, онъ вовсе не необходимо увеличиваетъ свой складъ сейчасъ же.

D къ E быстрѣе, чѣмъ вытеканіе изъ E, то этотъ избытокъ считается переснабженіемъ этихъ формъ капитала. Подобно тому, какъ спросъ потребителей опредѣляетъ количество обуви, находящееся въ E, и теченіе отъ D къ E, точно такъ же спросъ розничныхъ продавцевъ опредѣляетъ количество обуви, которое въ каждое данное время должно быть наготовѣ у оптоваго торговца въ D, и количество и размѣръ заказовъ, которые послѣдніе дѣлаютъ у фабрикантовъ въ C. Точно такъ же бываетъ и съ первыми процессами производства: теченіе кожи отъ дубильщиковъ и количество кожи, находящейся въ складѣ, точно такъ же опредѣляется спросомъ со стороны фабрикантовъ; а перевозка шкуръ и коры и спросъ на эти матеріалы для дубленія будетъ регулироваться спросомъ со стороны дубильщиковъ. Такъ, количество товаровъ, находящихся въ каждой точкѣ A, B, C, D, E, и скорость, съ которой они переходятъ отъ одного пункта къ другому, зависитъ въ каждомъ данномъ случаѣ отъ спроса на слѣдующей стадіи. Изъ этого слѣдуетъ, что количество производимыхъ товаровъ, находящихся въ каждое данное время въ одномъ изъ пунктовъ, въ случаѣ производства обуви, и количество производительной работы, равно какъ и количество занятыхъ рабочихъ въ каждомъ пунктѣ опредѣляется количествомъ потребленія обуви. Если бы мы знали, сколько было сдѣлано покупокъ обуви въ какой-нибудь общинѣ въ данное время и также состояніе промышленнаго искусства въ различныхъ стадіяхъ производства, мы были бы въ состояніи точно вычислить, сколько готовыхъ товаровъ и сколько вспомогательнаго капитала требовалось въ каждомъ пунктѣ производства обуви. Въ каждое данное время потокъ потребленія, какъ онъ выражается въ F, опредѣляетъ количество экономически требуемыхъ товаровъ и орудій въ каждомъ пунктѣ A, B, C, D, E. Что вѣрно относительно производства обуви, вѣрно также относительно промышленности вообще. Если дано количество или скорость потребленія какого-нибудь товара, то можно также вычислить точно количество готовыхъ товаровъ и орудій, требующихся при данныхъ промышленныхъ условіяхъ, чтобы сохранить регулярное теченіе предметовъ потребленія; и всякое количество товаровъ или орудій выше этой нормы составляетъ потерянный капиталъ, или переснабженіе.

Г такимъ образомъ является количественныхъ регуляторомъ A, B, C, D, E. Вѣрность этого вывода не умаляется спекулятивнымъ характеромъ современной промышленности. Спекулирующіе купцы и фабриканты могутъ заводить свои предпріятія въ D или C и снабдить себя нужными товарами и машинами, чтобы начать свое дѣло, но если они не находятъ или не создаютъ увеличеннаго спроса со стороны потребителей, то ихъ капиталъ потерянъ или даже если имъ удается успѣть немного въ продажѣ, то это происходитъ на счетъ другихъ членовъ этой отрасли промышленности, и ихъ капиталъ дѣлается производительнымъ посредствомъ уничтоженія производительности капитала другихъ промышленниковъ.

Выводъ, къ которому мы пришли, а именно: что существуетъ точное количественное отношеніе между количествомъ товаровъ и орудій, необходимыхъ на различныхъ точкахъ A, B, C, D, E, и что количество экономически нужныхъ на каждомъ пунктѣ опредѣляется размѣромъ текущаго потребленія, кажется довольно очевиднымъ. Но хотя это никогда вполнѣ не отрицалось, тѣмъ не менѣе, заключенія, которыя дѣлались изъ нашего вывода, спутывались и затуманивались вслѣдствіе различныхъ понятій о капиталѣ, которыя имѣютъ различные политико-экономы.

Одна изъ главныхъ ошибокъ, при опредѣленіи капитала, заключается въ томъ, что не дѣлается яснаго различія между средствами производства и машинами (средствомъ для достиженія хозяйственной цѣли) и предметами потребленія (цѣлью хозяйственной дѣятельности). Двѣ ошибки вытекаютъ изъ включенія предметовъ потребленія въ понятіе капитала. Первая состоитъ въ смѣшеніи понятій коммерческой терминологіи, такъ какъ въ торговлѣ капиталомъ называютъ все то, что составляетъ готовый товаръ для продажи, равно какъ и орудія и приспособленія коммерческой фирмы; все же выходящее изъ этихъ предѣловъ не считается капиталомъ. Вторая ошибка заключается въ томъ, что если мы подъ капиталомъ будемъ понимать также пищу, находящуюся во владѣніи рабочихъ, или всякіе предметы потребленія вообще, то мы вмѣстѣ съ этимъ откажемся отъ понятія, что потребленіе есть экономическая цѣль, замѣщающая производство.

Если мы послѣдуемъ за Бэмъ-Баверкомъ и австрій-

скими экономистами и откажемся включать въ понятіе капитала [1]) предметы потребленія въ рукахъ рабочихъ, то мы установимъ такое опредѣленіе капитала, которое вполнѣ соотвѣтствуетъ общему понятію торговаго міра, и которое даетъ намъ возможность понять жизненныя отношенія между капиталомъ и трудомъ. Мы тогда увидимъ, что во всякой точкѣ промышленной машины капиталъ въ формѣ товаровъ или орудій черпаетъ свое значеніе и стоимость изъ того, что онъ способствуетъ цѣли экономической дѣятельности — потребленію, и въ своемъ размѣрѣ зависитъ отъ размѣра потребленія. Мы уже видѣли, что количество спроса является вѣрнымъ мѣриломъ количества капитала, необходимаго на каждой стадіи производства. Спросъ поэтому также опредѣляетъ собой количество богатства, которое можетъ функціонировать въ качествѣ полезныхъ формъ капитала въ данномъ обществѣ и въ данное время. Общая сумма товаровъ и орудій, составляющихъ матеріальныя формы капитала въ точкахъ A, B, C, D и E, должна въ правильно приспособленномъ состояніи промышленности находиться въ точномъ отношеніи къ потребленію, какъ оно выражается въ F. Если F увеличивается, то размѣръ формъ капитала въ A, B, C, D, E можетъ каждая въ отдѣльности, или всѣ вмѣстѣ, соотвѣтственно увеличиваться. Такъ какъ мы уже видѣли, что единственная цѣль сбереженія съ соціальной точки зрѣнія есть созданіе новыхъ формъ капитала въ одной изъ точекъ A, B, C, D, E, то ясно, что размѣръ полезнаго сбереженія ограничивается нормой потребленія, или, съ денежной точки зрѣнія, нормой „траты“. Когда въ обществѣ происходитъ улучшеніе въ общей производительной силѣ, то только часть этого приращенія можетъ экономически быть обращена въ „сбереженія“, т. е. пойти на увеличеніе формъ капитала, другая же часть должна идти на увеличеніе затратъ и на общій подъемъ потребленія.

Это наврядъ ли кто-либо будетъ отрицать, развѣ только тѣ, которые, все еще слѣдуя за Миллемъ, утверждаютъ, что все текущее потребленіе можетъ быть сбережено, за исключеніемъ той части, которая требуется для поддержанія

[1]) Böhm-Bawerk, Positive Theory of Capital, стр. 67. См. приложеніе первое.

труда въ его дѣйствіи; доктрина, которую онъ самъ довольно поверхностно обосновалъ, допуская, что увеличенныя сбереженія, которыя бы вытекали изъ подобной попытки, приняли бы форму предметовъ роскоши, потребляемыхъ рабочими, т. е. не были бы совершенно „сбереженіями“, но перенесеніемъ тратъ отъ одного класса къ другому [1]). Если подъ капиталомъ мы будемъ понимать коммерческій капиталъ, а подъ сбереженіемъ созданіе подобныхъ формъ капитала, то никто не будетъ отрицать, что количество сбереженій, которое общество можетъ въ данное время дѣлать, зависитъ отъ текущей нормы потребленія, или что всякое временное увеличеніе сбереженія оправдывается только соотвѣтствующимъ будущимъ увеличеніемъ нормы затратъ [2]).

Это всякій допускаетъ. Но иные возразятъ, что производство настолько же опредѣляетъ собой потребленіе, какъ потребленіе опредѣляетъ производство; по ихъ мнѣнію, всякое увеличеніе въ современныхъ „сбереженіяхъ“ и слѣдующее за этимъ увеличеніе числа орудій и товаровъ вызываетъ соотвѣтствующаго объема будущее потребленіе, которое соотвѣтствуетъ „сбереженію“. Это они утверждаютъ вопреки фактамъ, что при нормальномъ состояніи промышленности въ странахъ, гдѣ употребляются машины, бываетъ больше машинъ и больше труда, чѣмъ можетъ быть занято въ производствѣ, и что въ каждый десятилѣтній періодъ вся производительная сила современныхъ машинъ можетъ быть вполнѣ утилизирована только за самое короткое время, не смотря даже на увеличивающееся кровоиспусканіе, которому подвергается излишнее „сбереженіе“ махинаціями мошенническихъ компаній, въ которыхъ сбереженіе, сдѣланное глупыми, уравновѣшивается тратами хитрыхъ. Игнорируя тотъ фактъ, что сила, приписываемая увеличенному сбереженію вызывать увеличенное потребленіе, на самомъ дѣлѣ не дѣйствуетъ, они все

---

[1]) Principles of Political Economy, кн. I, гл. V, § 3; см. также кн. III, гл. XIV, § 3.

[2]) Нужно имѣть въ виду, что увеличенный размѣръ будущаго потребленія не необходимо вознаграждаетъ за нарушеніе текущаго баланса между тратой и сбереженіемъ, такъ какъ подобное вознагражденіе будетъ связано съ тратой увеличеннаго количества будущаго дохода.

еще придерживаются того, что не можетъ быть слишкомъ много сбереженія, въ виду того, что тенденція современной промышленности состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать производство все болѣе „окольнымъ“ (roundabout) въ своихъ методахъ и увеличивать такимъ образомъ поле для приложенія все новыхъ формъ капитала.

При современномъ машинномъ производствѣ, мы видимъ постоянное увеличеніе числа прямыхъ и косвенныхъ процессовъ, связанныхъ съ передвиженіемъ какого-нибудь класса товаровъ къ ихъ законченной формѣ. Все большее количество производительнаго труда и капитала тратится не на прямой горизонтальной линіи, но на перпендикулярныхъ линіяхъ, изображающихъ собой производство вспомогательныхъ машинъ. Все бо́льшія и бо́льшія сбереженія овеществляются въ формѣ машинъ для устройства машинъ и машинъ для остройства этихъ послѣднихъ, и такимъ образомъ періодъ времени, въ которомъ сбереженія окажутъ свое вліяніе на потребленіе, можетъ быть безконечно расширенъ.

Часть труда и капитала, потраченнаго на устройство гаваней, осушеніе земли, устройство научныхъ инструментовъ и на другія работы, характеръ которыхъ продолжителенъ и услуги которыхъ не прямыя, можетъ не выражаться въ предметахъ потребленія въ продолженіе столѣтій.

Но, разсуждая такимъ образомъ, можно спросить, существуютъ ли вообще границы современному сбереженію, если оно выражается только въ долговѣчныхъ формахъ капитала? Отвѣтъ ясенъ, что безконечное увеличеніе современнаго сбереженія можетъ быть оправдано только при двухъ условіяхъ. Во-первыхъ, неограниченная часть этого сбереженія должна быть овеществлена въ такихъ формахъ капитала, которыя практически не портятся; и, во-вторыхъ, мы должны быть въ состояніи предсказывать способы производства и потребленія, которые будутъ господствовать въ отдаленномъ будущемъ.

На самомъ дѣлѣ, ни то ни другое условіе не существуетъ. Сколько бы настоящаго сбереженія мы не помѣщали въ самыя долговѣчныя формы капитала, какія мы только знаемъ, какъ, напримѣръ, въ желѣзныя дороги, въ доки, въ осушеніе и улучшеніе почвы, крупная часть этого сбереженія будетъ потеряна, если потребленіе, для котораго

эти сбереженія назначены, отложено на слишкомъ долгое время [1]).

Мы также не можемъ предсказать съ какой-либо увѣренностью, что вся стоимость такихъ сбереженій не будетъ въ слѣдующее поколѣніе потеряна, вслѣдствіе какихъ-либо измѣненій въ промышленныхъ методахъ.

Количество современныхъ сбереженій, оправдываемыхъ съ точки зрѣнія общества, строго ограничено. Мы не можемъ предсказать спроса нашихъ потомковъ двадцатаго поколѣнія; мы даже не знаемъ, будетъ ли существовать двадцатое поколѣніе; откладываемое потребленіе связано съ нѣкоторыми крупными неизбѣжными потерями, вслѣдствіе порчи всѣхъ матеріальныхъ формъ богатства, или вслѣдствіе того, что ими воспользуются не тѣ, для которыхъ они назначены. Болѣе того, мы даже думаемъ, что будетъ не хорошо для нашихъ потомковъ наслаждаться излишнимъ богатствомъ безъ всякихъ производительныхъ попытокъ съ ихъ стороны; не было бы также хорошо для насъ тратить свои силы безъ приблизительнаго соотвѣтствующаго наслажденія. Границы личной жизни весьма законно требуютъ, чтобы большая часть личныхъ попытокъ приносила плодъ въ нашу же жизнь.

Есть такимъ образомъ практическія границы для количества сбереженій, которыя можно дѣлать съ пользой посредствомъ удлиненія промежутка между усиліемъ и наслажденіемъ. Если удлинить этотъ періодъ дальше извѣстнаго предѣла, то мы рискуемъ слишкомъ много потерять. Аналогія съ садоводствомъ, которую приводитъ Рёскинъ, вполнѣ вѣрная [2]). Подходящимъ уходомъ и срѣзываніемъ одной почки за другой, садовникъ можетъ увеличивать длину стебелька и величину цвѣтка. Можно сказать, что

---

[1]) Нужно имѣть въ виду, что многіе предметы полезности и наслажденія должны въ своихъ послѣднихъ процессахъ быть произведены для непосредственнаго потребленія. Сбереженіе портящихся товаровъ ограничивается сбереженіемъ болѣе долговѣчныхъ формъ машинъ, занятыхъ ихъ производствомъ, или въ немногихъ случаяхъ сбереженіемъ сырого матеріала. Точно также нельзя сберегать крупную часть того производительнаго труда, который мы называемъ личными услугами. Эти границы возможности сберегать весьма важны. Сколько бы мы ни жертвовали для будущаго поколѣнія, они не сумѣютъ вести праздную жизнь въ роскоши.

[2]) Ruskin, Unto this last, стр. 145.

онъ можетъ это дѣлать безконечно, но если онъ достаточно уменъ, то онъ знаетъ, что рискъ, которому онъ подвергаетъ растеніе, увеличивая его, не говоря уже объ уничтоженіи рано появившихся почекъ, ставитъ границу подобной операціи.

Та часть сбереженій, которая идетъ на созданіе формъ капитала, несущихъ поздніе плоды, бываетъ различна съ различіемъ въ развитіи промышленныхъ искусствъ, равно какъ съ различіемъ въ осмотрительности и нравственномъ характерѣ расы или поколѣнія. По мѣрѣ того, какъ наша цивилизація подвигается впередъ и спросъ на предметы роскоши, равно какъ и на искусства, которыя доставляютъ эти предметы роскоши, увеличивается, становится все болѣе и болѣе возможнымъ „окольный“ методъ производства, и по мѣрѣ, того какъ растетъ забота о будущемъ поколѣніи, все бо́льшій капиталъ будетъ помѣщаться въ такія формы, которыя принесутъ плодъ въ ихъ время. Но въ настоящее время существуетъ въ каждомъ обществѣ раціональный и необходимый предѣлъ количеству „сбереженій“, которое можно съ этой цѣлью дѣлать.

Далѣе, мы видимъ, что на самомъ дѣлѣ прибавочное сбереженіе надъ тѣмъ, что̀ необходимо для удовлетворенія текущаго потребленія, не поглощается только устройствомъ приспособленій для будущаго потребленія, т. е. расширеніемъ „окольнаго“ метода производства. Крупная часть этихъ сбереженій идетъ также на увеличеніе тѣхъ формъ капитала, которыя идутъ на вырабатываніе предметовъ потребленія въ настоящее время или въ самое близкое будущее. Умноженіе числа бумагопрядиленъ, бумажныхъ, пивоваренныхъ и желѣзныхъ мастерскихъ шло гораздо быстрѣе, чѣмъ ростъ текущаго потребленія. Это увеличеніе машиннаго производства не было на самомъ дѣлѣ въ состояніи вызвать такое увеличенное потребленіе, чтобы дать соотвѣтствующее занятіе этимъ новымъ формамъ машинъ и рабочимъ, которые готовы приложить свой трудъ къ нимъ.

Неправильно поэтому сказать, что норма производства также опредѣляетъ собой норму потребленія, какъ норма потребленія опредѣляетъ собой норму производства. Текущая производительная сила капитала и труда ставитъ максимальную границу текущему потребленію, но увеличеніе

производительной силы не въ состояніи вызвать соотвѣтствующій подъемъ потребленія. Подобно тому, какъ въ одной какой-нибудь данной отрасли промышленности, какъ, напр., въ ланкаширской хлопчато-бумажной отрасли, излишекъ въ сбереженіи можетъ быть приложенъ къ заведенію новыхъ фабрикъ и машинъ (которыя нельзя держать въ ходу, потому что нѣтъ рынка для вырабатываемыхъ ими продуктовъ), точно такъ же бываетъ въ промышленности вообще; невѣрно, что раздуваніе капитала въ ланкаширской промышленности вызвано недостаточнымъ капиталомъ въ другой отрасли промышленности. Въ періодъ застоя, подобно настоящему, въ каждой важной отрасли промышленности замѣчаются тѣ же симптомы излишнихъ орудій, переполненія товаровъ, неправильнаго и недостаточнаго занятія рабочей силы, хотя, конечно, не вездѣ въ одинаковыхъ размѣрахъ. A priori, тоже нѣтъ основанія, почему отъ времени до времени не должна происходить подобная неурядица. Если невѣжество и ложный расчетъ ведетъ къ помѣщенію слишкомъ большого капитала, скажемъ, въ хлопчато-бумажное и желѣзное производство, то почему не предполагать, что въ сложномъ индустріальномъ обществѣ должно случиться несоотвѣтствіе между сбереженіемъ и затратами, что въ данное время можетъ быть слишкомъ много сберегаемо. Обращаясь опять къ діаграммѣ промышленности, мы увидимъ, что, подобно тому, какъ мы допустили, что невѣрный расчетъ можетъ вызвать приложеніе слишкомъ большого капитала въ A, B или C, или слишкомъ малаго капитала въ какомъ-нибудь изъ тѣхъ пунктовъ производства, точно также можетъ случаться несоотвѣтствіе между A, B, C, D, E, между всѣми формами капитала, взятыми въ цѣломъ, и F, т. е. потребленіемъ, взятымъ въ цѣломъ, между „сбереженіемъ“ и тратой. Если же мы допускаемъ, что подобное несоотвѣтствіе можетъ случиться, то балансъ можетъ склониться только въ одну сторону. Принимая общество, какъ цѣлое, въ немъ не можетъ быть слишкомъ мало сбереженія для удовлетворенія своего текущаго потребленія, такъ какъ невозможно увеличивать норму потребленія F быстрѣе, чѣмъ увеличеніе нормы производства: всякое увеличеніе въ покупкахъ товаровъ стимулируетъ и напрягаетъ посредствомъ подъема цѣнъ и бо́льшей циркуляціи денегъ по путямъ производства мышцы производства,

и если существующія машины не достаточны для увеличеннаго производства, то оно даетъ двигательную силу для сбереженій. Никогда общество не можетъ потреблять быстрѣе, чѣмъ оно производитъ. Индивидуумъ можетъ это дѣлать, тратя свой капиталъ, нація можетъ это дѣлать на нѣкоторое время, потребляя свой капиталъ, давая другимъ народамъ посредствомъ увеличеннаго долга законное право на свое будущее богатство. Но все промышленное общество никогда не можетъ жить на свой капиталъ, оно никогда не можетъ въ буквальномъ смыслѣ слова „тратить слишкомъ много". Это утвержденіе требуетъ маленькой оговорки. Въ то время, какъ общество никогда не можетъ посредствомъ тратъ „опорожнять" свой капиталъ, въ то время, какъ оно никогда не можетъ увеличивать свои траты, не увеличивая въ то же время свой реальный капиталъ [1]), для прогрессивной націи будетъ несомнѣнно выгодно уменьшать на время свое потребленіе ниже нормальнаго уровня, чтобы полнѣе утилизировать новыя открытія въ промышленныхъ искусствахъ, что̀ выразится въ увеличеніи будущаго потребленія.

Но, допуская эту маленькую оговорку, конечно, вѣрно, что общество не можетъ тратить слишкомъ много. Но балансъ можетъ также склоняться въ другую сторону. Общество можетъ „сберегать слишкомъ много", т. е. оно можетъ заводить больше машинъ и вырабатывать больше товаровъ, чѣмъ нужно для удовлетворенія потребленія, въ настоящее время или въ близкое будущее. Что, напр., можетъ остановить общество, состоящее изъ огромнаго числа лицъ, не знающихъ ни поступковъ, ни желаній, ни намѣреній другъ друга, отъ дѣланія ошибочныхъ расчетовъ, которые повели бы этихъ людей къ тому, чтобы помѣщать больше капитала, чѣмъ требуется въ каждомъ изъ пунктовъ A, B, C, Д, E и во всѣхъ или почти во всѣхъ отрасляхъ промышленности.

---

[1]) Это не необходимо предполагаетъ стимулированіе новаго сбереженія. Большая неизмѣнность, придаваемая существующимъ формамъ капитала, увеличитъ количество реальнаго капитала, поскольку онъ выражается въ деньгахъ. Фабрики и машины, которыя не имѣютъ ни настоящаго, ни будущаго употребленія, не имѣютъ никакой стоимости и не увеличиваютъ реальнаго капитала, хотя онѣ овеществляютъ собой сбереженія.

Говорятъ, что гармонія общественныхъ интересовъ и собственные интересы индивидуумовъ будутъ этому препятствовать, или, другими словами, что индивиды скоро замѣтятъ, что, если они увеличатъ общую сумму капитала больше, чѣмъ требуется для удовлетворенія потребностей общества, они отъ этого совершенно не выиграютъ. Но посмотримъ, вѣрно ли это?

Индивидъ, работающій исключительно для себя и капиталъ котораго состоитъ въ орудіяхъ и въ сыромъ матеріалѣ для изготовленія нужныхъ ему предметовъ потребленія, никогда не увеличитъ число послѣднихъ больше, чѣмъ требуется. Соціалистическое общество, которое ведется правильно, никогда не увеличитъ безъ нужды число своихъ машинъ или количество сырыхъ и необработанныхъ товаровъ, такъ чтобы оставлять машины безъ всякаго употребленія или чтобы держать ихъ въ ходу полвремени, или наконецъ чтобы держать склады, полные ненужныхъ и портящихся товаровъ. Но когда есть конкуренція между интересами отдѣльныхъ личностей, тогда, конечно, нѣтъ никакаго ручательства за такое гармоническое производство.

Одной личности, можетъ быть, выгодно строить новыя фабрики и заводить новыя машины, тамъ, гдѣ обществу, если бы оно было собственникомъ средствъ производства, не стоило бы этого сдѣлать. Знаніе, что въ данную промышленность уже вложено достаточно капитала, чтобы вполнѣ снабдить все текущее потребленіе по прибыльнымъ цѣнамъ, не можетъ удержать новаго капиталиста отъ вложенія новаго капитала въ эту же отрасль, если онъ только имѣетъ основанія предполагать, что его капиталъ вытѣснитъ другой, существующій уже капиталъ, которымъ обладаютъ другіе. Если новый пришелецъ можетъ, благодаря лучшей промышленной ловкости, болѣе удачному рекламированію, бо́льшей „прижимкѣ“ своихъ рабочихъ, или какъ-нибудь иначе, захватить въ свои руки часть торговыхъ операцій, которая находилась въ рукахъ другихъ фирмъ, то ему будетъ выгодно строить новыя фабрики и обзаводить ихъ нужными машинами и взяться за обработку товаровъ. Теперь уже вѣрно есть больше велосипедныхъ мастерскихъ, чѣмъ требуется для снабженія потребностей общества. Но если какой-нибудь предприниматель in potentia думаетъ, что онъ сумѣетъ перехватить къ себѣ достаточное количество кліентовъ, онъ

выстроитъ новыя мастерскія и новыя машины, хотя его способы производства, равно какъ и товары, которые онъ вырабатываетъ, могутъ быть не лучше подобныхъ же издѣлій другихъ предпринимателей. Это вѣрно относительно всякой стадіи производства. Въ оптовой и розничной торговлѣ тотъ фактъ, что уже существуетъ достаточное количество складовъ и лавокъ, чтобы вполнѣ удовлетворительно снабжать товарами текущее потребленіе, никому не помѣшаетъ наполнять новыми сбереженіями еще больше лавокъ и складовъ, если только новый предприниматель надѣется быть въ состояніи забрать въ свои руки достаточное количесто торговыхъ операцій, которыя раньше попадали къ другимъ. Въ одномъ округѣ двѣ мелочныя лавки могутъ быть вполнѣ достаточны, чтобы удовлетворять потребностямъ населенія даннаго района при довольно сильной конкуренціи. Но если третій лавочникъ можетъ болѣе привлекательной выставкой на показъ своихъ товаровъ, болѣе заманчивыми ярлыками или болѣе ловкой фальсификаціей своихъ товаровъ переманить къ себѣ значительную часть кліентуры, то ему будетъ выгодно завести такую лавку, хотя ни промышленность, ни общество не выигрываютъ отъ введенія этой новой лавки.

Есть масса данныхъ, показывающихъ, что отдѣльный человѣкъ можетъ съ выгодой увеличивать машины для производства, даже тогда, когда нѣтъ основательныхъ видовъ на то, чтобы можно было употреблять въ производствѣ эти машины съ прибылью. Предприниматели единогласно признаютъ, что Ланкаширъ былъ переполненъ фабриками и машинами, которыя съ перваго взгляда казались, что не приносятъ прибыли. Результатомъ излишняго желанія откладывать потребленіе являются значительныя суммы денегъ, которыя не могутъ находить болѣе или менѣе прибыльнаго помѣщенія. Это является матеріаломъ въ рукахъ маклеровъ. При помощи ложныхъ обѣщаній барышей, маклеръ стягиваетъ эти деньги, съ нимъ же работаютъ строитель и архитекторъ, желающіе заручиться контрактомъ на устройство фабрики; въ сообществѣ съ ними дѣйствуютъ также различныя фирмы, производящія и доставляющія машины; котельщики и различнаго рода прилаживатели, а также адвокатская фирма, услуги которой требуются для того, чтобы поставить новое

заведеніе на основательную законную почву. Всѣ эти и многіе другіе классы людей заинтересованы въ томъ, чтобы втащить въ поле производства новыя формы капитала, совершенно независимо отъ того, нуждается ли въ нихъ промышленность или общество.

Эти операціи, предполагающія антагонизмъ между интересами индивидуума и интересами общества, проникаютъ всю современную торговлю, но онѣ преобладаютъ сильнѣе всего въ тѣхъ предпріятіяхъ, гдѣ сложныя машины играютъ самую выдающуюся роль, или гдѣ видныя публикаціи облегчаютъ новопришельцамъ доступъ въ новыя отрасли промышленности.

Въ каждомъ и во всѣхъ этихъ случаяхъ интересы индивида указываютъ ему на то, чтобы помѣщать свои новыя сбереженія въ новыя формы тѣхъ отраслей промышленности, гдѣ уже существуетъ достаточно капитала, чтобы въ полной мѣрѣ удовлетворять текущему потребленію. Что собственные интересы индивидуума служатъ экономической остановкой переснабженія, настолько невѣрно, что даже возможно, чтобы на каждой точкѣ производства A, B, C, D. E и во всѣхъ или въ большинствѣ индустрій былъ въ одно и то же время излишекъ формъ капитала, въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ требуется въ точкѣ F. Автоматическій ростъ мыльно-пузырныхъ (bubble) компаній и всякаго рода опрометчивыхъ и мошенническихъ помѣщеній капитала во время промышленнаго застоя можетъ служить доказательствомъ, что законныхъ помѣщеній для капитала больше нѣтъ, и что текущая норма сбереженій достигла такого предѣла, когда оно не нужно и вредно для хозяйственной жизни. Эти „пузырныя“ компаніи представляютъ собой просто наросты на промышленномъ тѣлѣ, свидѣтельствуя о медленной и нездоровой циркуляціи; это патологическія попытки „сбереженій“, которыя не нужны обществу и которыя никогда не слѣдовало бы имъ дѣлать, но, разъ сдѣланы, онѣ не должны были находить какого-либо промышленнаго употребленія. Когда такая „мыльно-пузырная“ компанія лопается, незнающіе люди думаютъ, что тѣ, которые вложили туда свои деньги, были глупые люди, которые могли искать и найти болѣе прибыльное помѣщеніе. Но и не глубокое изслѣдованіе покажетъ, что, когда эта компанія возникла, для внѣстоящей публики не предвидѣлось болѣе прибыль-

наго помѣщенія капитала, такъ какъ каждая вѣрная отрасль промышленности была уже вполнѣ снабжена капиталомъ.

На первый взглядъ можетъ показаться, что для новыхъ капиталовъ было открыто помѣщеніе въ государственныя процентныя бумаги, желѣзнодорожныя акціи и иные фонды и что глупость этихъ новыхъ предпринимателей состояла въ томъ, что они не предпочитали вѣрныхъ $2^1/_2\%$ прибыли рискованнымъ 5% прибыли. Но этотъ аргументъ есть опять-таки возвращеніе къ ложному индивидуалистическому взгляду. Нѣтъ сомнѣнія, что каждый новый сберегатель могъ покупать вѣрныя цѣнныя $2^1/_2\%$-ныя бумаги, но такъ какъ общая сумма такихъ вѣрно помѣщенныхъ капиталовъ не увеличилась бы этимъ, то это обозначало бы просто смѣщеніе одного капитала равнымъ количествомъ другого. А не можетъ покупать консоли, если В ихъ не продаетъ; поэтому общество, которому А и В принадлежатъ, не могло бы помѣщать новыхъ сбереженій въ консоли. Всякая попытка, въ широкомъ масштабѣ, со стороны тѣхъ, которые бросаютсявъ фальшивыя компаніи попробовать первоклассныя помѣщенія для капитала, повлекла бы за собой дальнѣйшее пониженіе процентовъ съ этихъ вѣрныхъ бумагъ еще ниже $2\frac{1}{2}\%$. Во многихъ случаяхъ предприниматель дѣйствуетъ разумно, предпочитая менѣе вѣроятную болѣе высокую прибыль, въ виду того, что $2\frac{1}{2}\%$-ная прибыль не соотвѣтствуетъ его потребностямъ. Нужно всегда имѣть въ виду, что, не смотря на то, что новый банкъ или новое строительное общество можетъ оказаться лишнимъ, потому что есть уже достаточно банковъ и строительныхъ обществъ, но это не исключаетъ того, чтобы новое предпріятіе оказалось успѣшнымъ.

Такимъ образомъ возраженіе, утверждающее, что пересбереженіе невозможно, въ виду того, что даже самое худшее на первый взглядъ помѣщеніе капитала должно быть производительнѣе, чѣмъ помѣщеніе капитала въ консоли, лишено основанія. Это было бы вѣрно, если предположить, что капиталъ передвигается съ полнѣйшей легкостью, что количество вѣрныхъ помѣщеній капитала можетъ быть расширено до безконечности и что новыя формы капитала никогда не могутъ вытѣснить или уничтожить старыя формы

капитала. Это, какъ мы видѣли, не вѣрно. Если бы существовала абсолютная свобода конкуренціи во всѣхъ формахъ капитала, то фактъ, что процентъ съ новыхъ предпріятій стоитъ выше нуля, былъ бы доказательствомъ, что не было излишка въ формахъ капитала. Капиталъ, повидимому, имѣетъ эту подвижность, если на него смотрѣть съ абстрактной финансовой точки зрѣнія. Человѣкъ, который сберегаетъ, повидимому, имѣетъ свои „сбереженія" въ формѣ банковаго кредита или другихъ денегъ, которыя онъ можетъ помѣщать куда и какъ ему угодно. Но, какъ мы уже видѣли, реальныя сбереженія, представляющія его производительное усиліе, плюсъ его воздержаніе, по необходимости овеществляются въ какой-нибудь матеріальной формѣ; поэтому они лишены той подвижности, которую они будто бы имѣютъ, когда они выражаются въ банковыхъ билетахъ.

Зло промышленнаго застоя или излишній ростъ формъ капитала, превышающій предѣлъ, который ставится потребленіемъ, кроется главнымъ образомъ въ свободной игрѣ личныхъ интересовъ, имѣющихъ мѣсто при развитіи машиннаго производства. Существенная неправильность изобрѣтенія, колебанія общественнаго вкуса, искусственное ограниченіе рынковъ,—всѣ эти условія даютъ возможность отдѣльнымъ капиталистамъ выигрывать на счетъ общества. Сумма частныхъ интересовъ отдѣльныхъ членовъ не составляетъ еще интереса общества. Всѣ эти виды борьбы индивидуальнаго интереса съ общественнымъ извлекаютъ свою силу изъ сложности современнаго капиталистическаго производства.

Считая неконтролируемый ростъ современныхъ машинъ болѣе всего отвѣтственнымъ за тотъ застой въ промышленности, который вытекаетъ изъ попытокъ посвящать слишкомъ много продуктивной силы общества на формы „сбереженія", намъ нужно ясно понять два пункта.

Во-первыхъ, не реальный капиталъ, а формы капитала производятся въ избыткѣ. Если въ Ланкаширѣ есть 500 бумагопрядиленъ въ то время, когда достаточно будетъ имѣть только 300, то уничтоженіе 200 фабрикъ ни на іоту не уменьшитъ количество реальнаго капитала. Если бы 200 прядиленъ сгорѣли, то хотя частные ихъ собственники потерпѣли бы сильную потерю, но эта потеря, насколько

она выражается въ деньгахъ, вознаградилась бы подъемомъ въ денежной стоимости другихъ прядиленъ. Количество реальнаго капитала въ бумагопрядильняхъ опредѣляется спросомъ на употребленіе этихъ формъ капитала, т. е. на потребленіе хлопчато-бумажныхъ издѣлій. Если 300 прядиленъ достаточно, чтобы снабжать пряжей всѣхъ ткацкихъ фабрикантовъ, то стоимость 500 прядиленъ будетъ не больше 300 прядиленъ; принимая, что каждая изъ этихъ 500 прядиленъ доставляетъ одинаковое количество товаровъ на рынокъ, то это будетъ только означать, что реальный капиталъ рѣдко разсѣянъ по 500 прядильнямъ, которыя могутъ работать только немного больше полувремени, не переполняя рынка, вмѣсто того, чтобы быть сконцентрированнымъ на 300 прядильняхъ, которыя работали бы полное время.

Обратимся опять къ діаграммѣ (см. стр. 207);

$$\frac{a\ b\ c\ d\ e}{\qquad\qquad} < f \text{ (потребленіе).}$$

f (текущая норма потребленія) опредѣляетъ собой количество реальной производительной силы капитала, которое можетъ быть занято въ каждой точкѣ a, b, c, d, e. Состояніе промышленныхъ искусствъ, включая также норму заработной платы и другія условія рабочаго рынка, опредѣляютъ собой, сколько формъ капитала (фабрикъ, складовъ, желѣзныхъ мастерскихъ, сырого матеріала и т. д.) требуется въ каждое данное время, чтобы овеществить этотъ капиталъ. Но хотя f обладаетъ экономической силой, чтобы вызвать къ существованію требуемый minimum этихъ формъ капитала, оно не въ состояніи препятствовать частнымъ интересамъ отъ превышенія этого минимума и отъ помѣщенія въ a, b, c, d, e больше формъ капитала, чѣмъ требуется.

Во-вторыхъ, перепроизводство представляетъ собою только внѣшнюю фазу или симптомъ настоящей болѣзни. Болѣзнь состоитъ въ недостаточномъ потребленіи или пересбереженіи. Одно предполагаетъ другое. Дѣйствительный ежегодный доходъ общества раздѣляется на двѣ части: одна, которая производится и потребляется, другая, которая производится и не потребляется, т. е. сберегается. Всякое нарушеніе въ должной экономической пропорціи этихъ двухъ частей означаетъ избытокъ одной и недостаточность другой. Всякое

недостаточное потребленіе предполагаетъ поэтому соотвѣтствующее пересбереженіе. Это пересбереженіе овеществляется въ избыткѣ машинъ и товаровъ надъ тѣмъ количествомъ, которое экономически требуется, чтобы поддерживать текущее потребленіе. Нужно однако помнить, что это пересбереженіе не измѣряется количествомъ новыхъ фабрикъ, машинъ и т. д., бросаемыхъ въ промышленность. Когда механизмъ промышленности уже совершенно переполненъ, пересбереженіе еще можетъ продолжаться, но оно будетъ выражаться прогрессивнымъ недопотребленіемъ существующихъ формъ капитала, недостаточнымъ занятіемъ капитала и труда, составляющимъ промышленный застой.

Увеличенное количество сбереженій требуется для снабженія заранѣе ожидаемаго увеличенія потребленія, вызваннаго ростомъ населенія или какой-нибудь другой причиной. Такое увеличенное сбереженіе не есть, конечно, пересбереженіе. Часть дохода, которую общество сберегаетъ, можетъ въ данное время вполнѣ законно увеличиваться и относительно, и абсолютно, если только это увеличенное сбереженіе будетъ въ близкомъ будущемъ потреблено. Если въ прогрессирующемъ обществѣ отношеніе сбереженія къ потребленію будетъ такое, что возможно будетъ держаться обыденнаго образа жизни при минимумѣ данныхъ формъ капитала, какъ 2 къ 10, то это отношеніе можетъ въ какой-нибудь годъ быть повышено до 3 къ 9, чтобы этимъ запастись на то время, когда сбереженіе упадетъ до 1 къ 11. Подобное увеличенное „сбереженіе“ не будетъ пересбереженіемъ; формы капитала, въ которыхъ оно воплощается, не будутъ конкурировать съ прежними, уже существующими формами, чтобы этимъ понижать рыночныя цѣны. Усилія, выражающіяся въ постоянномъ улучшеніи почвы, въ устройствѣ красивыхъ зданій, доковъ, желѣзныхъ дорогъ и т. д. для будущаго употребленія, дадутъ обществу возможность увеличивать пропорцію своихъ сбереженій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Но за такимъ сбереженіемъ должно послѣдовать увеличенное будущее потребленіе безъ соотвѣтствующаго увеличенія сбереженія. Мысль, что мы можемъ безконечно увеличивать пропорцію нашихъ сбереженій по отношенію къ нашему потребленію, будучи ограничены только предѣломъ нашихъ дѣйствительныхъ

потребностей, есть иллюзія, которая ставитъ производство цѣлью человѣческой дѣятельности вмѣсто потребленія.

Машины увеличили напряженность болѣзни недостаточнаго потребленія или пересбереженія, потому что онѣ увеличили возможность конфликтовъ частныхъ интересовъ съ общественными. Съ ускореніемъ конкуренціи въ машинной индустріи индивидуумамъ представляется все больше случаевъ воспользоваться своими новыми сбереженіями и сокращеніемъ старыхъ сбереженій другихъ; и такъ какъ все бо́льшая часть индустріи попадаетъ подъ власть машинъ, то это вытѣсненіе можетъ все чаще повторяться; борьба за свое существованіе между слабыми фирмами и старыми машинами, попытки усовершенствованныхъ машинъ найти сбытъ для увеличеннаго количества вырабатываемыхъ ими продуктовъ будутъ все чаще вызывать переполненіе, и слѣдующая за этимъ остановка производительной дѣятельности, лопаніе предпріятій, внезапное вытѣсненіе бо́льшихъ массъ труда,—словомъ, всѣ симптомы болѣзни „застоя“ появятся съ бо́льшей ядовитостью.

Нужно ясно понять, что причина кроется въ столкновеніи частныхъ интересовъ въ основанномъ на конкуренціи промышленномъ обществѣ, гдѣ частыя крупны́я и совершенно не контролируемыя дѣйствія современныхъ усовершенствованныхъ машинъ и способовъ производства даютъ то одной, то другой группѣ конкурентовъ временное преимущество въ борьбѣ. Раньше полагали, что эта укрѣпляющая конкуренція, эта свободная борьба частныхъ интересовъ будетъ въ состояніи выковать гармонію, что постоянное и разумное преслѣдованіе каждымъ своихъ частныхъ интересовъ составляетъ вѣрное основаніе промышленнаго порядка и вызываетъ самое выгодное распредѣленіе производительной силы въ обществѣ.

Теперь оказывается, что дѣло далеко не такъ, и что ошибка не заключается въ томъ, что индивидуумы не ясно понимаютъ, какъ работать въ пользу своихъ собственныхъ интересовъ; но причина всего зла заключается въ томъ, что нѣкоторыя личности или группы личностей въ состояніи удерживать за собой нѣкоторыя выгоды, вытекающія изъ улучшенныхъ способовъ производства, не взирая на интересы другихъ личностей или даже всего общества.

ПРИЛОЖЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Составляютъ ли товары въ рукахъ потребителей капиталъ?

На вопросъ о томъ, перестаютъ ли пища, платья и т. п. товары, бывшіе „капиталомъ“ до тѣхъ поръ, пока они находились у продавца, быть капиталомъ, какъ только они переходятъ въ руки потребителей, англійскіе экономисты рѣдко отвѣчали прямо. Джевонсъ былъ, пожалуй, первый, который ясно понялъ сущность вопроса.. Онъ пишетъ: „Я не могу согласиться съ мнѣніемъ, что въ тотъ моментъ, когда товары переходятъ въ руки потребителей, они теряютъ всѣ аттрибуты капитала. Эта доктрина пришла къ намъ отъ временъ Ад. Смита и она получила всеобщее согласіе всѣхъ его послѣдователей. Хотя Ад. Смитъ и не хотѣлъ признать продукты въ рукахъ потребителей капиталомъ, онъ позаботился однако о томъ, чтобы включить ихъ въ запасы всего общества“. (The Theory of Political Economy, 2-е изданіе, стр. 280).

Исторически это утвержденіе весьма ошибочно. Признавая необходимость отдѣлить предметы потребленія отъ предметовъ, служащихъ для полученія дохода, т. е. отъ коммерческаго капитала, Ад. Смитъ вполнѣ логически отдѣлилъ доходъ отъ капитала, какъ особый родъ общественыхъ запасовъ. Его послѣдователи однако сильно отличались другъ отъ друга во мнѣніяхъ объ этомъ вопросѣ и обыкновенно выражались довольно неясно. Вообще говоря, англійскіе экономисты первой половины нашего столѣтія включили нѣкоторые предметы потребленія, находящіеся въ рукахъ рабочихъ, въ понятіе капитала. Рикардо, напр., выражается слѣдующимъ образомъ: „Во всякомъ обществѣ капиталъ, занятый производствомъ, имѣетъ по необходимости ограниченную продолжительность. Пища и платье, которыя рабочій потребляетъ, зданія, гдѣ онъ работаетъ, орудія, помогающія его труду, всѣ они подвержены порчѣ. Всѣ эти различные капиталы могутъ однако просуществовать различное время. Паровикъ продержится дольше, чѣмъ корабль, а корабль больше, чѣмъ платье рабочаго, а его

платье больше, чѣмъ пища, которую онъ потребляетъ". (Principles of Political Economy, 1817 г., стр. 17). Послѣднее предложеніе ясно показываетъ, что онъ включаетъ въ капиталъ предметы потребленія въ рукахъ рабочаго. Макъ-Куллохъ опять-таки жалѣетъ, что Смитъ исключилъ „доходъ" изъ понятія капиталъ, настаивая на томъ, „что для того, чтобы назвать предметъ капиталомъ, достаточно, чтобы этотъ предметъ прямо способствовалъ поддержанію человѣка или помогалъ бы ему присвоить или производить товары", и онъ бы даже включилъ лошадь, впряженную „въ коляску джентельмена", въ капиталъ на томъ основаніи, что она „обладаетъ способностью помогать производству". (Principles of Political Economy, часть I гл. II § 3).

Мальтусъ, насколько мнѣ извѣстно, совершенно не касался этого вопроса. Одинъ только Джемсъ Милль среди экономистовъ начала XIX ст. ясно исключаетъ предметы потребленія рабочаго изъ капитала (Principles of Political Economy, гл. I, § 2). Джонъ Стюартъ Милль не ясно выражается объ этомъ предметѣ. Въ кн. I, гл. IV, § 1 пища, назначенная для потребленія производительными рабочими, повидимому, перестаетъ быть капиталомъ съ того момента, когда она уже присвоена рабочими для потребленія. Этотъ взглядъ однако оказывается не вполнѣ послѣдовательнымъ, по отношенію къ его позднѣйшему взгляду на безграничный характеръ сбереженій, которыя можно допустить только тогда, если смотрѣть на уплоченную уже заработную плату, какъ на капиталъ. Фосеттъ не ясенъ, но онъ склоненъ включать въ капиталъ пищу въ рукахъ потребителя, но исключать оттуда пищу въ рукахъ продавца. „Если человѣкъ имѣетъ много пшеницы, то это такое богатство, которое можетъ быть каждый моментъ обращено въ капиталъ; но эта пшеница не дѣлается капиталомъ, пока она только копится; она становится капиталомъ, когда она кормитъ рабочихъ, и она не можетъ кормить рабочихъ, если она не потребляется". (Manual of Political Economy, кн. I, гл. IV, стр. 29). Изъ послѣднихъ англійскихъ писателей Кэрнсъ, какъ и всѣ, придерживающіеся ученія о фондѣ заработной платы, не отвѣчаетъ ясно на этотъ вопросъ. „Перестаетъ ли пища и т. п. предметы, образующіе реальный фондъ заработной платы, составляющей одну часть капитала, быть капиталомъ, когда она дѣйствительно выплачивается въ видѣ за-

работной платы?" Онъ ходитъ кругомъ этого вопроса въ своихъ „Leading Principles", часть II, гл. I. Бонами Прайсъ включаетъ въ капиталъ также предметы потребленія. „Нужно замѣтить относительно всего этого капитала, этихъ матеріаловъ, орудій и предметовъ потребленія рабочихъ, что они всѣ потребляются въ процессѣ созданія богатства, нѣкоторые быстро, другіе медленно. Самая цѣль капитала такимъ образомъ состоитъ въ томъ, чтобы потребляться и уничтожаться; онъ пріобрѣтается съ этой именно цѣлью". (Practical Political Economy, стр. 103, 104). Такъ какъ, прибавляетъ онъ дальше, „продуктъ не можетъ быть объявленъ капиталомъ или не капиталомъ, пока не опредѣляется цѣль, для которой онъ назначенъ", то можетъ показаться, что мука въ рукахъ торговца не есть капиталъ, но она становится капиталомъ, когда она передается въ руки людей, которые производительно потребляютъ ее. Роджерсъ придерживается, повидимому, того же взгляда, считая пищу націи частью капитала, не взирая на то, въ чьихъ рукахъ она находится. (Political Economy, стр. 61). Профессоръ Сэджвикъ, повидимому, разсматриваетъ пищу, потребляемую производительными рабочими, какъ капиталъ. „Съ этой точки зрѣнія потребленіе рабочаго можетъ лишь постольку считаться капиталомъ, поскольку оно идетъ на увеличеніе производительности его труда (Principles of Political Economy, кн. I, гл. V).

Генералъ Уокеръ, какъ видно, считаетъ, что скопленная пища, употребляемая для поддержанія производительной работы, есть капиталъ, все равно, въ чьихъ рукахъ она ни находится (Political Economy, 2-е изд. § 87). Но онъ въ своей книгѣ занимается иллюстраціями изъ первобытнаго общества и, пожалуй, считаетъ, что пища, уплаченная въ видѣ заработной платы, перестала быть капиталомъ.

Гирнъ, напротивъ, ясно исключаетъ предметы потребленія. „Бычокъ, составляющій при жизни собственность откармливателя, а по смерти собственность мясника, не есть капиталъ, когда мясо достигаетъ потребителя (Plutology", стр. 135).

Профессоръ Маршалль придерживается торговаго опредѣленія промышленнаго капитала, включая въ это понятіе „тѣ внѣшніе предметы, которые личность употребляетъ въ своемъ предпріятіи, или непосредственно для продажи за

деньги, или же для того, чтобы производить продукты, которые будутъ проданы за деньги". Но переходя къ индивидууму, онъ называетъ предметы потребленія, которые даютъ ему возможность работать, „капиталомъ". „Нѣкоторое наслажденіе, конечно, извлекается изъ потребленія этихъ необходимыхъ средствъ къ существованію, которыя мы называемъ капиталомъ, но ихъ называютъ капиталомъ потому, что они даютъ возможность людямъ работать въ будущее время, а не потому, что они доставляютъ удовольствіе въ настоящее время". (Principles, 2-ое изд., стр. 125).

Эти примѣры показываютъ, что Джевонсъ ошибается, когда приписываетъ англійскимъ экономистамъ общее мнѣніе, что товары перестаютъ быть капиталомъ, когда они переходятъ въ руки потребителей. Примѣры эти также объясняютъ источникъ разногласія мнѣній по этому пункту и неясность выраженій. Экономисты, считающіе цѣлью промышленной дѣятельности доставку потребителямъ продуктовъ для удовлетворенія ихъ потребностей, разсматриваютъ „капиталъ", какъ удобный терминъ для опредѣленія тѣхъ формъ богатства, которыя служатъ средствомъ для этой цѣли, и потому логически исключаютъ всѣ продукты въ рукахъ потребителей изъ понятія капитала. Этотъ взглядъ совпадаетъ съ обиходнымъ торговымъ опредѣленіемъ, которое смотритъ на капиталъ не съ точки зрѣнія его производительности, а съ точки зрѣнія принесенія доходовъ. Съ другой стороны, тѣ экономисты, которые на самомъ дѣлѣ, хотя они сами, можетъ быть, и не сознаютъ этого, считаютъ производство цѣлью индустріи, подразумѣваютъ подъ капиталами всѣ формы матеріальнаго богатства, которыя служатъ средствомъ для этой цѣли, и потому включаютъ въ это понятіе пищу и т. п. предметы, потребляемые производительнымъ образомъ рабочими. Если мы будемъ считать работу въ отличіе отъ наслажденія цѣлью хозяйственной дѣятельности, то ясно, что нужно найти одинъ терминъ, который покрылъ бы всѣ формы матеріальнаго богатства, которыя служатъ для этой цѣли. Можно однако сожалѣть, что терминъ „капиталъ" сворачивается съ своего вполнѣ яснаго послѣдовательнаго торговаго значенія.

Кинсъ, предполагающій, что единственное затрудненіе въ опредѣленіи капитала вытекаетъ изъ различія между

индивидуальной точкой зрѣнія и общественной, рекомендуетъ принятіе двухъ терминовъ: „доходный капиталъ“ и „производственный капиталъ“. Но эти термины вдвойнѣ не удовлетворительны. Во-первыхъ, экономистъ, придерживающійся понятія „производительнаго потребленія“, можетъ вполнѣ логично разсуждать, что такъ какъ пища и т. п. предметы даютъ возможность рабочему получать свою заработную плату, то они, слѣдовательно, представляютъ собой капиталъ. Съ другой стороны, считая полное отдѣленіе предметовъ потребленія отъ производительныхъ товаровъ существеннымъ для ясной терминологіи, мы бы настаивали, что „производственный капиталъ“ общества и „доходный капиталъ“ синонимы; и что хотя правда, что индивидуальный взглядъ на капиталъ не всегда совпадаетъ съ общественнымъ взглядомъ, это различіе однако не выражается отдѣленіемъ „доходнаго капитала“ отъ „производственнаго капитала“.

Болѣе того, чтобы быть послѣдовательнымъ и чтобы не сходить съ понятія о цѣли экономической дѣятельности, экономисты, придерживающіеся понятія производительнаго потребленія, должны были бы отбросить понятіе о рабочей силѣ, какъ объ отдѣльномъ факторѣ производства, и включить тѣло рабочаго со всѣмъ его складомъ производительной энергіи, какъ особый родъ капитала. И нѣкоторые дѣйствительно настаиваютъ (напр., проф. Маршалль), что въ виду того, что пища, потребляемая рабочими, даетъ имъ возможность получать доходъ, она имѣетъ право на названіе капитала. Въ такомъ случаѣ заработную плату, составляющую доходъ, нужно считать процентомъ на капиталъ. Болѣе того, нѣтъ основанія прервать продолжительность капитала въ тотъ моментъ, когда пища съѣдается. Пища не уничтожается, но входитъ въ плоть и кровь организма рабочаго, какъ фондъ производительной энергіи. Если предметы потребленія признаются капиталомъ, то тѣло рабочаго тоже нужно считать капиталомъ, дающимъ процентъ въ формѣ заработной платы. Если мы еще удержимъ другой такъ называемый „естественный“ факторъ производства (совершенно излишняя вещь, потому что земля и т. п. элементы производства являются таковыми только потому, что къ нимъ прилагается скопленный трудъ, и могутъ поэтому называться капиталомъ), то трудъ тоже можно разложить

на „естественный факторъ“ (дѣтское тѣло) и капиталъ (пища и т. д., употребляющаяся для поддержанія и укрѣпленія тѣла), заработную плату придется тогда причислить или отчасти къ рентѣ, или же къ прибыли. Трудно понять, почему экономисты изъ школы „производительнаго потребленія“, изъ которыхъ нѣкоторые, повидимому, подумывали объ измѣненіи терминологіи, отказались сдѣлать шагъ, который по меньшей мѣрѣ придалъ бы послѣдовательность ихъ терминологіи. Конечно, вѣрно, что ни одинъ экономистъ изъ школы „производительнаго потребленія“ не допуститъ прямо, что производство, а не потребленіе есть цѣль экономической дѣятельности, но терминологія ихъ можетъ быть приблизительно послѣдовательной только при такомъ допущеніи. Кэннанъ въ своей довольно удачной критикѣ спутанныхъ взглядовъ на „Капиталъ“ Адама Смита, склоняется къ болѣе широкому употребленію этого термина, который включилъ бы въ капиталъ „существующій запасъ домовъ, мебели и платья“ на томъ основаніи, что они „столько же составляютъ часть избытка производства надъ потребленіемъ, и потому составляютъ результатъ сбереженій, какъ и запасъ складочныхъ мѣстъ, машинъ и матеріаловъ“ [1]). Болѣе того, будутъ ли они находиться въ рукахъ продавца или потребителя, они даютъ реальный доходъ, состоящій въ послѣднемъ случаѣ изъ комфорта и удобствъ, сопровождающихъ ихъ потребленіе. Но если принять этотъ взглядъ, то всѣ формы богатства придется считать капиталомъ; различіе между тѣмъ, что было сбережено, и что не было сбережено, лишается такимъ образомъ всякаго значенія; пока только существуетъ частица богатства, которая была создана, она была сбережена и представляетъ „помѣщеніе капитала“, которое во всякомъ случаѣ дастъ какой-нибудь доходъ, скажемъ, хоть въ видѣ удовлетворенія, вытекающаго изъ потребленія. Но подобное растяженіе понятія должно быть отвергнуто, удобства ради, хотя оно имѣетъ нѣкоторыя логическія основанія. Если экономисты станутъ признавать необходимость измѣрять всѣ доходы, равно какъ всѣ результаты производства, мѣриломъ удовлетворенія и усилій человѣка, тогда нужно будетъ признать, что всѣ формы богатства, фигурировавшія въ качествѣ капитала въ рукахъ производителей, будутъ продол-

[1]) Production and Consumption, гл. IV, § 2.

жать существовать въ качествѣ капитала также въ рукахъ потребителей, давая доходъ въ видѣ удовлетворенія потребностей, до тѣхъ поръ пока онѣ не потреблены. Если поставить предметы потребленія на одинъ уровень съ формами производительнаго капитала, то нужно будетъ принять въ расчетъ изнашиваніе и обезцѣненіе, прежде чѣмъ высчитывать доходъ. Нѣтъ никакого логическаго основанія причислять употребленіе изношеннаго и не возобновленнаго сюртука къ доходамъ съ капитала.

При современномъ положеніи вопроса, для яснаго различенія понятій капитала и рабочей силы, необходимо признать непроизводительное потребленіе, т. е. потребленіе какъ цѣль, а не какъ средство для дальнѣйшаго производства, цѣлью экономической дѣятельности. Другими словами, экономическая цѣль состоитъ въ пользѣ или удовлетвореніи извлекаемыхъ изъ уничтоженія формъ промышленнаго богатства. Жизнь, а не работа, непроизводительное, а не производительное потребленіе есть цѣль. Тотъ фактъ, что хорошая и здоровая жизнь отождествляется съ трудомъ, часть котораго можетъ носить промышленный характеръ, такъ что многія формы промышленнаго богатства могутъ быть уничтожены при такихъ условіяхъ, которыя дадутъ имъ возможность создавать новыя формы, не нарушаетъ еще правдивости этого понятія. Неспособность многихъ экономическихъ писателей ясно охватить и запечатлѣть въ умахъ другихъ идею о промышленномъ организмѣ, какъ о движущемся органическомъ цѣломъ, возникла отъ сбивчиваго мышленія, вслѣдствіе котораго они то считаютъ производство средствомъ, то цѣлью, и по необходимости даютъ непослѣдовательныя опредѣленія своимъ понятіямъ, чтобы этимъ поддержать свою ошибку.

ПРИЛОЖЕНІЕ ВТОРОЕ.

„Перепотребленіе“, разсматриваемое какъ причина застоя.

Конечно, вполнѣ возможно, что временное перепроизводство въ одной или нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности вызывается недостаточнымъ производствомъ въ другихъ отрасляхъ, т. е. возможно неправильное размѣще-

ніе промышленной дѣятельности. Но это не можетъ объяснять собой явленій промышленнаго застоя, состоящаго, въ общемъ, въ чистомъ переснабженіи капитала, какъ это выражается въ общемъ паденіи цѣнъ.

Подобнымъ же образомъ возможно объяснить коммерческій кризисъ въ одной какой-нибудь странѣ, или въ части коммерческаго общества, какъ реакцію или крахъ, вызванный усиліемъ увеличивать количество основного капитала больше, чѣмъ ростъ текущаго національнаго дохода при помощи безразсудныхъ займовъ. Эту попытку со стороны одной какой-нибудь націи увеличивать свои промышленныя операціи за предѣлъ своихъ возможныхъ сбереженій съ своего текущаго дохода Бонами Прайсъ и Ивъ Гюйо называютъ довольно сомнительнымъ терминомъ „перепотребленія“. Такъ какъ они считаютъ этотъ порокъ перепотребленія вѣрной и достаточной причиной коммерческихъ кризисовъ, то необходимо разсмотрѣть это положеніе нѣсколько ближе.

Профессоръ Бонами Прайсъ далъ слѣдующій анализъ великаго кризиса въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1877 г.

„Мы теперь въ состояніи охватить всю величину ошибки, въ которой провинился американскій народъ, создавая самое пагубное количество основного капитала въ формѣ желѣзныхъ дорогъ. Онъ дѣйствовалъ какъ разъ, какъ землевладѣлецъ, имѣющій земли на 10.000 фунтовъ стерл. и тратящій на осушеніе 20.000 фунтовъ. Онъ не могъ ихъ получить изъ сбереженій, такъ какъ они раньше не существовали, и къ концу перваго года онъ долженъ продать часть имѣнія, чтобы покрыть издержки на осушеніе. Другими словами, его капиталъ, его имѣніе, его средства получать доходъ уменьшились. Осушеніе было прекрасной операціей, но для него оно было пагубно. То же самое было съ Америкой. Мало вещей обогащаютъ съ теченіемъ времени народъ такъ, какъ желѣзныя дороги; но такое гигантское „перепотребленіе“ не готоваго сбереженія, но капитала, принесло ей бѣдность, торговый застой и много бѣдствій. Вычислили ли, что новыя желѣзныя дороги простираются приблизительно на 30.000 миль, стоимостью въ 10.000 фунт. ст. миля; онѣ уничтожили стоимость въ 300 милліоновъ (но не денегъ), а стоимость хлѣба, платья, угля, желѣза и другихъ предметовъ. Связь между подобнымъ перепро-

изводствомъ и торговымъ застоемъ, какъ между причиной и слѣдствіемъ, здѣсь слишкомъ ясна. Но злосчастныя послѣдствія далеко здѣсь не кончились. Перепотребленіе не удовлетворилось богатствомъ, поглощаемымъ веденіемъ этихъ дорогъ, и матеріаломъ для ихъ устройства. Оно покатило волны разрушенія по всей странѣ. Спросъ на уголь, желѣзо, паровики и различные матеріалы зажегъ излишнее волненіе въ фабрикахъ и заводахъ; рабочіе призывались со всѣхъ сторонъ, заработная плата быстро поднялась; прибыль тоже раздѣляла это движеніе впередъ; траты на предметы роскоши поднялись черезъ край, цѣны вездѣ подымались; безразсудство счастливаго времени перешло всякіе предѣлы; и это вспомогательное перепотребленіе безконечно увеличило безполезную трату національнаго капитала, пущеннаго въ ходъ тратой на желѣзныя дороги. Но еще дальше подвигалась буря; другія націи были вовлечены ею. Онѣ изливали свои товары въ Америку, такъ всесильно было привлеченіе высокихъ цѣнъ. Онѣ доставляли матеріалы для желѣзныхъ дорогъ и предметы роскоши для ихъ строителей. Цѣны на эти товары тоже въ свою очередь поднялись; ихъ предпріятіямъ представилось огромное поле дѣятельности; прибыли и заработная плата поднялась; и заколдованный кругъ повторился во многихъ странахъ Европы. Перепотребленіе шло впередъ быстрыми шагами; потокъ благосостоянія подымался все выше; и разрушеніе богатства подвигалось еще быстрѣе“ [1]).

Прежде всего нашъ анализъ сбереженія и приложеніе термина потребленія исключительно къ прямому воплощенію полезности или удобства запрещаетъ намъ вообще признать образъ дѣйствій Соединенныхъ Штатовъ или аналогичный ему образъ дѣйствій совершенствующаго землевладѣльца перепотребленіемъ. Если бы землевладѣлецъ занялъ денегъ на свое имѣніе, чтобы одинъ сезонъ прожить въ роскоши, выше своихъ доходовъ, или если бы государство сдѣлало займы, чтобы потреблять больше пороха и ружей, то это можно было назвать перепотребленіемъ. Но если землевладѣлецъ занимаетъ столько денегъ для улучшенія своей земли, что онъ не въ состояніи выдержать, пока его улучшенія принесутъ плодъ, и принужденъ продать

[1]) Contemporary Review. Май 1879 г.

свою землю, чтобы платить проценты, онъ несправедливо можетъ быть обвиненъ въ перепотребленіи.

Только позже, когда онъ начнетъ урѣзывать съ своихъ расходовъ, его уменьшенное потребленіе будетъ процессомъ „сбереженія“, которое, когда оно будетъ закончено, займетъ мѣсто извѣстнаго количества сбереженія, сдѣланнаго раньше кѣмъ-либо другимъ и отданнаго ему взаймы.

Случилось только слѣдующее: А, желая осушать свою землю, не имѣетъ для этого достаточно сбереженій. В сберегалъ, и А занимаетъ его сбереженія, держитъ ихъ нѣкоторое время у себя, въ формѣ осушенія. Если онъ въ состояніи продолжать платить проценты и постепенно „сберегать“, чтобы погашать капиталъ, онъ это сдѣлаетъ; а если нѣтъ, какъ въ нашемъ предполагаемомъ случаѣ, В кредиторъ законнымъ образомъ присвоитъ себѣ свои сбереженія въ формѣ „осушенія“, которымъ онъ на самомъ дѣлѣ владѣлъ все время. Такъ что если и можно въ данномъ случаѣ обвинить А въ перепотребленіи, то это перепотребленіе уравновѣшивается недостаточнымъ потребленіемъ В, и въ обществѣ, которому А и В оба принадлежатъ, какъ члены, не будетъ никакого перепотребленія.

То же самое разсужденіе приложимо, если вмѣсто индивидуума А мы возьмемъ страну, какъ Соединенные Штаты. Если она пытается увеличивать заводы, машины и т. д. больше своей платежной способности, она это можетъ сдѣлать только посредствомъ займовъ въ другихъ странахъ; и если она не можетъ платить процентовъ на заемъ, то „сбереженія“, въ формѣ основного капитала, которыя она старалась удержать за собой, останутся собственностью другихъ странъ, сдѣлавшихъ, собственно говоря, эти сбереженія. Если этотъ поступокъ Соединенныхъ Штатовъ назвать перепотребленіемъ, то онъ уравновѣшивается недостаточнымъ потребленіемъ Англіи, Франціи и другихъ коммерческихъ странъ. Прайсъ старался избѣгнуть этого вывода, не сказавъ ничего ни о личности, у которой землевладѣлецъ занималъ, ни о странѣ, у которой Соединенные Штаты занимали, чтобы увеличивать свой основной капиталъ. Но такъ какъ и землевладѣлецъ, и Соединенные Штаты ex hypothesi не сдѣлали этихъ улучшеній изъ своихъ собственныхъ сбереженій, то они ихъ дѣлали на счетъ сбереженій кого-либо другого, и подобное поведеніе, которое у нихъ называется перепотребленіемъ,

уравновѣшивается такимъ же количествомъ недостаточнаго потребленія со стороны кого-либо другого. Если поэтому мы разсматриваемъ единичнаго землевладѣльца или одну какую страну, какъ Соединенные Штаты, и принимаемъ взглядъ Прайса, то мы можемъ сказать, что онъ или она виновны въ перепотребленіи, и что это есть причина ихъ торговаго кризиса. Но такъ какъ это перепотребленіе абсолютно обусловливается соотвѣтствующимъ недостаточнымъ потребленіемъ какого-нибудь другого члена промышленнаго общества, то мы не можемъ согласиться съ выводомъ Прайса, что перепотребленіе можетъ когда-либо существовать во всемъ обществѣ, взятомъ въ цѣломъ, или что подобное состояніе можетъ быть причиной кризиса, который обыкновенно чувствуется всѣми или большинствомъ членовъ этого общества.

Что на самомъ дѣлѣ случилось въ дѣлѣ американскихъ желѣзныхъ дорогъ, состояло въ томъ, что извѣстное число лицъ въ Америкѣ или въ Европѣ недостаточно потребляли или слишкомъ много сберегали: ихъ избыточныя сбереженія не могли найти лучшей формы, чѣмъ американскія желѣзныя дороги, которыя ex hypothesi не нужны были. Извѣстное количество людей, которые могли бы сдѣлать и потребить хлѣбъ, платья, уголь и т. д. на 300 и больше милліоновъ фунт. стерл., отказались это сдѣлать, и вмѣсто этого проложили цѣлый рядъ желѣзныхъ дорогъ, настроили локомотивовъ и т. д., которые никто не могъ потреблять и которые не нужны были для того, чтобы способствовать улучшенію производства. Произошла потеря сберегательной силы, вызванная попыткой приготовить излишнее количество формъ капитала.

Если даже черезъ нѣсколько лѣтъ многія изъ этихъ формъ получаютъ употребленіе и стоимость, онѣ тѣмъ не менѣе представляютъ собой излишекъ или потерю „сбереженій“, который можно до нѣкоторой степени измѣрять разницей между обыкновенной нормой прибыли и прибылью за періодъ времени, протекающій до тѣхъ поръ, пока онѣ начинаютъ приносить плодъ. Словомъ, случилось не перепотребленіе, а недостаточное потребленіе. Гюйо, повидимому, полагаетъ, что общество какъ цѣлое можетъ помѣстить слишкомъ много сбереженій въ основныя формы капитала и слишкомъ мало въ оборотный, и что подобное

состояніе можетъ привести къ застою. „Основной капиталъ не можетъ быть", говоритъ онъ, „утилизированъ, когда нѣтъ подъ рукой оборотнаго капитала. Корабли, желѣзныя дороги безполезны, если нѣтъ товаровъ, которые они могли бы перевозить; и фабрика не можетъ быть въ ходу, если нѣтъ потребителей, которые могли бы покупать изготовляемые ею продукты. Если поэтому оборотный капиталъ былъ такъ истощенъ, что взяло много времени его замѣстить, то основной капиталъ долженъ въ это время оставаться непроизводительнымъ, и кризисъ будетъ все длиннѣе и страшнѣе" [1]).

Мы можемъ отвѣтить на это двоякимъ образомъ. Преобладаніе низкихъ цѣнъ на различнаго рода товары, равно какъ и на орудія во время застоя, общее переполненіе товарами, составляющее одну фазу застоя, доказываетъ, что кризисъ не происходитъ отъ скопленія слишкомъ многихъ сбереженій въ формѣ орудій и слишкомъ немногихъ въ формѣ товаровъ. Когда въ одно время существуетъ бо̀льшее количество орудій, сырого матеріала, готовыхъ продуктовъ и труда, чѣмъ это промышленному обществу необходимо, то кризисъ нельзя объяснять никакимъ несоотвѣтствіемъ ни между одной отраслью и другой, ни между одной страной и другой, ни даже несоотвѣтствіемъ между основнымъ и оборотнымъ капиталомъ. Во-вторыхъ, Гюйо самъ себѣ противорѣчитъ, говоря, что „фабрика не можетъ работать, если нѣтъ потребителей, готовыхъ покупать ея продукты". Подъ „потребителемъ" можно здѣсь исключительно понять человѣка, который покупаетъ законченные товары для личнаго потребленія, и если мы приложимъ этотъ аргументъ ко всей промышленности, то это будетъ равносильно тому, если допустить, что недостаточное потребленіе есть причина появленія переполненія капитала основного, равно какъ и оборотнаго.

---

[1]) Principles of Social Economy, стр. 245.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Машина и спросъ на трудъ.

Разсматривая непосредственныя вліянія машины на экономическое положеніе рабочаго, мы должны различить, во 1-хъ, ея вліяніе на число занятыхъ рабочихъ; во 2-хъ, на постоянство занятій; въ 3-хъ, на ловкость, продолжительность, напряженность и другія качества труда; въ 4-хъ, на вознагражденіе труда. Хотя всѣ эти вліянія находятся въ полномъ взаимодѣйствіи, однако не лишнимъ будетъ разсмотрѣть каждое изъ этихъ вліяній въ отдѣльности.

1) Вліяніе машины на число занятыхъ рабочихъ. Главный мотивъ, который побуждаетъ капиталистовъ-предпринимателей вводить въ промышленность машину, которая способствовала бы сбереженію труда, раньше исполнявшагося рабочимъ, или помогалъ бы труду, дѣлая его болѣе производительнымъ, сводится къ желанію понижать поддержки производства. Новая машина или вытѣсняетъ старую, или же исполняетъ какой-нибудь процессъ производства, который раньше исполнялся рабочимъ безъ помощи машины. Вполнѣ вѣрно вычислили, что издержки, связанныя съ устройствомъ, сохраненіемъ и приведеніемъ въ дѣйствіе новой машины при выработкѣ извѣстнаго количества товаровъ будутъ гораздо меньше, чѣмъ при соотвѣтствующемъ употребленіи старыхъ машинъ. Принимая, что трудъ, занятый устройствомъ и веденіемъ новыхъ машинъ, не оплачивается по болѣе низкой нормѣ, чѣмъ трудъ, ко-

торый она вытѣсняетъ, и что часть стоимости, идущая на прибыль и заработную плату, тоже не измѣнилась, ясно, что пониженіе издержекъ производства достигается только посредствомъ уменьшенія числа рабочихъ при выработкѣ даннаго количества товаровъ. Такъ какъ трудъ, занятый устройствомъ новой машины, по всей вѣроятности будетъ оплачиваться лучше, чѣмъ трудъ, занятый устройствомъ старыхъ, и такъ какъ часть цѣны, составляющая прибыль, будетъ при изобрѣтеніи выше, чѣмъ при старомъ, то дѣйствительное вытѣсненіе труда гораздо больше, чѣмъ это выражается въ разницѣ въ цѣнахъ этихъ двухъ машинъ. Болѣе того, такъ оставленіе безъ употребленія старыхъ машинъ связано съ извѣстными затратами, которыя нужно принять въ расчетъ, то замѣщеніе старыхъ машинъ новыми будетъ означать собой чистое вытѣсненіе труда.

Точно также, когда новый процессъ производства впервые перенимается машиной, то расходы на дѣланіе и веденіе машины, по сравненію съ издержками на вырабатываніе извѣстнаго количества товаровъ ручнымъ трудомъ, повлекутъ за собой абсолютное уменьшеніе числа занятыхъ рабочихъ. Тотъ фактъ, что машина уже введена, можетъ служить доказательствомъ, что уже произошло уменьшеніе числа занятыхъ рабочихъ по отношенію къ данному количеству вырабатываемыхъ продуктовъ: иначе не было бы никакой выгоды.

Что же подразумѣваютъ подъ аргументомъ, который приходится слышать такъ часто, что машина даетъ больше занятій, чѣмъ отнимаетъ, и что ея болѣе широкое и окончательное вліяніе сводится не къ уменьшенію спроса на трудъ?

Ходячій отвѣтъ состоитъ въ томъ, что экономія, достигнутая трудо-сберегающей машиной въ издержкахъ производства, отразится въ силу конкуренціи производителей на низкомъ уровнѣ цѣнъ, и что это паденіе цѣнъ вызоветъ большее потребленіе. Такимъ образомъ утверждаютъ, что количество вырабатываемыхъ продуктовъ должно сильно увеличиться.

Если мы сложимъ вмѣстѣ трудъ, идущій на устройство машинъ, способствующихъ увеличенному производству, и трудъ, тратящійся на поддержаніе и веденіе машинъ, и трудъ, идущій на перевозку и распредѣленіе расширеннаго

производства, то мы найдемъ, что при новыхъ условіяхъ индустріи требуется больше труда, чѣмъ при старыхъ.

Весь аргументъ въ пользу того, что рабочій классъ выигрываетъ при введеніи новой машины, вертится около того спорнаго пункта, что машина скорѣе увеличиваетъ, чѣмъ уменьшаетъ число занятыхъ рукъ.

Хотя мы найдемъ достаточно основаній предполагать, что машины не уменьшили абсолютнаго числа рабочихъ, мы однако не можемъ придерживаться наскоро выработаннаго правила, съ которымъ оптимистическіе политико-экономы подступаютъ къ этому вопросу, исходя изъ одной какой-нибудь отрасли промышленности.

Слѣдующая выписка будетъ хорошимъ примѣромъ только что разсмотрѣннаго аргумента; она взята изъ сочиненія компетентнаго политико-экономa:

„Первое введеніе машинъ можетъ дѣйствительно на время вытѣснить и уменьшить число занятыхъ рукъ, можетъ случайно вырвать трудъ у нѣкоторыхъ лицъ, которыя не способны приняться за какое-нибудь другое занятіе и создать потребность въ совершенно новомъ классѣ рабочихъ; но если это отняло работу у десяти, то оно снабдило занятіемъ тысячу. Какимъ же образомъ это происходитъ? Одинъ ярдъ коленкора, приготовленный ручнымъ трудомъ, стоитъ два шиллинга, приготовленный же машиной—онъ можетъ стоить четыре пенса. Если ярдъ стоитъ два шиллинга, его покупаютъ немногіе, если же 4 пенса, масса человѣкъ будетъ рада купить его. Дешевизна вызываетъ большее потребленіе. Продуктъ, который раньше потреблялся только высшими классами, можно теперь встрѣтить въ рукахъ рабочаго класса. По мѣрѣ того, какъ увеличивается спросъ, увеличивается и производство и притомъ достигаетъ такого размѣра, что, не смотря на уменьшеніе числа рабочихъ, занятыхъ теперь въ производствѣ даннаго количества коленкора, общая сумма рабочихъ, требуемыхъ для приготовленія милліоновъ ярдовъ, сильно превышаетъ количество рабочихъ, занятыхъ въ этой индустріи, когда вся работа совершалась безъ помощи машинъ“ [1]).

---

[1]) Leone Levi, Work and Pay, стр. 28.

который мы найдемъ совершенно неудачнымъ, и обращаясь къ статистическимъ даннымъ хлопчато-бумажной индустріи, мы увидимъ, что экономическая теорія не дастъ никакого основанія этому оптимизму à priori.

Игнорируя, удобства ради, не невѣроятный результатъ, что экономія производства можетъ во всякомъ случаѣ на нѣкоторое время увеличивать прибыль, вмѣсто того, чтобы понижать цѣны, очевидно, что вся сила аргумента вращается вокругъ вліянія паденія цѣнъ на увеличеніе потребленія. Но мы уже нашли въ нашемъ изслѣдованіи монопольныхъ цѣнъ, что вопросъ о вліяніи даннаго паденія на увеличеніе потребленія требуетъ чрезвычайно труднаго знакомства съ спеціальными условіями каждаго случая и умѣнія вычислять человѣческія побужденія. Все зависитъ отъ „эластичности“ спроса, и мы, конечно, не имѣемъ права утверждать, что въ одной какой-нибудь особенной индустріи данное паденіе цѣнъ, вызванное производствомъ, послужитъ стимуломъ для такого увеличеннаго потребленія, что теперь гораздо большее число рабочихъ получитъ занятіе, чѣмъ прежде. Напротивъ, если цѣны двухъ различныхъ классовъ продуктовъ будутъ постепенно и одинаково уменьшаться, мы замѣтимъ совершенно различное вліяніе на стимулированіе потребленія.

Уменьшеніе цѣны на 50% на одну часть фабричныхъ продуктовъ можетъ увеличить потребленіе втрое или вчетверо, между тѣмъ какъ такое же уменьшеніе цѣны на продукты другого класса увеличитъ потребленіе только на 20%. Въ первомъ случаѣ возможно, что введеніе машины, вызвавшей уменьшеніе издержекъ производства и паденіе цѣнъ, повлечетъ за собой значительное увеличеніе спроса на трудъ, между тѣмъ какъ во второмъ случаѣ произойдетъ абсолютное вытѣсненіе рабочихъ. Поэтому совершенно невозможно à priori согласиться съ мнѣніемъ, что послѣднимъ результатомъ введенія машинъ будетъ увеличенный спросъ на трудъ, и что трудъ, вытѣсненный машиной, будетъ прямо или косвенно поглощенъ увеличеннымъ производствомъ, вызваннымъ машинами. Полагаютъ, что употребленіе паровыхъ молотовъ вытѣснило девять или десять человѣкъ, въ которыхъ прежде нуждались, что при современныхъ машинахъ одинъ человѣкъ можетъ сдѣлать столько бутылокъ, сколько раньше приготовляло шесть

человѣкъ, что въ башмачномъ и сапожномъ производствѣ одинъ человѣкъ можетъ исполнить столько работы, для которой раньше требовалось 5 человѣкъ, и что „въ производствѣ земледѣльческихъ инструментовъ 600 человѣкъ исполняютъ теперь работу, которая 15 или двадцать лѣтъ тому назадъ нуждалась въ 2145 человѣкъ, и 1515 челов. было такимъ образомъ вытѣснено“, и такъ далѣе [1]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы найдемъ, что паденіе цѣнъ, послѣдовавшее за такимъ вытѣсненіемъ рабочихъ, вызвало такой увеличенный спросъ, что количество непосредственно занятыхъ въ этомъ производствѣ людей будетъ гораздо больше, чѣмъ прежде; въ другихъ случаяхъ и не такъ бываетъ.

Слѣдующая цитата, взятая изъ рѣчи, произнесенной на Конференціи Промышленной оплаты (Industrial Remuneration Conference) въ 1885 году, будетъ служить самой яркой критикой взглядовъ профессора Leone Levi:

„Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда рабочіе занимавшіеся тканьемъ ковровъ, работали при помощи простого челнока, приводимаго въ движеніе рукой, одинъ рабочій производилъ отъ сорока пяти до пятидесяти ярдовъ въ недѣлю, за которые ему платили отъ 9 п. до 1-го шиллинга за ярдъ, между тѣмъ какъ въ настоящее время, дѣвушка, работающая при паровомъ ткацкомъ станкѣ, можетъ произвести 60 ярдовъ въ день, и за выдѣлку каждаго ярда она получаетъ отъ своего предпринимателя не болѣе $1^1/_2$ п.

Дѣвушка, работающая на станкѣ, исполняетъ теперь работу восьми человѣкъ. Является вопросъ: чѣмъ же занимаются эти вытѣсненные рабочіе? На суконной фабрикѣ работаетъ дѣвушка на швейной машинѣ; фабриканту былъ предложенъ вопросъ, сколько труда сберегла ему эта машина, на что тотъ отвѣтилъ, что она сберегла ему трудъ 12 человѣкъ. „Что же будутъ дѣлать эти 12 человѣкъ?“ спросили фабриканта далѣе. „Они получатъ, можетъ быть, гораздо болѣе выгодную работу въ другой индустріи, чѣмъ если бы они работали у меня“. „Въ какой же другой индустріи?“ былъ слѣдующій вопросъ.

---

[1]) Statement by Mr. Shaftoe, President of the Trades Union Congress, 1888; cf. Carroll D. Wright, Report on Industrial Depressions, Washington, 1886, pp. 80—90.

Но фабрикантъ не могъ указать ни на одну индустрію, развѣ на фотографію, и наконецъ онъ сказалъ, что рабочіе вѣроятно могли бы получить работу при устройствѣ швейныхъ машинъ. Не долго послѣ этого, то же лицо посѣтило американскую фабрику швейныхъ машинъ Зингера, находящуюся недалеко отъ Глазго. Оно отправилось въ сопровожденіи того же фабриканта суконъ, и, прохаживаясь по фабрикѣ, они увидѣли тотъ же родъ машинъ, которыя имѣются на фабрикѣ этого суконщика. Тогда они обратились съ вопросомъ къ управляющему: сколько времени нужно потратить на приготовленіе одной машины? Онъ отвѣтилъ, что не можетъ этого знать, такъ какъ ни одинъ человѣкъ не дѣлаетъ цѣлой машины, въ приготовленіи одной машины участвуетъ до 30 чел.; „но", сказалъ онъ, „если бъ они занимались приготовленіемъ только этихъ машинъ, то одному человѣку пришлось бы работать $4^1/_2$ дня для приготовленія одной машины". Итакъ тамъ была машина, которая при помощи дѣвушки, работающей на ней, исполняла работу двѣнадцати человѣкъ въ продолженіе десяти лѣтъ, и собственникъ этой машины полагалъ, что эти двѣнадцать человѣкъ получатъ работу при приготовленіи другой машины, между тѣмъ какъ работа одного человѣка въ продолженіе $4^1/_2$ дней вполнѣ достаточна, чтобы сдѣлать машину, которая въ состояніи вытѣснить двѣнадцать человѣкъ".

Въ случаяхъ, подобныхъ вышеупомянутымъ, мы не должны забывать, что уменьшеніе числа рабочихъ въ тѣхъ промышленныхъ процессахъ, которые прямо или косвенно связаны съ развитіемъ индустріи, еще не можетъ служить само по себѣ достаточно яснымъ доказательствомъ того, что введеніе машинъ повлекло за собою абсолютное вытѣсненіе труда. Если количество вырабатываемыхъ продуктовъ увеличилось, то рабочіе, вытѣсненные машинами, найдутъ новое занятіе въ добывающей, перевозочной промышленности и различныхъ распредѣлительныхъ процессахъ.

Исторія промышленности страны, подобной Англіи, не можетъ намъ дать достаточно данныхъ для окончательнаго сужденія объ этомъ вопросѣ.

Громадное производство, вызванное приложеніемъ машинъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ текстильной индустріи въ первую

половину настоящаго столѣтія, несомнѣнно повлекло за собой увеличенный спросъ на англійскій трудъ въ тѣхъ отрасляхъ, которыя прямо или посредственно связаны съ текстильнымъ производствомъ. Но мы, во-первыхъ, не можемъ смотрѣть на это, какъ на нормальный результатъ паденія цѣнъ въ текстильной промышленности благодаря машинамъ, такъ какъ это скорѣе приписывается расширенію площади потребленія,—нахожденію большихъ новыхъ рынковъ, при которыхъ удобство и дешевизна перевозки играютъ самую большую роль. Во-вторыхъ, разъ мы принимаемъ, что громадное число потребителей уже удовлетворило свои необходимыя потребности текстильными продуктами, созданными машиной, мы не должны предполагать, что и дальнѣйшее удешевленіе продуктовъ, вызванное болѣе совершенными машинами, будетъ имѣть соотвѣтственное вліяніе на потребленіе и на спросъ на трудъ. Если бы Англія не была экономически связана съ другими странами, а производила бы только для своего собственнаго рынка, то результатъ введенія машинъ въ текстильную промышленность несомнѣнно вызвалъ бы абсолютное вытѣсненіе текстильныхъ рабочихъ, даже принимая во вниманіе ростъ населенія и увеличенное домашнее потребленіе. Расширеніе англійской промышленности въ XIX ст. при быстромъ развитіи машиннаго производства нельзя поэтому принять за мѣру нормальнаго дѣйствія приложенія машинъ.

Тѣ прямыя доказательства, которыми мы обладаемъ относительно вліянія машинъ на спросъ на трудъ, весьма цѣнны. Чарльзъ Бутсъ въ своемъ сочиненіи „Occupation of the People“ даетъ анализъ данныхъ ценза, показывающій, какая часть населенія была занята при различныхъ отрасляхъ труда въ концѣ каждаго десятилѣтія отъ 1841—1881 г. Къ этому нужно еще прибавить статистическія данныя ценза 1891 г., насколько при ихъ теперешнемъ необработанномъ состояніи ихъ можно сравнить съ соотвѣтствующими данными предыдущихъ цензовъ [1]). Если мы обратимся къ тѣмъ отраслямъ обрабатывающей промышленности, которыя вмѣстѣ съ пере-

[1]) Слитіе различныхъ торговцевъ съ производящими классами, причисленіе купцовъ къ классамъ, занятымъ перевозной индустріей, и другія отклоненія при классификаціи отъ предыдущихъ цензовъ дѣлаютъ пока невозможнымъ пользованіе данными ценза за 1891 г.

возкой находятся подъ самымъ сильнымъ вліяніемъ машинъ, то мы найдемъ, что до 1861 г. (т. е. въ тотъ періодъ, когда англійскіе товары играли еще первенствующую роль на всемірномъ рынкѣ) во всѣхъ отрасляхъ замѣчается значительное увеличеніе спроса на трудъ, но начиная съ 1861 г., замѣчается положительное уменьшеніе пропорціи англійскаго населенія, занятаго въ фабричной промышленности. Вотъ процентное отношеніе до 1881 г.

1841 [1])	27.1%
1851	32.7%
1861	33.0%
1871	31.6%
1881	30.7%

Если возьмемъ главныя отрасли промышленности, занимающія самое большее число рабочихъ, то мы найдемъ, что до 1861 г. у нихъ замѣчается увеличеніе спроса на трудъ, а послѣ этого года спросъ въ сравненіи съ предыдущимъ остается неизмѣннымъ или даже падаетъ. Основныя индустріи—строеніе машинъ, орудій, кораблей, обработка металловъ—въ которыхъ спросъ на трудъ до 1861 г. росъ скачками, и теперь еще выказываютъ въ общемъ пропорціональное увеличеніе числа занятыхъ рабочихъ, что обязано главнымъ образомъ увеличенію съ 1861 г. вывоза машинъ. Но въ то время, какъ машиностроительныя индустріи продолжаютъ расти быстрѣе, чѣмъ число рабочихъ, занятыхъ при нихъ (оно выросло отъ 209353 въ 1881 г. до 262910 чел. въ 1891 г.), и въ то время, какъ такой же ростъ замѣчается въ судостроительной индустріи, замѣчательно, что производство желѣза и стали, которое до 1871 г. росло гораздо быстрѣе, чѣмъ населеніе, начинаетъ выказывать признаки паденія. Въ 1881 г. количество занятыхъ въ этихъ индустріяхъ рабочихъ равнялось 361343, въ 1891 г. оно увеличилось до 380193, составляющіе ростъ въ 5.3% при ростѣ всего населенія въ 11.7% и ростѣ числа занятыхъ людей вообще въ 15.3%.

Отопленіе, газъ, химическія вещества и другія общія

---

[1]) Въ періодъ 1831—1841 было громадное увеличеніе въ фабричномъ населеніи. Между 1835—1839 увеличеніе было согласно Porter'у въ 68263 человѣка, или въ 19.2%. (Progress of the Nation, стр. 78).

вспомогательныя индустріи выказываютъ постоянный пропорціональный ростъ числа занятыхъ при нихъ рабочихъ. Съ другой стороны, въ текстильной и красильной индустріи замѣчается увеличеніе пропорціи занятыхъ рабочихъ до 1851; съ этого времени ткачество становится машиннымъ производствомъ и число занятыхъ рабочихъ начинаетъ поразительнымъ образомъ относительно уменьшаться. Гораздо меньше человѣкъ занято теперь въ этой индустріи, чѣмъ въ 1841 г. То же самое замѣчается и въ выдѣлкѣ платья, т. е. постепенное процентное уменьшеніе числа рабочихъ съ 1851 г., хотя въ данномъ случаѣ цифры указываютъ нѣкоторый подъемъ въ 1891. Вотъ процентное отношеніе, начиная съ 1841 г.:

	Текстильн. и красильная.	Платья.
1841	9.1	7.8
1851	11.1	10.3
1861	10.2	9.8
1871	9.3	8.5
1881	8.2	8.1
1891	7.6	8.3

Эллисонъ указываетъ на то, что спросъ на трудъ не поспѣвалъ за ростомъ населенія въ главныхъ отрасляхъ прядильной и ткацкой индустрій. Сравнивая 1850 г. съ 1878 г., онъ говоритъ: „Въ прядильняхъ замѣчается приблизительное увеличеніе числа веретенъ въ 189%, числа рабочихъ только въ 63% ; а въ ткацкихъ фабрикахъ число станковъ увеличилось въ 350%, а число ткачей только въ 253%. Это, конечно, показываетъ, что машины становятся все болѣе автоматическими, или сами себя регулирующими, и что онѣ такимъ образомъ нуждаются въ уходѣ относительно меньшаго числа людей“ [1]). Если мы еще прибавимъ вспомогательныя отрасли текстильной индустріи, то результаты будутъ еще болѣе убѣдительны въ томъ же направленіи.

	Число веретенъ.	Число станковъ.	Число рабочихъ.
1850	20.977.817	249.627	330.924
1878	44.206.690	514.911	482.903

Болѣе новыя статистическія данныя показываютъ, что относительное уменьшеніе числа занятыхъ рабочихъ, начав-

[1]) T. Ellison, Cotton Trade of Great Britain, стр. 74.

шееся съ 1851, перешло въ абсолютное уменьшеніе послѣ 1871 г., хотя данныя за 1891 г. показываютъ нѣкоторое увеличеніе.

1841	618.509 [1])
1851	603.800
1861	934.500
1871	970.000
1881	962.000
1891	1,016.100 [2]).

Значеніе этихъ данныхъ относительно спроса на трудъ получаетъ еще больше свѣта, если принять во вниманіе замѣщеніе мужскаго труда женскимъ. Въ отрасляхъ промышленности, выдѣлывающихъ платья, увеличеніе числа рабочихъ, указываемое каждымъ цензомъ за исключеніемъ 1871 г., относится къ портняжному дѣлу и отраслямъ, занимающимся модными товарами, гдѣ машины играютъ незначительную роль, но въ сапожномъ производствѣ, гдѣ приложеніе машинъ было сильное, произошло не только относительное, но и абсолютное уменьшеніе числа занятыхъ рабочихъ за 20 лѣтъ послѣ 1861 г., хотя цензъ 1891 г. опять поднимаетъ абсолютное число рабочихъ, занятыхъ въ сапожномъ производствѣ, немного выше числа занятыхъ въ 1851 г. [3]).

Изъ отраслей промышленности, выказывающихъ большое пропорціональное увеличеніе числа занятыхъ рабочихъ въ 1891 г. по сравненію съ 1861 г., главное мѣсто занимаютъ отрасли, занимающіяся строеніемъ машинъ, орудій, печатаніе переплетное дѣло, выдѣлка мебели и каретъ, отопленіе, газъ, химическія вещества и другія не спеціально поименованныя отрасли (главнымъ образомъ связанныя съ машинами). Изъ болѣе крупныхъ производствъ лишь изготовленіе машинъ и орудій выказываетъ крупное относительное увеличеніе числа занятыхъ рабочихъ.

Изъ этихъ данныхъ можно сдѣлать два вывода касательно

---

[1]) Только 349.452, или 56.8% на фабрикахъ. (Porter, стр. 78).

[2]) Это увеличеніе въ 1881 г. главнымъ образомъ объясняется лихорадочнымъ расширеніемъ и перепроизводствомъ въ хлопчатобумажной индустріи. Данные цензы за 1891 г. уменьшены, чтобы соотвѣтствовать съ ранними вычисленіями въ книгѣ Booth'a „Occupations of the People".

[3]) Въ 1851 г. цензъ даетъ 235.447, а въ 1891 г.—240.000.

прямого вліянія машинъ. Во-первыхъ, что касается всей обрабатывающей промышленности, взятой въ цѣломъ, то увеличеніе употребленія машинъ не повлекло увеличенія спроса на трудъ соразмѣрно съ ростомъ рабочаго населенія. Во-вторыхъ, пропорціональное увеличеніе фабричнаго населенія замѣчается въ тѣхъ отрасляхъ крупныхъ индустрій, гдѣ машины употребляются меньше всего, или въ тѣхъ меньшихъ индустріяхъ, которыя или вспомогательны по отношенію къ крупнымъ, или заняты изготовленіемъ различныхъ предметовъ роскоши и комфорта.

Если отъ фабричной промышленности мы обратимся къ другимъ отраслямъ, то мы найдемъ, что въ то время, какъ горное дѣло и строительныя отрасли занимаютъ относительно большее число рабочихъ, начиная съ 1851, въ земледѣліи выказывается быстрое уменьшеніе относительнаго числа рабочихъ, падая отъ 20.9% въ 1851 г. до 11.5% въ 1881 и 9.9% въ 1891 г. [1]).

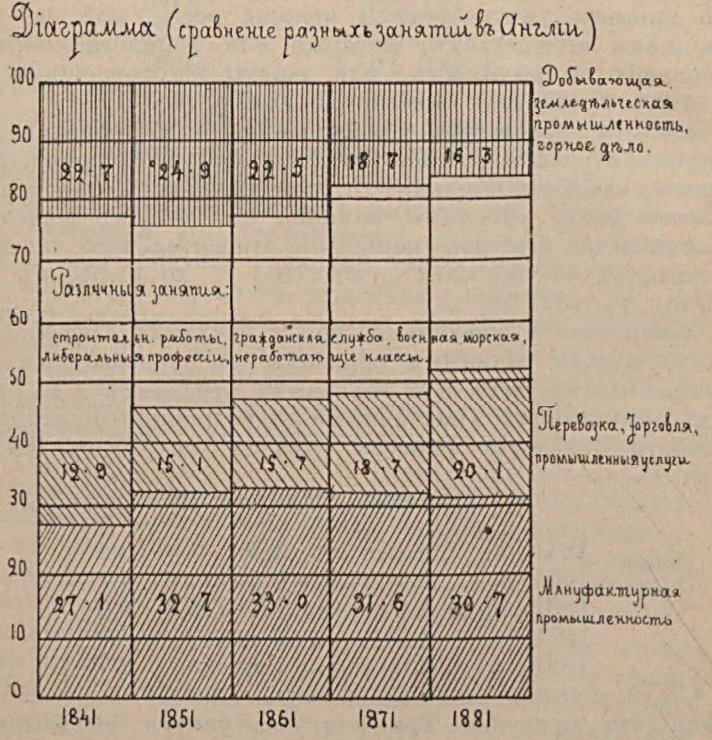
Значительное увеличеніе числа занятыхъ людей замѣчается однако главнымъ образомъ въ перевозочныхъ, въ распредѣлительныхъ или торговыхъ отрасляхъ и въ отрасляхъ, занимающихся различными индустріальными услугами. Всѣ эти отдѣленія выросли гораздо быстрѣе съ 1841 г., чѣмъ населеніе.

	Транспортъ.	Торговля.	Промышленныя услуги.
1841	2.1	5.3	5.4
1851	4.1	6.5	4.5
1861	4.6	7.1	4.0
1871	4.9	7.8	6.0
1881	5.6	7.8	6.7

Статистическія данныя за 1891 еще болѣе подтверждаютъ это движеніе. Транспортныя услуги выказываютъ громадный ростъ сравнительно съ 1881 г., подымая процентъ занятыхъ рабочихъ до 7.4%. То же самое проявляется и въ торговлѣ. Число торговцевъ и купцовъ увеличивается отъ 285.138 до 363.037 человѣкъ, число торговцевъ день-

[1]) Громадное паденіе за періодъ отъ ценза 1861 г. до ценза 1871 г. отчасти объясняется измѣненіями въ классификаціи: 1) женскія родственницы фермеровъ, включенныя въ 1861 г., были исключены изъ позднѣйшаго ценза; 2) нѣкоторыя измѣненія были сдѣланы относительно лицъ, удалившихся отъ дѣлъ.

гами растетъ на 30%, а при страховомъ дѣлѣ занято вдвое больше человѣкъ, чѣмъ въ 1881 г., и въ шесть разъ больше, чѣмъ въ 1871 г. Взявъ торговцевъ сукнами и мелочными товарами, какъ указателей класса торгующихъ главными предметами промышленности, мы найдемъ ростъ отъ 82.362 до

107.017 человѣкъ, или ростъ на 29%; число людей, занятыхъ въ 13 наиболѣе типичныхъ отдѣлахъ розничной торговли, увеличилось отъ 1881 г. до 1891 г. не меньше, чѣмъ на 27.9%.

Разсматривая эти данныя, мы убѣждаемся, что однимъ косвеннымъ результатомъ увеличеннаго производства, вызваннаго увеличеннымъ приложеніемъ машинъ, несомнѣнно было увеличеніе числа занятыхъ людей въ перевозочныхъ и распредѣлительныхъ отрасляхъ промышленности. Это увели-

ченіе числа занятыхъ людей при транспортной индустріи не только вызвано паровымъ сообщеніемъ по морю и сушѣ. Первыя опасенія, что желѣзныя дороги уничтожатъ сообщеніе по большимъ шоссейнымъ дорогамъ, не оправдались. Хотя число занятыхъ людей на желѣзныхъ дорогахъ росло очень быстро, но перевозка по обыкновеннымъ дорогамъ росла почти въ той же пропорціи.

	Желѣзн. дор.	Больш. дороги.
1841	0.03	0.7
1851	0.3	0.9
1861	0.5	1.1
1871	0.8	1.2
1881	1.2	1.5
1891	1.4	2.8

Данныя ценза Соединенныхъ Штатовъ ясно показываютъ, что повозки и лошади не были вытѣснены желѣзными дорогами, или, говоря точнѣе, желѣзныя дороги скорѣе увеличили употребленіе повозокъ, чѣмъ уменьшили его. Въ 1850 г. при выдѣлкѣ каретъ и повозокъ было занято 15.590 человѣкъ, а въ 1870 г. 54.928 человѣкъ. Въ теченіе самаго періода роста желѣзныхъ дорогъ число лошадей въ странѣ увеличилось отъ 4.336.717 до 7.145.370. На самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ населеніе увеличилось на 66%, число каретниковъ и телѣжниковъ увеличилось, не смотря на увеличенное употребленіе трудо-сберегательныхъ машинъ, болѣе чѣмъ на 200%.

Не нужно однако упускать изъ виду, что прямое вліяніе машинъ на перевозочныя индустріи также выражается въ пропорціональномъ уменьшеніи числа занятыхъ рабочихъ. Сравненіе двухъ главныхъ вѣтвей парового передвиженія выяснитъ это рельефнѣе.

Въ желѣзныхъ дорогахъ машины играютъ совершенно другую роль, чѣмъ въ паровомъ передвиженіи по морю. Паровикъ только косвеннымъ образомъ опредѣляетъ и регулируетъ работу желѣзнодорожныхъ служащихъ. Большинство изъ нихъ не ухаживаютъ за машиной. Одни только машинистъ, кочегаръ и сторожъ находятся въ прямомъ близкомъ сношеніи съ машиной. Къ нимъ нужно еще прибавить тѣхъ, которые заняты постройкой машины и поправкой въ мастерскихъ. Стрѣлочники и нѣкоторые служащіе на станціяхъ являются вслѣдъ за ними по своей

близости къ машинѣ. Рабочіе, переводящіе поѣздъ на запасной путь, и носильщики тоже ухаживаютъ за машинами, хотя ихъ работа болѣе опредѣляется прямыми общими условіями предпріятія. Но можемъ мы развѣ сказать, что армія кладчиковъ рельсовъ и землекоповъ, занятыхъ вдоль полотна желѣзной дороги, ухаживаютъ за машиной, а не работаютъ ручными орудіями [1]). Дѣло кассировъ и контролеровъ, собирающихъ билеты, только косвеннымъ образомъ связано съ локомотивомъ. Хотя локомотивъ является центральнымъ факторомъ желѣзнодорожной работы, тѣмъ не менѣе главная масса искуснаго и простого труда только самымъ отдаленнымъ образомъ связана съ машиной. Это объясняетъ, почему ростъ желѣзнодорожной индустріи, послѣ того какъ главная работа строенія исполнена, не сопровождается пропорціональнымъ уменьшеніемъ числа занятыхъ рабочихъ. Напротивъ, мы замѣчаемъ, что ростъ числа желѣзнодорожныхъ служащихъ идетъ быстрѣе роста длины желѣзныхъ дорогъ въ миляхъ. Слѣдующія статистическія данныя о Великобританскихъ желѣзныхъ дорогахъ иллюстрируютъ этотъ фактъ.

Годы.	Длин. ж. дор. въ миляхъ.	Капиталъ въ фунт. стерл.	Служащіе.
1851			25.200
1861	10.865	362.327.338	53.400
1871	15.376	552.661.551	84.900
1881	18.175	745.528.162	139.500
1891	20.191	919.425.121	186.700

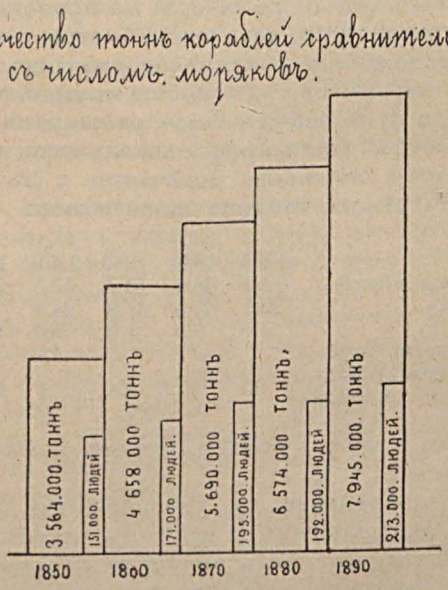
Если мы обратимся къ перевозкѣ по водѣ, гдѣ гораздо бо́льшая часть рабочихъ непосредственно связана съ уходомъ за машиной или ея управленіемъ, и прослѣдимъ вліяніе приложенія пара на число служащихъ, то мы получимъ совершенно другой результатъ.

	Парусныя суда вмѣстимость	Пароходы вмѣстимость (tonnage)	Служащіе на парусн. судахъ.	Служащіе на пароходахъ.
1850	3.396,359	168.474	142.730	8.700
1860	4.204,360	454.327	145.487	26.105

[1]) Но копаніе земли машинами есть уже машинное производство. 18 человѣкъ съ машиной - землекопомъ можетъ исполнять работу 60 или 70 людей землекоповъ.

1870	4.577,855	1.112.934	147.207	48.755
1880	3.851,045	2.723.488	108.668	84.304
1890	2.907,405	5.037.666	84.008	129.366[1])

Если мы возьмемъ періодъ отъ 1870—1890, въ теченіе котораго произошло абсолютное уменьшеніе груза прово-

зимаго по паруснымъ судамъ, то мы найдемъ, что это сокращеніе сопровождалось менѣе чѣмъ соразмѣрнымъ уменьшеніемъ числа служащихъ. Съ другой стороны, грузъ, провозимый по пароходамъ, увеличился за этотъ періодъ

[1]) Общее вліяніе на измѣненія въ морскомъ сообщеніи на число моряковъ хорошо выражено въ слѣдующихъ числахъ, гдѣ вмѣстимость парусныхъ судовъ и пароходовъ взяты вмѣстѣ.

	Вмѣстимость.	Служащихъ.
1850	3.564.833	151.430
1860	4.658.687	171.592
1870	5.690.189	195.962
1880	6.574.513	192.972
1890	7.945.071	213.374

въ четыре раза, но это принесло съ собой увеличеніе числа рабочихъ меньше, чѣмъ втрое.

Французскія статистическія данныя за вторую половину нашего столѣтія показываютъ то же общее движеніе, поскольку дѣло касается числа занятыхъ рабочихъ, хотя это движеніе менѣе правильно.

Тамъ замѣчается то же паденіе въ пропорціи населенія, занятаго въ земледѣліи, хотя менѣе быстро, чѣмъ въ Англіи, то же пропорціональное сокращеніе рабочихъ, занятыхъ въ фабричныхъ отрасляхъ, или вообще въ производительныхъ индустріяхъ, и то же значительное расширеніе „торговыхъ" классовъ. Быстрый ростъ профессіональныхъ и публичныхъ услугъ (services) одинаково замѣчается и въ Англіи, и во Франціи. Слѣдующая таблица показываетъ это движеніе во Франціи [1]):

	1856	1861	1866	1872	1876	1881	1886
Земледѣльческіе классы	52.9	53.2	51.5	52.5	53.0	50.0	47.8
Промышленные	29.1	27.4	28.8	24.1	25.9	25.6	25.2
Коммерческіе	4.5	3.9	4.0	8.4	10.7[2])	10.5[2])	11.5[2])
Профессіональныя публичныя услуги, личности, живущія на свой доходъ	9.1	9.2	9.5	11.1	10.3	10.2	11.1

Эти факты и цифры поддерживаютъ, какъ видно, слѣдующіе выводы:

1) Что одновременно съ увеличеннымъ приложеніемъ машинъ къ текстильнымъ и другимъ главнымъ отраслямъ промышленности, въ этихъ индустріяхъ произошло уменьшеніе числа занятыхъ рабочихъ по сравненію съ ростомъ рабочаго населенія.

2) Что въ транспортной индустріи увеличеніе въ числѣ занятыхъ рабочихъ находится въ обратномъ отношеніи къ введенію машинъ въ различныя отрасли, въ качествѣ господствующаго фактора.

3) Что значительное уменьшеніе числа людей, занятыхъ земледѣліемъ не вознаграждается пропорціональнымъ увели-

---

[1]) M. S. Levasseur, La Population Française. Paris, 1889.

[2]) Транспорная индустрія, гдѣ въ 1886 г. было 2.8% населенія, получающаго доходъ, была съ 1876 г. включена въ коммерческую. Принимая это во вниманіе мы, при сравненіи индустріальнаго и коммерческаго населенія въ 1866 г. и въ 1886 г., найдемъ, что въ то время, какъ первое падаетъ съ 28.8% до 25.2%, послѣднее подымается отъ 4.0% до 8.7%.

ченіемъ фабричнаго населенія, но что вытѣсненный земледѣльческій трудъ находитъ занятіе въ такихъ отрасляхъ транспортной и распредѣлительной индустріи, въ которыхъ машины играютъ менѣе важную роль.

При приблизительной оцѣнкѣ вліянія машинъ на число занятыхъ рабочихъ, мы не затронули ихъ вліянія на англійское земледѣліе, въ виду внутренней сложности дѣйствующихъ силъ. Но не нужно забывать, что почти самымъ, важнымъ факторомъ, повлекшимъ за собой паденіе числа людей, занятыхъ англійскимъ земледѣліемъ, являются перевозочныя машины, которыя привели продукты далекихъ странъ въ конкуренцію съ англійскими земледѣльческими продуктами.

Поскольку поэтому статистическія данныя являются вѣрнымъ указателемъ вліянія машинъ на спросъ на трудъ, мы должны заключить, что чистое вліяніе машинъ выражается въ уменьшеніи числа рабочихъ въ отрасляхъ, прямо связанныхъ съ машиной, и въ увеличеніи спроса на трудъ въ тѣхъ отрасляхъ гдѣ, машины играютъ малую и косвенную роль. Если это вѣрно относительно Англіи, которая будучи первой въ развитіи фабричной системы, больше всѣхъ другихъ странъ спеціализировалась въ промышленныхъ искусствахъ, то вѣроятно, что чистый результатъ вліянія машинъ во всемъ промышленномъ мірѣ тоже состоялъ въ томъ, чтобы бросить большую относительно часть населенія въ индустріи, гдѣ машины играютъ не первостепенную роль. Этотъ общій выводъ однако, по недостатку точныхъ статистическихъ изслѣдованій, которыя были бы составлены на единомъ основаніи, нужно только считать вѣроятнымъ.

2) *Вліяніе машинъ на регулярность занятій рабочихъ.* Вліяніе машинъ на регулярность занятія рабочаго имѣетъ двойное значеніе. Оно имѣетъ прямое отношеніе къ измѣренію спроса на трудъ, такъ какъ, говоря о спросѣ, мы должны принять во вниманіе не только число занятыхъ людей, но также количество занятій, которое каждый получаетъ. Затѣмъ оно имѣетъ общее вліяніе на моральное промышленное положеніе рабочихъ и черезъ это также на производительность ихъ труда; эта сторона вопроса привлекаетъ все большее вниманіе людей, изучающихъ проблемы промышленности. Мы коснемся здѣсь одной только первой стороны вопроса. Мы должны здѣсь различать: а) вліяніе

введенія машинъ, какъ нарушателей регулярности труда; b) нормальное вліяніе машиннаго производства на регулярность труда.

a) Прямой и первый эффектъ введенія машинъ есть, какъ мы видѣли, вытѣсненіе рабочихъ. Машина причиняетъ извѣстную долю безработицы совершенно независимо отъ ея окончательнаго вліянія на число людей, которымъ она даетъ занятіе. Проф. Никольсонъ находитъ два закона или тенденціи, которые дѣйствуютъ въ направленіи уменьшенія этого нарушающаго вліянія машинъ. Онъ думаетъ: 1) что радикальныя перемѣны, сдѣланныя въ способахъ производства, будутъ постепенно и безпрерывно примѣняться; 2) что эти радикальныя перемѣны—эти прерывистыя скачки—стремятся уступить мѣсто прогрессу посредствомъ маленькихъ приращеній къ изобрѣтеніямъ [1]).

Исторія, конечно, показываетъ, что болѣе полное приложеніе крупныхъ изобрѣтеній совершалось медленно, хотя проф. Никольсонъ придаетъ слишкомъ большое значеніе подвижности труда и его способности приспособляться къ угрожающимъ перемѣнамъ. Исторія введенія механическаго ткацкаго станка раскрываетъ ужасныя страданія ручныхъ ткачей, не смотря на постепенное введеніе этого изобрѣтенія. Тотъ фактъ, что, рядомъ съ ростомъ числа механическихъ ткацкихъ станковъ, не уменьшалось также число ручныхъ станковъ, есть доказательство неподвижности ручныхъ ткачей, которые держались своего нерегулярнаго и плохо оплачиваемаго занятія изъ-за невѣжества и неумѣнія приспособлять себя къ измѣненнымъ обстоятельствамъ [2]). Всегда, когда причинялись несчастья, главнымъ дѣйствующимъ вліяніемъ было не введеніе машинъ, а внезапное измѣненіе моды. Такъ было съ дѣлателями круговъ для кринолина (crinoline-hoop) въ Уоркширѣ, съ машинами для соломенныхъ шляпъ, складокъ въ Бедфордширѣ, Бэксѣ, Гертсѣ и Эссексѣ [3]). Внезапное вхожденіе въ силу капризныхъ протекціонныхъ тарифовъ тоже часто составляетъ источникъ нарушенія. Поскольку дѣло касается вытѣсненія рабочихъ, вслѣдствіе примѣненія новыхъ машинъ, то, конечно, въ общемъ совер-

[1]) J. S. Nicholson, Effects of Machinery on Wages, стр. 33.
[2]) Babbage, Economy of Manufactures, стр. 230.
[3]) Thorold Rogers, Political Economy, стр. 78, 79.

менно правильно сказать, что рабочимъ дается достаточное предупрежденіе, чтобы остановить ихъ дальнѣйшій притокъ въ эти индустріи и обратить ихъ къ такимъ индустріямъ, которыя растутъ сообразно новымъ способамъ производства, хотя при этомъ трудъ, который уже спеціализировался въ старыхъ индустріяхъ, подвергается самымъ жестокимъ страданіямъ. Болѣе того, измѣненія, происходящія въ нѣкоторыхъ машинныхъ индустріяхъ, благопріятствуютъ увеличенному приспособленію труда. Многіе машинные процессы или одинаковы во многихъ индустріяхъ, или же настолько мало отличаются другъ отъ друга, что всякій мало-мальски интеллигентный рабочій можетъ скоро научиться другому процессу. Если вѣрно, что такъ называемая „общая средняя способность, дающая возможность рабочему легко перейти отъ одной отрасли къ другой, становится съ каждымъ годомъ болѣе важной, чѣмъ ручная ловкость и техническія знанія, которыя спеціализируются въ отдѣльную отрасль индустріи“ [1]), то мы въ этомъ имѣемъ прогрессивную силу, стремящуюся къ приведенію до минимума количество безработицы, обязанное новому приложенію спеціальныхъ машинъ.

Второй законъ проф. Никольсона болѣе спекулятивенъ и менѣе вѣренъ въ своемъ дѣйствіи. Онъ ставитъ абсолютную границу числу крупныхъ изобрѣтеній. За радикальными перемѣнами несомнѣнно слѣдуютъ меньшія приращенія въ изобрѣтеніяхъ; но мы не можемъ быть увѣрены, что новыя радикальныя перемѣны, такія же важныя, какъ первыя, не послѣдуютъ въ будущее время. Нельзя поставить границу прогрессу механическихъ изобрѣтеній или скорости, съ которой прогрессъ будетъ подвигаться. Если мы сумѣемъ одолѣть нѣкоторыя общія извѣстныя затрудненія въ приложеніи электричества, какъ мотора, то мы имѣемъ всякія основанія предполагать, что при той быстротѣ, съ которой наши знанія теперь распространяются, наша фабричная система можетъ быть реорганизована и трудъ вытѣсняться гораздо быстрѣе, чѣмъ при введеніи пара, и съ такой скоростью, которая превзойдетъ способность рабочихъ приспособляться къ новымъ условіямъ. Во всякомъ случаѣ мы не имѣемъ права предполагать, что подвижность труда

[1]) Marshall, Principles of Political Economy, стр. 607; см. Cunningham; Uses and Abuses of Money, стр. 59.

идетъ наравнѣ съ приложеніемъ новыхъ и разстраивающихъ трудъ изобрѣтеній. Такъ какъ мы не можемъ принять, что рынокъ будетъ расширяться pari passu съ улучшеніемъ средствъ производства, то ясно, что усовершенствованіе машинъ нужно считать нормальной причиной необезпеченности въ занятіяхъ рабочаго. Лишеніе занятія можетъ быть только временно, но такъ какъ жизнь рабочаго тоже только временна, то такое лишеніе можетъ быть разстраивающимъ факторомъ значительной важности.

b) Благопріятствуютъ ли машины независимо отъ измѣненій, вызываемыхъ ихъ введеніемъ, правильности или неправильности занятій, это вопросъ, на который можно дать довольно точный отвѣтъ. Структура отдѣльной фабрики, съ ея все растущимъ количествомъ дорогихъ машинъ, является на первый взглядъ прямой гарантіей правильности занятія, такъ какъ это въ интересахъ же капиталиста. Нѣкоторыя „потныя“ („sweating“) отрасли промышленности въ Лондонѣ держатся, говорятъ, благодаря экономіи, которою пользуются предприниматели, не употребляющіе дорогихъ машинъ, и которые могутъ увеличивать или уменьшать число рабочихъ сообразно съ спросомъ въ данный „сезонъ“. Такъ, напр., бываетъ въ выдѣлкѣ мѣховъ (fur-pulling) и искусственныхъ цвѣтовъ.

Когда же работодатель употребляетъ громадныя количества основного капитала, то его личный интересъ, конечно, высказывается за полныя и правильныя занятія рабочихъ. Съ этой точки зрѣнія машины должны, повидимому, благопріятствовать постоянству занятій. Съ другой стороны, проф. Никольсонъ имѣетъ вѣскія доказательства въ пользу своего утвержденія, что „большія колебанія въ цѣнѣ происходятъ въ тѣхъ товарахъ, которые для своего производства требуютъ большихъ массъ основного капитала. Эти колебанія въ цѣнахъ сопровождаются соотвѣтствующими колебаніями въ заработной платѣ и непостоянствомъ занятій“ [1]). Словомъ, хотя интересъ каждаго производителя машинныхъ издѣлій указываетъ ему давать постоянное занятіе, есть болѣе широкія силы, заставляющія его давать неправильное занятіе. Что же это за сила? Это неконтролируемыя машины. Въ отдѣльныхъ единицахъ машиннаго

[1]) Effects of Machinery on Wages, стр. 66.

производства, въ фабрикахъ и заводахъ, мы имѣемъ удивительный порядокъ и точное соотвѣтствіе въ отдѣльныхъ частяхъ, но во всемъ машинномъ производствѣ, взятомъ въ цѣломъ, мы не имѣемъ организаціи, а хаосъ рискованныхъ спекуляцій. „Индустрія не приспособила себя еще къ перемѣнамъ въ окружающей средѣ, вызваннымъ машинами". Это все.

При денежной системѣ торговли, хотя товары все еще обмѣниваются на товары, существеннымъ условіемъ обмѣна является то обстоятельство, чтобы владѣющіе покупательной силой соглашались употреблять значительную ея часть на спросъ на предметы потребленія. Иначе производство производительныхъ товаровъ стимулируется слишкомъ быстро, между тѣмъ какъ спросъ на предметы потребленія останавливается,—получается состояніе, которое предприниматель вѣрно разсматриваетъ, какъ переснабженіе матеріальныхъ формъ капитала. Когда производство было медленнѣе, рынки уже [1]), кредитъ менѣе развитъ, опасность ложныхъ расчетовъ была меньше, и исправляющія силы промышленности дѣйствовали энергичнѣе. Но современныя машины неизмѣримо увеличили размѣръ рынковъ, масштабъ конкуренціи, сложность спроса, и производство теперь уже не ведется для малаго, мѣстнаго, спроса настоящаго времени, но для крупнаго, всемірнаго, будущаго спроса. Машины являются поэтому прямой матеріальной причиной всѣхъ этихъ крупныхъ колебаній, которыя приносятъ за собой, какъ свои самыя жестокія послѣдствія, непостоянство въ заработной платѣ и занятіяхъ.

Насколько эти неурядицы стремятся къ исправленію и саморегулированію? Проф. Никольсонъ полагаетъ, что время вызоветъ лучшее приспособленіе машинъ къ окружающимъ условіямъ.

„Громадное развитіе парового сообщенія и проложеніе

[1]) Расширеніе площади рынка можетъ однако въ нѣкоторыхъ случаяхъ сдѣлать какую-нибудь отрасль промышленности болѣе постоянной, особенно въ производствѣ предметовъ роскоши, которые подвержены мѣстнымъ колебаніямъ моды и т. д. Узкій рынокъ для англійскаго шелка означалъ колеблющееся занятіе и низкій уровень технической ловкости. Открытый рынокъ далъ улучшенную ловкость и постоянство, такъ какъ хотя шелкъ все еще самая непостоянная отрасль во всей текстильной индустріи, его колебанія теперь гораздо менѣе значительны, чѣмъ въ XVIII ст. (См. Porter, стр. 225).

телеграфа по всему земному шару вызвали развитіе современной индустріи отъ гигантской морской звѣзды, одинъ членъ которой можетъ быть уничтоженъ безъ всякаго послѣдствія для другихъ членовъ въ μέγα ζῶον, у которой начинается конвульсивная агонія при малѣйшемъ поврежденіи одной какой-нибудь части. Промышленный застой чувствуется теперь такъ же остро въ Америкѣ и даже въ нашихъ колоніяхъ, какъ у насъ дома. Тѣмъ не менѣе со временемъ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ организаціи и съ уменьшеніемъ нездоровой спекуляціи, это расширеніе рынка необходимо поведетъ къ большему постоянству въ цѣнахъ, но въ настоящее время, разстраивающія силы часто совершенно перевѣшиваютъ предполагаемые основные элементы“ [1]).

Организація капитала подъ давленіемъ этихъ силъ несомнѣнно совершается, и когда эта организація пойдетъ достаточно далеко, она несомнѣнно поведетъ къ уменьшенію нездоровой спекуляціи. Но эти шаги въ организаціи были именно сдѣланы въ тѣхъ индустріяхъ, которыя занимаютъ большія количества основного капитала, а между тѣмъ общепризнанный фактъ, что сильныя колебанія все еще случаются въ этихъ индустріяхъ, можетъ служить доказательствомъ, что вліянія въ пользу большого постоянства подобной организаціи недостаточно еще дали о себѣ знать въ этомъ направленіи. Конкуренція все болѣе крупныхъ массъ организованнаго капитала, повидимому, вызываетъ все болѣе опасныя спекуляціи и все большія колебанія. Вліяніе организаціи въ направленіи постоянства можетъ достигнуть преобладанія не раньше, чѣмъ весь капиталъ въ какой-либо отрасли промышленности организуется въ какую-нибудь форму или степень комбинаціи.

Но есть также другая сила, которая въ Англіи, по крайней мѣрѣ при увеличенномъ приложеніи машинъ, способствуетъ скорѣе увеличенію, чѣмъ уменьшенію спекулятивнаго производства. Мы уже видѣли, что число рабочихъ, занятыхъ производствомъ предметовъ комфорта и роскоши относительно растетъ, между тѣмъ какъ число рабочихъ, занятыхъ приготовленіемъ первыхъ предметовъ необходимости, относительно падаетъ. Насколько дѣйствіе закона уменьшающейся доходности позволитъ этой тенденціи идти впредъ, трудно опре-

[1]) Op. cit., стр. 17.

дѣлить. Но статистика показываетъ, что это есть современная тенденція въ Англіи, равно какъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Но спросъ на предметы комфорта и роскоши по существу болѣе неправиленъ и менѣе благопріятенъ торговому расчету, чѣмъ спросъ на предметы необходимости. Самыя крупныя экономіи машиннаго производства замѣчаются въ тѣхъ индустріяхъ, гдѣ спросъ самый большой, наиболѣе постоянный и болѣе всего допускающій предварительный расчетъ. Вліяніе машинъ такимъ образомъ состоитъ въ томъ, чтобы погнать все большія количества рабочихъ изъ менѣе непостоянныхъ къ болѣе непостояннымъ занятіямъ. Болѣе того, замѣчается, что спросъ на предметы роскоши становится все болѣе неправильнымъ и менѣе разсчитываемымъ, и вмѣстѣ съ этимъ и производства, занимающіяся ихъ изготовленіемъ, становятся неправильными. 20 лѣтъ тому назадъ ленточнымъ ткачамъ въ Ковентри было возможно въ зимніе мѣсяцы готовить на запасъ, такъ какъ хотя шелковыя ленты можно всегда причислить къ роскоши, нѣкоторые сорты все-таки имѣли постоянный спросъ. Теперь же колебанія въ модѣ болѣе остры и болѣе часты, и гораздо большая часть потребителей лентъ находятся подъ вліяніемъ перемѣнъ въ модахъ. Поэтому становится все труднѣе и труднѣе предсказывать рынокъ, все менѣе и менѣе готовится на запасъ, все болѣе и болѣе дѣлаются по заказу, и заказы даются все на болѣе короткіе сроки. Такъ, станки и ткачи, находившіеся въ бездѣйствіи значительную часть года, бросаются въ лихорадочную дѣятельность въ короткіе и неправильные періоды. То же самое приложимо ко многимъ другимъ сезоннымъ и модньшъ отраслямъ промышленности. Неправильность спроса препятствуетъ этимъ производствамъ пожинать полный плодъ экономій машинъ, хотя частичное приложеніе машинъ и силы облегчаетъ исполненіе заказовъ на короткіе сроки. Слѣдовательно, увеличеніе пропорціи дохода общества, затрачиваемой на предметы роскоши, требуетъ также увеличенія пропорціи общественнаго труда, занимающагося ихъ изготовленіемъ. Это означаетъ бросаніе труда изъ болѣе постоянныхъ формъ занятій къ менѣе постояннымъ, и это непостоянство постоянно растетъ. Все бо́льшая часть городскихъ рабочихъ постоянно переходитъ въ отрасли промышленности, связанныя съ приготовленіемъ и сохране-

ніемъ животныхъ и растительныхъ веществъ, и къ такимъ индустріямъ, какъ шляпочное, конфектное, переплетное, индустріямъ, находящимся подъ вліяніемъ погоды, праздниковъ и сезоновъ, или къ такимъ, гдѣ вкусъ и мода имѣютъ сильное вліяніе.

Есть такимъ образомъ три способа, посредствомъ которыхъ капиталистическіе способы производства причиняютъ временную безработицу: 1) Безпрерывный ростъ трудосберегательныхъ машинъ вытѣсняетъ количество рабочихъ, заставляя ихъ совершенно или отчасти оставаться безъ работы, пока они не „приспособятся“ къ новымъ экономическимъ условіямъ. 2) Ложный расчетъ и временное перепроизводство, къ которому машинное производство съ широкимъ непостояннымъ рынкомъ особенно склонно приносить съ собой глубокій застой, временно лишающій работы массы искусныхъ и простыхъ рабочихъ. 3) Экономія машиннаго производства въ главныхъ индустріяхъ бросаетъ огромную пропорцію труда въ такія отрасли, которыя заняты снабженіемъ товаровъ, спросъ на которые болѣе неправиленъ, и въ которыхъ слѣдовательно колебанія въ спросѣ на трудъ должны быть болѣе глубокія.

Большинство экономистовъ, которые все еще глубоко проникнуты вѣрой въ удивительный порядокъ и экономію „игры экономическихъ силъ“, разсматриваетъ всякую безработицу, не приписываемую личному пороку или неспособности, какъ естественный и необходимый эффектъ процесса приспособленія, благодаря которому прогрессъ совершается, совершенно игнорируя два послѣднихъ пункта. Есть однако основанія полагать, что въ средній годъ гораздо большее число безработныхъ лишаются работы вслѣдствіе временнаго промышленнаго застоя въ отрасляхъ, гдѣ они были заняты, чѣмъ вслѣдствіе колебаній, произведенныхъ органическими измѣненіями въ структурѣ отраслей промышленности.

Размѣръ и значеніе безработицы, вызванной прежде всего промышленными застоями, не вполнѣ достаточно оцѣнивается. Слѣдующія статистическія данныя о состояніи рынка искуснаго труда въ періодъ 1886—1892, основанныя на данныхъ отчетовъ 22 рабочихъ союзовъ, могутъ послужить иллюстраціей нашего вывода.

Годы.	Процентъ безработныхъ.
1886	10.1
1887	8.6
1888	4.4
1889	1.8
1890	2.6
1891	4.45
1892	7.33
1893	7.9

Если мы припомнимъ, что эти данныя относятся только къ хорошо организованнымъ рабочимъ союзамъ, которые по правилу состоятъ изъ самыхъ искусныхъ рабочихъ въ различныхъ отрасляхъ промышленности и которые имѣютъ менѣе шансовъ быть выброшенными во время безработицы, и что строительныя и сезонныя работы, совершенно не входятъ въ эти отчеты и что индустріи, при которыхъ работаютъ женщины, которыя, какъ всѣмъ извѣстно, отличаются еще большею неправильностью, совершенно игнорируются, то очевидно, что эти статистическія данныя совершенно недостаточно характеризуютъ количество безработныхъ по отношенію ко всему рабочему населенію. „Докладъ о главныхъ и второстепенныхъ отрасляхъ текстильной промышленности“ уменьшаетъ на 10% нормальную заработную плату, какъ дѣйствіе безработицы, хотя 1885 г., къ которому данныя относятся, считается „типичнымъ нормальнымъ годомъ“ [1]).

Вредъ, наносимый заработной платѣ, производительности труда и характеру рабочаго класса не вполнѣ достаточно обрисованъ среднимъ числомъ безработныхъ за долгій періодъ времени. Во-первыхъ, это вычисленіе не принимаетъ въ расчетъ того, что массы рабочихъ по цѣлымъ мѣсяцамъ работаютъ только урывками. Во-вторыхъ, измѣряя зло безработицы, приходится скорѣе брать максимальное, чѣмъ среднее состояніе. Если человѣкъ находится въ опасности быть лишеннымъ своей пищи за цѣлый мѣсяцъ, то никакое вычисленіе, что въ среднемъ у него есть больше, чѣмъ ему нужно для ѣды и питья, не ослабитъ опасности, которой онъ подверженъ. Если мы находимъ, что разъ въ

[1]) Стр. XII.

каждыя десять лѣтъ какихъ-нибудь 10% искусныхъ рабочихъ и гораздо большій процентъ простыхъ рабочихъ остаются безъ дѣла въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ, то эти цифры измѣряютъ экономическую болѣзнь „безработицы“, которая никоимъ образомъ не вознаграждается излишнимъ трудомъ въ періодѣ лучшаго состоянія промышленности.

Разсмотрѣнныя нами тенденціи машиннаго производства приводятъ насъ къ заключенію, что насколько дѣло касается двухъ условій, опредѣляющихъ собой спросъ на трудъ, а именно числа занятыхъ рабочихъ и постоянства занятій, то машины при настоящихъ условіяхъ не благопріятствуютъ увеличенію постояннаго спроса на трудъ. Машины имѣютъ тенденцію направлять все большее количество труда по слѣдующимъ тремъ направленіямъ:

1) Къ изобрѣтенію, устройству и сохраненію машинъ для дѣланія машинъ; при устройствѣ машинъ трудъ постоянно вытѣсняется машинами и направляется къ устройству машинъ, которыя все болѣе отдалены отъ машинъ, непосредственно занятыхъ приготовленіемъ предметовъ потребленія. Такимъ образомъ, количество труда, занятаго приготовленіемъ даннаго количества предметовъ потребленія, относительно все уменьшается. Одно только увеличеніе количества потребленія или открытіе новыхъ сортовъ потребленія можетъ удержать на той же высотѣ или увеличить спросъ на трудъ въ этихъ машиностроительныхъ отрасляхъ промышленности.

2) Къ безпрерывной спеціализаціи, подраздѣленію и улучшенію способовъ распредѣленія. Умноженіе числа купцовъ, агентовъ, розничныхъ продавцевъ, которое, не смотря на силы, дѣйствующія въ направленіи централизаціи распредѣлительныхъ работъ, составляетъ такую отличительную черту англійской промышленности за послѣднія 40 лѣтъ, есть естественный результатъ вліянія машинъ, освобождающій все большее пропорціональное количество труда отъ производительныхъ процессовъ.

3) Къ снабженію новыхъ формъ богатства, которыя или а) совершенно нематеріальны, — какъ, напр., интеллектуальныя, артистическія или другія личныя услуги, или б) частно нематеріальны, какъ, напр., работы, связанныя съ искусствомъ и ловкостью, стоимость работы, главнымъ образомъ, состоитъ въ овеществленіи личнаго вкуса или само-

произвольной энергіи, в) удовлетворяютъ слишкомъ неправильному спросу или имѣющему такой узкій характеръ, что приложеніе машинъ оказывается невозможнымъ. Ученыя профессіи, искусство, наука, литература и отрасли труда, занятыя производствомъ предметовъ роскоши или исполненіемъ услугъ роскоши, выказываютъ постоянное увеличеніе числа занятыхъ рабочихъ, хотя снабженіе труда настолько превышаетъ спросъ во всѣхъ такихъ отрасляхъ, что и здѣсь большой процентъ безработныхъ сталъ хроническимъ.

Пока значитъ общество количественно растетъ, пока личности желаютъ все полнѣе удовлетворять своимъ существующимъ потребностямъ и продолжаютъ развивать новыя потребности, вырабатывая все болѣе высокій или болѣе сложный уровень потребленія, мы не имѣемъ достаточныхъ основаній для вывода, что машины вызываютъ чистое уменьшеніе спроса на трудъ, хотя онѣ уменьшаютъ пропорцію занятыхъ рабочихъ въ фабричныхъ индустріяхъ, но есть много основаній предполагать, что машины имѣютъ тенденцію дѣлать работу менѣе постояннымъ, болѣе случайнымъ и болѣе колеблющимся въ своей рыночной стоимости.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Машины и качество труда.

Разсматривая вліяніе машинъ на качество труда, т. е. на ловкость, напряженность, интеллектуальность и т. д., намъ предстоятъ два вопроса. Въ какихъ отношеніяхъ машины превосходятъ человѣческій трудъ? Въ какихъ родахъ труда машина вытѣсняетъ человѣка? Такъ какъ весь промышленный трудъ состоитъ въ передвиженіи матеріи, то преимущества машинъ должны заключаться въ производствѣ и пользованіи двигательной силой. Главными преимуществами машинъ считаются [1]):

1) Увеличеніе двигательной силы, которое достигается при приложеніи машинъ къ индустріи, 2) бо̀льшая точность въ регулярномъ приложеніи двигательной силы: а) по времени—точное повтореніе тѣхъ же движеній въ урегулированные промежутки, или бо̀льшая точность въ продолжительности, б) по мѣсту—точное повтореніе тѣхъ же движеній въ пространствѣ [2]).

---

[1]) См. выше, гл. III.

[2]) Карлъ Марксъ подводитъ главныя экономіи машинъ подъ два класса: 1) Машины замѣщаютъ искусство человѣка, работающаго простыми орудіями. „Машина“, составляющая точку исхода промышленной революціи, замѣщаетъ рабочаго, управляющаго простымъ орудіемъ, механизмомъ, работающимъ нѣсколькими подобными орудіями и приводимымъ въ движеніе двигательной силой, все равно какова форма этой двигательной силы. 2) Машины замѣщаютъ силу человѣка. Увеличеніе въ размѣрѣ машины и въ числѣ ея рабочихъ инструментовъ вызываетъ потребность въ болѣе массивномъ механизмѣ для приведенія ея въ движеніе; и этотъ механизмъ требуетъ, чтобы одолѣть свое сопротивленіе, болѣе могущественную двигательную силу, чѣмъ человѣческая.

Всѣ преимущества, приписываемыя машинѣ, каковы: экономія во времени, проявленіе болѣе концентрированной силы и большей деликатности въ манипуляціяхъ, вытекаютъ изъ этихъ двухъ главныхъ экономій. Изъ этого слѣдуетъ, что гдѣ только производительность труда зависитъ отъ траты мускульной силы въ качествѣ двигателя или отъ точности въ регулированіи мускульной силы, тамъ машины будутъ стремиться вытѣснять человѣческій трудъ. Предполагая поэтому, что вытѣсненный трудъ находитъ другое занятіе, это новое занятіе будетъ такое, гдѣ машины еще не имѣютъ такого преимущества надъ ручнымъ трудомъ, т. е. въ этомъ занятіи будетъ меньше нужды въ мускульномъ напряженіи или въ правильности движеній. На первый взглядъ поэтому покажется, что вытѣсненіе ручного труда машиннымъ произведетъ повышеніе качества труда, т. е. оно увеличитъ пропорцію труда, занятаго въ тѣхъ отрасляхъ, которыя напрягаютъ мускулъ меньше и менѣе однообразны. Это въ общемъ выводъ, къ которому склоняется проф. Маршаль [1]).

Поскольку это касается отдѣльныхъ индустрій, мы уже показали, что введеніе машинъ означаетъ абсолютное уменьшеніе числа занятыхъ рабочихъ, развѣ только развитіе данной отрасли промышленности сопровождается крупнымъ паденіемъ цѣнъ, вызваннымъ уменьшеніемъ издержекъ производства. Нельзя еще считать общепринятымъ, что трудъ, вытѣсняемый введеніемъ автоматическихъ сгибателей въ печатаніе, найдетъ себѣ занятіе въ менѣе автоматической работѣ, связанной съ печатаніемъ. Рабочій можетъ быть принужденъ перейти отъ однообразной мускульной работы печатанія къ менѣе однообразной мускульной работѣ изготовленія нѣкоторыхъ новыхъ родовъ роскоши, спросъ на которые не достаточно еще великъ или правиленъ, чтобы стоило прилагать трудо-сберегательныя машины. Но, даже допуская, что крупная часть вытѣсненнаго труда находитъ работу въ занятіяхъ, которыя мы считаемъ менѣе мускульными и менѣе автоматическими въ виду того факта, что они еще не переняты машинами, мы не можемъ еще заключить, что это необходимо означаетъ уменьшеніе

[1]) Principles of Economy, 2-ое изд., стр. 314, 322.

общей суммы израсходованной физической энергіи или общей суммы „монотонности“ труда.

Одинъ прямой результатъ приложенія относительно большаго количества человѣческой рабочей силы къ такимъ родамъ труда, который менѣе „мускуленъ“ и менѣе автоматиченъ въ своемъ характерѣ, будетъ тенденція къ большему раздѣленію труда и къ большей спеціализаціи въ этихъ занятіяхъ. Экономическія же преимущества увеличенной спеціализаціи могутъ достигаться только благодаря увеличенію автоматическихъ дѣйствій. Такимъ образомъ рутинный или автоматическій характеръ, составлявшій источникъ однообразія занятій, откуда эти рабочіе были вытѣснены машинами, будетъ теперь сообщаться высшимъ родамъ труда, въ которыхъ эти рабочіе теперь заняты, и эти занятія въ свою очередь будутъ подвигаться къ такому состоянію, которое сдѣлаетъ ихъ открытыми для вторженія машинъ. Такъ какъ число продуктивныхъ процессовъ, подпадающихъ подъ контроль машинъ, будетъ такимъ образомъ постепенно увеличиваться, то ясно, что мы не можемъ принять, что каждое вытѣсненіе труда машинами увеличитъ пропорцію труда, занятаго болѣе легкими и болѣе интересными формами немеханическаго труда.

Нѣтъ также основаній предполагать, что ростъ машиннаго производства стремится къ уменьшенію физическаго напряженія рабочаго, хотя машины сильно уменьшаютъ трату чисто мускульной дѣятельности. Что касается тѣхъ рабочихъ, которые переходятъ отъ обыкновеннаго ручного труда къ уходу за машиной, то есть достаточно основаній думать, что въ типическихъ машинныхъ индустріяхъ новое занятіе такъ же тяжело обременяетъ ихъ физическую силу, какъ и старое занятіе. Профессоръ Никольсонъ цитируетъ слѣдующій поразительный примѣръ изъ „Cotton Factoy Times“: „Теперь стало довольно обычнымъ дѣломъ слышать со стороны молодыхъ людей, которые находятся въ лучшей порѣ—тридцатилѣтняго возраста, что они такъ истощены работой на длинныхъ станкахъ при скоромъ ходѣ и съ худшимъ матеріаломъ, что они ни къ чему не способны ночью, кромѣ того, чтобы пойти спать и отдыхать сколько только возможно. Мало людей повѣритъ этимъ даннымъ; но они вѣрны и ихъ можно каждый день провѣрить на большинствѣ фабрикъ прядильныхъ округовъ“.

Шульце-Геверницъ показываетъ, что въ современномъ пряденіи и тканьѣ хлопчатой бумаги замѣчается тенденція увеличивать число веретенъ и станковъ, за которыми рабочему приходится ухаживать и увеличивать скорость пряденія.

„Рабочему теперь приходится смотрѣть за количествомъ машинъ въ два или три раза больше, чѣмъ приходилось его отцу; число машинъ въ ходу увеличилось больше чѣмъ въ пять разъ съ того времени, между тѣмъ какъ число рабочихъ едва ли удвоилось“ [1]). Что касается скорости, то съ начала семидесятыхъ годовъ скорость однѣхъ только прядильныхъ машинъ увеличилась приблизительно на 15% [2]).

Мы однако не имѣемъ права вывести изъ утвержденія Шульце-Геверница относительно увеличенія числа веретенъ и станковъ, на которыхъ рабочему приходится работать, что произошло увеличеніе напряженности труда, соотвѣтствующее этому увеличенію машинъ; мы также не можемъ приписать увеличенное количество вырабатываемыхъ рабочимъ продуктовъ его высшей ловкости и энергіи. Главная часть трудо-сберегательнаго характера недавнихъ усовершенствованій особенно въ чесальныхъ, прядильныхъ и промежуточныхъ процессахъ заключалась въ томъ, чтобы сдѣлать трудъ, который раньше требовалъ энергіи рабочаго, автоматическимъ и дать такимъ образомъ рабочему возможность ухаживать за большимъ числомъ машинъ и увеличивать скорость, не увеличивая при этомъ трудовой энергіи.

При чесальныхъ, тростильныхъ, промежуточныхъ, наматывающихъ и прядильныхъ машинахъ замѣчается каждый разъ увеличеніе числа машинъ, при которыхъ одинъ рабочій работаетъ. Въ чесальныхъ машинахъ коренной переворотъ произошелъ за послѣднія нѣсколько лѣтъ; устроено, чтобы волочильня (drawing frame) автоматически останавливалась, какъ только замѣчается какой-нибудь недостатокъ, и это освободило рабочаго отъ крупной части надзора; въ тростильныхъ, промежуточныхъ и наматывающихъ машинахъ были введены нѣкоторыя детальныя усовер-

---

[1]) Der Grossbetrieb, стр. 120.
[2]) Ibid., стр. 117.

шенствованія, равно какъ въ прядильныхъ и схватывающихъ машинахъ.

До нѣкоторой степени увеличеніе количества веретенъ и т. д. и увеличеніе скорости сдѣлались, пожалуй, возможными именно благодаря снятію части надзора со стороны рабочаго. Болѣе того, хотя произошло несомнѣнно нѣкоторое общее ускореніе, но его нельзя точно измѣрить, потому что скорость машинъ часто измѣряется количествомъ работы, которую каждый процессъ исполняетъ; напримѣръ: если наматывающій станокъ дѣлаетъ грубый мотокъ, то скорость веретена не должна быть такъ велика, какъ если мотокъ бываетъ лучшаго качества; въ этомъ случаѣ прядильная машина (mule) вытягиваетъ относительно больше пряжи, чѣмъ при наматываніи лучшаго сорта или, другими словами, прядильная машина исполняетъ до нѣкоторой степени работу наматывающаго станка (roving frame).

Общее мнѣніе насчетъ прядиленъ склоняется къ тому, что 75% увеличенія продуктовъ, вырабатываемыхъ каждымъ рабочимъ, нужно приписать усовершенствованію машины, а 25%— увеличенію напряженности труда, вызванной увеличеніемъ числа веретенъ и ускореніемъ ихъ хода. Въ ткацкихъ процессахъ точныя измѣренія болѣе возможны, хотя и здѣсь многое зависитъ отъ качества употребляемой пряжи. Здѣсь за сокращеніемъ рабочаго дня слѣдуетъ увеличеніе скорости безъ всякихъ трудо-сберегательныхъ усовершенствованій. До фабричнаго законодательства въ 1878 г. скорость станковъ составляла приблизительно 170—190 ударовъ въ минуту при 10-ти часовомъ рабочемъ днѣ. Въ теченіе приблизительно двухъ лѣтъ послѣ сокращенія часовъ работы (на 6%) средняя скорость достигла 190—200 ударовъ, безъ всякихъ перемѣнъ въ машинахъ или въ сыромъ матеріалѣ, такъ что этотъ ростъ вызванъ относительнымъ увеличеніемъ ткацкой работы. Ухудшеніе качества сырого матеріала также приводится, какъ фактъ, вызывающій больше заботъ со стороны ткача и больше опасности и непріятности работы. Нельзя такъ легко дѣлать выводъ объ увеличеніи напряженія труда на основаніи увеличеннаго средняго количества станковъ, на которыхъ рабочему приходится работать, такъ какъ, какъ это недавно было показано компетентнымъ свидѣтелемъ передъ Labor Commission, все зависитъ отъ сорта станковъ и отъ товара, который

они вырабатываютъ. „Такъ же легко гнать пять станковъ одного сорта, какъ два другого“ [1]). Но господство системы, по которой надсмотрщики получаютъ часть съ продуктовъ, вырабатываемыхъ станками, довѣреннымъ ихъ присмотру, вызвала, какъ всѣ это допускаютъ, большое увеличеніе напряженности труда, что собственно составляло цѣль введенія этой системы.

Сводя всѣ показанія вмѣстѣ, мы можемъ сдѣлать выводъ, что сокращеніе рабочихъ часовъ и усовершенствованіе машинъ сопровождались увеличеніемъ трудовыхъ усилій въ единицу рабочаго времени. Выражаясь словами одного эксперта, „перемѣна для рабочихъ, занятыхъ практической работой, сводилась къ уменьшенію количества тяжелаго труда одного класса, но къ увеличенію зато его отвѣтственности въ виду того, что рабочіе поставлены при большемъ числѣ машинъ и болѣе дорогого сорта, а напряженность менѣе искуснаго труда была увеличена, благодаря увеличенію производства, да еще изъ худшаго матеріала. Я полагаю, что для рабочаго усовершенствованія въ машинахъ были нейтрализованы ухудшеніемъ качества употребляемаго матеріала, и я также думаю, что правильно допустить, что напряженность ихъ труда увеличилась по крайней мѣрѣ наравнѣ съ увеличеніемъ числа веретенъ и т. д.“.

Прямой выводъ, который можно сдѣлать изъ этой самой развитой машинной индустріи, подтверждаетъ только общее мнѣніе, выраженное проф. Никольсономъ слѣдующимъ образомъ: „ясно, что употребленіе машинъ, хотя, повидимому, сберегающихъ трудъ, часто ведетъ къ увеличенію количества труда, отрицательно посредствомъ неразвитія ума, положительно посредствомъ вреда организму“ [2]).

Когда требуется какое-нибудь мускульное или вообще физическое усиліе, то ясно, что увеличеніе продолжительности и непрерывности можетъ сдѣлать легкое усиліе

---

[1]) Показаніе господина T. Birtwistle.

[2]) Баббэджъ, говоря объ одномъ изъ преимуществъ машинъ, удивительнымъ образомъ допускаетъ эту „понудительную силу машинъ“. Одно изъ самыхъ особенныхъ преимуществъ, которыя мы извлекаемъ изъ машинъ, есть препятствіе, которое онѣ представляютъ невниманію, лѣности и мошенничеству человѣческихъ агентовъ“. (Economy of Machinery, стр. 39; см. также Ure, Philosophy of Manufacture, стр. 30).

такимъ же труднымъ для тѣла, какъ менѣе частое и постоянное, но болѣе тяжелое усиліе. Не можетъ быть сомнѣнія, что въ промышленномъ обществѣ, основанномъ на конкуренціи, существуетъ тенденція вознаграждать за всякое сбереженіе тяжелыхъ мускульныхъ или другихъ физическихъ усилій, достигаемое введеніемъ машинъ, однимъ изъ двухъ способовъ: во-первыхъ, посредствомъ „ускоренія хода“, т. е. посредствомъ принужденія рабочаго смотрѣть за большимъ числомъ машинъ, увеличивая такимъ образомъ напряженіе если не мускуловъ, то нервовъ; во-вторыхъ, посредствомъ удлиненія рабочаго времени. Болѣе легкая форма труда, простирающая на болѣе долгій періодъ времени, или большее число меньшихъ мускульныхъ упражненій, замѣщающія меньшее число болѣе тяжелыхъ усилій въ тотъ же періодъ времени, могутъ, конечно, повести къ увеличенію траты жизненной энергіи. Никто не отрицаетъ, что главный результатъ фабричной системы свелся къ удлиненію средняго рабочаго дня, если мы примемъ во вниманіе всю площадь машиннаго производства въ современныхъ промышленныхъ обществахъ. Это только отчасти объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что рабочій можетъ побуждаться продавать ту же трату физической энергіи, какъ и раньше, между тѣмъ какъ требуется больше времени для ея израсходованія. Другимъ моментомъ такого же могущества является экономія въ машинахъ, достигаемая удлиненіемъ рабочихъ часовъ. Союзъ этихъ двухъ силъ удлинилъ средній рабочій день. Нѣкоторыя второстепенныя вліянія однако заслуживаютъ вниманія, какъ. напр., введеніе дешеваго освѣщенія. До введенія дешеваго газоваго освѣщенія рабочій день ограничивался дневнымъ свѣтомъ. Не раньше перваго десятилѣтія нашего вѣка былъ газъ введенъ въ хлопчатобумажныя фабрики, и еще одно поколѣніе прошло, прежде чѣмъ онъ вошелъ въ общее потребленіе на фабрикахъ и въ лавкахъ [1]). Тогда часть природнаго отдыха была прибавлена къ рабочему времени. Есть, конечно, могущественныя соціальныя силы, дѣйствующія въ направленіи сокращенія рабочаго дня, и эти силы во многихъ индустріяхъ, хотя косвеннымъ образомъ, поддерживаются машинами. Было бы, пожалуй, правильнѣе сказать, что машины развиваютъ двѣ

[1]) Porter, Progress of the Nations, стр. 590.

антагонистическія тенденціи относительно длины рабочаго дня. Самое первое и непосредственное экономическое вліяніе сводится къ растяженію рабочихъ часовъ, такъ какъ неустающія машины, теряющія отъ праздности, благопріятствуютъ непрерывной работѣ. Но когда растущая скорость и сложность высоко развитыхъ машинъ все сильнѣе обременяетъ человѣческую энергію и выжимаетъ все большее количество человѣческихъ усилій въ данное время, тогда начинаетъ быть выгоднымъ индивидууму держать машины въ ходу меньше часовъ въ день, или, гдѣ это возможно, вводить смѣны рабочихъ [1]).

Но при той степени развитія машинъ, которая господствуетъ теперь, только въ немногихъ отрасляхъ и въ немногихъ странахъ становится выгоднымъ сокращать рабочій день; главная тенденція все еще идетъ по направленію удлиненія рабочаго дня [2]). Полное значеніе этого обстоятельства не исчерпывается только тѣмъ, что все большая часть времени рабочаго поглощается растущимъ однообразіемъ производства. Сокращеніе его времени для потребленія и слѣдующее за этимъ уменьшеніе субъективной стоимости его предметовъ потребленія уничтожаетъ то повышеніе реальной заработной платы или покупательной силы, которую онъ могъ пріобрѣсти благодаря увеличенію производительной силы машинъ. Значеніе болѣе короткаго рабочаго времени состоитъ не только въ простомъ уменьшеніи тягости работы, которое онъ приноситъ съ собой, но также въ томъ, что увеличенное время для потребленія позволяетъ рабочему полнѣе пользоваться получаемыми имъ предметами потребленія и наслаждаться разнаго рода „свободными богатствами“, отъ которыхъ онъ былъ исключенъ раньше при болѣе длинномъ рабочемъ днѣ [3]). Поскольку машины превратили ремесленника въ надсмотрщика за машиной, весьма сомнительно, облегчили ли онѣ напряженность его рабочей силы, хотя мы не поспѣшимъ подписаться подъ нѣсколько фразистый приговоръ, произнесенный Миллемъ: „еще вопросъ облегчили ли всѣ механическія изобрѣтенія ежедневный трудъ одного хоть человѣ-

[1]) См. Schulze-Gaevernitz, стр. 115.
[2]) Болѣе полный разборъ этого вопроса въ слѣдующей главѣ.
[3]) См. Patten, The Theory of Dynamic Economics, гл. XI.

ческаго существа". Во всякомъ случаѣ у насъ нѣтъ гарантіи, чтобы машины, принадлежащія такой личности, которая сама при нихъ не работаетъ, не употреблялись бы такимъ образомъ, чтобы увеличить напряженность труда занятыхъ при нихъ рабочихъ. „Есть искушенія", какъ говоритъ Кэннингамъ, „разсматривать машину, какъ самый главный элементъ въ производствѣ, и сдѣлать ее мѣриломъ того, что́ человѣкъ долженъ дѣлать, вмѣсто того, чтобы считать человѣка предметомъ первой важности и машину, какъ инструментъ, ему помогающій; машина дѣлается главнымъ предметомъ заботы, а съ человѣкомъ обращаются какъ съ рабомъ, смотрящимъ за ней" [1]).

Теперь обратимся къ вопросу о „монотонности". Ведутъ ли машины къ увеличенію монотонности труда или къ уменьшенію, къ воспитанію рабочаго или къ его огрубѣнію? Становится ли трудъ болѣе интеллектуальнымъ при машинѣ? Профессоръ Маршаль, который глубоко вдумался въ этотъ вопросъ, склоняется въ пользу машинъ. Онѣ отнимаютъ ручную ловкость, но замѣщаютъ ее болѣе высокими и болѣе интеллектуальными формами ловкости [2]). „Чѣмъ болѣе деликатна сила машины, тѣмъ болѣе осмысленности и осторожности требуется отъ человѣка, который за нею наблюдаетъ" [3]). Такъ какъ машины становятся все болѣе и болѣе деликатными, то кажется, что уходъ за машинами долженъ становиться все болѣе интеллектуальнымъ. Къ этому именно выводу приходитъ Кукъ Тэйлоръ въ своемъ замѣчательномъ трудѣ „The Modern Factory System". „Если бы человѣкъ былъ исключительно интеллектуальнымъ животнымъ или даже моральнымъ и интеллектуальнымъ, то едва ли, кажется намъ, можно было бы отрицать, что вліяніе фабричной системы было до сихъ поръ возвышающимъ" [4]). Тэйлоръ допускаетъ, что рабочее населеніе потеряло въ артистичности труда, но артистичность есть скорѣе дѣло способности ощущенія и наклонности, чѣмъ интеллекта. Это странное отдѣленіе артистичности отъ интеллекта и морали, особенно когда мы имѣемъ въ виду, что жизнь сама есть самое лучшее и самое достойное

[1]) Uses and Abuses of Money, стр. 111.
[2]) Principles, стр. 315.
[3]) Principles, стр. 316.
[4]) Стр. 435.

изъ искусствъ, наврядъ ли будетъ принято болѣе глубокими изслѣдователями экономическихъ явленій. Болѣе полное значеніе этого вывода станетъ вполнѣ яснымъ, когда мы разберемъ этотъ вопросъ въ послѣдней главѣ.

Вопросъ о чисто интеллектуальномъ вліяніи машинъ не такой, на который можно было бы дать положительный отвѣтъ. Каждый можетъ согласиться съ Тэйлоромъ, что рабочіе становятся болѣе интеллигентными и что ихъ сношенія съ машинами имѣютъ нѣкоторое воспитательное вліяніе, но мы должны отрицать, что прямое вліяніе машинъ на рабочихъ оказалось благопріятнымъ для широкаго культивированія интелектуальныхъ силъ по сравненію съ различными формами болѣе свободнаго и менѣе спеціализированнаго ручного труда. Умственное развитіе городскихъ рабочихъ (предполагая, что такой процессъ происходитъ) можно приписать тысячѣ вліяній городской жизни, скорѣе чѣмъ машинамъ, которыя только косвеннымъ образомъ имѣютъ такое вліяніе, поскольку современный промышленный центръ есть самъ созданіе машинъ [1]). Я думаю, что въ настоящее время нельзя дать яснаго и опредѣленнаго сужденія. Но слѣдующія отличія могутъ быть важны при образованіи нашего мнѣнія.

Ростъ машинъ далъ огромный толчокъ къ изученію естественныхъ законовъ, все бо́льшая и бо́льшая часть человѣческихъ усилій поглощается процессами изобрѣтеній и манипуляціей торговли во все увеличивающихся размѣрахъ и все растущей сложности, и такимъ управленіемъ машинами и людьми, которое требуетъ и воспитываетъ высокія интеллектуальныя способности наблюденія, сужденія и спекулятивнаго воображенія. Что касается той части рабочихъ, про которыхъ можно сказать, что они въ нѣкоторыхъ предѣлахъ контролируютъ машины, то нѣтъ никакого вопроса, что общее вліяніе машинъ на нихъ было весьма воспитательнаго характера.

---

[1]) Подобное затрудненіе въ отличіи городскихъ вліяній отъ чисто промысловыхъ, встрѣтилъ и Арлиджъ въ его изслѣдованіяхъ о болѣзняхъ различныхъ занятій человѣка. „Очень трудно рѣшить, особенно относительно населенія промышленнаго города, насколько встрѣчающіяся болѣзни городского происхожденія и насколько онѣ вытекаютъ изъ условій промышленности; послѣднее всегда преобладаетъ“. (Diseases of Occupation, стр. 33).

Растущій размѣръ, сила, скорость, сложность машинъ несомнѣнно дѣлаетъ трудъ этого класса рабочихъ „болѣе интеллектуальнымъ“. Нѣкоторая часть этихъ воспитательныхъ вліяній достигаетъ даже рабочаго, который управляетъ какой-нибудь мелкой частью машины, поскольку правильное исполненіе его работы требуетъ отъ него пониманія другихъ процессовъ, кромѣ тѣхъ, къ которымъ его трудъ прямо и исключительно прилагается. Точно также нужно принять во вниманіе искусный трудъ при устройствѣ и починкѣ машинъ. Инженерная мастерская и другія мастерскія становятся съ каждымъ годомъ все болѣе важнымъ факторомъ снабженія всѣмъ нужнымъ фабрикъ и заводовъ. Но хотя порчи машинъ всегда бываютъ разнообразны, и поправки поэтому представляютъ большое поле для проявленія личной способности, тѣмъ не менѣе и въ инженерной мастерской замѣчается та же тенденція замѣнить всѣ ручныя работы, которыя можно привести къ рутинѣ, машинами. Такъ искусный трудъ при устройствѣ и поправкѣ машинъ постоянно низводится къ минимуму, и на него нельзя смотрѣть, какъ это дѣлаетъ проф. Никольсонъ, какъ на факторъ растущей важности, связанный съ машиннымъ производствомъ. Можетъ показаться, что чѣмъ больше употребляется машинъ, тѣмъ болѣе будетъ требоваться искусный трудъ на устройство и поправку машинъ. Но скорость, съ которой машины вторгаются въ эти функціи, обращаетъ балансъ въ противоположную сторону, во всякомъ случаѣ, насколько это касается устройства машинъ. Статистическія данныя, относящіяся къ числу занятыхъ рабочихъ при устройствѣ машинъ и орудій, показываютъ, что ихъ отношеніе ко всему рабочему населенію растетъ; но норма этого роста никоимъ образомъ не пропорціональна нормѣ увеличенія употребленія машинъ. Въ то время, какъ % рабочихъ, занятыхъ при устройствѣ машинъ и орудій, обнаруживаетъ ростъ отъ 1,7% въ 1861 г. къ 1,8% въ 1871 г. и 1,9% въ 1881 г., къ 2,0% въ 1891 г., приблизительный ростъ паровой силы, прилагаемой къ машинамъ и локомотивамъ, показываетъ гораздо болѣе быстрый подъемъ отъ 2.100.000 пар. лошадиныхъ силъ въ 1860 къ 3.040.000 силамъ въ 1870 г. и 5.200.000 въ 1880 г. [1]). Болѣе того, относительно возрастаю-

[1]) Mulhall, Dictionary of Statistics, стр. 545.

щая доля машинъ назначается для экспорта, такъ что крупное количество труда, занятаго въ этихъ индустріяхъ, не требуется для поддержанія въ дѣйствіи машинъ, употребляющихся въ Англіи. При починкѣ машинъ, экономія, достигаемая системой замѣщенія негодныхъ частей новыми, начинаетъ играть крупную роль, и при поправкѣ, такимъ образомъ, тоже проявляется тенденція къ уменьшенію искуснаго труда.

Наконецъ нужно имѣть въ виду, что въ нѣкоторыхъ крупныхъ индустріяхъ, гдѣ машины занимаютъ выдающееся мѣсто, масса труда не непосредственно находится подъ управленіемъ машинъ. Мы уже обратили вниманіе на этотъ фактъ на примѣрѣ съ желѣзнодорожными рабочими. Характеръ машинъ, конечно, кладетъ свою печать на эти различныя стадіи производства, но въ большинствѣ случаевъ представляется, въ подробностяхъ, еще много свободы въ дѣйствіяхъ и много мѣста для индивидуальной ловкости и дѣятельности.

Хотя качество интеллигентности и ловкости, прилагаемыхъ къ изобрѣтенію, введенію и управленію машинами, постоянно увеличивается, почти всѣ авторитеты сходятся во мнѣніяхъ, что отношеніе искуснаго труда къ общей суммѣ труда въ машинной промышленности постоянно уменьшается. Но, оставивъ въ сторонѣ эту маленькую пропорцію искусныхъ рабочихъ, что же мы скажемъ про трудъ того, кто при самомъ мелкомъ подраздѣленіи труда, достигаемомъ машинами, принужденъ тратить свою рабочую жизнь на уходъ за какой-нибудь мелкой частью единичной машины, вся цѣль которой состоитъ въ одномъ только постоянномъ передвиженіи одного какого-нибудь товара на одинъ шагъ по пути отъ сырого матеріала къ предмету потребленія?

Фабрика организована съ военной точностью, работа индивидуума точно установлена для него; онъ не имѣетъ права вмѣшиваться ни въ планъ своей работы, ни въ ея заканчиваніе, ни въ ея послѣднее употребленіе. „Постоянное занятіе при одной шестьдесятъ четвертой части сапога не даетъ никакого поощренія умственной дѣятельности, но притупляетъ своимъ однообразіемъ мозги рабочаго въ такой степени, что сила мышленія почти теряется“ [1]).

[1]) D. A. Wells, Contemporary Riview, 1889, стр. 392.

Утверждаютъ, что работа ухаживающаго за машинами рабочаго требуетъ отъ него „осмысленности и заботливости". Но то же самое требовалъ отъ него его ручной трудъ, прежде чѣмъ онъ былъ перенятъ машиной. Но его „осмысленность и заботливость" теперь ограничены болѣе узкими предѣлами, чѣмъ раньше. Отвѣтственность рабочаго теперь больше именно потому, что его работа сужена и онъ находится въ связи и зависитъ отъ извѣстнаго числа другихъ рабочихъ, въ другихъ частяхъ машины, съ которыми онъ лично не имѣетъ ничего общаго. Сознаніе такой отвѣтственности есть элементъ моральнаго и умственнаго воспитанія. Но этотъ выигрышъ есть прямой результатъ мелкаго подраздѣленія труда, которое достигается только суживаніемъ интереса и увеличеніемъ монотонности работы. Еще вопросъ, имѣетъ ли нѣкоторое воспитательное значеніе для огромнаго большинства рабочихъ то обстоятельство, что машина, при которой они работаютъ, представляетъ огромное воплощеніе тонкаго искусства и изобрѣтательности тысячъ дѣятельныхъ умовъ, хотя опять-таки нужно признать нѣкоторую справедливость за утвержденіемъ, „что одно только обнаруженіе ловкости и величія операцій, исполняемыхъ на заводахъ, не можетъ не имѣть нѣкотораго воспитательнаго значенія" [1]). Отсутствіе настоящаго ученичества въ современныхъ фабрикахъ мѣшаетъ спеціализировавшемуся рабочему понимать методъ и вѣрное значеніе даже тѣхъ процессовъ, которые тѣсно связаны съ процессомъ, который онъ исполняетъ. Обыкновенный рабочій при машинѣ, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, какъ, напр., въ часовомъ производствѣ, не имѣетъ даже яснаго представленія о работѣ всего отдѣленія. При современномъ положеніи дѣлъ, рабочему при машинѣ не удается извлекать изъ машинъ всего воспитательнаго вліянія, которое онъ могъ бы почерпать. Проф. Никольсонъ съ сомнѣніемъ выражается относительно воспитательнаго значенія машинъ. „Машины сами по себѣ не стремятся развивать умъ рабочаго, какъ это дѣлаютъ море и горы, но онѣ также не имѣютъ, по необходимости, пагубнаго вліянія на умственную способность" [2]). Докторъ Арлиджъ выражается болѣе рѣши-

[1]) Taylor, Modern Factory System, стр. 435.

[2]) См. сравненіе положенія городскихъ рабочихъ съ сельскими у Адама Смита въ Wealth of Nations, кн. I, гл. X, часть 2.

тельнымъ образомъ по этому поводу. „Вообще говоря, можно сказать, что машины требуютъ очень мало или совсѣмъ не требуютъ упражненія ума со стороны тѣхъ, которые при нихъ работаютъ; онѣ не вызываютъ никакого интереса, въ нихъ нѣтъ ничего, что развивало бы умъ, хотя онѣ могутъ обострять зрѣніе и стимулировать мускульную дѣятельность въ одномъ ограниченномъ направленіи“ [1]).

Работа при машинѣ, конечно, не всегда абсолютно автоматична и лишена ловкости и свободы выбора. Въ нѣкоторой степени рабочій при машинѣ одинаково управляетъ ею и служитъ ей. Чтобы слѣдить за соотвѣтствіемъ работы данной части машины со всѣми другими, отъ рабочаго требуется извѣстная заботливость, осмысленность и отвѣтственность. Обычная ловкость руки и глаза, которая превращается въ инстинктъ, замѣщается цѣлымъ рядомъ приспособленій, требующихъ точнаго квантитативнаго измѣренія и сознательнаго слѣдованія за извѣстными точными мѣрами. Въ такихъ индустріяхъ, какъ выдѣлка часовъ, фабричный рабочій, хотя въ среднемъ онъ, конечно, нуждается въ меньшей ручной ловкости, чѣмъ ручной рабочій при старыхъ методахъ, долженъ однако больше упражнять свои умственныя способности во время своей работы, чѣмъ ручной часовщикъ. Но хотя экономисты обратили большое вліяніе на эту индустрію, разбирая характеръ работы при машинѣ, мы все-таки должны допустить, что это не подходящій средній примѣръ для сравненія машиннаго труда съ ручнымъ, такъ какъ крайняя тонкость многихъ операцій даже при машинахъ, отвѣтственность, связанная съ манипуляціей дорогого матеріала, и мелкое приспособленіе другъ къ другу множества маленькихъ частей позволяютъ рабочему на часовой фабрикѣ извлекать изъ своей работы больше интереса и больше умственной работы, чѣмъ попадаетъ на долю обыкновенному рабочему на металлическомъ заводѣ или въ текстильной фабрикѣ. Когда матеріалъ очень деликатенъ и процессъ требуетъ точнаго изученія индивидуальныхъ качествъ каждаго куска матеріала, какъ это бываетъ при болѣе дорогихъ металлахъ, при нѣкоторыхъ формахъ горшечнаго дѣла, на выдѣлкѣ шелка и кружевъ, тогда элементы мысли и лов-

[1]) Diseases of Occup tion, стр. 25, 26.

кости выживаютъ и могутъ даже быть увеличены при машинномъ производствѣ. Но крупная часть современной изобрѣтательности направлена на выдумываніе автоматическихъ остановителей и указателей, чтобы обходиться безъ детальной человѣческой ловкости и чтобы низводить элементы мысли и произвола до минимума. Когда достигается этотъ минимумъ, высоко-оплачиваемые искусные рабочіе уступаютъ мѣсто плохо обученнымъ женщинамъ и дѣтямъ, и иногда этотъ процессъ весь переходитъ въ руки машины. Но пока однако человѣческій трудъ продолжаетъ кооперировать съ машиной, съ ней еще связаны нѣкоторые элементы мысли и произвола. Это мы должны принять въ расчетъ, когда мы вычисляемъ воспитательное значеніе машинъ. Но хотя мы не должны совершенно упускать изъ виду этихъ воспитательныхъ вліяній, мы также не должны преувеличивать ихъ значенія. Человѣкъ, не знакомый съ дѣломъ, готовъ слишкомъ высоко ставить характеръ искуснаго труда спеціалиста. Управляющій локомотивами на желѣзной дорогѣ былъ недавно спрошенъ о качествѣ труда машиниста. „Послѣ двадцатилѣтней опытности онъ убѣдительно заявилъ, что самыми лучшими машинистами оказались тѣ, которые были наиболѣе автоматичны и наименѣе интеллигентны, и которые меньше всего интересовались внутреннимъ механизмомъ локомотива“ [1]). А между тѣмъ работа машиниста гораздо менѣе механическая и не такъ монотонна, какъ работа обыкновеннаго рабочаго при машинѣ.

Поскольку человѣкъ слѣдуетъ за машиной и его работа опредѣляется механической необходимостью, воспитательное значеніе послѣдней силы будетъ господствующимъ. Какъ всякое другое, машина можетъ обучать только тому, что она сама практикуетъ. Порядокъ, точность, устойчивость, подчиненіе неизмѣнному закону, вотъ уроки, которые можно заимствовать отъ машины. Эти элементы, конечно, имѣютъ важное значеніе при образованіи умственнаго и моральнаго характера. Но они одни даютъ только одностороннее и очень несовершенное воспитаніе. Машина можетъ точно воспроизводить прежнее, она поэтому учитъ точному воспроизведенію, т. е. обучаетъ точнымъ измѣреніямъ. Недоста-

[1]) The Social Horizon, стр. 22.

токъ машинъ съ воспитательной точки зрѣнія есть ихъ абсолютный консерватизмъ. Законъ машинъ есть законъ статическаго порядка, что все должно подходить подъ извѣстный образецъ, настоящія дѣйствія точь въ точь похожи на прежнія и будущія дѣйствія. Законъ же человѣческой жизни динамическій, требующій порядка не какъ нѣчто достойное само по себѣ, но какъ условіе прогресса. Законъ человѣческой жизни заключается въ томъ, что ни одинъ опытъ, ни одна мысль или чувство не есть точная копія другого опыта, и т. д.

Если вы поэтому ограничиваете дѣятельность человѣка тѣмъ, что онъ долженъ будетъ тратить всю свою энергію на приспособленіе своихъ движеній къ однороднымъ и точнымъ движеніямъ машины, вы учите его отказаться отъ самаго принципа жизни. Разнообразіе есть сущность жизни, а машина есть врагъ разнообразія. Это, конечно, не аргументъ противъ воспитательнаго значенія машинъ, но только противъ преувеличенія этихъ воспитательныхъ вліяній. Если рабочій будетъ тратить значительную часть своей энергіи на попытки слѣдовать движеніямъ машины, онъ можетъ почерпать значительную воспитательную пользу, но онъ долженъ также имѣть время и энергію на культивированія произвольныхъ и прогрессивныхъ искусствъ жизни.

Часто утверждаютъ, что тенденція машинъ не только состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать дѣятельность индивидуальнаго рабочаго монотонной, но чтобы уменьшать индивидуальную разницу между рабочими. Это утвержденіе находитъ свое выраженіе въ словахъ: „всѣ люди равны передъ машиной“. Поскольку машины дѣйствительно взваливаютъ на природныя силы работу, которая иначе обременяла бы мускульную энергію, онѣ несомнѣнно стремятся привести къ одному уровню рабочихъ съ различной мускульной силой. Болѣе того, перенимая на себя работу, которая требуетъ большой точности въ движеніяхъ, машина дѣйствительно въ нѣкоторомъ смыслѣ стремится низвести рабочихъ къ одному уровню въ ловкости или даже въ отсутствіи ловкости.

„Когда какой-нибудь процессъ требуетъ особенной ловкости и постоянства руки, онъ отнимается при первомъ удобномъ случаѣ отъ ловкаго рабочаго, который все-таки можетъ совершать различныя неправильности, и передается

въ руки особеннаго механизма, который настолько себя самъ регулируетъ, что и дитя могло бы имъ управлять" [1]).

Мы допустимъ, что это невѣрно относительно самыхъ искусныхъ или квалитативныхъ работъ, но это вполнѣ приложимо къ массѣ малоискуснаго труда. При помощи машинъ, т. е. при помощи сгущеннаго воплощенія ловкости изобрѣтателя, неуклюжій и слабый рабочій становится въ состояніи помогать самымъ тонкимъ движеніямъ почти наравнѣ съ болѣе искуснымъ рабочимъ. Конечно, поштучная работа, какъ она практикуется въ текстильныхъ и желѣзодѣлательныхъ индустріяхъ, показываетъ, что самыя совершенныя машины не вполнѣ еще уничтожили индивидуальныя разницы между однимъ рабочимъ и другимъ, но принимая даже, что разница въ поштучной заработной платѣ вполнѣ точно представляетъ собою разницу въ искусствѣ и способности рабочихъ—что невѣрно—то это тоже покажетъ, что существуетъ меньше разнообразія въ способностяхъ рабочихъ при машинахъ, чѣмъ среди рабочихъ, работающихъ въ такихъ отрасляхъ, гдѣ трудъ болѣе мускульный, или которыя ведутся человѣческимъ искусствомъ при помощи болѣе простыхъ орудій. Разница въ производительной способности между англійскимъ и индійскимъ землекопомъ значительно больше, чѣмъ между Ланкаширскимъ фабричнымъ рабочимъ и рабочимъ такой же организованной фабрики въ Бомбеѣ.

Но это далеко не все, что мы подразумѣваемъ подъ „равенствомъ рабочихъ передъ машиной". Приспособленіе машины къ болѣе слабымъ мускуламъ и интеллигентности женщинъ и дѣтей составляетъ, пожалуй, самый важный факторъ. Въ своемъ развитіи машина стремится все уменьшать выдающееся значеніе мускуловъ и высокаго индивидуальнаго искусства въ массѣ рабочихъ, и все болѣе выдвигать нѣкоторыя качества души и тѣла, въ которыхъ мужчины мало отличаются не только другъ отъ друга, но въ которыхъ женщины и дѣти почти что не отстаютъ отъ мужчинъ. Конечно, вѣрно, что значительныя различія въ индивидуальномъ искусствѣ и усиліяхъ остаются еще въ типическихъ машинныхъ индустріяхъ. „Машинное тканье, напр., какъ ни кажется оно простымъ, раздѣляется на высокія

[1]) Ure, Philosophy of Manufactures, гл. I, стр. 19.

и болѣе низкія ступени; и большинство работающихъ при болѣе низкихъ сортахъ не въ состояніи ткать матерію различнаго цвѣта“ [1]). Но главное вліяніе машинъ заключается въ уменьшеніи индивидуальныхъ различій рабочихъ. Тенденція машиннаго производства вытѣснять мужской трудъ женскимъ стала внѣ всякаго сомнѣнія, благодаря статистическимъ даннымъ о занятіяхъ въ Англіи, которыя показываютъ, что съ 1850 года численное отношеніе женщинъ-работницъ къ рабочимъ-мужчинамъ увеличивается въ большинствѣ отраслей промышленности. Законодательныя ограниченія дѣтскаго труда и въ болѣе цивилизованныхъ обществахъ ростъ здороваго общественнаго мнѣнія мѣшаетъ экономической силѣ дѣйствовать въ такой же степени относительно дѣтей.

Качества, состоящія въ умѣніи сосредоточивать всю заботу, весь умъ и все вниманіе на правильное и терпѣливое исполненіе одного какого-нибудь детальнаго процесса, и которыя такъ характеристичны для машинной работы, составляютъ общечеловѣческія качества въ томъ смыслѣ, что каждый ихъ имѣетъ; и въ развитіи и проявленіи этихъ качествъ взрослый рабочій менѣе отличается отъ неискуснаго сподручника, чѣмъ въ развитіи и проявленіи тѣхъ силъ, которыя машины вытѣснили. Нужно допустить, что машины имѣютъ нѣкоторое уравнивающее вліяніе въ томъ смыслѣ, что онѣ все большее значеніе придаютъ общимъ качествамъ человѣка по сравненію съ чисто индивидуальными [2]). „Средняя общая способность“ начинаетъ играть въ промышленности болѣе выдающуюся роль чѣмъ спеціальныя способности [3]), и хотя и въ „этой общей средней способности“ отдѣльныя личности могутъ отличаться другъ отъ друга, но эта разница между ними будетъ меньше, чѣмъ ихъ различіе другъ отъ друга въ спеціальныхъ способностяхъ.

Вліяніе машинъ на качество труда различно и зависитъ отъ отношенія рабочаго къ машинѣ. Ихъ воспитательное вліяніе, умственное, какъ и нравственное, на тѣхъ, которые заняты изобрѣтеніемъ, управленіемъ и веденіемъ

---

[1]) Marshall, Principles of Economics, стр. 265.
[2]) См. гл. X.
[3]) См. Marshall, стр. 265.

машинной индустріи, и на тѣхъ, кто работаютъ при машинѣ, но которые не слѣдятъ за какимъ-нибудь детальнымъ процессомъ,—на всѣхъ ихъ машина несомнѣнно имѣетъ возвышающее вліяніе. Но вліяніе машинъ на тѣхъ, кто только смотритъ за детальнымъ процессомъ при машинѣ, особенно въ такихъ случаяхъ, когда длина рабочаго дня и напряженность физическихъ усилій истощаетъ продуктивную энергію рабочаго, сводится къ угнетенію жизненности и къ приниженію человѣческаго достоинства посредствомъ пріученія человѣка его приспособляться къ однороднымъ движеніямъ нечеловѣческаго двигателя. Это поврежденіе характера не вознаграждается соотвѣтствующимъ воспитаніемъ въ рутинѣ и правильности, которую онъ заимствуетъ отъ машины, поверхностнымъ пониманіемъ крупныхъ кооперативныхъ цѣлей и методовъ машинной индустріи, которые его положеніе при машинѣ даетъ возможность понять.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Экономія высокой заработной платы.

Теорія естественной нормы заработной платы, по которой рабочая плата опредѣляется минимомъ средствъ существованія, была впервые формулирована въ трудахъ Кенэ и такъ называемой школы физіократовъ и есть не болѣе, какъ грубое обобщеніе фактовъ положенія труда во Франціи. Но эти факты, выраженные въ выраженіи „Il ne gagne que sa vie“ и возведенные въ естественный законъ, основались на общемъ мнѣніи, что болѣе высокая заработная плата не сопровождалась бы соотвѣтствующимъ увеличеніемъ продуктовъ труда и что предпринимателю не выгодно было бы давать заработную плату выше необходимыхъ средствъ существованія и воспроизведенія. Это ученіе объ экономіи дешеваго труда, проводившееся въ нѣсколько измѣненной формѣ многими первостепенными англійскими экономистами первой половины девятнадцатаго столѣтія, господствовало надъ умами и окольнымъ путемъ вліяло на операціи промышленнаго міра. Совершенно вѣрно, что Ад. Смитъ въ хорошо извѣстныхъ всѣмъ словахъ сильно выразилъ совершенно противоположный взглядъ на отношенія труда къ заработной платѣ. „Подобно тому, какъ щедрое вознагражденіе за трудъ вызываетъ большее размноженіе, оно точно также способствуетъ большему усердію въ трудѣ обыкновенныхъ людей. Плата за трудъ есть поощреніе трудолюбію, которое подобно другимъ человѣческимъ качествамъ возвышается соотвѣтственно поощренію, которое онъ получаетъ“ [1]).

[1]) Wealth of Nations, т. I, стр. 86.

Но ученіе Рикардо и другихъ, тѣсно слѣдовавшихъ въ его пониманіи современнаго хозяйственнаго строя, очень сильно склоняется въ пользу низкой заработной платы, какъ главнаго фактора промышленнаго прогресса.

Ученіе о преимуществахъ низкой заработной платы въ Англіи едва ли нуждалось въ формальной поддержкѣ со стороны ученаго экономиста. Оно и такъ довольно крѣпко вкоренилось въ умахъ предпринимателей—людей практики XVIII столѣтія, которые читали мораль объ излишествахъ, вызываемыхъ высокой заработной платой вполнѣ въ духѣ современнаго капиталиста. Едва ли можно будетъ пародировать слѣдующія слова:

„Бѣдные въ фабричныхъ графствахъ никогда не будутъ работать дольше, чѣмъ это необходимо для того, чтобы жить и поддерживать свои еженедѣльныя распутства. Въ общемъ мы можемъ вполнѣ утверждать, что уменьшеніе заработной платы въ шерстяныхъ мануфактурахъ было бы благомъ для отечества и не причинило бы никакого вреда бѣднымъ. Такимъ способомъ мы бы охраняли нашу индустрію, подняли бы нашу ренту, исправили бы народъ въ придачу".

Сравнимъ это послѣднее съ частымъ выраженіемъ Арт. Юнга, „что ренту слѣдуетъ поднимать съ цѣлью улучшенія обработки земли [1]). Точно то же черезъ полстолѣтіе утверждалъ докторъ Уръ, который, не смотря на то, что его главный аргументъ сводился „къ экономіи высокой заработной платы" на томъ основаніи, что она вызываетъ лучшее качество труда и дѣлаетъ рабочаго болѣе довольнымъ, не былъ въ состояніи избѣгнуть противорѣчія, какъ это видно будетъ изъ слѣдующей цитаты:

„Высокая заработная плата вмѣсто того, чтобы вызвать благодарность и способствовать развитію ума, вызывала во многихъ случаяхъ гордость и составляла источникъ непокорнаго духа въ стачкахъ, которымъ напрасно подвергались одни фабриканты съ другими во многихъ участкахъ Ланкашира, съ цѣлью низвести ихъ въ состояніе крѣпостничества". (Philosophy of Manufacture, стр. 366).

То же онъ говоритъ и въ другомъ мѣстѣ (стр. 298):— „Дѣйствительно, не что иное, какъ высокая заработная плата давала имъ возможность поддерживать многочисленный наемный комитетъ и откармливать себя до болѣзненнаго состоянія

[1]) Ср. Northern Tour. Т. II, стр. 86.

пищей слишкомъ роскошной и слишкомъ возбуждающей для работающихъ внутри дома".

Опыты Оуэна въ увеличеніи заработной платы и сокращеніи рабочаго дня на его Нью-ланаркскихъ фабрикахъ совершенно не успѣли убѣдить другихъ фабрикантовъ, что высокій уровень комфорта среди рабочихъ вызвалъ бы соотвѣтствующее увеличеніе въ производительности рабочей силы.

Въ первыя времена развитія фабричной системы наживаніе громадныхъ состояній посредствомъ эксплоатированія чрезмѣрнаго труда дѣтей и неискусныхъ взрослыхъ рабочихъ, получавшихъ во многихъ случаяхъ болѣе низкую заработную плату, чѣмъ этого требуетъ „минимумъ заработной платы", дало убѣдительный аргументъ торговому уму въ пользу „дешеваго труда" и ввело политическую экономію въ борьбу, которая продолжалась цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ съ все нарождающимся чувствомъ гуманности [1]).

---

[1]) Совершенно вѣрно, что защитники фабричной системы противъ ранняго законодательства имѣли иногда дерзость соглашаться съ „экономіей высокой заработной платы" и утверждать, что теперь фабриканты осуществили эту теорію на практикѣ. „Главная причина, почему она (т. е. заработная плата) такъ высока, заключается въ томъ, что она составляетъ только небольшую часть стоимости обрабатываемаго продукта, такъ что если скупой хозяинъ понизитъ ее слишкомъ много, то его рабочіе станутъ менѣе заботливы и ухудшатъ качество своего продукта на большую величину, чѣмъ онъ выиграетъ отъ пониженія заработной платы. Чѣмъ меньше отношеніе заработной платы къ стоимости продуктовъ, тѣмъ больше, говоря въ общемъ, вознагражденіе труда (recompense of labour). Разумный хозяинъ хорошей прядильни менѣе всего хочетъ измѣнять заработокъ своихъ прядильщиковъ и никогда не соглашается понижать его до тѣхъ поръ, пока онъ абсолютно не принужденъ это дѣлать вслѣдствіе того, что капиталъ, вложенный въ его предпріятіе, перестанетъ давать минимумъ прибыли (Philos. of Manuf. Стр. 330). Это не мѣшаетъ однако Уру пойти еще дальше и указать на опасность, въ которую усилія рабочихъ союзовъ повышать плату, вовлекаютъ тѣ отрасли индустріи, которыя подвержены конкуренціи съ тѣми отраслями, которыя пользуются „болѣе послушнымъ и болѣе бережливымъ трудомъ" на континентѣ и въ Соед. Штатахъ. (Стр. 363). Еще менѣе согласуются (Dr. Ure) его аргументы, относительно заработной платы (которую онъ ставитъ въ 3 раза выше, чѣмъ въ земледѣліи), получаемой рабочими на хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ, со статистическими данными въ приложеніи его собственной книги (ср. стр. 515). Одни прядильщики мужчины получали ту высокую заработную плату, о которой онъ говоритъ, и изъ нея часть они отдавали своимъ помощникамъ, которыхъ они нанимали, чтобы помочь имъ въ работѣ.

Даже теперь боязнь, такъ часто вызываемая въ Новомъ Свѣтѣ „конкуренціей дешеваго труда“, свидѣтельствуетъ о переживаніи этой теоріи, которая считала, что лучшее условіе выгодныхъ дѣлъ заключается въ томъ, чтобы платить наивозможно малую заработную плату.

Болѣе позднее мышленіе стремилось къ прогрессивному измѣненію доктрины „о выгодѣ низкой заработной платы“. Обыкновенное правило, выражающееся въ томъ, „что если хочешь получить хорошо обработанную вещь, то долженъ за нее хорошо заплатить“, предполагаетъ понятіе о постоянномъ соотвѣтствіи между работой и заработной платой. Болѣе ясная формулировка этой идеи составляла работу экономическихъ мыслителей, которые посвятили себя основательному изученію сравнительной статистики. Работа, которой занимался Брассей, крупный желѣзнодорожный подрядчикъ, дала ему возможность точно сравнивать работу и заработную плату рабочихъ различныхъ національностей, а его сынъ сэръ Томасъ Брассей собиралъ и издалъ цѣлый рядъ фактовъ, которые имѣли прямое отношеніе къ этому предмету и которые бросили новый свѣтъ на отношеніе труда и заработной платы въ нѣкоторыхъ работахъ. Онъ нашелъ, что англійскіе землекопы, работавшіе на Главной Центральной дорогѣ Канады (Grand Trunk Railway in Canada) и получавшіе отъ 5 до 6 ш. въ день, исполняли большее количество работы за эти деньги, чѣмъ французскіе канадцы, которые получали 3 ш. и 6 п. въ день, и что при постройкѣ ирландскихъ желѣзныхъ дорогъ, гораздо выгоднѣе нанимать англичанъ по 3 ш. или 3 ш. 6 п., чѣмъ ирландцевъ по 1 ш. 6 п. до 1 ш. 8 п., и что въ Индіи, не смотря на то, что цѣна за простой трудъ колеблется между $4^1/_2$ п. и 6 п. въ день, плата за 1 милю желѣзнодорожной работы приблизительно такая же, какъ въ Англіи; и что въ каменоломныхъ работахъ, „въ которыхъ работали французы, ирландцы и англичане и гдѣ французы получали три франка въ день, ирландцы четыре, а англичане шесть франковъ, при этихъ различныхъ заработныхъ платахъ англичане оказывались самыми выгодными работниками“. Простирая свои изслѣдованія на строительныя, горнозаводскія и различныя фабричныя отрасли, онъ нашелъ полное сходство во мнѣніяхъ относительно этого вопроса среди предпринимателей и людей практики. Во Франціи,

Германіи и Бельгіи, гдѣ заработная плата и уровень жизненныхъ потребностей значительно ниже, чѣмъ въ Англіи, стоимость издержекъ идущихъ на выработку даннаго продукта не только не меньше, но даже больше. Въ Соединенныхъ Штатахъ и въ нѣкоторыхъ индустріяхъ Голландіи, гдѣ уровень комфорта былъ также высокъ, а можетъ и выше, чѣмъ въ соотвѣтственныхъ англійскихъ индустріяхъ, работа была лучшаго качества и производилась въ большемъ количествѣ. Короче говоря, производительность труда находится въ полномъ и довольно точномъ соотвѣтствіи съ уровнемъ комфорта или реальной заработной платой.

Въ введеніи къ своему сочиненію „Foreign Work and English Wages“ Брассей защищаетъ теорію о заработной платѣ, которая часто ему приписывалась и иногда принималась, какъ окончательное сужденіе объ отношеніяхъ между трудомъ и заработной платой, а именно, что „стоимость работы въ отличіе отъ еженедѣльной заработной платы рабочихъ, приблизительно одна и та же во всѣхъ странахъ“. Другими словами, принимаютъ, что для даннаго рода труда существуетъ вполнѣ установленное и однородное отношеніе между заработной платой и производительностью труда въ различныхъ странахъ и у различныхъ расъ. Но есть нѣкоторыя очевидныя возраженія противъ принятія этого вывода, какъ основанія для теоріи о сравнительной заработной платѣ. Во-первыхъ, въ большинствѣ случаевъ, которые приводятъ для обоснованія этой теоріи, ссылаются исключительно на денежную заработную плату и совершенно не принимаютъ во вниманіе различіе въ покупательной силѣ въ различныхъ странахъ. Чтобы создать какой-нибудь раціональный базисъ, нужно установить вѣрное отношеніе между реальной заработной платой или уровнемъ жизненныхъ потребностей и производительностью труда.

Итакъ, хотя нужно допустить какъ нѣчто вѣроятное, что существуетъ опредѣленное отношеніе между заработной платой и исполняемой работой, или, другими словами, между уровнемъ потребленія и уровнемъ производства, нѣтъ основаній также à priori ожидать, что это отношеніе будетъ одинаковымъ въ такихъ двухъ различныхъ странахъ, какъ Англія и Индія, такъ что было бы экономически все равно, исполнена ли извѣстная работа дешевымъ и непроизводительнымъ трудомъ индуса или же дорогимъ и производи-

тельнымъ трудомъ англичанина. Такое предположеніе только вѣрно при двухъ условіяхъ: во-первыхъ, это было бы вѣрно, если бы существовала ариѳметическая прогрессія въ отношеніи между заработной платой и исполняемой работой, такъ что каждое различіе въ количествѣ пищи и тому подобныхъ предметахъ, потребляемыхъ рабочими, вызвало бы соотвѣтствующія измѣненія въ израсходованіи продуктивной энергіи,—а это есть утвержденіе, которое не зачѣмъ даже опровергать, потому что никто не будетъ держаться мнѣнія, что уровень комфорта, доставляемый заработной платой, есть единственная сила опредѣляющая производительность труда, и что расы, климатъ и общественная среда не играютъ никакой роли въ экономическомъ производствѣ. Во-вторыхъ, это было бы вѣрно, если бы трудъ и капиталъ были абсолютно подвижны, и если бы во всемъ мірѣ промышленныя преимущества были бы приведены къ одному уровню, такъ что повсюду существовало бы точное количественное отношеніе между трудомъ и заработной платой, производствомъ и потребленіемъ. Мы можемъ допустить, что существуетъ тенденція къ подобному однородству, но ни одинъ человѣкъ, хоть нѣсколько знакомый съ фактами, не будетъ настолько опрометчивъ, чтобы утверждать, что это производство хоть приблизительно достигнуто.

Итакъ нѣтъ никакого основанія полагать, что заработная плата—номинальная или реальная имѣетъ хоть приблизительно какое-нибудь постоянное отношеніе къ затратѣ производительнаго труда, принимая во вниманіе и качество, и количество труда. Но въ сущности данныя, приводимыя Брассеемъ, совершенно не говорятъ о серьезномъ изслѣдованіи этой теоріи о безразличіи или равенствѣ труда и заработной платы, потому что изъ большинства примѣровъ, которые онъ приводитъ, ясно видно, что выгоднымъ является главнымъ образомъ тотъ трудъ, который лучше всего вознаграждается. Теорія, основанная на его доказательствахъ, есть на самомъ дѣлѣ теорія „объ экономіи высокой заработной платы“.

Эта теорія, которая за послѣдніе годы подвигалась впередъ такими быстрыми шагами и поддерживаемая въ настоящее время огромнымъ количествомъ заботливо-собранныхъ данныхъ, заслуживаетъ болѣе серьезнаго изслѣдованія. Данныя, приводимыя Брассеемъ, заимствованы главнымъ

образомъ, хотя не цѣликомъ, изъ тѣхъ промышленныхъ отраслей, въ которыхъ мускульная сила составляетъ очень важный элементъ, какъ. напр., въ прокладываніи шоссейныхъ и желѣзныхъ дорогъ, раскопкѣ рудниковъ или же изъ строительныхъ промысловъ, гдѣ машинѣ не приходится играть главную роль въ направленіи хода и характера производительныхъ усилій. Есть полное основаніе полагать, что количественное соотношеніе между трудовымъ продуктомъ и заработной платой находится въ болѣе тѣсной связи въ тѣхъ индустріяхъ, гдѣ мускульная сила составляетъ болѣе важный элементъ, чѣмъ въ тѣхъ, гдѣ машина была господствующимъ факторомъ, и гдѣ вся почти работа заключалась въ управленіи машиной. Можетъбыть, вѣрно, что было бы выгодно создать болѣе высокій уровень потребленія у землекоповъ, но совершенно не выгодно было бына столько же повышать заработную плату фабричныхъ рабочихъ или даже другого рода рабочихъ, которые менѣе подвержены напряженію тяжелой мускульной рабо ты.

Поскольку тенденція современнаго производства ведетъ все къ большему и большему освобожденію человѣка отъ грубой мускульной работы, можетъ случиться, что истинная экономія благопріятствуетъ заработной платѣ только въ тѣхъ родахъ труда, которые стремятся занять подчиненное мѣсто въ будущей промышленности. Болѣе ранніе факты, которые связывали высокую заработную плату съ большей производительностью, низкую заработную плату съ меньшей производительностью, въ текстильныхъ индустріяхъ, обработкѣ желѣза были отрывочнаго характера и не могутъ быть разсматриваемы, какъ доказательство причинной связи между высокой заработной платой и большой производительностью. Эти факты лишаются своего значенія въ виду громаднаго разнообразія въ развитіи машинъ и промышленныхъ способовъ въ сравниваемыхъ случаяхъ. Въ послѣдніе годы труды многихъ ученыхъ экономистовъ, изъ которыхъ нѣкоторые обладали точнымъ практическимъ знаніемъ промышленнаго искусства, собрали и изложили огромное количество данныхъ объ этомъ предметѣ. Значительное число американскихъ экономистовъ — Уокэръ, Гэнтонъ, Шёнгофъ, Аткинсонъ и др. сдѣлали тщательныя изслѣдованія въ области отношеній заработной платы и труда въ Америкѣ, равно какъ и въ главныхъ промышленныхъ стра-

нахъ Европы. Слишкомъ энергичная защита тарифной реформы или болѣе короткаго рабочаго дня мѣшала въ нѣкоторыхъ случаяхъ обратить надлежащее вниманіе на собранныя статистическія данныя, но нѣтъ основанія сомнѣваться въ достаточной точности этого изслѣдованія.

Самое тщательное изслѣдованіе принадлежитъ профессору Шульце-Геверницу, который, основывая свои аргументы на точномъ изученіи хлопчато-бумажной индустріи, пришелъ къ очень яснымъ выводамъ относительно современной эволюціи машиннаго производства. Прежнія доказательства подтвердили только фактъ сосуществованія высокой заработной платы и хорошей работы, низкой платы и скверной работы безъ всякой попытки научно объяснить эту связь. Шульце-Геверницъ своимъ анализомъ бумажнаго пряденья и тканья удачно формулируетъ наблюдаемыя отношенія между заработной платой и продуктомъ. Онъ не только сравниваетъ состояніе хлопчато-бумажной индустріи въ Англіи, Германіи и другихъ странахъ, какъ оно обстоитъ теперь, но положеніе труда и заработной платы въ англійской хлопчато-бумажной индустріи въ различныя времена за послѣднія 70 лѣтъ, исправляя такимъ образомъ личныя уравненія національной жизни, которыя могли бы въ нѣкоторой степени дать невѣрные выводы, основанные только на интернаціональныхъ сравненіяхъ. Этотъ двойной способъ сравненія даетъ нѣкоторые опредѣленные результаты, которые Шульце-Геверницъ суммируетъ въ слѣдующихъ словахъ: „гдѣ стоимость труда (т. е. поштучная заработная плата) наименьшая, тамъ условія труда наиболѣе благопріятныя, рабочій день болѣе короткій и еженедѣльныя платы рабочихъ самыя большія“ (стр. 133). Найдено, что эволюція улучшенныхъ прядильныхъ и ткацкихъ машинъ въ Англіи сопровождается непрерывнымъ увеличеніемъ продукта, приходящагося на каждаго рабочаго, паденіемъ поштучной заработной платы, сокращеніемъ рабочаго дня и поднятіемъ понедѣльной заработной платы. Слѣдующія таблицы, составленныя Шульце-Геверницемъ, даютъ точное понятіе объ отношеніяхъ различныхъ измѣненій, принимая прядильную и ткацкую индустрію Англіи, какъ цѣлое:

Пряденье.

	Продуктъ пряденія на 1000 фунтовъ.	Число рабочихъ на прядильныхъ фабрикахъ.	Количество продуктовъ, приходящееся на каждаго рабочаго, въ фунт.	Стоимость труда въ производствѣ 1 ф.	Средняя годовая заработн. плата.
				ш. п.	ф. ш. п.
1819—21	106,500	110,000	968	6 4	26 13 0
1829—31	216,500	140,000	1546	4 2	27 6 0
1844—46	523,300	190,000	2754	2 3	28 12 0
1859—61	910,000	248,000	3671	2 1	32 10 0
1880—82	1.324,000	240,000	5520	1 9	44 4 0[1])

Тканье.

	Продукты въ 1000 ф.	Число рабочихъ.	Количество продуктовъ, приходящееся на 1 рабочаго, въ фунтахъ.	Стоимость труда для выработки 1 фунта.	Среднійгодовой доходъ.
				ш. п.	ф. ш. п.
1819—21	80,620	250,000	322	15 5	20 18 0
1829—31	143,200	275,000	521	9 0	19 18 0[2])
1844—46	348,110	210,000	1658	3 5	24 10 0
1859—61	650,870	203,000	3206	2 9	30 15 0
1880—82	993,540	246,000	4039	2 3	39 0 0

То же самое справедливо относительно роста бумаго-ткацкой промышленности въ Америкѣ, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы:

	Годовой продуктъ на каждаго рабоч.	Стоимость труда на каждый ярдъ.	Годовой заработокъ рабочаго.
	Ярды.	Центы.	Доллары.
1830	4,321	1,9	164
1850	12,164	1,55	190
1870	19,293	1,24	250
1884	28,042	1,07	290

---

[1]) Der Grossbetrieb, стр. 132. Разсматривая недавнее увеличеніе средней заработной платы, нужно имѣть въ виду, что позднѣйшіе годы содержатъ большую пропорцію взрослыхъ. Разсматривая чистую годовую заработную плату, нужно сдѣлать вычеть изъ суммъ, данныхъ въ таблицѣ на безработицу.

[2]) Должно быть принято въ расчетъ угнетенное положеніе ткачей, работающихъ на ручномъ станкѣ, которые еще по сіе время не исчезли.

То же относительно Германіи и Швейцаріи. Каждое усовершенствованіе въ машинахъ, сопровождается увеличеніемъ числа веретенъ или станковъ, при которыхъ одинъ рабочій работаетъ, или увеличеніемъ скорости машинъ и, такимъ образомъ, увеличеніемъ количества продуктовъ, вырабатываемыхъ каждымъ рабочимъ, что влечетъ за собой болѣе высокую заработную плату и болѣе короткій рабочій день.

Детальное сравненіе Англіи, Соединенныхъ Штатовъ и континента относительно положенія хлопчато-бумажной индустріи въ настоящее время даетъ намъ тѣ же общіе результаты. Сравненіе между Англіей и Соединенными Штатами показываетъ, что въ Америкѣ, гдѣ заработная плата въ ткачествѣ болѣе высокая, трудъ настолько производительнѣе, что стоимость производства несравненно ниже, чѣмъ въ Англіи; въ пряденьѣ же, гдѣ заработная плата англійскаго рабочаго достигаетъ такой же высоты, стоимость производства ниже, чѣмъ въ Америкѣ (стр. 156). Сравненіе между Швеціей и Германіей, Англіей и Америкой относительно ткачества даетъ тѣ же результаты (стр. 151).

	Недѣльный продуктъ приходится на одного рабочаго.	Стоимость одного ярда.	Часы труда.	Понедѣльная заработная плата.	
	Ярды.			ш.	п.
Швейцарія и Германія . .	466	0.303	12	11	8
Англія	706	0.275	9	16	3
Америка	1,200	0.2	10	20	3

Скверно оплачиваемые и долго работающіе итальянскіе фабричные рабочіе легко вытѣсняются болѣе высоко оплачиваемымъ и лучшимъ трудомъ англійскихъ или американскихъ рабочихъ. Точно также сравненіе между Мюльгаузеномъ и фабриками Вогезскихъ долинъ показываетъ, что лучше оплачиваемый трудъ первыхъ — болѣе производительный.

Въ Россіи лучше оплачиваемый трудъ на фабрикахъ кругомъ Петербурга и Эстляндіи можетъ вытѣснить хуже оплачиваемый трудъ центральныхъ Владимірской и Московской губерній.

Шульце-Геверницъ идетъ такъ далеко, что утверждаетъ, что при существующихъ условіяхъ низкой заработной платы и долгихъ часовъ труда индійскія фабрики не могутъ

продавать дешевле, чѣмъ ихъ ланкаширскіе конкуренты, и при этомъ полагаетъ, что строгіе фабричные законы, которые требуются для Индіи, могутъ легко повредить Ланкаширу [1]), вмѣсто того, чтобы доставлять ему выгоды. Самые жизненные пункты слѣдующимъ образомъ резюмируются послѣ тщательнаго сравненія бумагопряденья Англіи съ тѣми частями Германіи, въ которыхъ употребляются англійскія машины:

„Въ Англіи рабочій одновременно работаетъ почти при двойномъ количествѣ машинъ, чѣмъ въ Германіи; машины работаютъ болѣе быстро; потеря въ сравненіи съ тѣмъ, что́ теоретически должно быть выработано (т. е. потеря времени и матерьяла), меньше. Наконецъ нужно принять во вниманіе, что въ Англіи сниманіе съ веретена и накладываніе на него занимаетъ меньше времени; тамъ меньше рвется нитка и связываніе разорванной нитки требуетъ меньше времени. Результатъ тотъ, что стоимость труда, обрабатывающаго фунтъ пряжи,—въ особенности, если принимается во вниманіе трудъ, идущій на наблюденіе,—несравненно меньше въ Англіи, чѣмъ въ Германіи. Такимъ образомъ заработная плата англійскаго прядильщика въ два раза больше, чѣмъ въ Германіи, между тѣмъ какъ онъ работаетъ только 9 ч. въ день, въ то время, какъ германскій рабочій работаетъ 11 или $11^1/_2$ часовъ“ (стр. 136).

Изъ доказательствъ, приведенныхъ Шульце-Геверницемъ, вытекаетъ, что современный промышленный прогрессъ, поскольку это касается его вліяній на трудъ, имѣетъ слѣдующіе результаты: a) болѣе короткій рабочій день, b) бо́льшую понедѣльную заработную плату, c) меньшую поштучную плату, d) менѣе дешевый продуктъ, e) увеличеніе продукта, вырабатываемаго каждымъ рабочимъ, f) увеличенную скорость машины, g) увеличенное число и размѣръ машинъ, которыми рабочій управляетъ. Всѣ эти

[1]) Здѣсь аргументъ Шульце-Геверница нѣсколько натянутъ. Хотя официальные отчеты считаютъ вопросъ о серебрѣ важнымъ факторомъ въ развитіи бомбейскихъ фабрикъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ способности бомбейскаго дешеваго труда, независимо отъ этого, вытѣснить англійскій трудъ въ низкихъ сортахъ хлопчатой бумаги на азіатскихъ рынкахъ. Брентано въ своемъ трудѣ „О продолжительности труда и рабочей платѣ по отношенію къ производительности труда“ поддерживаетъ Шульце-Геверница.

факторы должны быть приняты во вниманіе, прежде чѣмъ мы придемъ къ полному выводу о дѣйствительномъ вліяніи машинъ на рабочаго. Доказательства, приведенныя выше, какъ бы они ни были убѣдительны относительно существованія причинной связи между высокимъ уровнемъ жизни и высокой производительностью труда, не необходимо подтверждаютъ то заключеніе, что предпріятіе или федерація предпринимателей могутъ продолжать увеличивать заработную плату и уменьшать рабочій день ad libitum и съ увѣренностью ожидать соотвѣтствующаго увеличенія абсолютной производительности труда. Прежде чѣмъ подтвердить подобное заключеніе, мы должны болѣе ясно понять природу причиннаго отношенія между высокимъ уровнемъ жизненныхъ потребностей и качествомъ труда. Насколько мы въ правѣ считать высокую заработную плату и другія благопріятныя условія труда причиной, насколько слѣдствіемъ производительности труда? Приведенныя данныя только доказываютъ, что a b c суть извѣстныя явленія, относящіяся къ качеству труда,—какъ, напр., величина продукта, скорость работы, количество машинъ, управляемыхъ рабочимъ,—колеблются въ прямой зависимости отъ d e f, т. е. нѣкоторыхъ другихъ явленій, относящихся къ заработной платѣ, длинѣ рабочаго дня и другимъ условіямъ работы. Поскольку мы можемъ дѣлать выводы изъ данныхъ доказательствъ, мы можемъ утверждать, что два рода явленій находятся въ причинной связи между собой и мы не можемъ вполнѣ вѣрно опредѣлить, составляютъ ли колебанія въ a b c причины или же слѣдствія, сопутствующія колебаніямъ въ d e f, или же оба ряда явленій управляются какимъ-нибудь третьимъ рядомъ, колебанія котораго вліяютъ одновременно и пропорціонально на другіе два ряда.

Мораль, которую писатели, какъ Гэнтонъ и Шенгофъ, старались извлечь и которая была принята не малымъ количествомъ вожаковъ рабочаго движенія, состоитъ въ томъ, что каждое увеличеніе въ заработной платѣ и каждое сокращеніе рабочаго дня необходимо повлечетъ за собой эквивалентный или болѣе чѣмъ эквивалентный подъемъ качества труда. Стараясь установить это положеніе, они съ особеннымъ удареніемъ указывали на сравнительную статистику текстильной промышленности. Но, во-первыхъ, нужно указать на то, что приведенныя доказательства не под-

тверждаютъ никакихъ такихъ обобщеній, такъ какъ статистическія данныя Гульда и Шенгофа даютъ много случаевъ, гдѣ болѣе высокая денежная плата и реальная заработная плата американскихъ рабочихъ совершенно не сопровождается соотвѣтствующей большей производительностью. Въ подобныхъ случаяхъ „дешевый" трудъ англійскаго рабочаго и въ дѣйствительности дешевъ.

Опять-таки въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ болѣе высокая заработная плата американскихъ рабочихъ сопровождается эквивалентнымъ или болѣе чѣмъ эквивалентнымъ увеличеніемъ продукта, это увеличенное выработываніе продуктовъ не вполнѣ и даже не главнымъ образомъ приписывается большей интенсивности или лучшему качеству труда по употребленію болѣе совершенствованныхъ трудо-сберегательныхъ машинъ. Разница между стоимостью труда, идущаго на дѣланіе и сохраненіе усовершенствованной машины, и стоимостью труда, идущаго на дѣланіе и сохраненіе худшей машины, которую первая вытѣснила, должна быть прибавлена, когда дѣлается сравненіе между отношеніемъ стоимости труда къ продукту въ различныхъ странахъ или на различныхъ ступеняхъ промышленнаго развитія той же страны. Выпущеніе этого уничтожаетъ очень много изъ разсужденій Шульце-Геверница, Брентано, Рэ и другихъ пророковъ, толкующихъ „объ экономіи высокой заработной платы".

Непосредственная стоимость труда при производствѣ каждаго товара можетъ быть такъ же мала или даже меньше, чѣмъ въ Англіи, но общая стоимость производства [1]) и продажная цѣна могутъ быть выше. Наконецъ, сравнивая Англію и Америку, что́ во многихъ отношеніяхъ очень по-

[1]) Общій выводъ г. Gould'a изъ его сравненія американскаго и европейскаго производства состоитъ въ томъ, что болѣе высокая дневная заработная плата не означаетъ соотвѣтствующаго увеличенія въ стоимости за трудъ для фабриканта (Contemporary Review, янв. 1893). Это, по его мнѣнію, отчасти зависитъ отъ лучшихъ механическихъ приспособленій, которыя и составляютъ результатъ высокой заработной платы, отчасти отъ болѣе высокаго развитія физическихъ силъ рабочаго. Но аргументы г. Gould'a и его заключеніе, которое онъ здѣсь приводитъ, недостаточны еще, какъ доказательство экономіи высокой заработной платы, потому что ими только показывается, что высокая заработная плата сопровождается увеличеніемъ количества продуктовъ, но не соотвѣтствующимъ увеличеніемъ продукта.

лезно, потому что по развитію промышленныхъ способовъ, равно какъ и по характеру своихъ рабочихъ, эти двѣ страны стоятъ ближе всего другъ къ другу, мы увидимъ, что разница въ денежной и дѣйствительной заработной платѣ не всегда сопровождается разницей въ длинѣ рабочаго дня.

Доказательства, которыми мы теперь обладаемъ, не даютъ права на всемірное или даже общее приложеніе теоріи объ экономіи высокой заработной платы. Если бы было въ общемъ вѣрно, что при увеличеніи заработной платы при сокращеніи рабочаго дня ежедневный продуктъ, приготовляемый каждымъ рабочимъ увеличится или даже удержится на той же высотѣ, то общественная задача, поскольку она касается облегченія бѣдности и нищеты среди низшихъ слоевъ рабочихъ, допустила бы легкое рѣшеніе.

Но хотя вообще допускаютъ, что подъемъ заработной платы или общаго уровня комфорта большинства классовъ рабочихъ повлечетъ за собой соотвѣтствующее увеличеніе производительности труда, и что за сокращеніемъ рабочаго дня не послѣдуетъ соотвѣтствующаго уменьшенія въ количествѣ вырабатываемыхъ продуктовъ, изъ этого еще никоимъ образомъ не слѣдуетъ, что будетъ выгодно увеличивать заработную плату и уменьшать рабочіе часы безгранично. Точно также, какъ допускаютъ, что результатъ одинаковаго сокращенія рабочаго дня будетъ различенъ въ различныхъ производствахъ,—точно также результатъ даннаго подъема уровня комфорта будетъ тоже различенъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ выгоденъ болѣе высоко оплачиваемый трудъ и короткій рабочій день, въ другихъ случаяхъ болѣе дешевый трудъ и болѣе долгій рабочій день. Совершенно невозможно, напирая на существованіе высокой заработной платы и хорошей работы, низкой заработной платы и плохой работы во многихъ высоко-развитыхъ индустріяхъ, апеллировать къ просвѣщеннымъ эгоистическимъ интересамъ предпринимателей въ пользу общаго подъема заработной платы и общаго сокращенія рабочаго дня. Изъ того, что самыя выгодныя дѣла часто ведутся системой высокой заработной платы за недолгій интенсивный трудъ при высоко-развитыхъ машинахъ, ни въ какомъ случаѣ еще не вытекаетъ, что другія предпріятія не могутъ вестись еще болѣе выгоднымъ образомъ, употребляя хуже оплачиваемыхъ рабочихъ, которые работаютъ въ продолженіе болѣе долгаго

рабочаго дня при простыхъ машинахъ. Мы не можемъ поэтому заключить, что ланкаширскіе фабриканты стараго времени придерживались слишкомъ близорукой системы, нанимая дѣтей и взрослыхъ за самую низкую заработную плату.

Доказательства Шульце-Геверница, показываютъ ясно, что экономія высокой заработной платы и короткаго рабочаго дня находятся въ тѣсной связи съ развитіемъ машинъ, и что когда машины сложныя и могутъ работать подъ большимъ давленіемъ, то чистая выгода высокой заработной платы и короткаго рабочаго дня становится ясной.

Въ такомъ именно смыслѣ современная машина считается прямой причиной высокой заработной платы и короткаго рабочаго дня.

Но хотя цѣль введенія машины состоитъ въ замѣщеніи искусныхъ ручныхъ рабочихъ простыми рабочими по низкой заработной платѣ и хотя неустающая машина можетъ прибыльно работать безпрерывно, но, съ точки зрѣнія человѣческой природы, гораздо выгоднѣе работать подъ высокимъ давленіемъ въ продолженіе болѣе короткаго рабочаго дня и покупать такую интенсивную работу по болѣе высокой цѣнѣ. Мы должны, конечно, помнить, что высокая заработная плата часто и есть прямая причина введенія усовершенствованныхъ машинъ и составляетъ постоянную побудительную причину для введенія новыхъ механическихъ изобрѣтеній. Это еще вполнѣ признавалъ 50 лѣтъ тому назадъ Уръ, который считалъ удлиненные бумагопрядильные станки (lengthened mules), изобрѣтенія самодѣйствующей бумагопрядильной машины и нѣкоторыя усовершенствованія въ печатаніи коленкора прямыми послѣдствіями этой причины [1]). Но, допуская эти тенденціи по отношенію къ нѣкоторымъ машиннымъ индустріямъ, мы еще не въ правѣ вполнѣ довѣрчиво полагаться на то, что способность заработной платы подыматься, благодаря организаціи труда или чему-нибудь другому, произведетъ такія усовершенствованія промышлен-

[1]) Ure. Philosophy of Manufacture, стр. 367—369. Dr. Ure разсматривалъ механическія изобрѣтенія, какъ средства, которыми капиталъ подчиняетъ себѣ трудъ. Описывая, какъ „самодѣйствующая бумагопрядильная машина“ вошла въ употребленіе, онъ торжественно прибавляетъ: „это изобрѣтеніе содержитъ уже знакомое великое ученіе, что когда капиталъ принимаетъ къ себѣ науку въ службу, то непокорная рука труда будетъ всегда обучаться покорности“. (Стр. 368).

ныхъ способовъ, которыя дадутъ возможность платить болѣе высокую плату, не вредя производству или не уменьшая прибыли ниже общественно необходимаго минимума для содержанія частной индустріи.

Наши доказательства ведутъ къ тому заключенію, что въ то время, какъ увеличеніе заработной платы почти всегда сопровождается увеличеніемъ качества труда и продукта, отношеніе увеличенной производительности къ подъему заработной платы будетъ различно въ каждомъ предпріятіи. Поэтому нельзя сдѣлать общаго вывода ни въ пользу высокой, ни въ пользу низкой заработной платы.

Экономически выгодная заработная плата и количество часовъ работы будутъ различны сообразно многимъ условіямъ, изъ которыхъ самыя важныя — различное развитіе машинъ, напряженіе мускуловъ и нервовъ, вызываемое работой, комнатный и сидячій характеръ работы, различныя гигіеническія условія, при которыхъ она совершается, возрастъ, полъ, раса и классъ рабочихъ.

Въ Америкѣ гораздо выгоднѣе нанимать въ бумаготкацкой индустріи женщинъ за высокую плату, чтобы онѣ работали на шести, семи, даже восьми станкахъ въ продолженіе короткаго рабочаго дня, чѣмъ платить низкую плату худшимъ рабочимъ, какъ это дѣлается, напримѣръ, въ Германіи, Швейцаріи или даже въ Ланкаширѣ. Но заработная плата американскихъ углекоповъ оказывается экономически слишкомъ высокой, т. е. разница между американской и англійской заработной платой не вознаграждается эквивалентной разницей въ количествѣ добываемаго угля. Валовое число тоннъ, добываемыхъ американскими углекопами, получающими 326 дол. въ годъ, равняется 377, и стоимость тонны будетъ такимъ образомъ равняться $86^1/_2$ цент. по сравненію съ стоимостью въ 79 цент. за тонну въ Сѣверномъ Стаффордширѣ, гдѣ углекопъ зарабатываетъ 253 доллара и добываетъ 322 тонны [1]). Точно также стоимость труда при выработываніи одной тонны бессемеровской болванки обходится въ Америкѣ приблизительно на 50 ц. дороже, чѣмъ въ Англіи, между тѣмъ какъ американская заработная плата приблизительно на 40% выше [2]).

И дѣйствительно, очевидно послѣ цѣлаго ряда доказа-

[1]) „№ 4. Consular Report“ (цитированный Schoenhof, стр. 209).
[2]) Schoenhof, стр. 216.

тельствъ, что не существуетъ никакого опредѣленнаго отношенія между стоимостью труда и заработной платой въ одной какой-нибудь группѣ товаровъ.

Такое же малое значеніе можно придать противоположному мнѣнію, что высокая заработная плата есть результатъ увеличенной производительности труда. Это ходячій взглядъ тѣхъ предпринимателей и тѣхъ экономистовъ, которые исходятъ съ того предположенія, что существуетъ нѣкоторый законъ конкуренціи, сообразно которому каждый рабочій получаетъ столько, сколько онъ достоинъ, т. е. полный продуктъ своего труда; только при улучшеніи качества труда заработная плата можетъ увеличиваться, разсуждаютъ эти господа: тамъ гдѣ заработная плата высока и качество труда высокое и vice versâ; поэтому качество труда опредѣляетъ собою заработную плату. Подобно тому, какъ защитники теоріи экономіи высокой заработной платы стараются посредствомъ рабочихъ союзовъ законодательства и общественнаго мнѣнія поднимать заработную плату и сокращать количество рабочихъ часовъ, полагая, что увеличенная производительность, которая послѣдуетъ за этимъ, вознаградитъ подобное поведеніе; точно также другіе настаиваютъ, что техническое воспитаніе и возвышеніе нравственнаго и промышленнаго характера рабочихъ должны предшествовать и вознаграждать всякій подъемъ заработной платы или сокращеніе рабочаго дня улучшеніемъ качества труда. Оставляя въ сторонѣ предположеніе, что часть, которую рабочій получаетъ въ соединенномъ продуктѣ труда и капитала, есть постоянная и неизмѣнная величина, этотъ взглядъ основывается на одномъ только отрицаніи того вліянія, которое высокая заработная плата и возвышеніе уровня комфорта будто бы имѣютъ на увеличеніе производительности труда. Ясно, что заработная плата и другія условія работы съ одной стороны и производительность труда и размѣръ продукта съ другой стороны взаимно опредѣляютъ другъ друга. Каждое увеличеніе заработной платы, досуга и общаго уровня комфорта увеличатъ производительность труда; всякое увеличеніе производительности труда, вытекаетъ ли оно прямо изъ этихъ или другихъ причинъ, вызоветъ увеличеніе заработной платы и болѣе короткій рабочій день.

Еще одинъ пунктъ вытекаетъ изъ доказательствъ, отно-

сящихся къ производительности труда и высокой заработной платѣ. Согласно формулѣ Шульце-Геверница, каждое паденіе въ поштучной заработной платѣ сопровождается увеличеніемъ понедѣльной заработной платы. Но нужно помнить, что увеличеніе заработной платы за опредѣленное время не необходимо означаетъ, что цѣна труда, измѣряемая усиліями, тоже увеличилась. Болѣе интенсивный трудъ, продолжающійся болѣе короткое время, можетъ получить за каждую единицу времени большую плату, но цѣна за каждую единицу усилій будетъ ниже. Признано, что общая тенденція новѣйшей эволюціи машинъ сводится къ тому, чтобы выжимать и увеличивать интенсивность труда. Въ нѣкоторыхъ родахъ текстильнаго труда количество мускульнаго или ручного труда, израсходуемаго въ 1 день гораздо больше, чѣмъ раньше. Это и бываетъ съ работой дѣтей, работающихъ поштучно. Во времена Ура, (1830 г.) онъ могъ еще претендовать, что въ продолженіе трехъ четвертей времени, которыя дѣти проводятъ на фабрикѣ, имъ нечего было дѣлать. Увеличеніе числа веретенъ и увеличенная скорость сдѣлали ихъ трудъ болѣе непрерывнымъ. То же самое вѣрно относительно прядильщиковъ, работающихъ на тонко-прядильной машинѣ, трудъ которыхъ даже за послѣднія нѣсколько лѣтъ сдѣлался болѣе интенсивнымъ — благодаря увеличенному размѣру мюлей. Хотя по правилу машина стремится перенять болѣе тяжелыя формы мускульной работы, она въ то же время стремится умножить число болѣе слабыхъ мускульныхъ усилій, такъ что общее напряженіе только немного меньше, чѣмъ раньше. Облегченіе, которое получается въ мускульныхъ усиліяхъ, уравновѣшивается растущей напряженностью нервовъ и вниманія. Болѣе того, чѣмъ сложнѣе и дороже машина, тѣмъ все большая отвѣтственность лежитъ на рабочемъ, ухаживающемъ за нею. Новое усиліе, возлагаемое на рабочаго, носитъ въ нѣкоторой степени болѣе деликатный характеръ, чѣмъ тяжелая мускульная работа, которую машина вытѣснила. Но ея налогъ на физическую силу постоянно растетъ. „Ручной ткачъ въ состояніи работать 13 часовъ въ день, но физически невозможно найти ткача, который бы работалъ 13 часовъ на шестерномъ станкѣ (six-loom)“[1]). Сложность современной машины и сверхъесте-

[1]) Der Grossbetrieb, p. 167.

ственная скорость, которую она проявляетъ, предполагаетъ безпрерывно увеличенное напряженіе человѣческаго труда и увеличенное количество траты мускульныхъ усилій въ единицу времени. Это сдѣлалось возможнымъ, благодаря пріобрѣтенной ловкости, улучшенной физической силѣ, вытекающимъ изъ болѣе высокаго уровня жизни. Но очевидно, что гдѣ только замѣчается, что каждый подъемъ уровня жизненныхъ потребностей и каждое сокращеніе рабочаго дня сопровождается болѣе сильнымъ напряженіемъ мускуловъ и нервовъ или же умственной энергіи въ продолженіе болѣе короткаго рабочаго дня, мы не въ правѣ считать болѣе высокую заработную плату и болѣе короткій рабочій день чистымъ выигрышемъ для рабочаго. Есть однако нѣкоторыя границы, которыя ставятся сжимаемости рабочихъ усилій. Ясно, что было бы совершенно невозможно посредствомъ цѣлаго ряда быстрыхъ сокращеній рабочаго дня и увеличенія еженедѣльной заработной платы усилить производительность каждаго часа труда за извѣстный предѣлъ рабочаго. Человѣческая природа по необходимости ставитъ границы этой сжимаемости. Хотя ткачу, можетъ быть, и лучше работать одновременно на четырехъ станкахъ въ продолженіе англійскаго рабочаго дня за скромную заработную плату въ 16 шил. въ недѣлю, чѣмъ зарабатывать въ Германіи 11 ш. 8 д., работая на двухъ станкахъ въ продолженіе 12-часового рабочаго дня, но изъ этого все еще не слѣдуетъ, что лучше зарабатывать въ Америкѣ 20 шил. и 3 д., работая одновременно на шести, семи или даже восьми станкахъ въ продолженіе 10 часовъ въ день [1]), или что положеніе американскихъ рабочихъ улучшилось бы, если бъ восьми-часовой рабочій день былъ бы купленъ на счетъ придачи одного станка каждому рабочему.

Выгода, которая вытекаетъ изъ высокой заработной платы и бо́льшаго количества досуга, во время котораго совершается потребленіе, болѣе чѣмъ уравновѣшивается крайнимъ напряженіемъ нервовъ и мускуловъ въ продолженіе болѣе короткаго рабочаго дня. Это затрудненіе, какъ мы вп-

[1]) Vide supra, стр. 269. Эта заработная плата есть средняя для всѣхъ рабочихъ, работающихъ въ ткацкихъ отдѣленіяхъ, но не для однихъ только „ткачей“.

дѣли, отнюдь не устраняется передачей болѣе тяжелой мускульной работы машинѣ, если только эта увеличенная дѣятельность той же машины дѣлается предлогомъ для того, чтобы усилить скорость такой работы, которая достается на долю машинныхъ рабочихъ.

Въ нѣкоторыхъ родахъ труда, хотя ни въ какомъ случаѣ не во всѣхъ, увеличеніе количества труда, вмѣщаемаго въ 1 часъ, можно получить при уменьшеніи рабочаго дня, но два условія являются дѣйствующими силами въ опредѣленіи прогрессивнаго движенія въ этомъ направленіи: во-первыхъ, объективный экономическій вопросъ о количественномъ отношеніи между послѣдовательнымъ уменьшеніемъ рабочаго дня и увеличеніемъ труда, расходуемаго въ каждый рабочій часъ; во-вторыхъ, субъективный экономическій вопросъ о вліяніи болѣе сжатаго труда на рабочаго въ качествѣ производителя и потребителя.

Нѣтъ недостатка въ доказательствахъ, что увеличеніе досуга и болѣе высокая заработная плата могутъ быть куплены слишкомъ дорого.

Обращая вниманіе на это условіе, не нужно однако предполагать, что увеличеніе реальной заработной платы и сокращеніе рабочаго дня, замѣчающееся въ прогрессивной индустріи, сопровождаются соотвѣтствующимъ увеличеніемъ сжимаемости труда. Въ текстильной и желѣзной индустріи, напр., ясно видно, что рабочіе пріобрѣли нѣкоторую часть въ увеличенной производительности усовершенствованныхъ машинъ въ видѣ подъема заработной платы. Даже тамъ, гдѣ рабочій управляетъ большимъ числомъ машинъ, мы не въ правѣ утверждать, что рабочій испытываетъ большее напряженіе или дѣлаетъ большее усиліе. Дѣйствительный ростъ ловкости или производительности даетъ возможность управлять бо̀льшимъ числомъ машинъ безъ бо̀льшихъ субъективныхъ усилій, чѣмъ прежде. Но, даже допуская это, исторія фабричной системы въ Англіи, равно какъ и въ другихъ странахъ, ясно указываетъ, что фабричный трудъ болѣе интенсивенъ, чѣмъ раньше, не по силѣ напряженія мускуловъ, но по большему напряженію, которое онъ возлагаетъ на нервную систему рабочихъ.

Значеніе этого пункта часто игнорируютъ какъ защитники болѣе короткаго рабочаго дня, равно какъ и тѣ, которые настаиваютъ, что главная цѣль рабочихъ должна

состоять въ томъ, чтобы сдѣлать ихъ трудъ болѣе производительнымъ. Поскольку бо̀льшая производительность просто означаетъ бо̀льшую ловкость и не требуетъ больше усилій—она составляетъ чистый выигрышъ, но тамъ, гдѣ требуется больше усилій, вопросъ уже требуетъ точнаго детальнаго разсмотрѣнія.

Другое вліяніе сжатаго труда заслуживаетъ не меньшаго вниманія.

Тѣсная связь, которая существуетъ между высокой заработной платой и короткимъ рабочимъ днемъ, въ общемъ всѣми признана. Увеличеніе денежной заработной платы, которое вліяетъ на уровень жизненныхъ потребностей посредствомъ введенія такихъ измѣненій въ потребленіе, полученіе и удовлетвореніе которыхъ можетъ быть достигнуто только при увеличеніи времени потребленія,—такія измѣненія могутъ быть удачны только при уменьшеніи часовъ труда. Когда, напр., новыя потребности, удовлетвореніе которыхъ естественно зависѣло бы отъ увеличенія уровня жизненныхъ потребностей, носятъ интеллектуальный характеръ, включая не только покупку книгъ и т. п., но также время для чтенія этихъ книгъ, то такая польза требовала бы, чтобы болѣе высокая заработная плата сопровождалась уменьшеніемъ часовъ труда въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ послѣдніе слишкомъ длинны. Но не всѣ еще ясно сознаютъ, что подобные вопросы не могутъ вполнѣ рѣшаться безъ соотношенія къ вопросу объ интенсивности труда. Однако очевидно, что восьми-часовой рабочій день болѣе напряженнаго труда можетъ быть болѣе истощающаго характера, чѣмъ десяти-часовой рабочій день меньшей интенсивности, и можетъ сдѣлать рабочаго неспособнымъ извлекать всю пользу отъ возможности получить образованіе, которое теперь болѣе открыто для него, чѣмъ при длинномъ рабочемъ днѣ менѣе интенсивнаго труда.

Выгода, получаемая отъ прибавленія двухъ часовъ досуга можетъ быть уничтожена уменьшеніемъ значенія каждаго часа досуга. Другими словами, чрезмѣрность интенсивности труда можетъ имѣть худшія послѣдствія, чѣмъ чрезмѣрность въ длинѣ труда.

Эта возможность часто просматривается въ аргументахъ тѣхъ, которые поддерживаютъ движеніе въ пользу сокращенія рабочаго дня, основываясь на томъ, что каждая

единица рабочаго времени будетъ болѣе производительна. Если аргументъ касается одного только вліянія болѣе высокой заработной платы безъ болѣе короткаго рабочаго дня на качество труда, то это пренебреженіе условіемъ интенсивности труда имѣетъ болѣе важныя послѣдствія. Еще серьезный вопросъ, не перевѣшиваются ли выгоды, извлекаемыя ткачомъ въ Массачусетсѣ отъ высокой заработной платы, увеличеніемъ напряженности труда, вытекающимъ отъ работы на такомъ количествѣ станковъ въ продолженіе столькихъ часовъ, которые въ общемъ превышаютъ англійскій рабочій день. Истощающій характеръ такого труда можетъ оставить свой отпечатокъ въ видѣ уменьшенія реальной полезности или удовлетворенія отъ болѣе высокаго уровня жизни, которое высокая заработная плата дѣлаетъ возможнымъ. Тамъ, гдѣ увеличенная производительность труда много обязана совершенствованію машинъ или способовъ производства, которое вызывается высокой заработной платой безъ соотвѣтствующаго увеличенія напряженности самого труда, ясно, что трудъ выигрываетъ. Возможно, что болѣе короткіе часы и болѣе высокая заработная плата могутъ стимулировать вредное увеличеніе напряженности производительныхъ усилій; это не нужно упустить изъ виду при изслѣдованіи вліянія новыхъ промышленныхъ способовъ на трудъ.

Продолжительность, напряженность труда и заработная плата въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ должны быть изучаемы вмѣстѣ при всякой попыткѣ оцѣнить тенденціи капиталистическаго производства. Мы также не можемъ ожидать, чтобы ихъ отношенія были одни и тѣ же въ какихъ бы то ни было двухъ индустріяхъ. Тамъ, гдѣ трудъ тонко растянутъ по необыкновенно долгому рабочему дню, какъ, напримѣръ, на индійскихъ фабрикахъ, вполнѣ вѣроятно, что такія усовершенствованія въ организаціи, которыя могли бы сократить рабочій день до уровня англійскаго рабочаго дня и сдѣлать трудъ болѣе интенсивнымъ, были бы выгодны, и увеличеніе заработной платы, которое можетъ послѣдовать за этимъ, принесло бы рабочимъ двойную пользу. Но всякая попытка къ дальнѣйшему сокращенію и къ увеличенію интенсивности рабочаго дня можетъ вредить рабочимъ даже въ томъ случаѣ, если количество продуктовъ увеличится. Этотъ примѣръ можетъ служить хорошей

иллюстраціей связанности всѣхъ этихъ вопросовъ другъ съ другомъ. Чистая выгода, извлекаемая отъ особеннаго количественнаго отношенія между часами труда и интенсивностью, была, по всей вѣроятности, глубоко различна для англійскихъ и индійскихъ текстильныхъ рабочихъ. Было бы неосновательно à priori ожидать, чтобъ рабочій день, который былъ бы наиболѣе выгоденъ обоимъ, былъ бы одинаковой продолжительности. Точно также вполнѣ возможно, что болѣе энергичный нервный темпераментъ американскаго рабочаго можетъ приспособить его или къ такому короткому и интенсивному рабочему дню, который не годился бы для ланкаширскаго рабочаго. Это именно нераздѣльное отношеніе трехъ факторовъ — продолжительности, напряженности и заработка есть самый важный пунктъ. Но, разсматривая заработокъ, мы должны имѣть въ виду не денежную плату или даже покупательную силу денегъ. но чистую выгоду, которую можно получить отъ потребленія того, что̀ покупается, если только мы желаемъ разсмотрѣть этотъ вопросъ съ научной точки зрѣнія.

Нужно вполнѣ признать при разсмотрѣніи всѣхъ практическихъ реформъ, вліяющихъ на положеніе рабочаго, что вопросъ о „заработной платѣ“ не можетъ быть отдѣленъ ни отъ вопросовъ о количествѣ „часовъ работы“, ни отъ „напряженности труда“, и что всякая попытка упростить разсужденіе или облегчить „рабочее движеніе“, стараясь найти отдѣльное рѣшеніе для каждаго вопроса, безполезна, потому что не научна. Когда замышляется какая-нибудь промышленная перемѣна, она должна быть разсмотрѣна съ точки зрѣнія „труда“, какое вліяніе она имѣетъ на дѣйствительное благосостояніе рабочаго, обращая при этомъ должное вниманіе не только на ея вліяніе на заработную плату, часы труда, напряженность, но также на сложныя измѣняющіяся отношенія, которыя существуютъ въ каждой отрасли труда, въ каждой странѣ и въ каждой стадіи промышленнаго развитія между этими тремя факторами. Но хотя, когда мы думаемъ о томъ, что машина увеличиваетъ интенсивность и монотонность труда, увеличиваетъ число рабочихъ, занятыхъ сидячей домашней работой, и заставляетъ все большую часть рабочаго населенія жить въ скученныхъ нездоровыхъ городахъ, мы сомнѣваемся, принесли ли машины пользу рабочему классу; но мы однако должны

признать, что ростъ машинъ вполнѣ сопровождался улучшеніемъ уровня матеріальнаго комфорта среди машинныхъ рабочихъ, принимая во вниманіе объективную мѣру комфорта.

Чего бы мы ни говорили о вліяніи увеличенной напряженности труда и косвенномъ вліяніи машинъ, вся масса доказательствъ ясно обнаруживаетъ, что рабочіе при машинахъ лучше питаются, лучше одѣваются, живутъ на лучшихъ квартирахъ, чѣмъ ручные рабочіе, которыхъ они вытѣсняютъ, и что всякое увеличеніе въ производительности и сложности машинъ сопровождается увеличеніемъ реальной заработной платы. Самыя лучшія машины требуютъ для своего экономнаго употребленія достаточный уровень жизненныхъ потребностей среди тѣхъ рабочихъ, которые при нихъ работаютъ, и съ дальнѣйшимъ развитіемъ машинъ въ каждой индустріи мы можемъ ожидать бо̀льшаго подъема этого уровня, хотя мы и не можемъ утверждать, что этотъ естественный и необходимый прогрессъ комфорта среди машинныхъ рабочихъ не имѣетъ опредѣленной границы, и что это одинаково прилагается ко всѣмъ индустріямъ и ко всѣмъ странамъ.

Могло бы поэтому показаться, что, подобно тому, какъ одна индустрія за другой попадаетъ въ ряды машиннаго производства, тенденція машиннаго развитія должна вести къ общему возвышенію уровня комфорта среди рабочихъ классовъ. Можетъ быть, что вліяніе машинъ именно дѣйствуетъ въ этомъ направленіи. Но не нужно забывать, что большее распространеніе машиннаго производства не увеличиваетъ, повидимому, пропорціи рабочихъ, работающихъ при машинахъ. Дѣйствительно, если судить по послѣднимъ даннымъ наиболѣе развитыхъ текстильныхъ индустрій, то мы въ правѣ ожидать, что, когда машины завладѣютъ всѣми тѣми индустріями, которыя легко могутъ стать рутиннымъ производствомъ, пропорція всего рабочаго населенія, прямо занятаго управленіемъ машинъ, будетъ постепенно уменьшаться, и все бо̀льшая и бо̀льшая часть будетъ занята въ тѣхъ частяхъ перевозочной и распредѣлительной индустріи, которыя машина не можетъ такъ легко захватить, и также въ личной службѣ (personal service). Если это такъ, то мы не можемъ смотрѣть на эволюцію машинъ съ ихъ спросомъ на болѣе интенсивный и болѣе производительный трудъ,

какъ на надлежащую гарантію необходимаго усовершенствованія въ уровнѣ комфорта рабочихъ классовъ, взятыхъ въ цѣломъ. Короче говоря, у насъ нѣтъ никакихъ доказательствъ, чтобы показать, что увеличеніе уровня матеріальнаго комфорта лавочниковъ, письмоводителей, школьныхъ учителей, агентовъ, приказчиковъ, рабочихъ на докѣ, полицейскихъ и другихъ классовъ рабочихъ, пропорція которыхъ постоянно увеличивается въ нашемъ промышленномъ обществѣ, будетъ сопровождаться такимъ значительнымъ увеличеніемъ производительности ихъ труда, которое вызоветъ цѣлый рядъ такихъ увеличеній. Автоматическое движеніе, которое Шульце-Геверницъ и другіе находятъ въ типическихъ машинныхъ индустріяхъ, повидимому, не приложимо къ индустріи, взятой въ цѣломъ, и если тенденція развитія машинъ состоитъ въ томъ, чтобы поглотить бо̀льшую пропорцію работы, но меньшую пропорцію рабочихъ, то нельзя питать много надеждъ на будущее рабочихъ классовъ, поддерживающихъ движеніе въ пользу болѣе высокой заработной платы въ машинныхъ индустріяхъ.

Но если нельзя полагаться, что индивидуальный интересъ производителя будетъ въ по̀льзу повышенія заработной платы, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ индустрій и то до извѣстнаго пункта, то можно быть увѣреннымъ, что коллективный интересъ потребителей будетъ служить крѣпкой поддержкой теоріи „экономіи высокой заработной платы“. Мы видѣли, что обладаніе слишкомъ большой „силой потребленія“ такими классами, которые въ силу того, что ихъ нормальныя здоровыя потребности уже вполнѣ удовлетворены, отказываются проявлять эту силу, а продолжаютъ откладывать ее въ ненужныя формы капитала, и есть прямая причина бездѣятельнаго состоянія труда и капитала. Если бы дѣйствія промышленныхъ силъ отдавали бо̀льшую часть „силы потребленія“ въ руки рабочихъ классовъ, которые употребляли бы ее не затѣмъ, чтобы откладывать потребленіе, но чтобы поднять уровень матерьяльнаго и интеллектуальнаго комфорта, то это повлекло бы за собой болѣе полныя правильныя занятія труда и капитала. Если болѣе сильная организація труда въ состояніи увеличивать заработную плату и увеличенная заработная плата служитъ для того, чтобы увеличить спросъ на различные предметы потребленія, то этимъ дается прямой стимулъ къ увеличенію произ-

водительности капитала и труда. Не нужно однако избѣгать сущности вопроса. Если бы покупательная сила, которая теперь „сберегается“ богатыми классами, перешла бы въ руки рабочихъ въ видѣ высокой денежной заработной платы и не тратилась бы ими на увеличеніе уровня комфорта, но „помѣщалась“ бы въ различныя формы капитала, то это не дало бы никакого стимула индустріи; „сбереженія“ одного класса попали бы въ руки другого класса, и ихъ излишекъ ограничивалъ бы индустрію точно такъ же, какъ теперь. Хотя мы рады были бы видѣть, чтобы рабочій классъ обладалъ увеличенной частью тѣхъ формъ капитала, которыя общественно полезны, однако этотъ простой актъ перехода, какъ бы онъ ни совершался, не служилъ бы стимуломъ для всей индустріи. Съ точки зрѣнія всего общества одинъ только подъемъ текущаго потребленія можетъ стимулировать индустрію. Когда будетъ ясно понято, что спросъ на товары есть единственный спросъ на употребленіе труда и капитала, а не только факторъ, опредѣляющій, въ какомъ особенномъ направленіи эти средства производства должны быть приложены, то мы увидимъ, что будущее нашей промышленности главнымъ образомъ заключается въ надеждѣ, что рабочіе классы будутъ употреблять свою высокую заработную плату не для того, чтобы помѣщать ихъ въ прибыльное предпріятіе (что есть саморазрушающая система), но на то, чтобы поднять свой уровень потребностей посредствомъ текущаго удовлетворенія всѣхъ здоровыхъ потребностей души и тѣла, которыя скрыты при „экономіи низкой заработной платы“. Удовлетвореніе новыхъ человѣческихъ потребностей, придавая жизни все большій интересъ и надежду, сдѣлаетъ всѣ интеллектуальныя усилія болѣе успѣшными; распредѣляя спросъ надъ большимъ разнообразіемъ товаровъ, оно позволитъ лучше утилизировать какъ природные, такъ и человѣческіе источники и, возстановляя нарушенное равновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ, вызванное неравенствомъ въ покупательной силѣ, оправдаетъ увеличенную заработную плату большей полнотой и правильностью работы. Но нужно ясно понять, что какой бы добродѣтелью для рабочихъ классовъ не казались „сбереженія“, всякое обширное практикованій „сбереженій“, предпринятое раньше и въ видѣ предпочтенія возвышенію текущаго потребленія, по необходи-

мости сократитъ экономическія выгоды, о которыхъ мы только что говорили. Подобно тому, какъ отдѣльный индивидуумъ увидитъ, что онъ не въ состояніи будетъ „сберегать“, покуда онъ не вполнѣ позаботится о содержаніи своего семейства въ здоровомъ состояніи, точно также разумный рабочій классъ будетъ настаивать на утилизированіи первыхъ прибавокъ къ заработной платѣ, чтобы улучшать физическое и интеллектуальное состояніе самихъ себя и семействъ, прежде чѣмъ онъ попытается „помѣщать“ въ выгодное предпріятіе какую-нибудь значительную часть своей увеличенной заработной платы. Гульдъ объясняетъ этотъ пунктъ очень просто и убѣдительно: „Тамъ, гдѣ экономическія выгоды незначительны, „сбереженія“ показываютъ сравнительно болѣе низкій уровень общественнаго существованія. Скупой народъ никогда не прогрессивенъ и обыкновенно не отличается въ промышленномъ отношеніи. Только человѣкъ со многими потребностями.—не съ роскошными фантазіями, но дѣйствительными законными потребностями.—который работаетъ тяжело, чтобы удовлетворить своимъ стремленіямъ, есть тотъ, кого слѣдуетъ нанять. Пусть экономисты продолжаютъ проповѣдовать полезность и необходимость сбереженія, но пусть соціологи также твердо настаиваютъ на томъ, что проявлять экономію на столько, чтобы препятствовать въ XIX столѣтіи соотвѣтствующему движенію впередъ въ цивилизаціи рабочихъ и другихъ классовъ, нравственно несправедливо и въ промышленномъ отношеніи плохая тактика. Мнѣ не жаль, что американецъ не сберегаетъ больше. Я полагаю, что если бы многія рабочія общины (communities), которыя я посѣтилъ на континентѣ, были бы соціально болѣе честолюбивы, было бы меньше опасности отъ радикальныхъ теорій. Одинъ изъ самыхъ интеллигентныхъ фабрикантовъ, котораго я когда-либо встрѣчалъ, говорилъ мнѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что онъ бы былъ очень радъ платить болѣе высокую заработную плату своимъ рабочимъ, если бы они только тратили свой излишекъ законнымъ образомъ, но не копили бы. Онъ зналъ, что къ концу концовъ онъ бы при этомъ выигралъ, такъ какъ „удовлетвореніе однѣхъ потребностей создаетъ другія“ [1]). Если и существуютъ такіе теоретики экономи-

[1]) E. R. L. Gould, Contemporary Review, January 1893.

сты, которые и теперь еще утверждаютъ, „что спросъ на товары не есть спросъ на трудъ“, имъ нужно напомнить, что не всякій парадоксъ вѣренъ. Этотъ же парадоксъ, въ частности, основывается, какъ мы видѣли, на поверхностныхъ разсужденіяхъ и моральныхъ предразсудкахъ. Экономисты уклоняются въ своемъ мнѣніи отъ того, чтобы включить въ теорію прочное эмпирическое сужденіе, отъ котораго промышленный міръ никогда не уклонялся, а именно, что высокая норма потребленія есть самая вѣрная гарантія прогрессивной промышленности. Самая вѣрная поддержка „экономіи высокой заработной платы“ есть убѣжденіе, что она будетъ служить стимуломъ къ индустріи посредствомъ увеличеннаго потребленія. Рабочіе классы, особенно въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Англіи, выказываютъ растущую тенденцію тратить свою болѣе высокую заработную плату на прогрессивное потребленіе. Отъ постояннаго дѣйствія этой тенденціи много зависитъ экономическое будущее рабочихъ классовъ и промышленности вообще.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Нѣкоторыя дѣйствія современной индустріи на рабочихъ какъ потребителей.

Разсматривая вліяніе машиннаго производства на какую-нибудь группу рабочихъ, занятыхъ въ одной какой-нибудь спеціальной индустріи, мы не можемъ ограничиваться только тѣмъ, чтобы прослѣдить вліяніе усовершенствованія въ искусствахъ и способахъ въ одной только этой отрасли промышленности. Какъ потребители, эти рабочіе пользуются усовершенствованіями, вводимыми и въ другихъ индустріяхъ, поскольку это выражается въ общемъ паденіи розничныхъ цѣнъ. Поскольку всѣ англійскіе рабочіе потребляютъ хлѣбъ, они выигрываютъ отъ проложенія новой желѣзной дороги въ Америкѣ или отъ изобрѣтенія новой мельничной машины, которая понизитъ цѣну на хлѣбъ; такъ какъ всѣ потребляютъ сапоги, то преимущества отъ введенія новыхъ машинъ въ сапожномъ производствѣ не только сведутся къ одной только высокой заработной платѣ, которую нѣкоторые рабочіе сапожной фабрики будутъ получать, но будутъ простираться ко всѣмъ рабочимъ, которые могутъ покупать дешевле сапоги.

Насколько же способы современнаго капиталистическаго производства проявляютъ тенденцію приносить пользу рабочему какъ потребителю?

Отвѣтъ, который на этотъ вопросъ даетъ экономическая теорія, приблизительно сходится съ отвѣтомъ, даваемымъ практикой. Каждая часть рабочаго класса выигрываетъ въ качествѣ потребителя отъ введенія усовершенствованныхъ способовъ производства пропорціонально количеству, на которое ихъ доходъ превышаетъ заработную плату про-

стого рабочаго, сводящуюся къ minimum'у средствъ къ существованію. Высоко оплачиваемый механикъ выигрываетъ больше всего, кустарный „потный“ (sweated) рабочій меньше всего. Рабочій, зарабатывающій 40 шиллинговъ въ недѣлю, больше чѣмъ вдвое выигрываетъ сравнительно съ рабочимъ, зарабатывающимъ 20 шилл., отъ каждаго общаго удешевленія издержекъ производства. На это имѣются нѣсколько причинъ:

1) Когда существуетъ постоянное переснабженіе рабочихъ, конкурирующихъ на опредѣленное количество занятій въ данное время, то ихъ заработная плата будетъ опредѣляться приблизительно тѣмъ, что имъ нужно для поддержанія самаго низкаго уровня жизни, обычнаго среди этого класса населенія, денежная форма ихъ заработной платы будетъ уже сообразоваться съ этимъ минимумомъ. Это въ особенности вѣрно относительно „потныхъ“ (sweating) отраслей въ крупныхъ городахъ. Здѣсь усовершенствованія въ машинахъ и способахъ производства, которыя понизятъ цѣны на необходимыя средства къ существованію, скоро повлекутъ за собой паденіе денежной заработной платы простыхъ работъ Другими словами, заработная плата, опредѣляющаяся минимумомъ средствъ къ существованію, не выигрываетъ отъ паденія цѣнъ на продукты, которые входятъ въ составъ этихъ средствъ къ существованію.

Даже въ самыхъ низкихъ формахъ труда заработная плата, разумѣется, проявляетъ нѣкоторую тенденцію оставаться на прежней денежной высотѣ и подымать такимъ образомъ уровень реальной заработной платы, но когда конкуренція очень велика, тогда эта сила инерціи одолѣвается, и денежная заработная плата падаетъ съ цѣнами. Но по мѣрѣ того, какъ мы подымаемся къ болѣе искуснымъ, лучше оплачиваемымъ и выше организованнымъ родамъ труда, мы приходимъ къ рабочимъ, которые менѣе подвергаются постоянному напряженію конкуренціи, и которые менѣе терпятъ отъ постояннаго переснабженія труда. Здѣсь паденіе розничныхъ цѣнъ отнюдь не влечетъ за собой по необходимости быстраго и соотвѣтствующаго паденія денежной заработной платы, и вліяніе болѣе высокой реальной заработной платы, которой рабочіе пользовались на время, выражается въ ихъ пріученіи къ болѣе высокому уровню комфорта, который дѣлается обычнымъ и укрѣпляетъ сопротивленіе рабочихъ противъ всякихъ попытокъ

понижать денежную заработную плату, хотя бы даже эта попытка дѣлалась въ такое время, когда существуетъ переснабженіе труда.

Соразмѣрно съ тѣмъ, какъ извѣстный классъ рабочихъ лучше оплачивается и лучше организованъ, онъ можетъ выигрывать отъ тѣхъ преимуществъ, которыя усовершенствованныя машины даютъ потребителю, потому что онъ болѣе въ состояніи сопротивляться экономической тенденціи опредѣлять заработную плату уровнемъ жизни, независимо отъ денежныхъ условій. Поскольку же наихудше оплачиваемые и наиболѣе конкурирующіе рабочіе выигрываютъ отъ паденія цѣнъ, они въ этомъ обязаны давленію чувства состраданія со стороны лучшихъ классовъ предпринимателей и публики, препятствующаго понижать денежную заработную плату, даже когда меньшая сумма денегъ будетъ имѣть такую же покупательную силу, какую раньше имѣла большая сумма.

2) Чѣмъ меньше доходъ, тѣмъ все бо́льшая его часть тратится на товары, издержки производства и цѣны которыхъ меньше находятся подъ вліяніемъ машинъ. Машинное производство съ своимъ пониженіемъ цѣнъ приносило пользу людямъ пропорціонально ихъ доходамъ. Предметы, которые больше всего упали въ цѣнѣ, это тѣ предметы комфорта и роскоши, которые больше всего подпали подъ машинное производство. Рабочая аристократія, которая включаетъ въ свой уровень комфорта часы, рояли, книги и велосипеды, больше выиграла отъ паденія цѣнъ, чѣмъ тѣ классы рабочихъ, которымъ приходится тратить всю свою плату на покупку однихъ только насущныхъ средствъ къ существованію. Выигрышъ первой многообразенъ и великъ, выигрышъ же послѣднихъ сводится къ удешевленію хлѣба и товаровъ мелочной лавки,—большой выигрышъ несомнѣнно, съ точки зрѣнія улучшеннаго образа жизни, но незначительный, если сравнить его съ тѣмъ выигрышемъ, который современное машинное производство даетъ рабочему семейству Ланкашира съ его еженедѣльнымъ заработкомъ въ 3 или 4 фунта ст.; и къ тому еще эта повышенная денежная заработная плата противовѣшивается большей частью доходу, который у городскихъ рабочихъ теперь уходитъ на ренту за квартиру, на покупку овощей, молочныхъ продуктовъ и другихъ товаровъ, которые всѣ поднялись въ цѣнѣ.

3) Высоко оплачиваемые рабочіе пользуются самымъ короткимъ рабочимъ днемъ, а рабочіе, получающіе самую низкую плату, работаютъ больше всего часовъ въ день. Поскольку короткій рабочій день не вознаграждается увеличеніемъ напряженности труда, онъ означаетъ для рабочихъ бо́льшую способность извлекать maximum изъ своей заработной платы. Больше досужаго времени даетъ рабочему возможность увеличивать свое потребленіе, онъ можетъ тратить свои деньги болѣе осмысленно, будетъ менѣе искушаться расточать свои деньги на излишества, въ видѣ реакціи противъ излишняго труда, и онъ сумѣетъ полнѣе наслаждаться и извлекать больше пользы отъ потребленія продуктовъ, которые онъ покупаетъ. Множество и постоянно растущее число самыхъ дешевыхъ и весьма цѣнныхъ по существу товаровъ интеллектуальнаго, артистическаго и духовнаго характера могутъ съ пользой быть потребляемы только тѣми, которые имѣютъ больше досуга въ своемъ распоряженіи, чѣмъ приходится до сихъ поръ еще на долю большинства неискусныхъ рабочихъ въ нашихъ городахъ.

Если мы сравнимъ статистическія данныя о заработной платѣ, мы найдемъ, что самый высокій пропорціональный подъемъ денежной заработной платы замѣчается въ высоко организованныхъ индустріяхъ, и что эти же рабочіе извлекаютъ больше всего пользы отъ машинъ въ качествѣ потребителей.

Не нужно однако думать, что усовершенствованные способы производства изливаютъ все свое благо на потребляющую публику. Напротивъ, большая часть экономіи машиннаго производства совершенно не оказываетъ вліянія на розничныя цѣны. И есть двѣ причины, почему это вліяніе не оказывается. На одну причину мы уже указали—это ростъ опредѣленныхъ формъ капиталистической монополіи, которая на томъ или на другомъ пунктѣ производства товаровъ успѣваетъ присвоить себѣ въ видѣ высокой прибыли то, что́ при свободной конкуренціи переходило бы къ потребителю въ видѣ пониженныхъ различныхъ цѣнъ въ лавкахъ. Вторая причина кроется въ ненормальномъ ростѣ распредѣляющихъ классовъ, чье размноженіе вызвано ограниченіемъ, которое экономія машиннаго производства ставитъ количеству капитала и труда, которое можетъ найти прибыльное занятіе въ добывающихъ и распредѣлительныхъ

процессахъ. Все большее число промышленныхъ рабочихъ зарабатываетъ свои средства къ жизни благодаря подраздѣленію распредѣлительнаго процесса далеко за предѣлъ общественной полезности. И дѣйствительно съ одной стороны понятно, что, когда конкуренція фабрикантовъ и транспортеровъ все болѣе ограничивается меньшимъ числомъ крупныхъ предпріятій, которыя въ виду того, что ихъ общая производительная сила далеко превосходитъ потребленіе по прибыльнымъ цѣнамъ, попадаютъ все въ болѣе безпощадную конкуренціонную борьбу, каждое предпріятіе будетъ тратить все большее количество наемнаго труда, на стараніе забрать въ свои руки возможно большую часть операцій на счетъ другихъ предпріятій. Съ другой стороны, лишенное возможности пристроиться къ какой-нибудь фабричной отрасли промышленности, все большее количество капитала и труда ищетъ занятій въ тѣхъ отрасляхъ распредѣлительной индустріи, гдѣ ново-пришельцамъ представляются лучшіе шансы и гдѣ, благодаря ли удачному выбору мѣста, или другимъ причинамъ, они имѣютъ возможность перенять на себя часть распредѣленія. Поэтому-то паденіе оптовыхъ цѣнъ не всегда сопровождается соотвѣтствующимъ паденіемъ розничныхъ цѣнъ, такъ какъ конкуренція въ розничной торговлѣ, какъ Милль уже ясно опредѣлилъ, часто, „вмѣсто пониженіи цѣнъ, только раздѣляетъ барыши высокихъ цѣнъ между бо́льшимъ количествомъ торговцевъ“ [1]).

Глубокая разница между вліяніемъ машинъ на искуснаго рабочаго и на простого рабочаго показываетъ, какъ ошибочны тѣ изслѣдованія о вліяніи машинъ на положеніе рабочихъ классовъ, которыя мы находимъ въ книгахъ по политической экономіи. Представить сравнительную картину прогресса рабочихъ классовъ за послѣднее полстолѣтіе, показавъ, на основаніи данныхъ о среднемъ подъемѣ заработной платы въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности, что ихъ денежная заработная плата увеличилась, и сводить это увеличеніе къ реальной заработной платѣ безъ всякаго отношенія къ тому, какъ различные классы различно употребляютъ свою заработную плату,—подобное изслѣдованіе есть злостное и ненаучное обращеніе съ однимъ изъ самыхъ

[1]) Principles of Political Economy, кн. II, гл. IV, § 3.

важныхъ вопросовъ экономической жизни. Машинное производство различно вліяетъ на искуснаго рабочаго и на простого, все равно, если смотрѣть на нихъ съ точки зрѣнія производителей или потребителей, и вызываетъ болѣе широкую разницу въ уровнѣ комфорта этихъ двухъ классовъ. Эта разница еще болѣе углубляется отъ того, что машины и крупное производство косвеннымъ образомъ помогаютъ искуснымъ рабочимъ соединяться и сохранить за собой такимъ образомъ заработную плату, высшую, чѣмъ это экономически требуется для успѣшнаго исполненія ихъ работы. Съ другой стороны, растущее чувство гуманности и неясное, но естественное чувство соціальной справедливости во все большей части населенія позволяютъ часто неискуснымъ рабочимъ достигнуть высшаго уровня комфорта, чѣмъ они достигли бы, если бы дѣйствовала одна только сила конкуренціи. Но, признавая все это, мы необходимо приходимъ къ выводу, что выигрышъ отъ машиннаго производства, насколько дѣло касается увеличенія реальной заработной платы, главнымъ образомъ выпалъ на долю самыхъ искусныхъ и лучше всего оплачиваемыхъ рабочихъ, и что съ пониженіемъ характера работы и заработной платы уменьшается также относительный выигрышъ, вытекающій отъ роста производительной силы, такъ что самые низкіе классы рабочихъ получаютъ самую незначительную часть этого выигрыша.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Женщины въ современной индустріи.

Современное машинное производство благопріятствуетъ болѣе занятію женщинъ на фабрикахъ, чѣмъ занятію мужчинъ. Каждый цензъ за послѣднее столѣтіе въ Англіи показываетъ, что женщины все больше вторгаются въ каждую отрасль обрабатывающей промышленности, за исключеніемъ тѣхъ отраслей обработки металловъ, машиностроенія, судостроенія и т. д., гдѣ большая мускульная сила является первымъ факторомъ успѣха.

Слѣдующая таблица [1]) (см. стр. 320), показывающая число мужчинъ и женщинъ, занятыхъ въ главныхъ отрасляхъ промышленности въ концѣ каждаго десятилѣтія, начиная съ 1841 г., ясно указываетъ характеръ, равно какъ и степень участія женщинъ въ промышленности.

Изъ этой таблицы мы видимъ, что въ то время, какъ число мужчинъ, занятыхъ въ этихъ индустріяхъ, увеличилось на 53% въ теченіе полстолѣтія отъ 1841 г. до 1891 г., число женщинъ выросло на 221%. Это движеніе, которое нужно разсматривать отчасти какъ вытѣсненіе мужского труда женскимъ, отчасти же какъ поглощеніе женскаго труда новыми отраслями промышленности, совершалось очень быстро съ начала періода до 1881 г. Остановка, которая

---

[1]) Данныя за періодъ отъ 1841 до 1881 заимствованы изъ сочиненія Charles Booth'a „Occupation of the People". Данныя за 1891 взяты изъ доклада ценза и приведены въ возможно болѣе близкое соотвѣтствіе съ классификаціей Booth'a.

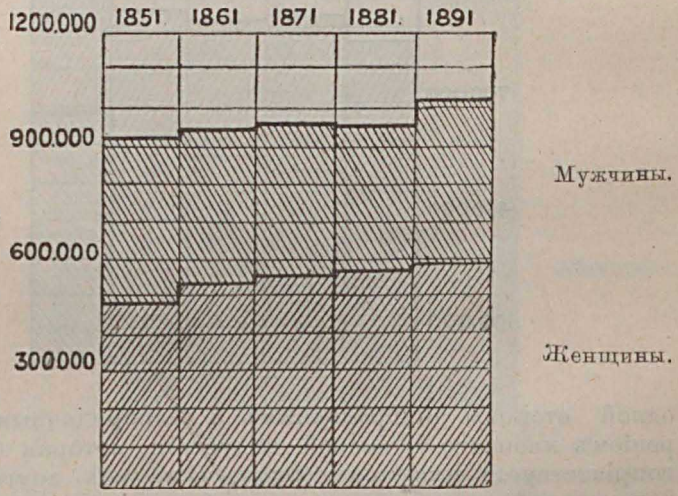
Мужскія и женскія занятія въ обрабатывающій промышленности.

	1841.		1851.		1861.		1871.		1881.		1891.	
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М	Ж.	М.	Ж.
Глиняная и фаянсовая посуда (Earthenware)	23,600	7,400	34,800	11,700	42,500	13,400	49,700	17.700	52,200	19,700	64,300	23,800
Топливо, газъ, химическія вещества	5,800	300	16,400	1,700	24,800	1,500	34,900	4,100	44,000	4,000	66,400	6,300
Мѣха, кожа, клей . . .	31,600	2,400	44,500	6,500	47,300	8,300	49.400	10,200	49,400	13,300	59,100	18,200
Дерево, мебель, кареты и т. д.	147,500	4,900	180,200	8,900	202,200	14,100	214,200	19,500	221,600	18,400	253,600	23,300
Бумага, клеенка и т. д.	8,900	3,200	13,600	8,300	14,600	10,700	20,300	13,400	24,600	23,200	28.600	34,200
Текстильныя издѣлія, крашеніе	346,200	257,600	462,440	472,100	439,700	526,500	414,500	555,500	396,400	566,200	430,500	585,600
Платье	343,600	177,200	397,550	471,200	378,600	560,900	363,300	552,700	344,700	609,300	353,800	681,300
Пища, питье, куреніе .	82,700	8,000	120,900	12,400	133,400	15,600	145,700	18,500	152,300	28,900	173,100	50,200
Часы, инструменты, игрушки	19,600	800	23,500	1,300	32,800	2,900	35,900	3,000	41,700	3,400	44,300	5,500
Печатаніе, переплетное дѣло и т. д. . . .	21,100	1,600	30,400	3,800	41,300	6,200	56,600	8,600	75.000	13,100	102,100	19,100
Всего	1,030,600	463,600	1,324.200	997,900	1,357,200	1,150,100	1,385,500	1,203,200	1,401,900	1,299,500	1,576,100	1,447,500

замѣчается въ послѣднее десятилѣтіе, въ которомъ число занятыхъ въ промышленности мужчинъ росло быстрѣе, чѣмъ число женщинъ, не указываетъ однако на возвратное движеніе, ни даже на прекращеніе этого индустріальнаго движенія. Это можно приписать ненормальной перемѣнѣ въ одной крупной индустріи,—въ хлопчато-бумужной; за исключеніемъ этой индустріи, во всѣхъ другихъ группахъ промышленности число женщинъ росло быстрѣе числа мужчинъ.

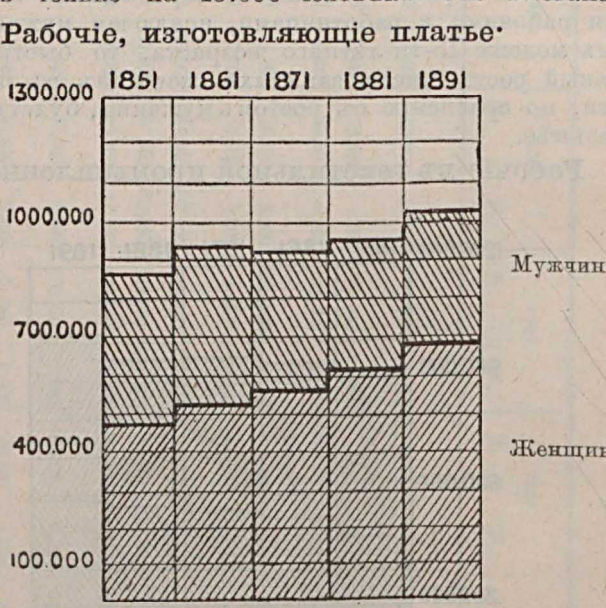
Если мы ограничимъ нашъ обзоръ одними только взрослыми рабочими и работницами, исключая мужчинъ и женщинъ моложе 15-ти-лѣтняго возраста, то быстрый и правильный ростъ числа занятыхъ женщинъ въ промышленности, по сравненію съ ростомъ мужчинъ, будетъ еще поразительнѣе.

Рабочіе въ текстильной промышленности.

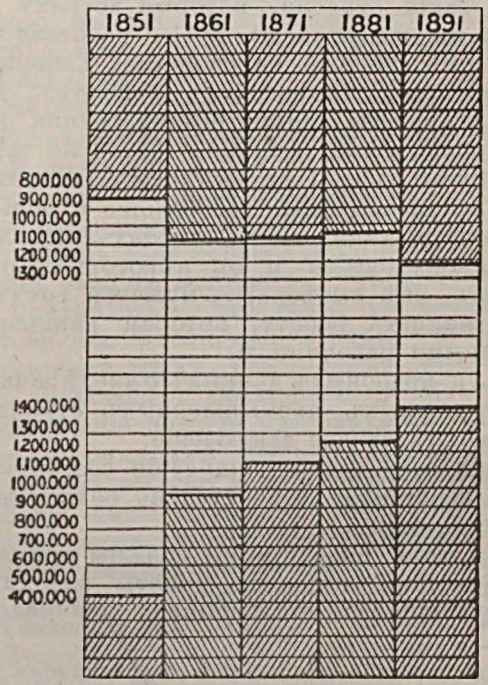
Если мы обратимся къ текстильной индустріи и къ выдѣлкѣ платья, то пропорціональное измѣненіе въ полѣ рабочихъ будетъ довольно сильно склоняться въ пользу женщинъ. Въ текстильной и красильной индустріяхъ произошло безпрерывное паденіе абсолютнаго числа взрослыхъ мужчинъ и безпрерывное увеличеніе женскихъ работницъ

до 1881 г. Въ 1851 г. въ этихъ ремеслахъ были заняты 394.400 мужчинъ, а въ 1881 г. число ихъ упало до 345.900, между тѣмъ за этотъ же періодъ число женщинъ поднялось отъ 390.800 до 505.200. Цензъ за 1891 указываетъ уже значительную остановку въ этомъ движеніи. Взрослые мужскіе рабочіе выказываютъ увеличеніе въ ихъ числѣ на 34.000 по отношенію къ даннымъ за 1881 г. въ текстильной индустріи, между тѣмъ какъ число женщинъ-работницъ увеличилось только на 15.000 человѣкъ. Это вызвано съ

одной стороны лихорадочнымъ и безпорядочнымъ расширеніемъ хлопчато-бумажной индустріи, которая болѣе благопріятствуетъ мужскому труду, чѣмъ всѣ другія отрасли текстильной индустріи; съ другой стороны, оно вызвано испугавшимъ всѣхъ паденіемъ полотняныхъ и кружевныхъ отраслей текстильной промышленности, что́ причинило абсолютное уменьшеніе числа работницъ приблизительно на 13.000. Точно также и при выдѣлкѣ платья было въ 1851 г. занято 377.400 мужчинъ и 335.900 въ 1881 г., между тѣмъ какъ число женщинъ увеличилось за это время

съ 441.000 до 589.000 [1]). Эти данныя главнымъ образомъ указываютъ на вытѣсненіе мужчинъ женщинами. Но это движеніе никоимъ образомъ не пріурочено къ одной только текстильной индустріи и выдѣлкѣ платья, которыя могутъ казаться особенно прилаженными къ способностямъ женщинъ.

Въ какую отрасль промышленности женщины ни проникали, повсюду замѣчается подобное же движеніе; относительное число женщинъ растетъ быстрѣе числа заня-

[1]) И тутъ данныя за 1891 выказываютъ нѣкоторое отклоненіе. Въ то время, какъ число женщинъ продолжаетъ расти, достигая 691.441, число занятыхъ мужчинъ больше, чѣмъ въ 1881 г., достигая 408.392, что тоже представляетъ огромный процентный приростъ, хотя менѣе значительный, чѣмъ приростъ женщинъ.

тыхъ мужчинъ, даже тамъ, гдѣ число мужчинъ абсолютно не падаетъ. Къ такимъ отраслямъ промышленности принадлежитъ выдѣлка деревянной мебели и каретъ, печатаніе и переплетное дѣло, бумажное, клеенчатое производства, выдѣлка калошъ, перьевъ, кожи, клея; приготовленіе пищевыхъ продуктовъ, напитковъ и курительныхъ приспособленій; выдѣлка посуды, машинъ и орудій [1]). Женщины также забрались въ такія отрасли, которыя до сихъ поръ были мужскія же, и въ которыхъ въ 1841 г. работало очень мало женщинъ или онѣ совсѣмъ не работали. Таковы производства отопленія, газа, химическихъ веществъ, часовъ, инструментовъ, игрушекъ. Единственная группа промышленности, въ которой число женщинъ росло не такъ быстро, какъ число мужчинъ съ 1851, это выдѣлка металловъ. Въ нѣкоторыя изъ нихъ онѣ однако все больше и больше проникаютъ. Въ болѣе механическихъ частяхъ выдѣлки велосипедовъ, чугунной посуды и въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ выдѣлки часовъ, онѣ вытѣсняютъ мужской трудъ, исполняя посредствомъ машинъ работу, которая раньше дѣлалась мужскими ручными рабочими [2]).

Изъ этихъ и подобныхъ данныхъ о числѣ занятыхъ рабочихъ въ современныхъ промышленныхъ странахъ мы въ правѣ вывести слѣдующее заключеніе:

1) Тенденція современной индустріи состоитъ въ томъ, чтобы давать женщинамъ относительно больше наемной работы, чѣмъ мужчинамъ.

Говоря объ этой тенденціи, мы должны принять во вниманіе бо́льшую нерегулярность работы женщинъ и тотъ фактъ, что большое число женщинъ, причисляемыхъ къ

---

[1]) Послѣднія статистическія данныя о портняжномъ и сапожномъ дѣлѣ, которыя становятся все болѣе машинными индустріями, сильно выказываютъ это стремленіе. Въ портняжномъ дѣлѣ, гдѣ число мужскихъ рабочихъ растетъ отъ 107,668 въ 1881 г. до 119,496 ч. въ 1891 г., число женщинъ растетъ отъ 52,980 ч. до 89,224 ч. Въ сапожномъ и башмачномъ производствѣ, гдѣ число мужчинъ растетъ отъ 180,884 ч. до 202,648, число женщинъ увеличивается отъ 35,672 ч. до 46,141 ч. Въ Лейчестерширѣ, Нортгамптонширѣ, гдѣ сапоги и башмаки выдѣлываются машинами, 40 женщинъ работаетъ на 100 мужчинъ, хотя во всей этой отрасли, взятой въ цѣломъ, отношеніе женщинъ къ мужскимъ рабочимъ составляетъ только 23:100.

[2]) Report to Commission of Labour on Employments of Women, стр. 142, 146.

промышленнымъ рабочимъ, отдаютъ только часть своего рабочаго времени индустріи.

2) Эта тенденція особенно проявляется въ фабричныхъ индустріяхъ. Увеличеніе числа занятыхъ женщинъ въ торговыхъ индустріяхъ и на „промышленныхъ службахъ“ не больше, чѣмъ увеличеніе числа мужскихъ рабочихъ въ періодъ 1851 и 1881 гг.

3) Въ фабричныхъ индустріяхъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ существенно мужскихъ индустрій, гдѣ даже при машинахъ мускулы сильно напряжены, число женщинъ больше всего растетъ въ тѣхъ индустріяхъ, гдѣ машины болѣе всего развиты, какъ, напр., въ текстильной индустріи и въ выдѣлкѣ платья.

Изъ 1.840,898 женщинъ, причисленныхъ къ промышленному классу въ 1891, не меньше 1.349,441 были заняты въ текстильной индустріи и при выдѣлкѣ платья, хотя въ послѣдней есть еще много ручной работы.

Кажется очевиднымъ, что современныя усовершенствованія въ машинахъ при нормальныхъ условіяхъ болѣе благопріятствуютъ занятію женщинъ, чѣмъ мужчинъ. Есть также основанія предполагать, что тамъ, гдѣ экономическія силы свободно проявляютъ себя, машины также больше благопріятствуютъ дѣтскому труду, чѣмъ труду взрослыхъ. Въ текстильныхъ индустріяхъ Соединенныхъ Штатовъ трудъ женщинъ и дѣтей еще больше преобладаетъ, чѣмъ въ Англіи; въ 1880 число занятыхъ женщинъ и дѣтей было 112.859, а число мужчинъ 59.685, между тѣмъ какъ въ Массачусетсѣ изъ 61.246 рабочихъ только 22.180 были взрослые мужчины. Поскольку законодательство и общественное мнѣніе не мѣшаютъ этому, замѣчается сильная тенденція въ пользу дѣтскаго труда. Уэдъ говоритъ въ своемъ „Fibre and Fabric: „Тенденція послѣднихъ лѣтъ идетъ по направленію занятія дѣтскаго труда. Мы часто видимъ, какъ мужчины лишаются работы вслѣдствіе того, что прядильная машина (spinning mule) замѣняется круговымъ станкомъ (ring-frame), или благодаря тому, что дѣти прядутъ то, что раньше пряли взрослые мужчины. Въ ткацкихъ мастерскихъ дѣвушки и женщины предпочитаются мужчинамъ, такъ что мы можемъ съ полнымъ основаніемъ ожидать, что въ недалекомъ будущемъ всѣ хлопчато-бумажные округи будутъ

причислены къ категоріи женскихъ городовъ (she-towns— она-городъ)“ [1]).

При современномъ машинномъ производствѣ все большее и большее количество изобрѣтательной ловкости тратится на приспособленіе ухода за машинами къ физическимъ и умственнымъ способностямъ женщинъ и дѣтей. Эволюція машинъ не всегда двигалась въ этомъ направленіи. Въ пряденіи напр. хлопчатой бумаги первыя машины, какъ „jenny“ Гаргривса и водный станокъ (water frame) Аркрайта, вообще управлялись женщинами и дѣтьми; женщины, которыя раньше работали со старыми инструментами— прялкой, веретеномъ и ручнымъ колесомъ, перешли также на фабрики. Но растущая сложность и размѣръ прядильной машины сдѣлали ее слишкомъ стѣснительной для женскаго и дѣтскаго труда, и пряденіе сдѣлалось нѣкоторое время мужскимъ трудомъ въ Англіи. Трудность доставать въ достаточномъ количествѣ мужской трудъ въ Соедин. Штатахъ стимулировала тамъ изобрѣтеніе кругового прядильнаго станка (ring spinning frame) какихъ-нибудь 60 лѣтъ тому назадъ, при которомъ уже могли работать и женщины. Нѣкоторыя ограниченія и неусовершенствованное состояніе этого образа пряденія замедляли его введеніе въ Англію на цѣлое полстолѣтіе. Но недавнія усовершенствованія повели къ быстрому введенію кругового станка въ Ланкаширѣ. При низкихъ сортахъ пряжи онъ быстро вытѣсняетъ прядильную машину „mule“, и въ странахъ, гдѣ тонкіе сорта мало прядутся, круговой станокъ по всей вѣроятности станетъ господствующей машиной [2]). Въ Ланкаширѣ онъ однако, какъ видно, не въ состояніи вытѣснять „mule“ въ болѣе тонкихъ сортахъ. Круговой станокъ опять бросаетъ пряденіе въ руки женщинъ и дѣтей, которыя въ нѣкоторыхъ городахъ Ланкашира быстро вытѣсняютъ мужской трудъ.

Поскольку дѣло касается дѣтскаго труда, то экономическая тенденція приспособлять уходъ за машинами къ ограниченной силѣ дѣтей находитъ нѣкоторое препятствіе въ ростѣ общественнаго мнѣнія и въ защитѣ болѣе молодыхъ дѣтей со стороны законодательства. Если бы чистымъ экономическимъ тенденціямъ фабричной системы былъ бы

[1]) Цитировано у Wells Contemporary Review 1887, стр. 392

[2]) Marsden, Cotton Spinning, стр. 296 и слѣд.; S. Andrew, Fifty Years Cotton Trade, стр. 7.

данъ полный и свободный ходъ, то нѣтъ почти сомнѣнія, что почти вся текстильная индустрія и многіе другіе крупные отдѣлы фабричной промышленности велись бы дешевымъ трудомъ женщинъ и дѣтей. Прибыль, сопровождающая эту свободную эксплуатацію дешеваго труда, была бы такъ велика, что изобрѣтательность сконцентрировалась бы еще больше, чѣмъ это было до сихъ поръ, на ослабленіе мускульнаго напряженія и на суженіе техническаго искусства такъ, чтобы приспособлять его къ характеру болѣе дешеваго труда. Весьма возможно, что нѣкоторыя тяжелыя стороны нашей ранней фабричной системы,—каковы: истощающая длина рабочаго дня, жестокость надсмотрщиковъ, крайнее пренебреженіе всѣхъ санитарныхъ условій, плохая пища,—оказались бы противъ интересовъ экономіи и производительности труда, и что болѣе развитыя фабрики управлялись бы болѣе гуманно. Но если судить по прогрессу, сдѣланному въ занятіи болѣе слабаго труда, тамъ, гдѣ это было вполнѣ возможно, то мы найдемъ достаточно основаній полагать, что если бы не были проведены фабричные законы, и если бы общественное чувство не было противъ этого, то вся масса текстильныхъ фабрикъ въ этой странѣ велась бы почти исключительно женщинами и дѣтьми.

Мы уже видѣли, что преимущества, связанныя съ употребленіемъ лучшаго труда, не даютъ никакой гарантіи, что наиболѣе выгоднымъ будетъ употреблять самый производительный трудъ по самой высокой заработной платѣ. Данныя промышленной исторіи показываютъ, что иногда будетъ наиболѣе выгоднымъ занимать менѣе производительный трудъ, если его можно получить „дешево“. Растущее употребленіе женскаго труда въ машинной индустріи почти всегда объясняется дешевизной женскаго труда по сравненію съ мужскимъ.

Мы такимъ образомъ пришли къ разбору самаго важнаго вопроса, который дастъ намъ ключъ къ пониманію положенія женщины въ индустріи вообще, а именно, почему женщины получаютъ меньшую заработную плату, чѣмъ мужчины?

Почти во всѣхъ родахъ труда, въ которыхъ заняты и мужчины и женщины, женщины зарабатываютъ меньше, чѣмъ мужчины. Когда мужчины и женщины работаютъ въ одной и той же индустріи, но въ различныхъ отдѣленіяхъ, уровень заработной платы женщины всегда ниже уровня

платы мужчинъ. Общій обзоръ индустріи показываетъ, что высоко оплачиваемыя индустріи почти безъ исключенія монополизировали мужчинами, а низко оплачиваемыя индустріи —женщинами. Это приложимо не только къ неискусному и искусному ручному труду, но къ рутинно-умственной, интеллектуальной и артистической работѣ [1]), гдѣ только обычай или конкуренція являются главными опредѣляющими силами заработной платы. Нѣкоторыя исключенія изъ этого правила объясняются фактомъ, что заработная плата даннаго труда опредѣляется не обычаемъ или конкуренціей, а какимъ-нибудь другимъ закономъ. Когда продуктъ связанъ съ самыми высокими интеллектуальными и артистическими качествами, то полъ не производитъ разницы въ цѣнѣ; „рента способности“ Джорджа Элліота или Патти опредѣляется закономъ монопольной стоимости. Въ нѣкоторыхъ занятіяхъ, какъ, напр., на сценѣ, женская привлекательность даетъ женщинамъ положительныя преимущества, которыя въ нѣкоторыхъ степеняхъ этой профессіи помогаютъ имъ получать высокую заработную плату. Точно также и правительства или даже частные работодатели платятъ въ немногихъ случаяхъ женщинамъ такъ же хорошо, какъ и мужчинамъ, за ту же работу, хотя можно было получить для этой работы женщинъ за меньшую плату.

Но даже въ тѣхъ занятіяхъ, гдѣ женщины, повидимому, стоятъ экономически на совершенно равной ногѣ съ мужчинами, какъ въ литературѣ, искусствѣ, на сценѣ, уровень платы за всѣ работы, за исключеніемъ тѣхъ, гдѣ особое искусство, личная привлекательность или репутація даютъ своему обладателю особую цѣну, во всѣхъ другихъ случаяхъ для женщинъ понижается сравнительно съ мужчинами.

Легко подыскать много отвѣтовъ на вопросъ: „почему женщины оплачиваются меньше, чѣмъ мужчины“, и каждый изъ нихъ, повидимому, содержитъ элементъ правды. Три отвѣта обыкновенно сейчасъ же появляются на устахъ: „потому что женщины не могутъ такъ упорно и такъ хорошо работать“, „потому что женщины могутъ жить меньшими

[1]) Это четверное раздѣленіе труда на 1) ручной, 2) рутинно-умственный, 3) артистическій, 4) интеллектуальный есть удобное предложеніе Сиднея Уэбба въ его рефератѣ о заработной платѣ женщинъ. Economic Journal, т. I, 1881.

средствами, чѣмъ мужчины", „потому что женщинѣ труднѣе получать наемную работу". Каждый изъ этихъ отвѣтовъ включаетъ не одно основаніе, а нѣсколько основаній, почему женщины получаютъ низкую заработную плату, и затрудненіе кроется въ томъ, чтобы привести эти различныя причины въ соотношеніе, такъ чтобы приблизиться къ вѣрному рѣшенію этого вопроса. Выражая эти группы причинъ нѣсколько болѣе точнымъ языкомъ, мы можемъ классифицировать причины слѣдующимъ образомъ:

a) Причины, относящіяся къ „производительности" труда.

b) Причины, относящіяся къ „потребностямъ" или къ уровню комфорта.

c) Причины, относящіяся къ характеру и интенсивности конкуренціи.

Женщины въ среднемъ работаютъ не такъ упорно или не такъ хорошо, какъ мужчины, такъ что если бы заработная плата платилась съ точнымъ соотношеніемъ къ количеству и качеству продукта труда, то женщины получали бы меньше. Эта болѣе низкая производительность женскаго труда отчасти объясняется физическими, отчасти соціальными причинами. Приведемъ самые выдающіеся факторы, вызывающіе эту болѣе низкую производительность женскаго труда:

1) Физическая слабость женщинъ въ сравненіи съ мужчинами закрываетъ для нея много занятій. Въ обрабатывающей промышленности металлическія индустріи были почти совершенно закрыты для женщинъ, равно какъ и большинство горныхъ и желѣзнодорожныхъ отраслей производства. Въ Англіи и Америкѣ болѣе грубыя земледѣльческія работы почти цѣликомъ находятся въ рукахъ мужского труда, и въ нѣкоторыхъ континентальныхъ странахъ растетъ тенденція освободить женщинъ отъ всякаго рода труда, который слишкомъ сильно напрягаетъ мускулы. Ростъ общественнаго мнѣнія и законодательства, которыя все болѣе начинаютъ принимать во вниманіе большое значеніе материнскихъ обязанностей, все болѣе способствуетъ ограниченію поля дѣятельности женщинъ. Затѣмъ во всѣхъ занятіяхъ, гдѣ физическая сила является важнымъ факторомъ, производительность женскаго труда падаетъ ниже производительности труда мужчинъ, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ эта относительная физическая слабость вознаграж-

дается проворностью и легкостью руки, сопровождающими эту слабость. Даже на современныхъ текстильныхъ фабрикахъ болѣе прочная мускульная сила мужчины даетъ ему большое преимущество. При рѣзаніи бумазеи (fustian) и бархата, гдѣ мужчины и женщины получаютъ одинаковую заработную плату, мужчина все-таки зарабатываетъ вдвое больше, чѣмъ женщина. „Каждому лицу даются два длинныхъ станка, на которыхъ выстилается матерія, для рѣзанія, и въ то время, какъ женщины не въ состояніи рѣзать больше одного куска сразу, мужчины могутъ безъ затрудненія рѣзать два куска сразу“ [1]).

Даже когда физическая сила не является первичнымъ факторомъ, она можетъ иногда играть крупную роль. Такъ даже въ ткачествѣ женщины находятся въ невыгодныхъ условіяхъ, вслѣдствіе того, что онѣ не могутъ работать на тяжеломъ станкѣ Jacquard и не могутъ заводить своихъ станковъ [2]).

Когда дѣло касается ручного труда, грубая сила и выдержность составляютъ важный элементъ труда и вліяютъ на его качество, равно какъ на скорость и на регулярность работы. Хотя, какъ мы видѣли, главная цѣль современнаго машиннаго производства состоитъ въ уменьшеніи важности этого элемента, онъ играетъ не незначительную роль по своему вліянію на количество вырабатываемыхъ женщиной продуктовъ, по сравненію съ мужчинами, даже въ тѣхъ индустріяхъ, гдѣ требуется меньшее напряженіе мускульной силы.

2) Но если даже мы возьмемъ тѣ роды труда, гдѣ искусность, повидимому, меньше зависитъ отъ физической силы, мужчины имѣютъ нѣкоторое преимущество въ томъ, что ихъ трудъ все-таки болѣе производителенъ, хотя и въ меньшей степени. Но есть случаи, гдѣ это не такъ, какъ, напримѣръ, въ ткацкихъ индустріяхъ Ланкашира и части Іоркшира, гдѣ женщины не только получаютъ ту же поштучную заработную плату, но ихъ еженедѣльный заработокъ, принимая во вниманіе болѣзнь и неправильность работы, указываетъ,

---

[1]) Report to Commission of Labour on Employment of Women, стр. 141.

[2]) Webb, Ecomomic Journal, томъ I, стр. 658.

что по качеству и количеству своей работы онѣ находятся на одномъ уровнѣ съ мужчинами [1]).

Это также вѣрно относительно мало искуснаго умственнаго труда, какъ, напримѣръ, при сберегательныхъ кассахъ почтовыхъ конторъ. Но, вообще говоря, даже когда „искусство“ носитъ чисто технической характеръ, мужчина имѣетъ преимущества. Когда въ работу входятъ элементы цѣли, источника и сужденія, то превосходство мужского труда внѣ всякаго сомнѣнія, и въ занятіяхъ, которыя требуютъ этихъ качествъ, женщины занимаются большей частью болѣе низкой рутинной частью этой работы. Такъ бываетъ, напримѣръ, въ почтовомъ вѣдомствѣ, гдѣ женщины работаютъ въ качествѣ сортировщицъ или телеграфистокъ, и въ многочисленныхъ конторахъ частныхъ предпринимательскихъ фирмъ. Насколько эти недостатки ручного и интеллектуальнаго искусства, которые обыкновенно мѣшаютъ женщинамъ успѣшно конкурировать въ высшихъ родахъ труда, естественны, и насколько они являются результатомъ недостаточнаго воспитанія и промышленнаго обученія, мы не призваны здѣсь рѣшать. Но фактъ остается вѣрнымъ, что женщины не работаютъ такъ хорошо.

3) Нежеланіе со стороны мужскихъ рабочихъ позволять женщинамъ обучаться и предпринять нѣкоторые роды труда, которые мужчинамъ хочется называть „своими собственными“ (хотя это можно иногда оправдать, принимая во вниманіе всѣ условія конкуренціи) [2]), приводитъ къ уменьшенію и къ

---

[1]) Мнѣ сообщаютъ однако изъ Ланкашира, что самые сильные и самые способные мужчины рабочіе не берутся за ткачество, такъ какъ это для нихъ слишкомъ скучно и однообразно.

[2]) Благодаря тому, что уровень жизни женщинъ ниже, чѣмъ у мужчинъ, и что меньшее число работающихъ зависитъ отъ своей работы, онѣ ухудшаютъ конкуренцію рабочихъ и заставляютъ мужской трудъ продавать себя ниже стоимости. Въ выдѣлкѣ напильниковъ въ Шеффильдѣ, гдѣ женщины получаютъ ту же поштучную плату, что и мужчины, онѣ берутъ на домъ работу дешевле во вредъ мужскимъ рабочимъ. Точно такъ же бываетъ и при выдѣлкѣ ковровъ въ Галифаксѣ; недавно мужчины забастовали противъ пониженія своей заработной платы въ 35 шил., женщины брали эту работу за 20 шил. (Lady Dilke, „Industrial Position of Women“, *Nineteenth Century* октябрь 1893 г.). При выдѣлкѣ часовъ, ручной трудъ, за который мужчины получали 18 шил. въ недѣлю, исполняется женщинами при машинѣ за 12 шил. прибл.“ (Report to Labour Commission on Women's Employments, стр. 146).

ограниченію средней производительности женскаго труда въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности. Тѣсно связано съ этимъ общественное чувство, отчасти основанное на сознаніи дѣйствительной разницы въ физической и умственной силѣ между полами, отчасти же на предразсудкѣ, которое исключаетъ женщинъ отъ занятія высоко-оплачиваемыхъ и отвѣтственныхъ постовъ управляющаго или контролера въ тѣхъ индустріяхъ, гдѣ мужчины и женщины одинаково заняты. При общемъ сравненіи мужской заработной платы съ женской въ высоко организованныхъ индустріяхъ, фактъ, что женщины считаются негодными для всѣхъ хорошо оплачиваемыхъ и отвѣтственныхъ постовъ, имѣетъ большое вліяніе на среднюю заработную плату женщинъ. Когда мужчины и женщины работаютъ вмѣстѣ въ одной и той же индустріи, женщины обыкновенно заняты менѣе продуктивной работой, и когда онѣ исполняютъ ту же работу, онѣ рѣдко достигаютъ того же уровня, что и мужчины, по количеству и качеству своей работы.

4) Это низшее качество не только приписывается этимъ причинамъ. У женщинъ меньше побужденій достигать промышленнаго совершенства, чѣмъ у мужчинъ. Крупное число работницъ не берутся за промышленное занятіе, какъ за единственный источникъ ихъ средствъ къ существованію во всю ихъ жизнь. Вліяніе замужества и домашней жизни на роль женщины въ промышленности проявляется различнымъ образомъ. Ожиданіе выйти замужъ и освобожденіе отъ промышленной работы должны уменьшать интересъ женщины къ своей работѣ. То обстоятельство, что даже до выхода замужъ большая часть работницъ не зависятъ въ своей жизни отъ своихъ заработковъ, будетъ оказывать такое же вліяніе. Большая часть промышленной карьеры женщины направлена на пріобрѣтеніе опытности, которая дѣлаетъ ее достойной работницей, и вѣроятность, что послѣ того, какъ она это пріобрѣтетъ, она, пожалуй, не будетъ въ этомъ нуждаться, прямо и косвенно уменьшаетъ стоимость ея промышленной жизни; элементъ неопредѣленности и непостоянства мѣшаетъ компетентнымъ женщинамъ достигать такихъ постовъ, которые необходимо держать долгое время.

Когда женщины заняты промышленной работой на фабрикѣ или дома, то домашняя работа по необходимости поглощаетъ часть ихъ энергіи и силы, которыя въ против-

номъ случаѣ потрачены были бы на индустрію. Даже незамужнимъ женщинамъ часто приходится исполнять нѣкоторую домашнюю работу въ придачу къ ихъ индустріальной работѣ. Такимъ образомъ, побужденія къ повышенію качества работы слабѣе у женщинъ, ея индустріальное положеніе менѣе устойчиво и ея промышленная жизнь короче, между тѣмъ какъ часть ея энергіи отвращается отъ промышленной дѣятельности.

5) Есть довольно убѣдительныя данныя, показывающія, чтоженщины чаще отсутствуютъ отъ работы, чѣмъ мужчины, благодаря болѣзни или другимъ условіямъ, требующимъ ея времени [1]). Хотя это обстоятельство тѣсно связано съ предыдущими факторами, его можно разсматривать отдѣльно при измѣреніи абсолютной производительности женщинъ, такъ какъ она вполнѣ измѣрима. Но касаясь этого пункта, нужно замѣтить, что болѣе слабое мускульное развитіе не необходимо предполагаетъ больше болѣзни. Напрасная потеря рабочаго времени, претерпѣваемая женщинами, могла бы по всей вѣроятности быть сокращена бо̀льшимъ вниманіемъ на физическое воспитаніе и тѣлесныя упражненія и болѣе высокимъ уровнемъ діэты.

6) Хотя нельзя считать, что законъ и обычай, ограничивающіе рабочій день женщинъ во многихъ ихъ занятіяхъ, и запрещеніе имъ предпринять ночную работу, уменьшаютъ чистую производительность женскаго труда, взятаго въ цѣломъ, нужно однако допустить, что эти ограниченія и запрещенія уменьшаютъ чистую производительность женскаго труда въ нѣкоторыхъ занятіяхъ по сравненію съ мужчинами, или вытѣсняютъ ихъ изъ нѣкоторыхъ же занятій, или же заставляютъ ихъ работать за болѣе низкую заработную плату. На нѣкоторыхъ текстильныхъ фабрикахъ, гдѣ ткутся матеріи извѣстнаго сорта по заказу на короткіе сроки, и гдѣ поэтому приходится работать прибавочные часы, женщины не могутъ получить занятій. Въ почтовыхъ конторахъ, гдѣ въ нѣкоторые сезоны приходится выполнять ночную ра-

---

[1]) Dr. Bertillon (Journal de la Société de Statistique de Paris. Oct.-Nov. 1892) показываетъ, что среди ліонскихъ рабочихъ шелка (1872—89) и въ Италіанскихъ Обществахъ (1881 — 1885) женщины гораздо чаще болѣютъ, чѣмъ мужчины. Въ Ліонѣ 9,39 дней болѣзни женщины приходится на 7.81 дней болѣзни мужчинъ; въ Италіи это отношеніе— какъ 8.5 къ 6.6.

боту, женщины находятся въ невыгодномъ положеніи, что несомнѣнно отражается на болѣе низкомъ уровнѣ ихъ заработной платы.

7) Наконецъ меньшая подвижность женщинъ по сравненію съ мужчинами способствуетъ уменьшенію средняго качества женскаго труда. Съ одной стороны, мѣстожительство женщинъ часто опредѣляется потребностями мужскихъ рабочихъ въ семействѣ; съ другой стороны, женщины физически менѣе способны предпринимать работу далеко отъ ихъ дома. Поэтому у нихъ гораздо меньшій выборъ работы, чѣмъ у мужчинъ. Имъ часто приходится выбирать не ту работу, которая имъ больше всего нравится, или которую они лучше всего исполняютъ, или ту, которая лучше всего оплачивается, но которая попадается имъ подъ руку. Это ограниченіе означаетъ, что многія женщины берутся за мало-искусныя, низко-оплачиваемыя, непроизводительныя и неправильныя работы въ своихъ собственныхъ домахъ или въ какой-нибудь ближайшей мастерской, вмѣсто того, чтобы предпринять болѣе производительную и лучше вознаграждаемую работу на крупной фабрикѣ.

Каждое ограниченіе въ свободномъ выборѣ занятій равносильно пониженію средней производительности труда.

Эти элементы болѣе низкой физической силы, ручной ловкости, низшей интеллигентности и умственной способности, недостаточнаго воспитанія и знанія жизни, неправильности работы и болѣе ограниченнаго выбора занятій, — всѣ эти элементы должны въ различной степени содѣйствовать пониженію производительности женскаго промышленнаго труда.

При разсмотрѣніи всѣхъ этихъ вліяній опытному изслѣдователю индустріальныхъ вопросовъ навряд ли нужно будетъ напомнить, что они должны быть разсмотрѣны не только какъ причины, но и какъ слѣдствія низкой заработной платы. Это постоянное сознаваніе взаимодѣйствія явленій, которыя мы разсматриваемъ, какъ причину и слѣдствіе, существенно для яснаго пониманія промышленной жизни. Женщины получаютъ болѣе низкую заработную плату, потому что онѣ относительно менѣе производительные рабочіе, но онѣ также менѣе производительны, потому что онѣ получаютъ болѣе низкую заработную плату.

Въ то время, какъ меньшая производительность уменьшаетъ максимумъ заработной платы, получаемой женщинами,

по сравненію съ мужчинами, ясно, что дѣйствуютъ многія силы, которыя стремятся къ приравненію женскаго труда съ мужскимъ въ промышленности: эволюція машинъ, приспособленныхъ къ болѣе слабой физической силѣ женщины; умираніе обычаевъ, исключающихъ женщинъ отъ многихъ занятій; растущее ограниченіе рабочаго дня взрослыхъ мужскихъ рабочихъ и т. д., приводящее мужской трудъ въ соотвѣтствіе съ женскимъ; лучшая подвижность женскаго труда благодаря дешевому и легкому передвиженію въ крупные города; растущее сознаніе все большаго числа женщинъ, что замужество не есть единственный источникъ средствъ къ жизни, открытый для нихъ, но что промышленная жизнь для нихъ и лучше, и возможна. Эти силы, если только имъ не противодѣйствуютъ сильныя моральныя и соціальныя чувства, стремятся къ повышенію средней производительности женскаго промышленнаго труда и побуждаютъ женщину все болѣе и болѣе браться за промышленную наемную работу.

Подобно тому, какъ максимальная заработная плата колеблется съ производительностью, точно также минимальная заработная плата колеблется съ потребностями рабочаго. Говорятъ, что у женщинъ потребности меньшія, чѣмъ у мужчинъ, и потому подъ давленіемъ конкуренціи ихъ заработная плата можетъ быть согнана ниже. Возможно, что женщина можетъ поддержать меньшее количество энергіи, требующейся для ея работы, нѣсколько дешевле, чѣмъ нужно мужчинѣ, чтобы поддержать энергію, требующуюся для его работы, и что малѣйшія прирастанія матеріальнаго комфорта къ минимуму средствъ къ существованію могутъ сопровождаться у мужчинъ бо́льшимъ приростомъ производительности труда, чѣмъ у женщинъ. Если это такъ, то минимумъ заработной платы, равно какъ и заработная плата, при которой трудъ наиболѣе производителенъ, самая меньшая заработная плата, которую разумно разсчитывающему капиталисту выгодно будетъ платить, будетъ меньше для женщинъ, чѣмъ для мужчинъ. Но эта разница не вполнѣ достаточно объясняетъ разницы въ минимальной заработной платѣ мужчины и женщины. Плата, которую получаетъ мало-искусный мужской рабочій, позволяетъ ему потреблять нѣкоторыя вещи, которыя не вполнѣ принадлежатъ къ насущнымъ средствамъ потребленія, какъ, напр., пиво и табакъ; плата мало-искус-

ной работницы часто падаетъ ниже того, что при самой строгой экономіи требуется для ея существованія. Мы не говоримъ здѣсь о разницѣ въ количествѣ пищи и т. п., требующихся для поддержанія жизни. Заработная плата малоискуснаго рабочаго, имѣющаго постоянное занятіе, будетъ болѣе чѣмъ достаточна, чтобы снабжать его минимумомъ средствъ къ существованію; заработная плата ниже всего оплачиваемой работницы на фабрикѣ не будетъ достаточна, чтобы содержать ее въ состояніи, годномъ для исполненія своей работы [1]).

Мы такимъ образомъ не вполнѣ касаемся здѣсь „уровня комфорта“ мужскихъ и женскихъ рабочихъ. Экономическія отношенія, въ которыхъ мужскіе и женскіе рабочіе находятся къ другимъ членамъ своихъ семействъ, есть болѣе важный факторъ. Заработная плата мужчины должна быть достаточна, чтобы содержать не только себя, но и среднее семейство, зависящее отъ него, на такомъ уровнѣ комфорта, ниже котораго онъ не согласился бы работать. Когда его жена и дѣти могутъ достать только очень немного работы, или когда его уровень комфорта таковъ, что они не должны взяться за наемную работу, то его минимальная заработная плата будетъ такова, чтобы содержать какихъ-нибудь четыре человѣка. Его уровень комфорта можетъ быть сбитъ силой плохихъ обстоятельствъ, его семейство можетъ быть принуждено взяться за работу, которая имъ попадется подъ руку, но его заработная плата во всякомъ случаѣ должна быть выше „средствъ къ существованію“ единичнаго человѣка. Когда мужчина является единственнымъ кормильцемъ, или когда его семейство ему только слегка помогаетъ, какъ, напримѣръ, въ горныхъ, металлическихъ или строительныхъ производствахъ, то средняя заработная плата мужчины гораздо выше, чѣмъ, напримѣръ, въ текстильныхъ индустріяхъ, гдѣ женщины и дѣти принимаютъ большое участіе въ работѣ [2]).

---

[1]) Это вѣрно, напримѣръ, во многихъ отрасляхъ выдѣлки мѣховъ, корсетовъ, зонтиковъ, спичечныхъ коробокъ, разной отдѣлки и въ заканчивающихъ процессахъ при выдѣлкѣ брюкъ и рубахъ въ Истъ-Лондонѣ. (См. Miss Collet въ Labour and Life of the People, т. 1).

[2]) Въ Соединенныхъ Штатахъ общій уровень денежной заработной платы городскихъ работницъ гораздо выше, чѣмъ въ Англіи. Недавно вычислили, что средняя заработная плата во всей странѣ

У работницъ съ другой стороны большей частью нѣтъ семействъ, которыя имъ нужно было бы поддерживать своей заработной платой. Въ большинствѣ случаевъ ихъ собственное „содержаніе“ не вполнѣ зависитъ отъ ихъ заработной платы. Онѣ отчасти поддерживаются заработкомъ отца или мужа или другого родственника, или другимъ незарабатываемымъ доходомъ, а иногда и общественной или частной благотворительностью. Когда замужнія женщины берутся за работу, чтобы увеличить доходъ семейства, или когда дѣвушки, не принужденныя работать, отправляются на фабрики или берутъ работу на домъ, тогда нѣтъ опредѣленной границы минимуму заработной платы въ индустріи. Взрослыя женщины, живущія дома, будутъ часто работать за нѣсколько шиллинговъ въ недѣлю, которые онѣ потратятъ на платья или на удовольствіе, не обращая вниманія на то, что онѣ этимъ срываютъ плату ниже уровня насущныхъ средствъ къ существованію и тѣхъ несчастныхъ конкурентовъ, которые всецѣло зависятъ въ своей жизни отъ своихъ заработковъ. Даже, когда дѣвушки, живущія дома, платятъ своимъ родителямъ полную стоимость своего

приблизительно равняется 5,24 долларамъ въ недѣлю, т. е. ниже 21 шил. Но отклоненія отъ этой средней нормы гораздо шире, чѣмъ въ Англіи. Самая низкая заработная плата падаетъ почти на одинъ уровень съ нижайшей англійской заработной платой, такъ какъ 3% числа рабочихъ зарабатывали въ среднемъ меньше 8 шилл. въ недѣлю. Около 20% зарабатывали между 14 и 19 шил. въ недѣлю. Заработки въ главныхъ текстильныхъ индустріяхъ показываютъ широкія колебанія, дающія однако приблизительное среднее въ 20 шил. въ недѣлю на хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ и около 22 шил. на шерстяныхъ. Общее сравненіе показало обычный уровень въ какихъ-нибудь 15 шил., между тѣмъ какъ въ Англіи онъ только достигаетъ 10 шил. (Report of the Commissioner of Labour 1888 г., гл. III и таблица XXIX). Не нужно однако упускать изъ виду болѣе дорогую жизнь въ американскихъ городахъ. Однако, не смотря на то, что американскія работницы почти совершенно не знаютъ организованныхъ дѣйствій, ихъ реальная заработная плата выше, чѣмъ въ Англіи. Это отчасти объясняется общимъ настаиваніемъ на болѣе высокомъ уровнѣ потребленія, отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что большее число занятій открыто для женщинъ, чѣмъ въ Англіи, и отчасти высшимъ искусствомъ и интеллигентностью, которую онѣ вкладываютъ въ работу. Такимъ образомъ максимумъ заработной платы, измѣряемый производительностью, выше, и минимумъ, измѣряемый потребностью, тоже выше, между тѣмъ такъ общія экономическія условія не такъ понижаютъ дѣйствительную заработную плату до минимума.

содержанія, то экономія семейной жизни можетъ позволять имъ такъ понижать свою плату, что другая дѣвушка, живущая самостоятельно, можетъ быть слишкомъ стѣснена при этой платѣ, а замужняя женщина, которой приходится содержать семейство, можетъ и не быть въ состояніи жить на эти деньги.

Коллетъ, въ своемъ изслѣдованіи о работницахъ Истъ-Лондона, занятыхъ отдѣлкою рубахъ, выражается слѣдующимъ образомъ о нѣкоторыхъ изъ этихъ наиболѣе низко оплачиваемыхъ работницъ. „Эти отдѣлывательницы рубахъ почти всѣ получаютъ помощь отъ родственниковъ, друзей, благотворительныхъ обществъ, и многія изъ общественныхъ суммъ на содержаніе бѣдныхъ“ [1]). Это вѣрно относительно большинства низко оплачиваемыхъ женскихъ работъ. Даже въ текстильныхъ фабрикахъ, за исключеніемъ ткачества, бо́льшая часть нормъ заработной платы ниже того, что́ было бы достаточно, чтобы содержать получателя въ такомъ уровнѣ комфорта, какого онъ достигаетъ, живя въ семействѣ на заработную плату всей семьи.

Отношеніе рабочаго къ другимъ личностямъ въ семействѣ таково, что при опредѣленіи минимума заработной платы каждаго члена семьи, правильнѣе принять уровень комфорта семейства какъ основаніе, и разсмотрѣть взаимныя отношенія различныхъ рабочихъ на этомъ основаніи. Мы найдемъ, что не только заработная плата женщины находится въ зависимости отъ индустріальнаго положенія взрослаго мужчины-рабочаго, но также, что заработная плата послѣдняго зависитъ отъ заработной платы женщины, и что заработная плата дѣтей вліяетъ на заработную плату обоихъ. Вопросъ состоитъ въ распредѣленіи работы и заработной платы среди различныхъ рабочихъ членовъ семейства, и какая доля семейной работы и семейной заработной платы приходится на каждаго члена. Такъ какъ дѣти, а во многихъ случаяхъ и женщины не являются свободными агентами при этой операціи, то можетъ часто случиться, что они будутъ работать за такую плату, которая не представляетъ собой ни стоимости ихъ средствъ къ существованію, ни какого-нибудь опредѣленнаго количества, а опредѣляется усмотрѣніемъ господствующаго мужчины

[1]) Labour and Life of the People, томъ I, стр. 410.

въ семействѣ. „Маленькій поштучникъ“ въ ланкаширской фабрикѣ можетъ зарабатывать больше, чѣмъ нужно для его существованія, между тѣмъ какъ мальчикъ на фермѣ или мальчикъ для посылокъ зарабатываетъ такъ мало, что заработокъ не хватаетъ ему даже на пищу. Этотъ элементъ экономической несвободы многихъ женщинъ и большинства дѣтей не нужно упускать изъ виду при разсмотрѣніи сравнительныхъ статистическихъ данныхъ о заработной платѣ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Мужчины часто не замѣчаютъ, что, поощряя своихъ женъ и погоняя своихъ дѣтей работать на фабрикахъ, они способствуютъ пониженію своей собственной заработной платы. Заработная плата мужчинъ во всѣхъ текстильныхъ индустріяхъ во всемъ мірѣ низка сравнительно съ платой, господствующей въ индустріяхъ, не требующихъ высшаго искусства или интеллигентности, но гдѣ женщины не принимаютъ большого участія. Если бы текстильные рабочіе употребляли свою возрастающую интеллигентность и воспитаніе на то, чтобы держать своихъ женъ и дѣтей внѣ фабрикъ, то заработная плата мужчинъ повысилась бы значительно [1]). Выгоды отъ низкой заработной платы, платимой обоимъ, мужчинѣ и женщинѣ, во многихъ отрасляхъ текстильной индустріи, по сравненію съ заработной платой, платимой въ другихъ индустріяхъ, находящихся приблизительно на одинаковомъ уровнѣ искусства, попадаетъ главнымъ образомъ къ потребляющей публикѣ въ видѣ низкихъ цѣнъ на текстильныя издѣлія. Вѣрно, что ланкаширскіе и нѣкоторые изъ іоркширскихъ текстильныхъ рабочихъ часто пользуются достаточно высокой заработной платой для всей семьи, но они тратятъ болѣе чѣмъ соотвѣтствующую сумму продуктивной энергіи.

Американская статистика даетъ намъ поразительные примѣры, иллюстрирующіе, насколько женскій и дѣтскій трудъ дѣйствуютъ понижающимъ образомъ на заработную плату мужчинъ. „Среди фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, если взять всѣ отрасли вмѣстѣ, число женъ и дѣтей, работающихъ для поддержанія семейства, составляютъ $1^1/_4$ на

[1]) Нужно однако имѣть въ виду, что результаты подобной системы въ Ланкаширѣ, или въ какой-нибудь другой единичной части текстильной индустріи міра, уничтожились бы, если бы другіе конкуренты не послѣдовали этому примѣру.

каждое семейство, между тѣмъ какъ среди рабочихъ, работающихъ при строительныхъ отрасляхъ, число работающихъ женщинъ и дѣтей составляетъ въ среднемъ 1 на каждыхъ 4 семейства. Поэтому въ строительныхъ искусствахъ заработная плата мужчинъ снабжаетъ около $97^1/_2\%$ издержекъ къ существованію всего семейства, между тѣмъ какъ среди фабричныхъ рабочихъ заработная плата мужчины составляетъ только 66%, или $^2/_3$, издержекъ къ существованію всего семейства, потому что другая треть доставляется работой жены и дѣтей. Это не потому, что издержки къ существованію фабричнаго рабочаго семейства больше издержекъ рабочаго въ строительныхъ искусствахъ, такъ какъ въ то время, какъ среднее семейство рабочаго въ строительныхъ ремеслахъ состоитъ изъ $4^1/_2$ лицъ, семейство фабричнаго рабочаго состоитъ въ среднемъ изъ $5^7/_8$ лицъ [1]). Общая сумма средствъ къ существованію перваго на 50 дол. выше средствъ къ существованію послѣдняго, и ежегодная заработная плата перваго приблизительно на 250 дол. больше заработной платы послѣдняго“ [2]). Подобныя данныя имѣются и о другихъ отрасляхъ, и ихъ сущность слѣдующимъ образомъ резюмированы въ „Report of the Labour Bureau of Massachusetts“: „Мы такимъ образомъ видимъ, что ни въ одномъ случаѣ, когда жена и дѣти помогаютъ своему мужу, онъ не зарабатываетъ столько, сколько другіе рабочіе; и въ томъ случаѣ, когда жена и дѣти ему помогаютъ, онъ даже меньше зарабатываетъ“ [3]).

Но хотя минимумъ заработной платы женщинъ и дѣтей, строго говоря, нельзя измѣрять никакимъ опредѣленнымъ уровнемъ средствъ къ существованію, мы можемъ однако считать 10 шил. обычнымъ уровнемъ заработной платы взрослой женщины на фабрикѣ. Фабричная заработная плата женщины, за исключеніемъ хлопчато-бумажныхъ женщинъ ткачей, рѣдко отклоняется широко отъ этой суммы. Различія въ трудности, непріятности или ловкости не въ состояніи ни подымать заработную плату на много выше 10 шил., ни на много понижать ее.

[1]) Насколько легкость находить работу для женщинъ и дѣтей благопріятствуетъ нашимъ бракамъ и многочисленности дѣтей, можно тоже видѣть въ Ланкаширѣ. Среднее семейство фабричнаго рабочаго значительно больше, чѣмъ среднее семейство рабочихъ классовъ вообще.

[2]) Gunton, Wealth and Progress, стр. 169.

[3]) Report of the Statistics of Labour, стр. 71.

Болѣе того, даже колебанія въ промышленности и цѣнахъ имѣютъ очень малое вліяніе на эту заработную плату. Хотя женщины, главнымъ образомъ, заняты въ индустріяхъ, гдѣ усовершенствованія въ машинахъ и способахъ производства очень сильно увеличили производительность труда, ихъ заработная плата на очень мало выше, чѣмъ она была полстолѣтіе тому назадъ. Такъ какъ эта норма преобладаетъ во многихъ индустріяхъ, гдѣ нужное количество женскаго труда не можетъ быть почерпнуто изъ среды замужнихъ или „поддерживаемыхъ“ женщинъ, и гдѣ заработная плата поэтому должна быть такова, чтобы побудить такихъ женщинъ къ работѣ, которымъ приходится содержать самихъ себя, то ясно, что 10 шил. составляютъ заработную плату „насущныхъ средствъ къ существованію“ для женщинъ. Широкая распространенность этой платы и ея независимость отъ условій мѣста и времени, равно какъ отъ характера работы, сдѣлали ее всѣми признанной, обычной заработной платой; и за какую угодно случайную работу, или въ какомъ угодно новомъ занятіи, требующемъ обыкновенной женской ловкости и вознагражденія, 10 шил. считается достаточнымъ вознагражденіемъ для женщины. Базисомъ этого обычая служитъ знаніе, что женщина всегда можетъ быть побуждена работать за плату, равняющуюся насущнымъ средствамъ существованія, измѣряемымъ 10 шиллингами или около этого, или же (если она себя не содержитъ) за такія спеціальныя удобства, которыя она можетъ получать за эту сумму, и которую она тогда считаетъ вспомогательнымъ доходомъ [1]).

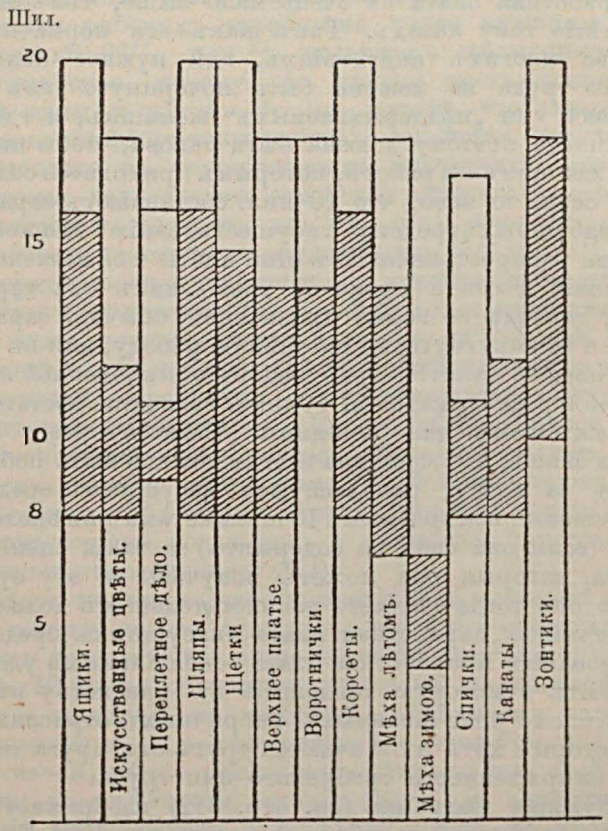
Повидимому, заработная плата «насущныхъ средствъ къ существованію» и заработная плата «спеціальныхъ удобствъ» проявляютъ нѣкоторую тенденцію къ равенству въ нѣкоторыхъ плохо оплачиваемыхъ фабричныхъ отрасляхъ Лондона, которыя хотя и отличаются другъ отъ друга по качеству и напряженности требуемаго ими труда.

Слѣдующая діаграмма (см. стр. 342) изображаетъ однородность фабричной заработной платы въ East-End'ѣ въ женскихъ индустріяхъ.

На этой таблицѣ Коллетъ основываетъ свое слѣдующее мнѣніе: „Самая поразительная черта есть однородность ма-

[1]) Dr. Smart даетъ хорошее изслѣдованіе этого предмета въ своей брошюрѣ Women's Wages, стр. 22—25.

ксимальной заработной платы, существующая одновременно съ разницей въ требующемся искуствѣ; и я считаю вѣрнымъ, что дѣвушки, дѣлающія спички и конфекты, находящіяся на самомъ днѣ общественной градаціи, не работаютъ такъ тяжело за свои деньги, какъ, напримѣръ, ша-

почницы и переплетчицы, которыя въ большинствѣ случаевъ принадлежатъ къ гораздо болѣе высокому общественному слою. И въ то время, какъ работница, сгибающая или сшивающая книги и зарабатывающая 11 шил. въ недѣлю, проявляетъ больше искусства и тратитъ больше

вниманія на свою работу, чѣмъ работница при конфектахъ и спичкахъ, которая зарабатываетъ столько же, сумма, которая составляла бы почти богатство для дочери рабочаго на докахъ, представляетъ собой стѣснительную бѣдность для дочери клерка или переплетчика, нуждающейся въ болѣе приличной жизни, если она случайно должна сама себя прокармливать. Какъ это однако случается, что однородность преобладаетъ, и что высокое качество не приноситъ съ собой ничего, кромѣ привилегіи работать тяжелѣе за тѣ же деньги?“ [1]).

Отвѣтъ Коллетъ на этотъ вопросъ заключается въ томъ, что въ то время, какъ работницы при спичкахъ и конфектахъ сами сполна платятъ за квартиру и столъ, другія часто за это ничего не платятъ, тратя всѣ свои деньги на платье и удовольствія. Это, вмѣстѣ съ вліяніемъ конкуренціи домашнихъ рабочихъ въ книго-сгибательныхъ и книго-сшивательныхъ отрасляхъ промышленности, объясняетъ, почему болѣе трудная и болѣе искусная работа не оплачивается лучше.

Знаніе производительности труда, служащей мѣриломъ максимальнаго уровня заработной платы, и потребностей, или уровня комфорта, какъ мѣрила минимальной заработной платы, не даетъ намъ еще возможности даже приблизительно опредѣлять дѣйствительный уровень заработной платы въ какой-нибудь индустріи. Дѣйствительная заработная плата можетъ быть установлена гдѣ-нибудь между этими двумя крайними пунктами. Поскольку конкуренція является дѣйствительной опредѣляющей силой, все будетъ зависѣть отъ квантитативнаго отношенія между спросомъ и предложеніемъ труда. Когда для какой-нибудь работы нѣтъ достаточнаго предложенія труда, заработная плата можетъ повыситься до максимума; когда же есть больше труда, чѣмъ требуется, заработная плата будетъ падать по направленію къ минимуму. Но, какъ мы уже допустили, конкуренція дѣйствуетъ очень медленно и неодинаковымъ образомъ во многихъ индустріяхъ, гдѣ работаютъ женщины и дѣти. Сила обычая, усиливаемая незнаніемъ рабочаго рынка, мѣшаетъ женщинамъ воспользоваться увеличеннымъ спросомъ или уменьшеннымъ предложеніемъ труда, чтобы поднять свою

[1]) Labour and Life of the People, томъ I, стр. 469.

заработную плату выше обычнаго уровня по направленію къ уровню продуктивности. Женщины болѣе склонны жить, какъ онѣ жили прежде, чѣмъ мужчины. Коллетъ говоритъ: „удовлетворенность женщинъ, когда онѣ получаютъ достаточно для своего уровня жизни, есть вторая причина, почему конкуренція такъ слабо дѣйствуетъ среди очень искусныхъ работницъ“ [1]).

На эту „удовлетворенность“ или апатію, составляющую результатъ отчасти невѣжества, отчасти женской слабости, увеличенной еще истощающимъ бременемъ промышленныхъ условій, ссылаются въ своихъ докладахъ члены Labour Commission, какъ на главное затрудненіе при организаціи работницъ, работающихъ даже на крупныхъ фабрикахъ.

И въ другихъ отношеніяхъ женщина менѣе чисто „экономическое“ созданіе, чѣмъ мужчина. Теченіе труда отъ одного занятія къ другому, стремящееся къ уравненію преимуществъ въ различныхъ мужскихъ занятіяхъ, гораздо слабѣе среди работницъ, не смотря на то, что это передвиженіе не встрѣчаетъ такого препятствія со стороны рабочихъ союзовъ и ни въ томъ, что̀ вложено много труда и энергіи на изученіе ремесла, какъ это бываетъ при мужскихъ работахъ. Нежеланіе женщинъ свободно сообщать другъ другу данныхъ о своей заработной платѣ, равно какъ объ условіяхъ труда вообще считается важной причиной трудности среди работницъ организованнаго дѣйствія.

Тѣ, которые занимались изслѣдованіемъ положенія городскихъ работницъ, согласны въ томъ, что классовыя и эстетическія чувства значительно суживаютъ конкуренцію. „Дѣвушка, которая выдѣлываетъ шапки изъ тюленьей кожи для крупнаго фабриканта изъ Сити, не желаетъ работать для истъ-лондонскаго мастерка, хотя бы при этой простой работѣ она могла зарабатывать больше; точно также работница, выдѣлывающая коробки для мыла, не захочетъ работать при спичечныхъ коробкахъ, хотя она этимъ зарабатывала бы больше“ [2]). Эта чувствительность къ соціальнымъ различіямъ въ промышленной работѣ, которая отчасти вытекаетъ изъ классоваго характера самихъ работницъ, отчасти же изъ

[1]) Labor and Life of the People, томъ I, стр. 460.
[2]) Ibid., томъ I, стр. 459; см. также стр. 469.

искусства и интереса самой работы, имѣетъ широко распространенное вліяніе на работницъ. Она-то способствуетъ къ уравненію заработной платы въ простыхъ и требующихъ искусства индустріяхъ, что, какъ мы видѣли, практически и существуетъ, потому что, если замѣчается подъемъ заработной платы въ болѣе низкихъ отрасляхъ труда, онъ не вызываетъ конкуренціи со стороны искусныхъ работницъ, между тѣмъ какъ соотвѣтствующій подъемъ заработной платы въ болѣе высокихъ отрасляхъ труда привлечетъ конкурентокъ изъ болѣе низкихъ ступеней труда, которыя легко приспособятъ себя къ этой работѣ, которая даетъ имъ больше денегъ, поставитъ ихъ выше въ соціальномъ отношеніи. Болѣе низкая заработная плата, которая часто существуетъ въ болѣе искусныхъ отрасляхъ труда, просто означаетъ, что женщины получаютъ бо́льшую часть своего заработка въ „благородствѣ занятія“ (gentility). Это вліяніе, проявляющееся также среди мужчинъ, уменьшая заработную плату рутинно умственныхъ рабочихъ до уровня обыкновеннаго простого ручного труда, особенно сильно дѣйствуетъ среди всѣхъ классовъ женщинъ, подымаясь, пожалуй, въ своемъ могуществѣ съ ростомъ соціальнаго положенія женщинъ. Это-то приниманіе во вниманіе „благородства занятія“ со стороны женщинъ даетъ намъ возможность получать учительницъ для пансіоновъ съ жалованіемъ въ 75 фунтовъ стерл. въ годъ, между тѣмъ какъ мужчины учителя получаютъ за то же дѣло 119 фунтовъ стерл.; жалованье женщинъ такимъ образомъ на 60% меньше жалованья мужчинъ.

Такимъ образомъ, обычай, невѣжество, удовлетворенность, общественные предразсудки различнымъ образомъ и въ различной степени мѣшаютъ женщинамъ требовать въ видѣ болѣе высокой заработной платы ту часть увеличенной способности общества къ созданію богатства, которую мужчинамъ рабочимъ удалось получить.

Вышеупомянутыя силы дѣйствуютъ главнымъ образомъ какъ препятствія свободной экономической конкуренціи. Но женщины находятся въ невыгодномъ положеніи, и когда онѣ конкурируютъ въ работѣ и заработной платѣ. Будучи слабыми неорганизованными единицами труда, онѣ принуждены входить въ соглашенія съ крупными организованными массами капитала. Благодаря организованному дѣйствію рабочихъ союзовъ, большинство искусныхъ рабо-

чихъ были въ состояніи поднять свою заработную плату гораздо выше минимума средствъ къ существованію и удерживать ее на этомъ болѣе высокомъ уровнѣ до тѣхъ поръ, пока устанавливается постоянный болѣе высокій уровень комфорта, служащій основаніемъ для дальнѣйшихъ попытокъ къ повышенію. За нѣкоторыми значительными исключеніями, искусныя работницы не были въ состояніи такъ поступить. Вмѣсто того, чтобы выступить передъ своимъ предпринимателемъ въ видѣ крѣпкаго организованнаго цѣлаго въ своихъ требованіяхъ болѣе высокой заработной платы и въ своемъ сопротивленіи пониженіямъ заработной платы, онѣ выступаютъ единично и принуждены принимать всякія условія, которыя предпринимателю вздумается на нихъ возлагать, или которыя санкціонируются обычаемъ. Послѣдствія тѣ, что почти во всѣхъ случаяхъ искусныя работницы получаютъ только немного выше, чѣмъ простыя работницы. Высокая стоимость, обязанная ихъ искусству, идетъ или къ работодателю въ видѣ высокой прибыли, или же, гдѣ существуетъ сильная конкуренція, къ потребителю въ видѣ низкихъ цѣнъ; женщина, тратящая свое искусство, получаетъ не сообразно своей стоимости, но сообразно своимъ потребностямъ. А между тѣмъ обладаніе техническимъ искусствомъ есть базисъ рабочихъ союзовъ. Гдѣ только извѣстное число работницъ обладаютъ специфической ловкостью и опытностью и работаютъ при довольно постоянномъ занятіи, тамъ существуютъ условія для успѣшной рабочей организаціи. При помощи союза эти женщины могутъ создать экономическую силу, которую можно измѣрить одной только трудностью и стоимостью, связанной съ попыткой отказать имъ отъ работы en masse и замѣнить ихъ менѣе искуснымъ и менѣе опытнымъ трудомъ; онѣ могутъ употреблять эту силу, какъ рычагъ для постепеннаго поднятія своей заработной платы до тѣхъ поръ, пока онѣ не достигнутъ максимальной ея границы, опредѣляемой ихъ производительностью. Что такое дѣйствіе возможно, доказываетъ опытъ. Союзное дѣйствіе фабричныхъ женщинъ въ различныхъ менѣе важныхъ индустріяхъ въ Лондонѣ, равно какъ и въ провинціальныхъ городахъ, сопровождалось успѣхомъ. Примѣры сигарочницъ въ Ноттингамѣ, работницъ на фабрикѣ Брайантъ и Мэй, выдѣлывателей канатовъ на большой Истъ-Лондонской фабрикѣ показываютъ, чего можно достигнуть рѣ-

шительнымъ союзнымъ дѣйствіемъ, хотя бы въ предѣлахъ одной фабрики. Но самый лучшій примѣръ даетъ намъ опять-таки текстильная индустрія. При ланкаширскомъ ткачествѣ, гдѣ женщины и мужчины работаютъ рука объ руку въ тѣхъ же мастерскихъ и состоятъ членами однихъ и тѣхъ же рабочихъ союзовъ, мы находимъ одно замѣчательное исключеніе изъ общаго правила низкой заработной платы женщинъ. Здѣсь еженедѣльный заработокъ женщины почти такой же, какъ и мужчинъ. Ткачество несомнѣнно искусный трудъ, но то же самое вѣрно относительно другихъ родовъ текстильной работы, которые не такъ хорошо оплачиваются. Нѣтъ сомнѣнія, что одно только союзное дѣйствіе мужскихъ и женскихъ ткачей было въ состояніи удержать заработную плату женщинъ на извѣстной высотѣ. Такъ же объясняется равная заработная плата мужчинъ и женщинъ при выдѣлкѣ напильниковъ (file-making) въ Шеффильдѣ.

„Но что, если рабочій союзъ распадется? Это также вѣрно, какъ все основанное на опытѣ, что черезъ нѣсколько недѣль или даже черезъ нѣсколько дней работодатели будутъ въ состояніи уменьшить заработную плату женщинъ ткачей; что женщины скорѣе согласятся работать за меньшую плату, чѣмъ совсѣмъ потерять работу; что какъ только онѣ начнутъ получать меньшую заработную плату, мужчины начнутъ уходить къ другимъ индустріямъ и перестанутъ гнаться за этой работой, и что въ сравнительно короткое время ткачество на механическомъ станкѣ, также какъ его сестрица—пряденіе хлопка, останется въ рукахъ женщинъ исключительно, и заработная плата упадетъ до уровня женской заработной платы“ [1]). Гдѣ мы не находимъ этого крѣпкаго соединенія въ рабочіе союзы, еженедѣльная заработная плата женщинъ въ ткачествѣ падаетъ гораздо ниже платы мужчины. Такъ было въ шерстяныхъ индустріяхъ Іоркшира и еще болѣе въ менѣе значительныхъ и болѣе разбросанныхъ индустріяхъ другихъ странъ [2]). На прядильныхъ фабрикахъ Ланкашира жен-

[1]) Smart, Woman's Wages, стр. 23.

[2]) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда женщины получаютъ ту же заработную плату, что̀ и мужчины, женщины работаютъ тамъ, гдѣ употребляются немногіе худшіе и менѣе искусные мужчины рабочіе. Норма женской заработной платы тамъ господствуетъ и мужчины

щины, организованныя въ свои собственные рабочіе союзы, въ состояніи получать гораздо болѣе высокую заработную плату, чѣмъ получаютъ женщины при подобныхъ же работахъ въ другихъ мѣстахъ, хотя и онѣ, конечно, получаютъ менѣе высокую заработную плату, чѣмъ мужчины. Слѣдующая таблица, въ которой пряденіе, тканье и другія сходныя отрасли взяты вмѣстѣ, достаточна, чтобы показать преимущества, которыми пользуются ланкаширскія женщины благодаря своему крѣпкому индустріальному положенію, по сравненію съ одной стороны съ средней фабричной работой и заработной платой, а съ другой стороны, съ менѣе благопріятными—шерстяной, полотняной и суконной индустріями.

	Ежедневный заработокъ.		Среднее.			
	Хлопч. бумага.	Сукно.	Шерсть.	Полотно.		
	ш. п.	ш. п.	ш. п.	ш. п.		
Мужчины . . .	25 3	23 2	23 4	19 9		
Подростки и мальчики	9 4	8 6	6 6	6 3		
Женщины . . .	15 3	13 3	11 11	8 11		
Дѣвушки. . .	6 10	7 5	6 2	4 11	[1]).	

Мы такимъ образомъ видимъ, что въ то время, какъ заработная плата мужчинъ почти одинакова въ трехъ главныхъ англійскихъ индустріяхъ, заработная плата женщинъ значительно колеблется, давая большія преимущества ланкаширскимъ хлопчато-бумажнымъ работницамъ.

Нельзя однако основательно утверждать, что всѣ экономическія преимущества, которыми пользуются ткачихи и другія работницы Ланкашира, можно приписать ихъ организаціи. Ихъ можно несомнѣнно отчасти приписать самимъ условіямъ, благопріятствующимъ успѣху рабочихъ союзовъ, т. е. усиленному спросу на работницъ, превышающему предложеніе. Въ менѣе концентрированныхъ шерстяныхъ индустріяхъ запада Англіи, гдѣ предложеніе женскаго труда превышаетъ спросъ, разница между женской и мужской заработной платой гораздо большая, чѣмъ это бываетъ даже въ тѣхъ частяхъ Іоркшира, гдѣ женщины только слабоорганизованы. Когда существуетъ переснабженіе труда, способнаго браться за всякую работу, заработная плата должна

упасть до минимума „потребностей“; развѣ только рабочіе, имѣющіе работу, такъ крѣпко организованы, чтобы препятствовать конкуренціи новопришельцевъ. Въ производствѣ, требующемъ высокой степени искусства, рабочіе могутъ часто пользоваться монополіей своего искусства, которая даетъ имъ одинаково и силу организоваться и увеличиваетъ ихъ силу, когда они уже организованы. Но въ производствѣ, требующемъ мало искусства, или когда работодатель можетъ получить неограниченное число дѣвушекъ-работницъ, нѣтъ такой силы для организаціи. Это и есть крестъ, на которомъ распятъ мало искусный мужской трудъ, и крупная масса женскаго труда находится въ томъ же положеніи, потому что гораздо большее число конкурентовъ обладаютъ требуемымъ искусствомъ, или могутъ его гораздо легче усвоить, чѣмъ нужно было бы, чтобы удержать приличную заработную плату на ея высотѣ. Самое глубокое затрудненіе въ организаціи работницъ кроется здѣсь. Лишенныя физической слабостью, отсутствіемъ средствъ

снисходятъ къ ней. Такъ бываетъ въ нѣкоторыхъ ткацкихъ отрасляхъ, гдѣ мужчины все еще совершенно работаютъ на ручныхъ станкахъ, оставляя работу на механическомъ станкѣ практической монополіею женщинъ. (Report of Woolen Manufachures in Miscellaneous English Towns, стр. 98, 99). Когда мужчины и женщины одинаково свободно заняты при одномъ и томъ же классѣ работы, мужчины всегда (за исключеніемъ поля дѣйствія Ланкаширскихъ рабочихъ союзовъ) получаютъ бо́льшую плату, чѣмъ женщины, а тамъ, гдѣ плата одинаковая, она опредѣляется женской нормой. Сравненіе между Гуддерсфильдомъ и другими городами въ Галифаксѣ, выдѣлывающими сукна, вполнѣ подтверждаетъ этотъ пунктъ. „На суконныхъ фабрикахъ этихъ трехъ округовъ Брадфорда, Гуддерсфильда и Лидса, мужчины и женщины, занятые той же работой на станкахъ, получаютъ ту же плату. Въ Гуддерсфильдскомъ округѣ отношеніе мужчинъ къ женщинамъ среди ткачей гораздо большее, чѣмъ въ округахъ Брадфордѣ, Галифаксѣ или Лидсѣ, и въ однихъ только Гуддерсфильдскихъ округахъ существуетъ мужская норма заработной платы, сообразно которой женщины получаютъ плату на 15 до 50% меньше мужчинъ. Но пропорція женщинъ однако быстро растетъ, и я нашелъ много фирмъ, гдѣ эта норма не въ ходу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мужчины и женщины одинаково получали плату *по женской нормѣ*. Въ другихъ фирмахъ мужчины получали немножко большую плату, чѣмъ женщины, и женская норма служила основаніемъ для вычисленія платы различныхъ родовъ труда“. (Miss Abraham въ Reports on Employments of Women to the Labour Commission, стр. 100).

[1]) Report on Principal Textile Trades, стр. XXV.

къ техническому воспитанію, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ организованной оппозиціей со стороны мужскихъ рабочихъ, или соціальными предразсудками возможности конкурировать въ крупномъ числѣ индустрій, требующихъ искусства, женщины тѣмъ сильнѣе конкурируютъ въ предѣлахъ тѣхъ занятій, которыя имъ доступны: не только въ простыхъ промыслахъ, но и въ промыслахъ, требующихъ большого искусства, предложеніе обыкновенно превышаетъ спросъ, потому что искусство большей частью таково, что многія женщины имъ обладаютъ или могутъ ему легко научиться. Къ этому еще нужно прибавить, что большая часть женскихъ индустрій относятся къ выдѣлкѣ предметовъ роскоши, которые особенно подвержены колебаніямъ промышленности въ виду того, что въ нихъ играетъ роль сезонъ, погода, мода и подъемы и паденія доходовъ. Наконецъ, гораздо большая часть женскихъ работъ исполняется въ мелкихъ фабрикахъ, мастерскихъ и дома при такихъ условіяхъ, которыя наименѣе благопріятны организаціи союзовъ. До тѣхъ поръ, пока работа на дому не будетъ сильно уменьшена и строгій надзоръ и ограниченіе рабочаго дня въ мелкихъ мастерскихъ не погонитъ все большее число женщинъ на крупныя фабрики, гдѣ болѣе тѣсныя соціальныя отношенія, увеличеніе личныхъ знакомствъ, довѣріе и уваженіе другъ къ другу не положатъ моральнаго основанія къ организаціи рабочихъ союзовъ,— до тѣхъ поръ у женщинъ мало надежды быть въ состояніи поднять свою „обычную“ заработную плату значительно выше ея настоящаго уровня или добиться значительнаго облегченія своего тяжелаго положенія, долгихъ рабочихъ часовъ, антисанитарныхъ условій, несправедливыхъ штрафовъ и т. п., отъ которыхъ многимъ работницамъ приходится такъ много страдать.

Женщины не могутъ въ большинствѣ отраслей труда организовываться съ успѣхомъ при настоящихъ условіяхъ. Въ каждомъ производствѣ поэтому занятые рабочіе окружены постоянной массой лицъ, готовыхъ занять ихъ мѣсто изъ-за крайней нужды ли, невѣжества ли или необдуманности, и которые уже обладаютъ или въ состояніи быстро пріобрѣсти ту маленькую приспособленность, которая требуется. Въ мужскихъ индустріяхъ, за исключеніемъ самыхъ простыхъ, нѣтъ постояннаго переснабженія труда, въ большинствѣ же женскихъ индустрій есть.

Сравнивая заработную плату женщинъ съ платой мужчинъ, мы можемъ теперь сдѣлать слѣдующее заключеніе. Меньшая производительность женскаго труда дѣлаетъ возможный максимумъ заработной платы ниже; меньшія потребности женщинъ дѣлаютъ возможный минимумъ тоже ниже; большая слабость женщинъ въ качествѣ конкурентовъ, вытекающая главнымъ образомъ отъ слишкомъ большого предложенія труда, приближаетъ ихъ дѣйствительную заработную плату скорѣе къ низшему, чѣмъ къ высшему уровню.

Разсматривая производительность, какъ мѣру максимальной заработной платы, необходимо особенно остерегаться одного недоразумѣнія. Поскольку мы сравниваемъ заработную плату мужчинъ и женщинъ, занятыхъ той же работой, мы можемъ легко видѣть, что меньшая заработная плата женщинъ имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ меньшему продукту ихъ труда. Но, когда производительность выражается въ терминахъ продажной стоимости работы, мы не имѣемъ уже подобнаго мѣрила. Мы опять отброшены къ рыночной стоимости и намъ говорятъ, что причина, почему женщины получаютъ такъ мало, заключается въ томъ, что то, что онѣ дѣлаютъ, имѣютъ низкую цѣну. Но можно сейчасъ замѣтить, что этотъ аргументъ вводитъ насъ въ заколдованный кругъ. И дѣйствительно, почему же продукты женскаго труда продаются такъ дешево? Отвѣтъ ясенъ, потому что стоимость труда для ихъ производства мала, т. е. потому, что женщины получаютъ низкую заработную плату. Но если мы отказываемся взять продажную цѣну, какъ мѣру производительности, то какая же мѣра у насъ остается? Если мы отказываемся принять масштабъ самаго рынка, то мы не можемъ также принять въ качествѣ мѣры ни усилія, ни ловкости, ни качества труда вообще. Однако, если мы разсмотримъ состояніе заработной платы и цѣнъ въ такихъ „потныхъ“ (sweating) производствахъ, какъ выдѣлка рубахъ, мы должны будемъ прійти къ заключенію, что потребитель получаетъ всѣ выгоды такого потѣнія (sweating), т. е. нѣкоторая часть производительности рабочихъ переходитъ къ потребителю въ видѣ низкихъ цѣнъ. То, что попало бы рабочему, шьющему рубаху, въ видѣ приличной заработной платы, попало къ покупателю. Эта критика, конечно, устанавливаетъ мѣру производительности, которая не совпадаетъ съ мѣрой, данной конкуренціей, или, говоря болѣе строго, она учитываетъ ненор-

мальныя условія конкуренціи въ потныхъ индустріяхъ (sweated industry). Если мы говоримъ, что 1 ш. $11^1/_2$ п., какъ розничная цѣна рубахи, есть „потная“ (sweating), или нехорошая цѣна, мы думаемъ, что ловкость и усилія, воплощенныя въ этомъ продуктѣ, измѣрялись бы, если бы существовало абсолютное равенство конкуренціи и абсолютная подвижность труда, скажемъ 3 шиллингами. Вѣрно, что у насъ нѣтъ подобнаго измѣренія, и всѣ такія вычисленія скорѣе догадки. Но идея, которая лежитъ въ основаніи нашего осужденія такой „потной“ работы, вѣрна, хотя мы не можемъ ее вполнѣ обосновать, пока подъ „стоимостью“ мы будемъ подразумѣвать мѣновую стоимость при настоящихъ конкуренціонныхъ нормахъ. Не будетъ поэтому неточнымъ считать, что производительность образуетъ максимальную заработную плату, хотя подъ руками нѣтъ подходящей мѣры производительности. То обстоятельство, что всякое увеличеніе производительности труда можетъ при нѣкоторыхъ условіяхъ конкуренціи совершенно перейти къ потребителю, не есть еще основаніе, чтобы отрицать, что произошло увеличеніе производительности труда, которое при другихъ условіяхъ конкуренціи перешло бы къ производителю въ видѣ болѣе высокой заработной платы. Хотя производительность, какъ мѣрило максимальной заработной платы, носитъ характеръ болѣе или менѣе неизвѣстной величины, но, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что по мѣрѣ того, какъ это „неизвѣстное“ колеблется, такъ же колеблется возможность высокой заработной платы.

Если только что сдѣланный анализъ правиленъ, то ясно, что не половое различіе есть главный факторъ, опредѣляющій индустріальное положеніе женщины. Машины не знаютъ ни пола, ни возраста, но онѣ выбираютъ трудъ мужчины, женщины или дитяти, смотря по тому, какой изъ нихъ дешевле по отношенію къ степени своей производительности. Такимъ образомъ причины, притѣсняющія женскія индустріи главнымъ образомъ тѣ же, которыя притѣсняютъ индустріи мало искусныхъ мужчинъ и дѣтей. Въ каждомъ данномъ случаѣ предѣлы производительности и потребностей ниже у женщинъ, чѣмъ у искусныхъ мужчинъ рабочихъ, между тѣмъ какъ условія ихъ конкуренціи держатъ ихъ заработную плату на болѣе низкомъ уровнѣ и останавливаютъ ихъ побужденія къ повышенію качества своего труда.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о дѣтяхъ, которыя въ нѣкоторой степени защищены отъ полнаго вліянія конкуренціи на ихъ условія работы, промышленное положеніе женщинъ весьма аналогично положенію мало искусныхъ мужчинъ-рабочихъ. Физическая слабость первыхъ соотвѣтствуетъ технической слабости другихъ, поскольку это касается качества ихъ труда; въ обоихъ случаяхъ низкій уровень потребностей даетъ низкій минимумъ заработной платы, въ то время, какъ избыточное предложеніе труда, дѣлающее союзное дѣйствіе почти невозможнымъ, держитъ заработную плату возлѣ минимума.

Совершающееся вытѣсненіе взрослаго мужского труда женскимъ, а когда это дозволяется, и дѣтскимъ, не предполагаетъ, что женщины и дѣти работаютъ теперь больше, а мужчины меньше, чѣмъ раньше. До промышленной революціи женщины были такъ же заняты и такъ же многочисленны въ промышленности, какъ теперь, а дѣти, занятыя текстильной и другой работой, работали часто въ своихъ домахъ при болѣе жестокихъ условіяхъ для своего здоровья и счастья, чѣмъ это бываетъ теперь. Даже теперь самые долгіе часы, самыя худшія санитарныя условія, самая низкая плата господствуетъ въ городской домашней индустріи, которая и теперь еще выживаетъ въ современной промышленности. Но хотя обыкновенныя фабричныя женщины и работающіе не полное время подростки находятся въ лучшемъ промышленномъ положеніи, чѣмъ женщины и дѣти, которыя не пользуются защитой законодательства и все еще порабощены въ такихъ домашнихъ индустріяхъ, какъ обшивка (trimming) и выдѣлка коробокъ для спичекъ, растущая тенденція современной индустріи отрывать женщинъ и дѣтей отъ ихъ домовъ связана съ нѣкоторыми печальными косвенными послѣдствіями. Когда индустрія главнымъ образомъ состояла изъ домашнихъ промысловъ, условія и требованія домашней жизни постоянно оказывали свое давленіе на промышленную жизнь и умѣряли ее. Ростъ фабричной работы среди женщинъ неизбѣжно принесъ съ собой ослабленіе домашнихъ интересовъ и пренебреженіе домашнихъ обязанностей. Домъ потерялъ то, что̀ фабрика выиграла. Даже сокращеніе рабочаго дня на фабрикѣ, сопровождавшееся увеличеніемъ интенсивности труда въ эти болѣе короткіе часы, не даетъ

женщинѣ достаточно свободы для домашняго хозяйства. Домашняя работа сознательно низводится до степени второстепенной по значенію и низшей работы, потому что она не даетъ заработной платы, и если она не вполнѣ пренебрегается, то исполняется такъ, спустя рукава, что она лишается всей своей прелести и стоимости. Это суженіе нашего домашняго очага въ мѣсто для поспѣшной ѣды и спанья есть въ цѣломъ самое худшее зло, которое современныя машины навлекли на насъ, и трудно видѣть, какъ это зло можетъ быть вознаграждено какимъ бы то ни было увеличеніемъ матеріальныхъ продуктовъ. Фабричная жизнь женщины, за самыми рѣдкими исключеніями, высасываетъ физическое и моральное здоровье семейства. Требованія фабричной жизни несовмѣстимы съ положеніемъ хорошей матери, хорошей жены и созидателя домашняго очага. Никакое увеличеніе заработковъ семьи, развѣ только при самыхъ крайнихъ обстоятельствахъ, не можетъ уравновѣсить эти потери, значеніе которыхъ опредѣляется соображеніями болѣе высокаго нравственнаго свойства.

Прямая экономическая тенденція современной машинной индустріи вырвать женщинъ и дѣтей изъ дома на работу должна быть разсмотрѣна, какъ нѣчто антагонистическое цивилизаціи [1]). Что касается дѣтей, то необходимо было фабричное законодательство все большей строгости, чтобы препятствовать распространенію или продолженію зла [2]). Законодательныя мѣры регламентаціи, ограничивающія и защищающія женщинъ, являются прямымъ продолженіемъ этой системы, и на это нужно смотрѣть съ точки зрѣнія защиты домашняго очага отъ поползновеній машинъ. Насколько дальнѣйшія ограниченія должны быть предоставлены частной и добровольной иниціативѣ и росту болѣе здравой оцѣнки стоимости, или насколько потребуется дальнѣйшая законная защита домашняго очага, опредѣлится самымъ ходомъ исторіи.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Слѣдующая таблица о рабочемъ законодательствѣ по-

[1]) Данныя, приводимыя Dr. Arlidge въ его Diseases of Occupations относительно вліянія фабричной жизни на физическое состояніе дѣтей, вполнѣ убѣдительны. См. стр. 38 и т. д.

[2]) См. приложеніе о фабричномъ законодательствѣ.

строена, съ цѣлью иллюстрировать направленія, по которымъ государственная защита труда двигалась въ этомъ столѣтіи въ Англіи. Можно ясно различить четыре закона развитія:

1) Движеніе впередъ по направленію самыхъ сильныхъ человѣческихъ чувствъ. Слабѣйшіе рабочіе защищаются прежде всего, дѣти нищихъ, составляющія наименѣе свободную сторону при заключеніи контракта, затѣмъ защита простирается къ другимъ дѣтямъ, подросткамъ, женщинамъ и взрослымъ мужчинамъ.

2) Фабричное защитительное законодательство движется отъ болѣе высоко организованныхъ къ менѣе высоко организованнымъ структурамъ индустрій. Хлопчато-бумажныя фабрики прежде всего подвергаются фабричнымъ законамъ, затѣмъ шерстяныя, затѣмъ другія текстильныя отрасли, отрасли, вспомогательныя текстильнымъ индустріямъ, нетекстильныя фабрики, большія мастерскія, домашнія мастерскія, розничная торговля, домашняя прислуга.

3) Увеличивающаяся сложность цѣлей законодательной машины. Первые фабричные законы стремятся къ урегулированію количества труда. Сокращеніе рабочаго дня составляетъ основаніе этого законодательства. Двѣнадцатичасовой рабочій день, девяти-часовой, восьми-часовой, охватывающій все болѣе широкіе классы рабочихъ, и прилагаемый ко все большему числу индустрій означаетъ ходъ этого движенія. Съ каждымъ новымъ шагомъ основаніе законодательства расширяется; другія стороны предохраненія отъ несчастій при машинной работѣ, улучшенія санитарныхъ условій и т. д., все болѣе входятъ въ составъ этихъ законовъ.

4) Растущая дѣйствительность этихъ законовъ съ ростомъ централизированнаго контроля. Мѣстная иниціатива и контроль оказываются недостаточными и уступаютъ мѣсто государственному надзору, число фабричныхъ инспекторовъ растетъ, и ихъ власть расширяется. Улучшенія въ механизмѣ центральнаго контроля, увеличивающееся число инспекторовъ, назначеніе рабочихъ и работницъ инспекторами—вотъ отличительныя черты послѣдней государственной защиты труда.

Важнѣйшія черты развитія фабричнаго законодательства.

Годы.	Отрасли промышленности, подчиненныя надзору.	Родъ преимущественно охраняемыхъ рабочихъ.	Родъ охраны.	Организація надзора.	Дѣйствительность охраны.
1802	Хлопчато-бумажныя и другія фабрики (примѣнялось исключительно къ хлопчатобумажнымъ).	Ученики изъ дѣтей пауперовъ.	12 часовъ работы. Регулированіе ночной работы. Обученіе. Улучшеніе санитарныхъ условій.	Мѣстная судебная власть получаетъ право назначать надзоръ.	Фактически не дѣйствительна.
1819 1820	То же самое.	Дѣти вообще (не только пауперы).	Запрещеніе работы дѣтямъ моложе 9 лѣтъ. 12-ти-часовой рабочій день для подростковъ (моложе 16 лѣтъ). Регулированіе обѣденнаго времени. Поправка къ закону 1802 г.	То же самое.	То же самое.
1825	То же самое.	То же самое.	Сокращеніе субботней работы. Установленіе наказанія за нарушеніе фабричныхъ законовъ.	То же самое.	Обыкновенно не исполнялось.
1833 1834	Вся промышленность, обрабатывающая волокнистыя вещества.	Дѣти и несовершеннолѣтніе.	48 часовъ работы въ недѣлю для дѣтей (9—13) 69 часовъ для несовершеннолѣтнихъ (13—18). Запрещеніе ночной работы для подростковъ. 10-ти-часовой рабочій день для дѣтей на шелковыхъ фабрикахъ.	Назначеніе правительственныхъ инспекторовъ.	Въ 1834 г. 1 изъ каждыхъ одиннадцати фабрикантовъ осужденъ, несмотря на недоброжелательное отношеніе къ закону магистратуры.
1842	Рудники.	Дѣти и женщины.	Запрещеніе подземной работы.	Назначеніе инспекторовъ рудниковъ.	
1844 до 1850	Типографіи.	Дѣти и несовершеннолѣтніе. Женщины.	Примѣненіе фабричныхъ законовъ. Затрудненіе системы смѣнъ для дѣтей. Рабочій день въ $6^1/_2$ часовъ для дѣтей, назначеніе совершеннолѣтія для женщинъ на 21 годъ. 12-ти-часовой рабочій день для женщинъ. Запрещеніе ночной работы для женщинъ.	Правительственные инспектора.	Улучшеніе администраціи, но возстановленіе системы смѣнъ. Недостаточность штрафовъ.
1847 до 1850	Текстильныя фабрики, типографіи и пр.	То же самое.	10-ти-часовой рабочій день, впослѣдствіи $10^1/_2$-часовой рабочій день для подростковъ и женщинъ, практически и для мужчинъ.	Увеличеніе штата фабричныхъ инспекторовъ.	Частныя злоупотребленія и неисполненіе закона.
1860	Бѣленіе и окрашиваніе.	То же самое.	То же самое, и спеціальное регулированіе сверхсрочнаго времени.		

Годы.	Отрасли промышленности, подчиненныя надзору.	Родъ преимущественно охраняемыхъ рабочихъ.	Родъ охраны.	Организація надзора.	Дѣйствительность охраны.
1860	Каменноугольные и желѣзные рудники.	Всѣ рабочіе.	Ограниченіе мужской работы до 12. Безопасность, вентиляція и пр.	Инспекторы рудниковъ.	
1863	Послѣдняя обработка въ бѣленіи и крашеніи, хлѣбопекарни, химическіе заводы.	Дѣти, подростки, женщины.			
1864	Нетекстильныя фабрики.	То же самое.	Примѣненіе общихъ фабричныхъ законовъ.		
1867	Всѣ фабрики и мастерскія.	То же самое.	Распространеніе фабричныхъ законовъ. Законъ, регулирующій работу въ мастерскихъ. Фабричныя правила, касающіяся часовъ обученія и пр. въ измѣненной формѣ.	Первоначально исполненіе закона о мастерскихъ предоставлено вѣдѣнію мѣстныхъ властей, затѣмъ фабричнымъ инспекторамъ.	Законъ о мастерскихъ остается мертвой буквой въ 1868—69 г. Позднѣе штрафы и инспектора недостаточны.
1867	Земледѣліе.	Женщины, дѣти.	Актъ, запрещающій земледѣльческія банды, назначающій минимумъ возраста въ 8 лѣтъ, регулирующій работу женщинъ.		
1870	Типографіи, бѣленіе, окрашиваніе.	Дѣти, подростки, женщины.	Примѣненіе основныхъ постановленій фабричнаго закона 1867 г.		
1871	Кирпичное производство.	Дѣти и женщины—подростки.	Запрещеніе работы. Улучшеніе условій для женщинъ.		
1873	Земледѣліе.	Дѣти.	Минимальный возрастъ поднятъ до 10.		
1878	Фабрики, мастерскія, земледѣліе.	Дѣти, подростки, женщины (въ нѣкоторыхъ случаяхъ мужчины).	Объединеніе закона о фабрикахъ и мастерскихъ (распространеніе нѣкоторыхъ постановленій на земледѣліе).	Увеличеніе штата инспектокторовъ.	
1891	То же самое.	То же самое.	Поправка къ закону о фабрикахъ и мастерскихъ. Минимальный возрастъ для дѣтей поднятъ до 11. Охрана въ опасныхъ производствахъ.	Предоставленіе министерству торговли права относить производство къ группѣ опасныхъ.	
1892	Торговыя заведенія.	Дѣти и подростки.	Ограниченіе рабочаго дня.	Назначеніе инспекторовъ изъ числа рабочихъ и работницъ.	
1893	Разныя производства.	Всѣ рабочіе.	Ограниченіе опасныхъ производствъ.	Увеличеніе количества инспекторовъ.	
1893	Желѣзныя дороги.	Взрослые мужчины.	Ограниченіе часовъ работы.		

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Машины и современный городъ.

Въ послѣднихъ нѣсколькихъ главахъ мы изслѣдовали нѣкоторыя вліянія современнаго машиннаго производства на мужчинъ и женщинъ, какъ производителей, по отношенію къ характеру, продолжительности, интенсивности, правильности ихъ занятій, вознагражденію за ихъ трудъ; мы также разсмотрѣли отношенія между рабочими и работодателями. Намъ остается спеціально разсмотрѣть еще одинъ факторъ въ средѣ, окружающей современную промышленную жизнь, имѣющій самое важное вліяніе на публику, въ ея работѣ и жизни.

Самый крупный и во многихъ отношеніяхъ самый характерный продуктъ машины есть современный промышленный городъ. Паровая сила есть въ самомъ буквальномъ смыслѣ слова создательница современнаго города. Когда двигательная сила промышленной работы главнымъ образомъ сводилась къ силамъ самого человѣка, тогда экономія, достигаемая отъ скопленія многихъ лицъ для совмѣстной работы другъ возлѣ друга, была сравнительно мала и перевѣшивалась затрудненіями, связанными съ доставаніемъ для нихъ достаточно пищи и другихъ товаровъ и большой неподвижностью труда въ такое время, когда мѣстная привязанность составляла крѣпкую связующую силу и перевозка совершалась медленно и обходилась очень дорого. Когда первыя машины извлекали свою двигательную силу главнымъ образомъ изъ воды, то привязанность къ данному мѣсту и широкое распространеніе этой силы мѣшали сильной концентраціи промышленности. Только по мѣрѣ того, какъ паровая сила становилась господствующимъ агентомъ,

экономіи фабричнаго производства стали заставлять рабочихъ скопляться все въ болѣе густыхъ массахъ въ округахъ, гдѣ имѣется легкій доступъ воды и угля для порожденія пара, и держать ихъ вмѣстѣ для самаго экономнаго употребленія паровой силы въ индустріи.

Скорая оцѣнка экономіи централизованнаго производства безъ всякаго вниманія къ санитарнымъ, эстетическимъ и моральнымъ условіямъ быстро нашла свое выраженіе въ этихъ огромныхъ, страшныхъ скопленіяхъ фабричныхъ зданій, складовъ и дешевыхъ казармъ для рабочихъ, составляющихъ современный промышленный городъ. Требованія приличной, здоровой, гармонической индивидуальной или гражданской жизни не играли значительной роли при переходѣ средневѣкового центра жительства или разбросанной деревни въ современный промышленный городъ. Вопросъ о дешевой прибыльной работѣ игралъ первенствующую роль, требованія жизни крайне пренебрегались. Этотъ процессъ совершался такъ быстро, такъ незамѣтно и анархистически, что не были приняты никакія мѣры къ тому, чтобы обставить рабочаго хотя первыми потребностями здороваго физическаго существованія, требуемыми уже для одного того, чтобы держать рабочихъ въ самой выгодной степени производительности. Только въ послѣдніе годы въ немногихъ изъ большихъ крупныхъ городовъ замѣчается нѣкоторое медленное возрожденіе идеи о гражданской жизни, какъ о чемъ-то отличномъ отъ простой манипуляціи муниципальныхъ дѣлъ для самолюбивыхъ промышленныхъ цѣлей. Типическій современный городъ все еще есть мѣсто мастерскихъ, а не домовъ.

Перевозочныя машины, желѣзныя дороги и пароходы были почти такими же важными факторами въ развитіи города, какъ машины для производства. Легко, быстро и дешево доставляя пищу изъ далекихъ мѣстъ, онѣ дѣлаютъ возможнымъ городскую работу и жизнь на широкій размѣръ; придавая большую подвижность капиталу и труду, онѣ безпрерывно увеличиваютъ экономическія преимущества сильно концентрированныхъ индустрій. При открытіи новыхъ странъ, какъ Соединенные Штаты и Австралія, желѣзная дорога есть буквальная создательница городовъ, а въ болѣе старыхъ странахъ онѣ тоже составляютъ главный пищеварительный каналъ.

Скорость, съ которой совершается эта концентрація населенія въ большихъ городахъ, есть самое лучшее измѣреніе прогресса машиннаго производства въ различныхъ частяхъ промышленнаго міра.

Есть другія перемѣны не только въ промышленныхъ методахъ, которыя благопріятствуютъ росту городовъ. Духъ любопытства и предпріимчивости, стимулированный воспитаніемъ и чтеніемъ газетъ, желаніе болѣе свободныхъ и болѣе разнообразныхъ общественныхъ сношеній, любовь къ сенсаціи и удовольствію, исканіе культуры и умственнаго развитія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ побужденія лѣности и недовольства, а иногда даже просто преступныя желанія гоняютъ все увеличивающуюся часть молодого сельскаго населенія въ города. Но комбинаціи промышленныхъ перемѣнъ, въ которыхъ машины играютъ самую центральную часть, увеличенное приложеніе машинъ къ земледѣлію, уменьшающее спросъ на земледѣльческій трудъ, развитіе фабричныхъ индустрій въ городахъ, трудъ перевозки и распредѣленія, требующій централизованныхъ машинъ — всѣ эти промышленныя перемѣны дѣлаютъ это движеніе физически и экономически возможнымъ. Колебанія въ относительномъ спросѣ на трудъ въ городахъ и селахъ, приписываемыя машинному производству, являются главнымъ прямымъ агентомъ, направляющимъ это движеніе.

Въ Англіи, этой фабричной странѣ par excellence, ростъ города по сравненію съ деревней сильнѣе всего проявляется за послѣднія 30 лѣтъ.

	1861	1871	1881	1891
Городское населеніе [1]) . .	62.3	64.8	66.6	71.7
Деревенское населеніе . .	37.7	35.2	33.4	28.3

Въ теченіе десятилѣтія отъ 1881 до 1891 произошла значительная остановка въ иммиграціи изъ деревень въ большіе города, хотя отношеніе городского населенія къ

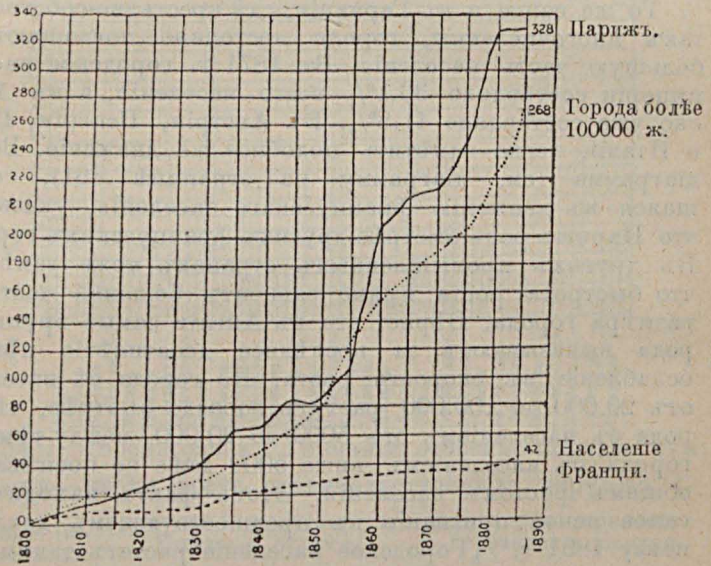
---

[1]) По Arthur Young'у въ 1770 г. половина населенія была уже городской. Но хотя теченіе по направленію къ городу, вызванное въ сильной степени жаждой земель (land-hunger) со стороны аристократіи и богатыхъ купцовъ и трудо-сберегательной экономіей крупнаго фермерства, замѣчалось уже ясно и до развитія машинной индустріи, тѣмъ не менѣе вѣроятно, что оцѣнка Young'а слишкомъ преувеличена.

деревенскому росло еще сильнѣе, чѣмъ въ предыдущее десятилѣтіе [1]).

Въ Голландіи и Бельгіи, не смотря на крупную эмиграцію за границу, города растутъ гораздо быстрѣе, чѣмъ общее населеніе. Такъ въ Голландіи, за періодъ отъ 1870—

%% Ростъ населенія во Франціи.

1879 г., города увеличились на 17.25%, между тѣмъ какъ деревенскія округи увеличились только на 6.8%. Въ Бельгіи, гдѣ эмиграція за границу еще бо́льшая, замѣчается безпрерывное теченіе эмиграціи приходскаго или сельскаго населенія въ такіе города, какъ Антверпенъ, Брюссель и Люттихъ [2]).

---

[1]) Кэннанъ указываетъ, что это обязано, съ одной стороны, болѣе здоровому состоянію городовъ, естественный ростъ которыхъ больше; съ другой стороны, увеличенной эмиграціи изъ деревенскихъ частей за границу („The Decline of Urban Immigration". *National Review.* Январь 1894).

[2]) Ravenstein, Statistical Journal. Іюнь 1889.

Этотъ потокъ населенія къ городамъ не находится подъ значительнымъ вліяніемъ ни скорости роста самого населенія, ни малой величины участковъ, которыми владѣетъ большинство деревенскаго населенія въ такой странѣ, какъ Англія. Во Франціи, гдѣ ростъ населенія за послѣднее полстолѣтіе совершался такъ медленно, и гдѣ большинство земледѣльцевъ владѣетъ опредѣленнымъ участкомъ земли, ростъ городского населенія тамъ не менѣе поразителенъ.

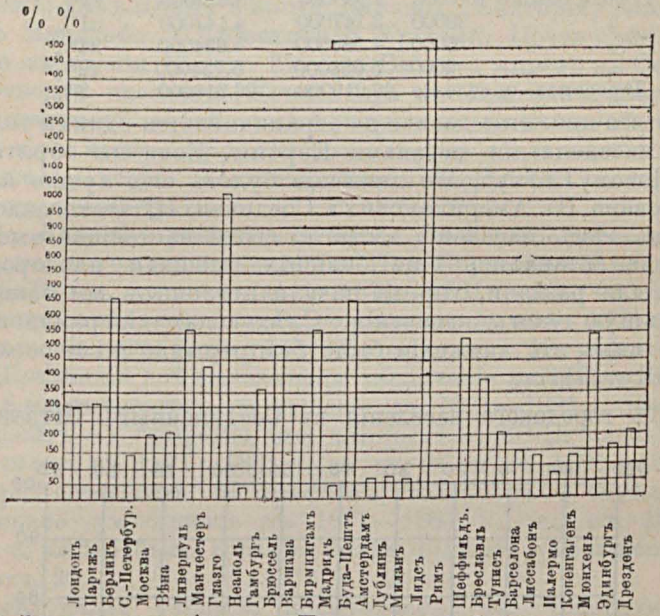
То же самое и въ Германіи, гдѣ крестьяне-собственники такъ многочисленны, города постоянно поглощаютъ все бо́льшую часть населенія. Въ 1871 г. городское населеніе имперіи составляло 36.1% всего населенія, а въ 1885 г. оно уже составляло 41.8%. Въ Австріи, Венгріи, Швеціи и Италіи легко замѣтить подобное же движеніе. Верхняя діаграмма (см. діаграмму на страницѣ 361), относящаяся къ движенію французскаго населенія, указываетъ, что Парижъ росъ быстрѣе другихъ французскихъ городовъ. Въ другихъ промышленныхъ странахъ тоже замѣчается, что быстрота роста прямо зависитъ большей частью отъ размѣра города. Вѣрно, что въ Англіи самые крупные города выказываютъ за послѣднее десятилѣтіе нѣкоторое ослабленіе въ скорости роста. Но города съ населеніемъ отъ 20.000 до 100.000 растутъ гораздо быстрѣе, чѣмъ города съ населеніемъ отъ 5000 до 20.000, между тѣмъ какъ города съ населеніемъ ниже 5000 даже не поспѣваютъ за общимъ ростомъ населенія. Этотъ фактъ находитъ свое самое ясное признаніе въ предшествующемъ докладѣ къ цензу 1891 г.[1]) „Городское населеніе растетъ такимъ образомъ гораздо быстрѣе, чѣмъ деревенское. И не только это, но чѣмъ больше, или, вѣрнѣе, чѣмъ гуще населены городскіе округи [2]) и чѣмъ болѣе рѣзокъ ихъ городской характеръ, тѣмъ выше, говоря вообще и допуская многія исключенія, быстрота ихъ роста".

Движеніе такимъ образомъ направлено не только къ городской жизни, но къ жизни крупныхъ городовъ. Слѣ-

[1]) Preliminary Report (с. 6422), стр. 23.

[2]) Часто указываютъ, что городской санитарный округъ (Urban Sanitary District) не всегда городъ. Но если деревенскія площади иногда включаются въ города, зато многія большія окрестности городовъ, которыя на самомъ дѣлѣ носятъ городской характеръ, не включаются. Цифры, приведенныя выше, могутъ поэтому считаться достаточно точными данными о ростѣ городской жизни.

дующая діаграмма показываетъ норму роста главнѣйшихъ европейскихъ центровъ населенія въ настоящее столѣтіе.

Цифры, относящіяся къ Германіи, особенно поучительны:

Германія—норма роста правительственныхъ округовъ [1]).

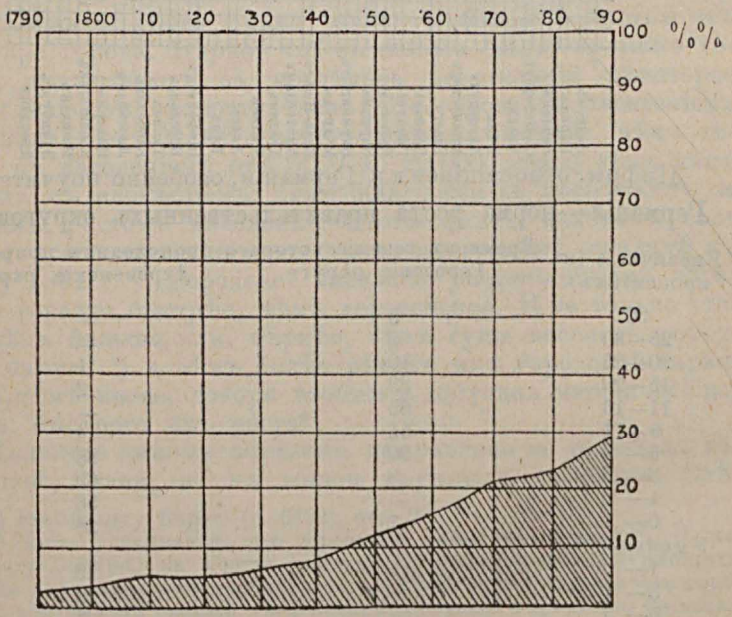
Увеличеніе (въ процентахъ).	Время, въ теченіе котораго происходилъ приростъ. Городскіе округи.	Деревенскіе округи.
30	3	—
25—30	2	—
20—25	10	1
15—20	33	2
11—15	65	—
9—11	55	4
5— 9	50	35
3— 5	8	69
1— 3	—	56
0— 1	1	28
Уменьшеніе.		
1— 0	1	18
3— 1	—	22
5— 3	—	3
0— 5	—	4

[1]) Longstaff, Rural Depopulation. *Journ. of Stat. Soc.*, Sept. 1893.

Германская имперія.	1871	1886	Норма роста.
Города свыше 100.000	1.968000	3.327000	69%
„ „ 20000	3.147000	4.147000	31%
„ „ 5000	4.588000	5.694000	24%
„ „ 2000	5.086000	5.734000	12%
Деревенск. населеніе	26.219000	26.318000	3%

Но это движеніе далеко не ограничивается одними только густо населенными странами Европы. Если мы обратимся къ „Новому Свѣту“, это движеніе будетъ еще лучше иллюстрировано. Въ Американскихъ Соединен. Штатахъ задолго, прежде чѣмъ населеніе достигло своей настоящей высоты, и когда оставались еще большія площади плодородной земли для раздачи, города начали поглощать все бо́льшую и бо́льшую часть населенія. Слѣдующая діаграмма покажетъ, какъ это движеніе было безпрерывно и все росло съ ходомъ столѣтія.

Ростъ городского населенія въ Соединенныхъ Штатахъ.

Что вѣрно относительно Соединенныхъ Штатовъ, также

справедливо относительно новыхъ странъ съ малымъ населеніемъ, какъ Новый Южный Валлисъ, Викторія, Канада и даже Манитоба [1]) Аргентина и Ургавай. Почти одна треть всего населенія Новаго Южнаго Валлиса живетъ въ Сиднеѣ, и четверть населенія Квинсланда въ Брисбанѣ. Викторія представляетъ собой самый поразительный примѣръ. Въ 1881 г. ея четыре крупнѣйшихъ города заключали въ себѣ больше $^2/_5$ всего населенія, одинъ Мельборнъ содержалъ больше одной трети.

Въ Канадѣ происходитъ то же уменьшеніе деревенскаго и ростъ городского населенія. Нью-Брунсвикъ заключаетъ 14 графствъ, въ десятилѣтіе 1871—1881 только въ одномъ изъ нихъ замѣчалось маленькое уменьшеніе, но въ 1881—1891 уменьшеніе показалось уже въ 7 графствахъ. 18 графствъ Новой Шотландіи всѣ выказывали увеличеніе въ 1871—1881 г., а въ 8-ми выказалось уменьшеніе въ 1881—1891 г. Квебекъ содержитъ 61 графство, изъ которыхъ въ 10-ти уменьшеніе замѣчалось въ 1871—1881 г., а въ 26-ти въ 1881—1891 г. Онтаріо содержитъ 48 графствъ, только въ 4 замѣчалось маленькое уменьшеніе въ 1871—1881 г., но въ 1881—1891 г. видно было гораздо болѣе быстрое уменьшеніе въ цѣлыхъ 20.

Слѣдующая таблица показываетъ, что ускоряющееся уменьшеніе населенія въ сельскихъ частяхъ сопровождается соотвѣтствующимъ ростомъ главныхъ городовъ.

	1871	1881	1891
Кингстонъ[2]) . .	12407	14091	19264
Лондонъ . . .	15826	26266	31977
Оттава	21545	31307	44154
Гамильтонъ . .	26717	35961	48980
Торонто	56092	96196	181220
	132586	203821	325595

Огромный ростъ крупнѣйшихъ городовъ нельзя, конечно, приписать однѣмъ только экономическимъ причинамъ. Политическія и соціальныя вліянія кооперировали вмѣстѣ съ индустріальными при образованіи главныхъ городовъ Новаго Свѣта. Нельзя также игнорировать эти причины при объясненіи быстраго роста нѣкоторыхъ евро-

[1]) См. Longstaff, Sluides in Statistic, стр. 157.

[2]) Статистическія данныя этой таблицы цитированы изъ статьи Dr. Longstaff'a въ Journal of Statistical Society, сент. 1893 г.

пейскихъ столицъ, въ особенности Берлина, Парижа, Лондона и Вѣны. Но успѣшное дѣйствіе этихъ силъ много зависитъ отъ современныхъ перевозочныхъ машинъ, и въ главномъ эти крупные центры должны быть разсматриваемы, какъ фабричные и торговые города.

Хотя отсутствіе какого-либо общаго статистическаго базиса не даетъ намъ возможности прослѣдить съ точностью сравнительную скорость этого движенія въ различныхъ странахъ, мы тѣмъ не менѣе знаемъ достаточно, чтобы быть въ правѣ сдѣлать заключеніе, что эта централизирующая тенденція различна и находится въ прямой зависимости отъ степени матеріальной цивилизаціи, которой масса населенія достигла въ различныхъ странахъ. Въ Англіи, Франціи, Соедин. Штатахъ и Австраліи, гдѣ въ городахъ имѣются паровики, электрическое освѣщеніе, газеты и всѣ самыя совершенныя механическія приспособленія, ростъ городской жизни самый быстрый; въ Россіи, Индіи, Турціи и Египтѣ, гдѣ техническое развитіе далеко позади, ростъ городовъ гораздо медленнѣе. По мѣрѣ того, какъ расширяется площадь машинной индустріи, это движеніе населенія становится все болѣе общимъ, и по мѣрѣ того, какъ города становятся больше, эта сила всасывать сельское населеніе становится какъ будто бы крѣпче и болѣе широкой.

Эти факты и числа сами по себѣ не оправдываютъ однако заключенія, что большая пропорція мірового населенія переходитъ въ города. Во всѣхъ передовыхъ промышленныхъ странахъ меньшая пропорція населенія занята тѣми добывающими и домашними отраслями промышленности, мѣсто которыхъ въ деревняхъ, и бо́льшая пропорція фабричной и распредѣлительной индустріей, принадлежащими городу. Но это движеніе становится возможнымъ только благодаря тому обстоятельству, что все бо́льшая часть пищи и сырыхъ матеріаловъ для обработки, требующихся въ этихъ странахъ, извлекаются изъ болѣе отсталыхъ странъ. Увеличеніе площади промышленнаго міра производитъ такое раздѣленіе труда, которое передаетъ все бо́льшую часть земледѣльческой работы жителямъ тѣхъ странъ, которыя не числятся въ рядахъ цивилизованныхъ промышленныхъ странъ. Извѣстный намъ ростъ нѣкоторыхъ крупныхъ торговыхъ центровъ въ Индіи, Китаѣ, Египтѣ, южной Африкѣ и т. д. не даетъ намъ права, при отсутствіи осно-

вательнаго статистическаго изслѣдованія, утверждать, что увеличивающаяся пропорція жителей этихъ и другихъ еще болѣе отсталыхъ частей земного шара переходитъ въ города. Если только земледѣльческія машины и усовершенствованные способы земледѣлія не дѣлаютъ въ этихъ крупныхъ „растущихъ площадяхъ“ болѣе быстрыхъ успѣховъ, чѣмъ мы имѣемъ право ожидать, то ясно, что спросъ на земледѣльческій и другой сельскій трудъ долженъ возрастать, чтобы хоть отчасти вознаграждать за уменьшенный спросъ на всякій подобнаго рода трудъ въ болѣе передовыхъ индустріальныхъ странахъ. И дѣйствительно, хотя крупная часть вспомогательныхъ земледѣлію индустрій, какъ изготовленіе орудій, телѣгъ, калитокъ, заборовъ и т. д., теперь перешли изъ деревень въ города, хотя экономія машинъ и усовершенствованнаго воздѣлыванія земли настолько подвинулись впередъ, что утверждаютъ, будто три человѣка, обрабатывающіе почву средняго качества, могутъ добыть пищевыхъ продуктовъ на цѣлую тысячу, тѣмъ не менѣе ростъ населенія съ постоянно подымающимся уровнемъ матеріальнаго потребленія, повидимому, долженъ мѣшать абсолютному уменьшенію пропорціи труда, обрабатывающаго землю въ промышленномъ мірѣ. Пока современные способы производства и потребленія въ цивилизованныхъ странахъ требуютъ все большихъ количествъ сырыхъ матеріаловъ, то кажется à priori невѣроятнымъ, чтобы меньшая часть цѣлой индустріи міра теперь посвящалась земледѣлію и другимъ отраслямъ добывающей промышленности и бо́льшая часть—обрабатывающимъ и распредѣлительнымъ отраслямъ промышленности, къ которымъ больше всего примѣнены главныя экономіи машиннаго производства.

Такъ какъ ростъ городского населенія идетъ быстрѣе въ передовыхъ промышленныхъ обществахъ, медленнѣе въ менѣе передовыхъ, то можетъ показаться, что въ странахъ, которыя только слегка и косвеннымъ образомъ затронуты современной индустріею, совсѣмъ нѣтъ этого роста. У насъ нѣтъ однако удовлетворительныхъ данныхъ, на основаніи которыхъ мы могли бы составить себѣ мнѣніе объ этомъ вопросѣ.

Вліяніе этой концентраціи населенія на характеръ и жизнь населенія многообразно. Для болѣе удобнаго группированія фактовъ эти вліянія должны быть разсмотрѣны

по отношенію къ А) физическому здоровью, В) умственному развитію, С) нравственности, хотя ясно, что вліянія, поставленныя подъ различные заголовки, взаимодѣйствуютъ другъ на друга во многихъ сложныхъ и важныхъ отношеніяхъ.

А) Самымъ лучшимъ испытаніемъ вліянія городской жизни на населеніе можетъ послужить сравненіе процента смертности въ городахъ и деревняхъ.

Норма смертности въ городскихъ и деревенскихъ округахъ Англіи за періодъ 1851—1890 г. [1]).

ГОДЫ.	Число смертныхъ случаевъ на тысячу населенія.			Смертные случаи въ городскихъ округахъ на 100 смертныхъ случаевъ въ деревняхъ при равномъ числѣ живущихъ.
	Англія и Валлисъ.	Городъ.	Деревня.	
1851—60	22.2	24.7	19.9	124
1861—70	22.5	24.8	19.7	126
1871-80	21.4	23.1	19.0	122
1881 —	18.9	20.1	16.9	119
1882 —	19.6	20.9	17.3	121
1883 —	19.5	20.5	17.9	115
1884 —	19.5	20.6	17.7	117
1885 —	19.0	19.7	17.8	111
1886 —	19.3	20.9	18.0	111
1887 —	18.8	19.7	17.2	115
1888 —	17.8	20.9	17.4	114
1889 —	17.9	19.3	16.4	118
1890 —	—	20.9	17.4	120

Но при современныхъ условіяхъ эти статистическія данныя не въ полной степени указываютъ разницу въ гигіеническомъ отношеніи между городской и деревенской. Если мы примемъ во вниманіе распредѣленіе населенія въ городахъ и деревняхъ по полу и возрасту, то процентъ смертности будетъ еще больше. Такъ какъ въ городахъ есть: а) гораздо большій процентъ женщинъ, в) гораздо большій процентъ взрослыхъ молодыхъ людей обоихъ половъ; с) гораздо меньшій процентъ очень старыхъ лицъ [2]), то если бы въ городѣ и деревнѣ состояніе здоровья было бы одинаково, городской процентъ смертности долженъ былъ бы быть меньше, вмѣсто того, чтобы быть выше, чѣмъ въ деревнѣ. Докладъ ценза за 1881 г. [3]) обращаетъ особое вниманіе на этотъ пунктъ,

[1]) Report of Commissioners etc., томъ XXX, стр. 65.
[2]) Newsholm, Vital Statistcs, стр. 137.
[3]) Томъ IV, стр. 23.

который обыкновенно игнорируется при сравненіи процента смертности въ городѣ и деревнѣ. „Если мы примемъ среднюю норму смертности (1871—80) въ Англіи и Валлисѣ въ каждый возрастъ за масштабъ, то норма смертности городского населенія была бы 20.40 на 1000, между тѣмъ какъ смертность деревенскаго населенія была бы 22.83 на 1000. Такова была бы ихъ смертность, если предположить, что гигіеническое состояніе городскихъ округовъ и деревенскихъ одинаково. Но мы однако знаемъ, какъ фактъ, что смертность въ городѣ гораздо болѣе высокая, чѣмъ въ деревняхъ, вмѣсто того, чтобы быть болѣе низкой. Разница въ гигіеническомъ состояніи поэтому между городомъ и деревней гораздо бо́льшая, чѣмъ разница въ ихъ смертности“.

Къ тому же выводу мы придемъ при сравненіи Парижа съ другими французскими городами. Для каждаго возраста смертность въ Парижѣ болѣе высокая, чѣмъ во Франціи.

Возрастъ [1])	Парижъ 1885	Франція 1897—1880 г.
0— 1 года	230 (?)	170 (?)
1— 5 лѣтъ	58.2	28
15—20 „	9.1	6
30—40 „	13.6	10
60—70 „	51.2	41

Англійская статистика указываетъ легкую, но никоимъ образомъ не постоянную тенденцію къ уменьшенію разницы между городской и деревенской смертностью, что̀ несомнѣнно можно приписать улучшенію городскихъ санитарныхъ условій и нѣкоторому повышенію физической среды и уровня жизни въ большей части рабочаго класса. Та же легкая тенденція замѣчается во Франціи. Въ теченіе періода 1861—65 городская смертность была 26.1, а смертность въ деревняхъ 21.5; за періодъ 1878 — 82 смертность въ городѣ была 24.3, а въ деревняхъ 20.9 [2]). Такія указанія на гигіеническій прогрессъ въ нашихъ городахъ недостаточны однако, чтобы оправдать ожиданіе, что жизнь въ промышленныхъ городахъ будетъ сдѣлана такой же здоровой, какъ въ деревняхъ. Нельзя игнорировать фатальное значеніе постояннаго тока увеличивающейся пропорціи болѣе молодой и болѣе здоровой и

[1]) Levasseur, томъ II, стр. 402.
[2]) Ibid., томъ II, стр. 155.

болѣе крѣпкой части деревенскаго населенія въ города. Dr. Ogle, который собралъ много данныхъ объ этомъ предметѣ, дѣлаетъ слѣдующее резюмэ: „Соединенное дѣйствіе этой постоянно увеличивающейся смертности въ городахъ, и постояннаго притока туда отбора сельскаго населенія, должно ясно привести къ постепенному ухудшенію всего населенія, тѣмъ болѣе, что болѣе энергичные и самые крѣпкіе члены общества потребляются болѣе быстро, чѣмъ остальная часть населенія. Эта система такая, которая ведетъ къ выживанію неприспособленныхъ".

Жизнь не только въ среднемъ короче въ городахъ, но она физически болѣе низкаго качества, пока она продолжается. Пониженіе физическаго состоянія горожанина не только дѣлаетъ его менѣе способнымъ сопротивляться приступамъ нѣкоторыхъ болѣзней, но повреждаетъ его общую способность работать и наслаждаться. Это прогрессивное ухудшеніе физическаго состоянія и есть причина безпрестаннаго теченія свѣжей деревенской крови въ города. Не смотря на преимущества, вытекающія изъ знакомства съ городомъ, горожанинъ не можетъ выдержать конкуренцію за городскую работу; новопришлецъ вытѣсняетъ старожила изъ самыхъ лучшихъ мѣстъ и заставляетъ его быть въ зависимости отъ худшаго и болѣе случайнаго занятія. Экономическія условія, пріобрѣтенные соціальные вкусы и поврежденная способность къ физическому труду мѣшаетъ слабой городской крови обратно пойти въ деревню, чтобы набрать свѣжей силы. Это и есть то impasse, которое все сильнѣе наводитъ соціальнаго реформатора на вопросы о городской бѣдности и дѣлаетъ затруднительнымъ рѣшеніе этихъ вопросовъ.

Говоря о болѣзняхъ, связанныхъ съ различными занятіями, д-ръ Арлиджъ говоритъ: „Труднѣе всего рѣшить вопросъ, въ особенности, когда дѣло касается населенія промышленнаго города, насколько встрѣчающіяся болѣзни составляютъ продуктъ города, и насколько—промышленности; первыя почти всегда преобладаютъ" [1]).

На самомъ дѣлѣ даже невозможно ясно отдѣлить другъ отъ друга эти два класса причинъ. Такъ какъ машины создаютъ промышленный городъ, онѣ его дѣлаютъ мѣстомъ для работы и мѣстомъ для жительства, и хотя нѣкоторыя

[1]) Diseases of Occupation, стр. 33.

условія промышленности будутъ дѣйствовать болѣе непосредственно на жителей, какъ рабочихъ, ихъ дѣйствіе сольется и будетъ въ свою очередь взаимодѣйствовать на условія городской жизни. Спеціальныя характеристическія черты городской работы, причиняющія плохое состояніе здоровья и болѣзни, слѣдующія:

a) Преобладаніе комнатныхъ занятій, связанное съ плохимъ воздухомъ;

b) сидячій характеръ большинства работъ на фабрикахъ и мастерскихъ, или вообще невозможность дать свободный ходъ различнымъ родамъ физической дѣятельности;

c) изнашиваніе нервной ткани (какъ, напримѣръ, при дѣланіи котловъ, тканьѣ, и пр.).

d) утомительное однообразіе и отсутствіе интереса, сопровождающія высоко спеціализированную и подраздѣленную машинную индустрію, порождающее физическое разслабленіе [1]).

e) Поврежденія, учиняемыя пылью и парами или другими вредными веществами, или возникающія отъ работы опасными матеріалами или орудіями.

Много полезныхъ трудовъ было за послѣдніе годы сдѣлано французскими, нѣмецкими и англійскими врачами и статистиками, что́ бросило много свѣта на спеціальныя болѣзни, сопровождающія различныя индустріи, и дало также нѣкоторую возможность измѣрять ихъ дѣйствіе. Но хотя нѣкоторыя специфическія промышленныя особенности имѣютъ значительное вліяніе на увеличеніе смертности въ городахъ, Арлиджъ вполнѣ правъ въ своемъ мнѣніи, что въ промышленныхъ центрахъ больше болѣзней можно приписать вліянію города, чѣмъ собственно промышленности. Статистическія данныя о смертности дѣтей очень убѣдительны въ этомъ отношеніи. Сравнивая норму смертности для города и деревни, видно, что эта разница гораздо большая относительно дѣтей моложе рабочаго возраста, чѣмъ относительно взрослыхъ, занятыхъ промышленной работой. Гальтонъ разсчиталъ, что въ типически промышленномъ городѣ число дѣтей городскихъ рабочихъ, которыя вырастаютъ, составляетъ немного меньше половины числа выжи-

[1]) Dr. Arlidge, стр. 25, 26.

вающихъ дѣтей рабочихъ изъ здоровыхъ сельскихъ округовъ [1]). Данныя, цитированныя выше, взятыя у Левассёра относительно Франціи, ведутъ къ тому же выводу. Многія изъ золъ, которыя часто причисляются къ промышленнымъ, какъ, напр., плохой воздухъ, дурныя санитарныя условія и скученность, должны быть на самомъ дѣлѣ разсматриваемы скорѣе, какъ продукты города, чѣмъ промышленности, потому что онѣ составляютъ нормальные, если не необходимые спутники скученнаго промышленнаго населенія. Какъ доказательство того, что эти условія не есть продуктъ одного только развитія машинъ, мы можемъ привести то, что самыя худшія гигіеническія условія городской работы находятся въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыя отстали въ промышленномъ развитіи; между тѣмъ какъ лучшія гигіеническія условія существуютъ въ самыхъ высоко организованныхъ отрасляхъ текстильной индустріи. „Вообще говоря, чѣмъ болѣе совершенна и чѣмъ болѣе дорога машина, тѣмъ болѣе превосходна архитектура; такъ, при текстильныхъ работахъ машины пріобрѣтаютъ максимумъ важности, и ихъ размѣры требуютъ просторныхъ мастерскихъ, громадныхъ зданій и хорошо устроенныхъ приспособленій, чтобы удобно было исполнять зависящія другъ отъ друга серіи операцій“ [2]).

Законныя ограниченія, возлагаемыя на нездоровыя и опасныя занятія, болѣе короткій рабочій день, надлежащій надзоръ, толчокъ, который эти мѣры даютъ къ болѣе быстрому приложенію высоко развитыхъ машинъ, могутъ значительно уменьшить физическое зло, вытекающее изъ городскихъ индустрій. Но городъ все еще будетъ оставаться болѣе нездоровымъ мѣстомъ для жизни, чѣмъ деревня; но такъ какъ, съ одной стороны, основная и первостепенная важность здоровой физической среды находитъ все болѣе полное признаніе, и такъ какъ съ другой стороны большій досугъ и лучшая возможность наслаждаться, развиваться дѣлаютъ жизнь для массы рабочихъ болѣе достойной, чѣмъ

---

[1]) Цитировано профессоромъ Marshall'омъ въ его Principles of Political Economy, стр. 258. См. также Statistical Society, March 1875, данныя о Соединенныхъ Штатахъ.

[2]) Dr. Arlidge, стр. 30.

теперь, то можно надѣяться, что вопросъ о городской жизни будетъ все болѣе выдвигаться впередъ.

В) Что городская жизнь, въ отличіе отъ городской работы, воспитываетъ нѣкоторыя интеллектуальныя и моральныя качества, ясно. Оставивъ въ сторонѣ отборный интеллигентный трудъ, который течетъ въ города, чтобы успѣшно конкурировать за интеллектуальное занятіе, нѣтъ никакого сомнѣнія, что горожанинъ обладаетъ бо́льшимъ поверхностнымъ знаніемъ свѣта и человѣческой природы. Онъ болѣе хитеръ, подвиженъ, болѣе разговорчивъ, проворнѣе и болѣе находчивъ, чѣмъ деревенскій житель. Это превосходство высказывается въ мысли, разговорѣ и дѣйствіи. У горожанина есть болѣе развитая сознательность, его умъ постоянно стимулируется тысячью путями, все бо́льшимъ и болѣе разнообразнымъ обществомъ и болѣе разнообразной и сложной экономической средой. Въ то время, какъ есть основанія полагать, что городская работа въ среднемъ менѣе воспитательна, чѣмъ деревенская работа, городская жизнь зато мѣняетъ балансъ въ свою сторону. Соціальныя сношенія въ клубѣ, рабочая организація, церковь, домъ, трактиръ, театръ, улица имѣютъ огромное воспитательное значеніе, не говоря уже о возможности получить въ большихъ городахъ болѣе полное организованное сознательное воспитаніе. Если мы однако глубже всмотримся въ городское воспитаніе и умственное развитіе, передъ нами сейчасъ же предстанутъ нѣкоторыя опредѣленныя ограниченія. Школьное воспитаніе, стоящее только немного выше въ городѣ, чѣмъ въ деревнѣ, утилизируется, чтобы обострить промышленную конкуренцію и чтобы питать сенсаціонный интересъ къ забавамъ и преступленіямъ, что́ поглощаетъ вниманіе массъ въ нерабочіе часы; оно рѣдко служитъ основаніемъ интеллектуальной жизни, въ которой знаніе и вкусъ считаются вещами, желательными сами по себѣ. Умѣніе читать и писать употребляется большинствомъ всѣхъ классовъ такимъ образомъ, что при этомъ вызывается минимумъ мысли и здороваго чувства. Соціальныя, политическія и религіозныя предубѣжденія замѣняютъ работу, которая должна была бы быть сдѣлана осторожной мыслью и научнымъ изслѣдованіемъ.

Разсѣянные и безсвязные обломки полуиспеченныхъ свѣдѣній составляютъ запасъ „знанія“, которое даетъ возмож-

ность гибкому языку горожанина выставлять на показъ свою „интеллигентность". Дѣловая ловкость лучше оплачивается въ городѣ, и вслѣдствіе этого связанныя съ этимъ низкія интеллектуальныя качества воспитываются городомъ. Вызванное такимъ образомъ знаніе человѣческой природы ни въ какомъ смыслѣ не есть наука, а только механическій эмпиризмъ. Способный дѣлецъ, о которомъ говорятъ, что онъ понимаетъ „свѣтъ" и своихъ собратьевъ, совершенно не обладаетъ обыкновенно знаніемъ человѣческой природы въ болѣе широкомъ смыслѣ слова, но только знаетъ изъ наблюденія, какъ какой-нибудь средній человѣкъ извѣстнаго ограниченнаго класса вѣроятно будетъ поступать въ узкихъ предѣлахъ собственныхъ эгоистическихъ интересовъ. Городская жизнь такимъ образомъ сильно благопріятствуетъ воспитанію нѣкоторыхъ поверхностныхъ формъ ума. Въ дѣйствительной интеллигентности горожанивъ только немножко стоитъ впереди деревенскаго жителя. Но ухудшеніе физическаго состоянія, сопровождающее этотъ выигрышъ, причиняетъ ослабленіе умственной дѣятельности; потенціальность интеллектуальнаго развитія и работы, которую деревенскій житель приноситъ собой при вступленіи въ городскую жизнь, преграждается и принижается прогрессивнымъ физическимъ разслабленіемъ. Большая часть лучшей и самой сильной интеллектуальной работы въ городахъ исполняется иммигрантами, а не воспитанниками города.

С) Эта интеллектуальная слабость лучше всего выражается въ тѣхъ случаяхъ, которые выказываютъ внутреннюю связь между интеллигентностью и моралью. Недостатокъ въ твердости, настойчивости въ намѣреніяхъ, выдержности „характера" отличаетъ второе поколѣніе горожанъ въ отличіе отъ деревенскихъ жителей. Подобно тому, какъ интеллектуальныя силы горожанина, хотя квантитативно повреждены, все-таки болѣе развиты, чѣмъ у деревенскаго жителя, точно то же и съ моралью. Какъ въ добродѣтели, такъ и въ порокѣ горожанинъ стоитъ значительно выше деревенскаго жителя. Относительно этого пункта часто бываютъ недоразумѣнія. Лѣтописи преступленій показываютъ неопровержимыя доказательства въ пользу большей преступности городовъ. Лондонъ, содержащій меньше одной пятой населенія Англіи и Валлиса, отвѣтственъ за болѣе чѣмъ одну треть годичнаго числа привле-

ченныхъ къ отвѣтственности преступленій [1]). Во Франціи преступность городскаго населенія въ два раза превышаетъ преступность деревенскаго [2]). Въ 1884—1886 изъ каждыхъ 100,000 городского населенія 16 человѣкъ обвинялись въ преступленіяхъ, а изъ каждыхъ 100,000 сельскаго населенія только 8. И это на самомъ дѣлѣ общепризнано въ криминологіи, что при прочихъ равныхъ условіяхъ преступленія зависятъ отъ густоты населенія. И не трудно понять, почему такъ должно быть. Давленіе населенія и концентрація собственности даютъ человѣку съ злыми склонностями больше поводовъ покушаться на личность или на чужую собственность; для многихъ сортовъ преступленій условія городской жизни представляютъ больше безопасности для преступника; соціальныя и индустріальныя причины создаютъ большой вырожденный классъ, который не такъ легко поддается общественному контролю, который не способенъ получить регулярную работу, или который не могъ бы ее исполнять, если бъ даже получилъ.

Если бы городъ представлялъ собой общественный организмъ, составленный людьми, желающими жить вмѣстѣ для взаимной поддержки, удобства и наслажденій въ жизни, то можно было бы ожидать, что здоровое общественное чувство будетъ такъ сильно дѣйствовать, что перевѣситъ увеличенную возможность совершать преступленія. Но, какъ мы видѣли, современный городъ есть результатъ желанія наиболѣе экономически производить и распредѣлять наибольшее количество матеріальныхъ продуктовъ: экономія въ работѣ, а не удобства жизни есть цѣль. Но экономія фабричной кооперації носитъ соціальный характеръ только въ очень ограниченномъ смыслѣ; антисоціальныя чувства затрогиваются и стимулируются на каждомъ шагу конкуренціей рабочихъ другъ съ другомъ, антагонизмомъ между работодателями и рабочими, между продавцами и покупателями, между одной фабрикой и другой, между одной лавкой и другой.

Самое могущественное вліяніе въ разрушеніи крѣпости *морали* городского рабочаго есть, пожалуй, случайный и

---

[1]) W. D. Morrison, „The Study of Crime", Mind, томъ I, N. S., № 4.
[2]) Levasseur, томъ II, стр. 456.

безпорядочный характеръ городской работы. Элементъ монотоннаго порядка, который, какъ мы нашли, такъ сильно проявляется въ воспитаніи, которое машина даетъ рабочему, смотрящему за ней, уравновѣшивается соотвѣтствующимъ недостаткомъ машинной индустріи, взятой въ цѣломъ. Городская работа, какъ мы видѣли, болѣе нерегулярна, чѣмъ деревенская, и эта нерегулярность имѣетъ самое зловредное вліяніе на характеръ рабочаго. Проф. Фоксвелль слѣдующимъ образомъ ярко обрисовалъ моральное вліяніе этого фактора: „Когда занятіе случайно, бережливость и довѣріе къ себѣ обезкураживатся. Сбереженія годовъ могутъ быть поглощены въ нѣсколько мѣсяцевъ. Развивается духъ фатализма. Когда все неопредѣленно, и много терять нечего, тогда непремѣнно настанетъ безпечное перенаселеніе. Эти вліянія не только ограничиваются одними только бѣдными классами. Промышленный міръ такъ же деморализованъ спекуляціей; осторожныя операціи не могутъ разсчитывать на полученіе должнаго вознагражденія, и такимъ образомъ поощряется спекуляція самаго чистаго азартнаго характера. Но рабочій классъ больше всего страдаетъ“ [1]).

Городъ, какъ промышленная структура, не приспособленъ теперь дать то соціальное воспитаніе, которое должно быть настолько сильно, чтобы уничтожить тенденціи къ антисоціальному поведенію, которое можетъ принять форму преступнаго дѣйствія. Интеллектуальное воспитаніе, даваемое городомъ, какъ мы видѣли, не способствуетъ стимулированію высшихъ интеллектуальныхъ и моральныхъ интересовъ, удовлетвореніе которыхъ лежитъ выше уровня матеріальныхъ желаній. На самомъ дѣлѣ есть даже нѣкоторыя доказательства, что тощее и совершенно рудиментарное воспитаніе, даваемое нашимъ горожанамъ, вслѣдствіе своей недостаточности прямо питаетъ городскіе пороки. Болѣе низкія формы театральнаго удовольствія, болѣе низкіе роды печатнаго матеріала и господствующій народный порокъ картежной игры обязанъ своимъ существованіемъ и своимъ финансовымъ успѣхомъ той системѣ, которая ограничила народное воспитаніе одной только механической грамотностью и сдѣлала для нихъ почти невозможнымъ или всегда труднымъ

[1]) Claims of Labour, стр. 196.

полученіе такого интеллектуальнаго воспитанія, которое вкоренило бы въ нихъ болѣе высокіе интеллектуальные интересы, чтобы занять свой досугъ.

Но, принимая въ расчетъ преступность и порокъ большихъ городовъ, не будетъ справедливымъ игнорировать обратную сторону. Если бы мы сохраняли наши лѣтописи добродѣтели такъ же аккуратно, какъ и лѣтописи порока, мы бы нашли, что городская жизнь стоитъ выше какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ. Въ городѣ есть больше возможности проявлять положительную доброту и положительно плохія качества; жизнь болѣе скучена и болѣе быстра, и вѣроятно, что акты любви, благородства, самоотреченія и даже героическаго самопожертвованія болѣе многочисленны въ городахъ, чѣмъ въ деревнѣ. Средній горожанинъ болѣе развитъ морально, какъ и интеллектуально для добра и зла. Что добро не такъ значительно преобладаетъ, не въ малой степени зависитъ отъ слабой соціальной окружающей среды. Общественное мнѣніе только немного выше средней нравственности лицъ, составляющихъ общество. Въ этомъ и заключается могучій рычагъ для поднятія массъ. Но гдѣ густота населенія опредѣляется скорѣе промышленной конкуренціей, чѣмъ соціально человѣческими причинами, казалось бы, что сила здороваго общественнаго мнѣнія должна быть въ обратномъ отношеніи къ густотѣ населенія, будучи слабѣе всего въ самыхъ скученныхъ городахъ. Не смотря на зарожденіе политическихъ, религіозныхъ, соціальныхъ и рабочихъ организацій въ крупныхъ городахъ, связь между индивидуальными членами слабѣе, чѣмъ въ какой-либо другой формѣ общества. Если вѣрно, что по мѣрѣ того, какъ большая деревня вырастаетъ въ городъ, и городъ въ еще большій городъ, замѣчается прогрессивное ослабленіе моральной связи между индивидами, т. е. что чѣмъ больше городъ, тѣмъ слабѣе духовное единство, мы встрѣчаемся лицомъ къ лицу съ самымъ тяжелымъ обвиненіемъ, которое можетъ быть приведено противъ современнаго промышленнаго прогресса, и силы, гонящія все бо́льшую часть нашего населенія въ города, приносятъ съ собой паденіе *морали*, составляющее дополненіе къ ухудшенію физическаго состоянія націи.

Поскольку мы имѣемъ право разсматривать современную городскую жизнь и тенденцію къ увеличенію городской жизни, какъ результатъ машины и промышленнаго развитія,

постольку же можетъ быть мало сомнѣнія въ вѣскости этихъ обвиненій. Свободная игра экономическихъ интересовъ коммерческихъ индивидовъ или группъ индивидовъ толкаетъ все бо́льшую пропорцію населенія цивилизованныхъ странъ въ городскую жизнь, которая вредитъ физическому и моральному здоровью и не даетъ гарантіи на достиженіе такой интеллектуальной жизни, которая достойна была бы именно жизни.

Но какъ бы эти централизирующія силы ни были могущественны за послѣднія полтора столѣтія, мы не имѣемъ права полагать, что онѣ будутъ съ большей энергіей продолжать дѣйствовать и въ будущемъ, и что результаты, которые мы имъ приписываемъ, будутъ увеличиваться въ размѣрѣ. Такое предположеніе игнорировало бы двѣ группы противодѣйствующихъ силъ, которыя начинаютъ проявлять себя въ болѣе передовыхъ промышленныхъ обществахъ.

Первая изъ этихъ группъ состоитъ изъ ряда прямо противодѣйствующихъ или децентрализирующихъ силъ.

По мѣрѣ того, какъ городъ растетъ въ величинѣ, стоимость земли, на которой онъ расположенъ, растетъ такъ быстро, что занятіе ея становится экономически доступной только для нѣкоторыхъ классовъ промышленныхъ предпріятій, для которыхъ расположеніе въ центральномъ мѣстѣ становится элементомъ первостепенной важности. Во всѣхъ крупныхъ торговыхъ городахъ кварталы для жилья постепенно оттѣсняются все дальше и дальше отъ центра безпрестаннымъ подвиганіемъ дѣловыхъ помѣщеній. Сити Лондона и нижняя часть города Нью-Іорка, „down town“, составляютъ замѣчательные примѣры вытѣсненія жилыхъ помѣщеній коммерческими. Болѣе богатые жители прежде и быстрѣе всего оставляютъ эту часть города. По мѣрѣ того, какъ фабрики и лавки все крѣпче утверждаются посреди квартирныхъ домовъ лучшаго класса, эти жители переѣзжаютъ массами въ окрестности города, образовывая загородные кварталы, которые нѣкоторое время, во всякомъ случаѣ, свободны отъ специфическихъ золъ переполненія. Это придвиженіе фабрики и лавки если и имѣетъ сначала какое-нибудь вліяніе, то очень малое, въ смыслѣ разрѣженія жилого населенія этого округа. Пока содержатели лавокъ и ихъ служащіе живутъ по сосѣдству, и фабричные рабочіе въ состояніи платить ренту за квартиры или дома по близости

къ своей работѣ, центральное населеніе будетъ сгущаться быстрѣе, чѣмъ раньше. Но по мѣрѣ того, какъ городъ растетъ въ величинѣ и торговомъ значеніи, все бо́льшая часть центральныхъ зданій перестанутъ служить для фабричныхъ помѣщеній и лавокъ, а все больше для складовъ, конторъ и для другихъ занятій, связанныхъ съ распредѣленіемъ и финансами. Служащіе въ этихъ помѣщеніяхъ, если они богаты, не захотятъ, а если они бѣдны, не могутъ жить по близости отъ своей службы; когда фабрики и лавки остаются на своемъ мѣстѣ, большая масса рабочихъ не будетъ въ состояніи платить квартирную ренту, величина которой опредѣляется этой конкуренціей за болѣе выгодное коммерческое употребленіе этой земли. Мы такимъ образомъ находимъ, что число жителей въ Сити Лондона уменьшается съ каждымъ цензомъ, и то же самое вѣрно относительно самыхъ цѣнныхъ частей Парижа, Нью-Іорка и другихъ крупныхъ городовъ. Децентрализирующая сила однако въ полномъ ходу только въ самомъ центрѣ крупнѣйшихъ городовъ. Первое вліяніе конкуренціи торговыхъ помѣщеній съ жилыми состоитъ въ поднятіи квартирной ренты, что́ сгоняетъ болѣе бѣдное населеніе въ менѣе просторныя, менѣе удобныя и худшія въ санитарномъ отношеніи жилища. Когда собственники земли и строители свободны въ своихъ поступкахъ, они могутъ довести рыночную цѣну центральныхъ участковъ земли для устройства на нихъ многоэтажныхъ напросто устроенныхъ рабочихъ квартиръ до такой высоты, что эти дома сумѣютъ существовать рядомъ съ торговыми помѣщеніями. Даже когда стоимость земли поднимается такъ высоко, что многіе изъ этихъ жилыхъ домовъ для бѣдныхъ вытѣсняются, они скоро возникаютъ и скучиваются въ кварталахъ, недалеко отступающихъ отъ центра. Такъ, самое густое населеніе Лондона находится въ Уайтчапелѣ и Сентъ-Джоржѣ, въ восточной части Лондона. На самомъ дѣлѣ есть данныя, показывающія, что эти кварталы достигли уже „точки насыщенія“, т. е. давленіе спроса на эту землю для предпринимательныхъ цѣлей, растущая конкуренція самихъ жителей и увеличенныя ограниченія, возлагаемыя закономъ и общественнымъ мнѣніемъ на устройство этихъ самыхъ „выгодныхъ“ формъ жилыхъ помѣщеній препятствуютъ дальнѣйшему росту этихъ частей. По мѣрѣ того, какъ одинъ городской округъ достигаетъ этой точки насыщенія, ростъ густого населенія начинаетъ

быстро увеличиваться въ другомъ округѣ, и за нѣкоторыми мѣстными отклоненіями, эти экономическія силы начинаютъ дѣйствовать надъ большей площадью съ тѣми же результатами. Болѣе бѣдное населеніе переѣзжаетъ такъ близко, какъ оно только можетъ, и то только, когда принуждается къ этому подъемомъ ренты. Даже когда оно переѣзжаетъ нѣсколько дальше, оно рѣдко подвигается такъ далеко, чтобы избѣгнуть дѣйствія централизирующихъ силъ. Жилые округи рабочаго класса, какъ Вестъ-Гамъ, быстро переполняются постояннымъ притокомъ населенія изъ болѣе центральныхъ частей города. Болѣе того, тѣ же децентрализирующія силы начинаютъ дѣйствовать въ большихъ загородныхъ округахъ, благодаря насажденію въ этихъ мѣстахъ фабрикъ и другихъ промышленныхъ заведеній, съ цѣлью воспользоваться находящимся подъ рукой большимъ снабженіемъ труда и болѣе низкой стоимостью земли. Это приложимо также ко многимъ загороднымъ округамъ, которые богатые классы избрали себѣ какъ мѣсто жительства. Весь западный округъ Лондона, включающій Кенсингтонъ, Ноттингъ Гилль, Гаммерсмитъ и т. д., содержитъ большія площади густой бѣдности и скученности. Поскольку это касается массы болѣе бѣдныхъ рабочихъ Лондона и другихъ большихъ городовъ, то ихъ старанія уйти за предѣлъ переполненной городской жизни до сихъ поръ какъ будто были тщетными: децентрализирующія силы подъема земельной ренты и неудобства плохого санитарнаго состоянія квартиръ дѣйствуютъ всегда, но централизирующія силы, возникающія тогда, когда множество лицъ ищетъ выхода въ томъ же направленіи, къ тому же съ весьма ограниченными средствами для миграціи, берутъ верхъ надъ децентрализирующими силами. Высокая квартирная рента, болѣе полная оцѣнка гигіеническихъ преимуществъ бо́льшаго простора и близости деревенскаго воздуха и деревенскихъ видовъ побудили все увеличивающееся число „средняго“ класса, и даже тѣхъ, которые въ денежномъ отношеніи образуютъ верхній слой рабочаго класса, переѣзжать далеко отъ города, не обращая вниманія на связанную съ этимъ трату времени, возни и желѣзнодорожныхъ расходовъ, чтобы только избѣгнуть централизирующаго вліянія. Самый важный практическій вопросъ для соціальныхъ реформаторовъ состоитъ теперь въ томъ, какъ обезпечить за городскими рабочими эту жизнь внѣ города. Если бы

экономіи низкой земельной ренты и немного болѣе дешеваго труда были достаточно велики, чтобы побуждать насажденіе фабрикъ на значительныхъ разстояніяхъ отъ крупныхъ центровъ населенія, то мы могли бы ожидать то время, когда крупный промышленный городъ уступитъ мѣсто ряда промышленныхъ деревень, расположенныхъ кругомъ какой-нибудь крупной фабрики или другихъ „работъ". Растущая легкость сообщенія съ крупными болѣе или менѣе отдаленными городами, обязанная недавнему расширенію желѣзнодорожной системы и усовершенствованію телеграфныхъ и телефонныхъ посредниковъ, сдѣлали кое-что въ направленіи децентрализаціи. Кругомъ Манчестера и другихъ большихъ крупныхъ сѣверныхъ фабричныхъ городовъ возникаетъ все увеличивающееся количество фабрикъ; въ Соединенныхъ Штатахъ это явленіе еще чаще встрѣчается. Меньшая рента, болѣе дешевая жизнь, болѣе низкая заработная плата, особенно на текстильныхъ фабрикахъ, гдѣ занято много женщинъ, и наконецъ болѣе покорный трудъ вездѣ являются экономическими стимулами децентрализаціи обрабатывающей промышленности, если можетъ быть найдена для мануфактуры болѣе дешевая и легкопередаваемая двигательная сила, и если дешевая и легко доступная перевозка паромъ и электричествомъ быстро распространится, можно съ большой вѣроятностью сказать, что экономіи децентрализирующаго производства могутъ сильно или вездѣ перевѣсить основныя выгоды, создавшія наши крупные фабричные города. Насколько широкое разсѣяніе промышленныхъ деревень, размѣръ и структура которыхъ могутъ быть таковы, чтобы воспроизводить, хотя въ менѣе опасной формѣ, многіе физическіе и моральные пороки крупныхъ городовъ, но которыя, возможно, замедлятъ или уничтожатъ нѣкоторыя воспитательныя и возвышающія вліянія, возникающія отъ организованнаго и кооперативнаго дѣйствія крупныхъ массъ рабочихъ, — насколько на такія деревни можно смотрѣть, какъ на желательныя замѣщенія нашей переполненной городской жизни, можно глубоко сомнѣваться. Цѣлая страна, какъ Англія, усѣянная на равныхъ промежуткахъ большими промышленными деревнями, состоящими изъ одной или двухъ крупныхъ фабрикъ и немногихъ прямоугольныхъ улицъ съ маленькими, жалкими, грязными домиками изъ красныхъ кирпичей, и изъ одной или двухъ усадебъ, расположенныхъ

въ паркахъ, вдали отъ фабрикъ, была бы съ эстетической точки зрѣнія отвратительной для глаза; и сомнительно могла ли бы страна, которая цѣликомъ посвящена промышленнымъ цѣлямъ, служить чѣмъ-нибудь болѣе высокимъ сторонамъ человѣческой жизни. Но мы не должны игнорировать возможность такого исхода отъ дѣйствія децентрализирующихъ силъ, начало котораго мы уже видимъ. Вѣроятно, что рабочее движеніе, дѣлающее болѣе быстрые успѣхи въ крупныхъ фабричныхъ городахъ, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, и увеличивающіяся благодаря этому движенію свобода и сила организованныхъ въ большихъ массахъ рабочихъ, можетъ быть прибавочнымъ стимуломъ для предпринимателя, чтобы поставить свои предпріятія такимъ образомъ, чтобы дѣлать союзное дѣйствіе рабочихъ менѣе возможнымъ. Американскіе фабриканты дѣйствительно руководятся этимъ мотивомъ при выборѣ мѣстности для своихъ фабрикъ, и во многихъ случаяхъ имъ удалось добиться деспотическаго контроля надъ своими рабочими, что́ было бы почти невозможно, если бы ихъ фабрики были расположены въ центрѣ большого города [1]).

Этотъ методъ частичной децентрализаціи очевидно зависитъ въ сильной степени отъ прогресса въ перевозкѣ лицъ и товаровъ, равно какъ и въ передачѣ новостей, который довелъ бы до минимума неудобства менѣе центральнаго положенія, и который сдѣлалъ бы мѣстоположеніе предпріятія сравнительно безразличнымъ. Но мы можемъ надѣяться, что это усовершенствованіе транспорта будетъ способствовать другого рода децентрализаціи, въ пользѣ которой можно будетъ менѣе сомнѣваться, чѣмъ въ пользѣ замѣщенія малаго числа промышленныхъ городовъ крупнымъ числомъ промышленныхъ деревень. Развѣ не возможно для многихъ городскихъ рабочихъ соединить централизованную работу съ децентрализованнымъ образомъ жизни, —т. е. работать въ городѣ и жить въ деревнѣ? Не можетъ ли это преимущество, которымъ теперь пользуются одни только зажиточные классы, сдѣлаться доступнымъ и болѣе бѣднымъ классамъ? Нѣкоторый малый успѣхъ уже замѣ-

[1]) Одной изъ спеціальныхъ выгодъ въ Америкѣ было отсутствіе какихъ-либо серіозныхъ попытокъ со стороны законодательства уничтожить систему фабричныхъ лавокъ. Самыя крупныя злоупотребленія этой системой случаются въ фабричныхъ деревняхъ.

чается въ послѣднее время, по направленію къ осуществленію этого идеала. Три главныхъ затрудненія препятствуютъ этому успѣху: длина рабочаго дня, которая дѣлаетъ время, требующееся для поѣздки туда и обратно, очень серіознымъ вопросомъ; отсутствіе удобныхъ, дешевыхъ и частыхъ поѣздовъ или другихъ быстрыхъ средствъ перевозки; нерегулярность и неувѣренность въ продолжительности своего занятія у большинства всѣхъ классовъ рабочихъ, что мѣшаетъ имъ обзаводиться домами, выбранными съ точки зрѣнія удобства сообщенія съ даннымъ мѣстомъ работы. Нѣкоторый прогрессъ былъ недавно сдѣланъ въ этомъ направленіи въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ, какъ Вѣна, Парижъ и Лондонъ, пусканіемъ спеціально рабочихъ поѣздовъ и удешевленіемъ проѣздовъ по коннымъ и другимъ желѣзнымъ дорогамъ; но такіе эксперименты дѣлаются въ очень малыхъ предѣлахъ, чтобы можно было бы посредствомъ ихъ достигнуть значительной децентрализаціи, потому что интересы частныхъ транспортныхъ компаній требуютъ, чтобы возможно большее число пассажировъ выѣзжало изъ возможно меньшаго числа станцій. Какъ видно, потребуется значительное расширеніе прямого общественнаго контроля надъ средствами перевозки, чтобы доставить народу возможность пользоваться всѣми современными механическими приспособленіями для избѣжанія зловредныхъ вліяній скученной городской жизни. Съ этой цѣлью шоссейныя дороги замѣнились желѣзными, ими также мало можемъ предпоставить охраненіе общественнаго интереса личнымъ расчетамъ эгоистическихъ частныхъ компаній въ первомъ случаѣ, какъ во второмъ. Строгій общественный контроль въ интересахъ всего общества надъ паровыми и электрическими дорогами нуженъ будетъ такимъ образомъ, если мы пожелаемъ достигнуть въ будущемъ значительной децентрализаціи въ жилищахъ. Частное владѣніе средствами перевозки, работая рука объ руку съ частной собственностью на землю, только замѣнитъ одну массу переполненныхъ жилыхъ домовъ, цѣлымъ рядомъ меньшихъ загородныхъ и такъ же переполненныхъ округовъ. Одинъ только велосипедъ изъ всѣхъ современныхъ механическихъ средствъ быстраго предвиженія можетъ быть оставленъ подъ частный свободный контроль индивидуумовъ, и если судить по замѣчательному расширенію его употребленія,

то окажется, что онъ вѣроятно не мало будетъ способствовать децентрализаціоннымъ тенденціямъ.

Уничтоженіе двухъ другихъ препятствій будетъ дѣломъ совмѣстнаго дѣйствія рабочихъ организацій и законодательства, которыя стремятся къ созданію состоянія устойчивой промышленной экономіи. Однимъ изъ самыхъ важныхъ результатовъ сокращенія рабочаго дня, предмета, до такой степени поглощающаго общественное вниманіе, была бы возможность рабочимъ и работницамъ жить на извѣстномъ разстояніи отъ своихъ занятій. Пока однако громадная часть городскихъ рабочихъ не увѣрена въ продолжительности своего занятія, пока они не по своей винѣ могутъ быть вынуждены черезъ день или недѣлю искать другое занятіе у другого предпринимателя и въ другой отдаленной мѣстности; пока они, работая у того же хозяина, могутъ каждый день быть имъ отправлены далеко на какую-нибудь работу; пока имъ приходится въ одно время совсѣмъ не работать, а въ другое работать полные часы, чтобы заработать себѣ минимумъ средствъ къ существованію, — ясно, что всѣ эти планы на децентрализацію могутъ только быть частично осуществлены. Большая устойчивость въ различныхъ индустріяхъ, равно какъ въ индивидуальныхъ предпріятіяхъ внутри каждой отрасли промышленности, прежде всего требуется для устройства постояннаго здороваго дома для промышленнаго рабочаго и его семейства.

Нельзя однако полагать, что можно широко и надолго рѣшить вопросъ о переполненной городской жизни посредствомъ рѣзкаго мѣстнаго раздѣленія жизни промышленнаго общества, такъ чтобы городъ оставался огромной мастерской, а деревня мѣстожительствомъ. Истинное единство индивидуальной и соціальной жизни запрещаетъ намъ этотъ острый расколъ между производствомъ и потребленіемъ, между человѣкомъ и его работой. Только къ самымъ густымъ и самымъ большимъ промышленнымъ городамъ, раздутымъ до неуклюжаго и опаснаго размѣра, можно отчасти приложить эту систему децентрализаціи. Для этихъ чудовищныхъ произрастаній можно призвать машины децентрализаціи, чтобы хоть отчасти уничтожить работу централизирующихъ машинъ. Въ меньшихъ городахъ, гдѣ окружность находится въ болѣе близкомъ отношеніи къ массѣ

населенія, расширеніе тѣсно скученнаго населенія на болѣе широкой площади города будетъ болѣе легкимъ дѣломъ, и это составитъ первый шагъ въ ряду реформъ, которыя должны гуманизировать промышленный городъ. Скученность болѣе бѣднаго населенія нашихъ городовъ и связанная съ этимъ борьба за чистый воздухъ и просторъ есть самое сильное препятствіе при превращеніи города изъ большой мастерской въ человѣческое мѣстожительство, съ индивидуальной жизнью, характеромъ и собственной душой. Настоящая система реформъ не состоитъ въ уничтоженіи промышленнаго города, а въ томъ, чтобы вдохнуть въ него душу соціальной жизни, чтобы умѣрять его и подчинять промышленный характеръ машиннаго производства товаровъ высшимъ и болѣе сложнымъ цѣлямъ человѣческой жизни. Полный, широкій, просвѣщенный соціальный контроль надъ всей площадью городской земли, все равно употребляется ли она для жилищъ или для промышленныхъ цѣлей, есть первое условіе настоящей муниципальной жизни. Промышленный городъ, предоставленный въ своемъ ростѣ индивидуальному промышленному контролю, стягиваетъ другъ къ другу столь тѣсно, что нарушаются всѣ законы гигіены, множество лицъ изъ различныхъ частей земли, съ различными и часто антагонистическими цѣлями, съ малымъ знаніемъ другъ о другѣ и безъ всякой общей цѣли, которая соединила бы ихъ узами соціальной симпатіи. Городъ представляетъ собой одинъ только сырой матеріалъ мѣстной близости, изъ которой муниципальная жизнь должна быть создана. Первое дѣло муниципальнаго реформатора такимъ образомъ состоитъ въ томъ, чтобы превратить эту излишнюю близость въ здоровое сосѣдство, такъ чтобы могли расти и процвѣтать настоящія сосѣдскія чувства и по временамъ созрѣвать въ цвѣтокъ прекрасной гражданской жизни. „Современный городъ“, было хорошо замѣчено, „есть вѣроятно самый безличный союзъ индивидуумовъ, который когда-либо образовался во всемірной исторіи“ [1]). Вызвать личныя человѣческія качества въ этой смѣси городскихъ рабочихъ, такъ чтобы пробудить въ индивидуумѣ гражданина, воспитать гражданскія чувства, до тѣхъ поръ пока они оформятся въ гражданскую дѣятельность

[1]) I. S. Mackenzie, An Introduction to Social Philosophy, стр. 101.

и соотвѣтствующія учрежденія, которыя не только охраняли бы благо общества противъ поползновеній частной промышленной жадности, но которыя нашли бы свое все болѣе полное и болѣе благородное выраженіе въ эстетической красотѣ и духовномъ достоинствѣ сложной общественной жизни,—вся эта работа превращенія есть задача демократіи, сгруппированной во все увеличивающееся число городскихъ единицъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Цивилизація и промышленное развитіе.

Современныя промышленныя общества далеко не въ надлежащей степени воспользовались услугами, которыя современныя машины и способы производства въ состояніи оказать. Какъ бы ни былъ великъ ростъ дѣйствительнаго матеріальнаго богатства, онъ никоимъ образомъ не былъ соизмѣримъ съ невозможно сильно увеличившимися силами для производства матеріальныхъ товаровъ. Это увеличеніе силъ производства обязано открытіямъ современной науки, но частичная утилизація этихъ открытій сопровождалась очень неравнымъ распредѣленіемъ преимуществъ отъ такого увеличенія запаса общаго знанія и контроля надъ природой. Болѣе того, какъ противовѣсъ этому росту матеріальнаго богатства, машины играли непосредственную роль въ порожденіи нѣкоторыхъ матеріальныхъ и моральныхъ болѣзней, которыя подрываютъ здоровье современныхъ промышленныхъ обществъ.

Безпримѣрная быстрота и неправильность открытій и примѣненія новыхъ способовъ сдѣлали невозможнымъ для структуры промышленнаго общества сразу приспособить себя къ условіямъ новой среды. Болѣзни и недостатки, которые мы открываемъ въ современной индустріи, составляютъ только мѣрило этого неприспособленія.

Прогрессивное приведеніе въ соотвѣтствіе структуры къ окружающей средѣ въ безсознательномъ или мало сознательномъ мірѣ по необходимости совершается медленно. Но гдѣ сознательная воля человѣка, индивидуальная или общественная, можетъ быть утилизирована какъ приспособляющая сила, тамъ ходъ прогресса можетъ быть без-

гранично ускоренъ. Глубоко вкоренившійся обычай у человѣка очень медленно поддается давленію измѣненныхъ обстоятельствъ, которыя дѣлаютъ его безполезнымъ или вреднымъ, развѣ только человѣкъ начинаетъ сознавать безполезность обычая и берется за его искорененіе и за насажденіе другого на его мѣсто. Такъ и медлительность этой работы промышленнаго приспособленія не въ малой степени обязана недостатку въ ясномъ пониманіи членами современныхъ обществъ надобности и важности этого приведенія въ соотвѣтствіе. Если бы общество употребило свою сознательную волю на дѣло устройства новыхъ соціальныхъ и промышленныхъ формъ, которыя соотвѣтствовали бы новымъ экономическимъ условіямъ, оно могло бы прогрессировать быстро и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрно, потому что этотъ прогрессъ не былъ бы спекулятивнымъ, а руководимый въ своемъ движеніи предыдущими перемѣнами въ окружающей средѣ.

Разсматривая, такимъ образомъ, это сознательное организованное усиліе, просвѣщенное и стимулированное болѣе полнымъ пониманіемъ промышленныхъ силъ въ ихъ отношеніи къ человѣческой жизни, какъ силу, значеніе которой для опредѣленія промышленнаго развитія будущаго все растетъ, будетъ ясно, что научное изслѣдованіе современной индустріи должно стараться открыть, какія силы сознательныхъ реформъ могутъ дѣйствовать въ связи съ экономическими силами, дѣйствіе которыхъ уже было разсмотрѣно.

Другими словами, въ какомъ направленіи должны совершаться экономическія перемѣны, требующіяся для приведенія въ соотвѣтствіе способовъ производства съ общественнымъ благосостояніемъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ требуетъ отъ насъ, чтобы мы пополнили свое толкованіе промышленнаго развитія прошлаго столѣтія показаніемъ, какъ развитіе пойдетъ въ томъ же направленіи и въ будущемъ, и какъ оно окажется совмѣстимымъ съ какой-нибудь раціональной соціальной цѣлью. Самый удобный и, пожалуй, самый вѣрный способъ справиться съ этимъ вопросомъ состоитъ въ томъ, чтобы указать, съ той скромностью, которая по правиламъ пристойна пророчеству, на нѣкоторыя изъ главныхъ реформъ, которыя, повидимому, лежатъ на пути промышленнаго прогресса, если ихъ подчинить болѣе крупнымъ соціальнымъ цѣлямъ.

Поскольку потеря отъ экономическаго неприспособленія состоитъ въ излишнемъ или недостаточномъ приложеніи различныхъ родовъ продуктивной силы на различныхъ ступеняхъ производства, основанной на индивидуальной иниціативѣ и контролѣ, желательныя реформы должны быть такія, которыя способствовали бы болѣе полному установленію „свободной“ конкуренціи въ промышленности.

Полное уничтоженіе всѣхъ барьеровъ, препятствующихъ свободному теченію торговли и передвиженію капитала и труда, самое полное и самое широкое распространеніе свѣдѣній, касающихся индустріи,—вотъ что требуется для достиженія индивидуалистическаго идеала свободной торговли. Совершенная прозрачность промышленныхъ операцій, совершенная подвижность труда и богатства произвели бы неизмѣримо крупныя экономіи въ производствѣ торговаго богатства. Приверженецъ свободной торговли, концентрируя свое вниманіе на достиженіе послѣдней экономіи, не относится однако достаточно справедливо къ первой экономіи. Онъ, конечно, въ ограниченномъ смыслѣ признавалъ, что точное распространеніе свѣдѣній, касающихся промышленности, можетъ служить интеллектуальнымъ базисомъ свободной торговли. Но вмѣстѣ съ большинствомъ экономистовъ онъ не пошелъ достаточно далеко въ этомъ признаніи. Въ общемъ допускаютъ, что увеличенная публикація отчетовъ и курсовъ акцій, вызванная расширеніемъ акціонерныхъ предпріятій, возникновеніе многочисленныхъ промышленныхъ журналовъ, собираніе и распространеніе промышленныхъ фактовъ правительственными органами и частными статистиками полезны во многихъ отношеніяхъ. Но крайняя недоброжелательность, съ которой встрѣчаются всякія попытки расширить право государства требовать разныхъ свѣдѣній, крайняя ревность, съ которой охраняются право частныхъ извѣщеній, показываютъ, какъ недостаточно понятъ характеръ современной индустріи. При сложности современной торговли нужно понять, что не существуетъ вполнѣ частнаго, не зависящаго отъ всего остальнаго, коммерческаго дѣла. Ни одинъ фактъ, относящійся къ цѣнамъ, заработной платѣ, прибыли, способамъ производства и такъ далѣе, не касается одной какой-нибудь фирмы или одного класса рабочихъ. Каждый промышленный актъ, какого бы детальнаго характера онъ ни былъ, и какъ бы секретно онъ ни держался, имѣетъ обществен-

ную важность и по необходимости вліяетъ на интересы и на дѣйствія безчисленнаго множества лицъ. На самомъ дѣлѣ, часто бываетъ, что факты, которые считаются болѣе всего частными и болѣе всего секретными, имѣютъ самый большой интересъ для общества. Но индивидуалистическое пониманіе индустріи такъ вкоренилось въ „дѣловой“ умъ, что идея о томъ, чтобы общество приняло участіе въ этихъ важныхъ частныхъ фактахъ, на которыхъ основанъ кредитъ данной фирмы, покажется ему разрушительной для всей структуры торговли. Но хотя и правда, что въ игрѣ торговли фирма, которая играла бы открытыми картами, въ то время, какъ у другихъ карты были закрыты, можетъ отъ этого пострадать, все общество, заинтересованное въ игрѣ, очень много бы выиграло, если бы у всѣхъ карты были открыты. Много, если не большинство, крупныхъ несчастій современныхъ торговыхъ обществъ можно какъ разъ приписать тому, что кредитъ крупной промышленной фирмы, который представляетъ собой главнымъ образомъ общественный интересъ, разсматривался до краха дѣломъ чисто частнаго характера. По мѣрѣ того, какъ индустрія становится все болѣе сложной, растетъ также интересъ публики, и чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе широкой публики, къ каждой промышленной операціи, и скоро окажется необходимымъ открыто признать этотъ все растущій интересъ и принять нѣкоторыя соотвѣтствующія мѣры въ этомъ направленіи. Такъ какъ естественныя перемѣны въ структурѣ промышленности, находящейся въ частныхъ рукахъ не дадутъ намъ требуемой публичности, то потребуется усиленіе прямого общественнаго надзора. Нежеланіе, выказываемое одинаково организаціями предпринимателей и рабочихъ, обнародовать важные факты въ сильной степени обязано ложнымъ идеямъ о характерѣ промышленности, которыя могутъ быть отчасти уничтожены воспитаніемъ; и если не удается ихъ искоренить такимъ образомъ, общественный интересъ долженъ ихъ уничтожить силой.

Не нужно однако предположить, что самая совершенная прозрачность промышленности, также какъ уничтоженіе всѣхъ политическихъ барьеровъ свободной торговлѣ, приведетъ къ желательному соотвѣтствію между здоровымъ общественнымъ организмомъ и окружающей средой машиннаго производства. Полная свобода торговли дала бы ходъ,

ускорила и облегчила бы дѣйствіе тѣхъ крупныхъ экономическихъ силъ, которыя мы видѣли въ дѣйствіи; а именно: тенденцію капитала скопляться во все меньшее число большихъ массъ, и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ можно держать трудъ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ, соотвѣтствующая, но болѣе медленная и менѣе полная организація труда въ крупныя массы, потокъ рабочаго населенія въ города, вмѣстѣ съ большимъ утилизированіемъ женщинъ и (гдѣ это возможно) дѣтей для промышленной работы; заостреніе антагонизма по мѣрѣ того, какъ промышленная единица становится больше, и увеличеніе траты продуктивной силы на поступательную коммерческую борьбу; ростъ монополій, вытекающихъ изъ естественныхъ соціальныхъ или экономическихъ источниковъ и дающихъ индивидуумамъ или классамъ право потреблять не производя и своимъ потребленіемъ управлять количествомъ и характеромъ крупныхъ массъ труда.

Полная реализація свободной торговли по всѣмъ направленіямъ не будетъ никоимъ образомъ въ состояніи уничтожить дѣйствіе этихъ силъ, и только еще знаменательнѣе выдвинула бы ихъ дѣятельность.

Для потерь, сопровождающихъ періодическое перепроизводство, замѣчающееся во время промышленнаго застоя, для страданій, причиняемыхъ все бо́льшимъ колебаніемъ въ цѣнахъ и большей нерегулярностью въ занятіи капитала и труда; для специфическаго зла долгихъ часовъ или излишней интенсивности труда, опасныхъ и нездоровыхъ условій занятія, увеличеннаго занятія женщинъ и дѣтей и роста городской жизни,—для всего этого свобода торговли вмѣстѣ съ гласностью промышленныхъ операцій не могутъ служить цѣлительнымъ средствомъ.

Мы видѣли, что эти поврежденія, причиняемыя индивидуумамъ и группамъ индивидуумовъ, а черезъ нихъ и обществу, естественно и необходимо возникаютъ изъ неограниченнаго дѣйствія просвѣщеннаго эгоизма индивидуумовъ и группъ индивидуумовъ, занятыхъ пріобрѣтеніемъ для себя, при помощи всѣхъ доступныхъ имъ промышленныхъ средствъ, наибольшаго количества денегъ.

Поскольку все это зло есть по формѣ или величинѣ продуктъ послѣднихъ двухъ столѣтій, его можно въ сильной степени приписать способамъ производства, контроли-

руемымъ машинами, и соціальной оцѣнкѣ машинныхъ продуктовъ, которая даетъ машинамъ эту контролирующую власть.

Если это такъ, то прогрессъ, который уничтожитъ это зло и обезпечитъ за человѣчествомъ возможность пользоваться машинами, не терпя отъ ихъ дурныхъ сторонъ, пойдетъ по двумъ направленіямъ, изъ которыхъ каждое нужно разсмотрѣть отдѣльно: 1) подходящій общественный контроль надъ машиннымъ производствомъ, 2) воспитаніе въ искусствѣ потребленія, которое укажетъ соотвѣтствующія границы сферѣ машиннаго производства.

Что машинѣ, подверженной неограниченному руководству коммерческихъ интересовъ индивидуума или класса, нельзя съ безопасностью довѣрить работу на благо всего общества, теперь уже допускается всѣми, кто признаетъ желательность или необходимость ограничивающаго законодательства фабричныхъ законовъ, законовъ о регулированіи работъ въ рудникахъ и вообще увеличенія разныхъ предусмотрѣній со стороны общества, чтобы охранить себя отъ экономическихъ, гигіеническихъ и другихъ поврежденій, вытекающихъ изъ условій современной промышленной жизни.

Эти предусмотрѣнія, назначены ли они для непосредственнаго охраненія интересовъ класса рабочихъ, какъ напр. въ случаѣ фабричныхъ законовъ, или для охраненія потребляющей публики, какъ напр. въ случаѣ законовъ о фальсификаціи, нужно разсматривать какъ признаніе антагонизма между кажущимися интересами индивидуумовъ и всѣмъ обществомъ, отъ котораго общество обязано охранять себя.

Все это законодательство справедливо истолковывается какъ ограниченіе индивидуальной индустріи при современныхъ способахъ производства,—ограниченіе, требующееся въ интересахъ самаго общества. Неконтролируемое машинное производство принудило бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ шести- или восьмилѣтнихъ дѣтей работать 10 часовъ въ день на нездоровой фабрикѣ, ввело бы вдругъ орды китайцевъ и другой „дешевый“ трудъ, чтобы вытѣснить туземный трудъ, привыкшій къ болѣе высокому уровню комфорта, позволило бы фабриканту губить потребителя зловредной фальсификаціей своихъ товаровъ; оно заставило бы выплачивать заработную плату чеками

ками на лавки, владѣемыя и контролируемыя хозяевами, оно заставило бы рабочихъ скучиваться вмѣстѣ въ зараженныхъ берлогахъ и порождать физическія и моральныя болѣзни, которыя были бы губительны для всего общества. Нужда во все болѣе сильномъ общественномъ контролѣ надъ современнымъ машиннымъ производствомъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда производство остается въ главномъ подъ руководствомъ частной предпріимчивости, допускается теперь всѣми, хотя развитіе этого контроля не было повсюду одинаково и опредѣлялось скорѣе давленіемъ конкретныхъ жалобъ, чѣмъ принятіемъ какой-нибудь ясной теоріи общественной отвѣтственности.

Другія ограниченія индивидуальной свободы въ индустріи предполагаютъ болѣе ясное признаніе ложности принципа laissez faire. Перенятіе государствомъ, или муниципалитетомъ, или другими единицами соціальной жизни различныхъ отдѣловъ индустрій, какъ, напр., желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ и почты, есть ясное утвержденіе, что при оказаніи обыкновенныхъ услугъ, составляющихъ цѣль этихъ индустрій, нельзя надѣяться, что конкуренція частныхъ интересовъ будетъ работать на благо общества.

Индустріи, которыя государство ограничиваетъ, или контролируетъ въ интересахъ или одного класса рабочихъ, или же потребляющей публики, можно разсматривать, какъ индустріи, переходящія отъ состоянія частной конкуренціи въ чуждое конкуренціи общественное состояніе. Если поэтому мы желаемъ опредѣлить, какъ далеко и въ какомъ направленіи будетъ совершаться общественный контроль надъ современнымъ производствомъ, мы должны изслѣдовать тѣ индустріи, которыя уже проявляютъ коллективный характеръ. Мы найдемъ, что онѣ бываютъ двухъ родовъ: 1) индустріи, гдѣ размѣръ и структура предпріятій таковы, что защита, которую потребляющая публика и рабочіе получаютъ отъ конкуренціи, исчезла или постоянно нарушается; 2) индустріи, въ которыхъ потеря и ущербы излишней конкуренціи перевѣшиваютъ потерю въ предпріимчивости, которая будетъ причинена уничтоженіемъ или ограниченіемъ побужденія, даваемаго надеждой на личный выигрышъ. Какъ мы уже видѣли при анализѣ „трестовъ“, эти двѣ отличительныя черты, пагубная конкуренція и монополія, находятся часто въ тѣсной связи: первая означаетъ процессъ

интенсивной борьбы, конечный исходъ изъ которой есть достиженіе спокойнаго пріюта монополіи. Говоря вообще, соціальный контроль, когда дѣло касается чрезмѣрно конкурирующихъ индустрій, ограничивается законодательными мѣрами относительно условій работы и качества товаровъ. Только тѣ индустріи проявляютъ тенденцію къ переходу подъ общественную администрацію, въ которыхъ предметомъ монополіи является общій и необходимый предметъ потребленія, и гдѣ поэтому подъемъ цѣны значительно выше обыкновенной нормы при конкуренціи не успѣлъ бы вызвать новую сильную конкуренцію. Такъ какъ общая тенденція индустріи, поскольку она подпадаетъ подъ экономіи современныхъ машинъ и способовъ производства, идетъ или по направленію къ разрушительной конкуренціи, или къ монополіи, то можно ожидать, что государственное вмѣшательство или государственныя предпріятія будутъ постоянно расширяться. Растущую соціализацію индустріи нужно разсматривать, какъ естественное приспособленіе общества къ новымъ условіямъ машиннаго производства. Такъ какъ при экономіяхъ машиннаго производства промышленная единица, т. е. масса капитала и труда, образующая „фирму“ или „предпріятіе“, становится все больше въ размѣрѣ и болѣе могущественна въ своихъ операціяхъ, то общественныя неурядицы, которыя она можетъ причинить своей частной дѣятельностью, далеко захватывающіе и важные результаты напряженнаго состоянія ея конкуренціи, вѣроятность антисоціальнаго пользованія съ ея стороны своей монополистической властью надъ цѣлымъ или частью своего рынка будутъ по необходимости все увеличиваться. Желѣзнодорожная индустрія и перевозка по водѣ напр. въ странахъ, какъ Англія и Соединенные Штаты, достигли уже такой степени промышленнаго развитія, что соціальная опасность, угрожающая отъ произвольнаго установленія перевозочныхъ тарифовъ одной компаніей или союзомъ компаніи, съ одной стороны, и отъ стачки желѣзнодорожныхъ рабочихъ и „докеровъ“, или лишенія ихъ работы со стороны компаніи (lock-out) съ другой стороны, начинаетъ все болѣе признаваться съ каждымъ годомъ. Быстро растущая организація капитала и труда, особенно въ основныхъ индустріяхъ угля и желѣза и и машиностроенія, въ машинно-транспортныхъ индустріяхъ

и въ большинствѣ самыхъ развитыхъ отраслей обрабатывающей промышленности даетъ одному классу работодателей или рабочихъ, или комбинаціи обоихъ силу во всякій моментъ парализировать всю или крупную часть всей промышленности страны съ цѣлью удовлетворить своимъ чисто частнымъ интересамъ, или отомстить кому-либо, или же выиграть какой-нибудь стратегическій пунктъ, который далъ бы имъ возможность укрѣпить свою силу конкуренціи или выиграть монополію. Хотя организація массы капитала и труда можетъ, какъ часто утверждаютъ, дѣлать промышленную борьбу менѣе частой, тѣмъ не менѣе послѣдствія такой борьбы для болѣе широкаго круга публики, которая не имѣетъ возможности подавать свой голосъ за войну или миръ, болѣе важны. Болѣе того, по мѣрѣ того, какъ эти частныя движенія капитала и труда продолжаются, вѣроятность соединеннаго дѣйствія между работодателями и рабочими въ отдѣльной индустріи, чтобы обезпечить за собой нѣкоторыя преимущества, становится факторомъ все возрастающей важности въ промышленной эволюціи.

Трэдъ-юніонистическое движеніе и развитіе разныхъ формъ кооперації, какъ бы они ни были важны со многихъ точекъ зрѣнія, не представляютъ собой цѣлительнаго средства противъ главныхъ формъ экономической монополіи и экономической растраты силы; они только могутъ измѣнить личность монополиста и расширить число монополистовъ и измѣнить характеръ, но не количество экономическихъ потерь. Общество находитъ все болѣе глубокій и болѣе жизненный интересъ въ экономическомъ управленіи машинами для транспорта, и этотъ интересъ ни на волосъ не будетъ болѣе удовлетворенъ, чѣмъ теперь, если бы практическій контроль надъ желѣзными дорогами и доками находился въ рукахъ Союза рабочихъ на докахъ (Dockers' Union) или Соединеннаго общества служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ (Amalgamated Society of Railway Serwants), или же въ рукахъ соединеннаго совѣта директоровъ и чиновниковъ рабочихъ организацій. Напротивъ, успѣшная организація капитала и труда въ какой-нибудь промышленности болѣе вѣроятно придерживалась бы политики, противоположной интересамъ всей публики, чѣмъ теперь, потому что такая политика имѣла бы гораздо больше шансовъ на успѣхъ.

Когда говорятъ, что современная индустрія становится все болѣе коллективной въ своемъ характерѣ, и что она поэтому требуетъ коллективнаго контроля, то подъ этимъ подразумѣваютъ, что при современномъ состояніи промышленнаго развитія промышленное общество, взятое въ цѣломъ, равно какъ и потребляющая публика имѣютъ больше интереса въ каждой долѣ такъ называемыхъ частныхъ предпріятій, чѣмъ когда-либо въ другое время, и оно поэтому требуетъ какой-нибудь гарантіи, что этотъ интересъ не будетъ игнорироваться. Когда индустрія находится въ такомъ состояніи и на такой стадіи развитія, что осталась одна только острая конкуренція безъ ненужныхъ потерь, тогда этотъ общественный интересъ можетъ быть охраненъ посредствомъ законодательныхъ ограничительныхъ мѣропріятій. Когда же такой частичный контроль недостаточенъ для охраненія интересовъ общества противъ монополіи и напрасныхъ растратъ, тогда государственное завѣдываніе, на національномъ, муниципальномъ или какомъ-нибудь другомъ базисѣ, который окажется экономически выгоднымъ, должно занять мѣсто частнаго веденія предпріятій, которое стало опаснымъ для общества. Эта необходимость становится ясной, какъ только понятіе о предпріятіи, какъ о чемъ-то совершенно „частномъ“, „касающемся самаго себя“, уничтожается пониманіемъ сложной соціальной природы каждаго коммерческаго акта. Какъ только схватывается идея о соціальномъ промышленномъ организмѣ, вопросъ о государственномъ вмѣшательствѣ или о государственномъ веденіи индустріи становится вопросомъ общественной полезности, т. е. вопросомъ, насколько государственное веденіе необходимо въ виду даннаго положенія вещей въ данномъ случаѣ или нѣтъ. Въ сильной степени этотъ соціальный контроль долженъ быть разсматриваемъ, не какъ необходимая защита противъ монополистической силы индивидуумовъ, но какъ необходимый шагъ для охраненія частной собственности въ предѣлахъ общаго блага. Современное развитіе машинъ, какъ мы видѣли, позволяетъ и поощряетъ ненужное разрушеніе формъ капитала при помощи конкуренціи новыхъ сбереженій, употребляемыхъ антисоціальнымъ образомъ. Оно также стремится къ частому уничтоженію стоимости рабочей силы, составляющей единственную собственность рабочихъ массъ. „Владѣніе собственнымъ трудомъ, составляющее

самый первый фундаментъ человѣка, есть также самая священная и самая ненарушимая частная собственность" [1]).

Всякая конкуренція сопровождается нѣкоторой растратой экономической силы; нѣкоторая опасность монополіи связана съ каждымъ частнымъ веденіемъ индустріи. Коллективный контроль справляется съ этими растратами и опасностями, приспособляя себя къ ихъ размѣру и характеру.

На вопросъ о томъ, какъ далеко и какъ быстро будетъ расширяться этотъ коллективный контроль, мы не можемъ дать болѣе опредѣленнаго отвѣта, чѣмъ тотъ, что по мѣрѣ того, какъ все большее и большее число индустрій переходитъ въ состояніе самыхъ высоко развитыхъ современныхъ машинныхъ производствъ и будетъ проявлять крупныя экономіи, связанныя съ крупными растратами и опасностями, все большія части индустріи будутъ подвергаться законодательнымъ ограниченіямъ или прямо перейдутъ подъ завѣдываніе государства.

Эволюція въ структурѣ капиталистическаго предпріятія, порождая болѣзни промышленнаго застоя, „потѣнія" (sweating) и т. д., прокладываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ дорогу и облегчаетъ дѣло соціальнаго контроля. Легче устроить надлежащій надзоръ надъ немногими крупными фабриками, чѣмъ надъ многими малыми, легче рѣшать третейскимъ судомъ, когда капиталъ и трудъ стоятъ другъ противъ друга, организованные въ крупныя массы, городу легче перенять завѣдываніе крупными акціонерными предпріятіями, какъ свѣтильный газъ, вода или городскія желѣзныя дороги. Каждое законодательное вмѣшательство, въ родѣ инспекціи или болѣе слабаго контроля, ускоряетъ эволюцію индустріи и приближаетъ время, когда она становится монополіей, которая требуетъ уже болѣе полнаго контроля, и наконецъ переходитъ въ ряды публичныхъ индустрій.

Изъ этого такимъ образомъ слѣдуетъ, что если pari passu съ этой эволюціей не будутъ возникать или расширяться другія индустріи, которыя не такъ приспособлены для крупнаго машиннаго производства, и которыя, слѣдовательно, не подвергаются связаннымъ съ этимъ опасностямъ и растратамъ, коллективизмъ будетъ поглощать все бо́льшую часть промышленной дѣятельности.

---

[1]) Wealth of Nations, стр. 110.

Есть два класса продуктивной дѣятельности, которые повидимому не подпали подъ машинное производство и капитализмъ въ его типической формѣ. Къ первому классу относится та работа, которую машина технически можетъ исполнять, но которую она экономически не можетъ предпринять, пока есть въ распоряженіи огромное количество дешеваго труда. Этотъ классъ включаетъ все, что обыкновенно называютъ „потными“ отраслями промышленности (sweating trades), домашнюю индустрію, пользующуюся дешевымъ малоискуснымъ трудомъ. Ко второму классу относится артистическая интеллектуальная работа, которая не можетъ съ успѣхомъ быть предпринята машиной. Отрасли перваго класса всякій признаетъ случаями остановленнаго развитія. Неправильность работы во многихъ самыхъ развитыхъ индустріяхъ, безпрестанное вытѣсненіе искуснаго труда машинами, слѣпая миграція труда изъ отдаленныхъ частей держатъ крупные промышленные центры наполненными неискуснымъ и необученнымъ трудомъ, который можно покупать такъ дешево, что во многихъ изъ самыхъ низкихъ отраслей промышленности предпринимателю не стóитъ тратить капиталъ на обзаведеніе дорогими машинами и на ихъ веденіе. Соціальный и моральный прогрессъ промышленныхъ націй требуетъ, какъ первое условіе методическаго прогресса, чтобы эти случаи остановленнаго роста поглотились бы въ общую массу машинной индустріи. Эти задачи о „потной индустріи“ (sweating trades), о безработицѣ, о классѣ пауперовъ, составляющихъ естественный результатъ развитія системы конкуренціи, гдѣ каждый конкурентъ работаетъ на свой рискъ и страхъ, никогда не могутъ быть рѣшены частнымъ дѣйствіемъ просвѣщеннаго эгоизма, развѣ только это просвѣщеніе приметъ такую альтруистическую форму, которая не согласовалась бы съ продолженіемъ системы конкуренціи. Въ этомъ и состоитъ ложная точка зрѣнія тѣхъ реформаторовъ, которые хотятъ лѣчить промышленныя болѣзни посредствомъ гуманизаціи частнаго работодателя. Цѣлый классъ настолько гуманныхъ и дальнозоркихъ предпринимателей, чтобы систематически стремиться къ благосостоянію своихъ рабочихъ (а для этого непремѣнно долженъ быть захваченъ весь классъ предпринимателей, такъ какъ въ противномъ случаѣ менѣе благотворительные работодатели продавали бы дешевле, чѣмъ ихъ

болѣе благотворительные коллеги, и вытѣснили бы ихъ), были бы уже настолько цивилизованы, чтобы также не желать больше конкурировать другъ съ другомъ и этимъ подрывать дѣла другъ друга; они изъ чисто хорошихъ намѣреній организовались бы въ „монополію“, и, ведя эту монополію исключительно въ свою пользу и въ пользу своихъ рабочихъ, они вымогали бы чрезмѣрно высокія цѣны у потребляющей публики; а если бы ихъ благотворительность простиралась бы и на ихъ покупателей, то они соціализировали бы свое дѣло и вели бы его на благо всего общества. Такая форма соціализированной индустріи, зависящая отъ моральнаго характера отдѣльныхъ индивидуумовъ, обладала бы всѣми слабостями, въ которыхъ обвиняютъ государственный соціализмъ, не обладая воспитательными преимуществами или обезпеченностью и устойчивостью этой системы. Искать спасенія въ характерахъ „вождей промышленности“ и сентиментально, и не научно. Стоитъ только смотрѣть на „потныя“ индустріи, какъ на случаи остановленнаго развитія, и мы сейчасъ увидимъ, что ходъ прогресса будетъ вести къ поглощенію этихъ отсталыхъ индустрій въ главный потокъ промышленнаго движенія, предоставляя имъ прэйти необходимыя фазы машиннаго производства и подвергаться все большей потребности въ соціальномъ контролѣ, пока онѣ достаточно созрѣютъ, чтобы общество могло ихъ перенять. Тогда останутся внѣ капиталистическаго машиннаго производства только артистическіе роды труда, и послѣдніе поэтому носятъ индивидуалистическій характеръ.

Мы теперь стоимъ лицомъ къ лицу съ главнымъ возраженіемъ, которое такъ часто поднимается противъ всѣхъ попытокъ излѣчить промышленныя и соціальныя болѣзни посредствомъ расширенія публичнаго контроля. Конкуренція и ревность, связанная съ надеждой на личный выигрышъ, утверждаютъ многіе, есть самый успѣшный побудительный мотивъ къ предпріимчивости и открытіямъ. Принимая даже, что структурно общество можетъ офиціально завѣдывать индустріей, установленіе такого промышленнаго порядка было бы смертельнымъ ударомъ промышленному прогрессу. Борьба, опасность и растраты, связанныя съ промышленной конкуренціей, составляютъ необходимыя условія промышленной жизненности.

Сколько же правды въ этихъ возраженіяхъ при свѣтѣ тѣхъ знаній, который намъ дало изслѣдованіе промышленнаго развитія! Нужно прежде всего понять, что экономическій индивидуалистъ не консерваторъ, защищающій установленный порядокъ и указывающій на опасности, сопровождающія предполагаемыя нововведенія. Нашъ анализъ структуры современной индустріи показалъ, что прогрессивная соціализація нѣкоторыхъ классовъ индустрій есть такой же естественный и необходимый шагъ въ порядкѣ событій, какъ и болѣе ранніе шаги, которыми машинная индустрія замѣстила ремесленный трудъ и кристаллизировалась во все бо́льшія массы съ измѣняющимися отношеніями другъ къ другу. Обвиненіе противъ соціальнаго контроля надъ индустріей есть обвиненіе противъ естественнаго порядка событій и основывается на томъ, что природа избрала плохую дорогу для прогресса. Можно только тогда разсматривать законодательное дѣйствіе, посредствомъ котораго устанавливается общественный контроль надъ индустріей, какъ нѣчто неестественное и искусственное, если исключить изъ „природы“ тѣ соціальныя силы, которыя находятъ свое выраженіе въ парламентскихъ законахъ, что́ опять-таки абсолютно ненаучный образъ мышленія.

Но хотя это постоянное расширеніе соціальнаго контроля нельзя разсматривать, какъ „средство борьбы противъ природы вещей“ [1]), тѣ, которые полагаютъ, что у насъ нѣтъ гарантіи за будущее развитіе человѣческой расы, могутъ смотрѣть на это, какъ на одинъ путь, въ которомъ выражается прогрессирующее ослабленіе человѣка; на отказъ отъ индивидуальной борьбы въ торговлѣ можно смотрѣть, какъ на признакъ уменьшающейся жизненности, которая ищетъ освобожденія отъ личныхъ усилій и предпочитаетъ состояніе равнаго распредѣленія матеріальныхъ комфортовъ рискамъ и возбужденію болѣе трудной и болѣе полной приключеніями карьеры. Порядокъ будетъ купленъ цѣной прогресса: отказъ отъ личной предпріимчивости въ индустріи есть часть паденія человѣчества. Такъ истолковываетъ Пэрсонъ въ своемъ „National Life and Character“ соціалистическія тенденціи нашего вѣка: уничтоженіе конкуренціонной индустріи для излѣченія бѣдности, нищеты и соціальной несправедливости произведетъ общество, которое

[1]) Spencer, Contemporary Review. Мартъ 1884.

будетъ „чувственнымъ и безсильнымъ". Вѣрность такого сужденія основывается на двухъ предположеніяхъ: 1) что соціальный контроль индустріи по необходимости разрушитъ духъ индивидуальной предпріимчивости и остановитъ промышленный прогрессъ; 2) что расширеніе государственнаго контроля надъ капиталистической индустріей необходимо предполагаетъ уменьшеніе сферы индивидуальнаго контроля въ производствѣ богатства.

Первое предположеніе открыто для многихъ критическихъ замѣчаній, которыя значительно ослабляютъ его силу и которыя можно резюмировать слѣдующимъ образомъ:

1) Много личной предпріимчивости не ручается еще за промышленный прогрессъ. Все бо́льшая и бо́льшая часть энергіи, затрачиваемой въ конкуренціи, идетъ на ужасную борьбу между промышленными соперниками, которая не приноситъ съ собой ни прогресса въ промышленныхъ искусствахъ, ни увеличенія матеріальнаго богатства.

2) Исторія не показываетъ, что стремленіе къ наживѣ было мотивомъ крупныхъ шаговъ въ развитіи промышленности. Любовь къ наукѣ, чистое наслажденіе, доставляемое механическимъ изобрѣтеніемъ, достиженіе нѣкотораго незначительнаго преимущества въ трудѣ и простой случай играютъ самую крупную роль въ исторіи промышленныхъ усовершенствованій. Эти мотивы будутъ такъ же хорошо дѣйствовать при государственномъ контролѣ, какъ и при частной предпріимчивости.

3) Тѣ личныя побужденія, которыя могутъ служить полезнымъ стимуломъ для изобрѣтательной способности, могутъ быть предлагаемы и индустріей, контролируемой обществомъ, не только въ видѣ извѣстности и чести, но въ формѣ такихъ прямыхъ матеріальныхъ вознагражденій, которыя могутъ оказаться полезными.

Исторія промышленности учитъ, что въ современной индустріи, основанной на конкуренціи, мотивъ, доставляемый надеждой на личный выигрышъ, растрачивается самымъ безполезнымъ образомъ. Съ одной стороны, вся масса интеллигентныхъ рабочихъ не имѣетъ надежды на то, что имъ удастся получить надлежащее вознагражденіе за какое-нибудь спеціальное приложеніе ума къ механическимъ изобрѣтеніямъ или къ другому улучшенію промышленныхъ искусствъ. Только немногіе изъ крупныхъ современныхъ

изобрѣтателей разбогатѣли, благодаря своимъ изобрѣтеніямъ. Съ другой стороны, предприниматель, у котораго было достаточно дѣлового ума, чтобы оцѣнить рыночную стоимость какого-нибудь усовершенствованія, часто пожинаетъ такое матеріальное вознагражденіе, которое гораздо превышаетъ то, что́ требовалось бы экономически, чтобы побудить его предпринять это новое дѣло.

4) Тѣ же обвиненія въ ослабленіи индивидуальнаго интереса, недостаткѣ пластичности и предпріимчивости, рутинной неподвижности въ сильной степени приложимы ко всякому крупному предпріятію въ сравненіи съ малымъ. Адамъ Смитъ считалъ ихъ фатальными препятствіями росту акціонерныхъ предпріятій за предѣлы узкой сферы дѣятельности. Но оказалось, что экономіи крупнаго предпріятія превышаютъ эти дурныя стороны. Такимъ образомъ хорошо устроенная государственная индустрія можетъ быть самой экономной, не смотря на уменьшеніе эластичности и предпріимчивости.

Но въ то время, какъ всѣ эти аргументы ослабляютъ силу возраженія, что государственный контроль несовмѣстимъ съ промышленнымъ прогрессомъ, они еще не опровергаютъ этого возраженія. Принятіе на себя государствомъ различныхъ функцій, какъ военныхъ, судебныхъ, индустріальныхъ, оправдывается только тѣмъ, что правильная рутина въ этихъ областяхъ важнѣе потери эластичности и уменьшенія скорости прогресса. Военныя и судебныя искусства по всей вѣроятности стояли бы теперь выше, если бы они находились въ частныхъ рукахъ, чѣмъ подъ вѣдомствомъ государства, и нѣтъ основанія отрицать, что почта и желѣзныя дороги болѣе медленно примѣняютъ усовершенствованія, когда онѣ находятся подъ контролемъ государства.

Въ общемъ можно допустить, что по мѣрѣ того, какъ крупныя современныя индустріи выходятъ изъ состоянія частныхъ монополій и становятся достояніемъ государства, въ нихъ будетъ все болѣе увеличиваться ихъ рутинный характеръ, и онѣ сдѣлаются все менѣе экспериментальными и все болѣе механическими. Машина по существу немеханична, и совершенствованіе машинъ въ индустріи, равно какъ и единичныхъ машинъ, будетъ состоять въ усовершенствованіи рутины. Соотвѣтственно установленію гос-

подства машины въ разныхъ индустріяхъ, эти послѣднія будутъ увеличиваться въ размѣрѣ, уменьшаться въ гибкости и сдѣлаются готовыми, какъ рутинныя предпріятія, къ переходу въ ряды государственныхъ индустрій. Если бы главной цѣлью общества было безпрерывное прогрессированіе въ военныхъ искусствахъ и достиженіе совершенства въ военномъ воспитаніи, было бы лучше оставить военное дѣло въ частныхъ рукахъ, вмѣсто превращенія его въ государственную монополію Общество пожертвовало этой конкуренціей, вмѣстѣ съ связаннымъ съ ней прогрессомъ и приспособленіемъ личности, для того, чтобы личная предпріимчивость его членовъ проявлялась въ конкуренціи въ промышленныхъ искусствахъ и вызывала бы промышленный прогрессъ и связанное съ этимъ приспособленіе личности къ промышленности. Замѣщеніе военнаго дѣла индустріализмомъ не нужно однако понять такимъ образомъ, будто оно уменьшаетъ личную предпріимчивость, оно только мѣняетъ его приложеніе.

Если, исходя изъ этой точки зрѣнія, мы будемъ смотрѣть на человѣческую жизнь, какъ на состоящую изъ безчисленнаго множества дѣятельностей различныхъ сортовъ, оперирующихъ въ различныхъ областяхъ конкуренціи и воспитывающихъ различную „приспособленность“, мы поймемъ мѣсто данной фазы промышленнаго развитія съ болѣе широкой философской точки зрѣнія. Весь прогрессъ отъ первобытной дикости до современной цивилизаціи окажется въ прогрессивной соціализаціи болѣе низкихъ функцій, въ прекращеніи болѣе низкихъ формъ конкуренціи и въ воспитаніи низменныхъ свойствъ, такъ чтобы все бо́льшая и бо́льшая часть индивидуальной дѣятельности могла была бы тратиться на управленіе болѣе высокихъ функцій, на конкуренцію въ высшихъ сферахъ и на воспитаніе высшихъ формъ приспособленности.

Если это обнаруживается даже исторіей прошлой цивилизаціи, то можно уже à priori предположить, что каждый дальнѣйшій шагъ въ подавленіи индивидуальной предпріимчивости и въ расширеніи государственнаго контроля не будетъ означать абсолютнаго уменьшенія личной дѣятельности или ослабленія попытокъ проявлять себя, но вызоветъ только возвышеніе сферы конкуренціи и рода человѣческихъ качествъ, занятыхъ этой конкуренціей. Въ

этомъ именно и состоитъ философская защита прогрессивнаго соціализма, что человѣческій прогрессъ требуетъ, чтобы болѣе низкія матеріальныя животныя функціи одна за другой низводились до степени рутины, съ той цѣлью, чтобы все большая часть личныхъ усилій посвящалась упражненію высшихъ функцій и воспитанію посредствомъ борьбы высшихъ качествъ.

Предположеніе, что сведеніе всей машинной индустріи къ публичной рутинной службѣ, когда это станетъ возможнымъ, означаетъ уменьшеніе сферы самодѣятельности личности, основано на очевидной ошибкѣ,—будто бы есть неизмѣнная опредѣленная граница человѣческому интересу и дѣятельности, такъ что всякое поползновеніе со стороны рутины уменьшаетъ абсолютную сферу человѣческой произвольной дѣятельности и интересовъ. Если, какъ есть основанія предположить, область человѣческихъ желаній и дѣятельности, занятой ихъ удовлетвореніемъ, безгранична, то утвержденіе, что съ увеличеніемъ государственнаго контроля произойдетъ уменьшеніе поля дѣятельности индивидуальной предпріимчивости, ни на чемъ не основано. Истинный мотивъ, который одинъ можетъ оправдать и объяснить каждый шагъ въ прогрессивномъ соціализмѣ, это достиженіе чистой экономіи въ индивидуальныхъ усиліяхъ, которыя, освободившись отъ болѣе низкихъ сферъ конкуренціи, сумѣютъ быть посвящены болѣе высокимъ. Если бы слѣдствіемъ расширенія соціальнаго контроля было бы одно только приведеніе къ общему уровню матеріальнаго комфорта, сопровождаемому духовной и интеллектуальной тупостью, то это движеніе могло было бы называться естественнымъ и неизбѣжнымъ, но его наврядъ ли можно было называть прогрессомъ.

Но такой взглядъ основанъ на отрицаніи аксіомы, что удовлетвореніе одной потребности вызываетъ другое. Опытъ показываетъ, что индивидуальность не падаетъ, но трансформируется. При соціализированной индустріи прогрессъ въ промышленныхъ искусствахъ будетъ, пожалуй, медленнѣе, поглотитъ меньше индивидуальнаго интереса, но это для того, чтобы прогрессъ въ интеллектуальныхъ и моральныхъ искусствахъ могъ совершаться скорѣе и занималъ бы большую часть жизни. Для будущихъ поколѣній болѣе развитаго человѣчества специфическій варваризмъ нашего

вѣка будетъ состоять въ томъ, что большая часть нашего интеллекта, предпріимчивости и генія посвящались совершенствованію искусствъ матеріальнаго производства при помощи механическихъ средствъ. Если желательно, чтобы побольше этой индивидуальной энергіи тратилось на производство высшихъ формъ богатства при помощи конкуренціи въ высшихъ сферахъ, то этого можно достигнуть однимъ только процессомъ низведенія до степени рутины низшихъ функцій. Высшій прогрессъ можетъ быть только купленъ экономіей въ работѣ низшей формы прогресса, свободное сознательное выраженіе высшей индивидуальности—цѣной рутиннаго подчиненія низшей индивидуальности. Промышленный прогрессъ несомнѣнно былъ бы медленнѣе при государственномъ контролѣ, потому что самая цѣль такого контроля состоитъ именно въ отвращеніи все большей пропорціи человѣческаго генія и усилій отъ этихъ занятій, чтобы приложить ихъ къ производству высшихъ формъ богатства. Нельзя однако предположить, что прогрессъ въ промышленныхъ искусствахъ прекратился бы при государственной индустріи; такой прогрессъ былъ бы медленнѣе и самъ принялъ бы рутинный характеръ—медленное и безпрерывное приспособленіе механизма производства и распредѣленія къ медленно мѣняющимся потребностямъ общества.

Очень серіозное недоразумѣніе относительно хода промышленнаго развитія вытекаетъ изъ убѣжденія, что все производство матеріальнаго богатства проявляетъ тенденцію сдѣлаться машиннымъ, что все увеличивающаяся часть рабочихъ сдѣлаются въ будущемъ машинными рабочими, и что государственный контроль надъ машинной индустріей превратитъ большинство лицъ въ офиціальныхъ рабочихъ при машинѣ. Это однако ни на чемъ не основанное пророчество. При конкуренціонной машинной индустріи, хотя каждому единичному предпріятію выгодно „сберегать“ возможно больше труда, игра конкуренціи доводитъ до того, что строится и употребляется гораздо больше машинъ, чѣмъ требуется для поддержанія текущей нормы потребленія, и такимъ образомъ въ обрабатывающей промышленности занято гораздо больше рабочихъ, чѣмъ это общественно необходимо. Тѣмъ не менѣе въ такой типической фабричной странѣ, какъ Англія, статистика показываетъ, что пропорція населенія, занятая при машинномъ производствѣ, не

увеличивается. Если поэтому при постепенномъ уменьшеніи конкуренціи въ машинной индустріи держать только столько рабочихъ при машинахъ, сколько требуется для удовлетворенія потребностей общества, то пропорція машинныхъ рабочихъ была бы меньше, чѣмъ теперь, принимая, конечно, что спросъ на машинныя издѣлія остается неизмѣннымъ.

Но что, могутъ сказать, станетъ съ той все увеличивающейся пропорціей рабочихъ, которые не будутъ требоваться для машинной работы? Будутъ они безконечно увеличивать ряды „распредѣлителей“? Будетъ ли число купцовъ, комиссіонеровъ, спекуляторовъ, лавочниковъ, агентовъ, посредниковъ различнаго рода безгранично увеличиваться? Если бы дѣло распредѣленія оставалось въ рукахъ частной предпріимчивости и количество и качество потребленія оставалось такое же, какъ теперь, то дѣйствительно послѣдовалъ бы такой результатъ. Трудъ, сберегаемый въ обрабатывающей промышленности, шелъ бы, какъ это теперь бываетъ, на увеличеніе интенсивности въ распредѣлительныхъ отрасляхъ промышленности и на подраздѣленіе на ненужные обломки, необходимое, но ограниченное количество распредѣлительной работы. Но эти предположенія невѣрны. Если, какъ это кажется вѣроятнымъ, увеличивающаяся интенсивность конкуренціи будетъ вызывать ростъ сильныхъ монополій въ нѣкоторыхъ отрасляхъ распредѣленія, то антисоціальная сила, которую эта монополія даетъ нѣкоторымъ индивидуумамъ, вызоветъ потребность въ распространеніи государственнаго контроля и на нихъ. Дѣло распредѣленія тоже сдѣлается такимъ образомъ рутинной работой, управляемой обществомъ въ интересахъ общества же. Такимъ образомъ кругъ соціализированной индустріи расширялся бы до тѣхъ поръ, пока онъ охватитъ одну за другой всѣ индустріи, носящія машинный характеръ и приспособленныя къ рутинному управленію. Можетъ такимъ образомъ показаться, что послѣ всего этого всѣ предсказанія индивидуалиста могутъ оправдаться, что работа жизни будетъ сведена къ тупому монотонному механизму, вымалывающему подъ бюрократической ферулой одинаковое количество матеріальнаго комфорта для общества, поглощеннаго удовлетвореніемъ своихъ обычныхъ потребностей.

Это кажется неизбѣжнымъ, если мы предположимъ, что не произойдетъ никакого измѣненія ни въ каче-

ствѣ, ни въ количествѣ потребленія общества, что индивидуальные потребители будутъ сберегать или стараться сберегать ту же пропорцію своихъ доходовъ, какъ и теперь, и будутъ тратить ту часть своихъ доходовъ, которую они расходуютъ на покупку увеличивающихся количествъ все дешевѣющихъ машинныхъ издѣлій.

Но имѣемъ ли мы право считать даже вѣроятнымъ, что потребленіе остается и количественно, и качественно неизмѣннымъ. По мѣрѣ того, какъ крупныя индустріи становятся монополіями, въ частныхъ ли рукахъ или подъ государственнымъ контролемъ, кругъ вѣрныхъ и прибыльныхъ помѣщеній капитала для средняго „сберегающаго“ человѣка будетъ все болѣе ограничиваться. Такимъ образомъ прекратятся нѣкоторыя безполезныя сбереженія въ видѣ излишнихъ машинъ, орудій и другихъ формъ капитала. Другими словами, количество потребленія будетъ увеличиваться, и это увеличеніе дастъ болѣе полное занятіе машинамъ для производства и труду, работающему при этихъ машинахъ, равно какъ и занятому распредѣленіемъ этого увеличеннаго продукта. Если бы однако увеличенное потребленіе приняло бы только форму потребленія въ большихъ количествахъ тѣхъ же матеріальныхъ продуктовъ, что́ и раньше, то выигрышъ ограничивался бы подъемомъ матеріальнаго комфорта бѣдныхъ классовъ, и этотъ выигрышъ уравновѣсился бы усиленной и отупляющей роскошью зажиточныхъ классовъ. Одно только увеличеніе въ количествѣ потребленія ничего бы не сдѣлало, чтобы отвратить промышленность отъ перехода въ состояніе бюрократическаго механизма.

Только въ улучшеніи качества и характера потребленія мы можемъ видѣть гарантію соціальнаго прогресса. Мы уже коснулись класса артистической и интеллектуальной работы, которая не можетъ быть предпринята машиной. Никогда не нужно забывать, что искусство есть настоящая антитеза машины. Сущность искусства, въ широкомъ смыслѣ, есть приложеніе индивидуальнаго произвольнаго человѣческаго усилія. Каждый продуктъ искусства есть хранилище индивидуальной мысли, чувства, усилія, чего нѣтъ въ продуктѣ машины. Искусство въ машинной работѣ исчерпано первой мыслью изобрѣтенія машины; чѣмъ болѣе совершенна машина, тѣмъ все меньшая про-

пєрція индивидуальной ловкости и искусства включается въ ея продуктѣ. Духъ машинъ, ихъ огромная сила умножать количество продуктовъ одного и того же образца такъ осилила промышленный міръ, что многіе помѣшались на количественномъ увеличеніи потребленія, хотя по вкусамъ и воспитанію они должны были быть въ состояніи нѣсколько сопротивляться этому. Такимъ образомъ не только нашъ хлѣбъ и наши сапоги дѣлаются машинами, но и многіе изъ такихъ продуктовъ, которые мы называемъ продуктами искусства. Но мы высказываемся противъ вторженія машинъ въ область искусства не потому, что машины не могутъ производить вещи такъ же хорошо и красиво, какъ искусство. Недостаточность машинныхъ издѣлій для человѣческихъ потребностей состоитъ въ томъ, что машинныя издѣлія такъ похожи другъ на друга, въ то время, какъ потребители совсѣмъ другъ на друга не похожи. Пока потребители согласны потопить свою индивидуальность, потреблять продукты одной и той же формы, размѣра, цвѣта и матеріала и ассимилироваться въ своихъ потребностяхъ другъ съ другомъ, машины ихъ могутъ удовлетворить. Но такъ какъ никакіе два индивидуума не вполнѣ похожи другъ на друга по своему физическому, интеллектуальному и моральному характеру, то нужды этихъ двухъ тоже не могутъ вполнѣ совпадать даже въ удовлетвореніи ихъ самыхъ обыкновенныхъ матеріальныхъ потребностей. Такъ какъ господство машины надъ рабочими стремится къ уничтоженію ихъ индивидуальности въ работѣ, заставляя различныхъ рабочихъ исполнять ту же работу одинаковымъ образомъ, награждая ихъ за одно только умѣніе точно и быстро повторять то же самое, оно также стремится къ уничтоженію индивидуальности потребителя, придавая общій характеръ ихъ потребленію. Прогрессивное утилизированіе машинъ зависитъ отъ продолженія этого неразборчиваго потребленія и согласія потребителей тратить каждое увеличеніе своего дохода на пріобрѣтеніе все большихъ количествъ товаровъ одного и того же образца и характера. Стóитъ только разъ предположить, что потребители отказываются подходить подъ общій шаблонъ и все болѣе настаиваютъ на томъ, чтобы ихъ потребленіе вполнѣ соотвѣтствовало ихъ индивидуальнымъ потребностямъ и вкусамъ, и что они стремятся къ удовлетворенію мѣняющихся фазъ

своего индивидуальнаго вкуса, — такая индивидуальность въ потребленіи вызоветъ индивидуальность въ производствѣ, и это низвергнетъ машины съ ихъ трона. Возьмемъ для примѣра выдѣлку платья. Пока публика согласна носить платья нѣкоторыхъ общихъ образцовъ, и которыя только приблизительно „сидятъ хорошо", машины могутъ употребляться для выдѣлки платья, но если бы каждый требовалъ, чтобы каждая одежда удовлетворяла его личному вкусу, и настаивалъ бы, чтобы платье дѣйствительно сидѣло на немъ хорошо и соотвѣтствовало бы его вкусу и личнымъ идеямъ о комфортѣ, то такая работа не могла бы быть исполнена машиной, и потребовала бы ловкости „артиста". Въ этомъ-то и заключается борьба машинъ противъ ручного труда. Лучше всего отдѣланныя предметы одежды и обуви и теперь еще дѣлаются ручнымъ трудомъ: самыя лучшія палки для игры въ мячъ, удочки и лопатки для игры въ крикетъ заключаютъ очень много высокой ручной работы, хотя довольно красивыя вещи этого рода выдѣлываются во множествѣ машинами. Эти издѣлія, сдѣланныя ручной работой, приготовляются для малой части потребляющей публики, воспитаніе и утонченность вкусовъ которой побуждаетъ ее предпочитать тратить свои деньги на меньшее количество предметовъ, вполнѣ приспособленныхъ по характеру къ своимъ индивидуальнымъ потребностямъ, чѣмъ на большее количество обыденныхъ товаровъ.

Принимая, что промышленная эволюція обезпечитъ все бо́льшую часть потребляющей публики въ обладаніи главныхъ средствъ къ существованію, весьма вѣроятно, что публика будетъ менѣе цѣнить количественное увеличеніе потребленія и разовьетъ въ себѣ такую индивидуальность во вкусахъ, что потребуется индивидуальное производство для ихъ удовлетворенія. Соразмѣрно съ тѣмъ, какъ это будетъ случаться, ручной трудъ или искусство начнутъ играть все бо́льшую роль въ этихъ индустріяхъ и будутъ, пожалуй, въ состояніи оттолкнуть дальнѣйшія поползновенія машины, или даже выгнать ее изъ нѣкоторой индустріальной территоріи, которую она захватила. Но хотя теперь промышленность изготовленія одежды можетъ служить примѣромъ борьбы между искусствомъ и машинами въ области обыкновеннаго матеріальнаго потребленія, не нужно однако полагать, что соціальный прогрессъ исключитъ машины изъ

большинства индустрій, которыя онѣ уже контролируютъ, или помѣшаетъ ихъ приложенію въ тѣхъ индустріяхъ, которыхъ онѣ еще не достигли. Роскошь и фатовская утонченность малой части „фешенебельнаго" общества, освобожденной отъ необходимости работать, не можетъ считаться примѣромъ того, въ какомъ видѣ выработается индивидуальность или качество потребленія въ обществѣ, гдѣ соціальный прогрессъ основанъ на равенствѣ положенія, и гдѣ сила потреблять имѣетъ нѣкоторое справедливое отношеніе къ способностямъ и заслугамъ. Вполнѣ основательно полагать, что въ цѣломъ машины удержатъ или даже укрѣпятъ и расширятъ свое мѣсто въ индустріяхъ, занятыхъ снабженіемъ примитивныхъ нуждъ человѣка—пищи, одежды, крова и другихъ животныхъ комфортовъ. Въ настоящемъ прогрессивномъ обществѣ будутъ стремиться къ такому порядку жизни, чтобы не только обезпечить за каждымъ наибольшее количество личной свободы и проявленія собственной индивидуальности, но къ такому порядку, гдѣ все это будетъ наилучшаго качества. Если слишкомъ много индивидуальности будетъ тратиться на производство и потребленіе пищи, платья и т. д. и на сознательное, утонченное развитіе этихъ вкусовъ, то будутъ пренебрегаться высшія формы индивидуальнаго выраженія въ работѣ и пищи. Изъ-за одной экономіи индивидуальности будетъ стоить оставлять нѣкоторыя отрасли производства подъ контролемъ машины, чтобы энергія, сбереженная благодаря такой рутинной работѣ, могла отдаваться высшимъ проявленіямъ индивидуальности. Удовлетвореніе первичныхъ животныхъ потребностей одинаково у всѣхъ; въ этихъ чисто физическихъ потребностяхъ замѣчается меньше качественной разницы у различныхъ людей; и потому какъ потребности тѣла, такъ и потребленіе будутъ одинаковы. Отсутствіе широкихъ индивидуальныхъ различій во вкусахъ есть признакъ товаровъ, годныхъ для рутиннаго машиннаго производства. Такъ какъ индивидуумы ближе всего сходны другъ съ другомъ въ своихъ первыхъ физическихъ потребностяхъ, то по мѣрѣ того, какъ они постепенно вырабатываютъ высшія матеріальныя потребности, и послѣ того, какъ они имъ удовлетворяютъ, у нихъ остаются еще эстетическія, интеллектуальныя и моральныя потребности, въ которыхъ ихъ индивидуализмъ яснѣе всего проявляется. Поэтому въ самыхъ высоко развитыхъ, или,

какъ ихъ часто называютъ, въ болѣе „искусственныхъ“ потребностяхъ человѣка сильнѣе всего проявляется разнообразіе въ индивидуальномъ характерѣ; и онѣ требуютъ спеціально приспособленнаго удовлетворенія, что̀ можетъ быть достигнуто однимъ только искусствомъ. Въ высокоразвитомъ обществѣ весьма вѣроятно, что многія физическія потребности и нѣкоторыя даже интеллектуальныя будутъ общи всѣмъ и будутъ поглощать мало индивидуальнаго вниманія. Ихъ можно причислить къ рутиннымъ потребностямъ, и онѣ могутъ удовлетворяться машинными издѣліями. По мѣрѣ того, какъ общество, въ которомъ снабженіе потребностей обыкновеннаго матеріальнаго комфорта устроено хорошо, будетъ продолжать развиваться, оно будетъ проявлять все меньше различій въ обыкновенной матеріальной цивилизаціи, потому что индивидуальность, которая когда-то нашла свое выраженіе здѣсь, обратилась теперь къ высшимъ сферамъ дѣятельности. Обогащеніе и расширеніе человѣческой жизни въ такомъ обществѣ несомнѣнно проявляло бы себя въ большемъ сходствѣ между отдѣльными членами въ болѣе низкихъ сторонахъ жизни, но размѣръ индивидуальныхъ различій въ болѣе высокихъ сторонахъ жизни будетъ все болѣе расширяться. Цѣль уравненія въ болѣе низкихъ процессахъ жизни та, чтобы дать возможность выказываться высшимъ индивидуальнымъ различіямъ. Въ такого рода прогрессивномъ обществѣ, гдѣ соціализація и индивидуализація такъ неразрывно срослись вмѣстѣ и реагируютъ другъ на друга, нѣтъ, конечно, опредѣленной границы прогрессу машинъ. По мѣрѣ того, какъ вырабатывается высшая потребность, какая-нибудь болѣе низкая упадетъ въ положеніе рутинной работы и перейдетъ въ надлежащую область машинъ. Но хотя большая часть матеріальныхъ товаровъ несомнѣнно будетъ выдѣлываться машинами, это не значитъ, что искусство будетъ совершенно изгнано изъ того, что̀ обыкновенно называютъ промышленными искусствами. Напротивъ, искусство можетъ во многихъ отношеніяхъ быть другомъ и соучастникомъ машинъ, послѣднія будутъ доставлять рутинное основаніе, на которомъ будутъ разыгрываться индивидуальный вкусъ и индивидуальное потребленіе. Одинъ изъ самыхъ обнадеживающихъ признаковъ послѣднихъ немногихъ лѣтъ, это все большее вторженіе искусства въ машинныя инду-

стріи,—употребленіе искусныхъ рисовальщиковъ и исполнителей, которые должны прельщать и воспитывать глазъ публики къ граціи въ формахъ и гармоніи въ цвѣтахъ. Въ горшечномъ дѣлѣ, въ текстильныхъ желѣзныхъ издѣліяхъ, мебели и во многихъ другихъ отрасляхъ уже чувствуется, что вкусъ публики начинаетъ разбираться въ разнообразіи и украшеніяхъ. Не есть ли это начало культивированія индивидуальнаго вкуса, который вплететъ изящное искусство въ машинную индустрію, удѣляя машинѣ ту работу, которая трудна, отупляюща, опасна, монотонна, невоспитательна, между тѣмъ какъ все, что̀ пріятно, достойно, интересно и воспитательно, будетъ удержано для человѣческаго фактора?

Машины такимъ образомъ естественно приспособлены къ удовлетворенію рутинныхъ потребностей жизни при соціальномъ контролѣ. Машинное производство носитъ, какъ мы уже видѣли, по существу коллективный характеръ. Болѣзни современной машинной индустріи истекаютъ изъ того обстоятельства, что этотъ коллективный характеръ не надлежащимъ образомъ признается, и что машины, оставленныя въ рукахъ частной предпріимчивости и конкуренціи, притѣсняютъ человѣчество и причиняютъ растрату и торговую неустойчивость. Словомъ, высшее раздѣленіе труда еще не достигнуто, т. е. такое, которое удѣлило бы машинѣ коллективное снабженіе рутинныхъ нуждъ жизни, а искусству индивидуальное снабженіе индивидуальныхъ потребностей. Только такимъ путемъ общество можетъ извлекать всю пользу „трудосберегательнаго“ характера машинъ, низводя до минимума количество человѣческой энергіи, занятой уходомъ за машинами, и возводя до максимума количество энергіи, потраченное на свободныя и интересныя занятія. Занятыя удовлетвореніемъ постоянныхъ нуждъ общества подъ контролемъ того же общества, машины не будутъ больше подвергаться тѣмъ страннымъ колебаніямъ въ спросѣ, которыя могутъ неожиданно бросить цѣлыя массы рабочихъ въ безработицу и бѣдность и расточать безконечное количество „сбереженій“. Когда же колебанія въ потребленіи будутъ пріурочены къ области личнаго вкуса, то перемѣны во вкусѣ и растущее разнообразіе потребленія будетъ составлять воспитаніе артиста, который пріобрѣтетъ ловкость и гибкость, свободно слѣдуя измѣняющимся вкусамъ потребителей и направляя ихъ.

Предсказывая будущее, конечно, будетъ безполезно пытаться опредѣлить, насколько искусство будетъ продолжать заниматься индустріей, или насколько, освобожденное отъ многаго машинами, оно поглотится созданіемъ болѣе тонкихъ интеллектуальныхъ или духовныхъ продуктовъ, или того, что́ мы называемъ изящнымъ искусствомъ. Это будетъ зависѣть отъ характера гармоническаго развитія человѣческихъ способностей къ работѣ и наслажденію и отъ взаимодѣйствія этого свободнаго развитія индивидуумовъ въ обществѣ, основанномъ на равенствѣ матеріальныхъ средствъ къ существованію. Изученіе квалитативнаго развитія потребленія въ современномъ обществѣ только теперь начинается признаваться вѣрной исходной точкой экономической науки, такъ какъ хотя многіе изъ старыхъ экономистовъ признавали на словахъ значеніе этой отрасли изслѣдованія, разработка ея осталась для новѣйшихъ мыслителей [1]).

Нельзя считать преувеличеннымъ, если мы скажемъ, что весь соціальный прогрессъ зависитъ отъ замѣщенія количественнаго метода потребленія качественнымъ. Поскольку индивидуумы тратятъ свою увеличенную способность потреблять на спросъ большихъ количествъ тѣхъ же товаровъ, которые они потребляли раньше, или даже на спросъ такого разнообразія модныхъ продуктовъ, которые не приспособлены къ ихъ личнымъ вкусамъ и желаніямъ, они только расширяютъ область машинъ. Поскольку же они развиваютъ свой индивидуальный вкусъ и тонкость вмѣсто количества потребленія, они увеличиваютъ сферу дѣятельности сознательной ловкости, заслуживающей имени искусства.

Но есть и другія стороны этого вопроса, которыя имѣютъ не менѣе важное значеніе. У политико-экономовъ есть одна мрачная формула, которую они называютъ закономъ уменьшающихся результатовъ (Law of Diminishing Returns), который бросаетъ темную тѣнь на промышленный прогрессъ въ томъ смыслѣ, какъ его часто понимаютъ. Чѣмъ

[1]) Трудъ проф. Джевонса объ этой вѣтви экономіи много потерялъ вслѣдствіе его стараній разрабатывать ее чисто математически, т. е. посредствомъ сведенія квалитативныхъ различій къ квантативнымъ, что́ невозможно. Изъ послѣднихъ писателей проф. Пенсильванскаго Университета Паттенъ больше всего способствовалъ систематической разработкѣ экономики потребленія.

больше пищи, одежды, отопленія и другихъ матеріальныхъ продуктовъ намъ нужно, тѣмъ намъ больше приходится искать матеріала и тѣмъ труднѣе его находить; мы должны воздѣлывать худшія, менѣе плодородныя земли, копать болѣе глубокіе рудники для своего угля и желѣза. По мѣрѣ того, какъ растетъ наше населеніе, такъ какъ оно требуетъ все бо́льшихъ пространствъ земли для питанія и поддержанія въ дѣйствіи своихъ машинъ, а также для вырабатыванія все бо́льшаго количества товаровъ, наши естественные источники все больше исчерпываются. Матеріальный міръ ограниченъ, со временемъ природа будетъ истощена, и еще до этого, количество человѣческаго труда, нужнаго для добыванія все бо́льшаго количества сырого матеріала, будетъ сильно превышать выгоды, сопровождающія крупное машинное производство. Эта опасность тоже возникаетъ отъ чисто количественной оцѣнки человѣческаго богатства и человѣческой жизни.

Обращая наше вниманіе на ту отрасль производства, которая занята добываніемъ пищи, и къ которой законъ уменьшающихся результатовъ, повидимому, болѣе всего приложимъ, мы безъ всякихъ затрудненій увидимъ, какъ при помощи прогрессивной дифференціаціи потребленія мы можемъ смягчить и даже совершенно уничтожить дѣйствіе этого закона. Если жители страны настаиваютъ на томъ, чтобы держаться одной узкой формы пищи, и употребляютъ всю свою землю на воздѣлываніе пшеницы и на разведеніе овецъ, они не только расточаютъ всѣ другія хорошія продуктивныя качества, принадлежащія нѣкоторымъ частямъ культивированной и необработанной земли, но каждое увеличеніе ихъ узкаго потребленія заставляетъ ихъ браться за всю худшую землю, вкладывать все больше труда въ одинъ квартеръ пшеницы и въ одну овцу и увеличивать пропорцію ихъ продуктовъ, идущихъ въ качествѣ ренты [1]). Если же съ другой стороны общество культивируетъ разнообразное потребленіе и стремится утилизировать каждую часть своей земли для того рода пищи, которая лучше всего на ней можетъ добываться, вмѣсто того, чтобы отдать всю землю исключительно на пшеницу и овецъ, оно можетъ поразить „скупость природы“, которая даетъ о себѣ знать, когда

[1]) Patten's, Premises of Political Economy.

общество настаиваетъ на постоянномъ расширеніи однѣхъ и тѣхъ же потребностей. И дѣйствительно земля, которая можетъ быть очень плоха для воздѣлыванія пшеницы и для пастбищъ, которая можетъ быть даже „ниже того предѣла, при которомъ стоитъ ее воздѣлывать“ для извѣстныхъ цѣлей, можетъ быть вполнѣ приспособлена для воздѣлыванія другихъ продуктовъ. Большое разнообразіе альтернативныхъ употребленій позволитъ намъ извлечь самое большое количество полезностей изъ природы, и общество, которое вмѣсто расширенія своего спроса на тѣ же товары, выкажетъ свою цивилизацію въ воспитаніи новыхъ потребностей и въ увеличеніи сложности и уровня комфорта, можетъ извлекать изъ земли безграничное количество богатства, не тратя большого труда и не платя болѣе высокой ренты. Это представляетъ еще одинъ примѣръ экономіи, достигаемой раздѣленіемъ труда и спеціализаціей функцій.

Что̀ приложимо къ пищѣ, одинаково приложимо и къ землѣ, доставляющей сырой матеріалъ для всѣхъ другихъ формъ матеріальнаго богатства. Народъ со все растущимъ разнообразіемъ потребленія находитъ все болѣе прибыльныя употребленія для незамѣченныхъ или пренебреженныхъ способностей природы. Соціальный прогрессъ народовъ долженъ главнымъ образомъ опредѣляться количествомъ интеллигентной гибкости ихъ потребленія. Одно только разнообразіе въ потребленіи не есть еще достаточная гарантія прогресса. Нужно постепенно все яснѣе сознавать вѣрныя отношенія, существующія между продуктами, которые могутъ быть самымъ экономнымъ образомъ воздѣлываемы на каждой частицѣ земли, и здоровыми потребностями человѣчества, которое должно стремиться къ полному гармоническому развитію своихъ способностей въ данной физической средѣ. Прогрессивное культивированіе вкусовъ къ крѣпкимъ напиткамъ, хотя можетъ увеличивать количество различныхъ полезныхъ употребленій почвы и можетъ, пожалуй, увеличить общую рыночную стоимость произведеннаго богатства, не способствовало бы однако, какъ это вообще принимается, соціальному прогрессу. Та нація, которая въ своемъ интеллигентномъ стремленіи къ болѣе высокому уровню жизни въ состояніи основательно ассимилировать и гармонизировать наибольшее разнообразіе тѣхъ продуктовъ, для которыхъ ихъ почва и климатъ

наиболѣе приспособлены, такая нація будетъ первой въ промышленномъ прогрессѣ и въ другихъ искусствахъ цивилизаціи, которыя изъ него вытекаютъ.

Дѣло ясное. Уже одно увеличеніе разнообразія въ потребленіи освобождаетъ человѣка отъ напряженности, возложенной на него границами матеріальнаго міра, такъ какъ такое разнообразіе даетъ ему возможность утилизировать бо́льшую часть всей матеріи. Но по мѣрѣ того, какъ къ простому разнообразію мы прибавляемъ лучшую оцѣнку тѣхъ приспособленій матерій, которыя являются результатомъ человѣческой ловкости, и которыя мы называемъ искусствомъ, мы выходимъ изъ предѣловъ матеріи и перестаемъ быть рабами десятинъ и акровъ и закона уменьшающихся результатовъ. Пока мы продолжаемъ воспитывать людей, требующихъ больше пищи, платья и отопленія, мы подчинены ограниченіямъ матеріальнаго міра, и все, что́ мы получаемъ, намъ стоитъ дороже и приноситъ намъ меньше пользы. Но когда мы перестаемъ просить больше товаровъ, а просимъ лучшихъ, болѣе тонкихъ, лучше отдѣланныхъ и гармоническихъ товаровъ, мы можемъ увеличивать наслажденіе, не прибавляя ничего къ расходамъ и не исчерпывая нашего запаса. Какой артистъ не будетъ смѣяться надъ предположеніемъ, что матеріалы его искусства, его краски, его клей, его мраморъ, или все другое, что́ онъ вырабатываетъ, могутъ провалиться, и его искусство придетъ къ концу! Когда мы имѣемъ дѣло съ качественными, т. е. артистическими товарами, мы сразу видимъ, какъ безконечно много труда можетъ быть приложено къ самому малому количеству матеріи и пространства и какъ много мы можемъ оттуда извлечь. Соразмѣрно съ тѣмъ, какъ общество замѣщаетъ количественный уровень жизни качественнымъ, оно освобождается отъ границъ, возлагаемыхъ на человѣка природой. Искусство не знаетъ никакихъ ограниченій въ пространствѣ и размѣрѣ, и по мѣрѣ того, какъ мы достигнемъ искусства въ жизни, мы будемъ свободны.

До сихъ поръ мы касались только реформированнаго потребленія матеріальныхъ продуктовъ. Но народъ движущійся по линіи прогресса, ищущій все болѣе высокой квалитативной жизни будетъ требовать, чтобы все большая пропорція его энергіи посвящалась производству и потребленію интеллектуальныхъ продуктовъ.

Нынѣшній міръ находится въ значительной степени подъ господствомъ машинъ и закона уменьшающихся результатовъ. Дѣлая нашу интеллектуальную жизнь однимъ только сборищемъ знаній, нагромождая одинъ фактъ надъ другимъ, читая одну книгу за другой, прибавляя науку къ наукѣ, стремясь охватить сколько можно знаній, мы становимся только поклонниками количества. Не неестественно, что наша коммерческая жизнь создаетъ такое интеллектуальное потребленіе, и что англійскія и американскія націи въ особенности, больше всѣхъ другихъ развившія у себя машинное производство и квантитативный геній въ торговлѣ, выказываютъ тѣ же вкусы въ своихъ научныхъ занятіяхъ. Скорость, величина, число, стоимость всегда на ихъ устахъ. Посѣтить всякую европейскую столицу въ двѣ недѣли, видѣть цѣлые акры картинъ, соборы, развалины замковъ, извлечь изъ книгъ о путешествіяхъ самую большую массу безсвязныхъ и непереваренныхъ свѣдѣній— вотъ цѣли той части коммерческой жизни, которая отрывается отъ болѣе серьезныхъ занятій, заключающихся въ нагроможденіи тюковъ за тюками хлопчато-бумажныхъ издѣлій и поглатыванія обѣда за обѣдомъ тѣхъ же негармонически подаваемыхъ кушаній.

Наши школы и университеты заняты вырабатываніемъ изъ года въ годъ огромныхъ количествъ самыхъ обыкновенныхъ интеллектуальныхъ издѣлій. Наши журналы, книги и лекціи главнымъ образомъ машинные продукты, приспособленные къ среднему читателю или слушателю, и считаются успѣшными, если имъ удалось вызвать у большого числа лицъ тѣ же чувства, заставить ихъ придерживаться тѣхъ же мнѣній, принадлежать къ одной и той же партіи или ученію, и все это дѣлается съ цѣлью дать имъ возможность потреблять большое количество экземпляровъ одинаковыхъ интеллектуальныхъ товаровъ, вырабатываемыхъ интеллектуальными машинами, вмѣсто того, чтобы пріучить ихъ къ самостоятельному мышленію и чувствованію. Эта опасность, вмѣстѣ съ быстрымъ распространеніемъ печатнаго матеріала, очень серьезная. Къ счастью, и здѣсь тоже замѣчаются нѣкоторыя противодѣйствующія вліянія, силы, стремящіяся къ индивидуализаціи интеллектуальнаго потребленія и, слѣдовательно, къ стимулированію высшихъ искусствъ интеллектуальнаго производства. Въ прогрессивномъ обще-

ствѣ будутъ все яснѣе сознавать, что недостаточно только побуждать людей тратить больше времени и вниманія на интеллектуальное потребленіе; они должны требовать интеллектуальныхъ продуктовъ, спеціально приспособленныхъ къ ихъ индивидуальнымъ потребностямъ.

Обращая большое вниманіе на качество жизни, мы также должны стараться избѣгать моральныхъ болѣзней, вытекающихъ изъ конкуренціи. И дѣйствительно, какая причина антисоціальной конкуренціи? Это ограниченіе въ количествѣ. Двѣ собаки гонятся за одной костью. Два лица хотятъ потребить одинъ товаръ въ одно и то же время. Но даже въ области матеріальныхъ товаровъ, чѣмъ больше потребленіе станетъ качественнымъ, и чѣмъ больше каждый индивидуумъ будетъ настаивать на удовлетвореніи своихъ специфическихъ вкусовъ, тѣмъ меньше вѣроятности будетъ, что два человѣка столкнутся въ своихъ желаніяхъ и будутъ бороться за обладаніе однимъ и тѣмъ же товаромъ. Даже въ предметахъ искусства, все еще связанныхъ съ матеріей, среди настоящихъ любителей искусства индивидуальность такъ рѣзко выдается, что смягчаетъ антагонизмъ конкуренціи, такъ какъ два человѣка не будутъ имѣть совершенно одинаковыхъ вкусовъ, не одинако оцѣнятъ предметъ, и слѣдовательно не будутъ стремиться съ одинаковой алчностью къ обладанію однимъ и тѣмъ же воплощеніемъ искусства. Когда мы подымаемся къ чисто интеллектуальнымъ или моральнымъ наслажденіямъ, мы находимъ, что конкуренція уступаетъ мѣсто благородному соперничеству въ конкуренціи. Въ погонѣ за знаніемъ или добротой соперничество больше не является антагонизмомъ: что одинъ выигрываетъ, другой не теряетъ. Успѣхъ одного человѣка не означаетъ неудачи другого. Наоборотъ, обогащеніе одного есть обогащеніе всѣхъ. Въ производствѣ, также какъ и въ потребленіи высшихъ продуктовъ знанія искусства и добродѣтели, стимулами являются соціальные, а не антисоціальные мотивы. Въ высшихъ формахъ потребленія, въ проявленіяхъ самыхъ благородныхъ искусствъ жизни, въ наслажденіи отъ самыхъ тонкихъ интеллектульныхъ и духовныхъ продуктовъ нѣтъ чисто эгоистическаго потребленія. Такъ, хотя при этомъ достигается самая высокая степень индивидуальности, наслажденіе одного индивидуума невозможно безъ постоянной и увеличивающейся помощи

другихъ умовъ и вдохновляющаго духа времени; наслажденіе такимъ знаніемъ состоитъ во все болѣе широкомъ сообщеніи его другимъ; занятіе и наслажденіе искусствомъ доброты необходимо должно имѣть соціальный характеръ, потому что хорошая жизнь возможна только въ обществѣ. Спиноза хорошо резюмировалъ эту истину говоря: „Высшая доброта обща всѣмъ, и всякій можетъ одинаково ей пользоваться". Оказывается такимъ образомъ, что высшіе продукты по существу въ одно и то же время индивидуальны и соціальны, что́ опять указываетъ на достиженіе высшаго синтеза, въ которомъ антагонизмъ между „однимъ" и „всѣми", выказывающійся въ низшихъ областяхъ конкуренціи труда и наслажденія, исчезаетъ.

Одно необходимое условіе прогрессивной жизни нельзя игнорировать. Человѣческая жизнь должна стать болѣе квалитативной не только въ своей функціональной дѣятельности, но и въ своемъ физическомъ основаніи. Величіе и достоинство общества проявляется не въ числѣ его членовъ, но въ ихъ характерѣ. Если число лицъ въ обществѣ постоянно растетъ, то никакая реформа въ способахъ потребленія не можетъ препятствовать постоянному увеличенію пропорціи человѣческой энергіи, которую нужно потратить на производство первыхъ предметовъ необходимости, которыя, не смотря на всякіе усовершенствованные способы обращенія съ природой, останутся все-таки подъ господствомъ закона уменьшающихся результатовъ, и такимъ образомъ все меньше и меньше энергіи можно будетъ расходовать на удовлетвореніе разнообразныхъ и тонкихъ родовъ потребленія, и на выработку высокой индивидуальности, и на умственный и моральный ростъ. Проф. Геддисъ хорошо выразилъ важность этой истины: „Спасеніе лежитъ въ возвышеніи индивидуальности, т. е. если бы удерживали излишнее размноженіе, мы должны были бы поднять средній уровень индивидуальности во всемъ обществѣ. Населеніе не только стремится жить выше средствъ къ существованію, но къ вырожденію ниже уровня средствъ къ существованію, такъ что если мы будемъ направлять все бо́льшую и бо́льшую часть нашей промышленности отъ тѣхъ формъ богатства, которыя только поддерживаютъ жизнь, къ тѣмъ, которыя вызываютъ ее, отъ увеличенія основныхъ потребностей животной жизни къ самымъ высокимъ примѣненіямъ чело-

вѣческой культуры, то результатомъ этого непремѣнно явится вырожденіе“ [1]).

Остается разсмотрѣть еще одно послѣднее условіе. Современное крупное производство увеличило и болѣе рѣзко отдѣлило искусство производства отъ искусствъ потребленія. Трудъ все больше дифференцировался отъ наслажденія, и двоякимъ образомъ. Современная машинная индустрія на первомъ планѣ обострила различіе между „рабочими классами“, имя которыхъ указываетъ, что ихъ первая функція заключается въ томъ, чтобы работать, а не жить, и зажиточными классами, главная функція которыхъ—жить, а не работать, и частная предпріимчивость въ машинной индустріи еще сильно увеличила это различіе. Крайность этихъ двухъ классовъ рельефнѣе всего рисуетъ отдѣленіе труда отъ жизни. Но такъ какъ трудъ и наслажденіе составляютъ двѣ человѣческія функціи, онѣ должны быть органически связаны другъ съ другомъ въ жизни каждаго индивидуума въ здоровомъ обществѣ. Нужно признать, что для потребителя такъ же существенно важно производить, какъ для производителя—потребить. Попытка со стороны индивидуума или класса обойти физическій и моральный законъ, ставящій извѣстное количество личныхъ упражненій условіемъ здороваго потребленія, никогда не можетъ увѣнчаться успѣхомъ. Въ области физическаго здоровья д-ръ Арлиджъ въ своей книгѣ «The Diseases of Occupation» указываетъ на большую болѣзненность и смертность незанятыхъ классовъ въ тотъ періодъ ихъ жизни, когда они оставляютъ свою добровольную ревность къ упражненіямъ и начинаютъ вести бездѣятельную жизнь, которую ихъ экономическая сила имъ позволяетъ. Человѣкъ съ „независимыми средствами къ жизни“ не можетъ въ среднемъ удержать жизнь въ своемъ организмѣ такъ долго, какъ полуголодный, почти бездомный земледѣльческій рабочій, трудъ котораго даетъ богачу его средства, обусловливающія его бездѣятельность. Тотъ же законъ справедливъ и для интеллектуальнаго міра. Дилетантъ, стремящійся извлекать возможно больше умственныхъ или эстетическихъ наслажденій изъ книгъ, или картинъ, или же путешествій, не стараясь самъ прилагать къ чему-либо свои собственныя умственныя усилія, не достигаетъ чисто умственной жизни, потому что одинъ

[1]) Проф. Patrick Geddes, Claims of Labour. Ср. The Evolution of Sex, гл. XX. (Contemporary Science Series: Walter Scott).

только автоматическій процессъ собиранія знаній другихъ для личнаго потребленія, безъ всякаго старанія самому увеличить запасъ знаній, раздуваетъ и ослабляетъ умъ и мѣшаетъ здоровому пищеваренію и ассимиляціи.

То же необходимое зло вытекаетъ отъ рѣзкаго раздѣленія процессовъ производства и потребленія въ индивидуальной жизни рабочаго. Индустрія, которая такъ однообразна, обременительна, неинтересна, невоспитательна, которая сама по себѣ не включаетъ никакихъ элементовъ наслажденія, не можетъ вознаграждаться промежуточными переходами потребленія и отдыха. Непріятное усиліе, вовлеченное въ каждомъ трудѣ, и упражненіе должно быть связано нѣкоторыми элементами интереса и удовольствія при работѣ же. Отсутствіе этихъ элементовъ и осуждаетъ машинную работу съ человѣческой точки зрѣнія, и ихъ присутствіе составляетъ отличительную черту каждаго искусства. Поэтому въ прогрессивномъ обществѣ мы не должны ожидать уничтоженія машинъ, но уменьшенія машинной работы, сопровождающей растущее усовершенствованіе машинъ, такъ чтобы искусства могли поглощать все бо́льшую часть человѣческой энергіи.

Искусства производства и потребленія окажутся въ развитіи здороваго промышленнаго общества нераздѣльными: они не только будутъ органически связаны, но явятся двумя сторонами одного и того же факта, вогнутой и выпуклой стороной жизни. И дѣйствительно, правильно устроенная жизнь приноситъ съ собой единство жизни, т. е. безпрерывное поглощеніе и израсходованіе здоровой энергіи. Этотъ выводъ не „сентиментализма“, а наука находитъ свое сильное буквальное и точное выраженіе въ словахъ одного изъ крупныхъ современныхъ мыслителей: „Жизнь безъ работы есть преступленіе, а работа безъ искусства есть безчеловѣчность“. По мѣрѣ того, какъ истина этой послѣдней фразы будетъ находить полное признаніе, будутъ исчезать условія, дѣлающія „жизнь безъ работы“ возможной. Найдутъ, что все въ человѣческомъ прогрессѣ будетъ зависѣть отъ прогрессивнаго пониманія характера хорошаго „потребленія“. По мѣрѣ того, какъ наши вкусы будутъ становиться настолько качественными, что мы пожелаемъ влагать нашъ собственный произволъ, наше чувство красоты и приспособленности, нашу жизненную

силу во все, что́ мы бы ни дѣлали, и будемъ требовать тѣхъ же элементовъ произвола и красоты во всемъ, что́ мы потребляемъ, мы будемъ приближаться къ состоянію экономически совершеннаго общества.

Это предсказаніе соціальной и промышленной судьбы оправдывается осмысленнымъ истолкованіемъ тенденцій, замѣчающихся въ развитіи современной индустріи. Какъ быстро прогрессъ будетъ двигаться по направленію къ такому идеалу, или насколько этотъ прогрессъ встрѣтитъ препятствія или будетъ поврежденъ новыми тенденціями или укрѣпленіемъ старыхъ, лежитъ внѣ предѣловъ нашего разсужденія. Попытка прослѣдить отношеніе промышленнаго развитія къ болѣе широкимъ движеніямъ человѣческой жизни выдвигаетъ двѣ тенденціи, дѣйствіе которыхъ, засвидѣтельствованное современной исторіей, находится въ полномъ согласіи съ общимъ ходомъ развитія соціальной и индивидуальной жизни и съ отношеніями, существующими между ними.

По мѣрѣ того, какъ современныя промышленныя общества развиваются, они обнаруживаютъ нѣкоторыя матеріальныя потребности, которыя общи всѣмъ или большинству членовъ и менѣе подвержены колебаніямъ въ количествѣ спроса, чѣмъ другія. Эти рутинныя потребности, представляющія самую обыкновенную часть потребленія, могутъ самымъ экономнымъ образомъ быть удовлетворены посредствомъ высоко организованныхъ машинъ и концентрированныхъ способовъ производства. Но, пока машины для удовлетворенія общихъ потребностей находятся внѣ общаго контроля и работаютъ въ пользу частей общества, интересы которыхъ сталкиваются другъ съ другомъ, равно какъ съ интересами всего общества, работа машинъ связана съ огромнымъ количествомъ растраты и опасности и порождаетъ серіозныя соціальныя болѣзни. Эти болѣзни вызываютъ въ наилучше упорядоченныхъ и наиболѣе интеллигентныхъ обществахъ все болѣе сильный общественный контроль. Этотъ публичный контроль укрѣпляется и распространяется соразмѣрно съ той силой монополіи, которую высоко организованная структура индустріи даетъ своимъ администраторамъ по отношенію къ своимъ рабочимъ, равно какъ по отношенію къ цѣнѣ и качеству товаровъ, которые предлагаются публикѣ. Такія индустріи, которыя развиваютъ эти экономическія силы

монополіи въ самой высокой степени и удовлетворяютъ первымъ потребностямъ или удобствамъ обыденной жизни, постепенно переходятъ общественныя индустріи, организованныя для блага всего общества. Кажется вѣроятнымъ, что всѣ важныя машинныя индустріи, занятыя удовлетвореніемъ обыкновенныхъ рутинныхъ потребностей, будутъ постепенно вырабатывать у себя отличительныя черты монополіи, вытекающія изъ крупнаго производства, и будутъ постепенно переходить черезъ различныя фазы общественнаго контроля, пока онѣ окончательно не превратятся въ общественныя индустріи.

Такъ называемое соціалистическое движеніе въ промышленности представляетъ собой растущую сцѣпленность современныхъ обществъ. Во всѣ времена замѣчалась сильная естественная тенденція удовлетворять общія потребности общими усиліями. Пока общія потребности въ ихъ болѣе широкомъ значеніи сводятся только къ защитѣ личности и нѣкоторыхъ формъ личной собственности, государственная работа ограничена этими охранительными предѣлами, и дѣло производства общаго богатства, поскольку оно существуетъ, предоставляется деревенскимъ обществамъ или другимъ малымъ единицамъ соціальной организаціи. Съ увеличеніемъ числа постоянныхъ элементовъ общаго потребленія, будетъ также расти общая организація, снабжающая эти элементы потребленія, и тамъ, гдѣ это снабженіе было съ самаго начала оставлено въ рукахъ частной предпріимчивости, злоупотребленіе силой и растущія неудобства конкуренціи будутъ гнать ихъ въ общественную индустрію. Но такъ какъ самый raison d'être увеличенной соціальной сцѣпленности состоитъ въ томъ, чтобы экономизировать и обогащать индивидуальную жизнь и чтобы дать возможность индивидуальной энергіи принять болѣе высокія формы, изъ которыхъ вытекало бы болѣе индивидуальное потребленіе, то все больше и больше человѣческихъ усилій будутъ посвящаться такимъ индустріямъ, которыя будутъ оставлены личной иниціативѣ и контролю, и искусствамъ, въ которыхъ свобода и личный произволъ найдетъ свое выраженіе въ физической и моральной красотѣ, въ совершенствѣ и достиженіи интеллектуальной истины. Безконечное разнообразіе, которое эти формы артистическаго выраженія могутъ принять, про-

никнутыя индивидуальностью художника, будетъ мѣшать имъ сдѣлаться „рутинными“ или „обыденными“ индустріями, хотя даже въ изящныхъ искусствахъ будутъ нѣкоторые элементы, которые, по мѣрѣ того, какъ они будутъ входить въ общее употребленіе, будутъ терять индивидуальный интересъ и такимъ образомъ перейдутъ въ состояніе рутинной дѣятельности. Идея безпрерывности человѣческаго прогресса требуетъ того, чтобъ мы это допустили. Но такъ какъ каждое поползновеніе рутины къ „изящнымъ искусствамъ“ мотивируется предшествовавшимъ уже перенесеніемъ интереса потребителя къ формамъ болѣе высокой утонченности, то индивидуальная способность къ артистической работѣ отъ этого только выиграетъ, а не потеряетъ. Въ каждомъ родѣ человѣческой дѣятельности прогрессъ рутинной индустріи будетъ необходимымъ условіемъ расширенія индивидуальной свободы выраженія. Но въ то время, какъ выборъ и контроль каждой высшей формы „индустріи“ будетъ оставаться индивидуалистическимъ, моральныя узы общества будутъ находить все болѣе полное признаніе, и работа „артиста“ будетъ также все болѣе служить дѣлу его собратьевъ. Такимъ образомъ сохранится балансъ между соціальной и индивидуальной работой, между тѣмъ какъ число потребностей будетъ увеличиваться, и онѣ пріобрѣтутъ различныя значенія вмѣстѣ съ прогрессомъ соціальной и индивидуальной жизни.

КОНЕЦЪ.

Изданія О. Н. ПОПОВОЙ.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Изданіе будетъ выходить серіями, по одной въ годъ, заключающими каждая 10 книжекъ по 7—12 печатныхъ листовъ небольшого формата плотной печати.

Задача „Образов. Библ."—дать рядъ общедоступно составленныхъ книгъ по всѣмъ отраслямъ научнаго знанія. Естествознаніе во всемъ его объемѣ, философія и ея исторія, психологія, этика и эстетика, исторія культуры и соціологія, политическая экономія и правовѣдѣніе, исторія литературы и искусства—всѣ эти отрасли будутъ представлены въ „Образов. Библ." Редакція будетъ стремиться къ тому, чтобы въ выпускаемыхъ ею книгахъ научность содержанія сочеталась съ живымъ и легкимъ изложеніемъ. Изъ послѣдовательнаго ряда сочиненій получится систематическое въ извѣстной степени цѣлое, но эта систематичность цѣлаго отнюдь не будетъ чисто внѣшней и не помѣшаетъ читателю свободно выбирать то, что въ данный моментъ всего болѣе соотвѣтствуетъ его интересамъ и образовательному уровню.

Серія 1898 года.

Въ эту серію войдутъ, между прочимъ, слѣдующія сочиненія: **Гумпловичъ. Основанія соціологіи.** Перев. съ нѣмецк. подъ ред. прив.-доц. В. М. Гессена. **Болинъ. В. Спиноза, его жизнь и философія.** Перев. съ нѣм. З. Н. Журавской. **Парвусъ. Міровой рынокъ и сельскохозяйственный кризисъ. Мильталеръ. Что такое красота.** Введеніе въ эстетику. Перев. З. А. Венгеровой. **ЧЕМБЕРСЪ. Солнечная система. Ланглуа и Сеньобосъ. Введеніе въ изученіе исторіи** и др.

2-ая серія составитъ **около 100 печатныхъ листовъ (до 1.600 страницъ)** небольшого формата плотной печати.

Цѣна по подпискѣ 4 р., съ перес. 5 р.

Серія 1897 года.

№ 1 и 2. **Э. Клоддъ,** три сочиненія: **Картина міра** (представляетъ мастерское обозрѣніе жизни земли, какъ цѣлаго, развитія растительнаго и животнаго міра и краткое изложеніе эволюціонной теоріи). **Дѣтство человѣчества** (представляетъ сжатый очеркъ доисторическаго быта и человѣческой культуры). **Піонеры эволюціи XIX в.** (представляетъ заключительныя главы извѣстнаго сочиненія Эд. Клодда, вышедшаго въ 1897 г.; въ нихъ излагается преемственная связь и постепенное развитіе эволюціонной теоріи въ сочиненіяхъ главнѣйшихъ представителей ея Уоллеса, Дарвина, Спенсера и Гексли). Всѣ три части представляютъ убористый томъ въ 488 стр. съ 93 рис. Цѣна въ отдѣльной продажѣ 1 р.

№ 3. **Д. Чемберсъ. Повѣсть о звѣздахъ**—представляетъ интересное обозрѣніе современныхъ свѣдѣній о небѣ (за исключеніемъ **солнечной системы**, изложеніе которой появится во второй серіи), иллюстрированное 20 рис. и 2 картами всего звѣзднаго неба. 132 стр. Ц. въ отдѣльной прод. 40 к. Учен. Комит. М. Нар. Просв. **рекомендована** для ученич. библіотекъ (старш. и средн. возр.) средн. учебн. заведеній, мужскихъ и женскихъ, и для безплатн. народн. библіотекъ и читаленъ.

Дюрингъ, Е. Великіе люди въ литературѣ. Критика современной литературы съ новой точки зрѣнія Перев. съ нѣм. Ю. М. Антоновскаго. Спб. 97 г. Ц. 3 р. 50 к.

Жюссеранъ. Исторія англійскаго народа въ его литературѣ. Переводъ съ французскаго. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.

Карѣевъ, Н. И. Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Спб. 1895 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Карѣевъ, Н. Введеніе въ курсъ исторіи древняго міра (Греція и Римъ). Спб. 1895 г. Цѣна 40 к.

Каталогъ Библіотеки Черкесова. (О. Н. ПОПОВОЙ). Русскій отдѣлъ. Съ указаніемъ содержанія книгъ, гдѣ это необходимо для справокъ, а также съ указаніемъ мѣста и времени изданія и цѣнъ. Спб. 1897 г. Ц. 2 р. 50 к.

Крепелинъ, Эмиль, проф. **Гигіена труда.—Умственный трудъ.—Переутомленіе.** Перев. съ нѣм. Спб. 98 г. Ц. 30 к.

Кривенко, С. На распутьи. Культурные колонисты и одиночки. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Круковскій, М. Самоучитель фотографіи и приготовленіе картинъ для волшебнаго фонаря. Краткій практическій курсъ для фотографовъ-любителей. Содержаніе: Фотографическій аппаратъ. Установка и съемка. Негативный процессъ. Фиксированіе. Моментальный аппаратъ. Позитивный процессъ. Процессъ діапозитивный и раскрашиваніе картинъ. Увеличеніе изображеній. Ретушь. Съемка при свѣтѣ магнія. Прозрачныя картины для волшебныхъ фонарей. Спб. 98. Ц. 60 к.

Леббокъ, Д. Какъ надо жить. (The use of life). Пер. съ англійскаго Д. Коропчевскаго. Спб. 1895 г. Цѣна 80 к. (Распродано).

Летурно, Ш. Соціологія, основанная на этнографіи. Вып. I. Съ 53 рис. Спб. 1896 г. Цѣна 60 коп. Выпускъ. II. Съ 61 рис. Спб. 1897 года. Ц. 1 руб.

Вып. III (послѣдній). Спб. 1898 г. Съ 39 рис. Ц. 90 к.

Ли, Іонасъ. Ніобея. Ром. Пер. О. Поповой. Спб. Цѣна 60 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Три конца. Уральская лѣтопись. Спб. 1895г Цѣна 2 р.

Михайловскій, Н. К. Критическіе опыты. III. Іоаннъ Грозный въ русской литературѣ.—Герой безвременья. Спб. 1895 г. Цѣна 1 р.

Фритіофъ Нансенъ. Во мракѣ ночи и во льдахъ. Путешествіе норвежской экспедиціи на кораблѣ „Фрамъ“ къ сѣверному полюсу. Полный переводъ, подъ ред. Н. Березина. Въ 2-хъ томахъ, Съ 183 рисунками и 4 картами. Спб. 1897—1898. Ц. 4 рубля, съ пересылкой 5 р. Учен. Ком. М. Нар. Пр. **рекомендовано** для фундамент. и ученич. старш. возраста библ. мужск. и женск. средн. учебн. заведеній для библ. учит. институтовъ и семинарій и для безпл. народн. библ. и читаленъ.

Наумовъ, Н. И. Собраніе сочиненій. 2 т. Спб. 1897 г. Ц. 3 р.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. Волчья сыть, ром. въ 3-хъ ч. Спб. 1897 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Нитти, Ф. С. Народонаселеніе и общественный строй Перев. съ франц. О. Н. Поповой подъ ред. Д. Коропчевскаго. Спб. 98г. Ц. 1 р. 25 к.

Острогорскій, Викторъ. Изъ исторіи моего учительства. Какъ я сдѣлался учителемъ (1851—1864 г.). Спб. 1895 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Пругавинъ, А. С. Законы и справочныя свѣдѣнія по начальному народному образованію. Общія положенія.—Начальн. народн. училища.—Дополнит. постановленія и распоряженія относительно Училищныхъ Совѣтовъ.—Участіе въ дѣлѣ народн. образов. земствъ, городовъ и сельскихъ обществъ.—Инструкція для двухклас. и одноклас. сельскихъ училищъ М. Нар. Просв.—Инструкція директорамъ и инспекторамъ народн. училищъ.—Народныя училища въ Западномъ краѣ, на Кавказѣ, въ Остзейскихъ губерніяхъ и Царствѣ Польскомъ.—Уѣздныя и городскія училища.—Городск. начальн. училища въ С.-Петербургѣ.—Положеніе о начальн. городскихъ училищахъ въ Москвѣ.—Воскресныя школы.—Частныя учебныя заведенія и домашнее обученіе. — Фабричныя школы. — Каталогъ книгъ для употребленія въ низшихъ училищахъ М. Нар. Просв. и для публичныхъ народныхъ чтеній.—Церковно-приход. школы и школы грамоты.—Учительскіе институты, семинаріи и школы.—Педагогическіе курсы для учителей и учительницъ народныхъ училищъ. — Статистическія свѣдѣнія о начальн. народн. образов. въ Россіи. — Городск. и обществен. публичныя библіотеки.—Безплатн. народн. читальни.—Публичныя чтенія для народа.—Изданіе книгъ, журналовъ и газетъ.—Типографіи и литографіи.—Книжная торговля.—Общества, содѣйствующія начальн. народн. образованію.—Общества трезвости.—Попечительства о народной трезвости.—Театръ и литературно-музыкальные вечера для народа.—Дополненіе. Программы начальн. народн. училищъ М. Нар. Просв. Спб. 98. Ц. 3 р. 50 к.

Элизе Реклю. Земля и люди. (Всеобщая географія). Изданіе это представляетъ собою переводъ извѣстнаго сочиненія—Geographie Universelle—Реклю **въ той его части, которая заключаетъ въ себѣ полное описаніе всѣхъ европейскихъ государствъ** (Германія, Франція, Великобританія, Италія, Швейцарія, Австро-Венгрія, Испанія, Португалія, Бельгія, Голландія, Швеція, Нервегія, Данія и государства Балканскаго полуострова и Соединенные Штаты Сѣверной Америки) ихъ географіи, населенія, происхожденія его и быта, государственнаго устройства и общественной жизни.

Каждый выпускъ будетъ снабженъ дополнительнымъ подробнымъ описаніемъ государственнаго устройства, библіограф. указателемъ лучшихъ книгъ и журнальныхъ статей, имѣющихся на русскомъ языкѣ по вопросамъ географіи, этнографіи, статистики, исторіи, полит. устройства, хозяйственной и общественной жизни и изящной литературы каждой страны, а также всѣми необходимыми примѣчаніями и добавленіями. (Статистическія цифры населенія, торговли и проч. будутъ доведены до послѣдняго времени).

Вышли изъ печати: Вып. I. **Швеція и Норвегія,** перев. съ франц. **П. Краснова,** 76 рисунковъ, съ прилож. очерка государ. устройства и библіографич. указат. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

В. II. **Бельгія и Голландія,** перев. съ франц. **П. Краснова,** 67 рисунковъ и 9 чертежей. Съ приложен. очерка государ. устройства обоихъ государствъ и статистическихъ свѣдѣній, составл. **Д. Протопоповымъ,** и библіографич. указателемъ. Спб. 1897 г. Ц. 1 руб.

В. III. **Соединенные Штаты.** Часть первая. Перев. съ франц. подъ ред. Н. Березина. 70 рисунковъ и 12 схематическихъ картъ въ текстѣ. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Желающіе пріобрѣсти изданіе полностью могутъ заявить въ контору и имъ каждый выпускъ по выходѣ будетъ отсылаться наложеннымъ

Диккенсъ, Ч. Блестящая будущность. (Great expectation). Сокращ. перев. съ англ. А. Н. Энгельгардтъ. Съ 10 оригин. рисунками. Спб 1898. Ц. 1 р.

Доброе сѣмя. Сборникъ стихотвореній. Спб. 1898. Ц. 25 к.

Тальботъ. Старшины Вильбайской школы. Изъ жизни англійскихъ школьниковъ. Перев. съ англ. М. Шишмаревой. Съ 23 рисунками. Спб. 1898. Ц. 1 р.

Для младшаго возраста.

Гекторъ Мало. «Безъ семьи». Пер. съ франц. М. Круковскаго съ 27 рисунками. Спб. 1897 г. Ц. 50 к., въ папкѣ 60 к.

100 разсказовъ изъ жизни животныхъ. Изд. 2-ое, печатано безъ перемѣнъ съ 1-го изд., Учен. Комит. М. Н. П. допущеннаго въ ученич. библ. средн. учебн. заведеній для младш. возраста и ученич. библ. низшихъ училищъ. Перев. съ англ. З. Журавской. 53 рис. Спб. 1898. Ц. 50 к.; въ папкѣ 60 к.

Утренняя заря. Сборникъ стихотвореній. Спб. 1898. Ц. 20 к.

Народная библіотека.

Бунинъ, И. На край свѣта.—Кастрюкъ. Разсказы. Спб. 1897 г. Ц. 10 к

Маминъ-Сибирякъ, Д. Исповѣдь. Разсказъ. Спб. 1897 г. Ц. 5 к.

Рубакинъ, Н. Приключенія двухъ кораблей, или разсказы о царствѣ вѣчнаго холода. Учен. Ком. М-ва Нар. Пр. рекомендована для уч. мл. возр. библ. сред. учеб. зав., для уч. библ. нач. школъ и для безпл. нар. читаленъ. Съ 34 рис. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

Рубакинъ, Н. А. Разсказы о великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы. Изданіе 3-е. Печ. безъ перемѣнъ съ 1-го изданія, допущ. въ учен. библ. нар. училищъ М-омъ Нар. Просв. Со многими рисунками. Спб. 1896 г. Ц. 18 к.

Разсказы о разныхъ странахъ и народахъ.

Книга I.—**Страна восходящаго солнца.** Разсказы о Японцахъ. Д. Шрейдера. Съ 20 рис. Спб. Ц. 20 к.

Книга II.—**Якутскіе разсказы.** В. Сѣрошевскаго. Съ 19 рисунками. Спб. 1898. Ц. 40 к.

Иногороднихъ просятъ обращаться исключительно въ контору изданій.

Складъ изданій О. Н. Поповой—Спб., Невскій, д. 54.

Каталогъ изданій по требованію высылается безплатно.

Пересылка изданій за счетъ конторы по Европейской Россіи, и по линіямъ желѣзныхъ дорогъ въ остальныхъ частяхъ Имперіи пересылка изданій: Добролюбовъ, Нансенъ и выходящихъ по подпискѣ за счетъ покупателя.

Дозвол. Ценз. Спб. 14 Марта 1898 г. Типогр. А. Пороховщикова. Бассейн., 3—5.

НОВЫЯ ИЗДАНІЕ О. Н. ПОПОВОЙ.

ФРАНЧЕНКО С. НИТТИ. Народонаселеніе и общественный строй. Перев. съ франц. подъ ред. **Д. Коропчевскаго.** Спб. 98 г. Ц. 1 р. 25 к.

ДЕМОРЪ, МАССАРЪ И ФАНДЕРФЕЛЬДЕ. Регрессивная эволюція въ біологіи и соціологіи. Перев. съ франц. подъ ред. **Д. Корапчевскаго и В. Фаусека.** Спб. 98 г. Ц. 1 р. 25 к.

В. СѢРОШЕВСКІЙ. Въ Сѣтяхъ. Повѣсть. Съ 19 иллюстраціями **С. М. Дудина и Н. И. Ткаченка.** Спб. 98 г. Ц. 80 к.

Принимается подписка на новыя изданія О. Н. Поповой.

I) подъ редакціей *Г. Фальборжа* и *В. Чарнолускаго*

1) Э. Левассеръ. Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ.

Въ составленіи книги участвовали проф. **Г. Майръ, Бленкъ Бодіо и** многр. друг. выдающіеся статистики и государственные дѣятели. Книга раздѣляется на 2 части: первая заключаетъ въ себѣ описаніе положенія народнаго образованія въ отдѣльныхъ странахъ, вторая даетъ общій сравнительный очеркъ этого положенія.

Къ книгѣ будутъ приложены статьи: **Народное образованіе въ Швейцаріи** Г. Фальборка и В. Чарнолускаго, съ діаграммами и иллюстраціями: 2) **Народное образованіе въ Финляндіи.** В. Ю. Скалона; 3) **Народное образованіе въ Россіи.** Очеркъ редакторовъ.

Все изданіе выйдетъ двумя выпусками и заключаетъ около 45 печатн. листовъ. Первый выпускъ выйдетъ въ апрѣлѣ 1898 года.

ЦѢНА за оба выпуска: по подпискѣ **2** р. **50** к. безъ перес. и **3** р. **25** к. съ пер.

2) М. Гюйо. Исторія и критика современныхъ англійскихъ ученій о нравственности.

Переводъ Н. Южина.

Около 25 печ. листовъ. Выйдетъ въ апрѣлѣ 1898 года.
Цѣна по подпискѣ: 1 руб. безъ пересылки и 1 руб. 30 коп. съ пересылк.

II. Подъ редакціей Д. Протопопова.

ФИНЛЯНДІЯ

При участіи *И. Андреева* (псевд.), *В. Валлина, Г. Вихмана, А. Гранфельта О. Грундстрема, Я. Клерикуса* (псевд.), *К. Лейно, Э. Неовіуса, Д. Протопопова, В. Скалона*, г-жи *Т. Хультинъ, Т. Форселя*, г-жи *М. Фриберъ* и *Э Эрико. Содержаніе*: Географическій очеркъ.—Политическое положеніе Финляндіи и современный финляндскій вопросъ. — Административное и судебное устройство.—Церковное устройство и религіозныя движенія.— Финансы.—Промышленность и торговля.—Сельское хозяйство.—Сельское населеніе.—Положеніе фабричныхъ рабочихъ.—Низшее и среднее образованіе.—Университетъ и студенческая жизнь.—Наука.—Національное движеніе и партіи.—Періодическая печать. — Борьба съ пьянствомъ. — Общественная жизнь.—Призрѣніе бѣдныхъ.

Не менѣе 25 печатныхъ листовъ. Иллюстраціи. Цѣна по подпискѣ 2 р. 50 к., съ перес. 3 руб. Цѣна по выходѣ (въ теченіе апрѣля 1898 г.) 3 р. 50 к.

III. Подъ редакціей К. Пятницкаго

три роскошно - иллюстрированныя изданія:

1) Клейнъ. Астрономическіе вечера.

Съ четвертаго изд.—47 портретовъ, 4 цвѣтныхъ табл., 9 картъ луны, марса и пр. Около 250 иллюстр.—Дополненія, просмотрѣнны проф. Глазенапомъ.—Книга поступила въ продажу. Цѣна въ отд. прод.—2 рубля.

2) Клейнъ. Прошлое, настоящее и будущее вселенной.

Около 150 иллюстр. Раскрашенныя таблицы. Портреты.

3) Юнгъ. СОЛНЦЕ.

Около 150 иллюстр. Нѣсколько раскраш. таблицъ.

Подписная цѣна за 3 книги—3 р. 20 к., съ перес.—4 р. Разсрочка: при подпискѣ 1 р. 20 к.—2 р., при получ. 1 книги—1 р., при пол. 2 кн.—1 р.

ПОДПИСКА на всѣ эти книги принимается въ конторѣ изд. О. Н. Поповой: СПбургъ, Невскій, 54.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

1) Ш. Сеньобосъ. Политическая исторія современной Европы.

Эволюція партій и политическихъ формъ.

Переводъ съ французскаго подъ ред. *В. Поссе.*

Съ портретами **Гладстона, Бисмарка, Лассаля, К. Маркса, Кошута, Бебеля, Виндгорста, Евг. Рихтера, Энгельса** и мног. друг. политическихъ дѣятелей. 2 тома.—Цѣна 4 р.

2) К. Гуго. Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ самоуправленіи.

Подъ ред. Д. Протопопова.

Цѣна 1 р. 50 к. Книга знакомитъ съ постепеннымъ расширеніемъ сферы городск. хозяйства подъ вліяніемъ необходимости и новѣйшихъ экономическихъ ученій.

Выписывающіе изъ склада О. Н. Поповой (Невскій 54) за пересылку не платятъ.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Подъ редакціей *Г. Фальборка* и *В. Чернолускаго.*

1. **Настольная книга по народному образованію.** Г. Фальборка и В. Чарнолускаго. Сборникъ законовъ, распоряженій, справочныхъ свѣдѣній и т. д. 2. Э. Энгель. **Собраніе сочиненій.** Съ портретомъ и біографіей автора. 3. М. Гюйо. **Собраніе сочиненій.** 4. М. Леклеркъ. Воспитаніе и общество въ Англіи.

Дозволено ценз. 18 марта 1898 г.

Тип. А. Пороховщикова. Бассейная, 3—5